

АНДРЕЙ
НОРТОН

АНДРЕЙ
НОРТОН

КОЛДОВСКОЙ
МИР

АНДРЕЙ НОРТОН

Колдовской
мир

**ББК 84. 7 США
Н49**

**Нортон Андрэ
Колдовской мир. / Перевод с английского.
Зеленоград: Издательство «Зеленоградская книга»,
1993г. — 512 стр. «С» — 8.**

**Четвертый том собрания сочинений Андрэ Нортон
продолжает сериал «Колдовской мир».**

Н $\frac{4701000.000 - 11}{480 (03) - 93}$ Без объявления

**ББК 84. 7 США
ISBN 5 — 86314 — 011 — 9**

**© Издательство «Зеленоградская книга», 1993г.
© Перевод — «Амбер Лтд», 1992г.**

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

том четвертый

Трое против колдовского мира
Вошебник колдовского мира
Вошебница колдовского мира

романы

Издательство «Зеленоградская книга»,
г. Зеленоград
«Амбер Лтд», г. Ангарск
1993г.

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА

Глава 1

Я не обладаю даром слагать песни. Мне далеко до салкарских бардов, чьи баллады так вдохновляют морских волков на подвиги. Недостаёт мне и терпения, чтобы следить за тем, как я использую слова. Я вовсе не красноречив. Но если человеку случается пережить невероятные события, в нём рано или поздно пробуждается желание поведать о них — пусть и нескладно — своим потомкам, дабы те знали, на что способны были предки, и в этом знании черпали бы силы для себя.

Итак, я начинаю повествование о трёх уроженцах Эсткарпа, вступивших в борьбу с теми, кто правил их страной. Они отважились на это, чтобы освободить древнюю расу от заклятия, наложенного на неё тысячу лет назад и помрачившего разум её людей. Эти трое были мы: Кайлан, Кимок и Каттея. По крови мы лишь наполовину принадлежали к древней расе, и это было нашей болью, но и нашим спасением. С детства мы чувствовали себя как бы в стороне ото всех — ведь мы происходили из рода Трегартов.

Наша мать — госпожа Джелит, была до замужества одной из владычиц — волшебницей, обладавшей Даром Силы. Она не утратила его и после того, как вышла замуж и родила нас — близнецов. И хотя Совет Владычиц не вернул ей Камень Силы, которого её лишили в час замужества, всё же Мудрейшие вынуждены были признать, что она осталась колдуньей, и продолжали считаться с ней.

Отец наш явился в Эсткарп из другого мира — пройдя через Ворота. В том мире, откуда он пришёл, он был воином, и отнюдь не рядовым; он привык командовать людьми. Но судьба заманила его в ловушку. Враги грозили ему расправой, и он вынужден был скрываться от их преследования, пока не нашёл Ворота. Так он появился в Эсткарпе — в самый разгар войны с колдерами.

Но именно благодаря ему и моей матери с колдерами навсегда было покончено, и с тех пор дом Трегартов стал пользоваться почётом. Отец и мать заслужили славу тем, что нашли логово колдеров и замкнули Ворота, через которые эти демоны явились в наш мир. С колдерами было покончено, но след их пребывания на этой земле остался надолго. Эсткарп продолжал задыхаться от напа-

дений; то и дело нужно было отбиваться от врагов — и с севера, и с юга. Мы родились в мрачную пору.

Наше появление на свет тройней было случаем, уникальным для древней расы. Когда мать перед родами уложили в постель в последний день уходящего года, она стала напевать заклинания; она решила, что её первенцу предстоит быть воином, как того требовало смутное время. Первым явился в этот мир я — заходясь в плаче, будто уже предчувствовал все грядущие печали и беды.

С моим появлением на свет муки матери не кончились, и потому меня поспешили успокоить и, спеленав, положили возле неё. Мучения её продолжались ещё много часов, и все боялись, что она уйдёт из этого мира через последние врата — вместе с теми, кто был ещё в ней. И тут в Южном Форте появилась никому неизвестная женщина. Оказавшись во дворе, она заявила, что ей велено быть с госпожой Джелит. К тому времени отец пришёл в такое смятение, что велел немедленно позвать женщину в дом.

Подойдя к ложу, она извлекла из-под плаща меч, сверкнувший холодным светом, и, наставив его на мать, стала напевать заклинания. Все, кто были рядом, застыли, как вкопанные. Но мать отозвалась на пение и, порвав путы боли и забытья, приподнялась в постели. Она начала что-то быстро говорить, и её слова показались всем горячечным бредом.

— Воин, мудрец, волшебница, — бормотала она. — Триединство — такова моя воля!.. Каждый из троих — дар... Все вместе — Сила...

И в час второй нового года появились на свет мои брат и сестра — почти одновременно, будто связанные чем-то друг с другом. Мать, однако, вконец лишилась сил. Женщина-ворожея поспешно отложила в сторону меч и приняла новорожденных в свои руки — с таким видом, будто имела на это полное право. Никто не мешал ей, потому что мать погрузилась в беспамятство.

Так Ангарт, женщина из племени фальконеров, стала нашей кормилицей и заботливой нянькой, под присмотром которой мы сделали первые шаги в этом мире. Она была изгнанницей. Презрев жестокие законы фальконеров, Ангарт бежала ночью из женского поселения. У этого воинственного народа были странные обычаи, совершенно чуждые людям древней расы, среди которых женщины

пользовались властью и уважением. Настолько чужды были волшебницам Эсткарпа законы фальконеров, что они издавна не позволяли им селиться на своей земле. Фальконеры обитали в горах, расположенных между Эсткарпом и Карстеном.

Мужчины-фальконеры не обзаводились семьями. Они проводили жизнь в войнах и набегах и были помешаны на своих соколах-разведчиках, к которым явно питали любовь большую, чем к женщинам. А женщин они содержали в деревеньках, построенных в горных долинах, куда время от времени и наведывались, дабы их племя не зачахло. Новорожденных, однако, подвергали безжалостному отбору. Так, ребёнок Ангарт был умерщвлён только потому, что одна ножка у него оказалась хилой. Ангарт покинула деревню и пришла в Южный Форт. Но почему она явилась в форт именно в тот день и тот час, будто чувствовала, что мать нуждается в ней, — так и осталось для всех загадкой. Да никто и не решался спросить её об этом — с обитателями форта она держалась весьма отчуждённо.

Нам же она дарила тепло и ласку, заменяя мать, которая, родив нас, тяжело заболела. День за днем она проводила в постели и могла есть только с ложечки. Она не замечала, что происходит вокруг. Так продолжалось несколько месяцев. Отец обратился за помощью к волшебницам, но те ответили: Джелит всегда держалась своего пути, они не хотят вмешиваться в её судьбу, да и не могут — она давно стала недоступной какому-либо их влиянию.

После такого ответа отец ушёл в себя, стал замкнутым и угрюмым. То и дело он устраивал со своим отрядом набеги на Карстен, порой неоправданно жестокие, проявляя несвойственную ему страсть к кровавым побоищам. Пошли разговоры, будто он упрямо ищет новый путь и, похоже, путь к Чёрным Воротам. Нами он, можно сказать, не интересовался.

Прошёл почти год, и вот мать, наконец, поднялась. Но она была ещё очень слаба, быстро уставала и часто ложилась отдохнуть. Она казалась угнетённой, словно её преследовало предчувствие какой-то беды. Но постепенно и это прошло. Настали те светлые дни, когда сенешаль Корис и его жена, госпожа Лойз, ненадолго пожаловали в Южный Форт, чтобы погостить у нас и отпраздновать

окончание войны с соседями и заключение с ними мира. Впервые за многие годы не нужно было спешить выезжать в рейды — ни на север, чтобы отбиваться от назойливых ализонцев, ни на юг, где из-за царившего в Карстене беспорядка постоянно возникали пограничные стычки.

Но мир оказался недолгим. Это была всего лишь передышка. На пятый месяц нового года над Эсткарпом нависла угроза новой войны, зачинщиком которой был некто Пагар. После того, как во время войны с колдерами был убит герцог Ивян, в Карстене шла непрерывная борьба за власть. На это распадающееся герцогство имелись права и у госпожи Лойз. Будучи законной женой герцога, несмотря на то, что её обручили с ним насильно, она, однако, с самого начала не претендовала ни в коей мере на правление Карстеном. Со смертью герцога, она могла бы стать полновластной хозяйкой там. Но её ничем не манила к себе эта страна, где ей пришлось перенести столько страданий. Полюбив Кориса, она с лёгким сердцем отреклась от всяких прав на Карстен. Госпожа Лойз была полностью согласна с владычицами Эсткарпа в том, что не нужно затевать с соседями войну за власть — забот хватало и без того. К тому же и Корис, и Симон, способствовавшие, насколько это было в их силах, поддержанию пошатнувшегося могущества древней расы, знали, чем может обернуться нападение на воинственного соседа. Им более разумным казалось оставить в покое врага, погрязшего в междоусобицах и неспособного развязать до поры до времени войну.

Но вскоре произошло то, чего и следовало ожидать. Владелец земель на юге герцогства, Пагар из Гины, собрал приверженцев и объявил себя сначала правителем двух южных провинций, а затем привлёк на свою сторону местную знать из Карса — в основном разорившихся торговцев, готовых выдвинуть в вожди всякого, кто посулит надежду на восстановление мира в стране. К тому времени, когда нам исполнился год, Пагар уже был достаточно силен, чтобы отважиться на борьбу со своими соперниками. Четыре месяца спустя он был провозглашён герцогом.

Он пришёл править страной, разорённой худшей из войн — внутренней междоусобицей. Его единомышленники представляли собой банду — разношерстную и труд-

но управляемую. Большинство из них были наёмными воинами, которых собрала под знамёна герцога возможность существовать безбедно за счёт грабежей. Надо было найти способ сплотить этих людей, пока они не разбежались.

Пагар поступил так, как и предполагали мой отец и Корис: он решил напасть на кого-нибудь из соседей, и в первую очередь обратил свой взор на север. Эсткарп с давних пор не давал покоя карстенцам. Ивян, послушный внушениям колдеров, устроил травлю и резню людям древней расы, обосновавшимся в Карстене в столь давние времена, что даже из их памяти стёрлось, когда именно они начали обживать эти земли. Не имея возможности дать отпор, они бежали за горы к сородичам, оставив за собой право на возмездие. Потому-то карстенцы боялись, что рано или поздно Эсткарп нападёт на Карстен, чтобы отомстить за убитых. Пагару требовалось только сыграть на этом страхе, чтобы сплотить наёмников и объединить карстенскую знать под своим началом.

Однако прежде чем затеять войну, Пагар собирался прощупать силы Эсткарпа, который был грозен не только суровыми воинами древней расы, но и тем, что его волшебницы имели доступ к Силе и могли распоряжаться ею по своему усмотрению, защищая страну. Кроме того, существовал прочный союз между народом древней расы и салкарами — племенем морских бродяг, которые своими набегами некогда принудили Ализон к прекращению военных действий. Они могли в любой момент направить свои корабли на юг и начать набеги на побережье Карстена, а это сразу настроило бы против Пагара карстенских торговцев.

Учитывая всё это, Пагар готовился к войне тщательно и осторожно. Рейды карстенцев вдоль границ Эсткарпа начались в то же лето, правда, они не представляли большой опасности. Однако частые атаки, даже легко отбиваемые, могли истощить силы обороны: несколько человек потеряно здесь, несколько там, ряды защитников неумолимо редели.

Эсткарп ответил на атаки, направив на юг корабли салкаров, предоставив им полную свободу действий вдоль побережья Карстена. Это заставило Пагара задуматься. Капитан салкаров Густвар собрал флот из двадцати кораб-

лей, привёл их, несмотря на жестокий шторм, к устью Карса и, слолив оборону, прошёл по реке до самого города, где устроил побоище, после которого герцог Карстена затих на целый год. Тем временем возник мятеж на юге страны, родине Пагара, который возглавил его единоутробный брат, что тоже прибавило хлопот герцогу.

В ту беспокойную пору нас троих увезли из родного форта — но не в Эс, ибо отец и мать держались подальше от города, где находился Совет Владычиц. Госпожа Лойз обзавелась небольшим поместьем в Эстфорде и пригласила нас туда пожить среди её домочадцев. Нашим ангелом-хранителем по-прежнему оставалась Ангарт, у которой с хозяйкой Эстфорда сразу же сложились дружеские отношения.

Наша мать, оправившись после долгой болезни, снова начала оказывать отцу посильную поддержку в его ратных делах. Совместно они владели Силой — но пользовались ею по-своему, не так, как волшебницы, и те относились к ним с ревностью и подозрением. Мудрейшим было оскорбительно сознавать, что Даром Силы может владеть и мужчина: они объясняли эту странность отступничеством матери от их кодекса. Они не желали больше иметь с нею дела. В ту пору Совет Владычиц не проявлял интереса к нам, детям странных родителей. Точнее, волшебницы намеренно игнорировали наше существование. Каттея не была подвергнута испытанию на владение колдовскими способностями, как все шестилетние девочки древней расы.

Я почти не помню, какой была мать в те годы. Она приезжала в Эстфорд в сопровождении защитников границы, которые интересовали меня больше, чем кто-либо другой. Едва научившись ходить, я норовил дотопать до кого-нибудь из них, чтобы схватиться за полированную рукоять меча. Мать посещала нас не часто, а отец — ещё реже. Они почти всё время пребывали вблизи границы. Со всеми своими детскими бедами мы шли к Ангарт. Нежную привязанность питали мы и к госпоже Лойз. А наше отношение к родителям было проникнуто чувством благоговейного трепета, в особенности это касалось отца. Он был не из тех, кто легко находит общий язык с детьми, а возможно, испытывал к нам неосознанную неприязнь — за те муки, которые наше появление на свет причинило его жене, самому дорогому для него существу.

Мы не были близки с родителями, заменой чему служила тесная связь между нами — детьми, хотя мы были очень разными. Как и предвидела мать, я стал воином, а Кимок — философом. Сталкиваясь с какой-нибудь трудностью, он не шёл напролом, а пытался разобраться, в чём суть. Он рано начал задаваться мудрёными вопросами и, когда понял, что никто не может дать на них ответа, решил сам постигнуть тайны окружающего мира.

Каттея же отличалась способностью остро и глубоко чувствовать. Она пребывала в единстве со всем, что её окружало — с животными, с деревьями, с ручьями, и даже с неподвижными холмами. В некоторые моменты от её наития было гораздо больше пользы, чем от моей решительности или от рассудительности Кимока.

Мне трудно вспомнить, когда мы осознали, что тоже наделены Даром Силы. Как-то нечаянно выяснилось, что нам совсем не нужно быть рядом, чтобы общаться. Временами мы становились словно бы единой личностью: я был её волей, Кимок — разумом, Каттея — душой и чувствами. Осторожность удерживала нас от того, чтобы открыться в этом другим, хотя я почему-то не сомневался, что Ангарт знает о нашей совокупной силе.

Кимоку и мне было лет шесть, когда нам вручили небольшие, специально для нас выкованные мечи, а также — детские самострелы и начали учить искусству владения оружием. Учителя — салкара, изуродованного в морских сражениях, — прислал отец. Звали его Откелл. Он превосходно владел всеми видами оружия и был одним из лучших офицеров капитана Густвара, который возглавлял набег на Карс. Откелл был очень требователен к нам.

Впервые нам довелось проверить нашу боевую выучку, когда нам шёл двенадцатый год. К тому времени Пагар навёл порядок в своём герцогстве и намеревался снова попытать счастья в набеге на север. Он воспользовался тем, что флот салкаров курсировал вдоль берегов Ализоны, и направил на Эсткарп несколько отрядов, одновременно пересекавших границу в пяти разных местах.

Фальконеры уничтожили один из них, защитники границы — два других. Однако оставшиеся два отряда проникли в долину Эса, чего никогда раньше врагу не удавалось сделать, и оказались в ловушке. Не имея возможности отступить, вражеские воины дрались, как звери.

Горстке этих безумцев удалось пробиться к реке, где они захватили баркас, приставив мечи к глоткам тех, кто на нём был. Они спустились вниз по реке, надеясь достичь моря. Но на них уже началась охота — корабль в устье реки перекрыл им путь.

Им пришлось направить захваченный баркас к берегу, и местный люд устремился туда. Откелл, с небольшим отрядом тоже помчался к реке, отказавшись взять нас с собой. Вскоре после его отъезда Каттея вдруг уловила чей-то зов. Она восприняла его так отчётливо, что даже вскрикнула... Мы стояли в тот момент на сторожевой площадке башни. Кто-то взывал о помощи — взывал, конечно, не к малолетней девочке, а какой-то волшебнице.

Мы не стали раздумывать: украдкой вывели лошадей из конюшни, чтобы отправиться на зов. Мы не могли не взять с собой Каттею: без неё мы бы не знали, куда ехать.

Трое детей выехали из Эстфорда. Но мы были не совсем обычными детьми. Мы мчались по безлюдным тропам туда, где затаились злодеи из Карстена, захватившие заложницу. Поистине, есть боевое везение. Бывают командиры-счастливчики, которые хранят своих людей от гибели и всегда умудряются вовремя подоспеть с ними куда надо. Конечно, «везение» можно объяснить выучкой, сообразительностью, опытом. Но некоторых многоопытных командиров счастливая случайность почему-то не балует... В тот день нам повезло. Мы нашли место, где скрывались злодеи, и, уничтожив всех пятерых, спасли захваченную ими женщину — связанную, в кровоподтёках, но не утратившую, однако, гордого вида.

По серому платью мы поняли, кто она. Её испытующий взгляд нас сильно смутил и даже как-то разобщи́л на время. Затем я заметил, что волшебница смотрит не на меня, не на Кимока, а сосредоточила всё внимание на Каттее. И в этом её пристальном взгляде я почувствовал угрозу нам всем.

Откелл долго не мог простить нам этой самовольной вылазки, несмотря на её благополучный исход: лишь несколько дней на мне и на Кимоке были видны следы схватки с карстенскими злодеями. Но на душе у нас было легко: волшебница, проведя в Эстфорде ночь, навсегда ушла из нашей жизни.

Много позже мы узнали о последствиях её недолгого

пребывания у нас. Совет Владычиц потребовал, чтобы наши родители прислали к ним Каттею. Те отказались, и волшебницы сделали вид, что смирились с отказом. Мудрейшие полагались на время.

А время и в самом деле служило им. Два года спустя Симон Трегарт ушёл на корабле салкаров в море, чтобы обследовать группу дальних островов, на которых, по слухам, Ализон возводил какие-то странные сооружения. Поговаривали, что там вновь объявились колдеры. С тех пор об отце ничего больше не было слышно.

Мы не знали отца близко, и потому его исчезновение мало что изменило в нашей жизни — пока в Эстфорд не прибыла в сопровождении своего эскорта наша мать, в этот раз надолго.

Она почти не общалась с нами. Её голова была занята чем-то другим. Она словно всматривалась во что-то — но видела не холмы и деревья, а нечто такое, чего мы не видели. Она часто запиралась на несколько часов в какой-нибудь комнате вместе с госпожой Лойз. После этих таинственных уединений госпожа Лойз являлась пред очи домочадцев бледная, как полотно, будто совсем лишённая жизненных сил. Мать же худела с каждым днем, и взгляд её становился всё более тусклым и отрешённым.

И вот однажды она собрала нас в одной из комнат башни. Там было сумрачно, несмотря на светлый день за окнами. Правда, все они были завешены, кроме одного — обращённого на север. На полу комнаты смутно выделялись какие-то линии. Ткнув пальцем в пол, мать стала водить рукой вдоль этих линий, и они вдруг вспыхнули мерцающим светом, образовав рисунок, напоминающий звезду. Не произнеся ни слова, мать жестом велела нам встать по краям узора и начала бросать в небольшую чашу какие-то высушенные травы. Из чаши заструился дым, обволакивая каждого из нас. Спустя мгновение мы все трое словно слились воедино, как это бывало с нами в тех случаях, когда нам что-то грозило.

Затем — я не знаю, как передать это словами — я, точно стрела, выпущенная из лука, был выброшен неведомой силой в безграничное пространство, потеряв при этом ощущение времени и ощущение самого себя. В том полёте было и направление, и цель, мне оставалось только отдаться ему. Так летит камень по воле человека, метнувшего его.

Столь же внезапно всё вернулось на своё место: мы снова стояли в той же комнате и смотрели на мать. Только теперь она не казалась нам чужой — мы испытывали к ней настоящую сыновнюю близость. Она протягивала к нам руки, и по её осунувшемуся лицу текли слёзы.

— Мы дали вам жизнь, — произнесла она, — и вы в ответ принесли нам свой щедрый дар, дети мои.

Она взяла со стола коробочку и высыпала её содержимое в жаровню, на догорающие угли. Вспыхнуло пламя, и в нём возникли какие-то мечущиеся тени, природа которых была мне непонятна. Вскоре они пропали, и я почувствовал, что больше не являюсь частью нашего триединства, но опять стал самим собой. Мать снова заговорила, глядя на нас.

— Так уж суждено, дети мои. У меня свой путь, у вас — свой. Никто из нас не виноват, что они расходятся. Это судьба так нещадно разделяет нас. Отныне я посвящаю себя поискам вашего отца, ибо он жив. У вас же другое предназначение. Обращайтесь к тому, что заложено в вас, и да будет это вам и мечом, и щитом. Знайте, это всего лишь слова, будто у всех пути разные. Со временем вы поймёте, что у нас один путь.

Глава 2

Так мать совсем ушла из нашей жизни. Жарким летним утром она вместе со своей охраной покинула Эстфорд. С площадки башни мы смотрели, как отряд выезжал из ворот замка. Дважды мать оглянулась, посмотрев вверх, и, обернувшись во второй раз, подняла руку в воинском приветствии, а мы с Кимоком отсалютовали ей сверкнувшими на солнце мечами. Но стоявшая между нами Каттея поёжилась, как от порыва холодного ветра.

— Я видела его, — сказала она. — Когда мать была вчера с нами, я видела его. Он совсем один. Там скалы, голые скалы и грозное море... — Она содрогнулась всем своим маленьким телом.

— Где это? — спросил Кимок.

Сестра покачала головой.

— Я не могу сказать где. То место очень далеко и нас разделяют не просто море или суша...

— Это не остановит мать, — заметил я, вкладывая меч в ножны. Я испытывал горечь утраты. Но от чего? Мать и

отец жили в другом, своём мире, который они создали сами. Они считали его совершенным и никому не позволяли проникать в него. И я знал также, что если бы мы предложили ей свою помощь, она бы не позволила нам отправиться с ней.

— Зато мы остаёмся вместе. — Кимок, как это случилось не раз, прочёл мои мысли.

— Надолго ли? — бросила Каттея, даже не повернувшись к нему.

Кимок порывисто схватил её за плечо.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он. Мне же показалось, что я понял её.

— Сестра, — сказал я, — владычицы не посмеют забрать тебя, родители запретили им это.

Тут до Кимока дошло, о чём речь.

— Родители больше не могут постоять за неё! — возразил он мне.

Нам всем стало не по себе. Сестре и в самом деле грозило пребывание в затворничестве. Девочки, которых волшебницы забирали в ученичество, на долгие годы расставались с близкими, чтобы вести суровую жизнь в глухой обители. Когда посвящённая в волшебство снова возвращалась в свои края, она уже не признавала родства по крови, как будто его заменяло родство по призванию. Мы могли потерять Каттею навсегда. Кимок был прав: в отсутствие наших родителей, кто мог встать между нашей сестрой и требованием Совета Владычиц?

С того часа над нашей жизнью нависла тень. Но угроза разлуки ещё сильнее соединила нас. Мы угадывали мысли и чувства друг друга, хотя я и уступал в этой способности Кимоку и Каттее. Какое-то время в нашей жизни ничего не менялось. Страх утрачивает свою остроту, если не усиливается новыми тревогами, и мы успокоились.

Мы не знали тогда, что мать позаботилась о нас, прежде чем покинуть Эсткарп. Она встретила с Корисом и уговорила его поклясться на Топоре Вольта, — этом священном оружии, которое он извлёк из истлевших рук того, кого предки считали если не богом, то уж во всяком случае не простым смертным, — поклясться в том, что он защитит нас от козней Мудрейших.

Шли годы и набеги на Эсткарп становились всё более частыми. Пагар продолжал истощать оборону Эсткарпа. Но и ему пришлось понести потери, когда весной — во-

семнадцатой в нашей жизни — его большой отряд был разгромлен в горах при переходе через перевал. В том сражении мы с Кимоком оказались в числе разведчиков, которым выпало прочёсывать горы в окрестностях перевала, чтобы добить остатки разбегающегося войска. Мы убедились, что война — дело скверное. Но ради выживания племени кто-то должен браться за меч.

Однажды во время рейда, когда мы, не спеша, ехали по горной тропе, я вдруг явственно услышал голос Каттеи, будто она была где-то рядом и кричала, вызывая о помощи. Я оглянулся, увидел, как Кимок прищпорил свою лошадь, и пустился галопом следом за ним.

Нашим командиром был Дермонт — беженец из Карстена, вступивший в ряды защитников границы ещё тогда, когда мой отец только организовывал пограничную службу. Обогнав нас, он преградил нам путь. Мы остановились.

— Куда это вас понесло? — холодно спросил командир.

— Так надо, — дерзко ответил я, готовый пустить в ход даже свой меч, вздумай он и дальше преграждать путь. — Нас зовёт сестра, ей грозит опасность.

Он пристально посмотрел мне в глаза и, почувствовав, что я говорю правду, направил своего коня в сторону, освободив тропу.

— Езжайте, — не то разрешил, не то приказал он нам.

Догадывался ли Дермонт о том, что происходит? Он не остановил нас, но и не предложил свою помощь. Должно быть, он решил дать нам возможность самим постоять за себя.

Мы пустились в путь. Нам пришлось дважды менять лошадей на биваках, делая при этом вид, что мы едем по заданию. Дорога отняла у нас много времени. И вот, наконец, среди недавно скошенных полей показались башни Эстфорда. С виду всё было тихо — никаких признаков нападения на замок, но от этого нам не стало легче.

Сквозь звон в ушах я смутно различил, как протрубил в рог часовой на башне. Мы прищпорили лошадей, принуждая их в последний раз скакать во весь опор. Наши плащи были покрыты пылью, но герб Эстфорда на них всё же был различим.

Моя лошадь споткнулась и упала, едва мы въехали во двор. Я замешкался, вытаскивая из стремени занемевшую ногу. Кимок, опередив меня, побежал к дому.

Она стояла в дверях и, казалось, едва держалась на

ногах. Нет, не Каттея — Ангарт. Встретившись с ней взглядом, Кимок застыл на месте, и я с разбегу налетел на него.

— Её здесь нет, её увезли? — растерянно спросил брат. Ангарт кивнула, и даже это движение стоило ей немалых усилий. Пряди волос упали ей на лицо; ещё недавно темные, они были теперь наполовину седыми. Что с ней случилось? Она выглядела старухой, лишённой жизненных сил. И тут мы оба поняли, что она была подвергнута воздействию Силы. Ангарт попыталась защитить свою питомицу от волшебниц и не смогла...

— Её нет... — промолвила она отрешённо. — Они окружили её стеной. И ехать за ней нельзя — вам грозит смерть...

Нам не хотелось верить, но, судя по всему, она говорила правду. Владычицы похитили нашу сестру и отгородили её от нас смертельной завесой. Мы погибли бы, бросившись выручать Каттею, и наша гибель не принесла бы ей никакой пользы.

Кимок больно вцепился в мою руку. Мне хотелось оттолкнуть его, даже ударить, чтобы выместить хотя бы на нём свою бессильную ярость. В исступлении я чуть было не затеял драку, но нас спасла усталость от долгой езды, ибо когда Кимок, вскрикнув, ткнулся лицом мне в плечо, я не удержался на ногах и вместе с ним свалился на пол.

Не прошло и часа, как Ангарт умерла. Должно быть, она из последних сил цеплялась за жизнь, чтобы увидеть нас. Но перед смертью она успела поговорить с нами.

— Вы оба воины, — начала она. — Мудрейшие видят в вас силу без разума и ждут, что вы не медля броситесь спасать сестру. Но до поры до времени сделайте вид, что вы против них ничего не имеете, и они в это поверят.

— А они тем временем будут мутить мозги Каттею... — не сдержался Кимок.

— Ты недооцениваешь свою сестру, — возразила Ангарт. — Она не маленькая девочка, которой можно замутировать мозги. Колдуньи, быть может, ещё пожалеют, что связались с ней. Но не стоит являться к ним сейчас, когда они этого только и ждут.

Мы сызмальства учились у Ангарт уму-разуму и потому прислушались к её словам. Но мы не могли простить владычицам сотворённого ими зла; в тот час мы навсегда отказались подчиняться им.

Как выяснилось позже, наше несчастье было неволь-

ным следствием другой беды. В бою на юге тяжело ранили Кориса, и госпожа Лойз уехала к мужу, оставив Каттею без присмотра, чем и воспользовались владычицы.

— Что будем делать? — спросил Кимок, когда мы, навек простившись с Ангарт, сидели с ним в погружившейся во мрак комнате.

— Будем возвращаться... — ответил я.

— Куда — в отряд? — Кимок сделал большие глаза. — Чтобы защищать подлых колдуний?

— Нет, не за этим, — сказал я, стараясь быть спокойным. — Нам надо пока что затаиться. Ангарт ведь предупредила: владычицы ждут от нас опрометчивых действий и готовы разделаться с нами.

— Пожалуй, ты прав, — согласился он. — В их глазах мы ещё дети. Ну и будем изображать из себя детей, а подспудно — накапливать знания...

Он меня удивил.

— О чём это ты? — спросил я. — Если ты имеешь в виду тайные знания, то тебе должно быть известно, что они дают доступ к Силе только женщинам.

— Это не так, — возразил он. — Разве наш отец не имел доступа к Силе? Другое дело, что он пользовался ею по-своему, не так, как колдунии. Их учение о Силе — всего лишь одна из догм... Скажи, слышал ли ты что-нибудь о Лормте?

В первый момент я не понял, о чём он толкует, но тут мне вспомнился подслушанный разговор между Дермонтом и одним беженцем из Карстена, с которым он держался вместе. Лормт — это хранилище старинных рукописей.

— Кое-что слышал, — ответил я. — Но что можно извлечь из записей о старинных семьях?

Кимок улыбнулся.

— Записи не исчерпываются семейными хрониками, в них говорится ещё и о востоке. Ты когда-нибудь задумывался о востоке?

Я растерялся. Чего он от меня хочет? Восток... Причём здесь восток? Почему я должен думать о нём? Имело смысл думать о севере, где находится Ализон, готовый вцепиться нам в глотку; или о юге, где нам не давал покоя своими набегами Карстен; или о западе, где простиралось море, скрывающее за горизонтом неведомые острова, вроде того, на котором отец с матерью обнаружили обиталище колдеров. На востоке же ничего примечательного не было, о чём я и заявил Кимоку.

— Почему ты так уверен в этом? — спросил он. — Ведь у наших земель есть и восточная граница. Но слышал ли ты когда-нибудь, чтобы о ней говорили? Скажи, что у нас на востоке?

Я закрыл глаза, чтобы представить себе карту Эсткарпа, которую мне не раз доводилось видеть у наших командиров.

— Горы... — ответил я решительно.

— А за ними?

— Тоже горы, ничего другого. Во всяком случае, так обозначено на любой карте.

— Но почему такая неопределённость?

Он был прав — в самом деле, почему? У нас были весьма подробные карты мест, расположенных к северу и к югу от наших границ, а также карты моря, составленные салкарами. Но я не видел ни одной карты, описывающей местность к востоку от нас. И это действительно было странно.

— Я могу тебе сказать почему, — продолжил Кимок. — Никто не способен даже думать о востоке!

— Не понял... — проямлил я.

— Это в самом деле так. Спроси кого угодно, что он знает о восточных землях, и тебе никто ничего не скажет.

— Не хотят говорить?

— Не в этом суть, — заявил Кимок. — Что там не хотят, не могут. Умы людей были подвержены колдовскому воздействию, они вообще не способны мыслить о востоке. Клянусь...

— Но почему?.. — удивился я.

— А вот это нам и предстоит выяснить... — сказал он загадочно. — Видишь ли, Кайлан, мы не сможем оставаться в Эсткарпе, если освободим Каттею. Подумай, колдуньи так просто не выпустят её из своих рук. А куда нам податься? Ализон и Карстен, конечно, примут нас, но сразу сделают пленниками. Дом Трегартов слишком известен. И салкары не станут выручать нас, если колдуньи окажутся нашими врагами. Но допустим, что мы скроемся в стране, о существовании которой никто не знает...

— Да, Кимок, да! — отозвался я с жаром. Это был блестящий выход. Но меня тут же одолели сомнения.

— Однако... если в сознании людей что-то искажено намеренно, значит, тому есть причина...

— Конечно, — согласился он. — Нам нужно узнать, почему это сделано, и нельзя ли извлечь из этого пользу.

— Но если все живущие в Эсткарпе — с вывихом, почему это не коснулась нас? — спросил я. И тут же ответил сам себе. — Потому что по крови мы только наполовину принадлежим к древней расе?

— Я тоже не нахожу этому какого-то другого объяснения, — признался Кимок. — Нам необходимо побывать в Лормте. Возможно, там мы и найдём разгадку.

Я вскочил на ноги. Мной овладел порыв немедленно действовать.

— А как нам туда попасть? Ты полагаешь, что в такой момент владычицы позволят разгуливать нам по Эсткарпу, как заблагорассудится? Мне-то казалось, ты настроился быть послушным и хотел вернуться в отряд.

Кимок вздохнул.

— Ты не находишь, брат, что в молодости трудновато быть сдержанным и осторожным? — спросил он. — Конечно, за нами будут следить. Мы не знаем, известно ли колдуньям, что мы способны мысленно общаться с Каттей. Безусловно, наше появление здесь по её зову должно насторожить их. Почему-то я не могу услышать её с тех пор... — Он даже не взглянул на меня, чтобы убедиться, что я тоже ничем не могу похвастаться. Хотя мы никогда об этом не говорили, однако все трое знали, что мысленная связь Каттеи с Кимоком была прочнее, чем со мной — словно промежутки времени между нашим появлением на свет отделил меня от них.

— Послушай, — сказал я. — Та комната в башне, куда нас позвала мать... — Моё воспоминание о таинстве было смутным, но я готов был обратиться к помощи чего угодно, лишь бы узнать что-нибудь о сестре. Однако Кимок, сразу поняв меня, отрицательно покачал головой.

— Наша мать, Кайлан, владела Даром Силы, она много лет обращалась к ней. Нам с нею в этом не тягаться. Мы не готовы вступить на этот путь. Но всё же в нас осталось что-то от неё, и это будет нам опорой. Что касается Лормта, то ты ведь и сам знаешь: страстное желание рано или поздно открывает любые двери. Мы найдём дорогу в Лормт.

Не знаю, что именно, быть может, какое-то наитие заставило меня поправить его.

— Лормт найдёшь ты, Кимок, — сказал я. — Лормт — твоя задача, я в этом уверен.

Мы не стали задерживаться в Эстфорде, там нечего

было делать. Откелл возглавил небольшой эскорт, чтобы проводить госпожу Лойз в Южный Форт, к Корису, а больше никто из оставшихся в замке не мог помешать нам уехать обратно в отряд. Утром, отправившись в путь, мы начали упражняться в мысленном общении друг с другом — с упорством, какого за собой и не подозревали.

Мы не прекращали наших упражнений и пребывая в отряде, но старались скрывать это от всех, с кем имели дело. Однако все наши усилия так и не вызвали отклика Каттеи. Со временем до нас дошло известие о том, что она упрятана колдуньями в недоступную обитель, где в числе других послушниц ей предстоит пробыть долгое время.

Способность соприкасаться с Силой проявилась в нас косвенным образом. Кимок обнаружил, что может подробно и навсегда запомнить однажды услышанное или увиденное, а также читать мысли других людей. Ему всё чаще и чаще поручали допрашивать пленных. Дермонт, возможно, и подозревал, в чём причина его успеха, но никак не обмолвился на эту тему.

Я же, хоть и не был способен на что-нибудь подобное, начал замечать, что во мне тоже проявляется кое-что от родительского дара. Я стал обострённо воспринимать настроения животных. Скажу без ложной скромности, что никто из защитников границы не понимал лошадей так, как я. Я умел приманивать к себе или отпугивать диких зверюшек, сосредотачивая на них свою волю...

Что касается мечты Кимока попасть в Лормт, то, казалось, ей не дано было сбыться. Стички вдоль границы становились всё более кровопролитными, и нам всё чаще приходилось действовать из засады. Силы Эсткарпа истощались, и мы подозревали, что в скором времени окажемся изгоями в завоёванной врагом стране.

Корис долго не мог оправиться от ран, а когда выздоровел, стал совсем немощным, он не мог даже поднять Топор Вольта. Ходили слухи, будто он ездил к морским скалам на юге и вернулся домой без священного топора, и что с той поры счастье изменило ему, и его люди терпели одно поражение за другим.

В течении многих месяцев Пагар держал Эсткарп под угрозой сокрушительного удара, но так и не наносил его. Враг медлил, опасаясь очевидно, что Владычицы обратятся к Силе.

Спустя год с небольшим, после того, как Каттею увезли

из Эстфорда, Кимоку открылась дорога в Лормт. Правда, она оказалась для него не такой уж лёгкой. Он попал в засаду, где ему страшно изуродовали правую руку. Нужно было время, чтобы она зажила, и он смог бы ею как-то владеть. Я успел повидаться с ним, перед тем как его увезли лечиться.

— Можно быстро поправиться — если этого очень хочешь, — сказал он, глядя на меня потускневшим от боли взглядом. — Я постараюсь выздороветь как можно скорее, и тогда...

Он мог не продолжать, я прекрасно понимал его.

— Мы можем не успеть, — сказал я. — Карстен способен задавить нас в любой момент.

— Не надо терять надежды, — ответил он. — Ты же знаешь, я попытаюсь использовать этот шанс...

Я не испытывал чувства одиночества, когда его увезли. Он по-прежнему постоянно был со мной, а я — с ним. Расстояние, разделившее нас, лишь слегка ослабило связь между нами, и как только он попал в Лормт, я сразу же узнал об этом. Но вскоре он предупредил меня, что нам следует прервать контакт, пока не возникнет в том крайняя необходимость. Ему показалось, будто он подвергся воздействию Силы, и он увидел в этом угрозу для нас обоих.

Так на несколько месяцев наша связь с ним прервалась.

Я по-прежнему ходил в рейды и, несмотря на то, что был совсем молод, получил под своё командование небольшой отряд. Общие невзгоды объединяли нас, и в отряде у меня появились преданные друзья. И всё-таки прочнее дружеских уз для меня оставались узы, которыми были связаны мы — трое близнецов. Я знал, что если вдруг Каття или Кимок позовут меня, я тотчас помчусь на их зов, не думая ни о чем. Опасаясь именно этого, я решил подготовить себе замену и жить по строгим правилам воинской службы. Но я постоянно чего-то ждал...

Глава 3

Тощие, как ализонские гончие, и обтрёпанные, как морские бродяги, мы скитались по горным тропам, каждое утро удивляясь тому, что проснулись живыми, а вечером — что вернулись в лагерь.

Если бы Ализон и Карстен объединили свои силы, Эсткарп не смог бы им противостоять, он был бы сломлен

и опустошён. Но похоже, Пагар не собирался распить кубок братства с Фасселианом из Ализона. На то были причины, и главная из них — страх перед колдуньями. Те уже не раз доказали, что им не составляет никакого труда расправиться с кем угодно из смертных. Однако действие Силы значительно ослабевало, если она направлялась одновременно на большое число людей. В таких случаях требовалось совокупное использование жизненной энергии множества колдуний, после чего те оказывались на какое-то время почти на грани смерти.

И всё же Мудрейшие решили воспользоваться даже таким крайним средством. Это было осенью, спустя год после того, как Кимок отбыл из отряда. По всем постам разослали приказы Совета Владычиц, следуя которым мы должны были покинуть горы и перебраться вглубь страны, на равнины. В местах, где мы воевали столько лет, не должно было остаться ни одного человека, носящего герб Эсткарпа.

Стороннему наблюдателю всё происходящее могло показаться безумием. Однако, судя по слухам, врагу готовилась грандиозная западня. Владычицы, обеспокоенные постоянными потерями людей в бесконечных стычках, решились на последнюю акцию, исход которой мог быть двояким: либо Пагар получит урок, которого никогда не забудет, и оставит Эсткарп в покое, либо страна падёт в одночасье.

Люди Пагара, почуяв, что охрана границ ослабла, сначала вели себя осмотрительно, так как им слишком часто приходилось попадать в наши засады, но постепенно они начали всё глубже внедряться в горы.

Флот салкаров стянулся в бухту к устью Эса, и пошла молва, будто корабли собрались здесь на тот случай, чтобы увезти за море остатки древней расы, если замысел Мудрейших провалится.

Волей случая мой отряд оказался в нескольких милях от Эстфорда. Поздно вечером мы разожгли костёр и выставили дозор. Наши лошади, уже давно расседланные, стояли на привязи. Казалось, они чем-то встревожены. Я пошёл посмотреть, что их беспокоит, и сам вдруг почувствовал нечто неладное.

На меня что-то давило, словно надвигалась гроза; стало трудно дышать, навалилась усталость, и мне показалось, будто всё вокруг вянет и теряет силы — трава и деревья, животные и люди.

— Сосредоточение Сил... — Неизвестно откуда ко мне пришла странная мысль, но я не сомневался, что именно это и происходит. То, что составляло живую основу Эсткарпа, сбиралось в единый сгусток...

Я пытался успокоить лошадей, но и сам ощущал всем нутром это высасывание жизненных сил из всего, окружающего нас. Наступила гнетущая тишина, умолкли птицы, в недвижимом воздухе не колыхалась ни травинка, над всем навис тяжёлым покрывалом зной. И в этом мёртвом затишьи моё сознание пронзили три слова:

— Кайлан... Эстфорд... торопись!..

Я вскочил на расседланную лошадь, освободил её от привязи и тут же пустил в галоп, направляясь в сторону Эстфорда. За спиной слышались крики, но я не обернулся.

— Кимок! — вскричал я мысленно, — что там?

— Торопись!.. — снова потребовал он, и только.

Пустошь, по которой я мчался в Эстфорд, казалась вымершей. Всё вокруг было сковано неподвижностью и тишиной, и моя бешеная скачка среди этого безмолвия казалась мне кошмарным сном.

Но вот показалась башня замка. Я не увидел ни флагов по её углам, ни часового на сторожевой площадке. Ворота были приоткрыты, но ровно настолько, чтобы проехал всадник.

Кимок ждал меня в дверях дома, как ждала нас в тот давний день Ангарт. Но он не показался мне ни умирающим, ни лишённым сил. Напротив, он был полон энергии, и я это сразу почувствовал. Нам не было нужды обмениваться словами приветствия. Мы — как бы это сказать? — словно и не разлучались, так как внутренне всегда были вместе, хотя сейчас и не все вместе — ибо в нашем единстве недоставало третьей доли. Кимок ощущал то же самое.

— Не спеши... — сказал он и жестом позвал меня в дом.

Я отпустил лошадь, и она пошла в стойло, будто её вёл за уздечку конюх. Вновь мы оказались вдвоём под кровлей Эстфорда. Дом был пуст, куда-то подевалась вся утварь. Я помнил, что госпожа Лойз уехала к Корису и осталась с ним в приграничной крепости. И всё же оглядывался по сторонам, надеясь увидеть привычные вещи.

У дальнего конца большого стола стояла скамья. На столе лежали походные хлебцы и собранные в саду фрукты. Но мне не хотелось есть.

— Да, немало воды утекло... — сказал брат. — Но чтобы подыскать ключ к замку, требуется время.

Мне не нужно было спрашивать, чем завершились его поиски, — я понял это по его глазам, светящимся торжеством.

— Сегодня ночью владычицы нанесут удар по Карстену. — Кимок ходил взад-вперёд, он не мог усидеть на месте. Я же валился с ног от усталости и рухнул на скамью.

— А через три дня, — он резко повернулся ко мне, — они подвергнут Каттею обряду посвящения и она даст клятву!

У меня перехватило дыхание. Надо было срочно что-то делать.

«Либо Каттея высвободится из колдовских пут до рокового часа, либо мы навсегда потеряем её», — подумал я.

— Ты знаешь, как её спасти? — спросил я.

Кимок пожал плечами.

— Есть только один способ: мы похищаем её из Обители Мудрости и все трое бежим из страны — на восток.

Что просто на словах, непросто на деле. Похитить послушницу из обители — всё равно, что заявиться в Карстен и похитить самого Пагара.

Кимок взглянул на меня и улыбнулся. Он положил на стол свою искалеченную руку. По ней шёл глубокий шрам, и когда Кимок попробовал сжать пальцы в кулак, два из них так и остались несогнутыми.

— Вот чем я расплатился, чтобы попасть в Лормт. А там пришлось поработать ещё вот этим... — он постучал себя пальцами по лбу. — В Лормте я докопался-таки до нужных сведений, просмотрев старинные хроники вперемешку с мифами. Но я добрался до сути, отбросив шелуху. Мне теперь известен путь на восток. Что касается Обители Мудрости...

— Вот, вот — что касается... — передразнил я. — Интересно узнать, что ты думаешь об её охране. Нас не спросят, кто мы такие, если мы безо всякого на то разрешения окажемся возле Обители. Говорят, стражи там не мужского пола, и оружие у них не такое, с каким мы привыкли иметь дело.

— Зря ты так уж боишься, брат, — ответил он. — Верно, охрана там особая, но и мы не мальчишки... К тому же, завтра стражницы не будут столь сильны, как обычно. Теперь ты понял, что произойдёт этой ночью?

— Владычицы нанесут удар по врагу...

— Да, но какой именно? Слушай, они хотят воспользо-

ваться Силой сполна, как никогда ею не пользовались. Они собираются повторить то, что свершили когда-то очень давно — на востоке.

— На востоке? Что же такое они собираются повторить?

— Они заставят двигаться сами горы. Они подчинят своей воле твердь земную. Это крайняя мера, на которую они решились, дабы только не исчезнуть с лица земли.

— И они что, в самом деле способны на такое? — Я знал, что с помощью Силы можно создавать наваждения, общаться на расстоянии, даже убивать... Но я не мог поверить, что с её помощью можно устроить гигантскую катастрофу.

— Да, — ответил Кимок. — Но им понадобится столько энергии, что их силы совсем истощатся на какое-то время. Меня не удивит, если некоторые колдуньи умрут после этого. Во всяком случае, все стражницы будут обессилены, и мы без труда проникнем в Обитель.

— Ты сказал, что однажды они уже сотворили такую катастрофу, — напомнил я, — на востоке.

— Да. — Он снова принялся ходить взад-вперёд. — Родина древней расы вовсе не Эсткарп. Её народ пришёл сюда с востока, очень давно. Люди бежали от какой-то страшной опасности и, обратясь к Силе, воздвигли за собой горы, чтобы они служили им защитой от той угрозы. Эти люди поселились здесь, и детям, которые у них рождались, они упорно внушали: незачем думать о востоке, там ничего нет, кроме гор. Так продолжалось из поколения в поколение, пока полное безразличие к этой части света не стало врождённой чертой расы... Скажи, встречали ты кого-нибудь, кто хоть как-то обмолвился бы о востоке?

— Не припомню такого, — признался я, поймав себя на том, что и сам избегал этой темы. — Но я вот о чём подумал... Если люди древней расы бежали от какой-то угрозы, то...

— То смеем ли мы соваться туда — ты это хотел сказать? — перебил меня Кимок. — Но почему бы не допустить, что там теперь всё изменилось? Тысяча с лишним лет отделяет нас от того времени. И люди древней расы сейчас совсем не те, какими были когда-то. Всякое пламя рано или поздно гаснет... Я уверен, что колдуньи начнут охотиться за нами, как если бы мы были лазутчиками из

Карстена или Ализона. Но никто не осмелится последовать за нами на восток.

— Мы и сами принадлежим к древней расе, хотя и наполовину, — заметил я. — Сможем ли мы перебороть то, что заложено и в нас?

— Этого мы не узнаем, пока не начнём действовать, — ответил он. — Во всяком случае, мы можем об этом думать и говорить, а они — нет. Меня поразило в Лормте то, что даже сам хранитель архива не имел понятия о рукописях, которые я у него попросил.

Кимок меня убедил. Каким бы отчаянным ни казался его план, другого не было. Но от Обитатели Мудрости нас отделяло много миль, и нам следовало, не теряя времени, отправляться в путь, о чём я ему и сказал.

— У меня есть пять лошадей торской породы, — ответил он. — Два коня здесь, трёх других я держу в тайном месте — они понадобятся нам под конец.

Он заметил моё удивление и рассмеялся.

— О да, мне это кое-чего стоило. Я покупал их по отдельности в течении всего года, чтобы не вызвать ни у кого любопытства.

— Но откуда ты знал, что они нам понадобятся, и притом в таком количестве?

— Я, конечно, не знал, как всё получится, но верил, что возможность побега нам рано или поздно подвернётся, и готовился к этому, — ответил он. — Однако ты прав, брат, нам следует поторопиться, пока бич Мудрейших не опустился на нас.

Лошадей торской породы выводили в краю вересковых пустошей, расположенных на границе Торových Топей. Эти лошади отличались резвостью и выносливостью — свойствами, редко встречающимися в одном и том же животном. Они ценились очень высоко, и купить пять таких лошадей — большая удача; тем более, что большинство из них находилось на учёте у самого сенешаля. Внешне они ничего особенного собой не представляли: мышастой масти, с чёрными гривами и тусклой шерстью, которая никогда не блестела, как бы лошадь не холили. Зато по сообразительности, резвости и выносливости они не уступали никакой другой породе.

Оба коня уже были оседланы. Они нервно пританцовывали на привязи, когда мы к ним подошли. Видимо, и на них действовала гнетущая тишина вечера. Мы вывели их

из стойла, однако, прежде чем вскочить в седло, провели через двор за ворота. Солнце село, и всё небо на западе было в багровых полосах.

Брат заранее разведаль кратчайший путь, но в тот вечер даже наши торские кони едва передвигались — будто угодили в плавун и вязли в песке по колено. Тучи на горизонте сгустились, исчезли последние полосы заката.

Мрачный ландшафт насытился призрачным голубоватым светом. Как-то однажды мне довелось ехать по границе Торových Топей, и за слоем тумана я видел мерцающие синие огни; это явление не было редким в тех местах. Такие же огни вспыхивали теперь вокруг нас, они были всюду — на деревьях, на кустах. Раньше такого здесь никто не примечал.

С конями началось твориться что-то неладное: они храпели, становились на дыбы.

— Хватит их погонять, иначе они взбесятся! — крикнул я Кимоку.

Последнюю полумиллю я пытался сдерживать коней, воздействуя на них силой воли; и всё-таки вскоре они перестали подчиняться мне. Мы прыгнули с коней, я встал между ними и, положив руки им на холки, попытался мысленно успокоить, не давая им сорваться с места. Кимок присоединился к моим мысленным усилиям, и кони присмирели.

Успокаивая коней, я перестал замечать, что творится вокруг, и поэтому был напуган неожиданной вспышкой в небе, сопровождаённой глухим рокотом, непохожим на гром и исходившим словно из-под земли, которая начала содрогаться у нас под ногами. Кони испуганно заржали, но остались стоять на месте. Они прижались ко мне боками, и я обхватил их за шеи, словно они были мне спасительным якорем в этом обезумевшем мире.

Тусклые огни, мерцавшие здесь и там, взметнулись вверх языками пламени. Снова небо озарила вспышка, и земля содрогнулась. На какой-то миг наступила тишина, а затем началось нечто невообразимое.

Земля заходила ходуном, как будто под её поверхностью перекачивались гигантские волны — в сторону южных гор. Поднялся ураганный ветер с дождём. Он гнул деревья и ломал ветви, он не давал дышать, от него мутился рассудок. Этой буре невозможно было восстано-

ять, оставалось только надеяться, что она когда-то кончится.

И уж если здесь это буйство стихий чуть не свело нас с ума, то в горах они разбушевались с ещё большей силой. Той ночью волнение земной тверди раскачивало горы, и то, что раньше было горой, проваливалось вниз и становилось ущельем, а то, что было ущельем вздымалось горой. Естественный барьер, созданный природой между Эсткарпом и Карстеном, ломался, разрывался, комкался — силой, разбуженной и направленной человеческой волей.

Взявшись за руки и слившись мысленно, мы с Кимок по-прежнему составляли словно бы одно целое. Казалось, пришёл конец света. Мы перестали видеть и слышать; осталась лишь способность осязать, и мы старались сохранить её, чтобы не утратить ощущения самих себя.

Но рано или поздно всё заканчивается. Кончилась и эта неопишуемая буря. Над нами ещё висели тяжёлые плотные тучи, но сквозь них начал просачиваться серый утренний свет. А мы так и стояли на дороге — Кимок, я и кони — будто окаменевшие. Земля больше не содрогалась под ногами, и к нам возвращалась ясность сознания.

К нашему удивлению, буря оставила не так уж много следов вокруг — там и сям виднелись сломанные ветки деревьев да лужи на дороге. Почти одновременно повернувшись, мы посмотрели на юг. В той стороне небо до сих пор было сплошь затянуто чёрными тучами, и в них время от времени вспыхивали молнии.

— Что там... — начал было Кимок, но затем отвернулся и замолчал.

Нам стало ясно, что Совет Владычиц воспользовался Силой так, как ею прежде в Эсткарпе не пользовались. Я не сомневался, что нападение Пагара сорвано: его войско, находящееся в горах, несомненно попало в эту невероятную катастрофу.

Я разгладил спутанную, мокрую гриву своего коня, и он захрапел, затоптался на месте, словно пробудившись от дурного сна. Садясь в седло, я не переставал удивляться тому, что мы остались живы.

— Настал наш час! — мысленно произнёс Кимок.

Мы оба ощутили необходимость бессловесного общения, ибо казалось, что мысли, высказанные вслух, могут

разбудить ещё не иссякшие колдовские силы. Мы тронули коней, и на этот раз они резво взяли с места в галоп. Начало светать, птичий щебет нарушил тишину. Гнетущее чувство ушло, и, освободившись от него, мы мчались по дороге во весь опор, стараясь выиграть время.

Вскоре Кимок свернул на какую-то тропу. Там наше продвижение несколько замедляли деревья, поваленные бурей. Мы продолжали скачку, погоняя коней на открытых местах.

То ли мы оказались на заброшенных тропах, то ли жители Эсткарпа, измученные бурей, не спешили выходить из своих домов, но нам не встретилось по пути ни одной живой души, даже в полях у одиноких ферм. Всё складывалось благоприятно для нас.

К ночи мы добрались до заброшенной фермы, где Кимок прятал ещё трёх коней. Отпустив на луг тех, на которых мы примчались сюда, и подготовив к дороге трёх других, мы поели и легли спать. Ночью Кимок разбудил меня. В небе светила луна.

— Пора выезжать, — тихо сказал он.

На этот раз мы были в пути совсем недолго. Когда мы спешили на краю какой-то лощины, я посмотрел вниз и увидел серое каменное строение, окружённое небольшой рощицей. Без всяких объяснений я понял, что это — Обитель.

Глава 4

Чем дольше я разглядывал Обитель, тем больше мне казалось, что и строение, и всё вокруг него видится словно бы через завесу раскалённого воздуха — дрожащим и неустойчивым. В подвижных пятнах света и тени то исчезали, то вновь возникали деревья и кусты; даже огромные валуны и камни вроде бы перемещались с места на место.

Кимок вытянул вперёд покалеченную руку, я положил на неё свою и тут же почувствовал, что мой разум и воля сливаются с его волей и разумом, становясь единым целым. И тогда сквозь пелену ночной тьмы и лунного света он метнул, как копьё, заряд нашей общей энергии — в самое сердце Обители.

Наша атака вызвала сильное сопротивление, и Кимок на мгновение расслабился — только для того, чтобы с

удвоенной энергией метнуть невидимое копьё ещё раз. После этого я ощутил себя вконец опустошённым.

Нам удалось пробить барьер Силы. И тут же — как пламя, вспыхнувшее на сухих ветках, — радостный отклик... Каттея! А я-то позволил себе усомниться в ней, предполагая, что она изменилась за это время и не потерпит нашего вмешательства в свою судьбу. Как же несправедлив я был! В её отклике мы слышали радость и надежду на спасение. Но эта радость тут же сменилась страхом. По-видимому, она боялась за нас, но не имела возможности сообщить нам, какая именно опасность нас поджидает. Она знала, что охрана Обители состоит отнюдь не из гвардейцев. Сестра не могла позволить себе выйти к нам навстречу и даже прервала мысленный контакт с нами, чтобы не встревожить охрану.

— Пусть будет так, — сказал Кимок тихо.

Я отпустил его руку и непроизвольно потянулся к мечу, хотя уже понял, что стали будет отведена самая малая роль в том, что произойдёт этой ночью.

— Пробежка влево под прикрытием деревьев, затем бросок к стене, вон там, — взялся я определять наши действия. Сработала привычка разведчика подмечать всякие мелочи вокруг, которыми можно воспользоваться.

— Годится... — Кимок согласился, чтобы командовал я, хотя и сам не был новичком в таких делах. Мы побежали вниз по склону, стараясь держаться в тени деревьев. Про себя я отметил, что если почаще отводить взгляд в сторону, то можно видеть всё достаточно отчётливо.

Мы добежали до края рощи и почувствовали, что натолкнулись на первый защитный барьер Обители. Возникло такое ощущение, что мы упёрлись в какую-то невидимую и неосязаемую стену, — мы не могли сделать дальше ни шага.

— Сосредоточься и представь, что перед тобой ничего нет, — сказал Кимок, не оборачиваясь, словно подбадривал самого себя.

Надо было настроиться действовать не руками, а головой. Усилием воли я заставил себя двигаться вперёд. Я упорно твердил про себя, что нет никакой стены, а есть только земля под ногами, деревья вокруг и этот лунный свет...

Кимок был прав, когда говорил, что после такого использования Силы, на какое решились Мудрейшие, она

на время иссякнет в них. Так всё и произошло. Невидимая стена не выдержала нашего натиска и пала, да настолько неожиданно, что мы едва не покатались кубарем.

— Это только начало, — предупредил Кимок. Он мог бы и не говорить этого, я и сам понимал, что колдуньи не ограничатся только такой мерой защиты средоточия своей Силы. Торжествовать было рано, нам ещё предстояла борьба с другими их хитростями.

Мы заметили какое-то движение между деревьями. Я схватился за рукоятку меча. На этот раз защита не была эфемерной: я увидел отблески лунного света на металле и тут же услышал шаги людей, которые приближались к нам.

Защитники границы?! Как они появились здесь?.. Шлем с птицей наверху — начит, кто-то из фальконеров. А вот салкарский шлем, с серебряными крылышками по бокам. Ещё два шлема, простые... Кто такие? Сейчас подойдут, разберёмся кто.

Я узнал их: Дермонт, Джорт и Никон — мне не раз приходилось выезжать с ними в пограничные рейды, я прикрывал их своим щитом в жарких схватках, лежал рядом у ночного костра. Но сейчас они смотрели на меня с ненавистью и презрением, называя меня предателем.

— Они правы, — подумал я. — Так оно и есть. Пусть лишат меня жизни здесь и немедленно, коль я оказался таким негодяем. — Я бросил меч и даже готов был пасть перед ними на колени...

— Кайлан! — прозвучал крик у меня в мозгу. Сквозь захлестнувшую меня волну раскаяния и стыда брат проник в моё сознание. Разум взял верх над чувствами, он говорил мне: их не может быть здесь, моих братьев по оружию. Это не они стоят сейчас передо мной, осуждая меня на смерть. Я не мерзавец.

И хотя чувство вины всё ещё давило на меня тяжким бременем, я старался преодолеть его — с тем же упорством, с каким преодолевал невидимую защитную стену.

Прямо передо мной стоял Дермонт. Его взгляд пылал гневом, он нацелил самострел мне в горло. Но Дермонта никак не могло здесь быть! Да и других тоже. Это просто-напросто деревья или кусты, искажённые до неузнаваемости моим воображением, попавшим под воздействие Силы.

Я увидел краем глаза, как дрогнул от выстрела самострел в его руке...

Но боли я не почувствовал. Исчезли стоявшие передо мной воины и все эти лунные блики на металле, и я опять услышал дрогнувший голос Кимока.

— Это был второй круг защиты.

Мы двинулись дальше. Меня преследовал вопрос: откуда стражи Обители знают о нас так подробно, что сотворяют призраки именно с тех людей, с которыми мы были близки в последнее время? Услышав, как рассмеялся Кимок, я даже вздрогнул от неожиданности. До смеха ли тут?

— Что же непонятного? — ответил он на вопрос, который мысленно прочёл в моём уме. — Они всего лишь навязывают идею, а ты сам подбираешь образы для её воплощения.

Меня задело, что я не додумался до этого сам: известно же, что наваждения — расхожая монета колдуний, они возникают, прорастая из семян, брошенных в умы других.

Наконец, мы достигли стены, которая оказалась не только видимой, но и осязаемой — мощная каменная кладка. Я удивился: ничто не помешало нам подойти к ней.

— Даже не верится, что к ним можно так легко проникнуть, — сказал я.

Кимок снова рассмеялся.

— Я не сомневался, Кайлан, что ты уважаешь их, но надеюсь, ты не позволишь себе расслабиться. Трудности — впереди.

Я встал лицом к стене. Кимок забрался мне на плечи, а затем — на стену. Он протянул мне руку, и я, держась за неё и за его плащ, тоже вскарабкался наверх. Сидя на короточках, мы разглядывали сад. С одной стороны его ограждала стена, на которой мы баландировали, с трёх других — стены самой Обители. Недобрая, тревожная тишина царила в саду, но даже ночью было видно, как он красив.

Середину сада занимал фонтан, который с журчаньем струился в бассейн овальной формы. Запахи каких-то душистых цветов наполняли воздух.

— Надо бы держаться подальше от всяких цветов, — подумал я. — Среди них могут быть такие, запах которых одурманивает человека и делает его рабом чужой воли.

— Не думаю, что здесь есть такие. — Кимок опять уловил мои мысли. — Ведь это их собственное жилище. Уж наверное они заботятся и о своей безопасности, а потому

вряд ли станут устраивать здесь подобные ловушки. — Он наклонился, насколько мог, и несколько раз втянул носом воздух.

— Нет, этого нам не стоит бояться. — Он спрыгнул на землю, и я, доверившись ему, прыгнул следом. Но как в этой серой громаде, не привлекая внимания её обитателей, разыскать Каттею?

— Может, позвать её мысленно? — спросил я.

— Ни в коем случае! — возмутился Кимок. — Мысленный зов сразу насторожит их, они вмиг его уловят.

Казалось, он, так же как и я, не представлял, что нам делать дальше. Мы стояли в растерянности.

Вдруг я заметил на фоне чёрного пятна дверной ниши движение другого пятна, чуть светлее. Я застыл на месте, чтобы не выдать своё присутствие. Кто-то вышел из двери в сад и продолжал идти — уверенно и без опаски.

Только по какому-то наитию удержался я от того, чтобы окликнуть её, когда она вышла на открытое место, под свет луны. Она шла, слегка запрокинув голову, будто хотела, чтобы лучше были видны черты её лица. Это была Каттея — её не нужно было разыскивать — она сама вышла к нам!

Кимок, раскрыв руки, рванулся вперёд, но тут настал мой черёд решать за двоих. Я схватил его за плащ и вернул на место. Следовало вести себя осмотрительно. Нам только что являлся Дермонт — теперь явилась Каттея. Быть может, это тоже всего лишь наваждение, порождённое нашими мыслями?

Она улыбалась. Она была поразительно красива — стройная, высокая. Шелковистые чёрные волосы резко оттеняли бледность её лица. Она двигалась грациозно, как в танце, и протягивала к нам руки, и глаза её искрились приветливостью и теплом.

Кимок попытался вырваться из моих рук. На меня он не глядел, всё его внимание было сосредоточено на ней.

— Кимок... — позвала она тихим, полным радости голосом.

Я не отпускал его. Он с силой рванулся из моих рук, со злостью посмотрев мне в глаза.

— Это же Каттея! Отпусти меня, Кайлан!

— Каттея? Возможно, — ответил я, продолжая его удерживать, поскольку что-то мешало мне согласиться с ним.

Она приближалась к нам, и было видно, как подол её

платья задевает за цветы и приминает их. Как проверить, наваждение это или нет?

— Кимоқ... — опять позвала она тихо.

Но почему только его, ведь и я здесь? Однако она продолжала смотреть только на брата, звать только его. Кажется, она не видит меня. Почему?!

— Каттея? — негромко и вопросительно произнёс я.

Её взгляд не дрогнул, она не повернулась в мою сторону, будто меня не было вовсе. В этот момент Кимоқ вырвался из моих рук, бросился к ней и сжал её в своих объятиях. Через его плечо она смотрела на меня невидящими глазами и улыбалась — но не мне.

Я всё больше склонялся к тому, что вижу перед собой не Каттею. Если это не наваждение, а на самом деле женщина, то она несомненно затеяла какую-то хитрую игру. Но возможно ли такое? Ведь когда нам удалось установить мысленный контакт с Каттеей, в её отклике было столько ликования! Я не мог представить, что чувство радости может быть поддельным. Неужели можно лгать не только на словах, но и в мыслях? Лично я на такое не способен...

— Пойдём! — обняв девушку рукой за талию, Кимоқ повёл её к стене, окружающей сад. Я преградил им путь, хотя чувствовал себя не совсем уверенно. Но было ещё не поздно избежать фатальной ошибки.

— Кимоқ, послушай меня! — На этот раз я вцепился в его плечо мёртвой хваткой. Будучи более сильным от природы, я решил воспользоваться этим преимуществом.

Он попытался освободиться от меня, и ему пришлось отпустить девушку. Он был вне себя от бешенства.

— Кимоқ, это вовсе не Каттея, — произнёс я медленно и с нажимом. Не обращая внимания на мои слова, девушка стояла и улыбалась, по-прежнему глядя только на Кимока и не замечая меня.

— Ты сошёл с ума! — прошептал брат, побелевший от ярости. Он не владел собой. «Он околдован, — понял я. — Как мне заставить его одуматься?»

Я завернул ему руку за спину и повернул лицом к улыбавшейся девушке. Держа его так, в то время как он безуспешно пытался сопротивляться, я проговорил ему прямо в ухо:

— Да посмотри ты на неё! Как следует посмотри!

Он не мог высвободиться, и ему пришлось подчиниться-

ся. Он перестал сопротивляться, и я решил, что он, наконец, образумился. Девушка всё с той же невозмутимой улыбкой продолжала повторять его имя, будто у неё не было других слов в запасе.

— Кто же это? Кто она? — спросил он, и я тут же отпустил его, поняв, что он готов воспринимать действительность. Но в чём она заключалась? Когда мы убедились, что перед нами не Каттея, а наваждение, девица не исчезла — как те придуманные мною воины. Я дотронулся до её руки и ощутил, что касаюсь плоти — тёплой и, похоже, живой. Видение поражало своим совершенством.

— Я не знаю, кто она, — ответил я. — Но она не та, кого мы ищем.

— И если бы мы украли её и убрались отсюда... — растерянно произнёс Кимок.

— То это было бы только на руку колдуньям, — договорил я. — Однако, если это — наваждение, то где же настоящая Каттея?

Кимок поборол смущение от того, что едва не совершил ошибку, и теперь на него снизошло вдохновение.

— Эта кукла появилась вон оттуда. — Он показал рукой на двери. — Значит, Каттею нужно искать в другой стороне.

Мне показалось, что он слишком самоуверен, но у меня самого не было никаких мыслей на этот счёт.

— Кимок... — Девица снова протянула к нему руки. Она пристально смотрела на него и медленно двигалась в сторону стены, словно приглашая его бежать вместе с ней. Кимок передёрнулся и попятился от неё.

— Кайлан, торопись, нам нельзя мешкать. — Он повернулся и бросился бежать к дому. Я последовал за ним, боясь в любой момент услышать за спиной крики оставленной в одиночестве девицы.

В этой части дома была ещё одна дверь. Кимок подбежал к ней чуть раньше меня. Предполагая, что она заперта на засов, я не знал, как он поступит. Но от толчка дверь тут же открылась; за ней была сплошная тьма.

— Держись за мой пояс, — приказал брат. В его голосе слышалась такая уверенность, что я подчинился ему, и мы шагнули в темноту.

Кимок шёл вперёд, уверенно ступая, словно видел, куда идёт. Я задел плечом за косяк какой-то двери. Кимок свер-

нул налево, продолжая вести меня за собой. Я вытянул в сторону свободную руку и шёл касаясь стен, чтобы опять не зацепиться за что-нибудь.

Кимок внезапно остановился и повернул направо. Я услышал, как он открывает какую-то дверь; слабый свет забрезжил в проёме. Мы стояли на пороге маленькой, похожей на келью комнатухи, и я разглядывал её стены из-за плеча Кимока... На краешке узкой постели сидела наша сестра...

Она не выглядела столь обворожительной, как та дева, которую мы встретили в саду. Каттея повзрослела и казалась достаточно самостоятельной, её лицо было грустным и усталым. Она тоже была красива, но её красота была неброской. Заметив нас, она неслышно — это было заметно лишь по движению её губ — произнесла наши имена и бросилась к нам, протягивая руки.

— Нужно спешить, — прошептала она. — У нас так мало времени!

На этот раз мне не требовалось никаких доказательств того, что это наша сестра. В отличии от той девы, наша Каттея обняла не только Кимока, но и меня. Держа нас за руки, она повела нас за собой сквозь тьму. Мы выбежали в сад, и я огляделся, опасаясь, что мы наткнёмся на её двойника. Но в саду никого не было.

Перебравшись через стену сада, мы побежали к роще. Каттея то и дело поддёргивала подол своего платья, которое цеплялось за чертополох и колючки. Мы больше не думали о том, что нас заметят, а просто мчались изо всех сил и уже начали задыхаться, когда добежали до того места, где оставили на привязи коней.

Едва мы оказались в сёдлах, как послышался какой-то гул. Он наполнил покинутую нами лощину и напоминал гул, который мы слышали во время землетрясения. Наши кони, испугавшись, громко заржали и с места взяли в галоп. Я ожидал, что сейчас раздастся громоподобный грохот, или, по крайней мере, крики преследователей, но ничего такого не услышал. Всё же на душе было беспокойно, и я прокричал Каттее:

— Кого нам следует опасаться?

Она резко обернулась, взметнув волосами.

— Во всяком случае — не воинов. Есть и другие слуги. Но в эту ночь они не столь могущественны.

Славные торские кони, казалось, обезумели от дикой скачки. Мне передалось их беспокойство, едва не переходящее в бешенство, но я не мог понять, что с ними творится. Вроде бы мы были уже достаточно далеко от Обителя и могли не опасаться действия колдовских сил. Используя свой дар, я старался успокоить животных.

— Натяните удила! — крикнул я Каттее и Кимоку. — Придержите коней, иначе они понесут!

Я не сомневался, что Кимок справится с лошадей, но беспокоился за Каттею, ибо знал, что колдуньи развивали в ученицах силу разума, но вряд ли обучали их верховой езде.

Кони, закусив удила, мчались во весь опор; мало-помалу внимая моим мысленным приказам, они начали сбавлять ход. И тут мы услышали впереди раскатистый рык снежного барса, который я не мог спутать ни с каким другим. Однако эта гигантская кошка — полновластный хозяин гор, и было непонятно, как горный барс оказался здесь, в низине.

Мой конь взвился на дыбы и взбрыкнул в воздухе передними ногами. Конь брата тоже затанцевал на месте, а конь Каттеи развернулся и, как бешеный, понёс её обратно по тропе. Я поскакал следом, надеясь воздействовать на её коня силой воли, но мои попытки были безуспешны: животному казалось — я это почувствовал благодаря своему дару — что за ним гонится барс, готовый к смертельному прыжку.

Мой конь вдруг начал взбрыкивать, пытаясь сбросить меня, и пришлось направить всю свою волю на него. Внедрившись мысленно в его мозг, я подчинил его себе.

Догнав Каттею, я попытался подобным образом воздействовать на её коня, чего и добился, но лишь отчасти — нельзя было забывать и о своём коне. По крайней мере, мне удалось избавить животных от ужаса, вызванного наваждением, возникшим в их мозгу.

Мы повернули коней обратно. К нам подъехал Кимок. Я процедил сквозь зубы:

— Может случиться, что мы не справимся со скакунами.

— Колдовская сила? — спросил Кимок.

— Похоже, что так, — ответил я. — Надо убираться отсюда, и как можно быстрее.

Мы тронулись рысью за Кимоком по тропе, которую он разведаль, готовясь к побегу. Замыкая шествие, я следил за поведением коней и, не имея возможности передохнуть, изнывал от усталости. Каттея ехала молча, но её спокойствие было поддержкой нам обоим.

Глава 5

Впереди мы увидели свет. «Что это — уже утро? — удивился я. — Но утренний свет не может быть таким ярко-жёлтым, и к тому же мерцающим».

Да это же огонь! Полоса пламени преграждала нам путь. Кимок остановил коня, и мы с Каттеей подъехали к нему. Зловещая огненная полоса пересекала тропу, уходя далеко в стороны, насколько можно было видеть. Кони храпели, вскидывали головы — не было и речи о том, чтобы двигаться дальше.

Каттея смотрела на огонь, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, будто отыскивала брешь в огненной стене. Вдруг она тихонько засмеялась.

— Неужели они считают меня такой глупой? Так я и поверила в этот пожар. Нас просто запугивают.

— Очередное наваждение? — спросил Кимок.

«Ничего себе наваждение!» — подумал я, улавливая запах дыма и отчётливо слыша треск горящих веток. Но Каттея кивнула Кимоку и затем повернулась ко мне.

— У тебя есть кресало? — спросила она. — Прошу тебя, сделай мне поскорее факел.

Я не стал спешиваться, опасаясь, что конь сорвётся с места и ускачет, но, заставив его сделать несколько шагов в сторону, наклонился в седле и вырвал с корнем торчащий рядом сухой куст. Обломав с него ветки, я связал их ремешком в пучок и достал из кармашка на поясе кресало. Мне долго пришлось высекать искру, прежде чем по одной из хворостинок побежал огонёк.

Каттея схватила запыхавшийся веник и пустила своего коня вперёд. Я снова напруг волю, чтобы не дать двум нашим коням рвануться следом. Каттея раскрутила над головой свой необычный снаряд и метнула его в сторону огненной стены. Факел упал в сухую траву, та в один миг воспламенилась, и настоящий огонь устремился навстречу огненной полосе, слился с ней — и она пропала! Лишь

продолжала тлеть трава на том месте, куда упал факел. Каттея снова рассмеялась — на этот раз задорно.

— Детская забава! — крикнула она. — Придумайте что-нибудь пострашней, Мудрейшие!..

— Ты что?! — Кимок протестующе замахал своей покалеченной рукой, направляясь к ней. — Не искушай колдуний! — набросился он на Каттею. — Нам и так повезло, что...

Она смерила его долгим взглядом.

— Ты не понимаешь... — сказала она спокойно и даже как-то назидательно. — Пусть они покажут, на что способны. Пусть выложатся сполна. Лучше сразиться с ними сейчас, а не тогда, когда они соберутся с силами, а мы выдохнемся. Я бросаю им вызов!

Конечно, в её словах был смысл. Но мне показалось, что Кимок всё-таки находит поведение сестры неоправданно дерзким, и я призадумался над этим. «А вдруг сестра, освободившись от заточения, настолько опьянела от свободы, что слегка тронулась умом?...» — подумал я.

Она резко обернулась, сосредоточив на мне свой взгляд.

— Нет, Кайлан, я не опьянела от свободы, как пьянеют с бутылки вина салкарские моряки, вернувшись из дальнего плаванья, — сказала она. — Поверь, я хорошо знаю тех, с которыми так долго жила под одной крышей. Мы не справились бы с нашими ночными приключениями, если бы Владычицы не израсходовали силы, двигая горы. И пока силы не вернулись к ним, я готова противостоять самому худшему, на что они теперь способны.

Она тихо запела и, бросив уздечку, начала выводить руками какие-то знаки; как ни странно, но конь стоял под ней, будто вкопанный. Слова, произносимые ею нараспев, были очень древними, и в некоторых из них я узнавал корни наших слов, но в большинстве они были чужими.

И хотя они казались чужими, я угадывал их сокровенный смысл. Её пение вызвало во мне чувство, которое я не раз испытывал, поджидая врага в засаде или пробираясь скрытно по его земле. Мне был знаком этот пробегающий по спине холодок от предчувствия предстоящей схватки. Но если раньше я отвечал на это чувство какими-то своими действиями, то сейчас вынужден был ждать неизвестно чего, и это казалось мукой.

Каттея бросала вызов колдуньям — противопоставляла

себя их совокупной силе, подобно тому, как противопоставила иллюзорному пожару пламя истинное. Неужели ей удастся одолеть Мудрейших? Я был готов к тому, что вот-вот начнёт рушиться мир...

Но откликом на её заклинания было не содрогание тверди и не страшные видения. Владычицы откликнулись волной лютой злобы, действующей на разум подобно неведомой силе и сокрушающей его.

— Кайлан! Кимок! — прозвучало у меня в голове.

Превозмогая отупение, я откликнулся на зов сестры и мы вновь составляли теперь одно целое, триедино противостояли воле многих. Нападать мы не могли, нам оставалось только защищаться, выдерживать натиск злых сил.

Я утратил ощущение себя, перестал быть Кайланом Трегартом, превратясь из человека в бестелесную сущность, и непосредственно воспринимал мысли сестры и брата.

— Успокойся, — внушала мне Каття.

Я подчинился ей — и чуть не оказался раздавленным силой, которой мы сопротивлялись.

— Будьте едины волей, держитесь, — воззвала она к нам обоим.

Казалось, нам не выстоять; но как борец обманным движением лишает противника равновесия, так и сестра, на миг поддавшись натиску колдовской силы, тут же нанесла ответный удар. Я ощутил ещё несколько всплесков направленной на нас злобы, а затем она схлынула и ушла...

Снова мы узрели друг друга — во плоти.

— Временное затишье, — сказал Кимок.

— Да, это так, — согласилась Каття, — и не могу сказать, надолго ли.

Уже рассвело, и мы могли бы ехать быстрее, но кони изрядно устали, и мы не решились подгонять их.

Впереди мрачным силуэтом на фоне светлого неба обозначились вершины восточных гор. Они отделяли Эсткарп от неведомой страны. Что нас там ждёт? Что там за ними?

Из манускриптов, которые Кимок изучал в Лормте, следовало, что в давние времена людям на востоке грозила какая-то беда. Не ошибался ли он, полагая, будто по прошествии череды веков эта опасность исчезла? Не случится ли так, что угроза, от которой мы бежим сейчас и которую хорошо себе представляем, обернётся для нас новой бедой, ещё более страшной?

День давно вступил в свои права. Мы ехали, стараясь держаться пустоши и никому не попадаться на глаза. Пока что всё благоприятствовало нам. Здесь было совсем мало поселений, и находились они в отдалении друг от друга. Земли были заброшены и поросли кустарником. По мере продвижения мы всё реже встречали на своём пути признаки присутствия людей.

Впереди всё так же высилась стена гор, и казалось, мы ни на йоту не приблизились к ним. Создавалось впечатление, что они стоят на какой-то гигантской платформе, которая отодвигается и отодвигается от нас. Весь день я ожидал от колдуний новых нападений и уловок. Мне не верилось, что владычицы обессилили и не способны задержать нас, захватить в плен с помощью своих слуг.

Тем не менее, нас не беспокоили. Мы иногда останавливались, чтобы дать передышку коням, да и себе позволяли вздремнуть; однако кто-то из нас всегда оставался на часах. По пути нам не встретилось ничего примечательного, если не считать каких-то любопытных зверьков, которые глазели на нас, выскакивая из-за кочек и кустов. И всё-таки чутьё разведчика подсказывало мне, что нас ждёт засада...

— Понимаешь, — отозвался на мои мысли Кимок, — они, вероятно, не подозревают, что мы надумали податься на восток. А если и подозревают, то, наверное, считают, что мы сами загоняем себя в ловушку, из которой единственный выход — это вернуться назад и оказаться таким образом у них в руках.

В его словах был смысл, но я почему-то не мог согласиться с ним полностью; и когда мы остановились на ночлег возле небольшого, бегущего с гор ручья, я не переставал думать о том, что лучше выдержать ещё одну колдовскую атаку, нежели ждать неизвестно чего.

— Думать так, — услышал я голос Каттеи, — значит, ставить себя под удар. — Опустившись на колени у ручья, она плескала холодную воду себе в лицо. — Они только того и ждут, чтобы кто-нибудь из нас потерял голову.

— Но не стоит забывать и об осторожности, — заметил я.

— Да уж, конечно... — Она испытующе посмотрела на меня. — Скажи мне, а вообще-то у тебя есть на примете какое-нибудь убежище?

Её вопрос смутил меня. «Неужели она думает, что мы

похитили её из Обители ради того, чтобы скитаться по пустошам?» — обиделся я.

Каттея засмеялась.

— Нет, Кайлан, я так не думаю, я о вас лучшего мнения. Когда вы с Кимокком позвали меня, я поняла, что у вас есть какой-то план и что он как-то связан с этими горами, до которых мы так мучительно долго добираемся. Пора бы и мне рассказать о том, что вы задумали.

— Это Кимок, его идея, — ответил я. — Пусть он сам и расскажет.

Она стряхнула воду с рук и вытерла их о траву.

— Ладно, спросу его.

Достав из походных мешков свой скудный провиант, мы уселись перекусить, и Кимок начал рассказывать Каттею о том, что узнал из манускриптов, хранящихся в Лормте. Она слушала его, не перебивая, и, когда он кончил, согласно кивнула.

— У меня есть ещё одно подтверждение твоим догадкам, брат. Весь последний час я, честно говоря, ехала вслепую...

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Только то, что сказала, Кайлан. — Она, чуть нахмурясь, посмотрела на меня. — Я действительно ехала как в тумане. Местами он рассеивался, и я ещё различала деревья, кусты, камни; но большую часть пути он был сплошным.

— И ты даже не обмолвилась об этом!.. — удивился Кимок.

— Да, я не стала ничего говорить, потому что, наблюдая за вами, поняла, что для вас никакого тумана не существует. — Она завернула остаток хлеба в салфетку и положила его в седельный мешок. — Но это не от колдуний. Ты сказал, что нам доступно думать о востоке лишь благодаря тому, что мы полукровки. Скорее всего, так оно и есть. И я опасаясь, что моё общение с колдуньями в какой-то мере сковало во мне эту свободу. Похоже, что если бы я присягнула в верности их делу и стала бы одной из них, то оказалась бы вообще неспособной идти с вами на восток.

— А что, если идти с нами дальше тебе будет ещё трудней? — не удержался я.

— Тогда вы поведёте меня, — ответила она спокойно. — Если этот запрет — только внушение, то, думаю, я рано

или поздно справлюсь с ним, пусть даже не раньше, чем мы преодолеем этот символический барьер — горы. А мы его преодолеем. Я согласна с тобой, Кимок, что Владычицы не будут пока чинить нам препятствий, ибо убеждены, что нам придётся вернуться. Они не учитывают того, что двое из нас остаются зрячими...

Признаться, я не разделял её уверенности, но с другой стороны, на своём опыте я давно постиг ту истину, что излишняя озабоченность тем, что должно случиться, ничего не приносит в ход событий. Другое дело, всегда нужно быть готовым к худшему. Как знать, не окутает ли и нас с Кимоком колдовской туман? Карбкаться по горам, ничего не видя, — дело отчаянное.

— Этот туман... — обратился Кимок к сестре, опередив меня. — Какого он рода? Ты говоришь, он не сплошной?

Каття покачала головой.

— Вовсе нет. Больше того, я думаю, на этот туман можно влиять силой воли. Стоило мне сосредоточиться на чём-то, что виделось смутно, как тень, стоило напрячь волю, и я начинала видеть яснее. Но это требует большого напряжения воли и может сработать против нас.

— Почему? — спросил я.

— Видишь ли, я постоянно должна прислушиваться...

— Прислушиваться? — Я невольно оглянулся.

— Прислушиваться — но не ушами, а внутренним слухом. Этим я могу встревожить их. Пока они не препятствуют нам, потому что выжидают, однако, где уверенность, что они не разъярятся, обнаружив, что нас не сдержали поставленные ими преграды.

— Хотелось бы знать... — Задумчиво произнёс Кимок, — а раньше случалось, что кто-либо позволил себе вот так порвать с колдовством и колдуньями? Судя по всему, они ошарашены твоим бегством. Непонятно, почему им так необходимо держать тебя в Обители.

— Очень просто. Я не такая, как все они, и поначалу колдуньи не очень-то стремились заманить меня к себе — именно по этой причине. Владычицы опасались, что, оказавшись там насильственно, я внесу смятение в их среду. Затем, по мере того, как росла угроза со стороны Карстена, они больше озаботились тем, чтобы не упустить возможность прибрать к рукам девицу, обладающую, по всей вероятности, колдовскими задатками. Каждая

новая послушница, со временем научившаяся соприкасаться с Силой, увеличивала тем самым могущество Владычиц. И они хотели всего лишь, чтобы я стала ещё одним проводником к Силе. Но они до сих пор не могли использовать меня в своих целях, ибо я ещё не поклялась им в верности и не стала одной из них. Однако я сама не могла бесконечно долго воздерживаться от этого шага. Дело в том... — Она замолчала и опустила взгляд на руки. Согнув пальцы, сестра свела руки вместе, как будто держала в них что-то хрупкое. — Дело в том, что я мечтала приобщиться к их тайным знаниям, ибо была уверена, что тоже могу творить чудеса. Но я вдруг поняла, что, выбрав их путь, я отсекаю от себя часть своей жизни. Ощущая себя неразрывно связанной с вами, я не могу быть счастливой одна... Они не давали мне покоя, но я всячески увиливала от ответа на вопрос, что мне мешает принять обет посвящения. И вот настал момент, когда владычицы пошли на риск, чтобы нанести удар Карстену.

Они сказали мне прямо: когда Силу используют таким образом, кто-то гибнет, жертвуя собой. Так и было. Многие умерли, сожжённые Силой, которую накопили в себе, а потом высвободили. Их нужно было кем-то заменить. У меня больше не было выбора. Владычицы дали мне понять, что я не вольна распоряжаться собой, и что они меня никуда не отпустят. Кроме того... — Каттея подняла на нас глаза. — Они намерены расправиться с вами обоими. Они никогда не доверяли нашему отцу и побаивались его, я поняла это, едва оказалась среди них. Они считают противостественным, если мужчина имеет доступ к Силе. Так же неприязненно относились они и к нашей матери, не желая смириться с тем, что, расставшись с ними, она сохранила в себе Дар Силы, которого, казалось бы, должна была лишиться, соединившись с мужчиной. Им это казалось каким-то извращением. Они сразу заподозрили, что и вы в какой-то мере способны соприкасаться с Силой. Минувшей ночью они убедились в этом, и это, конечно, пришлось им не по вкусу. До сих пор ни одно существо мужского пола не могло проникнуть в Обитель и, тем более, покинуть её безнаказанно. Конечно, охрана Обители сейчас ослаблена, Тем не менее, они способны лишить жизни всякого представителя древней расы. А вы — живы; и, значит, представляете для них угрозу, от которой они постараются избавиться.

— Каття, а что это за девица была там, в саду? — неожиданно спросил Кимок.

— Девица? — удивилась она.

— Очень похожая на тебя, — ответил Кимок. — Я не сомневался, что это ты, даже был готов бежать с ней из Обители, но Кайлан не позволил. Правда, Кайлан? — Он повернулся ко мне. — Почему ты решил, что это не Каття?

— Не знаю, почему... — растерялся я. — Она была очень назойлива, прямо вцепилась в тебя.

— Она что, действительно была похожа на меня? — спросила Каття.

— Ещё как, — ответил я. — Только держалась странно — всё время улыбалась...

— Всё ясно — двойник! — Каття сверкнула взглядом. — Выходит, они ждали, что вы попытаетесь выкрасть меня; ведь для того, чтобы создать двойника требуется время. Интересно — какой из послушниц была поручена эта роль?..

— Ты говоришь о перевоплощении? — спросил Кимок.

— Да, о перевоплощении, — ответила Каття, — притом весьма изощрённом, рассчитанном на то, чтобы обмануть даже тебя — способного на мысленный контакт. Неужели они о нас так много знают? Остаётся только гадать, как скоро они начнут преследовать нас, обнаружив, что мы не угодили в их ловушку...

Нет ничего мучительнее неопределённости. В ту ночь нам было очень беспокойно... Журчал ручей, и слышалось топтание стреноженных коней, пасущихся неподалёку. Мы по очереди сменялись на страже.

Наступило утро — ясное и прозрачное для меня и Кимока. Каття же призналась, что по-прежнему видит всё затуманенным. Она жаловалась на головокружение, когда мы тронулись в путь к подножью гор, и вскоре попросила нас привязать её руки к седлу и взять у неё удила, ибо опасалась, что не совладает с навязчивым желанием повернуть своего коня назад.

Нам с Кимоком тоже было несколько не по себе. Время от времени происходило что-то необъяснимое — то возникало перед глазами дрожащее марево — как тогда, когда мы наблюдали за Обителью; то нас охватывало чувство, что мы движемся навстречу своей гибели.

Мы сделали так, как просила Каття, — привязали её

руки к седлу. Но на этом её мытарства не кончились. Едва мы двинулись дальше, как она закричала, чтобы мы остановились, и заявила, что впереди — глубокая пропасть. Никакой пропасти, конечно, там не было, и нам удалось убедить её, что это ей только привиделось. Тогда она попросила завязать ей глаза платком, объяснив нам, что так ей будет легче не поддаваться панике.

След едва различимой тропы совсем пропал. Теперь мы ехали через дикие места. Я провёл в горах немало времени и вполне могу сказать, что знаю их. Но так петлять мне ещё не приходилось. Это было какое-то хаотическое нагромождение скал, и я вдруг понял, чем оно вызвано: подобно горам на юге, эти горы, должно быть, и в самом деле подверглись когда-то невообразимой встряске.

На второй день после стоянки у ручья, вечером, мы добрались до мест, где ехать верхом уже было нельзя. Пришло время оставить коней и самим взбираться на кручи.

— Почему вы остановились и слезли с коней? — спросила Каття.

— Дальше нет пути, — ответил я.

— Стойте! — Она наклонилась к нам. — Развяжите мне руки!

Это было сказано таким тоном, что Кимок тут же подскочил к ней.

Не снимая повязки, она уверенно протянула руки к лицу Кимока и, скользнув пальцами по его бровям, закрыла ему глаза. Держа пальцы на его веках, она выждала немного, потом сказала: — Повернись в ту сторону, куда нам предстоит двигаться.

Не убирая её рук со своих глаз, брат медленно повернул голову налево, в сторону огромной крутой скалы.

— Да... да... я вижу!.. — возбуждённо заговорила Каття. — Вот он, наш путь. Я вижу, как нам пробираться дальше.

«Допустим, это так, — подумал я. — Но как нам преодолеть эту кручу? Мы с Кимоком, может, и вскарабкаемся по ней, хотя ему с его покалеченной рукой придется тяжело. А как быть с Каттеей? Не тащить же её на себе».

— Вам не придётся делать этого, — отозвалась она на мои сомнения. — Но для того, чтобы собраться с силами, мне нужно поспать. Утром решим, как быть дальше. Я

превозмогу внушённый мне запрет, я уверена в этом.

Меня снова поразила её уверенность. Я отнюдь не исключал вероятности того, что наша попытка преодолеть кручу окажется безуспешной, и мы будем вынуждены искать иной путь через горы.

Глава 6

Я не мог уснуть — хотя тело требовало отдыха. Покрутившись с боку на бок, я сбросил с себя походное одеяло и подошёл к Кимоку, нёсшему вахту.

— Всё спокойно, — упредил он мой вопрос. — Мы, должно быть, так далеко проникли на ничейную территорию, что можем не опасаться преследования.

— Интересно, кого мы встретим там, — сказал я, кивнув в сторону скал, на которые утром нам предстояло взбираться.

— Друзей или врагов? — он чуть повернулся, и в лунном свете блеснула рукоять самострела, лежавшего у него на колене.

— Кстати... — показал я рукой на оружие, — у нас осталось в запасе всего две обоймы. Похоже, что нам придётся полагаться лишь на мечи да клинки.

Кимок поднял покалеченную руку, и когда сжал её в кулак, три пальца так и не согнулись.

— Если тебя смущает это, брат, то напрасно. Я научился владеть левой рукой ничуть не хуже, чем правой. Завтра я подвешу клинок к своему поясу так, чтобы им можно было пользоваться.

— Не обижайся, — сказал я. — Я чувствую, что нам не избежать кровопролития.

— Возможно, ты прав, — ответил он. — Но лучше с оружием в руках бороться за себя там, — он кивнул на восток, — чем вернуться назад.

Я огляделся. Луна светила так ярко, что было не по себе. Кимок выбрал наблюдательную площадку на краю уступа, идущего по краю ущелья, где мы находились; но отсюда не прослеживалась тропа, по которой мы пришли, и это не давало мне покоя.

— Пойду посмотрю, что там внизу, — сказал я. При такой луннице над головой я без труда спустился по склону и, добравшись до его излома, заглянул вниз. Мы потра-

тили целый день, чтобы от подножья горы подняться сюда. Здесь не было ни деревьев, ни кустов — ничего не мешало обзору. Я вытащил из поясного кармана трубу с линзами и навёл её в ту сторону, откуда мы пришли.

Вдали отдельными точками мерцали огни костров. Наши преследователи не только не старались как-то их скрыть, а наоборот, делали всё, чтобы те горели поярче, давая тем самым понять, что они ждут нашего возвращения. Я насчитал около двадцати огней и усмехнулся — сколько внимания трём беглецам! Судя по своему воинскому опыту, я заключил, что нас поджидало внизу человек сто, не меньше — целое войско. Среди них наверняка были и те, кто хорошо знал и меня, и Кимока. Свободные от патрулирования южной границы, они могли быть теперь использованы для погони за нами.

Неужели мы и впрямь в ловушке? Я повернулся назад и взглядел на скалистую стену, преграждавшую нам путь. Внимательно осмотрев её в трубу, от северного края до южного, я не заметил ничего такого, что могло бы подсказать, где следует взбираться по ней. И тогда я подумал о тех, кто сидел сейчас у костров: «Остановятся ли они у какой-то условной черты или же продолжат преследование?»

Я вернулся к Кимоку.

— Значит, они собрались в долине и ждут нас... — Кимок угадал увиденное мною.

— Да, — сказал я. — Судя по кострам, там целый отряд.

— Должно быть, они обещали Мудрейшим, что не вернутся без нас. Но я сомневаюсь, что они способны добраться сюда.

— Ты знаешь, я не смог высмотреть ещё какого-нибудь пути вверх, кроме как по скале, — сказал я, дав понять, что меня беспокоит, как быть с Каттеей.

— Не волнуйся, Кайлан. Каттея сможет подняться по скале, — ответил он.

— Ты считаешь, что она способна карабкаться по ней вслепую? — удивился я.

— Не совсем так. С ней буду я — в связке, и мысленный контакт со мной заменит ей зрение. Ты же будешь прокладывать путь — как сам уже догадался.

Я рассмеялся.

— Кимок, может, нам вообще обходиться без слов? Ты улавливаешь каждую мою мысль...

— Ты уверен? — спросил он. — Ты что, знаешь все мои мысли?

Я задумался. Он был прав, во всяком случае, в том, что касалось меня. Я мог вступать в мысленный контакт и с ним, и с Каттеей; но этот контакт возникал как будто сам по себе и так же, независимо от моей воли, пропадал. Обычно он устанавливался, когда мы сосредотачивались на чём-то, касающемся нас троих. Но когда Кимок не хотел того, я не мог угадать его мысли.

— Так же, как и я твои, — мгновенно отозвался он. — Мы можем быть единой волей, если того требует случай, но всегда каждый из нас будет оставаться отдельной личностью — со своими мыслями, со своими нуждами и со своей судьбой.

— И это прекрасно! — сказал я, не задумываясь.

— А иначе быть и не может. В противном случае мы были бы подобны тем, кого колдеры использовали как рабов, — ходячими мертвецами, лишёнными души и разума. Достаточно того, что мы можем приоткрыть свои мысли друг другу, когда это необходимо. Разум — это сокровенное.

— Завтра, когда я буду прокладывать вам путь, я постараюсь быть сосредоточенным и запоминать каждый выступ и каждую трещину, — пообещал я. — Быть может, это позволит Каттее видеть путь с завязанными глазами.

— Будем надеяться. Но поскольку это требует большого напряжения воли, нам придётся делать это по очереди. И ещё... — Он снова вытянул покалеченную руку и попытался сжать её в кулак. — Прошу, не считай меня калекой. Пусть эти пальцы и не гнутся, но все другие хорошо функционируют мне.

Я в этом и не сомневался. Кимок встал и засунул самострел в кобуру. Я сменил его на вахте, дав ему возможность подремать. Мы договорились с ним не тревожить этой ночью Каттею — завтра ей предстояло бороться с чарами, которые наложили на неё колдуньи.

Всматриваясь в склоны ущелья, я ловил себя на том, что полуденное сияние завораживает меня. Рассеянный серебристый свет странным образом мешал ясно видеть — как то марево, которое заслоняло тогда от нас Обитель. Этот свет дурманил мозг и притуплял мысли.

Я не мог больше выносить отупляющего оцепенения — покинул уступ и принялся ходить поперёк ущелья, стараясь не останавливать надолго взгляд ни на чём. Незамет-

но для себя я оказался на том месте, где мы оставили стреноженными наших коней. Я обратил внимание на то, что их движения были чрезмерно замедленными, как будто они находились в каком-то полусонном состоянии, которое вряд ли можно было объяснить усталостью. Похоже, что воздействие, которому так долго подвергались люди древней расы и которое исказило их мышление, в какой-то мере затронуло и мозг животных.

Мы не могли взять коней с собой — зато они могли сослужить нам ещё одну службу. Я снял с них путы, оседлал их, надел удила и, накинув уздечки на луки седел, завязал их там. Пока я седлал коней, они заметно оживились.

Я приготовился было мысленным усилием направить их вниз по тропе, как вдруг услышал за спиной какой-то шорох. Резко обернувшись и схватившись за рукоять самострела, я увидел Каттею, которая стояла поблизости и развязывала платок, закрывавший ей глаза. Сдёрнув повязку, она посмотрела на меня, щурясь, как близорукая.

— Что это ты?.. — начал я, но она прервала меня жестом руки.

— Ты не всё продумал брат, — спокойно сказала она. — На конях должны быть всадники.

— То есть, чучела? — сообразил я. — Но их не из чего сделать.

— Для того, чтобы создать наваждение, — сказала она чуть назидательно, — вовсе не обязательно использовать солому или тряпки.

— Но ведь у тебя нет Камня Силы, — возразил я. — Способна ли ты без него создать такое наваждение?

Она нахмурилась.

— Не знаю, попытаюсь. Наша мать рассталась с талисманом в день замужества и, однако, сохранила способность творить чудеса. Быть может, вопреки уверениям Мудрейших, Камень не так уж необходим для обращения к Силе. Конечно, я не настолько опытна, чтобы судить об этих вещах, но я уверена, что никому неизвестно, чего можно достичь единственно силой воли и желания... Ну да ладно... — Она сорвала с чахлого куста полужасохший лист. — Кайлан, выдерни прядь волос из головы — да так, чтобы тебе было больно, — брось сюда и смочи слюной.

Я не мог ослушаться её — снял шлем и, накрутив на

палец клок волос, рванул их. Затем поплевал на лист и положил туда вырванную прядь, чуть опередив Каттею, которая подвергла себя такой же экзекуции.

Она пошла будить Кимока, чтобы и он проделал то же самое. Сложив ладони на ладони, она вернулась к коням. Бормоча какие-то заклинания, она свернула один из листиков в трубочку вместе с его необычной начинкой и сунула его под уздечку — где я привязал её к луке седла. То же самое она проделала с двумя другими листочками, а после этого отошла в сторону и, сложив ладони рупором, запела — сначала тихо, а затем всё громче и пронзительней. От её пения я погрузился в какое-то странное состояние. Мне казалось, что звуки её голоса проникают в меня и заставляют пульсировать кровь согласно их ритму... И вдруг она прервала пение.

— Теперь прикажи коням уйти, — обратилась она ко мне.

Я снова мысленно коснулся заторможенного разума животных, чтобы взбодрить их и заставить двигаться. Они побрели вниз по ущелью, в сторону огней. Глядя им вслед, я заметил, как над их спинами туманно обозначились силуэты всадников.

— Мне кажется, сестра, — сказал Кимок, — люди даже не подозревают, на что способны колдуньи.

— Но колдовство тоже не даётся так просто, — с усталой улыбкой ответила Каттея. — Как бы там ни было, у нас теперь есть время — хотя бы на то, чтобы поспать спокойно.

Она едва держалась на ногах, и мы помогли ей добраться до ложа, устроенного из веток, поверх которых были брошены походные одеяла. Она тут же уснула. Я взглянул на Кимока. Его лицо казалось спокойным. Сейчас не было нужды даже в мысленном общении, всё уже решено — утром мы рискуем взобраться по скале. Благодаря придумке Каттеи, у нас появился запас времени и можно было не очень торопиться.

Светало. Я снова вышел на край ущелья. Вдали по-прежнему мерцали огни костров, хотя в утреннем свете они были уже не так видны. Достав трубу, я попытался разглядеть наших коней. Мне не сразу удалось отыскать их внизу, в долине, а когда я, наконец, увидел коней, то вздрогнул от неожиданности: на скакунах сидели всадни-

ки... Должно быть, воины у костров тоже заметили их и ждали, когда они подъедут ближе. Насколько реальным для них было это наваждение, я не мог судить, тем не менее, на какой-то срок оно прикрыло нас.

Подошёл Кимок, и мы вместе наблюдали за конями, пока они не скрылись из виду. Потом мы пошли вверх по ущелью посмотреть на скалу, которую нам предстояло покорить. Она казалась не такой уж неприступной — на ней хватало неровностей, а на верху виднелся уступ, где можно было передохнуть. Оставалось только гадать, что ждёт нас за гребнем скалы. Но вряд ли там было что-то такое, с чем бы мы не смогли справиться.

День мы провели в лагере, отсыпаясь по очереди; Каттея восстанавливала силы, которые ушли на создание наваждения. С наступлением темноты я снова отправился к краю ущелья, но на этот раз не увидел никаких огней, что могло означать одно из двух: либо созданные Каттеей призраки были так похожи на нас, что их взяли в плен и увезли на расправу, либо обман раскрылся, и всё войско вновь пустилось за нами в погоню. Однако, наблюдая довольно долго за тем, что было доступно обзору, я так и не заметил ничего подозрительного.

— Думаю, они ушли, — сказала Каттея. — Да это и не имеет значения. С рассветом мы тоже уйдём. Туда. — Она показала рукой в сторону скалы.

Утром, упаковав провиант, оружие и одеяла в два тюка, мы с Кимоком забросили их себе на плечи. Каттею мы обмотали верёвкой, концы которой привязали к своим поясам. Она сняла повязку с глаз, но пока не открывала их, стараясь «видеть» посредством мысленного контакта с нами, — она всё ещё не переборола в себе колдовской туман, мешавший ей двигаться вперёд.

С самого начала мы поняли, что подъём на скалу будет долгим и трудным. Для меня он осложнялся ещё и тем, что я шёл в связке первым и должен был заботиться не столько о себе, сколько о Каттее, наблюдая за её продвижением. Удивительно, как с закрытыми глазами она проявляла такую поразительную ловкость: уверенно хватаясь за выступы, о которых я мысленно предупреждал её, сестра ни разу не промахнулась. Но когда мы достигли площадки наверху скалы, я почувствовал себя вконец обессиленным и не способным дальше тащить за собой сестру и

брата. Каттея присела возле меня на корточки, а Кимок, пристроившись рядом, положил руку на мое дрожащее от усталости и перенапряжения бедро.

— Остаток пути впереди пойду я, — сказал он тоном, не допускавшим возражения.

Да и что было возражать? Я слишком устал и не имел права подвергать сестру и брата бессмысленному риску. Отдохнув, мы поменялись местами, и Кимок стал ведущим. Я заметил, как напряглось его лицо, и поймал себя на том, что сам не успел расслабиться.

И всё же хорошо, что я пропустил Кимока вперёд. Последний участок подъёма оказался каким-то кошмаром: у меня едва хватало сил, чтобы не отставать от брата, не быть мёртвым грузом в связке. Наконец, преодолев гребень скалы, мы выбрались на широкую площадку — чуть ли не горное плато.

Налетел холодный ветер, и, чтобы укрыться от него, мы поспешили под защиту скал — туда, где темнела широкая расщелина. Как только мы добрались туда, Каттея запрокинула голову и, открыв глаза, издала радостный крик. Мы поняли, что она избавилась от проклятого наваждения.

В расщелине нам не стало теплее: там лежал снег. Мы сбросили тюки с плеч, вынули одеяла, завернулись в них и в таком виде пошли дальше по дну расщелины, пока не очутились у обрыва на её краю.

Нашему взору открылась необычная картина. Склон горы, изрезанный вдоль и поперёк множеством щелей и впадин, круто уходил вниз, исчезая в густом тумане, и нельзя было понять, что там внизу — бездна или земная твердь. Представьте себе грязную тряпку, которую скрутили, чтобы отжать, и бросили — примерно так выглядели эти горы, смятые, изрезанные множеством расщелин.

Каттея втянула носом воздух, словно принюхиваясь.

— Во всём этом... — начала она говорить, но почему-то осеклась. — Нет, я не собираюсь убеждать вас ни в чём. Скажу только, что эта земля претерпела катастрофу, вызванную не силами природы, а чей-то волей. Это произошло давно, и следы катастрофы почти исчезли... Давайте спускаться вниз, здесь холодно.

Спуск оказался легче, чем подъём. Склон был иссечён множеством изломов, и местами по ним можно было идти, как по ступенькам лестницы.

Однако подножье склона скрывалось в тумане, и это не прибавило нам бодрости. Надо сказать, что если на западной стороне хребта нам попадались следы зверей и птиц, то здесь не было заметно никаких признаков жизни. Спустившись со скалы, мы попали в полосу низкорослых, чахлых кустиков с листьями неопределённого цвета и формы.

Когда, наконец, мы добрались до края ущелья, я сказал сестре и брату, что пора сделать привал. Ущелье выглядело необычно. Сначала я не мог понять, что там такое внизу, но осмотревшись и заметив неподалёку молодую поросль каких-то деревцев, я догадался, что под нами — лес. Это были диковинные и, вероятно, древние деревья. Они плотно заполняли собой ущелье и были такими высокими, что едва не достигали вершинами уступа, на котором мы стояли.

Они — когда-то давным-давно — сначала росли, как все деревья, прямо. Однако, достигнув футов десяти в высоту, продолжали развиваться почему-то не вверх, а вбок; спустя какое-то время направление роста снова сменялось на вертикальное. Процесс повторялся многократно, и в результате лес представлял собой густую путаницу стволов и ветвей, скрывающую дно ущелья, куда можно было спуститься только по этим корявым деревьям, с риском сломать себе шею.

— Нам потребуется не меньше дня, чтобы спуститься в ущелье и выйти в долину, — сказал я сестре и брату, вернувшись с обрыва.

— Похоже, ты прав, — ответила Каття, прикрыв глаза от лучей заходящего солнца. — Холодно здесь. Может, нам поискать какое-нибудь укрытие?

Кимок уже заметил вблизи расселину, которая могла бы послужить нам убежищем. Мы натаскали туда камней и соорудили стенку, которая могла защитить нас от ветра. Вокруг валялось много хвороста, но мы не стали разжигать костёр, чтобы не привлекать к себе внимания. Вместо того мы устелили ветками закуток и улеглись на них, накрывшись походными одеялами.

Если днём горы казались нам необитаемыми, то ночью они ожили и наполнились звуками. Мы слышали зычный крик снежного барса, упустившего добычу, и уханье каких-то хищных птиц над лесом в ущелье. Но никто из живых тварей не появился вблизи нашего укрытия.

Глава 7

Рано утром мы доели остатки хлебцев и обнаружили, что фляги, которые были наполнены водой из ручья, почти пусты. Кимок вытряхнул свой мешок.

— Ещё один довод в пользу того, что нам следует поспешить, — заметил он.

Облизнув губы, я попробовал вспомнить, когда в последний раз поел досыта. С того момента, как я откликнулся на зов Кимока, я довольствовался сухим пайком. Пока что мы не встретили никаких следов зверья. Однако ночью кричал снежный барс, а этот хищник не бродит там, где нечем поживиться. Я представил себе, как шкворчит на вертеле жаркое из косули или горного козла. Размечтавшись об этом, я встал и подошёл к краю ущелья. Внизу был лес, через который нам предстояло пробираться.

Радуюсь, что нам удалось уйти от преследования, мы всё-таки не забывали об осторожности и, чтобы уберечься от смертельного падения, снова связались веревкой. Я не считал себя новичком в скалолазании, но привык чувствовать под ногами камень, а не ветви деревьев. Едва мы начали спускаться по ним, как я был напуган одним из обитателей необычного ущелья. Прямо из под моих ног с резким криком выпорхнула какая-то тварь с перепончатыми крыльями и тут же скрылась в ветвях соседнего дерева. Каттея вскрикнула, тоже испугавшись, и я ухватился за сук, помня о том, что мы связаны верёвкой. Мы вынуждены были двигаться ещё осторожней, а значит, и медленнее.

Ещё раза три мы спугивали таких же летающих тварей. Более того, в одном месте мы вынуждены были вернуться назад, чтобы миновать стороной другого обитателя древесного лабиринта — покрытое чешуёй существо, которое, выстреливая своим раздвоенным язычком, наблюдало за нами холодными, немигающими глазами. Эта чешуйчатая тварь напоминала змею, но, в отличие от змеи, у неё были лапы, снабжённые когтями, хорошо приспособленными для лазанья по деревьям. Странное существо имело весьма зловещий вид, и, похоже, встреча с нами его несколько не напугала.

Но всему приходит конец. Вспотевшие, уставшие до головокружения, мы спустились на дно ущелья. Каттея повалилась на землю, совершенно обессиленная. Мы были исцарапаны и исхлестаны ветками до кровавых

рубцов. Наше воинское одеяние почти не пострадало, зато платье Каттеи было сильно изодрано. В её волосах застряло множество веточек, листьев и кусочков коры.

— Я, наверное, похожа на лесную ведьму, — сказала она с грустной улыбкой.

— Ага, на ведьму родом из этой лесной страны, — не задумываясь, отозвался я, и вдруг заметил, что сестра и брат смотрят на меня так, как если бы я изрёк сакраментальную истину.

— Он прав, — посмотрел на сестру Кимок. — Ты у нас Фея Зелёного Безмолвия.

— Зелёное Безмолвие... Страна из сказки, которой пугают непослушных детей, — сказал я, намекая, что тоже знаю кое-какие легенды.

— Необязательно из сказки, — возразила Каттея. — Она могла быть и в самом деле, но в Эсткарпе об этом ничего не знают, вот и всё. А что ты скажешь о Вольте? Его ведь тоже считали легендой — пока наш отец и Корис не нашли его останки в прибрежном склепе.

— Это совсем другое дело, — возразил я. — Это не идёт ни в какое сравнение с историями о лесных ведьмах, которые ищут кормилиц для своих отпрысков, о крылатых существах, которые мучают тех, кто пытается разгадать их тайны, о подземном царстве, куда увлекают людей, о людях-деревьях, властвующих надо всем живым...

— Но эти истории так же стары, как и Эсткарп, — сказал Кимок. — И, возможно, они родились не в Эсткарпе, а в стране, ещё более древней.

— Послушай, — оборвал я его, — у нас полно других забот, и не время занимать голову сказками, от которых за каждым кустом мерещатся привидения.

«Как трудно иногда сдержать игру воображения!» — подумал я. Да, эта необычная страна могла бы служить богатым источником для разных легенд. Но я не забывал и о том, что легендарный Вольт — не вымысел. Такой человек был, и его бранные останки видел мой отец.

Мы уже вышли из ущелья на пологий склон, хотя нам всё ещё попадались на пути скалистые места. Ужасно хотелось пить. Вокруг была густая растительность, но мы не встретили ни одного родничка. Наступал день, зной усиливался, и по-прежнему впереди всё было покрыто густым туманом, похожим на испарения.

Я не заметил, когда именно у меня появилось ощущение, что на этой покрытой туманом пустоши мы не одни.

Вероятно, усталость и жажда на время притупили во мне чутьё разведчика, но теперь ощущение, что за нами наблюдают, усиливалось. Наконец, я не выдержал и, велел сестре и брату спрятаться в ближайших кустах, вытащил из кобуры самострел и огляделся.

— Кажется, нам что-то угрожает... — Кимок так же, как и я, держал оружие наготове.

Каття сидела с закрытыми глазами, словно к чему-то прислушиваясь.

— Ничего не чувствую, — прошептала она. — Ничего...

— Это уже ушло... — сказал я, краем глаза заметив движение за спиной — какая-то тень мелькнула и тут же исчезла. Жестом я позвал сестру и брата поспешить за мной.

По мере того, как мы продвигались, туман рассеивался и, наконец, исчез совсем. Поросший кустарником склон сменился низиной, покрытой плотным серым мхом, который пружинил под ногами. Мне почему-то не доставляло удовольствия ступать по нему.

Вокруг слышались голоса птиц, по мшистым кочкам сновали разные зверюшки. У нас появилась возможность подстрелить какую-нибудь живность и утолить голод, но нас сильнее мучала жажда. Вскоре мы наткнулись на первые следы людского обитания — полуразрушенную изгородь из глины и камней, окружавшую поле, заросшее высокой травой, среди которой кое-где виднелись жалкие колоски почти выродившихся злаков. Очевидно, когда-то здесь растили хлеб.

Мы побрели вдоль изгороди. Нещадно палило солнце, лишая нас последних сил, зато появилась надежда, что где-то рядом должна быть вода. Неожиданно Каття споткнулась, но, схватившись за изгородь, удержалась на ногах.

— Я больше не могу, — прошептала она.

Кимок поддержал её за локоть.

— Осталось совсем немного. — Он показал в сторону деревьев, где можно было укрыться от солнца. Нам повезло, и вдвойне: добравшись до них, мы увидели, что изгородь плотно оплетена лозой, увешанной гроздьями красных ягод. Мы решили, что это виноград. Ягоды, на вид спелые, оказались на вкус очень кислыми, однако жажду мы утолили.

— Где-то поблизости должна быть вода, нам нужно запастись ей, — сказал я. Сбросив с себя мешок, я прове-

рил, заряжен ли самострел, и, после этого, собрал все наши фляги для воды.

— Кайлан! — Каттея всё ещё ела ягоды. — Настройся на мысленный контакт с нами.

Кимок отрицательно покачал головой.

— Нет, брат, не надо. Не зови нас без особой нужды, не буди Силы.

Я понял его — он так же остро, по-видимому, как и я, чувствовал, что мы находимся совсем не в мёртвом царстве. Что-то невидимое всё время сопровождало нас, следило за каждым нашим движением.

— Постараюсь думать только о воде и ни о чём другом, — пообещал я. Уходя от них, я пытался зримо представить себе какой-нибудь родничок или ручеёк.

Я пересёк одно поле, за ним лежало другое. Их разделяла заброшенная дорога, сплошь заросшая бурьяном. По второму полю бродили какие-то двурогие животные, похожие на антилоп. Видимо, это была семья: крупный бык, фута четыре в холке, три самки, четверо телят и годовалый бычок. Его-то я и выбрал своей жертвой.

Самострел бьёт бесшумно. Бычок дёрнулся и повалился на бок. Его сородичи вскинули головы, оглянулись на него и, внезапно сорвавшись с места, ускакали. Я перепрыгнул через разваленную изгородь и направился к своей добыче.

Разделявая бычка, я услышал журчание и плеск; должно быть где-то неподалеку струился ручей. Завернув куски свежатины в шкуру, я взвалил тюк на плечо и пошёл на звуки.

Но это был не ручей — я вышел к речке, и довольно бурной. Большие валуны торчали из воды, и она клокотала, встречая их сопротивление.

Я соскользнул вниз по обрывистому берегу и, опустившись на колени, принялся черпать пригорошнями воду. Она была чистой и холодной. Напившись, я долго плескал воду в лицо и на голову, не в силах прервать удовольствие. Затем я сполоскнул фляги, наполнил их по горлышко и заткнул пробками.

Теперь у нас было в достатке и пищи, и воды — Каттея и Кимок воспрянут духом. С флягами на боку и тюком мяса на плече, я попытался подняться наверх, но берег оказался слишком крутым, и мне пришлось искать более пологий подъём.

Пробираясь вдоль речки, я обогнул береговую кручу и обнаружил ещё одно свидетельство тому, что эти места когда-то были обитаемы. Однако увидел я не развалины каких-то жилищ — передо мной высилась площадка из массивных каменных плит, поросших мхом и травой. На ней стояло множество колонн, расположенных не рядами, а по спирали. Насколько я мог судить, на них вряд ли когда-либо покоилось перекрытие, и я не мог понять их назначения. Любопытство толкнуло меня перебраться с прибрежных валунов на платформу. Я ступил на плиту, которая находилась между двумя крайними колоннами.

Затем... Затем, чувствуя, что не владею собой, я начал медленно двигаться между колонн по кругу, виток за витком, приближаясь к центру лабиринта. И чем ближе я подходил к нему, тем острее ощущал, что меня влечёт туда нечто губительное. Я чувствовал себя жертвой какой-то злой силы, готовой поглотить меня.

Меня охватил невыносимый ужас, и я закричал, взывая о помощи всем своим существом, больше надеясь не на силу легких, а на то, что будет услышан мой мысленный зов.

И он был услышан. Я почувствовал приток силы, помогающей мне противиться почти необоримому влечению к центру каменной паутины. Я упёрся руками в колонну и, оттолкнувшись от неё, сделал шаг назад.

Так, отталкиваясь от колонн, я стал рывками двигаться обратно, ощущая всем нутром флюиды ярости, которую источал невидимый хозяин лабиринта. На какой-то миг ярость сменилась растерянностью: по-видимому, властелин каменной паутины не привык к тому, чтобы жертва сопротивлялась.

Я уже добрался до внешнего круга колонн, как вдруг увидел, что на меня надвигается чёрное облако, возникшее неведь откуда. Я снова закричал и, собрав остатки сил, попытался сделать ещё несколько шагов, но споткнулся и упал. Меня поглотила тьма — тьма небытия.

Должно быть, приступ рвоты помог мне прийти в себя. Меня выворачивало наизнанку. Кто-то помогал мне удерживаться на четвереньках. Я открыл глаза и увидел Кимока. Он подождал, пока у меня кончились спазмы, затем опустил меня на землю. Подумав с испугом, что всё ещё нахожусь среди колонн, я сел и огляделся.

Вокруг расстиралось широкое ровное поле, на котором

под лучами вечернего солнца не было заметно никаких подозрительных теней. Каття наклонилась, чтобы напиться меня из фляги. Я попытался взять флягу из её рук, но у меня не хватило сил даже на это.

Станным показалось мне выражение её лица — взгляд потухший, губы плотно сжаты. Кимок, за нею, став на колено, настороженно оглядывался по сторонам, как будто ждал нападения.

— Как скоро проявилось зло... — Каття поддерживала мне голову, пока я пил. — Благодарение Силе, не давшей выплеснуться ему из клоаки до конца! Эта страна наполнена злом...

— Как я оказался здесь? — прошептал я.

— Попав в ловушку, ты успел позвать нас. И когда ты каким-то чудом сам выбрался из неё, правда, лишившись сознания, мы поспешили унести тебя подальше от гибельного места, опасаясь, что его дух витает не только среди колонн, но и в окрестностях. К счастью, этого можно не опасаться более. — Она подняла голову, посмотрела по сторонам и, вздохнув глубоко, сказала: — Здесь хорошо, и нам ничто не угрожает. Но в том месте ты попал в паутину зла — древнего зла. И если так неожиданно обнаружилось одно из его сосредоточий, нам не избежать дружеских встреч с чем-нибудь подобным.

— О каком зле ты говоришь? — спросил я. — О Колдере?

Назвав это мрачное имя, я уже знал, что оно вряд ли имеет отношение к тому, с чем я столкнулся в каменном лабиринте.

— Мне не доводилось иметь дело с колдерами, и всё же я думаю, что зло, о котором я говорю, сродни им. И ещё оно... оно — сродни Силе!.. — Каття посмотрела на меня так, будто сама испугалась своих слов.

— Но это же нелепость! — не сдержался Кимок.

— До сего дня я не посмела бы утверждать этого, — ответила она. — Но отныне уверена — это проявление не какой-то новой неизвестной силы, а почему-то обернувшееся злом проявление всё той же Силы, с которой мы соприкасались с детства. Неужели я не могу распознать того, чему меня учили, и чем я пользуюсь, даже если это до невероятности искажено и опорочено? В этом и опасность, что нас может увлечь эта тёмная сила ещё сохранившейся в ней частичкой истины. Что же произошло в

этой стране? Почему благая Сила теперь используется во зло?

Мы не могли ответить ей.

Она положила ладонь на мой лоб и чуть отодвинулась, чтобы смотреть мне прямо в глаза, затем запела низким голосом, и я почувствовал, как тошнотворная боль уходит из меня, оставляя лишь память о том, что не должно больше повториться.

Наконец ко мне вернулись силы, и мы двинулись дальше. Открытое пространство поля служило защитой от любых неожиданностей. Приближалась ночь, и нам было необходимо позаботиться о каком-то укрытии. Двигаясь вдоль разрушенной изгороди, мы поднялись на пригорок, где наткнулись на развалины, поросшие травой. Частично сохранившиеся две стены образовывали угол, и мы воспользовались этим убежищем.

Мы с Кимоком насобирали камней и возвели нечто вроде третьей стенки. Каттея отправилась за хворостом, который можно было набрать поблизости. Когда она вернулась, её лицо заметно просветлело.

— Я не почувствовала ничего опасного. Скажу вам больше — здесь когда-то обитал целитель. Лечебные травы, если их посадить с любовью, не требуют за собой никакого ухода. Посмотрите, что я нашла. — Она разбросала на большом плоском камне свои находки.

— Вот это, — она коснулась резного листка, — камнеломка, она снимает жар. А это, — она показала нам стебелёк с лапчатыми листьями, — это ланглорн, он освежает мозг и чувства. А вот самая сильная из трав, благодаря ей сохранились здесь все остальные растения. Это знаменитый ильбеин — Цветок Жизни.

Об этом цветке я знал. Даже в Эсткарпе сохранился древний обычай сажать его по весне где-нибудь рядом с жильём, чтобы осенью, собрав белые цветы и связав их в пучки, повесить над входом в дом или у ворот конюшни. Существовало поверье, что они оберегают от несчастий: запах этих цветов — не важно, выдернули их с корнем или оборвали, — настолько устойчив, что может одурманить и отпугнуть любую нечисть.

Она начала раскладывать свои травки поверх хвороста, сложенного для костра. Я же, опасаясь, что белый, как молоко, дым от их возгорания сможет привлечь к нам внимание, хотел остановить её, но Кимок жестом дал мне

понять, чтобы я оставил сестру в покое. Сложив этот необычный костерок, Каттея украсила его парой цветков ильбеяна. Подняв стебель с оставшимися на нём цветами, она принялась ходить с ним туда и обратно вдоль сооружённой нами стенки, изредка прикасаясь к камням, и, наконец, воткнула его между ними, как флажок.

— Разожгите костёр, — попросила она. — Он не выдаст нас, напротив, будет оберегать этой ночью, отгоняя зло.

Я без труда зажёл хворост, и он сразу разгорелся. Дым костра был насыщен дурманящим запахом. А после того, как травы сгорели, мы вдыхали другой аромат — жаря на вертелах из веток кусочки свежего мяса, и вскоре я совсем избавился от ощущения, что за нами кто-то следит...

Глава 8

В ту ночь мы спали крепко, безо всяких сновидений, и проснулись бодрыми, однако мысль о том, что нам следует быть настороже, не оставляла нас. Каттея, похоже, поднялась первой, ибо, когда я открыл глаза, она сидела на корточках, положив руки на сооружённую нами стенку и пристально смотрела вдаль. Небо было покрыто облаками, утренний свет едва пробивался сквозь них.

Сестра повернулась ко мне.

— Кайлан, посмотри туда — что ты об этом скажешь?

Вдали, над небольшой рощицей, к небу поднимался светящийся столб — не красного, как отсвет огня, а зеленоватого, неестественного цвета.

— Не гаснет и не становится ярче, — пояснила она.

— Может, это какой-нибудь маяк? — предположил я.

— Может быть. Но зачем? — удивилась она. — Ты знаешь, вчера вечером я не видела ничего такого...

— Каттея...

Она обернулась.

— Послушай, — сказал я, — в этих местах полно ловушек вроде той, из которой вы меня вчера вытащили. Надо полагать, в эту страну нет хода тем, кто близок по крови нашей матери.

— Похоже, так, — согласилась она. — Но что удивительно, Кайлан: у меня такое чувство, будто мы пришли сюда не по своей воле, будто что-то направляло нас. А вообще-то, если не считать гиблых мест, вроде того, куда ты попал вчера, это благодатная земля. Ты только посмотри вокруг.

Разве не прекрасны эти поля — даже под хмурым небом?

Она была права. Заросшие дикими травами окружавшие нас поля необъяснимо притягивали меня — хотелось запустить руки в мягкую землю, которую давно не бороздил плуг; хотелось сбросить с себя кольчугу и шлем, которые мне осточертели, и побежать босиком по траве навстречу ветру. Я с детства любил это, но строгий Откелл всегда пресекал какое бы то ни было мальчишество.

— Ну как? — улыбнулась Каття. — Неужели ты не примешь эту землю лишь потому, что её поразила какая-то язва? Можно избежать гиблых мест и не думать о них. Скажу тебе больше: травы, которые я собрала, не растут в местах осквернённых Силой Тьмы.

И тут мы услышали голос Кимока.

— Чтобы где-то жить, необходимо иметь жилище и запас пищи. А это... — он показал на развалины, — жилищем не назовёшь. Что же касается пищи, то нам, пожалуй, пора заняться охотой. Да и вообще, мне бы хотелось познакомиться с соседями.

Я был согласен с ним. Всегда нелишне знать, что тень от дерева — это просто тень от дерева, а не какой-нибудь неприятный сюрприз.

Мы поели мяса вперемежку с кислым виноградом и стали готовиться в путь. Каття, прежде чем покинуть холм, сходила собрать травы, потом завязала их в узелок, который сделала из подола своего платья, укоротив его почти до колен.

Зелёный луч, хорошо видимый в сером небе, неодолимо манил нас к себе. Но мы продвигались вперёд осторожно, прячась в тени кустов и деревьев. Рощица, наполненная щебетаньем птиц и шорохами снующих в ней зверьков, не вызывала никаких тревожных чувств. Выйдя из неё, мы снова оказались на открытом месте и нашим взорам открылась река — та, которую мы уже видели. На её излучине высилась серая башня, похожая на те, какие строят в крепостях и замках Эсткарпа. Из окон бойниц на третьем и четвёртом ярусах струился призрачный свет, но гораздо больше света излучала корона башни, в парапете которой зияли бреши — свидетельство её обветшания.

Я глядел на башню и не испытывал никакого желания приблизиться к ней. Она не влекла к себе в отличие от

вчерашнего каменного лабиринта, но наоборот, казалась стражем, готовым покарать всякого, кто преступит некую невидимую черту.

Я заметил, что Каття стоит с отрешённым лицом, и понял, что она пытается мысленно проникнуть за стены башни.

— Нет, мне не удаётся постичь её суть, — сказала она, покачивая головой. — Ну что ж, значит так тому и быть — незачем соваться, куда не следует. Есть силы не добрые, но и не злые. Они могут излечивать, а могут и калечить. Не стоит играть с огнём.

У меня было ощущение, что с башни за нами наблюдают, и я уговорил сестру и брата вернуться в рощу, чтобы под её прикрытием, сделав небольшой крюк, выйти снова к реке ниже по течению.

Хотя с утра было пасмурно, дождь так и не начался. Мы шли лесом, придерживаясь реки. В лесу было сумрачно, однако мне удалось разглядеть свежие следы турачей. Эта большая птица хорошо бежит, но плохо летает. В Эсткарпе мясо турача всегда считалось изысканным блюдом. Зная, насколько эта птица осторожна, я решил поохотиться на неё в одиночку, пообещав сестре и брату не отвлекаться ни на что другое. Я сбросил с себя котомку, флягу и даже шлем, дабы он не выдавал меня позвякиванием кольчужного шарфа.

Птиц следовало искать у реки — они кормятся там в зарослях диких злаков. Высокий камыш позволил мне подкрасться к ним, но что-то их спугнуло.

Сломанные ветки, прошлогодний камыш и другой мусор, оставшийся от половодья, скопились на противоположном берегу и образовали запруду, наполовину перегородившую реку. Поверх этой путаницы из прутьев и тростника сновали какие-то чёрные зверьки, которых становилось всё больше и больше, словно что-то привлекало их своим скрытым присутствием. Вдруг они начали прыгивать в воду и поплыли к берегу, на котором затаился я.

Быстрое течение относило их в сторону, но я понимал, что где-то они всё же выберутся на берег. И тут до меня дошло: зверьки охотятся не за турачами, а за мной!..

— Нам грозит опасность! — мысленно предупредил я брата и сестру. — Выбирайтесь на открытое место!..

Я бросился бежать в сторону поляны, чувствуя, что с этими тварями лучше не иметь дела среди кустов.

Кимок откликнулся на моё мысленное предупреждение и, более того, подсказал направление, в каком мне лучше двигаться. Я остановился, развернулся лицом к реке и стал пятиться, чтобы избежать нападения с тыла, и вовремя: кустарник уже кишел чёрными тварями...

«Твари... А ведь у меня есть способность влиять на животных, — подумал я. — Почему бы не воспользоваться ею?»

Я попытался найти мысленный контакт со зверьками.

Ничего себе зверьки!.. На меня обрушился бешеный поток страсти умерщвлять и пожирать, несвойственный никакому другому зверью. Я испытывал отвращение и страх — какой обычно вызывает что-то стихийное и неуправляемое. Я совершил ошибку: мысленный контакт с этими тварями разъярил их ещё больше и теперь они подбирались ко мне всё ближе и ближе. Мне хотелось повернуться и бежать без оглядки через кусты, но я заставил себя медленно пятиться, держа наготове самострел.

Кое-как я выбрался на открытое место и краем глаза увидел Каттею и Кимока, которые двигались к центру поляны. Стая черных хищников продолжала преследовать меня, и я лихорадочно думал: «Как же избавиться от них?»

Я так спешил приблизиться к сестре и брату, что споткнулся и полетел кубарем, услышав, как вскрикнула Каттея. Перевернувшись через голову, я приподнялся и увидел, что хищные твари устремляются ко мне — безо всякой опаски.

Вблизи я рассмотрел их. У них были короткие лапки, однако это не мешало им быстро бегать. Их тельца, покрытые гладкой шерстью, были гибкими и подвижными. У них были маленькие заострённые мордочки с жёлтыми клычками и красными, как угольки, глазами.

Я выстрелил лежа. Вожак стаи закрутился волчком, пытаясь выдернуть зубами попавшую в него стрелу, но, несмотря на боль, которую он себе причинял, зверь не издал ни звука. Его агония вмиг охладила охотничий азарт стаи, и красноглазые твари, рассыпавшись во все стороны, скрылись, оставив своего собрата дёргаться в предсмертных конвульсиях.

Я вскочил и побежал к Катте и Кимоку. Кимок стоял с оружием наготове.

— Хищники, — сказал он. — Откуда они появились?

— Из-за реки, — задыхаясь, ответил я. — Я ещё не встречал подобных тварей...

— Неужели? — удивилась Каття. Она стояла, прижимая к себе пучок с травами, словно защищаясь ими. — Это же кутора.

— Кутора? — переспросил я. Мне бы в голову никогда не пришло сравнить водяную мышку, величиной с палец, с этими злыми хищниками, превышающими её по размеру раз в двадцать-тридцать. А ведь и в самом деле — они были не чем иным, как увеличенными до невероятных размеров куторами.

— Кутора так просто не расстаются с выбранной жертвой, — напомнил Кимок.

Твари действительно шныряли поблизости, спланивая в кольцо вокруг нас. Они вылезали из кустов, прижимались к земле, и походили больше на змей, чем на тепловкровных.

Кимока не нужно было предупреждать — он уже начал стрелять. Три зверя один за другим, подскочили вверх и закрутились на месте. Прекрасно. Только надолго ли нам хватит запаса игл? Вряд ли с помощью мечей и кинжалов мы сможем отбиться от этих вертлявых тварей.

— Я не могу с ними справиться! — крикнула Каття. — Сила не действует на них...

— Похоже, что на них может подействовать только это! — Я приготовился выстрелить. Но казалось, здесь всё было против нас — внезапно хлынул ливень. Однако на поведении хищников это никак не отразилось.

— Смотри, что это такое?! — крикнул Кимок в тот самый момент, когда я выстрелил. Я промахнулся, в бешенстве чуть было не рыкнул на него, но, глянув в сторону, увидел сквозь потоки дождя... человека, приближавшегося к нам на коне. Всадник вклинился между нами и стаей хищников. На миг нас ослепила белая вспышка. Создалось впечатление, что этот человек каким-то образом вызвал молнию и хлестнул ею, как кнутом, по бешеным тварям.

Огненный кнут ещё три раза хлестнул по земле, а всадник развернулся и скрылся в лесу. Над теми участками поляны, по которым прошёлся луч его странного оружия, подымались белесые струйки дыма: ничто больше не двигалось там.

Мы с Кимоком схватили Каттею под руки и молча побежали в сторону леса. Там, прижавшись друг к другу под большим деревом, мы стали ждать, когда кончится дождь.

— Это снова было проявление Силы, — шепнула мне Каттея, — и скорее доброе, чем злое. Но её посланник никак не откликнулся на мой призыв!.. — В её голосе звучала обида. — Почему?.. Послушайте... — Она обняла нас за плечи. — Я вспомнила... Быстрая вода... Если мы найдём место посреди быстрой воды и произнесём заклинания, мы будем в безопасности.

— Но ведь эти, как их... кутора — плавают, — возразил я.

— Пусть плавают, — ответила Каттея. — Надо найти островок на реке, там нас никто не тронет.

У меня не было никакого желания возвращаться к воде — с ней были связаны все предыдущие злоключения. Я бы охотней пустился разыскивать всадника...

— Идёмте же! — теребила нас Каттея. — Эта темень и дождь навлекли на нас здесь кучу бед, нужно найти безопасное место.

Её слова не убедили меня, но я знал, что спорить с ней бесполезно, да и Кимок молчал. Хорошо уже то, что мне удалось склонить её двигаться в ту сторону, где скрылся всадник.

По мере нашего продвижения лес становился всё реже, и вскоре мы вышли на дорогу, которая опять вывела нас к реке. Каттею нельзя было отказать в ясновидении: посреди вспухшей от ливня реки высился небольшой островок.

— Нам нужно поторопиться, пока вода не поднялась ещё выше, — сказал Кимок.

Каттея тут же вошла в реку, сразу оказавшись по пояс в воде. Течение сбивало её с ног, но мы с Кимоком подоспели к ней и помогли перейти брод.

Удивительно — сама природа создала здесь небольшую крепость: три скалы служили её стенами, а одна из них к тому же — хорошим возвышением для наблюдения. Скалы круто уходили в воду, и единственным доступом к островку была площадка, на которую мы так удачно выбрались. Только за ней и требовалось следить в том случае, если хищники продолжают преследовать нас.

— Это место не тронута порчей, — сказала Каттея, — и я обещаю вам защитить его.

Из пучков травы она вытащила ветку ильбейна, смяла её, поднесла к губам и принялась петь заклинания, то и дело с силой выдыхая воздух на зажатый в руке цветок. Затем она опустилась на колени и стала натирать травой камни, по которым мы поднялись на островок. Вернувшись к нам, Каттея выглядела совсем измученной.

Ливень был сильным, но недолгим — вскоре он прекратился.

Мы не переставали думать о всаднике. Каттея уверяла нас, что он пользовался Силой, правда, как-то по-своему. Он не отозвался на попытку сестры установить с ним мысленный контакт, но это, на её взгляд, ещё не означало враждебности с его стороны. Услуга, которую он нам оказал, сама по себе говорила об его доброжелательности.

Из-за мрака и ливня мне не удалось разглядеть всадника как следует; я успел только заметить, что это, безусловно, был человек, а не какая-нибудь химера. Он прекрасно владел конем и в два счёта расправился с мерзкими хищниками.

Сознание того, что в этой стране держат лошадей, не давало мне покоя. С той поры, когда в четырёхлетнем возрасте я оседлал первого пони, у меня никогда не возникало желания долго идти куда-то пешком. После того, как мы оставили своих коней по ту сторону гор, меня не оставляло чувство утраты. «Если в этой стране есть лошади, — сказал я себе, — нам следует ими обзавестись, и чем раньше, тем лучше. По крайней мере, мы не будем тогда опасаться этих мерзких кутор. Завтра нужно постараться выследить всадника и узнать, что за люди живут здесь...»

— Замри и не двигайся, — уловил я предупреждение Кимока.

Над рекой показалась какая-то большая птица. Сложив крылья, она ринулась вниз, но у самой воды расправила их и, описав в воздухе дугу, понеслась в сторону нашего островка.

Я моментально понял, что Кимок хочет её подстрелить. Мы потеряли тюк с мясом, когда отбивались от кутор, и нам предстояло лечь спать с пустыми желудками. Эта птица была довольно большой и могла бы утолить наш голод. Но стрелять в неё, пока она не окажется прямо над головой, не имело смысла — её унесло бы течением.

Кимок уже прицелился, как вдруг Каттея ударила его по руке.

— Не смей! — крикнула она.

Приблизясь к островку, птица круто скользнула вниз, села на один из валунов, образующих стены нашего прибежища, и стала бочком перемещаться по нему в нашу сторону.

Её оперение было удивительным — оно искрилось, как водная рябь под лучами солнца. Клюв и лапы птицы были ярко-красными, а глаза — тёмными и большими. Она сидела, не двигаясь, и поглядывала на нас, будто ждала чего-то. У меня вмиг пропало желание употребить это существо в пищу.

Каття наблюдала за птицей с таким же вниманием, с каким та, в свою очередь изучала нас. Затем сестра, размахнувшись, бросила в сторону крылатого гостя смятый лист какой-то из собранных трав. Птица вытянула шею и уставилась своими большими глазами на необычное подношение.

Её оперение заиграло ещё ярче. Сестра произнесла повелительным тоном какие-то слова и резко хлопнула в ладоши. Тотчас вокруг птицы возникло мерцающее облако, а когда оно рассеялось, мы увидели, что на камне сидит крылатое существо — но это была не птица.

Глава 9

— Фланнан!.. — прошептал я, не веря своим глазам.

Возможно, я ошибся, назвав это существо именем из мифологического бестиария. Но я был уверен, что это никакая не птица, ибо в облике этого существа проступали человеческие черты.

Лапы у него были, как у птицы — красными и когтистыми, но ближе к телу они утолщались. Само же тело очень походило на человеческое. Из-под крыльев торчали маленькие ручки с пятью пальцами. Шея, правда, была тонковата, зато лицо — почти человеческое, если не считать того, что вместо носа на нём красовался здоровенный клюв. Существо было покрыто перьями, отливавшими перламутром.

Оно топталось на месте, выставив вперёд ручки, как если бы боялось, что его ударят.

Фланнаны. Полуптицы-полулюди. Мне вдруг припомнились сказки о них, и я подумал, что, очевидно, в сказках

не всё один вымысел. О фланнанах в них говорится, что они дружелюбно относятся к людям, но что это очень легкомысленные существа, которые ни на чём не могут сосредоточиться. Многие сказочные герои, прибегнувшие к их помощи, как правило, досадовали потом на них. Но им всё прощалось за то, что они никогда не связывались с силами зла.

Каттея вдруг издала негромкий звук, похожий на птичью трель. Фланнан подошёл к ней ближе и, запрокинув голову, выдал ответную трель. Сестра нахмурилась, чуть помедлила, собираясь ответить ему, но он прервал её продолжительной резкой трелью, в которой явно угадывалось раздражение.

— Он отзывается на действие Силы, — объяснила нам Каттея, — но я не могу понять его ответа. Мне кажется, что его заставили прилететь сюда.

— Чтобы следить за нами? — спросил Кимок.

— Может быть, — ответила Каттея.

— Тогда он поможет нам найти того, кто его сюда послал! — сказал я, всё ещё думая отыскать всадника.

— При условии, что он сам этого захочет. — Каттея засмеялась. — Иначе, брат, тебе придётся отрастить себе крылья и пуститься вслед за ним.

У неё в руках снова оказался пучок с травами. Она вытащила из него весьма помятый стебелёк ильбеяна. Положив усохшее растение на ладонь, она поднесла его к носу, вернее, к клюву фланнана. Тот посмотрел на травку, а затем с недоумением взглянул на Каттею. Лицо сестры просветлело.

— По крайней мере, я убедилась, что сказки не врут, — сказала она. — Фланнаны и правда не связаны с дурными силами.

Она снова заворковала — на этот раз не спеша, с перерывами.

Фланнан повернул голову и поглядывал на Каттею одним глазом, как это делают птицы. В его ответном курлыканье как будто различались отдельные фразы — да и Каттея отмечала их кивком головы.

— Да, он был послан, чтобы следить за нами, — сказала Каттея. — В этой стране зло переплелось с добром и время от времени берёт над ним верх. Нам велено вернуться туда, откуда мы явились.

— Кто его послал? — спросил я.

Каттея издала трель. Фланнан повернулся ко мне лицом — если так можно сказать — и равнодушно взглянул на меня большими глазами. Каттея снова потребовала у него ответа, на этот раз настойчивей. Но фланнан продолжал молчать. Тогда Каттея жестом начертала перед ним в воздухе какой-то знак.

И тут произошло нечто поразительное. Фланнан громко заклекотал — и снова превратился в птицу. Птица взмыла в воздух и начала кружить над островком. Она описала три круга, издавая пронзительный крик каждый раз, когда пролетала над нами. Я посматривал на Каттею. Она следила за птицей горящим взглядом и, скороговоркой бормоча что-то, делала в её сторону резкие жесты. На какое-то мгновение птица зависла на месте, а затем стрелою помчалась на север.

— Ничего у них не выйдет! — прокричала Каттея. — Пусть я и не считаюсь волшебницей, но мне дано общаться с Силой, и эти тоекратные облёты меня не запугают.

— Что случилось? — спросил я.

— Ничего особенного, — ответила Каттея. — Простейший колдовской приём: птица трижды пролетела над нами по кругу, и это значит, что теперь нам никуда отсюда не деться. Если те, кто её прислал, считают, что так оно и будет, то они ошибаются.

— Птица полетела на север, — услышал я Кимока. — Она возвращается к тем, кто её сюда послал?

— Наверное, — ответила Каттея. — Фланнаны не способны думать. Я напугала его, и он в страхе улетел на север, к своему повелителю.

— Значит, и нам нужно подаваться на север, — заключил Кимок.

— Кстати, в ту же сторону ускакал всадник, — добавил я.

— Но в той же стороне находятся и лабиринт, и башня-страж, и, возможно, ещё какие-то ловушки. Нам необходимо быть начеку. — В голосе сестры звучала растерянность, и мы с удивлением посмотрели на неё.

Каттея сидела, опустив руки на колени и сложив ладони лодочкой, как будто гадала, держа между ними воду.

— Тяжко быть кем-то лишь наполовину, — продолжила она. — Я не произнесла слов клятвы и не обладаю Камнем. Несмотря на это, я считаю себя волшебницей. Есть ещё

одно условие, чтобы называться так. Мне следует подвергнуться испытанию, запретному для тех, кто не произнес клятвы. Это необходимо для нашего спасения.

— Нет! — вскричал Кимок. — Ты не сделаешь этого! — Он, очевидно, знал, на что она намекает, хотя для меня это оставалось загадкой. Он взял её за подбородок, так, чтобы она смотрела ему прямо в глаза. — Я говорю: нет! — повторил он.

— По-твоему, лучше слепо шагать навстречу опасностям, чем подвергнуться риску с целью прозреть? — спросила Каттея.

— Подумай, о чём ты говоришь, сестра, — упорствовал Кимок. — Не делай глупостей. Не многие из колдуний Эсткарпа позволили себе такое. Для этого требуется высшее искусство владения Силой...

— Всё-то ты знаешь, — перебила его Каттея. — Но не очень-то верь тому, чего наслушался. В натуре Мудрейших — создавать вокруг своего ремесла ореол таинственности. Да, ты прав — не многие из колдуний прибегают к помощи Посланца. Всё дело в том, что он им и не нужен. Они знают Эсткарп как свои пять пальцев. Знают — какова эта страна сейчас и какой она была в древности. Другие же страны их никогда не интересовали. И не колдуньи, а наши отец и мать отважились на то, чтобы разыскать логово Колдеров. А ведь Колдер был воплощением зла. Здесь же этого нет. Здесь встречаются лишь очаги того, что недоступно нашему пониманию. Проводник нам необходим...

— О чём она толкует? — обратился я к брату.

— О сотворении Посланца, — ответил он с загадочным видом.

— Посланца? — переспросил я, ничего не поняв. — Какого такого Посланца?

Каттея отвела от своего лица руки брата. Но, отвечая мне, продолжала смотреть на него, словно взглядом хотела убедить его в разумности своих намерений.

— Видишь ли, Кайлан, — медленно произнесла она, — мне нужен помощник, который знал бы эту страну такой, как она есть, а не как воспринимаем её мы, который вернулся бы в её прошлое и, узнав, что здесь происходило, помог бы нам найти спасительный путь.

— Для чего сестре потребуется ни больше ни меньше,

как подвергнуть себя родовым мукам, — вмешался Кимок. — И хотя дитя будет всего лишь порождением духа и разума, а не плоти, роды могут оказаться смертельными.

— Всякие роды связаны с риском, — заметила Каття. — Но я рассчитываю на вашу помощь и потому так спокойна. В Эсткарпе ещё не было тройняшек, подобных нам, не так ли? Мы можем стать единым целым, когда в том есть необходимость. Клянусь, я не решилась бы на такое одна, без вашего согласия и помощи, и я прошу вас мне помочь.

— Ты считаешь, это так необходимо? — спросил я.

— Я предлагаю выбор: продвигаться вслепую — или идти с открытыми глазами, зная, куда ступаешь, — ответила она. — Семена того зла, что угрожает нам, были посеяны давно. Время взрастило их, но и подвергло изменению. Если мы докопаемся до сути и познаем их природу, то сможем уберечься от яда плодов, которые за многие годы произросли из них.

— Я не одобряю твоего выбора! — заявил Кимок.

— Кимок... — спокойно отозвалась на его протест Каття. Она ещё не выпустила его руки из своих и теперь, подняв вверх его покалеченную руку, поглаживала пальцами шрам на ней. — Скажи мне, был ли у тебя выбор, когда ты ввязался в бой и получил в награду вот это?

— Это совсем другое дело! — возразил брат. — Я воин, и это был мой долг — ответить силой на силу...

— Так почему же меня ты считаешь не способной отвечать за свои слова? — оборвала его Каття. — Пусть мои битвы не требуют владения мечом, но за эти шесть лет я прошла школу не менее суровую, чем любой воин. У меня были такие противники, каких ты себе и представить не можешь. Но я не настолько самонадеянна, чтобы заявлять, будто не нуждаюсь в вашей помощи. И потому прошу вас присоединиться ко мне, что, кстати, гораздо проще, чем оставаться в стороне.

Лицо Кимока всё ещё было напряжённым, но он уже не возражал ей, и я понял, что она его убедила. Я же не остался на его стороне только потому, что не представлял меру опасности, которой Каття себя подвергла. Я всегда верил в неё. В подобные моменты она выглядела отнюдь не девочкой — мне казалось, что из нас троих она — старшая.

— Когда? — спросил Кимок, давая понять, что он согласился с ней.

— Может, прямо сейчас? Только сначала было бы неплохо поесть. Сила тела подкрепляет волю и дух, — ответила сестра.

— Да, подкрепиться не грех, — шутливо заметил Кимок. Казалось, он втайне надеялся, что эта прозаическая потребность заставит Каттею отказаться от своего намерения. — Вот только, как раздобыть еду?

— В этом нам следует положиться на Кайлана, — сказала сестра, даже не взглянув на меня, и я понял, чего от меня ждут.

Тот, кто хоть в какой-то мере наделён способностью обращаться к Силе, знает, что есть определённые ограничения в пользовании ею. Если ими умышленно пренебрегать ради выгоды, то за этим неизбежно последует расплата. Обнаружив ещё в детстве, что могу влиять на животных, я никогда не пользовался своим даром при охоте на них. Несколько раз мне удавалось воспрепятствовать нападению дикого зверя на человека. Но я никогда не позволял себе приманивать зверя, чтобы убить его.

Теперь мне предстояло проделать именно это — во благо Катте. Мысленно я призвал на себя всю кару за преступное пользование Силой, лишь бы последствия моих действий не коснулись сестры. Затем я настроился на охоту.

Мозг рыб и рептилий настолько отличается от человеческого, что они почти не поддаются мысленному воздействию — это я понял давно. Другое дело млекопитающие. Я вспомнил антилоп — они должны уметь плавать... Я попытался вызвать в своём воображении зримый образ животного. Добившись этого, я начал нащупывать мысленный контакт с невидимой жертвой. Мне ещё не приходилось делать такое, и я не исключал неудачу.

Мои старания увенчались успехом — внезапно у меня возникло хорошо знакомое ощущение мысленного контакта. Усилием воли я стал подзывать жертву. Несколько мгновений спустя на берег выскочил молодой бычок. Я принудил животное прыгнуть в воду в том месте, откуда течение понесло его прямо на наш островок.

Кимок начал целиться, но я запретил ему стрелять.

Я один должен был ответить за убийство. Животное откликнулось на мой зов, поэтому я же должен был отнять у него и жизнь.

Я чувствовал на себе взгляд Каттеи, пока вытаскивал тушу из воды на камни.

— Не повредит ли это твоему общению с Силой? — спросил я.

Она отрицательно покачала головой, но в её взгляде угадывалось замешательство.

— Мы не можем обходиться без пищи, Кайлан, — сказала сестра. — Однако... ты обременил себя проступком, и чем ты за него заплатишься, я не могу сказать.

«Скорее всего — утратой своего дара», — подумал я.

Мы разожгли костёр из сучьев, оставленных на острове половодьем, нажарили мяса и сытно поели.

— Скоро ночь, — Кимок приладил над огнём сырую ветку с нанизанным на неё мясом. — Не повременить ли, Каттея, до утра? Нам способствуют силы, питаемые светом. А в такое время — мы рискуем вызвать вместо них силы тьмы.

— То, что мы задумали, следует творить на заходе солнца, — возразила Каттея. — Свет и тьма не всегда противятся друг другу. Теперь оба выслушайте меня, ибо, когда я предамся действию Силы, вы уже ни о чём не сможете меня спросить. Вам нужно взять меня за руки и соединиться со мной разумом. Не обращайтесь на то, что будет происходить со мной, и ни в коем случае не выпускайте моих рук из своих. Что бы ни случилось, не оставляйте меня!

Ей не нужно было просить нас об этом. И Кимок, и я тревожились за неё. Она была слишком молода и хрупка, хотя и прошла суровую школу колдовства. Сестра старалась казаться спокойной и уверенной в себе, каким старается казаться юный воин, которому предстоит первый бой.

Тучи, закрывавшие небо весь день, к заходу солнца рассеялись. Каттея позвала нас на западную сторону острова, откуда мы могли наблюдать закат. Мы взяли за руки и так замерли.

Мои ощущения были схожи с теми, что я испытывал, когда мать созвала нас помочь ей найти отца. Также, как и в тот раз, я утратил сознание себя и, ничуть не сопротивляясь этому, растворился в каком-то пульсирующем потоке, словно сам стал этим потоком...

Не знаю, как долго это продолжалось. Внезапно я опять ощутил себя самим собой. Я держал за руку Каттею, которая, судорожно глотая воздух и стелая, дёргалась всем

телом, как в падучей. Свободной рукой я взял её за плечо, стараясь сдержать эти конвульсии, и заметил, что Кимок тоже вцепился в неё обеими руками.

Она резко вскрикивала и дёргалась так, что мы едва удерживали её на месте. Глаза сестры были закрыты. Казалось, сознание покинуло её, и тело само собой продолжает противиться тем мукам, которые она ему навязала.

Вдруг она пронзительно закричала, изогнувшись дугой и так застыла, а над её телом возник узкий и длинный язык света, который чуть покачивался, как пламя свечи на ветру. Каттея задрожала и открыла глаза. Порождённое ею свечение изменило форму — оно приобрело вид крылатого жезла и больше не двигалось.

Поддерживаемая нами под руки, Каттея опустилась на колени перед этим сгустком света и стала что-то наговаривать — как тогда, когда обращалась с фланнано. Всё ещё соприкасаясь с нею разумом, мы были способны улавливать смысл произносимых ею слов: она твердила древние заклинания, уговаривая своё бестелесное создание быть послушным и послужить ей.

— Теперь, лети! — крикнула она под конец.

Светящийся жезл исчез. Каттея поднялась с колен и провела по себе руками, будто снимая боль.

Я подбросил сучьев в костёр. Огонь осветил Каттею, и она показалась мне чуть ли не старухой. Её искажённое болью лицо ужасно осунулось. Кимок шагнул к сестре и притянул её к себе. Она приникла к его плечу и, постояв так, подняла голову и провела рукой по его щеке.

— Вот и всё, — сказала она, — кончились мои муки. Вы помогли мне, братья. Это дитя не связано ни с пространством, ни со временем. Наш посланец вернётся и укажет нам путь, уверяю вас в этом. А теперь давайте спать.

Сестра и брат скоро уснули. Мне почему-то не хотелось ложиться; что-то не давало покоя, и я не мог понять что. Опасения за жизнь Каттеи? Но её муки кончились. Боязнь подвергнуться нападению? Но мы находились на безопасном месте. Мой собственный проступок? Скорее всего. «Мне предстоит расплатиться за содеянное, — сказал я себе. — А пока лучше выкинуть это из головы»..

Я улёгся на подстилку, закрыл глаза и уже начал дремать, как вдруг был взбуждён знакомым мне звуком: в ночи послышалось лошадиное ржание!

Глава 10

Я услышал глухой стук копыт и увидел — или мне это только показалось? — как раза два полыхнули белые вспышки на той стороне реки, откуда явились напавшие на нас кутора. Я заставил себя забыть об этих тварях и стал думать о лошадях, настраиваясь на то, чтобы утром что-нибудь разведать о них. Предавшись этим мыслям, я успокоился и уснул.

Поднялся я раньше всех, хотя лёг последним. Угольки в костре догорели и только чуть-чуть дымились. Было холодно. Над рекой клубился туман, цепляясь за островок белесыми шупальцами. Я бросил на тлеющие угли охапку хвороста и присел, чтобы раздуть огонь, как вдруг увидел, что на другой стороне потока стоит конь, пришедший на водопой.

Кони торской породы в Эсткарпе считаются самыми резвыми и выносливыми. Но они отнюдь не красавцы: их шерсть не блестит, как бы за ними не ухаживали, и они весьма низкорослые. Природа не наделила их статью и красотой, и с этим оставалось только мириться. Казалось, лучших коней можно было увидеть лишь во сне. И теперь мне подумалось, что я вижу сон: на берегу реки стоял сказочный конь — вороной масти, крупный, с длинными, стройными ногами.

Я смотрел на жеребца, и во мне разгоралось неодолимое желание завладеть им. Он поднял голову и посмотрел в мою сторону — без испуга, а скорее с любопытством, и я понял, что передо мной — дикий, не ведавший узды конь.

Он стоял и смотрел на меня, пока я двигался к краю островка. Затем, точно утратив ко мне интерес, он снова опустил голову и стал пить. Немного погодя он ещё глубже вошёл в реку, наверное получая удовольствие от того, что вода холодила ему ноги. Он завораживал меня своей красотой.

Не задумываясь, я стал нащупывать мысленный контакт с благородным животным, чтобы как-то удержать его, не дать уйти. Жеребец вскинул голову и захрапел. Он попятился из воды на берег и остановился, глядя на меня с любопытством и настороженностью.

Сбросив шлем, кольчугу и оружие, я кинулся в воду и поплыл к коню, который нервно бил копытом и встряхивал гривой, оставаясь, однако, на месте.

«Он дожидается меня! Он будет моим!» — торжествовал

я. Никогда ещё мой контакт с животным не был таким успешным.

Когда я выбрался на берег, с меня ручьями текла вода. Она хлюпала и в сапогах, но я почти не замечал этого — всё моё внимание было сосредоточено на большом прекрасном животном, которое ждало меня. Меня!.. Я подошёл к коню и протянул к нему руку. Он опустил голову и, ткнувшись мордой в мою ладонь, шумно выдохнул воздух. Он позволил мне похлопать себя по крупу и вообще вёл себя так, как будто давно был моим и понимал каждое моё движение. У меня не было сомнений, что он мне полностью послушен. Обхватив коня за шею, я вскочил ему на спину. Он тут же двинулся рысью, а затем пошёл ровным налётом. Я был в восторге от его мощного хода. Никогда мне не приходилось скакать на таком сильном и гордом красавце. Радость от езды пьянила меня, как вино. Этот конь казался мне божеством, явившимся из далёкого прошлого.

Где-то позади осталась река, перед нами простиралась открытая равнина. В тот миг в мире существовали только мы двое — одинокие и свободные. Едва уловимое волнение возникло в моём мозгу: «Только мы двое? Но ведь кто-то остался там — на реке...». Конь чуть напрягся и перешёл в галоп. Я глубже запустил пальцы в его развевавшуюся на ветру гриву. Мы неслись по равнине, и меня переполняло ликование.

Уже поднялось солнце. Жеребец не сбавлял бега, словно его мышцы не знали усталости. Я понял, что он может так бежать час за часом. Моё ликование сменилось растерянностью. Река... Я оглянулся назад. Там далеко-далеко виднелась едва заметная дымка... Река, посреди которой островок...

«Да ведь там же Каттея и Кимок! Я, похоже, забылся, — пронеслось у меня в голове. — Назад! Надо немедленно возвращаться назад!» — Для того, чтобы управлять конём без узды, мне не оставалось ничего иного, как попытаться воздействовать на него силой мысли, и я приказал ему вернуться.

Это ни к чему не привело: жеребец продолжал галопом нестись вперёд. Я снова попробовал воздействовать на него, но конь не сбавил бега и не изменил направления. Я сосредоточил всю свою волю на том, чтобы внушить животному свой приказ.

И вдруг до меня дошло, что подо мной никакой не конь, а создание, мне совсем чуждое и неведомое, и я почувствовал себя так, словно очутился по горло в болоте, а мои попытки подчинить это существо своей воле подобны барахтанью утопающего в горном потоке. Было ясно, что я оказался в какой-то колдовской ловушке, в которую завлѣк меня этот неукротимый зверь.

Я не решался соскочить с него из опасения сломать шею. «Куда и зачем он меня несѣт?» — спросил я себя, мучимый мыслью о том, что всё это, случившееся по моей глупости, неминуемо навлечѣт беду на сестру и брата.

«Они воспользуются мною как приманкой для Каттеи и Кимока, — подумал я. — А кстати, кто это — они? Кто они, правители этой страны, и что им от нас надо?» — Я не сомневался, что сила которая распоряжалась мною, была по своей природе губительной — вроде той, которая действовала на меня там, в лабиринте. Однако в этот раз мне следовало воздержаться от призывов о помощи.

Промчавшись через равнину, мы влетели в какой-то диковинный лес: здесь росли деревья, покрытые не зелёной, а совсем прозрачной, пепельной листвой. Их стволы и ветви были серые и как бы высохшие. Лес, словно смрадом, был пропитан флюидами зла.

Через него вела мощѣная дорога. Копыта жеребца грохотали по ней так, будто он был подкован. Теперь он бежал почему-то не прямо, а петляя, и у меня вовсе пропало желание соскочить с него. Мне казалось, что сама земля источает здесь смертельный яд.

Лес кончился. Конь продолжал галопом нести меня по дороге. Впереди показались стены и башни города... По мере нашего приближения к нему всё явственнее ощущалось, что в городе витает тлетворный дух, и людей в нём нет. С каждым мгновением во мне росла уверенность, что, оказавшись в его стенах, я перестану существовать как Кайлан Трегарт.

Мчась навстречу своей гибели, я думал о сестре и брате, которых невольно предал, и во мне вскипала ярость. — «Нельзя больше оставаться послушным злой силе! — сказал я себе. — Я должен немедленно сразиться с ней!»

Собрав всю свою волю, я воспротивился тому, что несло меня навстречу смерти. Конь чуть сбавил бег и свернул с дороги. В ответ на мой выпад притягивавшая меня злая

сила ещё неодолимей стала действовать на меня — как магнит на стальные опилки. Конь продолжал бежать в сторону города. Я понимал, что обречён, но старался не впадать в панику, намереваясь сопротивляться до конца. Что-то, как вспышка, мелькнуло в небе, и я присмотрелся. Большая птица парила над нами, её крылья переливались зеленоватым светом. Фланнан? Тот самый, что прилетал на островок? Что ему здесь нужно?

Внезапно птица ринулась вниз, прямо на нас. Жеребец вильнул в сторону и рассерженно заржал, но бега не сбавил. Снова и снова птица бросалась на нас, вынуждая коня изменить направление, пока он не повернул на север, в сторону холмов, поросших лесом — но зелёным, а не пепельно-серым.

Фланнан неотрывно летел над нами, следя за тем, чтобы конь не сворачивал с пути. Во мне затеплилась искорка надежды. Фланнан оказал мне добрую услугу, и я хотел верить, что он будет и впредь моим союзником и проводником в этой насыщенной пагубной силой стране.

Мне пришло в голову позвать себе в помощники ещё какое-нибудь доброе существо, пользуясь чувством мысленного контакта, который так легко устанавливался между мной и сестрой или братом. Но из этого ничего не вышло, и я оставил попытки из опасения навлечь беду на них самих. Я надеялся, что им пока ничто не угрожает.

Мы пронеслись по холмам, покрытым лесом, и теперь преодолевали склоны каких-то гор. Они не были так сильно иссечены изломами и складками, как горы, через которые мы пришли в эту страну, но всё же бугров и впадин было предостаточно. Здесь нельзя было мчаться во весь опор. Я снова попытался мысленно коснуться разума жеребца и уловил, что он полностью подчинён одному только приказу: бежать и бежать, и мне не удалось освободить его от этого внушения.

Бешеная скачка кончилась, когда мы, перевалив хребет, оказались на тропе, идущей по краю обрыва. В мгновение ока я распрощался со всеми своими надеждами, ибо фланнан, в очередной раз бросившись на нас с небес, испугал коня, и тот спрыгнул с тропы — в пропасть...

В жизни каждого человека бывают моменты, когда он начинает задумываться над тем, что такое смерть. Быть может, и противоестественно думать об этом, когда ты

молод, но если ты — воин, ты постоянно ощущаешь дыхание смерти, ибо она скрывается за каждым взмахом вражеского меча. Воину не избежать размышлений о том, что происходит с человеком, когда перед ним раскрываются последние врата.

Один верит, что за теми вратами он продолжит своё существование — но в ином мире, где ему будет воздано за добро и зло, сотворённое им при жизни. Другой считает, что со смертью душа навсегда погружается в сон и растворяется в небытии.

Я и не подозревал, что расставание с жизнью — это долгая и невообразимая мука. Мир по ту сторону жизни оказался состоящим из одной лишь боли. Боль стала сутью моего посмертного бытия. Тела больше не существовало, я превратился в пламя, пожиравшее самое себя.

Но я не остался по ту сторону врат. Ко мне вернулось ощущение того, что я всё ещё во плоти, вернулась способность видеть... Надо мной было небо — голубое небо, к какому я привык при жизни. На его фоне я различил ветку дерева — сломанную и размочаленную на конце... Но невыносимая боль во всём теле туманила сознание и мгновениями ослепляла настолько, что я не видел ни неба, ни дерева с размочаленным суком.

Затем в отупевшем от боли мозгу мелькнула догадка: я испытываю все эти муки потому, что ещё жив, и мне придётся страдать до тех пор, пока смерть не избавит меня от них. Я закрыл глаза и, собрав остатки воли, стал призывать смерть.

Почувствовав через некоторое время, что боль притупилась, я открыл глаза, полагая, что смерть и в самом деле близка, поскольку не раз видел, как умирали люди, и знал, что в состоянии предсмертной агонии всякая боль пропадает. На ветке теперь сидела птица — не фланнан, а обычная птица, яркой голубовато-зелёной окраски, и поглядывала на меня. Заметив, что и я за ней наблюдаю, она подняла голову и испустила громкий и долгий призывной крик. Я подумал: — «Неужто такая красивая птица питается мертвечиной, как те зловещие чёрные грифы, что летают над полями сражений?»

Я по-прежнему испытывал боль во всём теле, но она стала терпимей. Я попытался повернуть голову, но мышцы не слушались меня, они словно омертвели. Небо, ветка

дерева, сидящая на ней птица — к этому сводился сейчас мой мир, и оставалось утешаться тем, что небо было голубым, птица — сказочно красивой, а боль — терпимой...

«Выходит, я могу не только видеть, раз услышал, как кричала сидящая надо мной птица», — подумал я и тут же уловил ещё какой-то звук... стук копыт! — «Что это — чёрный жеребец? — удивился я. — Ну уж теперь-то он не сможет заманить меня к себе на спину. Хотя, похоже, я слишком дорогой ценой избежал ловушки». — Стук копыт прекратился, вместо него послышались какие-то шорохи. Я не стал к ним прислушиваться, меня ничто уже не волновало. Ничто...

Передо мной возникло женское лицо.

Где найти слова, чтобы описать сон? Мне грезилось существо, сотканное из тумана. Какой светлый лик! Таких не встретишь в жизни...

Внезапно меня снова пронзила резкая, невыносимая боль. Я закричал, и крик эхом отдался в моём мозгу. Что-то прохладное коснулось моего лба, я перестал ощущать боль и провалился в небытие...

Передышка была недолгой, ко мне вернулось сознание. В этот раз я не увидел ни сломанной ветки, ни птицы, ни призрачного лика — лишь голубое небо. Но боль по-прежнему оставалась со мной, вспыхивала то здесь, то там — в разных местах моего разбитого тела, которое казалось, кто-то подвергал новым, совсем уже бессмысленным пыткам.

Я стонал и просил моего мучителя оставить меня в покое, но он оставался глух к моим мольбам. Мне приподняли голову и что-то подложили под неё. Я открыл глаза, чтобы разглядеть тех, кто так безжалостно издевался надо мной.

Картина, которая мне открылась, была дрожащей и размытой — скорее всего из-за помутнения в глазах. Сначала я увидел своё тело — если то, что предстало моему затуманенному взору, можно было так назвать. Разум отказывался осмыслить кровавое зрелище. Большая часть ран была уже залеплена какой-то грязью красноватого цвета, оставшиеся обрабатывались таким же способом. Мне было трудно в полуобморочном состоянии разглядеть тех, кто возился со мной, но я пришёл к заключению, что это были какие-то звери. Двое из них таскали в перед-

них лапах комья красноватой глины и нашлёпывали её на мои неподвижные конечности. Вместе с ними суетился ещё один зверь, покрытый чешуёй, ярко поблескивавшей на солнце. Четвёртое существо, которое с большой осторожностью накладывало первый слой грязи на мои раны, было похоже... на фею из моего сна!

Её очертания были зыбки и переменчивы, она казалась то призраком, то существом во плоти, и я не понимал, чем объясняется эта переменчивость: то ли нарушением моего восприятия, то ли свойством её существа. Но в одном я почему-то не сомневался — она желала мне добра.

Неведомые звери трудились сосредоточенно и расторопно, замазывая и залепляя мои раны и переломы. Было непохоже, что они готовят моё тело к захоронению, их поведение говорило мне, что они занимаются делом важным и тонким.

Ни одно из этих созданий ни разу не взглянуло на меня. Они делали вид, будто и не подозревают, что я наблюдаю за их действиями. Это начало меня беспокоить — я задался вопросом: вижу ли я всё наяву или это всего лишь вызванная болью галлюцинация?

Но вот мне положили последний ком глины под подбородок, и фея, возглавлявшая эту странную компанию, нагнулась надо мной и, разгладив пальцами глину, посмотрела мне в глаза. И поразительно — даже на таком расстоянии я не мог сделать никакого заключения об её облике, настолько он был изменчив. В какой-то момент мне казалось, что её волосы — тёмные, лицо — чуть продолговатое, глаза — вполне определённого цвета; но спустя мгновение волосы оказывались русыми, глаза — совсем другого цвета, линия подбородка — тоже иной. Этот калейдоскоп лиц, принадлежавших одной и той же женщине, так ошеломил меня, что я поневоле закрыл глаза.

Потом я почувствовал на лбу её руку и услышал, как фея тихо запела — так моя сестра напевала свои заклинания. От её руки исходил успокаивающий холодок, который распространялся по всему моему телу. Боли утихли, и у меня появилось ощущение, будто я освободился от своего тела и существую вне пространства и времени — в каком-то ином мире.

В этом мире я без слов общался с бесплотными существами, занятыми чем-то не доступным моему пониманию,

но я почему-то знал, что в их занятиях имеется какой-то тайный смысл. Дважды я возвращался в своё тело и, открыв глаза, видел перед собой женское лицо — каждый раз незнакомое. В первый раз я видел его на фоне лунной ночи, а во второй — на фоне дневной голубизны и облаков.

И каждый раз, ощутив на себе мой взгляд, фея касалась меня рукой и тихо пела, а я вновь покидал и своё тело, и этот мир, смутно сознавая, что ищу не смерти, но жизненного обновления.

Пробудившись в третий раз, я почувствовал, что возле меня никого нет. Мой ум был ясен — каким не был с того утра, когда мне довелось связаться с проклятым жеребцом. Я по-прежнему лежал с приподнятой головой, что позволило мне осмотреть глиняный саркофаг, в который было замуровано моё тело. Глина высохла и затвердела на солнце. Никто больше не держал руку у меня на лбу и не пел заклинаний. Это обеспокоило меня, и я попытался повернуть голову, чтобы разобраться, где же я нахожусь.

Глава 11

Слева от себя я увидел крутой и круглый, как стенка чаши, склон. У его подошвы бурлила пузырями большая лужа грязи — того же красноватого цвета, что и глина, которой я был обмазан. Над ней струйками подымался пар. Я медленно повернул голову направо, и обнаружил почти ту же картину: такой же склон и под ним такая же лужа, только грязь в ней была погуще и пыхала, как забродившее тесто.

Среди этого бульканья и пыханья я вдруг различил какой-то вой — в котором слышалось столько боли, что во мне едва не пробудились недавние переживания. Какой-то зверь показался на кромке котлована и заскользил по её склону. Он выгибал спину дугой, его движения были скованными и угловатыми, и я понял, что зверь сильно покалечен.

Это был снежный барс! Его густая шерсть была обогрета кровью, а на боку зияла рана — такая глубокая, что я заметил в ней белизну оголившегося ребра. Жалобно скуля, он полз по направлению к ближайшей луже грязи. Собрав остатки сил, зверь погрузился в лужу раненым боком и затих. Его морда была обращена ко мне. Барс

больше не скулил, и я бы решил, что он мертв, если бы не было заметно, как он дышит.

Несмотря на то, что моя голова была приподнята, обзор был ограничен. Я разглядел ещё несколько луж в этой впадине и возле некоторых — холмики грязи, которые могли свидетельствовать о других страдальцах, приползших сюда со своими болячками.

Я вдруг осознал, что боли, которые терзали меня, исчезли. У меня не было желания ни двигаться, ни ломать сковывавшую меня глиняную корку. Я чувствовал приятную истому и удивительную лёгкость во всём теле.

На высохшей грязи вокруг виднелось множество вмятин: они оставались и в глине, наложенной на меня. Я попытался разглядеть следы получше. Мне хотелось знать, было ли то явью или я видел сон, будто лежу в грязи, весь истерзанный и окровавленный, а двое мохнатых существ и одно покрытое чешуёй, заляпывают меня глиной, послушные многоликой фее... О ней самой свидетельствовал лишь чётко обозначившийся отпечаток руки, прямо над моим сердцем.

Тонкие пальцы, узкая ладонь — это был след, оставленный рукой человека, а не лапой зверя или рептилии.

Я взглянул на барса. Его глаза были закрыты, но, как и прежде, было заметно, что он ещё дышит. Защитная корка грязи уже начала засыхать на нём. Ни с того, ни с сего мне вспомнились Каттея и Кимок, и я подумал: — «Сколько же времени прошло с того момента, как я их покинул, соблазнившись злосчастной приманкой?»

Во мне поднялось неудержимое стремление действовать, и я попробовал пошевелиться, но засохшая, спёкшаяся на солнце глина не позволяла мне двинуть и пальцем. — «Пленник в каменном мешке!» — подумалось мне, и это открытие вмиг вытеснило из головы все другие мысли.

Не знаю, почему я не закричал во весь голос. Вместо этого я возопил мысленно, но обращался не к брату и не к сестре, а к той, которая существовала, быть может, лишь в моём воображении.

— Что ты намерена сделать со мной?

Тотчас что-то юркое заскользило по склону котловины в мою сторону. Я не встречал в Эсткарпе подобного существа. Да, это была ящерица — но необыкновенная: она не вызывала чувства неприязни, какое часто испытываешь

по отношению к рептилиям. Напротив, она была мне даже чем-то симпатична. Остановившись у меня в ногах и встав на задние лапки, ящерица запрыгнула на саркофаг и проковыляла ко мне на грудь. Она уставилась на меня глазками-бусинками, и я почувствовал, что её узкая, увенчанная гребешком головка наделена разумом.

— Привет, — сказал я.

В ответ ящерица пискнула — странный звук для чешуйчатой твари — и тут же исчезла, мелькнув зелёной искоркой вверх по склону.

Её появление удивительным образом избавило меня от страха навсегда остаться замурованным в глине. Во мне появилась уверенность, что ни ящерица, ни те, кто оставил меня в одиночестве, не хотели мне зла. Как моё самочувствие, так и поведение снежного барса подтверждало мою догадку — это место было целебным, неспроста сюда сползало больное зверьё залечивать свои раны. Очевидно, я тоже оказался здесь не случайно. Можно было не сомневаться, что в оазисе живительной силы нет места злу. Какое-то возбуждение, вызывающее даже покалывание в коже, говорило мне, что вот-вот должно произойти что-то важное.

Вскоре несколько больших ящериц соскользнули вниз по склону котловины; за ними неспешно спустились два мохнатых зверя, которые своими заострёнными мордами и пышными хвостами напоминали лазающих по деревьям ленивцев, — мне доводилось видеть их в Эсткарпе, только они были гораздо крупнее.

Следом появилась моя фея. Она сбежала по склону легко и проворно, тёмные волосы струились по её плечам. Только вот были ли они в самом деле тёмными? Уже через мгновение те же волосы виднелись мне рыжеватыми, а ещё через минуту — соломенными. На ней была голубовато-зелёная облегающая тело туника, с широким, унизанным изумрудными камешками поясом; на тонких запястьях обнажённых рук поблескивали браслеты с такими же камешками, а на ремне, перекинутом через плечо, покачивался золотой лук и колчан со стрелами.

Мне удалось разглядеть одеяние, но как ни старался, я не мог уловить черты её лица, и это меня раздражало.

— Кто ты? — спросил я напрямик, едва она склонилась надо мной.

Она засмеялась в ответ и коснулась рукой моей щеки,

лба... У меня словно бы прояснилось зрение: я, наконец, увидел её лицо или, возможно, одно из множества лиц, но увидел ясно — черты больше не ускользали, не изменялись.

Женщин древней расы трудно спутать с другими: их отличает правильный овал лица, несколько заострённый подбородок, маленький рот, большие глаза. Всеми этими чертами была наделена склонившаяся надо мной фея. Помимо того, в ней угадывалось нечто особенное, что-то отличающее её от других людей. Она могла пленить любого мужчину.

Гвардейцы могут судить о женщинах, ибо не чураются их в отличие от фальконеров. Я тоже никогда не сторонился прекрасного пола, но, откровенно говоря, женщины древней расы несколько холодны. Возможно, это у них в крови, а может быть, их колдовские способности стали своеобразным барьером между ними и мужчинами. Во всяком случае, я не увлёкся серьёзно ни одной женщиной Эсткарпа, довольствуясь мимолётными встречами с ними. Совсем иное чувство пробудилось во мне при взгляде на незнакомку, склонившуюся надо мной. Я испытал волнение, доселе мне неведомое.

Рассмеявшись, она снова стала серьёзной и пристально посмотрела на меня.

— Скорее, это я должна спросить тебя — кто ты? — Она не боялась показаться неучливой.

— Я Кайлан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа, — ответил я безо всякой обиды, чувствуя её власть над собой. — И в свою очередь, хотел бы узнать твоё имя.

— У меня много имён, Кайлан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа, — передразнила она меня.

Я не смутился.

— Назови хотя бы парочку.

— Ты, я вижу, за словом в карман не полезешь, — сказала она с иронией. — Может, я и назову себя — но попозже.

— Так и я ведь не всякому называю своё имя, — сказал я.

Её пальцы дрогнули, она слегка отстранилась от меня, и я испугался, что из-за этого черты её лица опять утратят чёткость, но этого не произошло.

— Я — Дагона, — сказала она. — А ещё меня зовут Моркантой — Хозяйкой Зелёного...

— Зелёного Безмолвия, — перебил я её и тут же спросил себя: — «Может всё это — сказка?» — Отнюдь. Передо

мной была живая женщина, и я чувствовал успокаивающую прохладу, которая исходила от её рук.

— Значит, ты меня знаешь, Кайлан из рода Трегартов? — спросила она.

— Скорее, я знаю кое-какие легенды, — ответил я.

— Легенды? — переспросила она. — Легенда — это сказка, в которой есть доля истины, а я не считаю себя порождением чьей-то фантазии. Но скажи мне, храбрый воин, уверенный в том, будто Дагона всего лишь легенда, — что такое Эсткарп и где он.

— Это страна за горами на западе, — ответил я.

Она резко, будто обжёгшись, отдернула руку, и её лицо вновь поплыло у меня перед глазами.

— Неужто я такое чудовище? — спросил я.

— Как знать... — Она снова коснулась меня, и я увидел её отчётливо. — Нет, конечно же, нет, хотя я и не пойму пока, кто ты. Существующее-Само-По-Себе попыталось увлечь тебя кеплианом, но ты оказался крепким орешком. Ты воспротивился пленению необычным образом, что позволило мне уловить в тебе силу добра, а не зла. Однако, горы и то, что находится за ними, источают только зло — так говорят об этом наши легенды. Зачем ты пришёл сюда, Кайлан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа?

Я почему-то доверился ей полностью и ничего не захотел скрывать.

— Зачем? — повторил я. — В надежде найти здесь убежище.

— Отчего же ты бежал? — спросила она. — Чем навлёк ты на себя чей-то гнев?

— Тем, что не захотел быть таким, как все, — ответил я.

— Того же не захотели твои сестра и брат. — Она улыбнулась.

— Ты знаешь о Каттее и Кимоке? — удивился я. — Что с ними?

— Они выбрали свой путь, Кайлан. Твоя сестра прибавила нам хлопот. Мы не нуждаемся в колдуньях, они приносят стране лишь беды. Была бы она чуть постарше да поопытней, она не стала бы без нужды мутить воду в омуте. Пока что ей всё сходит с рук, но так не может продолжаться долго — во всяком случае здесь, в Эскоре.

— Я вижу, ты одна из Мудрейших, — проговорил я с такой уверенностью, как если бы обнаружил у неё на груди Колдовской Камень. Однако я понимал, что она по сути своей не имеет ничего общего с владычицами Эсткарпа.

— Мудрость бывает разной, как известно, — в голосе Дагоны прозвучала ирония. — Когда-то, очень давно, Путь Мудрости, которого придерживался древний народ Эско-ра, разветвился, и теперь в этой стране существуют разные представления о ней. Они сильно отличаются одно от другого исходными моментами, а значит, и тем, что приносят в жизнь. Но за долгие годы Зелёный народ сумел установить равновесие между добром и злом и научился его поддерживать. Всякое же чуждое колдовство, творимое даже с благой целью, способно только нарушить это равновесие и тем самым пробудить неведомые силы, всем на погибель. Твоя сестра этого не понимает. Она похожа на ребенка, который крутит прутиком в омуте, пуская рябь по воде, и не ведаёт о том, что дразнит этим дремлющее на дне чудовище. Однако... — Она замялась, выражение её лица изменилось, и я увидел в ней совсем юную девушку, вроде Каттеи. — Однако мы не можем запретить ей творить колдовство; мы только хотели бы, чтобы она занималась этим не здесь. — На её лице снова показалась улыбка. — А теперь, Кайлан из рода Трегартов, давай освободимся от панциря.

Её рука легла на глиняную корку у меня над грудью. Ногтём большого пальца Дахаун прочертила на спёкшейся глине линию вдоль моего туловища. Такие же линии она прочертила на руках и ногах.

Сопровождавшие её звери тут же принялись соскребать глину вдоль этих линий и отламывать её по кусочкам. Они трудились проворно, и по их движениям было видно, что им не впервой заниматься таким делом. Дагона встала и направилась к покалеченному барсу. Она присела возле него и, разглядывая, как засохла на нём глина, поглаживала его по голове.

Несмотря на проворство её помощников, им понадобилось достаточно много времени, чтобы высвободить меня из саркофага. Наконец, я поднялся из углубления, которое в точности повторяло форму моего тела. Оно было цело, но сохранило на себе следы только что заживших ран.

— Смерть безвластна здесь, главное — попасть сюда, — сказала Дахаун.

— И как же я оказался здесь, моя госпожа? — спросил я.

— При содействии многих сил, храбрый воин, у которых ты теперь в долгу, — ответила Дагона.

— Я готов заплатить свой долг, — сказал я рассеяно, смущённый своей наготой.

— А я вынуждена его увеличить, — засмеялась она. — То, в чём ты сейчас нуждаешься, найдёшь там...

Она продолжала сидеть на корточках возле большой кошки, и только показала рукой в сторону откоса. Я метнулся вверх по склону, сопровождаемый парой ящериц.

Наверху росла трава — почти по колено, мягкая и сочная. Между двух валунов лежал узел, стянутый ремнём. Я развязал его и начал знакомиться со своим новым одеянием. Всё было завернуто в плащ зелёного цвета — одежда казалась сшитой из хорошо выделанной, мягкой кожи; на самом деле это был какой-то неизвестный мне материал. Сапоги с мягкой подошвой были пристёгнуты к штанинам, а на безрукавой куртке я не нашёл пуговиц — их заменяла большая металлическая бляшка на уровне живота, отделанная голубовато-зелёным камнем, вроде тех, что были на украшениях Дагоны. На пояс, как я понял, мне следовало повесить не меч, а металлическую трубку длиной в локоть и толщиной с палец — какое-то неведомое мне оружие.

Одеяние подошло мне так, будто было сшито специально для меня. Я чувствовал себя в нём очень свободно, как ни в одном из тех, в которые мне приходилось облачаться раньше. Вот только руки у меня то и дело тянулись к поясу, в безуспешной попытке нащупать старый добрый меч и самострел — оружие, к которому я привык.

Перекинув плащ через илечо, я пошёл обратно, на край котлована, который оказался гораздо шире, чем я предполагал. По всему его дну беспорядочно были разбросаны лужи с булькающей грязью, и в некоторых из них смирёхонько лежал какой-нибудь зверь, а то и птица.

Дагона всё ещё сидела возле барса, глядя его по голове. Но вот она обернулась и помахала мне рукой. Затем она поднялась наверх и, остановясь шагах в пяти, окинула меня взглядом.

— Ну вот, Кайлан из рода Трегартов, теперь ты — зелёный, — сказала она.

— Зелёный? — переспросил я. Наконец я мог как следует разглядеть её, но так и не понял, какого цвета её волосы и глаза.

— Ну да, один из Зелёных Людей. — Она показала рукой на мой плащ. — Хотя сходство у тебя с ними только

в наряде. Но и этого пока достаточно. — Она поднесла руку ко рту тыльной стороной, как делала Каттея, когда погружалась в волшебство, и вдруг издала громкий, чистый звук, подобный звучанию горна на высокой ноте.

Топот копыт заставил меня резко обернуться. Хотя разум и говорил мне, что можно не опасаться появления злосчастного жеребца, но всё же по спине пробежали мурашки.

Пара похожих на лошадей животных выскочила из рощи и устремилась к нам. Они легко бежали, держась вровень, и по мере их приближения я всё больше убеждался, что это не лошади. Они скорее напоминали антилоп, правда, были гораздо крупнее. Ни длинного, как у лошади, хвоста, ни гривы я не заметил, зато на голове у них красовался большой, плавно изогнутый вдоль шеи рог. Шерсть у обоих животных была светло-рыжей и блестяла. Несмотря на их диковинный вид, они показались мне очень красивыми.

Остановившись перед Дагоной, они повернули головы в мою сторону и посмотрели на меня большими умными глазами.

— Шабр... Шабрина... — представила мне их Дагона, и они по очереди поклонились — я бы сказал, с достоинством. Из травы вынырнула одна из ящериц и подбежала к Дагоне. Та нагнулась и позволила ей взбежать по руке на плечо.

— Шабр в твоём распоряжении, — сказала Дагона, и один из рогачей подошёл ко мне. — Этого скакуна ты можешь не бояться.

— Ему приказано отвезти меня к реке? — спросил я.

— К тем, кто тебя ищет. — Её ответ показался мне странным. — Желаю тебе всего наилучшего.

— А ты... разве не едешь со мной? — удивился я.

Запрыгнув на Шабрину, она повернулась и посмотрела на меня долгим взглядом.

— Почему я должна ехать с тобой? — спросила Дагона.

— Потому что я не могу расстаться с тобой вот так... — только и сказал я.

— Ты считаешь себя должником? — улыбнулась она.

— Да, я обязан тебе жизнью, — признался я, — но даже если бы и не был твоим должником, то всё равно постарался бы разыскать тебя.

— Это не зависит от твоего старания.

Я кивнул.

— Знаю, госпожа. И поскольку у тебя нет никаких обязательств передо мной, реши сама, как поступить.

Она поиграла одним из своих длинных, доходящих почти до пояса локонов.

— Складно сказано. Ты забавен. Я думаю, мне будет небезынтересно пообщаться ещё с одним выходцем из Эсткарпа. И, пожалуй, мне следует повидаться и с твоей сестрой, которая наделала здесь столько шума. Решено — еду с тобой. Эй-хо! — крикнула она, и Шабрина понеслась вперёд.

Я вскарабкался на своего скакуна, ухватился за его рог и мне стоило немалого труда удержаться на его спине, когда он рванул следом за своей подругой.

Сквозь тучи пробилось солнце, и теперь Дагона была уже не тёмноволосой, — её волосы, развевавшиеся на ветру, отливали золотом, а сама она казалась воплощением стремительного движения.

Глава 12

Какой-то зверь неуклюже бежал вприпрыжку почти наперерез нам. Он то рывками двигался на трёх конечностях, выставив вперёд согнутую четвёртую, то поднимался на две задних и ковылял на них. Дагона остановила Шабрину, и зверь приблизился. Задрав вверх узкую голову, он оскалил клыкастую пасть — на его чёрных губах белели ключья пены. Его тёмно-серая шерсть была не то полосатой, не то пятнистой. Он держал на весу, немного выставив вперёд, кровоточащую культю, в которую превратилась его передняя лапа в какой-то схватке.

Зверь зарычал и стал обходить Дагону стороной. У меня зашевелились волосы на голове, когда я вдруг разглядел, что это не просто зверь, а помесь волка и человека.

— Между нами мир, — прорычал человек-волк, взмахнув кровоточащей лапой.

— Между нами мир, — ответила Дагона. — Странно видеть тебя здесь, Фиккольд. Неужто дела так плохи, что тебе приходится искать спасения у нас?

Человек-волк сверкнул жёлто-красными глазами.

— Придёт время... — рыкнул он.

— Да, придёт время, Фиккольд, и мы сразимся с вами открыто, — прервала его Дагона. — Похоже, ты с кем-то уже сразился — не в свою пользу.

Существо отвернулось от Дагоны, будто не могло вы-

держат её взгляда, устало своими жёлто-красными глазами на меня, и ошестившись, глухо зарычало, намереваясь броситься. Я услышал окрик Дагоны.

— Не смей, Фиккольд! Пользуешься правом Договора, так и ступай себе с миром...

Человек-волк перестал щериться, и шерсть у него на загривке улеглась.

— Выходит, ты с ними заодно, Морканта? — прошипел он в ответ. — А ведь это не понравится не только серым. Я Договора не нарушу, а вот ты, кажется, забылась. И коль вступаешься за чужеземцев, то поторапливайся, они нуждаются в помощи.

Ещё раз оскалившись на меня и прижав кровоточащую лапу к мохнатой груди, Фиккольд заковылял в сторону котлована с целительной грязью.

Я понял его намек: Кимок и Каттея — в опасности. Недолго думая, я пустил своего скакуна по кровавому следу.

Дагона тут же догнала меня.

— Так нельзя! — крикнула она мне. — Нельзя скакать прямо по следу, ты становишься уязвимым.

Она заставила Шабрину бежать зигзагом, то и дело пересекая кровавую дорожку, которую Фиккольд оставил за собой. И хотя мне было досадно тратить время на такое маневрирование, я последовал её примеру.

— Он сказал правду? — спросил я, поравнявшись с нею.

— Да, ибо ему такого просто не выдумать. — Дагона нахмурилась. — И если серые обнаглели до того, что не побоялись выступить против силы, которой владеет твоя сестра, то это значит, что равновесие добра и зла нарушилось...

Она опять поднесла руку ко рту — как в тот раз, когда вызывала рогачей из роцци, однако я ничего не услышал. Звук возник у меня в голове — пронзительный и болезненный. Рогачи вскинули головы и заржали.

Я не очень-то удивился появлению фланнана. Он приблизился к Дагоне и, часто взмахивая крыльями, полетел с нею рядом. Немного спустя она с озабоченным видом повернулась ко мне.

— Фиккольд говорил правду, — сказала она. — Однако эта правда оказалась более суровой, чем я думала, Кайлан: твоя сестра и брат попали в ловушку. Их заманили в гиблое место и заключили в три круга, разорвать которые не способна никакая колдунья, владеющая Силой настолько,

насколько ею владеет твоя сестра. И она, и твой брат обречены пребывать в заточении, пока не умрут...

Я не раз смотрел смерти в лицо и поэтому спокойно относился к мысли о том, что она скрывается за каждым взмахом вражеского меча. Но я не мог допустить, чтобы, пока я дышу, смерть грозила Каттее и Кимоку, — неважно, есть у меня какое-нибудь оружие или нет. Я ничего не ответил Дагоне, но был полон решимости постоять за сестру и брата, тем более, меня всё время мучили угрызения совести.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь и на что решился, — сказала Дагона. — Но для этого требуется не только решимость и сила в руках. Где твоё оружие?

— Я раздобуду его, — выдавил я сквозь зубы.

— А пока тебе остаётся только пользоваться вон той вещицей. — Дагона показала на стержень, который висел у меня на поясе. — Не знаю, подойдёт ли тебе это оружие — оно для тебя непривычно. Им надо действовать как кнутом. Попробуй.

Мне вспомнились трескучие вспышки голубого огня, которым всадник-незнакомец истребил преследовавших нас кутор. Я отстегнул стержень от пояса и резко взмахнул им — так, как если бы к его концу была прикреплена плеть.

Раздался громкий треск, и яркий огненный луч полоснул по земле, оставив после себя дымящийся след. Я вскрикнул от восторга.

— Похоже, не такие уж мы и разные, Кайлан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа, — улыбнулась Дагона. — Видишь, ты не безоружен. А сейчас нам нужно на время расстаться, но не думай, что я бросаю тебя одного, напротив — попытаюсь помочь. Пока же, поезжай по кровавому следу и делай всё, что в твоих силах, а я постараюсь кое-что предпринять.

Я не успел и рта раскрыть, как она пустила своего рога-ча с места в галоп, а мне только и оставалось, глядя им вслед, дивиться его прыти — с ним не сравнился бы никакой жеребец. Я повернул своего скакуна, и он пошёл рысью по тропе, отмеченной кровью Фиккольда.

Памятуя о наказе Дагоны, я старался почаще пересекать кровавый след. Мы спустились с холмов, по которым недавно мчал меня чёрный жеребец навстречу смерти; нам предстояло миновать гиблые места. Однако мы не встретили на пути ни рощи с пепельно-серыми деревьями, ни города-ловушки, если только серая полоска, по-

казавшаяся вдали, не была им. Я заметил, что Шабр обегал стороной некоторые россыпи камней и участки, покрытые растительностью необычного цвета, и полностью доверился скакуну в выборе пути, ибо догадывался, что он избегает мест, которые являются средоточием губительной силы.

Шабр замедлил бег. Я поразился тому, какой длинный путь проделал Фиккольд, истекая кровью. Мы приблизились то ли к кустарнику, то ли к лесу из низкорослых деревьев. С их корявых ветвей поднялась в воздух стая каких-то чернокрылых тварей, которые принялись кружить над нами, издавая скрипучие крики.

— Берегись! — прозвучало у меня в голове.

Я растерялся: откуда это предупреждение и что оно значит? Но тут Шабр вскинул голову, и я понял, что оно исходило от него. Я резко взмахнул вверх своим оружием. Одна из крылатых тварей заверещала, перевернувшись несколько раз в воздухе и упала на землю. Стая рассыпалась в разные стороны, но отлетев от нас немного, чёрные твари снова собрались в косяк, готовясь к новой атаке. Они нападали на нас трижды, и каждый раз я отгонял стаю ударами огненного кнута. Наконец твари улетели — в ту сторону, куда направлялись и мы, словно намеревались где-то там впереди устроить нам засаду.

Мы всё ещё спускались по предгорным холмам к равнине. Их склоны покрывала жёсткая трава, которая местами была вытоптана. Во мне проснулся разведчик. — «Нам лучше бы избегать открытых мест», — подумал я с надеждой, что Шабр воспримет мои мысли.

— О нас всё равно уже знают, — уловил я отклик скакуна. — От тех, кто хозяйничает в этих краях, нельзя скрыться.

Шабр совсем замедлил бег и перешёл на шаг. Подняв голову и расширив ноздри, он начал шумно втягивать воздух, словно пытался определить, что впереди. Уйдя с кровавого следа, которого мы до сих пор придерживались, Шабр стал забирать от него всё дальше и дальше вправо, и меня это озадачило.

— Колоннада будет нам защитой, — отозвался он на моё молчаливое недоумение.

Я воспринял это, как абракадабру, его поведение оставалось для меня загадкой, поскольку я так и не улавливал вокруг нас ничего подозрительного. Но вскоре я почувствовал какое-то внутреннее напряжение — что-то тягост-

ное давило на меня, отупляло разум. Это ощущение угнетало меня всё сильнее по мере нашего продвижения.

Наконец, мы очутились на склоне, с которого открывался вид на равнину. Невдалеке темнела лента реки, а ещё ближе к нам возвышались установленные по кольцу менгиры — огромные, грубо обтёсанные монолиты. Некоторые из них покосились, а два вообще лежали на земле. Столбы окружали площадку, сложенную тоже из каменных глыб, голубовато-серого цвета, и на этой площадке я увидел тех, кого разыскивал, — Каттею и Кимока.

Вокруг кольца менгиров роилось сонмище всяких тварей: чёрными пятнами мелькали в траве кутора; несколько серых слонялись возле столбов — кто на всех четырёх лапах, а кто на двух задних. Рядом с ними ползало на брюхе какое-то покрытое пластинчатым панцирем чудовище, которое время от времени угрожающе задирало вверх омерзительную морду. Стая чернокрылых тварей кружилась совсем низко над столбами. Но вся эта толпа нечисти, осаждавшей каменное кольцо, двигалось на некотором расстоянии от столбов, особенно избегая приближения к тем из них, что лежали на земле.

От кольца отходили две колоннады: одна простиралась в сторону реки, другая — в нашу сторону, поднимаясь по склону холма; обе были частично разрушены. Много колонн лежало на земле — целыми или распавшимися на обломки — и на них виднелись чёрные пятна гари, оставшиеся, вероятно, от попадания молнии.

Шабр трусцой направился к ближней колоннаде. Достигнув её, он снова пошёл зигзагами. Поваленные и разбитые на куски колонны он перепрыгивал — возле других сбавлял бег. Двигаясь рывками и кидаясь из стороны в сторону, он приближался к осаждённому зверьём кругу.

— Кайлан! — прозвучало у меня в голове. Это мысленно приветствовали меня сестра и брат. Вслед за этим последовало предупреждение: — Берегись! Опасность слева!..

Неуклюже переваливаясь на когтистых лапах, к нам приближалось покрытое панцирем чудовище. Оно открыло пасть, готовое броситься на нас. Я взмахнул кнутом, огненная плеть полоснула зверя по щели в панцире, чуть позади головы, однако это его не остановило. Я хлестнул его огнём ещё раз — по голове, но, издав страшный рык, зверь продолжал двигаться на нас.

— Держись!

Предупреждение исходило уже не от Кимока и Каттеи.

Мой скакун чуть припал к земле и тут же взмыл в воздух. Допрыгнув до одной из покосившихся колонн, он встал, как вкопанный, возле неё. Чудовище в панцире, продолжая преследование, проковыляло несколько шагов, и тут с ним произошло нечто невероятное: оно изо всех сил скребло когтями землю, пытаясь продвинуться вперёд, и всё-таки оставалось на месте. Казалось, оно упёрлось в невидимую стену, которую, несмотря на всю свою силу, не могло преодолеть. Бесплодность попыток бесила глупого зверя, и он рычал всё яростнее. К нему присоединились с тывканьем несколько кутор и разъярённый человек-волк. Откуда не возьмись над беснующимся зверьём возникло облако тумана...

— Держись!

Я стиснул бока скакуна ногами и левой рукой обхватил его шею, в правой держа наготове кнут. Шабр сорвался с места, намереваясь перескочить через обломки соседней колонны. Я обернулся и хлестнул кнутом по космам тумана, которые, как щупальца спрута, тянулись к нам. Мощная вспышка на миг ослепила меня. То, что выглядело, как туман, вдруг стало пламенем. Я услышал истошные визги кутор.

Мы переметнулись на новый спасительный островок. До каменного кольца оставалось уже недалеко, но как раз на полпути лежали обломки упавшей колонны, и там нас поджидали кутора и серые.

— Не медли, Кайлан, скорее к нам!

Это звала меня Каттея. Она стояла на краю каменной площадки и что-то наговаривала в сложенные лодочкой ладони. Во мне вскипело негодование. Я больше не мог терпеть того, что мы оказались в плену у безмозглых тварей, и всякий страх перед ними исчез. Шабр взвился на дыбы и пустился галопом, а я принялся вслепую хлестать вокруг кнутом, расчищая нам путь.

Раздалось устрашающее рычание; один из серых прыгнул скакуну на спину, очевидно намереваясь скинуть меня, однако я успел ударить его кулаком по горлу. Человек-волк разодрал мне когтями руку, но я сумел удержаться на рогаче и даже не выронить кнут. Мы прорвались в спасительный круг.

Шабр рысью побежал к каменному помосту. Там всё так же стояла Каттея, поодаль полулёжа сидел Кимок —

из-под спины у него высовывался походный мешок. Шлема на нём не было. В наспех перевязанной руке он держал нечто вроде ножа — по-видимому, обломок меча. На Каттею было больно смотреть — так она исхудала. Я соскочил на землю и бросился к ним, раскрыв объятия и выронив при этом кнут.

Кимок попробовал улыбнуться, но улыбка получилась грустной.

— Приветствую тебя, брат, — сказал он. — Мне бы давно следовало сообразить, что проще всего тебя можно привлечь дракой!

Каттея, устремившись к краю площадки, бросилась ко мне на грудь — как бросаются с берега в воду. Она долго стояла, прижавшись ко мне, и молчала — никакая не Мудрейшая и никакая не колдунья, а просто сестрёнка, натерпевшаяся страха. Она чуть отстранилась от меня и подняла лицо, но не открыла глаз.

— Ты касался Силы, — тихо произнесла она. — Когда и где?

Кимок приподнялся на локтях и внимательно посмотрел на мою грудь — распахнувшаяся куртка обнажила следы недавно зарубцевавшихся ран.

— Похоже, это не первая твоя битва, брат, — сказал Кимок. — Тебя, однако, надо бы подлечить. — Он указал на мою кровоточащую руку, израненную когтями серого. Каттея резко отстранилась от меня и, взглянув на руку, вскрикнула.

Я не чувствовал боли. Вероятно, действие целебной грязи продолжалось до сих пор, ибо стоило Каттее обтереть раны, как они тотчас перестали кровоточить и затянулись.

— Кто помог тебе, брат? — спросила она, осторожно касаясь рубцов.

— Владычица Зелёного Безмолвия, — ответил я.

Сестра пристально посмотрела на меня, словно хотела узнать, не шучу ли я.

— У неё есть и другие имена: Дагона и Морканта, — добавил я.

— Морканта?! — взволновалась Каттея. — Морканта из племени Зелёных Людей?.. Нам надо всё разузнать о них!..

— А вам — удалось ли хоть что-нибудь узнать об этих краях? — спросил я. Уже несколько дней отделяло нас от той ночи, когда Каттея с нашей помощью сотворила чу-

до — создала Посланца, способного перемещаться во времени. — Расскажите, что произошло, и как вы оказались здесь, — попросил я.

Кимок опередил Каттею.

— На первый твой вопрос отвечу: в этих краях можно в два счёта навлечь на себя беду. Мы покинули островок потому, что... — Он замялся и отвёл глаза.

— Потому, что пустились на поиски того, кто по своему недоумию едва не стал добычей врага? — договорил я за него. — Я правильно тебя понял?

— Да, — ответил брат. И это было лучше, чем если бы он солгал. — Когда мы проснулись, Каттея сразу поняла, что ты угодил в паутину зла.

— Ты ведь и сам понимал, что открываешь ему дверь, когда воспользовался своим даром с недобрым намерением, пусть даже ради нашего блага, — продолжила за него Каттея. — Мы не знали, кто и как увёл тебя от нас, знали только, что это случилось, и нам ничего другого не оставалось, кроме как отправиться на поиски.

— Но ведь вам нужно было дожждаться возвращения Посланца, — возразил я.

— Его не нужно ждать, — улыбнулась Каттея. — Проводник найдёт меня, где бы я ни была. Мы быстро обнаружили твой след — он легко угадывался по флюидам зла, которое ты разбрел, но не отважились последовать за тобой, ибо я до сих пор не знаю, как от него защититься. К тому же на нас началась охота, и мы вынуждены были спастись и думали, что нам повезло, когда нашли это место, свободное от нечисти. Но наше убежище, как вскоре выяснилось, оказалось и нашей тюрьмой.

Сестра вдруг покачнулась, и я подхватил её. Закрыв глаза, она припала ко мне, предоставив Кимоку возможность продолжить рассказ об их злоключениях.

— Мы уже три дня не ели, — сказал он, — и у тебя, как я вижу, ничего с собой нет. Утром, правда, мы немного утолили жажду, собрав росу, но желудок требует чего-нибудь посущественней...

— Я прорвался к вам благодаря вот этой штуковине, — ответил я, подняв с земли огненный кнут. — Надеюсь, она поможет нам и выбраться отсюда.

Кимок с сомнением покачал головой.

— Вряд ли. У нас не хватит сил. Каттея уже вконец измучилась.

Мне не понравилась безысходность, прозвучавшая в его словах.

— А что, если мы посадим её на рога, а сами будем отбиваться от нечисти? — предложил я. — Может, попробуем?

Я понимал, что говорю глупость: стоит нам оказаться за пределами спасительного круга, и мы не сможем выдержать натиска чудовищных бестий. К тому же из рассказа брата и сестры я понял, что они очутились в этом круге отнюдь не по своей воле.

Каттея вдруг задёргалась у меня в руках и застонала, как в ту ночь, когда сотворила Посланца. Она широко раскрыла глаза и уставилась перед собой невидящим взглядом.

— Неси её сюда, на площадку! — крикнул Кимок. — Здесь ей станет легче.

На сизых каменных блоках было разостлано одеяло, которое, очевидно, ночью служило постелью сестре и брату. Я уложил на него Каттею, помог Кимоку пододвинуться к сестре и сам лёг рядом с ней. Каттея продолжала тихо стонать, её руки подёргивались и словно что-то ловили в воздухе.

Наконец, она схватила Кимока за руку и крепко стиснула ему пальцы. Я взял её за другую руку, и тотчас во мне появилось предчувствие, что сейчас произойдет чудо.

Над помостом возникло свечение. Оно усиливалось и усиливалось, пока не превратилось в отчётливое видение крылатого скипетра. Продержавшись на месте мгновение-другое, светящееся видение стрелой метнулось вниз, прочертив яркую полосу, подобную вспышке молнии, а Каттея при этом выгнулась дугой и громко закричала — сотворённый ею Посланец вернулся к ней. Сестра обмякла и затихла. Знание, открывшееся ей, было доступно и нам, так как сестра по-прежнему была мысленно связана с нами, и перед каждым из нас разворачивалась картина далёкого прошлого этой земли. С этой минуты мы стали слепы и глухи ко всему, что происходило вокруг нас.

Глава 13

Удивительное зрелище открылось нам: мы словно падали над этой землёй и видели её такой, какой она была когда-то очень, очень давно. Под нами простирались горы, поля, леса и реки прекрасной, ещё не тронутой пор-

чей страны. Она была обжита и обихожена — здесь и там по ней были разбросаны деревеньки и поместья, с домами, окружёнными великолепными садами. Здесь было три города — нет, пожалуй, даже четыре, ибо у подножья гор высились несколько башен необычного вида и назначения, образующих в совокупности городок. Населяли страну в основном люди древней расы.

Жили в ней и другие народы, прародители которых были ещё древнее, чем пращуры тех, кто составлял основное население. Наделённые необычными способностями, они были весьма почитаемы. Эта страна казалась озарённой золотистым светом и манила нас к себе, как манят в ночи путника огни в окнах дома, где его ждут друзья. Но нам не дано было побывать в этой чудесной стране — нас отделял от неё барьер времени.

Затем эта цельная панорама распалась как бы на отдельные картины, и мы стали свидетелями происходивших в стране перемен. Здесь тоже властвовали Мудрейшие, но их правление не было таким деспотичным, как в Эсткарпе, ибо Даром Силы владели не только женщины, но и мужчины.

Как проникло в эту страну зло? Оно явилось результатом благих намерений, а отнюдь не следствием чьих-то злостных устремлений. Неуёмные искатели знаний — хотя их и было совсем немного — начали производить опыты с Силой, которую, как им казалось, они хорошо освоили. Они делали одно открытие за другим, не замечая, что эти открытия, в свою очередь, незаметно влияют на них самих, изменяя не только мышление, но также душу и тело. Однако, если сначала они интересовались лишь тем, как можно использовать Силу, то впоследствии с неизбежностью заинтересовались самой её природой — чтобы стать всемогущими. Их не устраивали больше естественные, постепенные перемены, и они всему начали навязывать перемены моментальные. Ради самосовершенствования они начали проводить опыты над самими собой!

Мелькали годы. В стране множились братства ищущих совершенство — тех, кто посвятил себя проведению опытов либо над собой, либо над другими людьми и животными. Вскоре стали появляться на свет дети, не похожие на родителей, и животные, дотоле невиданные. Некоторые из вновь выведенных животных были удивительно красивы и к тому же могли приносить людям пользу. Но такие

создания появлялись почему-то всё реже и реже. Чаще всего результаты опытов оказывались неудачными. Сначала явных уродов просто умерщвляли, но потом их надумали изучать и стали держать в клетках. По прошествии времени чудовищ начали выпускать на волю, предоставляя их самим себе, и некоторые из них вскоре погибали, а выжившие быстро размножались.

Люди же настолько обнищали духом, что стали приручать чудовищных тварей и использовать их в своих низменных целях. А вскоре ни создатели уродов, ни те, кто делал их своими ужасными прислужниками, не знали уже никаких пределов, верша злодеяния.

Неистовство зла затмило в стране свет добра. Лишь среди людей древней расы ещё нашлись те, кто не только не поддались этому буйствованию демонических сил, но и выступили против них, хотя это было похоже на попытку ковшом вычерпать воду из моря. Они потерпели полное поражение и могли сгинуть в болоте скверны, в которое превратился их родной край.

Некоторые из них считали, что лучше погибнуть, сражаясь с врагом, чем жить в мерзости под его началом; в смерти они видели спасение для духа. У них нашлись сторонники; люди семьями собирались в домах и расставались с жизнью, вызывая себе на погибель силы, никому не подвластные.

Но другие верили, что ещё не настал конец древней расе. Их осталось совсем мало по сравнению с воинством Тьмы. Зато среди них были те, кто владел Силой в такой мере, что демоны побаивались вступать в открытую борьбу с ними. И вот эти люди призвали собраться под своим водительством всех, кто мог решиться покинуть родину, дабы найти себе пристанище в других краях.

Надо сказать, что люди древней расы были прочно связаны с родной землёй — она питала их жизненной силой. Их никогда не тянуло в странствия, их не интересовали чужие земли — разумом и духом они стремились к иному. Покинуть родину для многих было равнозначно смерти. И всё-таки им не оставалось ничего другого, как уйти на запад, туда, где высились горы, за которыми они надеялись найти себе убежище.

Но им не позволили уйти спокойно — растрёпанные слуги Врага преследовали их днем и ночью. В стычках гибли и мужчины, и женщины, подчас целые семьи, однако, несмотря ни на что, беженцы оставались верны своему

намерению. Они были вынуждены отбиваться от преследователей даже в горах. Преодолев же горы, люди последний раз обернулись назад, и затем вожди воззвали к Силе. Поднялся невообразимый хаос, горы заходили ходуном, а когда всё стихло, беженцы знали — непреодолимый барьер на века отделил их родину от земли, на которой они теперь стояли.

А на родине, покинутой ими, зло, не встречая преград, распространилось повсеместно. И всё же оно не стало полновластным хозяином в стране, хотя силы, сдерживавшие его господство, в первые годы никак себя не проявляли. Люди древней расы не взяли с собой ни одной твари, явившейся на свет в результате опытов; они пренебрегли даже созданиями, которые могли быть полезными. Между тем, некоторые из этих существ отличались не только красотой и силой, но и устойчивостью по отношению к дьявольской порче. Большинство из них ушли в глухие места, чтобы не попадаться на глаза демонам. А ещё в стране остались люди, предки которых жили на этой земле задолго до того, как на ней зародилась древняя раса.

Этих людей была всего лишь горсточка, однако своим духовным могуществом они внушали страх, и демоны их сторонились. Люди эти не боролись со злом, не старались в избытке творить добро, но они владели такими силами, о которых демоны и не ведали. Также удалившись в глухие места, народ этот со временем приручил искусственно созданных животных, но ничем особенно не утруждал их.

Время текло подобно быстрой реке. Демоны, опьянённые доступом к силе, дошли до полного сумасбродства, пользуясь ею. Новоявленные владыки мира начали навязывать друг другу свою волю, и в стране разразились междоусобные войны — с применением дьявольских средств. Распри безумцев продолжались столетиями, грозя соперникам взаимным уничтожением. В конце концов, в стране, расколотой на ряд владений, установилось равновесие враждующих сил, некое подобие мира.

Демоны, пресытившись опытами над естеством, избрали себе бесплотный способ существования и как бы погрузились в спячку. Те же, кто веками жил в глуши, вернулись на свои исконные земли и начали обживать их заново. Люди завладевали ими осторожно, стараясь не пробудить демонов, избегая какого бы то ни было противоборства с ними. Подобное сосуществование продолжа-

лось так долго, что стало уже привычным образом жизни.

И вот в эту страну явились мы и нарушили установившееся в ней равновесие, нечаянно разбудив силы, в сравнении с которыми сами были пылинками на ветру.

Я открыл глаза — и встретил взгляд Кимока.

— Теперь мы знаем всё, — сказал он спокойно. — Но от этого не легче. Мы не можем выжить в этой стране. А какой прекрасной она когда-то была! Впрочем, почему — была? Она и теперь прекрасна...

Я мог понять его ностальгическую тоску по сказке, явившейся нам в полёте сквозь время. Вся моя жизнь прошла в предвестии кровавых побоищ. Я с малолетства знал, что живу в цивилизации, обречённой на скорую гибель. Наверное, поэтому в душе у меня тоже защемило от сказочного видения. Но ещё больнее было сознавать, что нам нет здесь места.

Каттея зашевелилась и открыла глаза. По её щекам текли слезы.

— Сколько там света и тепла! — прошептала она. — Если бы мы владели Силой, мы смогли бы перенестись туда...

— Если бы у нас были крылья, — проворчал я, — мы смогли бы улететь отсюда... — Я огляделся по сторонам.

Гнусные твари по-прежнему маячили за кольцом каменных столбов, служивших нам защитой, и было ясно, что они никуда не уйдут до тех пор, пока не убедятся, что мы умерли и больше не являемся угрозой их хозяевам.

Смеркалось, и хотя я не сомневался, что каменные столбы будут удерживать прислужников тьмы на расстоянии, я знал также, что с наступлением ночи нечисть набирает силу. К тому же мне хотелось есть, и я хорошо представлял себе, каково было Каттею и Кимоку. Оставаться под защитой камней, чтобы дожидаться смерти? Нет, это было не по мне!..

Я подумал о скакуне. Шабр доставил меня сюда. Быть может, он способен и выбраться отсюда? Он мог бы, по крайней мере, напомнить о нас Дагоне, ведь она обещала чем-то помочь. Да, она хотела что-то предпринять, однако прошло уже немало времени, а на помощь никто не пришёл. Очевидно, ей не удалось уговорить владык — или владычиц. Я снова стал думать о том, как бы выбраться из этого места с помощью скакуна, но услышал слабый голос Каттеи.

— Разве ты забыл? Колдунье отсюда не уйти. Но может, вы с Кимоком попробуете пробиться?..

Ни меня, ни брата её предложение не устраивало. Нужно было либо выбираться отсюда всем троим, либо всем вместе оставаться здесь.

— Можно ли подействовать на этих бестий с помощью Силы? — спросил я.

Сестра покачала головой.

— Я и так слишком часто обращалась к Силе, потому-то вся эта нечисть и навалилась на нас. Я разбредила зло. И всё-таки, братья, нечисть не может добраться до нас, и мы должны благодарить судьбу уже за это, ибо телесная смерть — не самое страшное.

Я понял её. Истина открылась мне, когда вороной жеребец мчал меня к мёртвому городу.

Но я не собирался умирать без борьбы, какая бы не ждала меня смерть — чистая или осквернённая. Я всё ещё не расставался с надеждой на то, что фея спасшая мне жизнь, выполнит своё обещание и поможет нам.

Я закрыл глаза руками и попытался вызвать в своём воображении её лицо, чтобы обрести мысленный контакт с нею. Мне хотелось знать, есть ли у нас хоть какая-нибудь надежда на помощь, ибо в противном случае я готов был действовать отчаянно и фатально.

Но как связать в единый образ черты, изменчивые, как блики на воде? Перед моим внутренним взором неуловимо мелькало одно лицо за другим. Нет, Дагона не была искусственным созданием, родившимся по прихоти искателей совершенства. Она происходила из народа, который существовал ещё до древней расы, и потому её человеческое естество было таким зыбким и неуловимым.

Услышав тревожный храп Шабра, я огляделся. С наступлением сумерек над менгирами обозначилось свечение. По столбам, как побеги лозы, струились светящиеся нити. Каменный помост тоже излучал свет. Шабр вскинул голову, раздул ноздри и громко протрубил, словно вызывая на поединок соперника.

Я ожидал появления чёрного жеребца, который заманил меня в ловушку, но вместо того услышал уже знакомый треск, и увидел вспышки на склоне холма — там, где на него взбегала колоннада. Сомнений быть не могло — это стегал по нечисти чей-то огненный кнут.

— Дагона! — воззвал я мысленно, вложив в этот зов всю свою волю.

Ответа не последовало. Ещё одна вспышка озарила склон холма, следом раздалась истошные визги и яростный рёв.

— Шабр! — попытался я установить контакт с рогачём.

— Кто это там?

— Не суетись, — отозвался он. — Не возбуждай силы зла.

Я поразился: то был контакт не с животным, а с существом, сходным по разуму — скакун упрекал меня за нетерпение!

Каттея, схватив нас с братом за руки, приподнялась.

— Нечисть вокруг оживилась, — пробормотала она. За струившимся по каменным столбам светом трудно было увидеть что-либо в темноте.

— А ты могла бы хоть как-то повлиять на них? — спросил Кимок.

— Нет, я не буду этого делать, — ответила Каттея. — Можно навлечь беду. Есть магия, и есть колдовство. В основе магии — ритуал, при колдовстве же прямо обращаются к природным силам, не выделяя как таковых ни добра, ни зла. В Эсткарпе Мудрейшие пытались владеть и тем и другим, делая, однако, упор на колдовство. Сейчас нас может спасти только магия, но я ею не владею... Кайлан, расскажи мне о Владычице Зелёного Безмолвия и о том, как ты встретился с нею.

Продолжая всматриваться в темноту за столбами, я рассказал ей о своих приключениях, подробнее задержавшись на том, как меня лечили грязью.

— Это не что иное, как перевоплощение с помощью естественных сил, — заметила Каттея.

— Почему ты так уверенно говоришь об этом? — удивился я.

— Потому, что для меня это не ново, — спокойно ответила сестра. — Обитатели Зелёного Безмолвия знают своих духов-хранителей. В магических заклинаниях они обращаются к ветру, воде, небу, но делают это не так, как мы. Они не навязывают им свою волю. Да, они могут, если надо, воспользоваться бурей — но не станут вызывать её. Они могут заставить бурную реку служить им — но не станут обращать её вспять. Им подчиняются животные, птицы и даже растения. Они могут принимать цвет окружающего их пейзажа и так сливаться с ним, что их не различишь, ни среди деревьев, ни на открытом месте. Они — соль жизни, и потому силы разрушения боятся их. В

чём-то они могущественнее нас, несмотря на то, что мы владеем колдовством, а в чём-то — слабее. В Эсткарпе нет подобных им. Они не способны покинуть страну, с которой срослись. Но в Эсткарпе живут легенды о них...

— Легенды вековой давности, — перебил я сестру. — Уж не хочешь ли ты сказать, что в них упоминается Дагона?

— Я скажу только, что, вызывая ветер или бурю, мы часто обращаемся к Морканте, — ответила Каттея. — Заметь, что в отличие от наших колдуний Владычица Зелёного Безмолвия назвала тебе своё имя безбоязненно. Она из тех, кто не страшится никакого колдовства.

Над нами раздалась пронзительная трель. Вздрыгнув от неожиданности, мы подняли головы и увидели голубовато-зелёную птицу — точно такую же, какая прилетала ко мне, когда я, разбившись, лежал в ущелье на грани жизни и смерти. Она три раза пролетела по кругу над нами, каждый раз издавая долгую трель. У Каттеи вдруг сбилось дыхание, она больно вцепилась мне в плечо, её лицо побелело.

— Они и самом деле могущественны! — с трудом вымолвила сестра. — Они лишили меня памяти!

— О чём ты? — спросил Кимок.

— Я не могу вспомнить ни одного заклинания! — отозвалась Каттея. — Они потеряли для меня всякий смысл. Кайлан, ты можешь объяснить, почему они позволяют себе так обходиться с нами? Я чувствую себя совершенно безоружной. Кайлан, они хотят нам не добра, а зла! На сей раз они заодно со злом!

Она оттолкнула меня и прильнула к Кимоку. Прижимая её к себе, он глядел на меня через её плечо, и я впервые видел столько враждебности в его взгляде.

Но я не мог отрицать того, что у него были все основания так относиться ко мне. Я ведь вернулся к ним при содействии той же силы, которая оказалась теперь враждебной Каттее. Я свалился им на голову, принеся, похоже, не спасение, а гибель. И всё же я не мог согласиться с их отношением к тому, что происходило, хотя уже и сам не очень-то верил в чью-то помощь.

Твари, окружившие нас со всех сторон, становились всё наглее. Волчья морда возникла из темноты возле одного из менгиров; серый угрожающе перебирал перед собой когтистыми лапами. Каттея отстранилась от Кимока и огляделась.

— Посмотрите на камни! — вскрикнула она.

Я пригляделся к менгирам. Если совсем недавно они излучали голубой свет, то теперь их свечение приобрело мутновато-жёлтый оттенок и вызывало тошнотворное чувство. Похоже, этот свет возбуждал осаждавших нас тварей, ибо всё больше и больше зловещих морд появлялось из тьмы в разных местах; нечисть всё ближе подбиралась к нам.

Шабр вдруг ударил копытом в землю, и она отозвалась гулом, как если бы ударили в большой барабан. Я оглянулся на Каттею — сестра глотала воздух, пытаясь что-то выговорить, её голова качалась из стороны в сторону, а вытянутые вперёд руки судорожно дёргались. Я понял, что она пытается защититься с помощью колдовства, но не может справиться со злыми чарами.

Тем временем Шабр начал трусцой двигаться вокруг площадки. Его бег становился всё быстрее и вскоре перешёл в галоп. Рогач начал издавать резкие трубные крики. А в желтоватом огне менгиров появлялось всё больше и больше оскаленных морд мерзких тварей.

Затем я увидел картину столь невероятную, что сначала не поверил своим глазам. Шабр, который только что носился галопом по утоптанной траве, вдруг оказался в потоке зелёной воды, вращающейся по кругу. Вода доходила ему до колен, и, казалось, своим бегом он ускоряет её движение. Возможно, это была не вода, а лишь наваждение. Каменные плиты под нами почему-то вдруг начали нагреваться. По всем четырём углам помоста взметнулись вверх голубые лучи света, которые, изогнувшись дугой, коснулись зелёного водоворота и пропали в нём. Водоворот же всё убыстрялся и расширялся, уже почти достигая кольца менгиров, а Шабр не переставал носиться по кругу. Я старался не смотреть на него — у меня кружилась голова.

Зелёный поток расплескался до самых столбов. Внезапно они исчезли в ослепительной вспышке света, подобной той, которая возникла на месте туманного облака, преследовавшего нас у колоннады, как только я хлестанул по нему огненным кнутом.

Я невольно зажмурился, а открыв глаза, увидел, что жёлтое свечение менгиров сменилось зелёным — таким ярким, что оно скрывало собой их грубые контуры. В

темноте за камнями мне не удалось больше различить ни одной звериной морды.

Свечение, объявившее столбы, начало пульсировать, поднимаясь над ними подобно пламени; оно не позволяло видеть, что происходит за пределами каменного кольца, зато были слышны вой и визги убежавших тварей... Осада была снята! Я спрыгнул с площадки и поднял огненный кнут, который обронил возле неё несколько часов тому назад.

Какое-то колдовство — быть может, совсем иного рода, чем то, какому нам прежде доводилось быть свидетелями, но всё же — колдовство — спасло нас. С кнутом в руке я стоял, всматриваясь в темноту.

— Дагона! — прошептал я, не сомневаясь, что получу ответ.

Глава 14

Их было трое. Они появились между двумя светящимися менгирами внезапно, словно с неба свалились. Во главе троицы красовалась на своём рогаче Дагона. Её волосы на этот раз казались не русыми и не чёрными, а зелёными, и лицо тоже было зеленоватого оттенка, как и у тех, кто её сопровождал. Всадники были вооружены огненными кнутами, но Дагона держала в руках заряженный лук. Она подняла его над головой и выпустила в небо стрелу — мы услышали затихающий свист.

И вдруг, словно снег, на нас посыпались искорки зелёного света. Всадники, оставаясь на скакунах, безмолвно глядели в нашу сторону.

Сопровождающими Дагоны были двое мужчин — если это определение применимо к существам, во всём похожим на мужчин, но имеющим на голове пару рожек. На них было такое же одеяние, как и то, каким целительница одарила меня. Их облик, в отличие от облика Дагоны, не изменялся: красивые лица казались застывшими и абсолютно бесстрастными.

— Выходите! — уловил я мысленный приказ Дагоны и был готов подчиниться ей — но она обращалась не только ко мне... Я повернулся и протянул руку Каттее. Сестра и брат, отозвавшись на мой жест, подошли ко мне и встали рядом, выжидающе глядя на всадников, которые словно раздумывали, приближаться ли к нам. Меня осенила до-

гадка: это место, послужившее нам прибежищем, было для них недоступно.

Один из всадников нетерпеливо взмахнул кнутом, и в землю ударил сноп искр.

— Выходите! — снова позвала Дагона, на этот раз вслух. — У нас нет времени. Серые убрались ненадолго.

Я обнял сестру за плечи, Кимок подошёл к ней с другой стороны, и мы медленно пошли к поджидавшей нас троице. Я заметил, как Дагона, неотрывно глядя на Каттею, закинула за плечо лук и, чуть склонясь со скакуна, вытянула вперёд руку. Она неторопливо начала водить ею, оставляя в воздухе светящиеся линии, сложившиеся, наконец, в узор наподобие звезды. В ответ Каттея тоже подняла и протянула вперёд руку. Будучи в мысленном контакте с сестрой, я почувствовал, каких усилий ей это стоило. Мы с Кимоком тут же напрягли всю волю, чтобы придать сестре сил. Медленно-медленно её пальцы распрямились, и она начала рисовать против узора Дагоны такой же — только его линии светились не зелёным цветом, а голубым — цветом камней площадки, которую мы покинули.

Один из всадников, сопровождавших Дагону, негромко вскрикнул, поражённый увиденным.

— Иди сюда, сестра... — Дагона протянула Каттее руку. Я заметил, как сестра облегчённо вздохнула.

Станные ощущения испытали мы, проходя между менгирами. У меня мурашки пробежали по телу. Мельком взглянув на сестру и брата, я увидел, что те искрятся, словно покрытые блёстками, и у меня зашевелились волосы на голове.

Дагона крепко сжала Каттее руку.

— Препоручите её мне, — потребовала она. — Мы должны ехать, и не медля.

Нас с Кимоком ждал Шабр. Я забрался на него первым, Кимок устроился у меня за спиной, и мы тронулись. Впереди всех мчалась Дагона. Её Шабрина двигалась плавно и легко, словно двойной груз, который она несла на себе, для неё ничего не значил. Следом за нею скакали мы с Кимоком, а за нами — двое всадников с огненными кнутами.

Оставив позади себя призрачно мерцавшие менгиры, мы попали в какую-то зеленоватую туманную дымку, мешавшую разглядеть местность, по которой мы мчались. Как ни всматривался, я так и не смог ничего уви-

деть, и в конце концов смирился с тем, что мы оказались в полной зависимости от нашей спасительницы.

Она же, судя по всему, прекрасно знала, куда держит путь — её Шабрина продолжала нестись галопом, не сбавляя бега. Я подивился выносливости рогачей.

— Куда мы мчимся? — спросил из-за спины Кимок.

— Не знаю, — признался я.

— Не попасть бы нам снова в какую-нибудь беду... — забеспокоился он.

— Не думаю, что нам это грозит, — попробовал я успокоить его. — Я не чувствую зла...

— А я не уверен, что молодцы, скачущие за нами, питают к нам симпатию, — возразил он.

— Но ведь они же спасли нас, — напомнил я.

Однако в чём-то Кимок был прав. Дагона высвободила нас из кольца менгиров, в котором мы оказались по собственной воле, и этим, безусловно, проявила свою благосклонность к нам; но это ещё не значило, что мы не окажемся в другом заточении.

Хотя я и не видел, куда мы скачем, но почему-то был уверен, что мы возвращаемся в горы — в тот край, где расположена котловина, на дне которой бурлят источники целительной грязи.

— Не нравится мне эта скачка в никуда, — снова подал голос Кимок. — И я не думаю, что этот зелёный туман сотворён исключительно в нашу честь. Тут и без тумана не знаешь куда податься... Как ты думаешь, что мы здесь до сих пор делаем, ищем убежище?

— Мне всё больше кажется, — ответил я, — что мы явились в эту страну, дабы спасти её.

Он рассмеялся.

— А почему бы и нет? Разве наши родители не выступили против колдеров, положившись только на самих себя? Чем мы хуже их? К тому же, нас трое, а не двое. Сдаётся мне, брат, что мы спешим на какую-то битву. Что ж, неплохая, вроде бы, подобралась компания...

Мы мчались и мчались сквозь туман, поглотивший пространство и не позволявший судить о ходе времени. Должно быть, ночь уже кончалась.

Туман начал рассеиваться. В тусклом свете сумерек стали различимы деревья, кусты и камни. Взираясь по круче, скакуны перешли на шаг. С восходом солнца мы добрались до перевала и оказались на проторенной дороге, по обеим сторонам которой высились скалы. На них

кое-где были высечены какие-то письмена — как будто знакомые мне своим начертанием, однако не поддающиеся прочтению. Я услышал, как Кимок с присвистом втянул в себя воздух.

— Ютаян! — произнёс он громко.

— Что-что? — не понял я.

— Слово Силы, — объяснил Кимок. — Оно встретилось мне в одном из манускриптов, которые я изучал в Лормте. Это место, Кайлан, надёжно защищено священными письменами от всякой напасти.

Цепочка писем на скалах оборвалась, дорога снова пошла под гору. Перед нами открылась широкая долина, поросшая густым лесом; кое-где виднелись просторные луга. Серебристая лента реки вилась по дну долины. У меня сильнее забилося сердце: перед взором лежал последний уголок древней земли, оставшийся нетронутым дьявольской порчей. Картина ласкала взгляд и согревала душу. Я словно перенёсся в безмятежное время, когда людям жилось свободно и радостно, и они не стремились к господству над природой себе на погибель.

Этот казался бы затерянный мир не был пустынным: в небе парили птицы, мимо нас по камням сновали ящерицы, а в долине — паслись на лугу рогачи. Край дышал безмятежностью и покоем.

Миновав перевал с письменами на скалах, скакуны замедлили ход, и теперь бежали рысцей. По краям дороги в изобилии пестрели цветы, словно выращенные садовником. Мы выехали к реке; на лугу высилось что-то, похожее на дом, но этот дом нельзя было назвать строением, ибо он вырос из земли сам: его стены не были сложены из камней или брёвен — их образовывали живые деревья необычной породы, сцепившиеся друг с другом узловатыми ветвями и густо обросшие вьющимися цветущими растениями. Особенно примечательной была островерхая крыша дома, крытая голубовато-зелёными перьями птиц, которых мы видели по пути.

Мы слезли с рогачей, и они потрусили к реке пить воду. Дагона обняла Каттею за плечи и повела к дому. Мы с братом пошли следом.

Внутри дом разделялся на ряд помещений перегородками, тоже увитыми цветущей лозой. Пол в доме был из плотного, упругого мха. Рассеянный зеленоватый свет заполнял всё вокруг.

— Идите за мной, — позвал нас с Кимоком один из воинов. Дагона с Каттеей уже скрылись за перегородкой. Мы пошли за воином и оказались в комнате, где в полу был устроен небольшой бассейн. Вода в нём была густой и красноватой, со знакомым мне запахом — так пахла глина, которой меня лечили. Я быстро разделся, Кимок последовал моему примеру, и мы погрузились в целительную воду, которая быстро сняла с нас все боли и усталость.

Потом нам дали поесть какой-то необычной похлёбки в деревянных полированных чашках, и предложили поспать — на лежанках из сухого мха. Я быстро уснул и увидел сон.

Мне снилась златоцветная страна — не эта, куда нас привезли наши спасители, а та, древняя и обширная, которую мы увидели глазами Посланца. Я видел дома и замки, казавшиеся такими знакомыми, словно я жил или часто бывал в их стенах. Я видел знакомых мне людей — воинов, с которыми защищал границы Эсткарпа, друзей-соплеменников, с которыми весело проводил время в редкие месяцы мирной жизни, а также мужчин и женщин, бывавших в Эсткарпе.

И как во всяком сне, когда всё так убедительно перемещается, я верил, что прошлое слилось с настоящим, что угроз, омрачающих мою жизнь с малых лет, больше не существует, что мой народ вновь обрёл былое могущество, и ему не страшны никакие враждебные силы.

Но во мне оставалась смутная память о великих испытаниях и о войне, в которой нам пришлось претерпеть немало поражений, прежде чем мы добились окончательной победы над врагами.

Проснувшись, я долго лежал с открытыми глазами, рассматривая в сумерках тени над головой. Сон взволновал меня. Как и большинство снов вообще, он был неправдоподобным, но я переживал его как нечто, случившееся со мной наяву, словно на меня возложили миссию, которой я не мог избежать. Возможно, так оно и было. Разве не действовали в этой стране силы, недоступные нашему пониманию? В этот час я прозрел, зная теперь с абсолютной уверенностью, что нужно делать, как если бы передо мной был развернут манускрипт, где эти действия были уже описаны, как свершившиеся.

Кимок всё так же лежал рядом на лежаке, и его лицо было ясным и безмятежным. Я даже слегка позавидовал

ему — его ещё не коснулась та одержимость, которая завладела мною. Я не стал будить его, оделся в чистую одежду, оставленную нам взамен прежней, и вышел в зал.

Четыре ящерицы сидели вокруг большого плоского камня, передвигая лапками резные фигурки. Я понял, что они во что-то играют. Заметив меня, они повернули в мою сторону мордочки и уставились немигающими глазами. На меня посмотрели и те двое, кто следил за их игрой. Жестом руки я поприветствовал свою фею-спасительницу, сидевшую, скрестив ноги, на широком топчане, рядом с которым стоял столик с тремя чашками и высоким сосудом.

— Кайлан из рода Трегартов, выходец из Эсткарпа. — Она одновременно и приветствовала и представляла меня. — Эфутур, Хранитель Зелёной Долины.

Сидевший рядом с ней неторопливо поднялся. Он был одного роста со мной, и его тёмные глаза встретились с моими. На нём была такая же куртка и такие же штаны, как и на мне, но кроме того — пояс и браслеты, украшенные камнями. Его рожки были больше, чем у стражников, сопровождавших нас от кольца менгиров; но если бы их не было, он пожалуй, ничем не отличался бы от людей древней расы. Вот только я не мог угадать его возраст, вероятно, он был старше, чем выглядел. По его облику было видно, что он привык командовать людьми, привык к беспрекословному выполнению своих распоряжений, но и сам отвечал за свои решения — это был предводитель типа Кориса или моего отца.

В свою очередь, он осмотрел меня оценивающим взглядом, но меня это не задело, так как в эту минуту меня больше волновало воспоминание о сновидении.

Он протянул мне руку ладонью вверх, и я пожал её. Рукопожатие оказалось не простым — я почувствовал братский контакт с ним, хотя и не столь явный, какой появлялся у нас с Кимоком или Каттеей. Я понял, что он признал во мне друга.

Дагона перевела взгляд с Эфутура на меня и улыбнулась. Она указала мне на свободный лежак и, плеснув из сосуда в чашку золотистой жидкости, подвинула её ко мне.

— Что с Каттеей? — спросил я, прежде чем выпить.

— Она спит, — ответила Дагона. — Ей нужно как следует отдохнуть, она ведь устала не только телом. И хотя, по её словам, она не присягала колдуньям, однако я вижу, что

она не уступает им во владении Силой и может достичь многого.

— Если будет пользоваться ею разумно, — добавил Эфтур, до сего момента не произнёсший ни слова.

Я взглянул на него поверх чашки.

— Она и не пользуется ею никак иначе.

Он улыбнулся, и улыбка ещё больше его омолодила.

— У меня и в мыслях не было упрекнуть её в чём-то, — сказал он. — Но эта страна не такая, как ваша, её пронизывают токи Силы, которые очень опасны. Твоей сестре понадобится много времени, чтобы понять это. Однако... — Он чуть помедлил и, снова улыбнувшись, продолжил. — Однако, я думаю, вы вряд ли представляете, чем ваше появление здесь чревато для нас. Не так ли? Наш путь лежит на грани между исчезновением и хаосом. Тёмные силы пробудились и вынуждают нас сразиться с ними. Выступив против них, мы либо возродимся, либо погибнем. Мы ещё не решились, Кайлан, ибо риск велик. Эта долина — наше убежище. У нас есть союзники. И всё же нас мало...

— А что, если бы ваши ряды пополнились? — спросил я.

— Каким образом, друг? — он взял со стола свою чашку.

— Я вот что тебе скажу: мы не зовём на помощь тех, кто живет иначе, чем мы. Когда-то давно такое произошло, и это стало источником наших бед.

— Не о том речь, — сказал я. — Что, если ваши ряды пополнят люди древней расы, к тому же воины, проверенные в боях?

Дагона нервно шевельнулась.

— О ком ты говоришь? — спросила она. — Те, кто остался в Эскоре, сделали свой выбор давным-давно, они живут в глухих местах и ни во что не вмешиваются. А те, кто примкнул к нам, зелёным людям, оставили потомков, с которыми мы почти одной крови. Люди древней расы перевелись.

— Если не считать тех, кто ушёл отсюда на запад и там продолжил свой род, — вставил я.

Я заинтересовал их, хотя они и не показали вида. — «Неужели я так заморожен своим сном? — подумалось мне. — Но быть может, сон — вещий?»

— Запад отрезан от нас, — сказал Эфтур.

— Но ведь мы-то пришли оттуда, — напомнил я.

— Вы лишь наполовину принадлежите древней расе, —

вмешалась Дагона. — Потому вы и преодолели барьер — другие не смогут.

— Других приведу сюда я.

— Зачем? — спросил Эфутур.

— Послушайте меня, — попросил я. — Мы тоже ступали по грани...

Я рассказал им о закате Эсткарпа — о том, какие беды обрушились на моих соплеменников.

— Нет, ни за что! — едва дослушав меня, вскричал Эфутур, стукнув при этом кулаком по столу. — Колдуньи нам здесь не нужны! От колдовства только зло и беды. Мы скорее сгинем с лица земли, чем свяжемся с колдовством.

— Кто говорит о колдуньях? — спросил я. — Предстань я сейчас перед нашими Мудрейшими, и мне конец. Но ведь и те, кто служит в войсках Эсткарпа, отнюдь не всегда думают только так, как диктует им Совет Владычиц. Дело в том, что колдуньи слишком омрачают людям жизнь.

И я объяснил, почему, упомянув о том, что браки между людьми древней расы стали редки, ибо Владеющие Силой не могут позволить себе расстаться со своим Даром; что рождаемость из-за этого сократилась, и раса обречена на вымирание; что многие и многие мужчины остаются всю жизнь холостыми, без семьи и дома.

— Но ведь там война. А воины присягнули Совету. Тебе не найти тех, кто пойдет за тобой, — возразил Эфутур.

— Надо полагать, война там на время прекратилась, — сказал я. — Удар, нанесённый Карстену, должен был образумить не только карстенцев, но и ализонцев. Конечно, чтобы знать это наверняка, мне следует вернуться в Эсткарп.

— Зачем тебе это? — спросила Дагона.

— Не знаю, — честно ответил я. — Должно быть, на меня возложена миссия, и мне не свернуть с пути...

— Миссия? — Дагона поднялась с лежака, подошла ко мне и, подавшись вперёд, взяла меня за плечи. Она долго всматривалась мне в глаза пронизывающим взглядом, затем отпустила меня и встала.

— Он прав, — сказала она, повернувшись к Эфутуру. — На нём чей-то знак.

— Как это? — удивился тот. — Нами здесь никто не может повелевать. — Он вскочил и стал озираться по сторонам, будто высматривая врага.

— Очевидно, это ему ниспослано извне...

— Откуда?

— Этого мне не дано знать, но это так... — Дагона вздохнула. — Не завидую я тебе, Кайлан Трегарт. Тяжкий груз лёг на тебя.

— Так уж суждено, госпожа, — ответил я.

Глава 15

Должно быть, мы ехали по тем же местам, где накануне нас преследовало всякое мерзкое зверьё. И хотя я не заметил пока никаких следов нечисти, я остро чувствовал, что за нами наблюдают, и сознавал, что эта тишина — обманчива.

Меня сопровождали люди Эфутура. Рядом со мной ехала Дагона, которую мне не удалось отговорить от этого совсем ей не нужного и опасного путешествия. Мы направлялись к горам, которые мне снова предстояло преодолеть.

Мы почти не разговаривали, не считая того, что Дагона изредка роняла несколько слов, обращая моё внимание на тот или иной ориентир, будто неявно намекала на то, что ждёт моего возвращения. Чем мог ответить я на её надежду? Я был во власти непонятного мне самому веления. Не желая вовлекать в опасное дело ни Кимока, ни Каттею, я покинул их тихо и незаметно, пользуясь тем, что они пребывали в целительном сне.

На ночлег мы расположились под сенью деревьев — не таких высоких и раскидистых, как те, что росли в Зелёной Долине, но той же породы; люди чувствовали себя под ними уютно. В ту ночь мне ничего не снилось, а может быть, сны просто не запомнились. Однако при пробуждении поутру я был охвачен вчерашним порывом и торопил всех в путь. Дагона опять ехала рядом со мной, на сей раз что-то тихо напевая, и у нас над головой кружили зеленоватые птицы, среди которых можно было различить Фланнана — по его переливающемуся оперению.

Дагона искоса взглянула на меня и улыбнулась.

— У нас тоже есть разведчики, храбрый воин. Они, конечно, помнят о своих обязанностях, но иногда их излишне подбодрить. Скажи мне, Кайлан, ты уверен, что сможешь на вербовать людей?

Я пожал плечами.

— Честно говоря, не очень. Всё зависит от того, как обстоят дела в Эскарпе.

— А ты, вообще-то, командовал людьми? — полюбопытствовала она.

— Нет, — сказал я, покачав головой. — Но многие из тех, с кем я служил на границе, не имеют ни клочка своей земли, ни крова над головой. Объявленные вне закона, они бежали из Карстена, и всем их достоянием были только — собственная жизнь да меч в руках. Своими мечами они могли бы отвоевать Эскор у нечисти.

— Для этого одних мечей недостаточно, — критически заметила Дагона. — Но, быть может, эти обездоленные воины настолько безрассудны, что всё же последуют за тобой. Люди всегда стремятся обзавестись клочком земли...

Я избегал встречаться с нею взглядом, ибо мне нечего было больше сказать. И по мере того, как приближался момент нашего расставания, я всё больше противился велению неведомых сил. — «Почему какая-то, до сих пор мне не понятная миссия, возложена именно на меня? — задавался я вопросом. — Я не очень-то умею командовать людьми, у меня нет дара красноречия, каким владеет, например, Кимок. А то, что я старший сын Трегартов, так это обстоятельство никогда не давало мне никаких преимуществ. В сражениях мне тоже не удавалось отличиться особыми подвигами. Так почему же именно я должен нести бремя какой-то непонятной и заведомо обречённой на провал миссии?»

— Тот, кто противится велению, навлекает гибель не только на себя, — сказала Дагона. Она читала мои мысли и, может быть, во всех подробностях. Мне стало стыдно.

— Я знаю, — ответил я резко. — И потому еду в сторону гор, а не в обратную сторону.

— Не в таком уж бодром расположении духа, — холодно заметила она. — Тебе бы пора знать, что светлые мысли приносят человеку везение, а тёмные — беду. Я вовсе не думаю, что твой путь лёгок, но раз уж ты решился ступить на него... — Она умолкла, а когда заговорила вновь, её голос зазвучал низко и как-то торопливо. — Я не знаю, на какие силы ты полагаешься. Ты покидаешь тех, кто желает тебе добра... Прими совет: если над тобой нависнет опасность, думай о сестре и брате. Что до меня, то может статься, при их поддержке я буду способна оказать тебе какую-то помощь.

Она заговорила о всяких пустяках, которые не имели касательства к моему походу, зато рассказали мне о свет-

лых минутах её собственной жизни до той поры, как в Эскоре появились мы, нарушив в нём равновесие сил, которое и без того было неустойчивым. У меня возникло впечатление, что она провела меня за руку по сокровенным уголкам своей жизненной обители. Каким это было для меня подарком! Я увидел в ней не внушающую благоговейный трепет властительницу тайных сил, а всего лишь девушку, какой была и наша Каттея до того, как Мудрейшие увезли её от нас, чтобы переделать по своему образу и подобию.

Незаметно Дагона разговорила и меня. Я начал рассказывать о себе — больше о детстве и юности, проведённых в Эстфорде, чем о последующих годах военной службы. Эстфорд вызывал хоть и грустные, но приятные воспоминания, и у меня потеплело на сердце.

— Ну вот, Кайлан из рода Трегартов, — сказала она, — я думаю, мы понимаем теперь друг друга чуточку лучше. И похоже, тебе это по душе. Не так ли?

Я почувствовал, как к шее и щекам прилила кровь.

— Мне не скрыть от тебя своих мыслей, госпожа, — ответил я.

— Да и нужно ли это? — спросила она серьёзно и вместе с тем насмешливо. — Может, было бы лучше не скрывать их, начиная с того момента, когда мы впервые заглянули в глаза друг другу?

Нет, она не показалась мне нескромной — она просто назвала вещи своими именами. Во мне вспыхнуло неодолимое желание сжать её в объятиях, меня так влекло к ней, что пришлось закрыть глаза и сжать кулаки, чтобы совладать с собой. Поддаться этому сейчас было бы ошибкой для нас обоих. Почему я был уверен в этом? Подобно велению, двигавшему мной, это убеждение возникло непонятно как, но было столь же неоспоримым.

— Да, да, ты прав, прав! — воскликнула она, разгадав моё смятение. — Скажи мне... нет, лучше сделай так, чтобы я увидела — какой тропой ты будешь пробираться через горы? — Она тоже пыталась преодолеть влечение, возникшее между нами.

Я постарался как можно явственней припомнить наш переход через горы.

— Тебе предстоит долгий путь пешком, — сказала Дагона с глубокомысленным видом, будто это высказывание требовало тщательного обдумывания.

На мне были кольчуга Кимока и его шлем. Я прихватил

с собой и его самострел, хотя игл в обойме оставалось мало. Мой самострел и меч остались на том островке посреди реки, когда брат и сестра спешно покинули его. Да, мне предстояло перебраться через горы, а потом неизвестно сколько идти пешком, не ахти как вооружённому.

Быстроногие рогачи вскоре домчали нас до скал.

— Надо бы проверить, так ли уж непреодолим невидимый барьер, — сказала Дагона. Запрокинув голову, она издала громкую трель.

На её зов, откуда ни возьмись, явилась большая зелёная птица, которая пролетела над нашими головами, издав ответную трель, и устремилась на запад, поднимаясь всё выше и выше. Мы наблюдали за ней, пока она не скрылась из вида, но Дагона и после этого время от времени посматривала в сторону, куда улетела птица. Вдруг она радостно воскликнула:

— Разведчик не ощутил барьера! Он уже по ту сторону гор и, может быть, вернётся с какой-нибудь вестью...

И вот настал момент, когда я соскочил с рогача и ступил на узкую тропинку, чтобы следовать ней, пока она не кончится. Дагона и другие остались сидеть верхом, только стражники остановились чуть поодаль, предоставив нам возможность попрощаться. Дагона подняла руку — как в тот раз, когда впервые повстречалась с Каттеей, и опять сотворила в воздухе светящийся знак. Он ослепил меня, и я опять не различал её черты, которые — как давно уже того не было — вновь стали казаться мне зыбкими и изменчивыми.

Выбросив вверх, как в воинском приветствии, сжатую в кулак руку, и резко повернувшись, я опрометью бросился бежать вверх по тропке, сознавая, что если сейчас замешкаюсь, то навсегда останусь в Эскоре.

Я долго бежал без оглядки — до самого ущелья с переплетёнными между собой деревьями; но прежде чем решиться на его преодоление, я не удержался и оглянулся последний раз на отринувший меня мир: я казался себе настоящим изгоем, ибо не испытывал таких терзаний даже тогда, когда мы покидали Эсткарп... Я ничего не увидел: подножье гор скрывала пелена тумана, и я был только рад этому.

Ночь я провёл высоко в горах, а наутро начал спускаться по той самой скале, по которой мы с Кимоком тащили

вверх за собой Каттею с завязанными глазами. Спуск оказался нетрудным, ибо мне приходилось заботиться только о себе. Предстояло преодолеть невероятно искорёженную местность, и это мало меня радовало, зато было время хорошенько всё обдумать. Я надеялся завербовать себе в сподвижники своих бывших сослуживцев. В тот день, когда я покинул их, они располагались лагерем на предгорной равнине; но я не был уверен, что они всё ещё там.

Никто из фальконеров не соблазнился бы тем, что я мог им посулить. Да, делом их жизни была война, они нанимались служить либо в армию Эсткарпа, либо на корабли салкаров. Но они были привязаны к Эйру и не смогли бы расстаться со своими странными обычаями и образом жизни. В Эскоре они, скорее всего, не нашли бы себе места.

Что касается салкаров, — эти вообще не представляли себе жизни без моря.

Значит, оставалось надеяться только на людей древней расы, бежавших из Карстена. Кое-кто из беженцев прижился в Эсткарпе и обосновался в нём навсегда, но таких было мало. В большинстве же они остались неприкаянными и скитались на юге, вблизи границы, пользуясь любым случаем, чтобы мстить карстенцам за резню, некогда устроенную их соплеменникам. После тех кровавых событий прошло уже лет двадцать пять, но изгои не забывали о них.

Они понимали, что им не дано вернуться в Карстен, и смирились с этим. Я нёс им весть о стране, в которой они смогли бы стать хозяевами, отвоевав её своими мечами у злых сил, и надеялся, что они прислушаются ко мне. Оставалось только найти их, не попавшись на глаза тем, кто готов был без промедления передать меня суду Совета Владычиц.

Я добрался до склона, с гребня которого мы наблюдали за лагерными кострами тех, кто недавно преследовал нас, и дождался темноты, чтобы выяснить, не оставлены ли по сей день дозоры на холмах. Огней я не увидел, но это не означало, что предгорье оставили без наблюдения. Я мог только гадать, насколько убедительным оказалось наваждение — те три всадника, сотворённые Каттеей. Признаться, к колдовству я, в общем-то, всегда относился с сомне-

нием, больше полагаясь на простое оружие да ещё на смекалку. Утром мне предстояло в очередной раз проверить свою боевую выучку.

До наступления сумерек я то и дело поглядывал на небо, надеясь увидеть птицу, которую Дагона послала за горы вперёд меня. Смешно было ждать, будто птица как-то послужит мне, но увидеть её всё же очень хотелось. Однако все пролетавшие поблизости птицы были из местных — их оперение ни разу не сверкнуло изумрудной зеленью.

Утром я вышел на тропу, которая привела нас в эти истерзанные древней катастрофой горы. Мне хотелось идти побыстрее, но я не забывал о том, что следует придерживаться ориентиров, дабы не заплутать. Поэтому я шёл не торопясь, неся за плечами котомку с припасами и флягу с водой, которыми меня снабдила Дагона. Я заметил, что за мной увязался волк, по-видимому, где-то здесь обитающий, и, воспользовавшись даром общаться с животными, предложил ему поохотиться не на меня, а на кого-нибудь другого; и он отстал. Никаких туманов и других колдовских штучек, вроде тех, что мучили Каттею, когда мы пробирались этой же тропой в горы, я не заметил; вероятно, они возникают только тогда, когда движешься по этим местам с запада на восток.

Крадучись, я добрался до поля, на котором не так давно горели костры. От них остались только прогалины. Было похоже, что люди ушли отсюда совсем, однако я не терял бдительности.

Два бревна, лежавшие вплотную, послужили мне укрытием на ночь. Я долго не мог уснуть, пытаюсь воспроизвести в памяти карту страны. Нашим проводником по предгорью был Кимок, но я, по укоренившейся на границе привычке, старался запоминать по пути всё примечательное и теперь надеялся без особых трудностей добраться до мест, которые знал как свои пять пальцев. Те края когда-то были обжитыми, но теперь обезлюдели, и я надеялся найти там прибежище.

...Я услышал позади размеренный стук копыт. Скакал кто-то один. — «Никак патрульный?» — подумал я, не очень-то волнуясь. Моё укрытие было абсолютно неприметным, и только по невероятной случайности патрульный мог заинтересоваться им.

Приближавшаяся лошадь заржала, и я понял, что она направляется именно в мою сторону! Мне не хотелось в это верить, однако я выкарабкался из укрытия, отполз к ближайшим кустам и встал за ними, держа наготове самострел. Ржание послышалось снова, ещё ближе, и, что поразительно, лошадь продолжала двигаться ко мне, чуть изменив направление бега, словно её всадник видел меня как на ладони...

«Должно быть, на мне какая-то помета Силы, и она выдаёт меня, — подумал я. — Тогда, как ни прячься, от преследователя не уйти. Лучше встретить его в открытую».

Послышался шорох ветвей и треск хвороста — всадник не скрывал своего приближения, он был уверен в себе. Я продолжал оставаться в тени кустов, нацелив самострел туда, откуда должен был появиться мой преследователь.

Появился конь — без всадника, но осёдланный и в сбруе. На его груди и морде белела корка засохшей пены. Он таращил глаза и выглядел так, словно был чем-то напуган и долго бежал, одержимый страхом. Я вышел из-за кустов, и конь отпрянул от меня, но я уже соприкоснулся с ним мысленно и смог его успокоить.

Он наклонил голову, и я взялся за уздечку, не исключая возможности, что и этот конь — приманка в какой-то новой ловушке. Однако в поведении животного ничего подозрительного не было.

Я повёл его под уздцы — на юг. Казалось, конь был рад подчиниться мне, во всяком случае он явно избавился от страха и успокоился, я же старался увести его подальше от того места, где он нашёл меня, будто кем-то направленный.

Наконец я остановил его, снял седло и сбрую, спутал ему ноги и отпустил до утра пастись. Сам же устроился подремать под защитой кустов, подложив под голову седло. Меня мучила загадка: откуда появился конь и, притом, — так кстати.

Несколько раз мелькнула мысль о крылатом посланце Дагоны, и я начал подумывать, нет ли связи между ним и появлением коня, но, коснувшись памяти животного, не обнаружил в ней и намека на зелёную птицу.

Пришедший ко мне конь был явно не торской породы. Кому же он мог принадлежать? Я сел и, вытащив седло из-под кустов, в свете луны разглядел, что его лука укра-

шена серебряным гребешком весьма замысловатого вида. Я стал припоминать седельные украшения, которые мне доводилось видеть. Гребешки на сёдлах салкаров были бесхитростны — головы животных, птиц или мифологических тварей. Фальконеры, люди без рода и племени, ограничивались в украшении сёдел фигуркой сокола с незамысловатым символом, указывающим на принадлежность воина к тому или иному отряду. Затейливая серебряная вязь на луке лежавшего передо мной седла могла быть только эмблемой какого-то рода, принадлежащего древней расе, и, поскольку в Эсткарпе геральдика вышла из моды, такое украшение свидетельствовало, пожалуй, о том, что хозяином коня является как раз один из тех людей, кто мне нужен, — беженец из Карстена.

Проверить правильность моей догадки было очень просто. Для этого всего-то и требовалось — поутру оседлать коня, внушить ему желание вернуться туда, откуда он пришёл, и довериться ему. Конечно, я не собирался явиться в незнакомый лагерь на сбежавшем оттуда коне. На подъезде к лагерю разумней бы было отпустить коня, чтобы хозяин решил, будто тот погулял-погулял, да и вернулся. Тогда бы у меня появилась возможность выйти на контакт с людьми, лишь когда я этого захочу.

«Вроде бы всё просто, — думал я. — Но что скажу я людям, появясь в лагере? Кого увидят они во мне? Скорее всего, наглого чужака, склоняющего их к безрассудному походу в какую-то неведомую страну. В самом деле, с какой стати они должны верить мне на слово?»

Если бы я мог сначала связаться с людьми, которых я знал, — с Дермонтом, например, или с другими боевыми товарищами — они бы прислушались к моим словам, несмотря на то, что я объявлен вне закона. Но как их разыскать? Мне, наверное, следует сочинить какую-нибудь историю для людей из того лагеря, откуда ушёл конь, и потихоньку выведать у них, где мне искать своих соратников...

Мне не доводилось ни командовать большим отрядом, ни принимать решений, от которых зависела бы не только моя собственная жизнь. Смогу ли я склонить людей старше меня и более опытных к тому, чтобы они доверились мне?

Сомнения роились у меня в голове, не позволяя уснуть.

Наконец я погрузился в сон. Я решил поехать туда, откуда пришёл конь, там отпустить его на волю, пока нас не заметили, а затем подкрасться к лагерю и попытаться разведать, что за люди расположились в нём.

Рано утром, оседлав коня, я пустил его рысью, и он направился на юг. Я не мешал ему, лишь изредка дёргая узду, направляя поближе к деревьям и кустам, дабы избежать открытых мест. И по-прежнему я всматривался в небо, не оставляя надежды увидеть зелёную птицу.

Мы покинули Эсткарп на исходе лета, и, хотя я провёл в Эскоре не так уж много дней, у меня создалось впечатление, что за это короткое время здесь воцарилась осень. Дул холодный, чуть ли не зимний ветер, и всё вокруг выглядело каким-то побуревшим. Ближе к полудню я различил на горизонте подёрнутые лиловой дымкой горы. Однако, как я не всматривался, я не мог отыскать ни одного знакомого мне контура, а ведь я знал эти места столько лет! Должно быть, катастрофа, вызванная общими усилиями Владычиц, изменила их до неузнаваемости. И почему-то у меня не появилось ни малейшего желания знакомиться с тем, во что превратились эти места.

А конь продолжал бежать на юг, и вскоре мы достигли предгорья. Здесь нам то и дело преграждали путь провалы с торчащими из них корневищами упавших туда деревьев, нагромождения каменных глыб, вызванных горными обвалами, и пепелища от буйствовавших пожаров. Мне пришлось спешиться, ибо преодолевая все эти завалы из камней и деревьев, конь легко мог сломать ногу. В одной из ложбин я подхватил пригорошню пепла и посыпал им голову, вспомнив поверье, будто пепел от сгоревшего леса оберегает от дурных сил.

Конь взмотнул головой. Мысленно коснувшись его разума, я понял в чём дело: мы приближались к его родным местам. Бросив уздечку, я похлопал его по крупу и послал найти хозяина, а сам, скрываясь за корневищами деревьев, поспешил на гребень ближайшего склона.

Глава 16

Распластавшись на вершине откоса, я поглядел вниз. То, что я увидел, нельзя было назвать биваком. Посреди поляны стоял дом, окружённый частоколом, — но ещё не

со всех сторон. На земле лежали брёвна, приготовленные для его достройки.

На краю поляны был устроен загон, в котором находилось десятка два лошадей. Перед ним стоял отпущенный мною бродячий конь, приветствуемый ржанием своих сородичей. Один из работников, занимавшихся сооружением частокола, сорвался с места и бросился к вернувшемуся коню-бродяжке, выкрикивая что-то на бегу.

На пороге недостроенного дома возникло шафрановое пятно женского платья и ещё несколько цветных пятен. Люди побросали плотницкие инструменты и поспешили к загону. Судя по их чёрным волосам, почти все они принадлежали древней расе, исключая тех, у кого волосы были посветлее, что говорило о примеси салкарской крови. На всех были кожаные куртки, какие носят под кольчугой. Чем бы ни было это место, его обитатели без сомнения, имели отношение к пограничной службе.

Поскольку я сам был защитником границы, я знал, что какой бы мирной ни казалась открывшаяся мне картина, где-то поблизости дежурит охрана, и если меня обнаружат, то мне не поздоровится.

На стене дома выделялся узор, подобный тому, который я разглядывал ночью при свете луны на луке седла. Я не придавал этому особого значения. Из всего увиденного я заключил, что эти люди обосновались здесь надолго и не боятся угрозы со стороны Карстена. Вот только зачем эта возня с частоколом, если ещё не достроен дом? Вероятно, они настолько привыкли к угрозе нападения, что не представляют себе жилья без защиты стены.

Я размышлял, как мне быть. Эти люди, по-видимому, решили навсегда поселиться здесь, в глуши, и они могли оказаться именно теми воинами, которые мне были нужны.

Собравшиеся вокруг коня глазели на него, будто он свалился с неба. Кто-то тут же ушёл, чтобы вернуться к своим делам, а те, кто остался, придирчиво осмотрели седло, прежде чем снять его с коня, и стали что-то обсуждать между собой. Вдруг они подняли голову и повернулись в сторону склона — в мою сторону. Я понял: они не поверили, что конь вернулся сам.

Женщина в жёлтом платье скрылась в доме и вскоре появилась опять. Она несла в руках груды кольчуг, а сле-

дом за ней поспешала девочка, в руках у которой были шлемы.

Четверо из тех, кто занимался обработкой брёвен, облачились в кольчуги, а пятый сунул пальцы в рот и громко свистнул. Ему ответили из пяти-шести мест, и ещё свист раздался у меня за спиной... Я вжался в землю. — «Может, меня уже обнаружили? — подумал я. — Так почему дозорный до сих пор позволяет мне валяться на пригорке? Похоже, я не слишком умно себя веду. Лучше уж самому явиться к ним, чем ждать, пока схватят, как лазутчика».

Я встал, поднял руки вверх и начал спускаться по склону.

— Так и иди, — прозвучал голос у меня за спиной. — И не вздумай опустить руки.

— Я же сам их поднял, — ответил я, не оборачиваясь. — Я не враг, а друг...

— Может, оно и так, — ответил невидимый конвоир, — только друг не стал бы подкрадываться к своим друзьям ползком на брюхе, как наёмник-головорез.

Наёмник-головорез!.. Теперь у меня не было сомнений, что эти люди — беженцы из Карстена. Похоже, они были из тех фанатиков, кто поддались жажде мщения и превратились в дикарей.

Я старался не торопиться, спускаясь по откосу к дому. Между прочим, место для сооружения форта было выбрано со знанием дела — после достройки частокола его обитатели могли не страшиться неожиданных нападений.

Несколько человек ждали меня, стоя на том месте, где оставалось соорудить ворота. На воинах были кольчуги и шлемы, мечей они пока не обнажили.

У того, кто стоял в центре, на шлеме был герб, инкрустированный самоцветами. Похоже, этот человек был средних лет, но оставалось только гадать: возраст людей древней расы трудно определить по их виду, ибо от природы они долгожители, и прожитые годы почти не сказываются на их внешности.

Я остановился в нескольких шагах от него, и он мог хорошенько рассмотреть моё лицо, поскольку кольчужный шарф моего шлема был откинут. — Приветствую сей дом и желаю хозяину и обитателям благоденствия и успехов в добрых начинаниях, — произнёс я общепринятое приветствие и приготовился услышать ответ, от которого

зависело то, кем мне себя отныне считать, — гостем или пленником.

Он продолжал молча стоять, глядя на меня оценивающим взглядом, напоминавшим мне Эфутура, Хранителя Зелёной Долины. Белесый шрам от меча тянулся по его скуле, кольчуга была заштопана на плече кольцами иного размера.

Пауза затягивалась. Я услышал лёгкое покашливание за спиной и понял, что мой сопровождающий с нетерпением ждёт от своего повелителя сигнала наброситься на меня.

— Кому открыл врата дом Дальмотов? — спросил, наконец, суровый воин.

Я лихорадочно соображал, что ответить. Открыто назвать фамилию Трегартов было нельзя, ибо здесь могло быть известно, что я объявлен вне закона. Назваться вымышленным именем тоже было опасно, поскольку в форте мог находиться на службе глашатай, который тотчас бы обнаружил обман. Оставалось только прибегнуть к расплывчатой велеречивости.

— Дом Дальмотов — да прибудет над ним благодать солнца, ветров и обильной жатвы — открыл врата тому, кто подчинился велению долга, — исхитрился я, не погрешив при этом против правды. В добрые старые времена такие слова освобождали человека от всяких расспросов, поскольку считалось, что лишние вопросы могут навлечь на него беду.

— Двери дома открыты тому, кто поклянётся не вредить ни Дальмоту, ни обитателям дома, ни их ниве, ни их хозяйству, ни их лошадям... — Вершитель моей судьбы медленно выговаривал каждое слово, будто с трудом извлекая их из памяти.

У меня душа стала на место. Такую клятву я мог произнести со спокойной совестью и без оговорок. Мой повелитель извлёк меч из ножен и наставил его острием на меня, давая этим понять, что в случае нарушения клятвы моя смерть неминуема. Я опустился на одно колено и коснулся губами холодной стали.

— Клянусь, что не намерен вредить ни хозяину дома, ни его семье и близким, ни их хозяйству, ни их ниве, ни их лошадям!

Должно быть, он сделал какой-то незаметный знак,

потому что вдруг появилась женщина в шафрановом платье — она принесла кубок с вином. Я понял, что эти люди ревностно соблюдают старинные традиции и, вероятней всего, именно потому, что стали изгнанниками.

Хозяин дома отпил из кубка и подал его мне. Я набрал полный рот вина, но прежде чем проглотить, повернув голову из стороны в сторону, выпустил изо рта пару струек — в сторону дома и в сторону поля. Затем я передал вино соседу, и кубок пошёл по кругу. Последним был мой конвоир, всё ещё подозрительно косившийся на меня, — поджарый и жилистый, как горный волк.

Так я оказался в поместье Дальмотов — хотя это пока и не было поместьем в полном смысле слова; хозяина дома звали Хорваном. Должно быть, когда-то раньше он владел несравнимо большим поместьем. Госпожа Крисвита, которая вела здесь хозяйство, была второй его женой: его первая семья погибла во время резни в Карстене. Крисвита родила ему двух дочерей и сына. Обе дочери вышли замуж за обездоленных парней и вместе с ними присоединились к семейному клану. За время приграничных войн, длившихся уже больше двадцати лет, к Хорвану примкнуло несколько верных друзей, которые решили обосноваться здесь и начать новую жизнь.

— Мы заметили эту долину во время набегов, — рассказывал Хорван, усадив меня за стол, — и в течении ряда лет жили здесь лагерем и строили этот форт. Ты ещё молод, а молодым трудно понять, что человеку необходимо пристанище. Мы пришли сюда, как только катастрофа в горах сделала эти места неприступными для врагов с юга, и решили остаться здесь навсегда.

Конечно же, мне было необходимо знать, что произошло в Эсткарпе за время, пока я находился по ту сторону гор, но интересоваться этим было небезопасно.

— А что, горы теперь и в самом деле надёжно ограждают Эсткарп от Карстена? — рискнул я спросить для начала.

Я заметил, как усмехнулся один из сидевших за столом — дозорный по имени Годар.

Хорван едва заметно улыбнулся.

— Похоже, это так, — ответил он. — У меня нет никаких вестей. Но если кто-то из людей Пагара и уцелел во время катастрофы, то это уже не армия; Пагар лишился войска.

Проходы в горах исчезли. Карстенцам понадобится много лет, прежде, чем они снова решатся напасть на нас.

— Но мы ничем не защищены от Ализона, — как бы между прочим заметил я.

На этот раз Годар рассмеялся откровенно.

— Ализон? Эти псы разбежались по своим конурам, они испугались, как бы такая же катастрофа... — Он вдруг осёкся и даже слегка покраснел, а я заметил, как Хорван метнул на него красноречивый взгляд.

— О да! Мудрейшие слегка перестарались! — выпалил я. — Но благодаря им у нас есть время на передышку.

— Мудрейшие спасли нас, — проговорила госпожа Крисвита, присаживаясь на скамью рядом с мужем. — Но сами они жестоко пострадали. Нам известно, что они совсем лишились сил, а некоторые из них даже умерли. Но ализонцы не должны знать об этом, иначе они перестанут нас бояться.

Хорван кивнул головой.

— Ты, юноша, прав, называя нынешнее затишье передышкой. — Он уставился взглядом в столешницу. — Может, мы зря тратим силы на то, чтобы обосноваться здесь.

Рука жены ласково легла на его руку. Крисвита посмотрела на дочерей, стоявших немного в стороне со своими мужьями. Мне стало не по себе. — «Если я каким-то чудом уговорю этих людей идти со мной на восток, что смогу я пообещать им, кроме новых трудностей? — спросил я себя. — Не лучше ли оставить их в покое? Пусть поживут хоть немного в мире». — Златоцветная страна померкла в моей памяти. И всё же я не мог освободиться от бремени тайного веления.

Годар кашлянул, будто прочищая горло.

— А скажи, юноша, — обратился он ко мне, — куда ты держишь путь? На тебе сапоги для верховой езды, а явился ты сюда вроде бы пешком?

Я был вынужден сказать правду.

— Я ищу людей, — ответил я.

— Людей?! — У Хорвана брови полезли на лоб. — Не одного какого-то человека? — Должно быть, он решил, что мною движет побуждение, которое в прошлом наверняка часто обуревало его самого, а именно — жажда мести. Так, похоже, он понял меня.

— Да, людей, — повторил я. — Таких, кто хотел бы начать новую жизнь. — Как иначе я мог определить свою миссию так, чтобы не раскрыть себя перед теми, кто мог бы выдать меня?

Хорван нахмурился.

— На салкара, который вербует рекрутов для морских набегов, ты не похож. Да для этого и незачем забираться в такую глушь: людей можно набрать вдоль реки или в любом порту. Не похоже и на то, чтобы готовился набег на Ализон — ведь сенешаль запретил всякие вылазки на север, не осенённые его знаменем.

— Нет, я пришёл сюда не за этим, — сказал я. — Я собираю людей для битвы — но не море и не на севере. Я поведу их в прекрасную страну, чтобы отвоевать её у нечисти.

Госпожа Крисвита, всё это время внимательно изучавшая меня, теперь чуть подалась вперёд и вперилась в меня взглядом, словно колдунья, способная распознать, говорю ли я правду или лгу.

— И где же находится эта заветная страна, воин? — спросила она.

Я провёл языком по губам. Настал момент проверить этих людей.

— Эта страна находится на востоке.

На лицах окружающих появилось недоумение. — «Неужели они и вправду неспособны мыслить о востоке? — поразился я. — Как же поведать им о Эскоре?»

— На востоке? — повторила Крисвита. — Где это?

Я решил рискнуть — мне к этому было не привыкать, ведь, что ни говори, вся моя жизнь — сплошные опасности. Я решил выяснить именно сейчас, именно с этими людьми, есть ли у меня хоть какая-то надежда увлечь кого-то за собой. Для этого необходимо было рассказать этим людям всю правду об Эскоре, какой она открылась нам, чтобы выяснить, способны ли они освободить свой разум от оков и прозреть.

Я начал рассказывать им о манускриптах Лормта и о том, чему свидетелями мы были сами — там, в Эскоре. Рассказывая им обо всём этом, я всё время следил за тем, чтобы не назвать своё имя, но госпожа Крисвита не упустит из внимания моих стараний.

— Если всё это так, — произнесла она подозрительно, — тогда каким образом, воин, удалось тебе проникнуть

за горы, которые не только непреодолимы, но, как ты говоришь, не поддаются даже осмыслению? Почему же ты свободен мыслить о них? — Она явно намекала на то, что подозревает меня в каком-то обмане.

Муж, однако, как будто не слышал её.

— А ведь и верно, — сказал он. — Я и думать позабыл о востоке. В Карстене — думал, а здесь — нет. Будто и напавления такого не существует.

— Госпожа задала вопрос и ждёт ответа, — рыкнул Годар, сидевший с другой стороны от меня. — Мне бы тоже хотелось его услышать.

Я понял, что играть в прятки бесполезно; чтобы меня не считали обманщиком, придётся рассказать им, зачем я отправился на восток.

— Тому было две причины, — сказал я. — И одна из них — это то, что я, по всей вероятности, объявлен здесь вне закона...

— Так я и знал! — воскликнул Годар и вскочил, угрожающе замахиваясь на меня кулаком. — Господин, этот мошенник исхитрился стать твоим гостем, но он не достоин права неприкосновенности. Ему надо снести голову с плеч, иначе он навлечёт на нас беду!

— Спокойно! — потребовал Хорван и затем обратился ко мне. — Объявленный вне закона, назовись по имени. Только не болтай о возложенной на тебя миссии, теперь тебе это не поможет.

— Кайлан из рода Трегартов, — ответил я.

Воцарилась тишина, и я подумал, что, должно быть, моя фамилия им неизвестна. Но тишина была недолгой. Годар вдруг издал яростный рык и двинул мне кулаком в ухо с такой силой, что у меня зазвенело в голове, и я опрокинулся на пол. Не успел я подняться на колени, как на меня навалились стражники, и ещё один удар по голове свверг меня во мрак беспамятства.

Очнулся я почти в такой же темноте. По еле заметным полоскам света, образывавшим квадрат, и по ознобу, бившему меня, я заключил, что нахожусь в подвале, сооружённом наверное, на много лет раньше, чем началось строительство этого гостеприимного дома. Я лежал на полу со связанными руками.

«Почему я всё ещё жив? — подумалось мне. — Они могли лишить меня жизни ещё там, наверху. Похоже, моё

поруганное имя им всё-таки известно, по крайней мере, Годару. И если они не убили меня на месте, значит, надумали предать суду Владычиц. Лучше бы уж убили... Хотелось бы знать, долго ли я буду валяться в этой яме... Этот форт, это обиталище дикарей находится на крайнем юге страны, и посыльному потребуется не менее суток, чтобы доскакать до Эса».

Я попытался избавиться от пут, но это не удалось, они только сильнее врезались в руки. Тот, кто связывал меня, знал, как это делается. Я понял, что своими силами мне не освободиться.

Зато у меня появилась куча времени спокойно поразмышлять. — «Если мне не спастись, то, может быть, я хотя бы могу помочь другим? Что, если Владычицы обернутся во гневе на восток? Надо бы как-то известить о такой опасности тех, кто сейчас — по ту сторону гор».

Мне не оставалось ничего иного, как попытаться установить мысленный контакт с сестрой или братом, и я сосредоточился на образе Каттеи. Возникло едва уловимое видение, которое тут же исчезло; тогда я попробовал переключиться на Кимока, но из этого вообще ничего не вышло.

«Вот так-то. При всём нашем единстве мы больше не слышим друг друга, — с горечью подумал я. — Дагона ошиблась, полагая, что в крайнем случае я могу надеяться на мысленную связь с ними. С ними? С сестрой и братом — или с нею тоже?» — Я постарался представить себе её — такой, какой она запомнилась мне при расставании.

Не образ, всего лишь смутная тень — явилась моему воображению, но я тотчас испытал хорошо знакомое чувство мысленного контакта. Оно было зыбким, и я понимал, что не могу рассчитывать на общение, подобное тому, какое происходило время от времени между мной и сестрой или братом. И всё же я надеялся, что Дагона воспримет хотя бы мою тревогу — как предупреждение об опасности. Внезапно у меня закружилась голова, мне почудилось, что я слышу отчаянные крики на каком-то непонятном языке, и почему-то это было невыносимо, я начал задыхаться и лишился сознания.

Очнувшись через какое-то время, я всё ещё не владел собой — у меня бешено колотилось сердце, и я судорожно глотал воздух. Над головой послышалось шарканье,

крышка погреба открылась, и в проём спустили лестницу. За мной явились. Я приготовился к тому, что на ступеньке появится нога в сапоге, но вместо этого по лестнице зашуршали юбки — спустилась госпожа Крисвита. Она поспешно захлопнула за собой крышку, и опять в подполе наступил мрак. Я уловил терпкий запах папоротника, которым женщины перекалывают свежевystиранное бельё.

— Объясни, почему ты бежал из Эсткарпа, — спросила она, склонившись надо мной.

Её голос звучал требовательно, и я удивился, теперь-то зачем ей понадобилось знать это?

Я рассказал, что произошло здесь, в Эсткарпе, и чему мы оказались свидетелями за горами. Она выслушала меня внимательно, ни разу не перебив, однако мой рассказ, похоже, чем-то не удовлетворил её.

— Ты говори дальше, — потребовала она. — Что же, ту затерянную страну можно покорить?

— Не покорить — отвоевать у сил зла, — поправил я, и тут же спросил: — Госпожа, зачем тебе это знать?

— Вдруг понадобится, — ответила она спокойно. — Они послали гонца в Эс, скоро тебя заберут отсюда.

— Того и жду, — отозвался я.

По шороху платья я понял, что она собирается уйти.

— Бывает, что на некоторые вещи смотришь не так, как все другие, — загадочно произнесла она. — И оказавшийся вне закона — не обязательно злодей.

— Что ты имеешь в виду, госпожа? — спросил я, но она уклонилась от прямого ответа.

— Пусть тебе повезёт, Кайлан из рода Трегартов, — сказала она. — Ты заставил меня задуматься кое о чём.

Она выбралась наверх и захлопнула за собой крышку, опять оставив меня наедине со своими мыслями.

Глава 17

Хмурым утром за мной, наконец, пришли. Небо заволкли тучи, и воздух был пропитан сыростью. Явились трое стражников, возглавляемые Годаром, и, как ни странно, с ними не было никого из Совета Владычиц. Не знаю, как долго я провалялся в яме: мне приносили еду и воду, но на вопросы никто не отвечал.

Они усадили меня на какую-то хилую клячу и накрепко

привязали к седлу, словно боялись, что я наброшусь на них. Кроме этих четверых, поблизости не было ни души, что меня очень удивило. Было похоже, что предстоящий вояж затеян исключительно Годаром, поведение которого отнюдь не настраивало меня на бодрый лад.

При выезде из форта он занял место во главе кавалькады, за ним следовал один из стражников, тянувший на поводу мою лошадь; двое других замыкали шествие. Все стражники были уже в годах — с одинаково грубыми лицами, словно вырубленными топором. И, хотя в обращении со мной они обходились без грубостей, я знал, что всякая моя попытка к бегству будет тут же пресечена.

Чуть проехав по тропе, мы свернули с неё и направились на север — неспешной рысью, вслед за Годаром. Я оглянулся назад. Довольно странный визит госпожи Крисвиты не выходил у меня из головы. Нельзя сказать, чтобы я связывал с ним какие-то надежды, скорее, я был заинтригован её словами о том, что не все в этих недостроенных стенах думают одинаково. Но теперь форт казался всеми покинутым.

Никто из охранников не заговорил со мной, да и у меня не было повода обращаться к ним с вопросами. Мы ехали молча — сначала под тяжёлыми тучами, а потом под морозящим дождем, который стражников несколько не беспокоил.

Несмотря на безнадёжность своего положения, я продолжал присматриваться к конвоирам и к местности, выискивая какую-нибудь возможность для побега. Мои руки были привязаны к луке седла, а ноги — к стремянам; поводья моей лошади держал едущий впереди воин. Меня оставили в кольчуге, но отобрали шлем и оружие. Клячу, на которой я восседал, легко могла сбить с ног любая из их лошадей.

Мы ехали по открытой местности, поросшей высокой травой, по-осеннему пожухлой. Этот край выглядел унылым, но всё же был обитаем: невдалеке от тропы, по которой мы ехали, паслось стадо косуль. Изредка над головой пролетали птицы, и, наблюдая за ними, я вспомнил о фланнанае...

Неожиданно Годар остановил своего коня, подождал, пока всадник, который держал поводья моей лошади, поравняется с ним, что-то тихо сказал ему, и тот отдал

ему поводья, а сам поскакал дальше. Годар начал подтягивать поводья, пока моя лошадь не приблизилась вплотную к его коню.

— Кто прислал тебя к нам, клятвопреступник? — процедил он сквозь зубы, глядя на меня в упор. — Кто прислал тебя, чтобы вредить дому Дальмота?

Его вопрос был лишён, как мне показалось, всякого смысла.

— Я не клятвопреступник и никогда никому не желал зла, — ответил я.

За эти слова я был вознаграждён ударом в ухо, от которого, будучи привязанным к седлу, не смог увернуться.

— Мы умеем заставить говорить кого угодно, — рявкнул он. — Карстенцы научили нас этому.

— Не сомневаюсь, — заверил я его. — Только никак не пойму, что от меня требуется.

К счастью, в нём сохранилась толика здравого смысла, хотя он и привык полагаться на свои кулаки.

— Тебя везут на суд Владычиц. Если ты в самом деле тот, за кого себя выдаёшь, знаешь, что тебя ждет? — спросил он.

— Ещё бы, — отозвался я. Для Годара, безусловно, воинская честь была превыше всего, а следствием этого, как известно, является полное равнодушие ко всему, что происходит на свете.

— Из тебя вытряхнут душу, — пояснил он мне. — Рано или поздно мы всё равно узнаем, что нам нужно. Почему бы тебе не сказать прямо сейчас — кто послал тебя искать прибежища у Хорвана, чтобы очернить его имя?

— Никто меня не посылал. Я пришёл к вам случайно, — начал было я, но он меня прервал.

— Пришёл?! Не пришёл, а приехал! На одном из наших коней, который сбежал из форта и через пару дней вернулся, тогда же, когда появился и ты. Ты ведь не скрывал, что балуешься колдовством. Похоже, что история с конём — твоих рук дело. Только зачем тебе всё это понадобилось? И зачем ты выступил против Хорвана? Он ведь не враждовал с твоей семьей. Кто надуумил тебя? — наседал Годар.

— Мне было безразлично, чей это форт, мне подошёл ты любой другой, — сказал я устало. Невозможно было заставить его поверить в это, он вбил себе в голову, будто я всё-таки замыслил зло против его господина. Между

тем, меня удивило то, что он сказал. Оказывается, между беженцами, принадлежащими к древней расе, всё ещё случается кровная вражда.

— Я же говорил: на меня возложена миссия — набрать воинов из людей древней расы, тех, кто захотел бы освободить от нечисти страну, бывшую когда-то их прародиной.

Я приготовился ещё раз получить удар в ухо, но, к моему удивлению, Годар с непроницаемым видом повернул голову на восток и хрипло захохотал.

— Неужто ты надеешься, что эти выдумки спасут тебя?

— Думай, что хочешь, — ответил я. — Только я сказал всё как есть. Мою сестру насильно увезли колдуньи в Обитель Мудрости. Она наделена Даром Силы и могла мысленно общаться со мною и братом. Накануне своего посвящения и принятия Клятвы она известила Кимока о том, что не намерена примкнуть к Мудрейшим. Нам удалось похитить её из Обители — только благодаря тому, что владычицы лишились сил, двигая горы. Вырвав её из заточения, мы бежали с ней на восток. Нам удалось преодолеть горы и проникнуть в Эскор, где мы столкнулись с силами тьмы, но и нашли друзей; они нуждаются в людях, готовых помочь им победить зло. Ещё раз говорю: мне было веление вернуться сюда, чтобы набрать людей, ничего другого не услышишь даже под пытками, ибо это — истинная правда!

Он пристально посмотрел на меня.

— Я слышал о Хранителе Границы, Симоне Трегарте, — сказал он.

— И о госпоже Джелит, — прибавил я. — Отец никогда не скрывал, что он из другого мира, и что может соприкаться с Силой — не так ли?

Годар неохотно кивнул головой.

— Так почему же нельзя допустить, что мы — плоть от их плоти — тоже наделены Даром, не присущим другим? Мы родились в один день и всегда были едины душой, а зачастую и разумом. И потому, когда Каттее стало невозможно в Обители, у нас не было иного выбора, как похитить её оттуда — вот и всё наше преступление...

Годар ничего не сказал, только резко пустил своего коня, при этом дёрнув за поводья и мою лошадь.

Мы долго ехали по каменистой тропе под морозящим

дождем. Годар ни разу больше не заговорил со мной. В полдень мы остановились в каком-то скалистом месте, где под одним из уступов можно было укрыться от дождя. Там лежала куча собранного кем-то хвороста для костра, рядом с площадкой из почерневших от сажи камней. Должно быть, здесь часто останавливались на привал, и это место было хорошо известно многим.

Меня отвязали от седла и стащили с лошади со связанными руками. Спотыкаясь, я пошёл под скалу. Стражники вынули из котомок хлебцы, вяленое мясо и фрукты. Мне такi развязали руки, но один из стражников встал у меня за спиной и, как только я съел то, чем со мной поделились, тут же наложил мне на руки путы. Закончив трапезу, они, к моему удивлению, не встали и не пошли к лошадям. Вместо этого один из них начал складывать костёр, в котором вроде бы не было уже никакой необходимости. При этом он проявлял какую-то совершенно не нужную аккуратность. Разведя огонь, он встал рядом с костром, держа в обеих руках свой плащ.

Он начал то поднимать, то опускать плащ, на короткие промежутки закрывая огонь костра. Он подавал сигналы! Однако он пользовался каким-то незнакомым мне кодом. Я посмотрел в сторону склона, ожидая увидеть где-нибудь на горизонте ответное мигание, но так ничего и не заметил.

Похоже, мои охранники и не ждали ответа на свои сигналы. Дав костру прогореть, они уселись вокруг него, и, по всей видимости, надолго. От их промокших плащей шёл пар. Время от времени они подбрасывали в костёр хворостину-другую. Наблюдая за ними, я понял, что они кого-то ждут. Но кого?

Годар кашлянул и заговорил.

— Мы ждём тех, кто передаст тебя Совету Владычиц, — сказал он. — Они заберут тебя от нас, и тогда уже никто не заявит, что ты пытался найти прибежище у Хорвана.

— Но ведь ты же сам говорил, что, когда Мудрейшие начнут допрашивать меня с помощью Силы, то выведают всё, — удивился я, не понимая, в чём смысл его неуклюжего манёвра.

— В общем-то, так оно и есть, — тупо отозвался Годар.

И тут меня осенило. Мудрейшие не смогут допросить меня в том случае, если я буду доставлен им мёртвым!

Если те, кому предстояло везти меня в Эс, привезут туда мой труп, Мудрейшие никогда не узнают о моём пребывании в доме Хорвана.

— Зачем же ждать, чтобы кто-то убил меня? — спросил я. — У тебя же есть меч.

Годар молчал, но я решил добиться от него ответа.

— Или твой меч какой-то необычный и может навсегда обагриться кровавыми письменами, которые прочтут другие? — допытывался я. — В тебе нет и капли достоинства, присущего твоему господину. Он бы не обнажил меч перед тем, у кого связаны руки!

Годар впился в меня бешеным взглядом. Я понял, что задел его за живое, и он испытывает жгучее желание заставить меня умолкнуть навсегда. Но он сдержался — какое-то понятие о чести у него всё же было. И тут я вспомнил клятву, к которой прибегали лишь в исключительных случаях, ибо она считалась священной.

— Тебе известно моё имя, — сказал я. — Я — Кайлан из рода Трегартов. Как и ты, я служил здесь, на границе. Приходилось ли тебе хоть раз слышать моё имя помянутым недобрым словом?

По всей видимости, он не понял моего вопроса, но ответил прямо.

— Да, я знаю тебя. О тебе отзывались, как о храбром воине.

— Ну так слушайте, что я вам скажу, ты, Годар, и вы тоже, — обратился я к стражникам. — Пусть отсекут мне голову моим же мечом, если я замыслил зло против дома Дальмота или против кого-нибудь из живущих в Эсткарпе, — сказал я, отчеканивая каждое слово.

Это смутило их, воины заёрзали и стали переглядываться.

— Уловка это! — рявкнул Годар.

— Уловка?! — возмутился я. — Годар, я поклялся, что не желаю зла ни тебе, ни этим людям, какая же эта уловка? — Я повернулся к стражникам. — Вы-то хоть верите мне?

Они помедлили с ответом, затем сидевший в центре сказал: — Должны верить, раз ты дал такую клятву...

— Тогда о какой уловке ты говоришь? — обратился я к Годару.

Он вскочил с места, походил взад-вперёд и остановился передо мной, сверкая глазами.

— Для нас ты никто, — сказал он. — Мы должны покон-

чить с тобой ради тех, кому присягнули в верности. Но твоя смерть обременит нашу совесть, и я не знаю, как быть. Видно, ты пользуешься колдовством, чтобы только спастись...

— Я такой же колдун, как и вы, — возразил я. — Я так же, как и вы, жил по присяге, но волей судьбы оказался вне закона. И вернулся я сюда по велению, а не по какому-то злому умыслу.

— Теперь поздно говорить об этом, — сказал вдруг один из стражников, показывая в сторону склона; там, вдали, показались фигуры всадников. Их было шестеро и направлялись они к нам.

— Это за тобой, — кивнул Годар в их сторону. — Я и в самом деле намеревался отдать тебя им на растерзание, но поскольку ты пришёл к Хорвану случайно и клянёшься в этом, они доставят тебя к Владычицам живым, а не мёртвым. Мне незачем брать на себя вину за твою смерть.

— Смотри, что это?! — воскликнул тот же стражник.

Всадников отделяло от нас открытое пространство, поросшее высокими травами. Эти травы вдруг ожили, уподобясь волнам на море. Через них в нашу сторону двигалось дикий войско — оно состояло из животных! Неторопливо, нисколько не боясь, к нам приближались антилопы; почти рядом с ними, но не обращая на них внимания, вперевалку трусил большой медведь, а следом тенью скользил степной барс — ничуть не уступающий по величине своим горным собратьям. Присутствовали в этом войске и небольшие звери. Их не было видно, но они угадывались по колыханию трав.

— Что это стряслось со зверьём? — растерянно проговорил Годар.

Он вряд ли смутился бы так же, увидев вооружённых людей. Вообще, это зрелище могло напугать кого угодно.

Я медленно встал. Никто из стражников не одёрнул меня, они стояли, заворожённые увиденным.

Подобно тому, как заросли трав наполнились четвероногими обитателями, воздух наполнился несметным количеством птиц. Они слетались со всех сторон и с криками бросались вниз, вынуждая нас тесниться под прикрытие скалы. Я попытался мысленно соприкоснуться с осаждавшими нас пернатыми и четвероногими и уловил в их поведении определённую направленность и настойчивость, но как-либо воздействовать на них не смог.

Я вышел из укрытия, оставив там стражников, жавшихся к скале. Птицы с пронзительными криками носились надо мной, но ни одна из них не ударила меня — ни крылом, ни клювом. Четвероногие тоже сновали вокруг меня — поглядывая и огрызаясь на тех, кто меня сюда привёл. Чуть помедлив, я зашагал вниз по склону — прочь от Годара и его людей.

— Стой, а то буду стрелять! — раздалось у меня за спиной.

Я обернулся и увидел, что на меня нацелен самострел. Внезапно над скалой появилась большая четвероногая птица — та, которую я так долго ждал. Она устремилась прямо на Годара, он закричал и, попятившись, упал, выронив оружие. Я пошёл дальше — мимо барса, который скалился на стражников и бил хвостом по земле, мимо сердито фыркающего бычка, мимо других зверей — крупных и мелких.

Я шёл мимо них, а вернее, сопровождаемый ими, и пытался понять, чья воля собрала их здесь. Лошади, на которых мы сюда приехали, пронзительно ржали и дёргались на привязи, их пугала близость хищников. Я снова услышал крики за спиной, но не обернулся.

Идти со связанными руками оказалось непросто. Я скользил по размытой дождём грязи и едва удерживал равновесие; приходилось постоянно следить за тем, куда ступаешь. Снова за спиной послышались какие-то звуки, да такие странные, что пришлось обернуться.

Мои конвоиры покинули укрытие и брели за мной, пошатываясь и спотыкаясь. Они шли не по своей воле — полчище зверей и птиц принуждало их к этому. Не знаю, куда подевались у стражников самострелы. Их лица были безумны — как у человека, разбуженного во время кошмарного сна и ещё не пришедшего в себя.

Я направился на восток, и стражники двинулись за мной. Мы шли в сопровождении сонмища птиц и зверей, больших и малых, которые кричали, пищали и рычали, словно выказывали своё недовольство тем, что ими кто-то распоряжается, — а на то было похоже. Я посмотрел в ту сторону, где мы заметили всадников. Но они куда-то исчезли, испугались звериного воинства и ускакали?

Это шествие зверей казалось мне какой-то фантаσμαгорией. Мелкие твари постепенно отстали, и мы остались в

сопровождении крупных зверей и пернатых, среди которых, однако, не было видно большой зелёной птицы.

Наконец я остановился и, обернувшись, посмотрел на тех, кто следовал за мной. Их лица были серыми, а глаза — остекленевшими, они казались начисто лишёнными воли.

— Годар! — резко крикнул я, чтобы вывести его из оцепенения. — Годар, тебе бы лучше идти обратно — к дому Дальмота, которому ты так предан. Я не питаю к тебе вражды. Если бы у меня был меч, я бы обменялся с тобой в знак примирения.

Он больше не казался злобным.

— Что ж, — сказал он, — раз ты так говоришь, давай расстанемся с миром.

С опаской оглядываясь на зверей, Годар и стражники повернулись, чтобы идти на юг. Медленно, словно нехотя, звери расступились перед ними. Годар расправил плечи, затем посмотрел на меня.

— Мне придётся доложить обо всём случившемся, — предупредил он.

— Понятное дело, — ответил я.

— Постой! — Он порывисто шагнул ко мне, и тут же степной барс припал к земле и зарычал, оскалившись на него. Годар замер на месте. — Я хотел только развязать тебе руки, — растерянно пробормотал он. Но барс так и не позволил ему подойти ко мне.

— Ладно, Годар, оставь меня так, — сказал я. — Похоже, эти создания не совсем понимают нас. Ступай себе с миром и расскажи своим, как всё было. Ещё раз говорю: во мне нет ненависти ни к кому из вас.

Глава 18

Я обнаружил, что звери не только сопровождают меня, но и направляют, тем или иным образом давая понять, куда мне идти. Как только Годар и его люди исчезли из вида, я повернулся кругом — и тут же увидел оскаленную морду барса, позади которого стоял сердито похрапывающий и бьющий копытом в землю буйвол. Извечные враги, сейчас, однако, эти звери проявляли полное равнодушие друг к другу. Барс зарычал; я повернулся лицом на восток — рычание прекратилось. В окружении всей этой

разношёрстной компании я двинулся в путь. Постепенно какие-то животные отставали, либо уходили прочь, но всё же меня сопровождал весьма внушительный эскорт четвероногих, в основном — крупных хищников. Над головой послышалась громкая трель — крылатый посланец Дагоны снова кружил в небе. Видимо, он тоже подсказывал мне путь. Я сошёл с тропы и пошёл сквозь заросли мокрой от дождя травы — такой высокой, что она порой скрывала от меня моих провожатых. Зелёный посланец описал надо мной ещё один круг и устремился за горизонт.

«По чьей воле происходят все эти странные вещи? — задавался я вопросом. — По воле Дагоны? Она что же — последовала за мной через горы? Нет, такого не могло случиться; как и все её соплеменники, она не могла даже на короткое время покинуть Эскор. А может быть, это происходит по воле Кимока? Нет, это ещё менее вероятно. Ни Кимок, ни даже Каттея не способны подчинить себе такую тьму зверей».

Впереди виднелись горы, до которых, судя по всему, оставалось идти не так уж долго. Я попытался если уж не порвать, то хотя бы ослабить бечёвку, стягивавшую мои руки, но она только врезалась мне в запястья до крови. Несмотря на боль, я не оставлял попыток ослабить петлю бечёвки, пока, наконец, не вытащил из неё, содрав кожу, одну руку, и не сбросил её с другой.

Дождь прекратился, но небо по-прежнему закрывали тёмные тучи. Уже сгущались сумерки. Наступающая темнота угнетала меня; ноги заплетались от усталости. Я остановился и обернулся. По пятам за мной всё так же следовали буйвол и чуть позади него — барс. Я попробовал сделать пару шагов в их сторону, и тут же раздалось сердитое фырканье и рычание. Я заметил в высокой траве и других зверей — поднявшихся на задние лапы или угрожающе присевших — и понял, что на запад мне хода нет. Меня явно выпроваживали из Эскарпа.

Я добрёл до каменистой гряды и присел, чтобы дать отдых ногам. Сапоги для верховой езды не очень-то пригодны для долгого хождения пешком. Я огляделся по сторонам. Мой эскорт поредел: медведи и антилопы исчезли, осталось несколько барсуков; они не скалились и не рычали, но глаз с меня не спускали. Я задумался.

Было похоже на то, что кто-то стремился вернуть меня

в Эсмор. Всё во мне бунтовало против такого насилия. Сначала меня принудили отправиться в Эсткарп во имя какой-то заведомо обречённой на неудачу миссию, теперь меня выпроваживали отсюда. Я не видел в этом смысла. Да и кому понравится, когда им распоряжаются как пешкой по чьей-то прихоти?

Дермонт рассказывал мне как-то о древнем обычае, существовавшем в Карстене очень давно, ещё когда им правили люди древней расы. Раз в десять лет там проводилась ритуальная игра. На размеченной особым образом доске расставлялись вырезанные из дерева фигуры. По одну сторону доски садился самый могущественный в стране человек, по другую — какой-нибудь обездоленный босяк, отважившийся на игру, грозившую ему гибелью в случае проигрыша. Этот пария олицетворял собой силы разрушения и зла, в то время как могущественный правитель — силы благодатные и созидательные. Ставкой в игре было не только богатство правителя, но и благополучие всей страны; ибо в том случае, если босяк одерживал победу над правителем, в стране неизбежно наступал период хаоса и разрухи.

«А не затеяна ли кем-то эта игра сейчас? — подумал я. — Не являюсь ли я, Кайлан Трегарт, той самой фишкой? Как-никак в Эсткарпе установлен определённый порядок жизни, который после оказанного Карстену отпора должен упрочиться. В Эсморе же царил всё тот же изначальный хаос. Быть может, в этой древней игре была скрыта некая истина?»

Думать себе не запретишь, но иногда от этого бывает мало толку. Я потряс головой, встал и принялся рвать траву, чтобы устроить себе постель на ночь.

Хотя я лёг спать на открытом месте, я не чувствовал страха. Может быть, потому, что я был не в себе, и мне на всё было наплевать, а может быть, потому, что сказывалась усталость.

Поднявшись утром с кучи сырой травы, я обратил взор на горы.

«Похоже, я всё-таки фишка в какой-то игре, — сказал я себе, — и мне нет иного хода, как тащиться наверх, в горы». С урчащим от голода животом, совсем безоруж-

ный, я тронулся в путь. Дважды я оглядывался назад. Мои провожатые, возможно, караулившие меня ночью, теперь не появлялись. Да у меня и не было более желания ещё раз соваться в Эсткарп. В течении всего дня надо мной довлело чувство, что мною кто-то командует. — «Глупость, сущая глупость... — мысленно твердил я себе. — Кому и зачем всё это было нужно — заставить меня отправиться в Эсткарп и тут же изгнать из него? Чего я в результате достиг? Пообщался с беженцами из Карстена и произвел на них отнюдь не благоприятное впечатление...»

Мне-то казалось, что я был послан в Эсткарп набрать рекрутов; но мне не удалось даже приступить к выполнению своей задачи. Так в чём же тогда заключался истинный смысл моего прибытия в Эсткарпе? Бесполезно было пытаться это понять. Я знал только, что мною распоряжаются, и от этого мне было не по себе. Меня обуял невыносимый страх, и я, как безумец, побежал вниз — по склону какого-то ущелья. В конце концов, я споткнулся, упал и, судорожно глотая воздух, стал в отчаянии колотить распухшими руками по земле, пока не пришёл в себя. Когда кровь перестала стучать в ушах, я услышал журчание воды и пополз на звук. Добравшись до лужицы, которую питал родник, я припал к ней всем лицом и стал жадно пить. Холодная вода вмиг прояснила мне голову и помогла снова стать самим собой. — «Всему можно найти объяснение, — подумал я. — И на этот раз его следует искать в Эскоре. Звериное воинство не могло быть послано Эсткарпом. Чем скорее я вернусь в Эскор, тем скорее узнаю, в чём смысл происходящего».

Голод терзал меня, но мне это было не впервой. Я заставил себя встать и двигаться дальше. — «Только бы выйти в ту долину, откуда мы начали подъём на скалы», — с надеждой твердил я себе и тут заметил, что как-то вяло воспринимаю окружающее — то ли от голода, то ли потому, что снова оказался под влиянием сил, которые мешали нам тогда, при побеге из Эсткарпа.

Наступление темноты не остановило меня, я был одержим стремлением вернуться в Эскор. Наконец передо мной открылось какое-то узкое ущелье, и я заскользил по склону горы, слабо надеясь на то, что окажусь на заветной

тропе. Спустившись вниз и осмотревшись, я увидел недалеко свет костра... и оцепенел. — «Меня опередили, — подумал я. — Они поджидают меня, чтобы снова взять в плен». — Я стоял и тупо соображал, как быть. — «Если я побегу назад, то заблужусь в горах и не найду пути в Эс-кор», — подумал я.

«Брат... Брат...» — вдруг прозвучало у меня в мозгу. Я был настолько погружён в размышления, что едва обратил на это внимание. Но спустя мгновение встрепенулся: Кимок?... Неужели это Кимок зовёт меня? Я сорвался с места и, выкрикивая имя брата, побежал к огню.

Он вышел мне навстречу, обнял, подвёл к костру и усадил на кучу лапника. Затем протянул мне миску горячей, душистой похлебки. Я с жадностью ел суп и время от времени бросал взгляды на брата. Он был в таком же зелёном одеянии, что и народ Дагоны, на поясе у него висел боевой кнут, и всё же он оставался таким, каким запомнился мне во время службы на границе. Мне показалось даже, что я снова сижу с ним у костра на бивуаке. Я первым нарушил молчание.

— Ты знал, что я возвращаюсь? — спросил я.

— Она знала — Владычица Зелёного Безмолвия, — ответил он, и я почувствовал холодок в его голосе. — Она сказала нам, что тебя схватили...

— И что дальше?

— Каттея порывалась броситься к тебе на помощь, но ей не позволили. Они лишили её возможности мысленно общаться с нами! — Он сказал это со злостью. — Но меня они не стали удерживать, да и не смогли бы. Более того, они решили проверить на мне, как действует их особое колдовство. Они наложили на меня чары и отпустили искать тебя. Я не очень-то верил, что эти чары как-то помогут, тем более здесь, в Эсткарпе, но, похоже, они всё-таки действуют, раз ты объявился... Кайлан, почему ты ушёл от нас?

— Потому что так было надо, — ответил я и стал рассказывать ему обо всём, что случилось со мной с момента моего пробуждения от вещего сна, там, в Зелёной Долине. Я не скрывал и того, что постоянно чувствовал на себе чьё-то давление, но чьё — так и не смог понять.

— А Дагону ты не подозреваешь? — насторожился он. Я покачал головой.

— Нет, ей это ни к чему. Видишь ли, брат, все мы являемся фишками в какой-то игре, смысл которой нам не дано постигнуть. Меня послали сюда, а затем позволили — нет, заставили! — вернуться в Эскор. Есть ли в этом какой-то смысл?

— Мне этого тоже не понять, — согласился он. — В Эскоре, судя по слухам, скапливаются тёмные силы, и люди готовятся сразиться с ними. Честно говоря, я этому даже рад: игры втихую — не по мне.

— А что Каттея? Ты сказал, будто её лишили возможности общаться с нами.

— До тех пор, пока она не даст обещание не пользоваться Силой. Они утверждают, что это будит нечисть. — Он обернулся и показал рукой в сторону скалистого склона. — Завтра днём мы увидимся с зелёными, они нас ждут.

В ту ночь меня мучили сновидения. Мне снилось, что я вместе с другими воинами объезжаю на коне луга и поля Эскора, облачённый в доспехи и с мечом на поясе. Я узнавал среди воинов давних знакомых, но видел и множество незнакомцев. Я увидел даже госпожу Крисвиту, тоже одетую в кольчугу и с мечом на поясе. Она ехала в толпе конников, состоявшей из людей древней расы, и улыбалась мне. Мы двигались куда-то единым войском: на нашем знамени была большая зелёная птица. Ветер трепал знамя, и казалось, что птица живая и машет крыльями. Какие-то невероятные чудовища угрожали нам со всех сторон, но мы оказывали им достойный отпор.

— Кайлан! — меня разбудил Кимок, тряся за плечо. — Что, кошмар снится?..

— Как сказать... — ответил я. — Брат, ты жаждал сразиться с нечистью, похоже, нас это ждёт, и либо мы освободим Эскор от гадов, либо навсегда останемся в его земле. Трудное нам выпало время...

И вот нам пришлось во второй раз взбираться по скалистой круче, как бы обозначавшей границу Эсткарпа. Выбравшись на гребень, мы не поспешили сразу к тропе, ведущей в Эскор, но дали себе немного отдохнуть и оглядеться. У Кимока была труба с линзами; он вынул её из

кармана и поднёс к глазам. Вдруг брат замер и весь напрягся.

— Что такое? — встрепенулся я.

Вместо ответа, он передал мне трубу. Я посмотрел в неё и увидел деревья, скалы и... людей! — «Да что же это такое? — удивился я. — Неужели мои преследователи? Тогда они припоздали немного. Они ведь тоже с вывихом насчёт востока, и дальше им ходу нет. Но что-то их многова-то...»

Я покрутил коленца трубы, чтобы настроить её получше, и увидел: всадник... другой, третий... Невероятно! Я взглянул на Кимока. Он с недоумением уставился на меня.

— Кайлан, ты заметил, что среди них — женщины?

— Неужели сами Мудрейшие взялись преследовать нас? — пробормотал я растерянно.

Он рассмеялся.

— А ты видел хоть одну Мудрейшую с младенцем на руках?

Я снова навёл трубу на всадников и на этот раз среди них разглядел женщину. Как и все остальные она была в плаще и в штанах для верховой езды, только перед ней покачивалась привязанная к седлу детская колыбелька.

— Должно быть, Эсткарп подвергся нападению, и это беженцы, — сказал я.

— Я так не думаю, — ответил Кимок. — Они явились с юго-запада. А нашествие на Эсткарп возможно только со стороны Ализона, с севера. Нет, это не беженцы. Скорее, это рекруты, за которыми ты был послан, брат.

— Какие рекруты? — возразил я. — Женщины с детьми? Я поведал о своей миссии только людям Хорвана, и они сочли всё это глупой выдумкой, когда я назвался по имени. Какой смысл им следовать за мной?..

— Об этом не тебе судить, — ответил он загадочно.

Не знаю почему, но мне вспомнилась сцена из детства — один из тех редких моментов, когда в Эстфорд приезжал навестить нас отец. В тот день он привёз с собой Откелла — нашего учителя боевого искусства. Отец рассказывал о недавнем происшествии на Горме. К острову прибило течением корабль салкаров, ходивший в дальнее плавание. Вся команда на нём была мертва. По записям в судовом журнале выяснилось, что люди погибли от ка-

кой-то болезни, которой кто-то из них заразился в заморском порту. Корабль отбуксировали в море, подожгли, а затем потопили — вместе с мертвецами. А виной всему был один-единственный матрос, который принёс с берега какую-то смертельную заразу. — «А что, если я был отправлен в Эсткарп, чтобы заразить людей стремлением податься на восток...» — подумал я. Какой бы дикой ни казалась эта мысль, она кое-что объясняла.

Кимок взял у меня трубу, чтобы снова посмотреть на тех, кто к нам приближался.

— Я бы не сказал, что им туманят зрение или ещё как-нибудь препятствуют, — заметил он. — Похоже, какие-то силы стремятся возродить древний народ.

— А может, всего лишь добавить фишек в игру, — не удержался и съязвил я.

— Им придётся расстаться с лошадьми, — сказал он деловито, и мне почему-то захотелось стукнуть его по затылку. — Но у нас есть верёвки, и мы поможем им поднять скарб...

— Ты уверен, что они направляются к нам? — спросил я. — Почему ты так уверен?

— Потому что это и в самом деле так, — услышал я за спиной голос Каттеи. Она подошла к нам и взяла нас за руки. — Но сюда идут только те, кто не мог не откликнуться на твой зов, Кайлан. А знаешь, почему так случилось, что посланцем оказался именно ты? Да потому, что из нас троих только ты мог заразить людей Эсткарпа стремлением идти на восток...

— Навстречу смерти, — добавил я.

— Может, и так, — согласилась сестра. — Но разве каждый из нас со своего первого вздоха не приближается к смерти? Никто не волен определить час её прихода, как не был волен и ты в своей миссии. Мы входим в новую жизнь, которой не понимаем. Оставайся воином, брат, каким был всегда. Разве можно винить меч за то, что он сеет смерть? Конечно же, ответственность всегда на том, кто им распоряжается.

— А кто распоряжается тем, что происходит сейчас? — спросил я.

— Тому имя — Вечность, — ответила сестра. Её ответ поразил меня. Для меня не было откровением то, что многие верят в первопричину всех вещей, но явилось

неожиданностью, что об этом заговорила Каття, — ведь она хотела стать колдуньей.

— Нет, Кайлан, — продолжила сестра, уловив мои мысли. — Обретение знаний не обязательно лишает человека веры в Изначальное. Я не знаю, по чьей воле вступили мы на эту неизведанную стезю, но обратного пути нам нет.

...Так мы вошли в Эскор, который нам предстояло отвоевать у тёмных сил с помощью мечей, отваги и колдовства. Но об этом — особый рассказ...

ВОЛШЕБНИК КОЛДОВСКОГО МИРА

Глава 1

История нашего рождения многим уже известна. Наша мать, госпожа Джелит из Эсткарпа, пожертвовала своим Колдовским Даром ради брака с чужеземцем Симоном Трегарттом, но не полностью утратила Силу, и мы трое, рождённые ею в тяжких муках, унаследовали некоторые её способности. Брату она дала имя Кайлан-воин, сестру назвала Каттеей, что значит — колдунья, а моё имя, Кимок, означает — мудрость. Правда, мудрость моя всегда сводилась к пониманию того, что знаю я слишком мало. И хотя жажды познания мне было не занимать, сколько ни примеривался я к чаше истинной мудрости, мне пока удалось лишь едва пригубить её. Впрочем, быть может, и сознание собственного несовершенства — тоже мудрость.

С самого детства я никогда не знал одиночества: мы, трое близнецов, — явление, доселе небывалое в Эсткарпе — всегда ощущали, как тесно связаны между собой наши души: Кайлан, казалось, был создан действовать, Каттея — чувствовать, а я — мыслить. Мы могли понимать друг друга без слов, и порой возникало чувство, что не только дух, но и тела наши по-прежнему находятся в некоем единстве. Потом настал тот печальный день, когда Владычицы отлучили от нас Каттею, и мы с Кайланом надолго потеряли сестру.

Война поглощает все силы человека, одни тревоги сменяются другими, живёшь от восхода до заката, от сумерек до рассвета. Так было и у нас с братом. Много дней провели мы в седле, защищая границы Эсткарпа от посягательств соседнего Карстена.

Но удача изменила мне, и один удар короткого клинка превратил здорового сильного воина в жалкого калеку. Однако, несмотря на телесные страдания, я был рад этой вынужденной передышке, благодаря которой, вдобавок, наша сестра вновь оказалась на свободе.

Моя правая рука осталась изувеченной, воевать я не мог и, едва затянулась рана, отправился в Лормт. Воюя в горах, я узнал нечто весьма любопытное: к югу от Эсткарпа простирался враждебный Карстен, к северу — не менее враждебный Ализон, а на западе бороздили море, опустошая прибрежные земли, наши давние союзники — салкары. Но в Эсткарпе ничего не знали о том, что происходит на востоке, как будто за горной цепью, видневшейся вдаль в ясную погоду, был конец мира. У моих товарищей от-

существовало всякое понятие о восточном направлении — эта сторона света для них не существовала.

В Лормте седая древность ощущалась ещё более явственно, чем где бы то ни было в Эсткарпе, история которого уходит так далеко в глубь веков, что учёные до сих пор не докопались до её истоков. Некогда Лормт был процветающим городом, а ныне превратился в руины, среди которых уцелели лишь немногие строения, и было непонятно, зачем вообще построили его в этих пустынных местах. Под ветшающими сводами хранятся рукописи древней расы, и в них, как кроты, роются переписчики, выискивая то, что кажется им достойным остаться в истории. Хотя, конечно, у каждого свой вкус, и не исключено, что полуистлевшие страницы в соседнем шкафу таят нечто гораздо более важное.

В Лормте я искал разгадку тайны неизвестных восточных земель. Мы с Кайланом никогда не оставляли надежды разыскать Каттею, чтобы вновь быть всем вместе. Но в таком случае нам пришлось бы скрываться от гнева Владычиц, и вот тогда-то мы могли бы найти прибежище в неведомой стране на востоке.

Поселившись в Лормте, я ставил перед собой две задачи: заняться древними рукописями и заново научиться держать меч — в левой руке. Я понимал, что живу в суровом мире, и горе всаднику, который появится безоружным, когда солнце в Эсткарпе, багровея, садится и земля погружается в полумрак.

Я узнал достаточно, чтобы убедиться: на востоке — действительно наше спасение, во всяком случае, имелась возможность укрыться там от гнева колдуний. Помимо того, мне удалось почти полностью восстановить утраченные воинские навыки.

Удобный случай представился нам с братом, когда колдуньи решили нанести по Карстену небывалый удар, и, сосредоточив всё внимание на выполнении этой задачи, начали двигать и шатать горы, как будто кухарка размешивала варево в гигантском котле. Мы с Кайланом встретились в родном Эстфорде и, воспользовавшись ночной неразберихой, отправились за сестрой в Обитель, где её держали колдуньи.

А потом мы втроём устремились на восток, к горам, за которыми простирался Эсдор — разорённая земля, откуда в давние времена вышла древняя раса: где светлые и тёмные силы, вырвавшись наружу, приняли самые причуд-

ливые формы. Вместе и поодиночке преодолевали мы враждебные силы. Воспользовавшись своими способностями для достижения нашей общей цели, Кайлан оказался во власти одной из этих сил и, попав в беду, прошёл через многие испытания, пока мы не добрались до благодатной Зелёной Долины.

Её жители были не совсем нашей крови. Да мы и сами только наполовину принадлежим к древней расе — наш отец пришёл в Эсткарп из другого мира. В жилах обитателей Зелёной Долины течёт кровь не только древней расы, их происхождение ещё более древнее, ибо предки этого народа жили здесь ещё до появления древней расы. В Эскоре существовало об этом множество легенд, которые распространились повсюду, и нам доводилось слышать их в детстве.

Под влиянием неведомой силы Кайлан вернулся через горы в Эсткарп. От него необъяснимая потребность идти на восток передалась потомкам древней расы, изгнанным из Карстена во время войны с колдерами, и с тех пор ставшими бездомными скитальцами. Кайлан возвратился в Эскор, и они пришли вместе с ним. И не только воины, но и их жёны с детьми и всем своим нехитрым скарбом — чтобы поселиться на новом месте.

Жители Зелёной Долины вместе с Дагоной, их Владычицей (той самой, что помогла Кайлану в беде), и Эфутуром, Хранителем Зелёного Безмолвия, провели переселенцев через горные ущелья в безопасную Долину.

Таковы предшествующие события. Они стоят несколько особняком по отношению к истории Великой Войны, но по праву связаны с ней, так как помогли приблизить решающую победу.

События, о которых пойдёт речь далее, начались в Зелёной Долине — в этом светлом благодатном краю. Её обитатели издавна пользовались знаками, которые охраняли Долину от злых сил, и каждый, кто попадал сюда, обретал покой и радость. Я встречал эти знаки в рукописях Лормта и верил в их чудодейственную силу.

Но, как ни приятна была жизнь в Долине, нам не пришлось долго наслаждаться покоем — весь Эскор вокруг пришёл в движение. В давние времена эту страну потрясали войны, не менее опустошительные, чем та, что ныне истощала нашу родину на западе. Здесь, в Эскоре, люди,

стремившиеся овладеть знанием, преступили границу благоразумия. Иные рвались к власти ради самой власти, и, как всегда бывает при этом, над землёй нависла Тень чернее ночи. Страну раздирали на куски, и часть древней расы ушла за горную цепь, воздвигнув за собой непреодолимый барьер, отрекаясь от прошлого.

Оставшиеся продолжали ужасную беспощадную войну, сметая всё на своём пути. Некоторые — например, зелёные, не отступившие от законов, перебрались в необитаемые земли. К ним присоединились и другие люди, не потерявшие здравого смысла: часть из тех, на ком проводили опыты невежды, рвавшиеся к тайному знанию, ещё не успела стать орудием зла.

Но таких было мало, и никто не мог противостоять Великому, опьянённому властью над непостижимыми силами. Приходилось выжидать, пока буря промчится и стихнет. А Тёмные уничтожали друг друга в сокрушительных схватках. Большинство из них ушло, открыв Врата в другие времена и миры, вроде тех, через которые появился в Эскарпе мой отец. Но уходя, они оставляли за собой средоточия древнего зла, и к тому же отпущенных или забытых слуг — быть может, готовых при случае, если их призовут, снова служить злу.

Когда мы попали в Эскор, Каттея в безвыходной ситуации прибегла к своим колдовским познаниям. При этом она нарушила неустойчивое равновесие, в стране вновь стало беспокойно, и зелёные поняли, что вот-вот разразится новая война, но на этот раз необходимо сражаться, чтобы не быть стёртыми в порошок между жерновами тёмных сил.

Все представители светлых сил собрались, чтобы обсудить план отпора грозящему злу. Совет этот созвал Эфутур, и присутствующие являли собой весьма пёстрое собрание странных существ — не то людей, не то животных.

Эфутур выступал от имени зелёных. Справа от него я увидел одного из рентанов, которые могли перевозить на спине всадников и разговаривали человеческим голосом. Это был Шапурн, предводитель опытных воинов. Возле него на камне сидела покрытая радужной чешуёй ящерица. Когтистыми пальцами она держала шнурок, унизанный серебряными шариками, и перебирала их, словно каждый служил напоминанием о какой-то теме, которую необходимо было затронуть при обсуждении.

Рядом сидел человек в шлеме, а справа и слева от него — мужчина и женщина в торжественном церемониальном облачении. Это были Хорван, Крисвита и командующий их войсками Годгар. Возле них расположились Дагона, Кайлан и Каттея. А по соседству, на другом камне — фланнан Фарфар — с покрытым перьями человеческим телом, крыльями птицы и когтистыми лапами вместо ног. Его присутствие на совете было скорее вопросом престижа: я знал, что фланнаны слишком рассеянны, чтобы составить настоящее войско, но они отличные гонцы.

Напротив разместились вновь прибывшие. Среди них выделялось существо с телом птицы и головой зубастой ящерицы, красноватая чешуя на его узкой голове резко контрастировала с сизым оперением тела. Существо то и дело беспокойно хлопало крыльями и вертело головой, оценивая разглядывая окружающих. Это был предводитель врангов, обитателей горных вершин. Дагона церемонно раскланялась с ним: — «Привет тебе, крылатый Форлонг».

А четверо его соседей имели человеческий облик. Как нам сказали до их прибытия, это были потомки древней расы, которые бежали когда-то в горы. Главным среди них был высокий смуглолицый человек, чьи черты свидетельствовали о чистокровном происхождении. Он был молод на вид, но о возрасте этого народа судить всегда трудно: признаки старения проявляются у них только за несколько недель до смерти — если они доживают до старости, что в последнее время бывает довольно редко. Он обладал привлекательной внешностью и хорошими манерами.

А я вдруг почувствовал, что ненавижу его.

Будучи тесно связанными между собой, мы с братом и сестрой в прошлом привыкли не искать большой компании. Когда Каттею у нас отняли, я довольствовался привязанностью к Кайлану. При этом к кому-то из товарищей по оружию я мог относиться с симпатией, к кому-то — с неприязнью, однако никогда раньше не пронзала меня такая сильная ненависть — разве что в бою с карстенцами во время их очередного набега. Но в те минуты я испытывал ненависть скорее к врагу вообще, чем к определённом человеку. А этого горца Динзиля я возненавидел отчаянно, нестерпимо и сам не понимал за что. Это было так

неожиданно, что, когда Дагона представила нас друг другу, я даже не сразу смог пробормотать приветствие.

И мне показалось, Динзиль угадал моё состояние, и это позабавило его, как забавляет взрослого поведение ребёнка. — «Но я не ребёнок, — промелькнуло у меня в голове, — и, пожалуй, Динзилю скоро представится случай в этом убедиться».

Представится случай... Глядя в его спокойное красивое лицо, я понял, что меня одолевает не только ненависть, но и мрачное предчувствие, как будто появление этого хозяина гор вот-вот навлечёт какую-то беду на нас всех. Однако я рассудил, что если зелёные пригласили его, значит они видят в нём друга и его прибытие для них — добрый знак. Им ли не знать, откуда может грозить опасность, и, конечно, они не стали бы открывать ворота тому, кто отмечен печатью зла.

Когда мы вторым впервые пересекали поля и леса Эско-ра, Каттея шутя заметила, что всегда носом чувствует враждебную колдовскую силу. К сожалению, мой нос ничего не говорил мне о Динзиле, и тем не менее какой-то внутренний страж предупреждал меня об опасности.

Динзиль очень толково говорил на Совете и выказал немалые познания в военном деле. Его спутники время от времени тоже вставляли слово-другое, упоминая о старых заслугах Динзиля перед своими соплеменниками.

Эфутур достал карты местности, искусно изготовленные из сухих листьев, прожилки и расцветка которых служили условными обозначениями. Карты переходили из рук в руки, и все обменивались замечаниями. Форлонг, всполошённо и невнятно квакая, сообщил, что холм, на котором расположены три круга менгиров, таит в себе такую угрозу, что даже пролетать над ним — смертельный риск. Мы отметили опасное место на карте, и она ещё раз прошла по кругу.

Я разворачивал очередную карту, когда меня вдруг что-то толкнуло, и я перевёл взгляд на свою покалеченную правую руку (она давно перестала болеть, и я уже почти забыл о ней, научившись пользоваться ею). Некоторое время я в замешательстве разглядывал свою руку, а потом поднял глаза...

Динзиль! Он смотрел на мои изуродованные пальцы, смотрел и едва заметно улыбался, но от этой улыбки я

сразу вспыхнул, почувствовал желание отдернуть руку и спрятать её за спину. Но почему? Ведь я получил ранение в честном бою, в этом не было ничего зазорного. И всё-таки Динзиль так смотрел на мои рубцы, что мне стало не по себе. На его лице было написано, что любое уродство — презренно и должно быть скрыто от людей.

Потом он поднял глаза, наши взгляды встретились, и снова я прочитал по его лицу, что он всего лишь забавляется — так иных людей веселит зрелище чужого несчастья. Он заметил, что я всё понял, — и это явно ещё больше развлекло его.

«Нужно предупредить их, — лихорадочно думал я, — предупредить Кайлана и Каттею. Они прочтут мои мысли, разделят мои предчувствия и смутные подозрения и будут начеку. Но чего же именно следует опасаться? И почему?» — Ответа на эти вопросы у меня не было.

Я снова взглянул на карту и стал демонстративно разглаживать её двумя негнувшимися пальцами покалеченной руки. Во мне клокотал смертельный гнев.

Наконец Эфтур сказал:

— Необходимо послать представителей к кроганом и фасам.

— Не стоит слишком рассчитывать на них, — заговорил Динзиль. — Раз они до сих пор сохраняют нейтралитет, не исключено, что они и в дальнейшем предпочтут занимать такую же позицию.

Его нетерпеливо прервала Дагона:

— Если они считают, что даже сейчас, когда объявлена война, их нейтралитет может сохраняться, то они просто глупцы!

— Возможно. С нашей точки зрения, — ответил Динзиль. — Их интересы вряд ли противоречат нашим, но они не потерпят никакого нажима. Нам, горцам, доводилось иметь дело с кроганами, и мы знаем — если на них давить, они начнут огрызаться. Поэтому вступить с ними в контакт безусловно нужно, но без нажима и очень аккуратно. После передачи Меча Союза дадим им время собрать свой собственный совет, и не следует выражать недовольство, если они сперва ответят отказом. Борьба только начинается, она будет долгой, и тот, кто на первых порах останется в стороне, может под конец оказаться её участником. Раз уж мы хотим, чтобы они встали под наши знамёна, надо дать им возможность самим сделать выбор, когда придет время.

Эфутур кивнул в знак согласия, остальные вслед за ним тоже закивали. Я не мог затевать с ними спор: это их земля — им и решать. Но я понимал, что очень недальновидно начинать войну, когда кто-то не определил свою позицию, а значит, в любой момент может стать врагом и ударить в слабое место.

— Итак, мы посылаем Меч Союза кроганам и фасам, обитателям торфяных болот, — подвёл итог Эфутур.

— Если только нам удастся их найти! — иронически заметила Дагона. — От них всего можно ожидать. Зато на тех, кто присутствует здесь, мы можем рассчитывать полностью, верно, господин Динзиль?

Он пожал плечами:

— Кто я такой, чтобы ручаться за других? Конечно, собрать всех, кто поддерживает дружеские отношения, — мера необходимая; сейчас важно, с кем и насколько переплетены наши интересы, хотя, возможно, даже давним друзьям нельзя доверять полностью. Я скажу вот что: все силы, на которые можно рассчитывать, находятся в этой тихой Долине; к ним присоединятся ещё те, кого мы приведём сюда позже. Горы будут с вами. Посылайте миссию в низину.

Не решаясь прибегнуть к мысленному общению с Кайланом и Каттеей здесь, на совете, я с нетерпением ждал его окончания. Не зная, какой Силой или даром владеют присутствующие, я не рискнул мысленно призвать брата и сестру. Вскоре мне представился случай поговорить с Кайланом, когда он сопровождал Хорвана, отправившегося искать место для своего лагеря. Но прежде я оказался рядом с Годгаром, мы разговорились о войне с Карстеном и выяснили, что в разное время воевали в одном и том же районе гор.

Я неплохо знал таких людей. Это прирождённые воины, из них получаются хорошие командиры, но чаще они исправно служат под началом того, кто пользуется их уважением. Они составляют крепкое ядро всякого войска, ведущего честную войну, а в мирное время чувствуют себя не в своей тарелке, словно утрачивая смысл существования, если меч слишком долго остается в ножнах. Годгар ехал и, будто принохиваясь, скользил взглядом по сторонам, запоминая ориентиры на местности, как опытный разведчик, привыкший к любым привратностям судьбы.

Облюбовав место для лагеря, Хорван приказал разбить

палатки, хотя климат в Долине был такой мягкий, что вполне можно было заночевать под открытым небом. Наконец я подъехал к Кайлану, мы пустили лошадей рядом, и я заговорил с ним о Динзиле.

Начав объяснять, в чём дело, я заметил, что Кайлан хмурится. Я замолчал и пристально посмотрел на него. Затем я прибегнул к мысленному контакту и с удивлением обнаружил — впервые в жизни — его недоверие к моим словам. Я был поражён: брат считал, что я навожу тень на ясный день, пытаюсь посеять раздор...

— Нет, не то, — горячо запротестовал он, в свою очередь уловив мои мысли.

— Но что ты имеешь против этого человека? Что, кроме неясных ощущений? Если он враг, то почему же его пропустили знаки, которые оберегают Долину? Я уверен, она надёжно защищена от всех, кто связан с Великой Тенью.

Но как же он ошибался! Хотя тогда мы об этом не знали.

Чем мог я доказать верность моих подозрений? Что смущало меня? Выражение глаз Динзиля? Это было всего лишь ощущение — но именно такие ощущения служат нам, обыкновенно, последней защитой.

Кайлан улыбнулся мне, его недоумение постепенно прошло, но я уже замкнулся в себе. Как обжёгшийся ребёнок, доверчиво протянувший руку к раскалённым углям, привлечённый их светом и не ожидавший опасности, я теперь смотрел с подозрением на всё вокруг.

— Считай, что ты меня предупредил, — сказал брат, и я понял, что он не верит моим предчувствиям.

В тот вечер был устроен пир, хотя, казалось бы, какое может быть веселье в преддверии войны. Но этикет есть этикет, и, возможно, его соблюдение в такой момент придавало собравшимся уверенности в том, что всё идёт своим чередом. Я до сих пор не поговорил с Каттеей — не решался после неудавшегося разговора с Кайланом. Теперь меня угнетало, что она сидит за столом рядом с Динзилом, и он, улыбаясь, что-то говорит ей, а она улыбается и смеётся в ответ.

— Ты всегда так молчалив, воин с суровым лицом?

Я повернулся и увидел Дагону — ту, что меняла свой прекрасный облик, становясь такой, какой хотел её видеть глядящий на неё человек. Сейчас её волосы были цвета воронова крыла, и на белом лице играл лёгкий румянец,

при заходе же солнца волосы казались золотисто-медными и кожа — золотисто-смугой.

— «Интересно, каково это — быть столь разной?» — спросил я себя.

— Какие думы владеют тобой, премудрый Кимок? — продолжала поддразнивать меня Дагона, и я вышел из оцепенения.

— Невесёлые думы, моя госпожа.

Дагона посерьёзнела, перевела взгляд на кубок, который держала в руках, слегка качнула его, и пурпурная влага плеснула в края.

— Мне кажется, твои думы слишком угнетают тебя.

— Так оно и есть.

Почему я это сказал? Я не привык ни с кем откровенничать — кроме брата и сестры, конечно; ведь мы трое раньше всегда были заодно. Были... А теперь? Я снова взглянул на Каттею, улыбающуюся Динзилю, и на Кайлана — тот был поглощён беседой с Эфутуром и Хорваном, словно стал между ними связующим звеном.

— Ветка, не цепляйся за листья, — мягко произнесла Дагона. — Наступит час — ветер всё равно сорвёт их и унесёт прочь. Но взамен вырастут новые.

Я понял намёк, зная, что между ней и Кайланом установились особые взаимоотношения, но именно это несколько меня не задевало. Я был готов и к тому, что когда-нибудь рядом с Каттеей тоже появится близкий человек. Я ничего не имел против того, чтобы Каттея смеялась в этот вечер, и женское кокетство заслоняло в ней и колдунью, и сестру. Но рядом с ней сидел Динзиль!

— Кимок!

Я снова взглянул на Дагону, испытующе смотревшую на меня.

— Кимок, что с тобой?

— Госпожа, — я смотрел ей в глаза. — Я чувствую опасность. Я боюсь...

— Динзиля? Боишься, что он отнимет у тебя взлелеянное тобой сокровище?

— Да, я боюсь Динзиля. А точнее — того, кем он может оказаться.

Не сводя с меня глаз, она поднесла кубок к губам.

— Я присмотрюсь к нему, воин. Очевидно, я неправильно поняла тебя поначалу. Не родственная ревность снедает тебя, этот человек неприятен тебе сам по себе. Почему?

— Не знаю. Просто смутное ощущение.

Дагона поставила кубок:

— Чувства вернее слов. Будь спокоен, я понаблюдаю за ним.

— Благодарю, госпожа, — тихо ответил я.

— Ты можешь ехать с лёгким сердцем, Кимок, — добавила Дагона. — И пусть тебе сопутствует удача. Но не выпускай из рук меч.

Я кивнул ей, поднимая свой кубок.

Таким образом, Дагона узнала о том, что меня мучило, и отнеслась к этому серьёзно. И всё-таки беспокойство моё не улеглось. Наутро мне предстояло отправиться с миссией к кроганам, а Динзиль явно не собирался покидать Долину.

Глава 2

Итак, решено было, что зелёные и все мы, к ним присоединившиеся, попытаемся заключить союз с жителями низинных областей. Кайлан должен был выехать с Дагоной к фасам, подземным обитателям, которых мы ещё ни разу не видели. Их стихией были сумерки и ночь, но, насколько мы знали, к Великой Тени они никакого отношения не имели. А я отправлялся с Эфутуром к кроганам, чьими владениями были реки, озёра и все водные пути Эскора. То, что я и Кайлан — из Эсткарпа, должно было придать нашей миссии особый вес.

Мы с Эфутуром выступили в путь ранним утром. Кайлан и Дагона проводили нас. Они дожидались ночи — чтобы вызвать фасов, надо было установить факелы в отдалённом пустынном районе.

Лошадей мы оставили в Долине: я ехал верхом на одном из помощников Шапурна, а Эфутур — на самом Шапурне. Наши скакуны-рентаны были чуть крупнее вьючных лошадей. Их шкура, ярко-рыжая на спине и кремовая на животе, лоснилась; на лбу у каждого торчал длинный изящно выгнутый красный рог. Идя галопом, они задирали короткие пушистые хвосты, кремовые, как и пушок между ушей.

Рентаны были без узды — такие же полномочные представители, как и мы, из любезности предложившие нам свои услуги, чтобы ускорить наше путешествие. А поскольку все пять чувств у них были развиты острее, чем у

нас, рентаны выступали так же в роли разведчиков, чутко реагируя на любую опасность. Эфутур был в зелёном одеянии жителей Долины, за поясом у него торчал боевой кнут, их излюбленное оружие. На мне была кожаная куртка и кольчуга Эскарпа. После долгого перерыва кольчуга казалась непривычно тяжёлой. Шлем с кольчужным шарфом тонкой работы я держал в руке, подставляя голову свежему рассветному ветерку.

Хотя в Эскоре стояла осень и недалеко было до холодов, но, казалось, лето не торопилось уходить отсюда. Кое-где на деревьях и кустах мелькали жёлтые и красные листья, но ветер был тёплый — утренняя прохлада быстро рассеялась.

— Обманчивая тишина, — произнёс Эфутур. Его красивое лицо всегда было невозмутимо, почти не отражало эмоций, но теперь во взгляде появилась настороженность. На лбу у Эфутура, как и у всех его соплеменников-мужчин, виднелись из-под кудрей светлые рожки. Как и у Дагоны, только в меньшей степени, у него менялся цвет лица и волос. Пока не рассвело, у Эфутура были тёмные кудри и бледное лицо, однако с первыми лучами солнца кудри порыжели, а лицо посмугтело.

— Обманчивая тишина, — повторил он. — Тут на каждом углу ловушки с приманкой.

— Уже видел такие, — заверил я его.

Шапурн чуть ускорил шаг и свернул с дороги, ведущей в Долину. Мой скакун последовал за ним, хотя я и не слышал никакого приказа. Казалось, мы двигаемся назад, на возвышенность, но, проехав немного в гору, мы снова стали спускаться под уклон. Тропа, по которой мы ехали, была, по всем признакам, какой-то заброшенной дорогой. То тут, то там из земли выступали каменные плиты, образуя ступени, по которым осторожно ступали наши четвероногие товарищи.

Вскоре мы оказались в другой долине, покрытой темно-зелёными зарослями — не то низкорослыми деревьями, не то высокими кустами. Сквозь них виднелись остатки разрушенных древних стен.

— Ха-гарк, — кивнул в их сторону Эфутур.

— То есть? — спросил я.

— Когда-то это было надёжное укрепление.

— Разрушенное Великой Тенью?

Он покачал головой:

— Холмы заплясали, и всё рухнуло. Под чьи вражьи трубы они плясали в ту ночь — неизвестно. Будем надеяться, что эта тайна неведома тем, к кому мы держим путь.

— Неужели кто-то снова захочет воспользоваться этим тайным знанием? — спросил я, сам понимая, что об этом можно только гадать.

— Трудно сказать... Многие Великие в той войне уничтожили друг друга. Остальные ушли через свои Врата в другие миры навстречу новым испытаниям, новым победам и поражениям. Некоторые из них теперь так далеко от нас, что происходящее здесь лишено для них всякого смысла. Мы очень надеемся, что будем иметь дело не с самыми Великими из прежних времен, а с их прислужниками, оставшимися здесь. Правда, нельзя забывать, что и это — внушительная сила.

«Мне доводилось их встречать — такое не забывается», — подумал я.

Наша заброшенная, едва различимая дорога шла теперь среди развалин. Местами они были покрыты землёй, между камней виднелись засохшие деревца, попытавшиеся было пойти в рост. Много лет минуло с тех пор, как Ха-Гарк перестал существовать.

Дорога свернула влево, и вскоре мы выехали из этой мрачной долины на поросшую высокой травой низменность. Солнце, стоявшее уже высоко, немного припекало, и Эфутур распахнул плащ. На коленях у него лежал Меч Союза, сделанный не из стали, а из светлого дерева. Широкий и тупой, он по всей длине был покрыт замысловатыми рунами, а рукоять оплетали красный и зелёный шнуры, причудливо перевитые между собой.

Мы уже проехали некоторое расстояние по открытой местности, когда Шапурн, подняв голову, вдруг остановился, и мой скакун тоже замер на месте. Раздувая ноздри и поводя головой, Шапурн принимался.

— Серые, — мысленно сообщил он нам.

Я окинул взглядом волновавшуюся от ветра траву: она была достаточно высока, чтобы скрыть ползущего человека. После того, как нам с Каттеей пришлось спастись от сонмища всевозможных чудовищ, я стал с подозрением относиться к любому ландшафту, каким бы безобидным он не казался.

— Что им надо? — подумали мы с Эфутуром почти одновременно.

— Они подкрадываются...

— К нам?

Шапурн втянул в себя воздух:

— Нет. Они голодны и охотятся... Ага, вот вспугнули какую-то дичь. Теперь преследуют её.

Послышался слабый отдалённый вой. За мной тоже когда-то так охотились, и я с жалостью подумал об их жертве. По обычно невозмутимому лицу Эфутура пробежала лёгкая тень недовольства.

— Совсем близко, — произнёс он. — Нам надо почаще объезжать границы.

Его рука потянулась к боевому кнуту, но он не стал доставать оружие — обычай запрещал это тому, кто вёз Меч Союза.

Рентаны рысью пустились вперёд, мы быстрее ветра пересекли открытую равнину и въехали в овраг, края которого поросли густым кустарником. По песку и гальке змеился узкий ручей — след стремительного потока, бежавшего здесь весной. Вдруг я заметил, как в песчаной рытвине что-то сверкнуло. Я нагнулся и поднял голубовато-зелёный камень — из тех, что очень ценились в Долине. Такими же камнями были украшены браслеты и пояса Эфутура. И хотя камень, лежавший у меня на ладони, был неровный и необработанный, он так и вспыхивал на солнце голубовато-зелёным огнём.

Эфутур нетерпеливо оглянулся, но, увидев мою находку, воскликнул с удивлением и радостью:

— Ого! Вот так везение! Верная примета, что зло не проникло сюда — такие камни теряют блеск, если их касается Тень. Кимок, ты получил дар от этой земли, так пусть он принесёт тебе удачу.

И, подняв правую руку, лежавшую на рукояти Меча Союза, Эфутур сделал жест, о котором я узнал, читая лор-мтские рукописи — жест пожелания добра.

Находка явно приободрила моего спутника — он разговаривался, и я с интересом слушал его рассказы об этих местах и их обитателях.

Кроганы, к которым мы направлялись, были народностью, образовавшейся в результате первых опытов Великих — из людей, которые, вероятно, сами, движимые любопытством, добровольно подверглись видоизмене-

нию и были превращены в подводных обитателей, способных часть жизни проводить на суше. Во время войны, опустошившей Эскор, они ушли на дно водоёмов, и теперь их не часто можно было встретить на земле. Изредка они селились на островах посреди озёр или по берегам рек.

Кроганы никогда не враждовали с зелёными, а случилось, и действовали с ними заодно. Эфутур рассказал, что как-то раз они затопили особо опасное гнездо злых сил, которое никак не удавалось разгромить всадникам из Долины. Теперь Эфутур надеялся сделать их нашими союзниками. До сих пор их содействия бывали временными и случайными. — «Из них выйдут отличные разведчики, — пояснил Эфутур, — вода в этих местах повсюду, и для кроганов и их подводных слуг здесь нет недоступных уголков.»

Пока он говорил, мы выехали к озеру, окружённому обширным заболоченным пространством. Как ни странно, растительность болота, казалось, была тронута засухой: тростник высох и порыжел. Но чуть подальше выступающие из воды кочки оставались зелёными. Ещё дальше болото переходило в озеро.

И, хотя вовсю светило солнце, над озером стлался туман. Мне казалось, что я видел острова, но туман колебался, и это сбивало с толку. Я невольно вспомнил Торовы Топи в Эсткарпе, где мой отец был в плену во время войны с колдерами — таинственное место, куда никто не отваживался отправиться без приглашения.

Рентаны подвезли нас с Эфутуром к краю болота, и мы спешили. Держа Меч Союза в левой руке, правую Эфутур поднёс ко рту и, сложив трубочкой, издал протяжный звук, оборвавшийся на подъёме и словно содержащий в себе вопрос.

Мы ждали. Я не замечал никого, кроме крупных водяных насекомых, которые пролетали над тростником или скользили по тёмной поверхности болотной воды. Не было ни птиц, ни следов животных, тина давно высохла и рассыпалась у нас под ногами в рыжую пыль.

Эфутур протрубил трижды, но ответа не последовало. В выражении его лица появился едва уловимый оттенок нетерпения, в остальном он сохранял полную невозмутимость.

Он всё не двигался с места, и непонятно было, сколько

же нам придётся стоять вот так и ждать, когда неведомые обитатели этого озера-болота соизволят, наконец, откликнуться.

Вдруг я почувствовал их появление, уловив не звуки, а лишь колебание, движение воздуха. Подобное ощущение иногда возникало у меня при приближении матери или Каттеи, ощущение, будто кто-то уверенно движется к своей цели. Это был, можно сказать, поток энергии. Я вопросительно посмотрел на Эфутура.

Держа перед собой Меч Союза, он повернулся к полосе трясины, отделявшей нас от озера. Красный и зелёный шнуры ослепительно сверкали на солнце, словно сплетённые из расплавленных драгоценных камней. Эфутур больше не трубил, он стоял, протягивая вперёд Меч Союза, как верительную грамоту.

В отдалении при полном безветрии зашевелился зеленоющий по краю озера тростник, и из воды поднялись, стоя по колено в иле, две фигуры.

Они легко и проворно двинулись к нам по топи через заросли тростника, и я увидел, что кроганы выглядят совсем как люди. Только ступни у них были клинообразной формы с перепонками между пальцев, а бледные плотные тела неестественно блестели на солнце. Короткие прилизанные волосы были едва темнее кожи. На горле с двух сторон виднелись круглые отметины — жабры, теперь, на воздухе, закрытые.

Кроганы были в чешуйчатых набедренных повязках, переливавшихся всеми цветами радуги. К поясу у них вместо сумок были приторочены большие раковины. В руках, тоже с перепонками между пальцев, они держали жезлы — наполовину зелёные, наполовину чёрные, покрытые резьбой и заострённые с одного конца. Эти остроконечные жезлы походили на смертоносное оружие. Кроганы держали их остриями вниз, по-видимому, в знак того, что не имеют враждебных намерений.

Когда они, наконец, приблизились, я увидел, что, хотя издали они казались людьми, их немигающие глаза были скорее глазами животных — без белков — тёмно-зелёные, похожие на кошачьи.

— Эфутур. — Произнёс вместо приветствия один из кроганов.

— Ориас? — спросил Эфутур.

Он слегка повернул Меч Союза, и рукоять снова ярко сверкнула на солнце.

Кроганы пристально посмотрели на нас и на меч, затем главный сделал нам знак рукой, они повернулись в сторону озера, и мы, перепрыгивая с кочки на кочку, неуверенно двинулись за ними. Воздух был насыщен тухлым запахом болота, наши сапоги сразу облепил вязкий ил, к ногам же провожатых болотная грязь, казалось, совсем не приставала.

Наконец, мы дошли до кромки воды, и я было решил, что нам предстоит добираться вплавь, но тут от одного из островов, видневшихся в тумане, отделилась неясная тень и стала приближаться к нам. Вскоре мы увидели, что это лодка, сделанная из кожи какого-то водяного животного, натянутой на костяной каркас. Лодку тащил за собой кроган. Сесть в неё, не перевернув, оказалось не так-то просто; рентаны и не пытались сделать это, поплыли рядом, а кроганы втроём потащили лодку за собой.

Запах болота постепенно пропал. В отличие от топкого берега озера, остров, к которому мы направлялись, был окаймлён широкой полосой мелкого серебристого песка. За ней поднималась какая-то невиданная растительность: ветки, высоко вздымавшиеся вверх, походили на мягкие перья, какие иногда привозили из-за моря салкарские купцы. С этих тусклосеребристых ветвей свисали гирлянды зелёных и бледно-жёлтых цветов.

Песчаная полоса была выложена чёткими геометрическими фигурами, сделанными при помощи больших раковин и камней разных оттенков. Между ними шли дорожки, окаймлённые оградой из низких колышков, отшлифованных водой и выбеленных солнцем.

Нас провели по одной из этих дорожек. На разгороженных участках я увидел плетёные узорчатые циновки и корзинки; но тех, кому они принадлежали, не было. Мы вошли в заросли перистых деревьев и почувствовали аромат цветов. В некотором отдалении среди деревьев я мельком увидел тех, кого мы, должно быть, потревожили на песчаном берегу: в основном — мужчин, таких же, как наши провожатые; и нескольких женщин, у каждой из которых распущенные волосы были перехвачены плетёным обручем из тростника, украшенным ракушками и цветами. Зеленоватые, бледно-жёлтые и розоватые одея-

ния женщин, более лёгкие, чем чешуйчатые набедренные повязки мужчин, были скреплены на плечах застёжками из ракушек и перетянуты по талии узорчатым поясом.

Когда мы снова вышли из зарослей, то очутились перед множеством каменных глыб, над которыми, по всей видимости, поработали искусные камнерезы. На нас злобно и угрожающе смотрели каменные чудовища с глазами из раковин и тусклых драгоценных камней. Некоторые оскаленные морды были, скорее, забавны, чем страшны. Два чудовища охраняли плоский уступ, где, как на троне, восседал предводитель кроганов.

Он не поднялся нам на встречу; на коленях у него лежал остроконечный жезл, наподобие тех, что были у его помощников. Предводитель придерживал жезл рукой и при нашем приближении не опустил его остриём вниз.

Эфутур воткнул Меч Союза в мягкий песок и, отпустив рукоять, оставил его в таком положении.

— Ориас! — произнёс он.

Предводитель кроганов был похож на своих соплеменников, приведших нас сюда, только на левой стороне лица у него от виска до подбородка тянулся шрам, задевавший веко, так что один глаз был наполовину прикрыт.

— Это ты, Эфутур? Зачем ты здесь? — голос у него был тонкий и невыразительный.

— Вот зачем, — Эфутур коснулся рукояти меча. — Нам нужно поговорить.

— Чтобы хвататься за копья, бить в барабаны, с кем-то сражаться?.. — прервал его кроган. — Это чужеземцы всё взбудоражили... — повернув голову, он уставился на меня здоровым глазом. — Они разбудили то, что дремало, эти чужаки! Что у вас общего с ними, Эфутур? Разве мало вам прошлых нелёгких побед?

— Прошлые победы не означают, что можно повесить оружие на самый высокий сук, чтобы оно ржавело, и забыть о нём, — спокойно ответил Эфутур. — Тёмные силы проснулись — не важно, кто их пробудил. Близится день, когда бой барабанов услышат все, и уши затыкать бесполезно. Горцы, вранги, рентаны, фланнаны, мы — зелёные и пришельцы из-за гор заключают союз и смыкают ряды. Надо объединяться — другого выхода нет. Скоро начнётся такое, что не спрячешься ни в небе, ни под землёй, — он помедлил, — ни в воде.

— Принять Меч Союза... Тут необходимо всё взвесить. Я понял, что Ориас хитрит, но не решился на мысленный контакт, это было слишком рискованно.

— И я один, — продолжал кроган, — не решаю за весь мой народ. Мы соберём совет. Вы можете переночевать на соседнем острове.

Эфутур кивнул, и он не прикоснулся к мечу, оставив его воткнутым в песок. Нас провели через перистые заросли обратно к берегу и посадили в лодку, которую затем оттащили к острову, покрытому обычной растительностью. Здесь была вымощенная каменными плитами площадка, на ней — углубление для костра и возле него — куча хвороста. Мы с Эфутуром развязали походные мешки и поели. Потом я подошёл к воде, пытаюсь получше разглядеть скалистый остров вдаль. Но странная, наверно, колдовская дымка, окутывавшая его, скрывала подробности. Мне казалось, я видел, как кроганы выходят из озера и снова возвращаются в него. Но возле нашего острова я не заметил никакого движения.

Эфутур гадал, каково будет решение совета Ориаса. Он сказал, что кроганы — сами себе закон, и Динзиль прав, никто не может на них повлиять. При упоминании о Динзиле тревожные предчувствия, которые я пытался заглушить, снова зашевелились во мне. И я, как мог, постарался исподволь расспросить Эфутура о предводителе горцев.

Динзиль принадлежал древней расе и, насколько знали зелёные, был обычным человеком. За ним утвердилась прочная слава доблестного воина. Возможно, Динзиль обладал тайной силой: в детстве он обучался у одного из немногих оставшихся чародеев, который использовал тайное знание, оберегая небольшую часть Эскора, куда он бежал. Эфутур отзывался о Динзиле с таким уважением, что я не решился заговорить о своих сомнениях. Да и что были мои смутные ощущения в сравнении с его непоколебимой уверенностью?

Стемнело, а с главного острова так и не последовало никакого сигнала, и мы легли спать, завернувшись в плащи. Посреди ночи я очнулся в холодном поту: мне приснился ужасный сон. Подобный кошмар я видел перед тем, как у нас отняли Каттею, и вот так же проснулся тогда, охваченный страхом, силясь вспомнить, что же мне снилось.

Больше я не уснул, но разбудить Эфутура и поделиться с ним своей тревогой не решился. Меня мучило желание поскорее покинуть этот остров, вернуться в Долину и убедиться, что с сестрой и братом не случилось беды. Собравшись с духом, я потихоньку спустился на берег и встал лицом в ту сторону, где, как я предполагал, находилась Долина, хотя в этих местах трудно было определить направление сторон света.

Закрыв лицо руками, я стал мысленно призывать Каттею. Я должен был знать. Отклика не последовало, и я собрал всю свою волю и снова позвал.

Донёсся слабый, едва уловимый ответ. Каттея тревожилась за меня. Я сразу сообщил ей, что опасность грозит не мне, что я боюсь за неё и Кайлана. Она ответила, что у них всё спокойно и что, наверное, на меня подействовало какое-то зло, пребывающее на просторах, лежащих между нами. Затем она попросила оборвать связь, чтобы меня не обнаружила какая-нибудь враждебная сила. Каттея так настаивала на этом, что я подчинился. Но тревога не оставляла меня: хотя сестра и сообщила, что всё в порядке, я чувствовал, что это ненадолго.

— Кто здесь? Кого ты зовёшь? — донеслось из темноты.

Вздвигнув, я повернулся и выронил меч, сверкнувший в лунном свете: ко мне шла женщина, бесшумно ступая по песку перепончатыми ступнями. Мокрое одеяние облепило её тело, она была маленькой и хрупкой, а лицо, казалось, было бледнее бледного. Откинув назад свисавшие пряди волос, она поправила на голове обруч из тростника и ракушек.

— Кого ты зовёшь? — её тихий голос был монотонным, как у Ориаса.

Я не из тех, кто готов откровенничать с первым встречным, но тут ответил:

— Мне приснилось что-то ужасное, я иногда вижу вещи сны. Я испугался за сестру и брата и разыскивал их.

— Я Орсия, а ты? — она словно не слыхала моих слов, так важно ей было узнать, кто я такой.

— Кимок, Кимок Трегарт из Эсткарпа, — ответил я.

— Кимок... — повторила она. — А, так ты один из трёх чужеземцев, которые пришли, чтобы навлечь на нас беду...

— Нет, мы пришли не за этим, — возразил я, желая как-то переубедить её. — Нам самим пришлось спастись от

беды. Мы шли через горы и не знали, что нас ждёт здесь. Мы просто искали прибежища и больше ничего.

— И всё-таки вы нарушили наш покой.

Орсия подняла с земли камушек и бросила его в озеро. Раздался всплеск, по воде побежали круги.

— Вы разбудили древнее зло. А теперь ты хочешь втянуть в это кроганов?

— Тут дело не во мне, — возразил я. — Нам надо объединиться и вместе защищаться — нам всем.

— Вряд ли Ориас и остальные согласятся. Нет. — Она помотала головой, и волосы, быстро высохшие, рассыпались у неё по плечам серебристой пеленой. — Ты напрасно совершил свой путь к нам, чужеземец.

Она вошла в озеро и, нырнув, исчезла под водой.

Орсия оказалась права. Когда утром нас снова перевезли на главный остров, Меч Союза по-прежнему торчал в песке, никто к нему не притронулся, и на нём не появилось новых шнуров. Трон пустовал, Ориаса не было — хозяева давали понять, что мы непрошенные гости и нам нечего здесь делать.

Глава 3

— Как же теперь быть? — спросил я, когда безмолвные кроганы, доставившие нас обратно на заболоченный берег, исчезли под водой, не успели мы с ними проститься.

— Ничего не поделаешь, — ответил Эфутур. — Они решили сохранять нейтралитет. Боюсь, им это не удастся. — Он говорил рассеяннo, с тревогой оглядывая окрестные холмы.

Я проследил за его взглядом, но не увидел ничего особенного. А может быть, не заметил? Как и накануне утром светило солнце и местность казалась совершенно пустынной. Вдруг в небе появилась движущаяся чёрная точка, за ней — другая.

— Едем! — крикнул Эфутур. — Это рузы. Сейчас начнётся!

Шапурн и Шил двинулись по оврагу вдоль почти пересохшего русла ручья и сразу пошли рысью. Втянув в себя воздух, я почувствовал тухлый болотный запах и посмотрел вниз — не осталось ли на ногах болотной грязи, хотя мы и вытерли сапоги сухой травой.

Нет, грязи не было, но запах всё усиливался. Я окинул

взглядом высокие края оврага: война на границе Эсткарпа научила меня осторожности. Солнце светило вовсю, но мы ехали в тени, я надел шлем, застегнул кольчужный шарф и вынул из ножен тяжёлый меч.

Запах усиливался с каждым дуновением ветерка, долетавшего в узкий овраг. Эфутур вёз Меч Союза не перед собой, а на поясе — наша миссия посланников была завершена — и держал наготове боевой кнут. На холмах над нами собирал силы незримый враг.

Я по-прежнему не замечал ничего подозрительного, было только ощущение опасности и запах. С поразительной скоростью вынесли нас рентаны из этой природной ловушки, и я так и не понял, почему она не захлопнулась, — враг упустил возможность, которой ему могло больше не представиться.

— Почему?

Эфутур сжал губы и, помедлив, ответил:

— Они бы не справились с нами. Но рузы полетели за подкреплением, и когда мы окажемся на открытом месте...

И вот мы выехали на равнину, где волновалась высокая густая трава, и я увидел тех, кто собирался преградить нам путь. Я узнал серых — жуткую помесь людей и волков; запрокидывая морды, они приняхивались и настороженно прислушивались. Вокруг них шевелилась трава, и я подумал, что в ней могут прятаться расти. Эфутур щёлкнул боевым кнутом, и даже при свете солнца сверкнула вспышка, оставившая на траве тлеющий след.

Я пожалел, что при мне нет самострела, который служил мне по ту сторону гор. Я взял его с собой, когда мы бежали в Эскор, но иглы кончились, и он стал бесполезным. Теперь приходилось ждать, пока враг приблизится, чтобы пустить в ход меч.

Серые и их незримые союзники — если в траве скрывались расти — пока держались поодаль, побаиваясь боевого кнута. Однако мы оказались в окружении и путь на Ха-Гарк был закрыт.

— Три круга! — крикнул Эфутур.

И снова я вспомнил лормтские рукописи: стоит позволить врагам трижды обежать вокруг нас, они смогут парализовать нашу волю, и таким образом справятся с нами, даже если не рискнут открыто напасть.

Шапурн и Шил рванулись вперёд, и, ощущая под собой движение мощных мускулов, я подумал, что ни один конь

в Эскарпе не сравнился бы с рентанами. И тут, хотя никто не обучал меня колдовству, я выкрикнул несколько слов из древних рукописей.

И мгновенно у в и д е л эти слова так же явственно, как услышал. Я был потрясён, я онемел от изумления: могу поклясться, они были подобны огненным стрелам, выпущенным из того оружия, которого мне так не хватало. Они ударили в землю там, где бежали серые, произведя такое же действие, как вспышки боевого кнута Эфутура. Всё это сопровождалось раскатами грома. Потом над нами послышался зловеший визг. Эфутур, запрокинув голову, крикнул что-то, но я не разобрал. Кнут взметнулся в воздух, и визг резко оборвался; с неба что-то упало и, ударившись о землю, взорвалось, обдав нас клубами чёрного дыма, зловонного и удушливого. Шапурн и Шил, не успев на всём скаку свернуть, пронесли нас сквозь этот дым, и что удивительно, я не заметил на земле никаких останков.

Мы вырвались из зловонной завесы дыма, и тут я услышал вой серых и пронзительные, леденящие кровь крики из травы. Да, это были расти, они шли на нас цепью. Рентаны забили копытами и, встав на дыбы, завертелись на месте. Эфутур, щёлкая кнутом и поджигая траву, расчищал путь. С серыми мы столкнулись там, где начиналась дорога на Ха-Гарк, и приняли бой. Мой меч со скрежетом рассекал тела врагов, а острые когти и лязгающие зубы впивались в бока Шила, и он выл от боли. Тогда я снова выкрикнул те слова и увидел, как пламенеющие стрелы опаляют шкуры серых.

Затем раздался сокрушительный грохот, перекрывший шум боя. Этот удар, казалось, обрушился в равной степени на всех нас. Оглушённый, я припал к спине Шила и увидел, что рука Эфутура безвольно упала вдоль тела, хотя пальцы кнут не выпустили. Серые бросились враспынную, зажав уши руками-лапами и дёргая головами, как в агонии.

Не знаю, скоро ли я очнулся. Я почувствовал, как дрожит подо мной Шил. Он сделал шаг, другой, и, приподнявшись, я увидел, что он двинулся за Шапурном по дороге на Ха-Гарк, а Эфутур едет, опустив голову, словно в забытии.

Я хотел посмотреть, не преследуют ли нас враги, но не смог повернуться, всё ещё находясь в каком-то оцепене-

нии. Когда я, наконец, обернулся, никаких признаков преследования не было; исчезло и зловоние, сопровождавшее нас от самого озера, но воздух был насыщен другим запахом — металлическим, непонятного мне происхождения.

Когда мы проезжали среди развалин, Эфутур очнулся и, обернувшись, посмотрел мне в глаза. Он был очень бледен, взгляд его выражал отчуждение.

— Больше никогда этого не делай! — слова его прозвучали как приказ.

— Я и сам не знаю, как...

— Ты призвал древние силы, и они тебе о т в е т и л и. Никогда не прибегай здесь к колдовству, чужеземец. Я не знал, что ты можешь вызывать силы...

— Я и сам не знал, — сказал я, и это было сущей правдой. — Не понимаю, как это вышло. Я воин, а не колдун.

Я всё ещё не мог поверить в происшедшее. В Эсткарпе существовало твёрдое убеждение: управлять тайными силами и общаться с ними могут только колдуны. Однако мой отец обладал некоторыми сверхъестественными способностями, и даже сами колдуны признавали это. А моя мать, госпожа Джелит, разделила с ним свою силу, взлелеянную разумом и волей.

Но с меня было довольно случившегося. Мне хватило мудрости понять: пользоваться такими вещами без подготовки, без необходимой защиты — явное безрассудство, которое может принести вред не только мне, но всем окружающим. Эфутур мог быть уверен, больше я этого не сделаю. И всё-таки, вспоминая неописуемый грохот, потрясший всё вокруг, я задумался о том, что бы это могло быть и откуда.

Очевидно, этот удар надёжно защитил нас: мы окончательно убедились, что погони нет, и вскоре, проехав по ступенчатой дороге, ведущей из Ха-Гарка, достигли границы Долины.

Теперь мы ехали между камнями, на которых были высечены оберегающие знаки, которые отчасти были мне известны, и Эфутур, останавливаясь, водил над каждым из камней рукой. Я понял, что он снова замыкает и приводит в готовность защиту Долины. Эфутур подъехал к самому большому камню — Ютаяну; глубоко врезанный знак был инкрустирован зелёным.

— Подойди, приложи сюда ладони, — повернувшись, приказал мне Хранитель Зелёной Долины.

Я почувствовал лёгкое раздражение: он явно подозревал, что я представляю для Долины опасность, и что ради блага её обитателей меня нельзя больше пускать в её пределы. Он хотел испытать меня. Однако я сделал, как он велел — соскользнув с потной спины Ши́ла, подошёл к камню и приложил ладони к магическому знаку. Никакое зло не могло не то что прикоснуться, но даже приблизиться к нему. С замиранием сердца я дотронулся до холодной неровной поверхности камня, ощущая на ней принесённые ветром песчинки. Под моими пальцами в камне произошла неуловимая перемена. Я увидел — или мне это только показалось, — что зелёная инкрустация стала ярче, а сам камень немного нагрелся. Но со мной ничего не случилось, и не последовало никакого предзнаменования. Прижимая ладони к камню, я взглянул на Эфутура.

— Теперь ты убедился, что перед тобой не предатель?

Он в замешательстве смотрел на камень. Потом провёл рукой по глазам, словно стирая пелену, мешавшую смотреть.

— Не знаю, что ты за человек, Кимок, но, похоже, ты не причинишь нам вреда. Я должен был в этом убедиться, — он говорил извиняющимся тоном.

— Это твой долг.

Конечно, так оно и было, хотя недоверие Эфутура задело моё самолюбие. Он не имел права проводить в Долину того, кто мог оказаться связанным с Великой Тьмой. А что Эфутур знал о нас; троице из Эсткарпа, кроме того, что мы делали после появления в Эскоре?

Был уже вечер, когда мы подъехали к домам, оплетённым вьющимися растениями и крытым голубовато-зелёными перьями. По пути к нам присоединились люди Эфутура. Никого из тех, кто сопровождал Динзи́ля, видно не было, и я почувствовал облегчение.

Спешившись на площадке, где раньше проходил совет, мы увидели нетерпеливо ожидавшую нас толпу. Лица у всех были серьёзные, первой заговорила Дагона:

— Тут было... — она не могла подобрать слов, — что-то невообразимое. Что случилось? Вы не знаете?

— Спросите у Кимока, — коротко ответил Эфутур, и всё внимание обратилось на меня. Кайлан был явно изумлён, Каттея, стоявшая рядом с ним, слегка нахмурилась.

— Не знаю, — сказал я. — Нас чуть не взяли в три круга серые и расти. Я только произнёс слова, которые вычитал

в Лормте... Сам не пойму, как это вышло. А потом... потом...

— Последовал о т в е т, — это сказала Каттея. — Какое недомыслие — совать нос не в своё дело! Ты же не обучен колдовству!

Впервые в жизни я встретил в ней — нет, даже не то недоверие, которым недавно ошеломил меня Кайлан, — а явную неприязнь. Каттея словно закрыла от меня свои мысли, и это было необъяснимо. Может быть, ею двигало убеждение, внушённое колдуньями, будто ни один мужчина не способен овладеть тайным знанием? Но всё равно это было так не похоже на Каттею, что я не мог с этим примириться. Она отдалялась от меня, а я был слишком уязвлён, чтобы просить объяснения, и инстинктивно боялся этого: мы часто цепляемся за неопределённость, опасаясь узнать истину.

Я обратился не к сестре, а к Дагоне:

— Не сомневайтесь, такое больше не повторится. Это была случайность.

Дагона шагнула вперёд, положила руки мне на плечи и снизу заглянула в мои глаза, поскольку я был выше её. Она ответила мне не мысленно, а вслух — несомненно желая, чтобы её услышали все остальные:

— Скрытое в человеке — сила, воля или дар — проявляется, когда приходит необходимость. Ты получил о т в е т, и это потрясло всех нас: мы думали, Великие давно покинули эту землю. Но теперь благодаря тебе мы знаем, что нам необходимо считаться с ними, а это очень важно знать. Ты оказал нам сегодня огромную услугу.

Её слова разрядили всеобщее напряжение, и Кайлан спросил, каков результат наших переговоров с кроганами. Узнав о неудаче, он помрачнел; Эфутур, в свою очередь, спросил о фасах.

— Они даже не вышли на свет факелов, — ответила Дагона. — Остаётся только гадать: то ли они решили соблюдовать нейтралитет, то ли вступили в союз с врагом.

— Есть и другие вести, — сообщил Кайлан. — Дозорные на вершинах дали сигнал: из-за гор подходит ещё один отряд.

— Надо их встретить и провести сюда, — сказал Эфутур. — Я уверен, приспешники Тьмы сделают всё, чтобы помешать нам собрать войско.

Я направился к одному из местных бассейнов, чудес-

ным образом восстанавливающих силы, чтобы искупаться и переодеться в лёгкие одежды зелёных. По пути я всюду высматривал Динзиля или кого-нибудь из его сопровождения, но так никого и не увидел. Когда я вышел из воды, появился Кайлан и, сев на скамью, стал наблюдать, как я одеваюсь и застёгиваю золотистые пряжки куртки.

— Что-то Динзиля не видно, — не удержавшись, сказал я.

— Он уехал ещё до рассвета, ему многое нужно сделать, чтобы поднять горцев. Так, что же кроганы?

Брат слишком быстро сменил тему, он явно избегал разговора о Динзиле. Я рассказал ему обо всём, что видел у кроганов.

— Как ты думаешь, они для нас большая потеря? — спросил Кайлан.

— Эфутур говорит, что они могут проникать повсюду, где есть вода. Никакого оружия, кроме жезлов, я у них не видел, но и эти жезлы выглядят устрашающе. А кто поручится, что у кроганов нет другого оружия? Эфутур считает, что они всё ещё соблюдают нейтралитет. Он принял их решение без спора.

Надо сказать, это весьма озадачило меня: насколько я мог судить, у Эфутура был слишком сильный характер, чтобы встречать отпор с такой кротостью.

— Он поступил по обычаю, — сказал Кайлан. — После того, как народы, спасаясь бегством, нашли каждый своё прибежище, в отношениях между собой они всегда избегали взаимного принуждения, да вроде бы и просьб. Каждый шёл своей дорогой и не мешал другому.

— Обычай теперь никого не спасут, — возразил я и осторожно вернулся к своим расспросам. — А в какую сторону поехал Динзиль? Ты же знаешь меня, Кайлан, — разве стал бы я нагонять на тебя тоску, если бы не был уверен: нам троим грозит какая-то опасность.

Он посмотрел мне в глаза, как до этого — Дагона, и мы перешли на мысленный контакт.

— Я надеюсь, ты мне веришь, Кимок?

— Но ведь ты мне — не веришь?

— Верю и буду настороже, когда он вернётся. Но вот что я скажу тебе, брат, — не пытайся настроить против него сестру, этим ты только оттолкнёшь её.

Я стиснул кулаки, и негнущиеся пальцы побелели.

— Так вот, значит, как... — это был не вопрос, а утверждение.

— Она не скрывает своего расположения к нему. Разубеждать её бесполезно — ты восстановишь её не против него, а против себя. Она очень... изменилась.

Кайлан тоже был растерян и сбит с толку, хотя и не испытал такой боли, как я час назад, когда Каттея закрыла от меня свои мысли.

— Она незамужняя девушка. Мы же знали, что рано или поздно она посмотрит на какого-нибудь мужчину так, как никогда не смотрела на нас. И мы были к этому готовы... Но этот человек — нет! — я словно произнёс клятву, и Кайлан это понял.

Он медленно покачал головой:

— Здесь мы не властны. Все видят в нём достойного человека, и он ей нравится — это и слепой заметит. Твою неприязнь и она, и другие расценят как ревность. Нужно иметь доказательства.

Он был прав, но иногда слушать правду слишком тяжело. Так было и сейчас.

— Трудно поверить, что ты вызвал кого-то из Великих, и тебе о т в е т и л и. Нам всегда говорили, что на это способны только посвящённые. Ни один мужчина в Эсткарпе никогда не ступал на эту стезю, и Каттею трудно принять такое. Как же тебе это удалось?

— Я действительно не знаю. Эфтур крикнул, что нас хотят взять в три круга, и мы поскакали, чтобы успеть прорваться.

Я рассказал о словах, принявших вид огненных стрел, и о сокрушительном грохоте, разметавшем всех.

— Когда наша мать давала нам имена, она просила для тебя мудрости, — сказал Кайлан задумчиво. — Похоже, ты действительно знаешь нечто такое...

Я вздохнул:

— Между знанием и мудростью громадная разница, брат. Не путай одно с другим. Я воспользовался знанием и не подумал о последствиях. Конечно, это был глупый поступок...

— Не совсем. Ведь это спасло вас, разве нет? И Дагона права, теперь мы знаем, что некие силы не ушли отсюда, а всё ещё действуют. — Он вытянул перед собой руки, задумчиво разглядывая их. — Большую часть жизни я воевал, но всегда — мечом. Теперь другая война, но я не колдун, и вся моя сила по-прежнему в моих руках, в моём теле, и ни к какой другой я не прибегну.

— И я отныне — тоже!

Он покачал головой:

— Не зарекайся, Кимок. Мы не в силах заглянуть в будущее и вряд ли захотели бы, если б могли, — ведь мы не властны изменить то, чему суждено случиться. Ты сделаешь то, что тебе выпадет, и я тоже, и любой в Эскоре. Мы будем идти к победе или поражению, и каждый сыграет в этом свою собственную предопределённую ему роль.

Я прервал его невесёлые рассуждения:

— Ты же говорил как-то, что тебе приснилось, будто на этой земле снова мир и здесь расселился наш народ, разве не помнишь?

— Сны обычно расходятся с явью. Ты ведь видел ужасный сон прошлой ночью?

— Тебе Каттея рассказала?

— Да. Она считает, что этот сон навела какая-то тёмная сила, которая пыталась на тебя повлиять.

— И ты так думаешь?

Кайлан встал:

— Возможно, вы оба правы: это и предзнаменование, и происки какой-то враждебной силы. В этом краю надо держать ухо востро и быть готовым ко всему...

На следующий день с рассветом мы опять отправились в путь — мы с Кайланом, Годгар и Хорван, трое людей Эфутура и Дагона. Мы выехали в сторону западных гор встречать тех, кто шёл к нам из Эсткарпа. Над головами у нас кружили фланнаны и птицы, служившие Дагоне гонцами и разведчиками; по их сообщениям, вокруг было неспокойно. На возвышенных местах мы видели наблюдателей — некоторые казались людьми, другие — чудовищами. Был ли то враг, готовившийся к удару, или только глаза и уши более мощного противника — этого мы не знали.

Подозрительные места мы миновали в обход. Когда возле реки нам встретился небольшой лесок, Дагона, остановившись лицом к нему, поднесла два расставленных пальца к губам и плюнула через них направо и налево. Мне этот лесок показался самым обычным, не хуже и не лучше любой рощицы в Долине. — «Сколько же всевозможных ловушек подстерегает в Эскоре несведущих и неосторожных», — подумал я.

Как ни быстроноги были рентаны, только через два дня достигли мы гор. Кайлан и я, спешившись, стали подниматься навстречу эсткарпам. Нынешний подъём был не

таким сложным, как наш переход в Эскор — теперь мы уже знали этот склон и двигались более коротким и лёгким путем.

Тех, кто сейчас шёл с запада, должно быть, вело сюда стремление, зароненное в Эсткарпе Кайланом. Это были воины пограничных отрядов, и с некоторыми из них нам довелось сражаться бок о бок. Увидев нас с Кайланом, они стали в изумлении протирать глаза, как люди, пробудившиеся от глубокого сна, а потом с приветственными криками радостно устремились к нам; кто протягивал нам руки, кто хлопал по плечу, — мы не стали для них изгоями.

И снова прошлое, казавшееся таким далёким, догнало нас. Мы узнали новости из Эсткарпа: усилия, потраченные на решающий удар против армии Карстена, настолько ослабили Совет Владычиц, что он утратил безраздельную власть над страной; многие колдуньи погибли, и теперь там фактически правил Корис с Горма, давний товарищ нашего отца. Он был занят укреплением власти в стране, где иначе грозил воцариться полный хаос.

В Эскор пришёл отряд, высланный, чтобы найти нас троих: Корис всегда был нам как отец, а его жена, госпожа Лойз, стала нам даже больше матерью, чем та, что была слишком занята другими делами, чтобы предьявлять права на эту роль. Итак, если бы мы захотели вернуться, мы могли бы сделать это — изгнание наше закончилось. Но мы с Кайланом знали, что обратного пути нет, и наше место в Эскоре.

Эти эсткарпцы встречались с людьми Хорвана, и им тоже передалось стремление двигаться на восток. Теперь они жадно слушали рассказ Кайлана и, кажется, не собирались возвращаться. Судьба хорошо послужила нам, послав этих испытанных воинов под наши знамена.

Глава 4

Мы быстро преодолели спуск, но за это время солнце скрылось, и по небу поползли тучи. Обитатели Долины ждали нас внизу. Дагона рассеянно приветствовала эсткарпцев, с беспокойством поглядывая вокруг, — один за другим подлетали и улетали её крылатые гонцы.

У нас с Кайланом тоже возникло какое-то гнетущее

чувство, вызвавшее даже лёгкий озноб, но не оттого, что солнце скрылось за тучами и поднялся ветер, а от охватившего нас недоброго предчувствия, которое невозможно было побороть.

Но люди, совершившие переход через горы, устали; среди них были женщины и дети, для которых подъём и спуск оказались нелёгким испытанием. Необходимо было где-то разбить лагерь.

— Скорее в путь! — позвала Дагона, махнув рентанам. — Здесь задерживаться на ночь нельзя, мы станем лёгкой добычей для того, что скрывается во мраке.

— А что это может быть? — спросил Кайлан.

— Не знаю, оно недоступно зрению моей пернатой стаи, но я чувствую, как оно приближается.

Мы тоже это чувствовали. Даже воины, пришедшие из Эсткарпа, лишённые Дара, тревожно озирались, кольцом окружив своих женщин, надевая шлемы и застёгивая кольчужные шарфы.

— Эти люди не дотянут до Долины без отдыха, — предупредил я Дагону.

Она кивнула:

— Я знаю место, где можно разбить лагерь — жаль, это не слишком далеко отсюда, но всё-таки там лучше, чем здесь.

И Дагона повела нас. В предгрозовом освещении её волосы были серебристо-чёрными, а не золотисто-рыжими, как прежде. Всадники посадили с собой на рентанов женщин и детей. Со мной на Шиле ехала девочка-подросток с туго заплетёнными косичками под алым капюшном. Она крепко держалась за мой пояс.

— Куда мы едем, господин? — голос её был нежный, как свирель.

— Туда, куда ведёт нас госпожа, — ответил я. — Это её страна, и она знает здесь каждую тропинку. Меня зовут Кимок Трегарт, а тебя?

— Я Лоэлла из рода Мохакаров, господин Кимок. А что это за птицы летят за госпожой? Ой, да это не птица — это... это человек!

Один из фланнанов забил крыльями, зависнув в воздухе рядом с Дагоной, повернувшейся к нему.

— Это фланнан, Лоэлла. Ты никогда не слыхала о фланнах?

Я почувствовал, как она ещё крепче ухватилась за мой пояс:

— Но ведь это выдумки, господин Кимок! Няня Грен-вела говорила, что это сказки.

— В Эскоре, Лозэлла, многие сказки — быль. Держись-ка покрепче...

Мы выехали на равнину, и рентаны помчались вперёд с такой скоростью, что ни одна лошадь в Эсткарпе не смогла бы за ними угнаться. Дагона возглавляла отряд. Нависшая над нами угроза, которую мы почувствовали в предгорьях, стала почти осязаема: тучи окончательно заволокли небо, сгустились и почернели, погрузив всё в зловещий сумрак.

В этом сумраке то тут, то там появлялись тусклые огни, похожие на призрачные «свечи», маячившие на деревьях и кустах в ночь, когда колдуньи Эсткарпа заставили двигаться горы. Бледные, едва различимые в полумраке огни льнули к скалам, кустам, искривлённым деревьям. Глядя на них, я не испытывал желания приблизиться.

Наконец, мы въехали на небольшой холм и увидели огромные, грубо отёсанные менгиры — не серые, а голубоватые, и они светились. Однажды, спасаясь бегством после исчезновения Кайлана, мы с Каттеей нашли прибежище возле жертвенника из таких голубых камней.

Сюда и вела нас Дагона. Камни здесь не стояли по кругу, а были беспорядочно разбросаны, словно на этом месте разрушили некогда какое-то строение. В их голубоватом сиянии было что-то необыкновенно притягательное, и мы спешили с чувством облегчения, надеясь найти здесь спасение от грозившей опасности.

Дагона сломала с куста, росшего среди камней, ветку и, спустившись к подножию холма, принялась хлестать ею по земле. Так она обошла весь холм, словно возводя вокруг него невидимый защитный барьер. Поднимаясь обратно, она то и дело останавливалась, собирая в подобранную полу плаща листья и веточки каких-то растений.

Тем временем между двух камней развели костёр, и, вернувшись с целым ворохом зелени, Дагона принялась пригорошню за пригорошней бросать её в огонь. Повалил дым, распространявший приятный аромат, Дагона принялась раздувать его, и вскоре этим дымом заволокло весь холм.

Когда завеса рассеялась, я заметил, что тьма сгустилась. В этих неестественных сумерках «свечи» горели ярче,

но они ничего не освещали. Мне почудилось какое-то движение за холмом, которое тут же прекратилось, стоило взглянуть прямо в ту сторону.

— Против кого мы собираемся обнажить мечи, Кимок?
— ко мне подошел Ротхорф Долмейн.

— Против неизвестных существ, — что ещё я мог ответить?

Как и некоторые другие защитники границы, Ротхорф был смешанного происхождения. Его мать, беженку из Карстена, спасли салкарские моряки, и она вышла замуж за салкара. Но брак этот продлился недолго. Когда её муж, настоящий морской волк, погиб во время очередного набега на побережье Алисона, она вернулась к своим родным. У её сына были широченные плечи и светлые волосы морских бродяг Салкара, чем он заметно выделялся среди людей древней расы. Но душой Ротхорф принадлежал народу своей матери, ибо его не тянуло в море, — он любил горы. Поэтому он и подался на границу, и первый в жизни бой ещё совсем мальчишками мы приняли вместе.

— Значит, и правда это заколдованная земля... — задумчиво произнёс он.

— Да. А раньше это был благодатный мирный край, и в наших силах снова сделать его таким. Хотя потребуется немало времени...

— Чтобы очистить его? — закончил Ротхорф за меня. — А какова тактика врага? — живо поинтересовался он, возвращая меня в те дни, когда мы на границе изучали карты гор в ожидании приказа выступать.

Во мне шевельнулось опасение: пусть мои боевые товарищи не новички на войне, но та война по сравнению со сложностью и запутанностью предстоящей, казалась мне игрой. Не окажутся ли эти бывалые воины перед лицом неведомых опасностей беспомощными, как дети? Зачем мы привели их сюда? Вернувшись из Эсткарпа, Кайлан упрекал себя за то, что подвергает наших соплеменников неоправданному риску. Теперь я понял, какие чувства он испытывал тогда.

— Тактика может быть самой неожиданной, Ротхорф, — такой, о которой мы и представления не имеем.

И я рассказал ему о серых и расти, о коварстве кеплиа-на — жеребца, который чуть не погубил Кайлана, и о ловушках, расставленных здесь на каждом шагу. Ротхорф

слушал серьёзно, не подвергая сомнению правдивость моих слов, хотя многое звучало для него дико.

— Земля ожившей легенды, — наконец, произнес он. — Похоже нам придётся порыться в памяти и припомнить сказки, которые мы слышали в детстве, чтобы не попасть впросак. А далеко отсюда до этой безопасной Долины?

— Ещё день пути. Мы стягиваем туда все силы.

— И где собираетесь начать наступление?

Я покачал головой:

— Ещё неизвестно. Надо собрать под наши знамена всех, кто пока остаётся в стороне.

Ночной мрак окутал землю раньше обычного, и мы расставили сторожевые посты. Низкие тяжёлые тучи, казалось, вот-вот разразятся бурей. Начался дождь. Холмы озарялись яркими вспышками, которые сопровождались треском, словно хлопали боевые кнуты зелёных, но это были молнии. Даже в том, как буря медлила обрушиться на нас, чудилось что-то зловещее.

Кайлану, как и мне, было не до сна, и мы решили обойти развалины, среди которых укрылись наши люди, и проверить, нет ли каких-нибудь подозрительных перемен за пределами, очерченными Дагоной. Вот так же когда-то мы обходили дозором стены города Эса.

Владычица Зелёной Долины сидела у костра в окружении женщин и детей — на этом островке безмятежности виднелись улыбавшиеся лица и слышался тихий смех. На коленях у Дагоны примостилась Лоэлла; девочка, не отрываясь, смотрела в лицо Владычице и слушала её так, как истомлённый жаждой ребёнок пьёт чистую прозрачную воду из журчащего родника.

В развалинах был такой родник, бывший посреди подёрнутого илом каменного бассейна, похожего на чашу разрушенного временем фонтана.

Наш походный ужин давно уже закончился, и сидевшие вокруг костра стали укладываться спать, заворачиваясь в плащи. Буря всё ещё не начиналась, но тучи по-прежнему нависали над нами. Ко мне подошёл Годгар. Я стоял у торчащего из земли огромного камня, вглядываясь в темноту. Бледное мерцание «свечей» казалось ещё более обманчивым. Я старался не смотреть на них, но они так и притягивали взгляд, и я, с трудом поборов себя, отвернулся.

— Что-то здесь затевается, — произнёс Годгар. — Нет, не буря. Может, это и хорошая оборонительная позиция, но не хотел бы я, чтобы нам пришлось защищаться.

— Ничего не поделаешь, ехать дальше в темноте нельзя, — ответил я.

— Да, верно... Э, что это там такое? Иди-ка сюда, смотри.

Я подошёл вслед за ним к бассейну, где журчал родник. Опустившись на колено, Годгар показывал на противоположную сторону каменной чаши. При свете костра я увидел, что стенка её в этом месте явно когда-то была разрушена, а потом наспех восстановлена при помощи камней, оказавшихся под рукой. Но они хорошо служили своей цели: течи не было. Я не понимал, почему это привлекло внимание Годгара, и вопросительно посмотрел на него.

— Похоже, это сделано неспроста, — произнёс он.

— Но зачем?

Вместо ответа он подал мне знак, чтобы я обошёл бассейн. Там я увидел каменную плиту, наполовину засыпанную землёй и поросшую травой; рядом виднелись остатки площадки, выложенной такими же плитами. Годгар откопал плиту охотничьим ножом, и между ней и площадкой обнаружил провал.

— Сюда, как видно, выпускали воду.

— Для чего?

— Не знаю. Но это, наверное, было важно для тех, кто это делал. Пролом в стене бассейна пробили второпях и заделали на время, чтобы снова можно было разобрать.

— Да какое это имеет значение для нас? — спросил я нетерпеливо.

— Я уже говорил, не знаю. Но в нашем положении надо учитывать всё странное и непонятное. И...

Неожиданно Годгар замолчал. Он стоял на коленях, опираясь на каменную плиту, и теперь смотрел на неё широко раскрытыми глазами. Затем он бросился на землю и припал ухом к каменной плите.

— Слушай! — махнул он мне.

Я последовал его примеру и, растянувшись на земле, тоже прижался ухом к плите.

Снизу доносился странный вибрирующий звук. Убедившись, что нам это не кажется, я позвал Кайлана, а он — Дагону.

— Может быть, фасы... — предположила Дагона.

Она опустилась на колени, кончиками пальцев касаясь

плиты, и закрыла глаза, словно призывая на помощь иное зрение, потом медленно покачала головой:

— Под землёй — другой мир, не мой. Но вот что я скажу: что-то надвигается на нас снизу. Судьба благосклонна к нам, она посылает предостережение. Не думала я, что фасы примкнут к врагу. Хотя, может быть, они просто любопытствуют, но зачем тогда... — она покачала головой, — подкрадываться тайком — союзники так себя не ведут и на нейтралитет это не похоже.

— А как же твой защитный барьер?

— Он защищает от тех, кто приближается по земле, а не под землёй. Смотрите, эта плита отличается от других. — Бассейн... — я поднялся на ноги. — Годгар считает, что воду использовали однажды, чтобы отразить нападение снизу. Почему бы и нам не сделать то же самое?

— Если со стороны фасов это просто любопытство, тогда мы только зря настроим их против себя. Оставим эту идею про запас. Давайте-ка получше рассмотрим водяную западную, — предложила Дагона.

Она вынула из костра горящую головню и поднесла её к камням, закрывавшим брешь в стенке бассейна. Я убедился, что Годгар прав: раньше тут было пробито отверстие, чтобы дать выход воде, и заделан проём был не слишком основательно.

— Если ударить вот здесь и здесь, — сказал Годгар, — камни подадутся.

Мы снова подошли к плите. На этот раз под ней не было слышно никакого движения, но тревога, овладевшая мной, ещё когда мы спустились с гор, усиливалась.

— А что, если чем-нибудь как следует придавить плиту? — спросил Кайлан.

— Не знаю. У каждого свои возможности: у нас — в растительном мире, у кроганов — под водой, а фасы многое могут под землёй. — Дагона подняла головню и посмотрела туда, где спали женщины и дети. — Надо быть начеку. Держись подальше от стоящих камней, они могут опрокинуться.

Годгар, сидя на корточках, по-прежнему держал руки на каменной плите. Когда Дагона вернулась к спящим, он неожиданно вскрикнул, и мы с Кайланом тоже закричали: земля под нами зашевелилась, уходя из-под ног. Я ухватился за один из голубых камней, земля засыпала мне

ноги. В лагере раздался грохот, треск, и я увидел, как по склону ползут и катятся камни.

Что-то рухнуло в костёр, разбрасывая горящие головёшки и искры. Слышались пронзительные крики. Я держался за камень, пытаясь нащупать ногами опору, но земля забилась и волновалась, как вода в озере кроганов.

Кайлан пытался воткнуть в движущуюся землю меч, чтобы подтянуться. Я последовал его примеру, надеясь продвинуться в сторону лагеря.

— Эй, сюда! — крикнул Годгар.

Его окружили, бешено атакуя, какие-то маленькие сутливые твари. Я взмахнул мечом и стал рубить наугад, чувствуя, как сталь кромсает чьи-то тела. Потом я увидел, что Годгар, споткнувшись, упал, и эти твари стремительно набросились на него; он отбивался, пытаясь подняться, и я наносил по ним удар за ударом, раскидывая их в разные стороны. Вокруг нас сверкали зловещие красные точки, и я понял, что это глаза, но какие лица могли быть у обладателей таких глаз, трудно было себе представить.

Годгар ухватился за меня, и я покалеченной рукой помог ему встать.

— Бассейн... надо пробить стенку... затопить их... — он шатаясь, двинулся вперёд и, дойдя до бассейна, распластался возле него, нащупывая камни, закрывающие пролом. Прокладывая себе путь через толпу маленьких визжащих творей, я слышал резкий стук. Ноги и бёдра саднило; на спину мне прыгнуло маленькое существо, пытаясь меня опрокинуть. Страхнув его, я добрался до Годгара и стал ему помогать.

Мы работали в темноте, отбиваясь от мерзко пахнущих существ, вылезших из-под земли, и, наконец, после удачного удара расшатали самый большой камень из преграждавших путь воде. Наружу вырвался бурлящий поток — я не ожидал, что в бассейне, где журчал маленький родник, таится такая сила.

Визг невидимых врагов перешёл в вопль, словно воды они боялись больше, чем стали и огня. Пронзительно крича, они бросились врассыпную, а вода, прибывая и плескаясь вокруг, уже неслась с силой речного потока. Из бассейна устремлялось воды больше, чем когда-либо в нём помещалось.

Годгар закричал, пытаясь оттащить меня в сторону. Я

оглянулся: светящийся голубой столб воды поднимался всё выше и обрушивался вниз с нарастающей силой. Этот мощный фонтан не имел ничего общего со струйкой, которая не так давно журчала в бассейне.

Поток подхватывал маленьких косматых тварей, вертел их и нёс к той дыре, откуда они, должно быть, явились. Разбушевавшаяся вода отыскала плиту Годгара, вернее, тёмную яму в земле, которая до этого была закрыта плитой, и устремилась в неё сокрушительным водопадом.

Спотыкаясь, мы с Годгаром отступили назад. Бурлящий поток отрезал нас от лагеря; шум воды заглушал всё. Что-то, кружившее в водовороте, вцепилось мне в ногу, чуть не повалив меня. Я инстинктивно нанёс удар, чтобы освободиться, но бедро уже пронзила жгучая боль, и у меня вырвался отчаянный крик.

Я не мог опираться на раненную ногу и привалился к одному из голубых камней, пытаясь на ощупь определить в темноте величину раны. Но рваная рана была настолько болезненной, что я не мог вытерпеть прикосновения собственных пальцев. Я из последних сил старался не упасть, рядом тяжело дышал Годгар, а вода всё прибывала и прибывала из этого, казалось, неистощимого источника. На нашей стороне потока верещававших тварей уже не осталось, на противоположной же — снова вспыхнул костёр и стали видны люди и блеск мечей. У самого края воды неподвижно лежало какое-то существо — лицом вверх, устремив на меня невидящие глаза.

Я услышал крик Годгара, но не смог отозваться, боясь даже от небольшого усилия потерять сознание. Рана в бедре причиняла невыносимую боль.

Мёртвое существо, лежавшее у воды, было маленьким и уродливым; его тощие, покрытые жёсткими волосами конечности — подобие рук и ног — напоминали мохнатые корни. Тело, толстое и обрюзгшее, серовато-белое, бледнело у меня на глазах. Жёсткие волосы покрывали его пучками — такого я ещё никогда не видел ни у людей, ни у животных.

Шеи почти не было — голова, казалось, росла прямо из широких покатых плеч. Нижняя челюсть и маленький острый подбородок сильно выдавались вперёд, вместо носа было небольшое возвышение с двумя отверстиями, глаза сидели неестественно глубоко. Одежды на этом

существо не было, я мог бы принять его за зверя, если бы не чувствовал, что передо мной более чем животное.

— Кто это? — спросил Годгар.

— Не знаю, — ответил я, понимая только, что это один из прислужников зла, вроде серых и расти.

— Смотри! — сказал Годгар. — Вода...

Столб воды, ещё недавно такой высокий и мощный, теперь всё уменьшался, а поток, отделявший нас от костра, становился всё уже.

Я наблюдал за этим, не в силах даже обрадоваться, поскольку чувствовал, что вот-вот упаду и наверное больше не смогу подняться. А поток уже превращался в ручей, ручей — в тонкую струйку.

— Кимок! — кто-то у костра звал меня.

Я попытался ответить, но не смог. За меня отозвался Годгар, к нам устремились люди. Я упал на руки Кайлану и провалился во мрак беспамятства, поглотившего боль.

Когда я очнулся, надо мной совещались Дагона и брат. С каким-то тупым безразличием я узнал, что укусы фасов — а напали на нас именно они — ядовиты, и что Дагона своими травами может на время облегчить боль, но вылечить меня в таких условиях нельзя.

Я оказался не единственным раненным: были пострадавшие от падений камней и ещё несколько укушенных фасами. Но мой случай был самым тяжёлым и мог задержать нас в пути.

Кайлан сказал, что останется со мной, пока не пришло время помощи, но по глазам Дагоны я понял, что оставаться нам слишком рискованно. Пребывая в дремотном состоянии под воздействием её снадобий, я не боялся ехать. Я знал: хотя, благодаря таинственному наводнению, фасам и пришлось отступить, вряд ли эта их вылазка будет последней, и быть отрезанными от Долины означало оказаться в ловушке.

— Привяжите меня к Шилу, — кое-как выговорил я, слыша свой голос как будто издалека. — Мы едем... иначе погибнем... надо ехать...

Дагона заглянула мне в глаза:

— Ты действительно этого хочешь, Кимок?

— Да.

На рассвете мы выехали; меня, как я и просил, привязали к Шилу. Дагона дала мне какие-то листья, велев их жевать. Кисловато-горький сок растения притуплял боль;

она не исчезла совсем, но уже не причиняла невыносимых мучений.

Над нами по-прежнему нависали тяжёлые грозовые тучи. Я ехал словно в полусне, видя окружающее то как в тумане, то совершенно отчётливо, а порой вовсе погружался в забытие.

Мы достигли реки, и тут я внезапно ощутил мысленный удар, такой сильный и враждебный, что задохнулся и едва удержал равновесие на спине у Шила. Рентан издал душераздирающий вопль и очертя голову ринулся вниз по крутому берегу — он был неуправляем. Позади слышались крики и топот копыт.

Словно спасаясь от погони, Шил бросился в реку. Надо мной сомкнулась вода, я стал отчаянно биться, пытаюсь сбросить путы, державшие меня на спине обезумевшего рентана, уходящего всё глубже под воду.

Наконец, верёвки ослабли, я вырвался и вынырнул на поверхность, задыхаясь, ловя ртом воздух. Плавал я хорошо — меня учил плавать Откелл, салкар, изуродованный в морских сражениях, которого приставил к нам наш отец. Но раненая левая нога не слушалась. Всё ещё задыхаясь, я подплыл к выступавшему из воды валуну и из последних сил ухватился за него. Весь туман улетучился у меня из головы, боль вернулась, лишая сил; меня вот-вот могло оторвать от камня течением.

Вдруг кто-то обхватил меня сзади. Кайлан! Я хотел произнести его имя, но не смог. Тогда я позвал брата мысленно... Никакого ответа!

Кто-то крепко вцепился в меня и стаскивал в воду. Я закричал, вырываясь и тщетно пытаюсь повернуться, чтобы увидеть, кто это. Но меня уже тащили прочь от спасительного камня, в противоположную от берега сторону.

Голова моя едва высывалась из воды, я увидел на берегу Кайлана, который, сидя верхом на Шабрине, искал меня взглядом. Казалось, он смотрит прямо на меня, но я понял, что он меня не видит. В отчаянии я снова хотел позвать брата, но ни звука не сорвалось с моих губ. Я попробовал мысленно призвать его и словно наткнулся на высокую сплошную стену.

Кайлан пустил Шабрину вдоль берега, продолжая искать меня, хотя я был на виду. Меня тащили всё дальше и дальше, прочь от брата и остальных. Я увидел, как Шил,

выйдя из воды, вскарабкался по берегу и встал с опущенной головой. Потом все они исчезли за поворотом реки, и я потерял последнюю надежду на спасение.

Глава 5

Меня больше не уносило стремительное течение — я лежал распростёртый на твёрдой сухой поверхности. Я не сразу открыл глаза, повинуясь первобытному инстинкту узнать как можно больше с помощью других чувств, не обнаруживая признаков жизни. Боль в бедре усилилась.

Дул ветер, и меня начало трясти от холода. Ощупав поверхность перед собой, я понял, что лежу на песке. Невдалеке слышался плеск воды, а над головой глухо завывал, как в голых ветвях, ветер. Больше я ничего не смог уловить и открыл глаза.

Тяжёлые тучи по-прежнему превращали день в сумерки. Надо мной в мрачном небе застыл корявый сухой сук, словно унылый памятник давно умершему дереву. Я попробовал приподняться, но голова закружилась, и всё поплыло перед глазами. Чувствуя, как к горлу подступает тошнота, я повернулся, тело моё напряглось, и изо рта хлынул поток воды.

Отдышавшись, я снова с отчаянной решимостью попытался приподняться. Борясь с новым приступом тошноты, я осторожно повернул голову, огляделся вокруг и увидел, что лежу в двух шагах от воды. Справа громоздились валуны, между которыми застряли побелевшие палки и обломки тростника — плавник, принесённый давним паводком.

Шлем и меч я потерял. Повязка, наложенная Дагоной, ослабла и вся пропиталась кровью. Рядом не было ни души. Тот, кто утащил меня по реке от брата и товарищей, не утопил меня, но обреч, может быть, на ещё более жестокую участь: рана лишала меня возможности передвигаться, и я не мог надеяться на спасение.

Но мы, эскарпцы, упрямый народ. Да и мой отец никогда не смирялся под ударами судьбы. Преодолевая боль, я подтянулся к валуну, обливаясь потом, заставил себя подняться на ноги и всем телом навалился на камень. Теперь я мог полностью оценить обстановку: положение моё было безнадёжно.

Я находился не на берегу, а на островке посреди реки, который, судя по всему, временами полностью заливало

водой. На нём не было никакой растительности: только песок и камни. Я вспомнил островок, на котором мы нашли прибежище, когда Каттея отправила посланника в прошлое Эскора. Но тогда я был цел и невредим, и, к тому же, в нашем триединстве ещё не появилось трещины.

Оба берега реки были обрывистые, течение — быстрое. Если бы не моя рана, я бы скинул кольчугу и пустился вплавь, но с больной ногой я был совершенно беспомощным.

Привалившись к валуну, я попытался покрепче затянуть повязку. Едва прикоснувшись к ней, я вздрогнул от боли и заскрипел зубами, но сделал всё, что мог. По-прежнему порывами налетал холодный ветер — на смену затянувшемуся лету надвигалась осень. Развести бы костёр! В поясной сумке у меня был кремёнь, но огонь мог привлечь внимание врага.

Я медленно обвёл взглядом берега и реку. За моим островком виднелся другой, побольше, местами покрытый зеленью. Я подумал, что хорошо было бы добраться до него, но понял, что не смогу бороться с течением.

Разве что... Я посмотрел на кучи застрявшего среди валунов плавника. Что, если попробовать сделать плот? Нет, не плот, конечно, хотя бы опору, чтобы, держась за неё, довериться течению в надежде, что удастся прибиться к берегу.

А что потом? Безоружный, способный только ползти, я стану лёгкой добычей для серых, расти или другой нечисти, бродящей в этих краях.

Но другого выхода не было, я нагнулся как можно ниже, стараясь не потерять неустойчивое равновесие, и попробовал подтянуть к себе плавник. Мой улов был слишком ничтожен — мелкие палки и прутья, настолько истёртые водой и пересохшие, что они легко ломались. Одна палка оказалась подлиннее и потолще, и я попробовал, опираясь на неё, продвинуться вперёд, прыгая на одной ноге. Боль и напряжение при этом были так велики, что после каждого «шага» приходилось отдыхать, обливаясь холодным потом и борясь с головокружением. Песчаная полоса оказалась слишком узкой, дальше идти было некуда — остальную часть островка покрывали валуны, и я не решился карабкаться через них.

С большими усилиями я всё же натаскал и набросал

кучу плавника и опустился на песок рядом с ней. Связать всё это вместе было для меня задачей не из лёгких. Если бы при мне остался нож, я мог бы нарезать полосы из своей одежды. Однако нож я тоже потерял, а на островке не было никакой растительности, с помощью которой можно было бы связать плавник.

Я решил снять надетую под кольчугу кожаную куртку и использовать её как мешок, набив сухим плавником. Но будет ли он держать меня? И будет ли вообще держаться на плаву?

Мысли в голове путались: как в полузабытьи цеплялся я за свой план, не очень-то веря, что смогу его осуществить. Меня мучала жажда. Я медленно прополз туда, где плескала в гальку вода, и, зачерпнув пригоршню, поднёс её к губам. Я пил жадно, горсть за горстью, затем плеснул себе в лицо и, проведя по нему ладонью, почувствовал, как оно горит, и подумал, что у меня, должно быть, жар.

Я принялся стаскивать с себя кольчугу, путаясь в ней, и мне пришлось несколько раз отдыхать, прежде чем удалось её снять. Теперь мне было уже не холодно, а жарко — так жарко, что я хотел тут же ринуться в блаженную прохладу реки...

Зачем я снял кольчугу?.. Что собирался делать?.. Я сидел, глядя на кучу металлических колец, лежавшую у меня на коленях, и пытался вспомнить, почему мне так необходимо было раздеться.

Куртка... Я дёргал её за ремешки. Надо снять её... Но теперь малейшее движение давалось с таким трудом, что я задыхался после каждой попытки.

Пить... воды... воды...

Я снова подполз, обдирая о гальку руки, к реке и хотел было зачерпнуть воды...

Прямо передо мной появилась чудовищная пасть — огромная, зубастая, и она разинулась, готовая поглотить меня. Я видел только пасть и зубы. Рванувшись назад, я подвернул раненную ногу и потерял сознание от боли...

— ...Очнись!

— Кайлан?

— Очнись! Дусса, помоги! Сделай что-нибудь, чтобы он пришёл в себя!

Я почувствовал на лице прохладную влагу. Кто-то разговаривал со мной — не вслух, а мысленно.

— Кайлан?

— Очнись же! Очнись, если ты жив!

Нет, это не Кайлан и не Каттея. Я не узнавал этого голоса, тонкого, пронзительного, от которого появлялась резь в мозгу, как от иных звуков режет уши. Хотелось спрятаться от этого голоса, но он не отставал:

— Очнись!

Я открыл глаза, ожидая почему-то, что увижу то речное чудовище, но вместо него передо мной оказалось женское лицо — бледное, обрамлённое серебристой пеленой волос.

— Очнись! — чьи-то руки трясли меня за плечи, пытаюсь приподнять.

— Что?... Кто это?..

Она всё оглядывалась, словно тоже боялась чудовища, испугавшего меня. Она была явно встревожена, но мной владело полное безразличие, и, снова посмотрев на меня, она нахмурилась. Её мысли, как ножи, вонзались в мой измученный головокругением мозг.

«У нас мало времени. Они заключили сделку: ты — обещанная плата! Ты что, хочешь попасть к т е м?»

Я заморгал. Её настойчивые мысленные призывы всколыхнули во мне инстинкт самосохранения, который спасает человека даже когда отказывается служить разум. Она пыталась тащить меня к реке, и я медленно пополз. Но, опомнившись, остановился, и начал сопротивляться её усилиям:

— Там... там что-то...

В отчаянии она ещё крепче обхватила меня:

— Не бойся, он послушный. Скорее! За тобой могут прийти.

Её решимость сломила моё слабое сопротивление, я пополз дальше и вскоре уже барахтался в воде.

— На спину... перевернись на спину, — велела она.

Сам не знаю, как я оказался на спине, и меня снова потащили вниз по течению, на этот раз — осторожно поддерживая мою голову над водой... Моя спутница использовала течение, чтобы ускорить наше бегство. Да, это было именно бегство — в воде сознание моё прояснилось настолько, что я стал понимать: нам грозит какая-то опасность.

Начался ливень, он неистово хлестал по поверхности воды — тучи, так долго таившие в себе угрозу, наконец расставались со своей ношей. Дождь заливал мне лицо, я закрыл глаза и почувствовал, что тревога моей спутницы усилилась.

— Надо... надо выбраться на берег... пока вода не поднялась... - уловил я её торопливую мысль.

Потом она издала мысленный сигнал такой высоты, что я не смог его воспринять. Но вскоре последовал внезапный взрыв облегчения. Наконец, она приказала:

— Теперь уходим под воду. Вдохни как можно больше воздуха и удержи дыхание.

На мой протест она не обратила никакого внимания, и мне ничего не оставалось, как подчиниться. Внезапно стало темно. Должно быть, мы не просто погрузились под воду, но очутились в какой-то подводной пещере. Человеку вообще свойственно испытывать страх перед неизвестностью, а во мне этот страх удесят�ерялся моей беспомощностью. Понимает ли она, что мне нужен воздух... воздух... с е й ч а с ж е!..

Потом вдруг моё лицо вынырнуло на поверхность, я опять смог дышать и стал жадно глотать воздух, ощущая запах какого-то животного, словно мы попали в чью-то нору, хотя вокруг плескалась вода. Несмотря на темноту, моя спутница уверенно двигалась вперёд.

— Где мы?

— В подземном коридоре, он ведёт в жилище асптов. Ага, вот здесь надо ползти. Держись за мой пояс...

Перевернуться со спины, да ещё в тесном коридоре, было не так-то просто. Её руки поддерживали и направляли меня, помогая нащупать пояс, утыканный остроконечными ракушками. Мы выползли в большую круглую пещеру, откуда-то сверху струился призрачный свет.

Пол был устлан сухим тростником и листьями, а стены и своды покрыты ровном слоем затвердевшего ила. Наверху виднелись небольшие сквозные отверстия, но, несмотря на это, воздух был насыщен всё тем же запахом. Свет шёл также от каких-то сухих растений, тут и там торчавших из стен и излучавших бледное таинственное свечение.

Мы были в пещере не одни. У противоположной стены сидело крупное мохнатое существо. Если бы оно встало на задние лапы, то оказалось бы мне по плечо. На его круглой голове я не заметил ушей, в глаза бросался широкий рот с выступавшими наружу зубами; сильные лапы оканчивались длинными тяжёлыми клешнями. Если бы я встретил его при других обстоятельствах, то смотрел бы на него с опаской. Существо расчёсывало клешнями шерсть, глядя на мою спутницу. Я был уверен, что они

мысленно переговариваются, хотя и не мог ничего уловить.

Моей спутницей была Орсия, но почему она забрала меня с острова и от какой опасности мы бежали, я не знал. Мохнатый обитатель пещеры, переваливаясь, направился к дыре в стене и, скользя туда, исчез. Орсия повернулась ко мне.

— Дай-ка, я посмотрю твою рану, — это была не просьба, а приказание, и я подчинился. Боль терзала меня по-прежнему, и я не знал, сколько ещё смогу терпеть.

Вынув нож, Орсия распоролла мне штанину, осторожно разрешила повязку — должно быть, она хорошо видела в полумраке — и внимательно осмотрела рану.

— Лучше, чем я думала. Та женщина из Долины знает толк в травах. Яд не проник глубже. Посмотрим, что тут можно сделать.

Я приподнялся на локтях, наблюдая за ней, но она, слегка надавив ладонью мне на грудь, снова уложила меня:

— Не двигайся! Я сейчас вернусь.

Орсия проползла в ту же брешь, где скрылось животное, и я остался один. Голова кружилась, боль прожигала бедро огнём.

Время тянулось томительно. Я собрал всю свою волю, чтобы вынести это ожидание, но чувствовал: ещё немного и от сильного жара потеряю сознание.

Наконец, Орсия вернулась и снова склонилась надо мной. Едва она прикоснулась к ране, я задохнулся от боли. Открыв большую плоскую раковину, Орсия стала обмывать мне бедро чем-то мягким и влажным. Успокаивающая прохлада разлилась по ране, лишая её чувствительности. Трижды обмывала Орсия бедро, каждый раз ожидая, пока подсохнет предыдущий слой, а затем наклеила сверху большие широкие листья.

Покончив с этим, она приподняла мою отяжелевшую голову и сунула мне в рот какие-то шарики, велев жевать их; они лопнули, наполняя рот горьковато-солёной жидкостью.

— Глотай! — приказала Орсия.

Преодолев отвращение, я проглотил тошнотворную жидкость, от которой запершило в горле, и Орсия, дав запить это водой из раковины-чаши, подложила мне под голову ворох тростника, который сгребла с пола.

Последнее, что я запомнил, засыпая: Орсия сидит у противоположной стены, поджав под себя ноги, держа в ладонях какой-то источник мерцающего света, рассеивающегося по стенам.

Проснулся я с ясной головой, боль в ране почти утихла. В пещере никого не было, и мне неожиданно захотелось наружу — на свежий воздух, где нет запаха этого животного — так захотелось, что будь при мне мой меч, я начал бы рубить и кромсать стены, державшие меня взаперти.

Попытавшись сесть, я обнаружил, что повязка, наложенная Орсией стала твёрдой, как камень, и настолько отяжелела, что приковала меня к месту, словно кандалы. Я встревожился, но тут Орсия вползла в пещеру, неся что-то в сетке из водорослей.

Она окинула меня оценивающим взглядом:

— Хорошо. Яд вышел из раны. Теперь тебе надо поесть, чтобы набраться сил: опасность крадётся за тобой по пятам.

Она стала вынимать из сетки небольшие свёрточки — что-то завернутое в листья. Поесть? Да, я слишком долго ничего не ел и проголодался. Мне не терпелось поскорее узнать, что же в этих свёрточках.

Там оказались кусочки белого мяса, должно быть, сырого. Орсия посыпала их чем-то вроде цветочной пыльцы. Приготовясь снова бороться с отвращением, я положил в рот первый кусок, но обнаружил, что это даже вкусно, и принялся с аппетитом есть. В других свёрточках были какие-то очищенные корни, пряные, слегка обжигавшие язык.

Когда я поел, Орсия свернула и убрала сеть:

— Теперь можно поговорить, чужеземец. Повторяю: тебе грозит опасность, во всяком случае — за пределами этих стен. Долина отсюда далеко. Твои друзья думают, что тебя нет в живых.

— Как я попал на остров?

Достав гребень, она стала с явным удовольствием расчёсывать, разделив на прямой пробор, свои тонкие и лёгкие, как паутинка, волосы:

— Они послали Оборо, чтобы схватить тебя или ещё кого-нибудь из вас. Круганы — как вы зовёте мой народ — очень напуганы, они считают, что вы накликали беду, и очень злы на вас. Мы не собираемся ни к кому примы-

кать, мы сами по себе. Ты и Эфутур приходили к Ориасу просить помощи. Но до вас приходили другие — более могущественные. Когда вы ушли, они прислали к нам таких гонцов, что мы не осмелились им перечить. Нам не нужны никакие ваши войны. Не нужны, понимаешь?! — прозвенел у меня в мозгу её мысленный крик. — Дайте нам спокойно жить в наших озерах и реках. Оставьте нас в покое!

— Но ведь Оборю похитил меня...

Орсия не отвечала, поглощённая распутыванием длинной пряди волос, словно в мире не было ничего важнее её занятия, но я понял, что она просто прячется за ним, как укрываются от непогоды под развесистым деревом.

— Вы призвали воду на помощь в борьбе с фасами — воспользовались древним оружием, которое кроганы создали когда-то для властелина, давно уже почившего. Теперь фасы и те, кто их послал, обвиняют мой народ в тайном сговоре с вами и наблюдают за нами, они потребовали дань...

— Но зачем схватили меня?

— Ты один из чужеземцев, которые нарушили равновесие, ты помог выпустить воду. Раненный — ты был лёгкой добычей, — ответила Орсия без обиняков.

Вдруг я поймал себя на том, что наблюдаю за движениями её гребня с величайшим вниманием, как завороченный, мне стало не по себе. С трудом — и это ещё больше насторожило меня — я отвёл глаза и уставился на своды пещеры у неё над головой.

— Значит, Оборю решил, что я лёгкая добыча...

— Ориас велел при первой же возможности захватить одного из вас, чтобы жертвой умиловить тех и заключить с ними выгодную сделку — освободиться от их надзора.

— Но если это так важно для вас, почему же ты спасаешь меня?

Её гребень замер.

— Потому что Ориас затеял опасное дело. Может случиться ещё большая беда. Правда ли что ты п о з в а л и кто-то из Великих о т в е т и л?

— Откуда... откуда ты знаешь?

— Разве ты забыл, кто мы, чужеземец? Когда-то очень давно наши предки были одной крови с вами. Но они

выбрали другой путь, а мы появились под влиянием тайных сил, которыми управляли Великие. Так что, когда кто-то из Великих начинает действовать, мы все знаем об этом, и если тебе ответят, ты сможешь навлечь на нас больше зло, чем т е.

— Но Ориас так не думает?

— Ориас верит в то, что ему сказали: будто ты просто случайно столкнулся с какой-то тайной силой, которая поколебала давно закрытые Врата. Его убедили также, что лучше отдать тебя тем, кто вырвет у тебя этот ключ.

— Нет!

— И я говорю так, чужеземец.

— Меня зовут Кимок.

В первый раз она улыбнулась:

— Ну вот, Кимок, я бы предпочла, чтобы твоё знание послужило живущим в Долине, а не кому-то другому, поэтому и забрала тебя с острова.

— А где мы сейчас? — огляделся я вокруг.

— В зимнем жилище асптов. Они обитают в реках и слушаются нас, если с ними хорошо обращаться. Однако, Кимок, время идёт, и тёмные силы не бездействуют. По слухам, Долину скоро возьмут в осаду, тогда ты не сможешь перебраться туда по суше.

Я похлопал по отвердевшей повязке:

— И сколько же времени мне ещё здесь сидеть?

Орсия снова улыбнулась и отложила гребень:

— Не дольше, чем потребуется, чтобы снять это.

С помощью ножа и камня она сколола панцирь, скрывавший мою ногу. Я подумал, что состоял он, должно быть, из той же целебной глины, которая спасла от верной смерти моего брата. Когда отпали последние черепки, раны под ними не оказалось — только свежезатянувшийся рубец. Я мог свободно двигать ногой.

Орсия вывела меня по подводному коридору наружу, и мы укрылись в зарослях тростника. Стояло раннее утро, и над рекой стлался туман. Втягивая в себя воздух, Орсия словно принималась к чему-то, недоступному моим ощущениям.

— День будет ясный, — сообщила она. — Это хорошо... Облака и тучи благоприятствуют Тьме, солнце — враг наших врагов.

— Как мне теперь добираться?

— Н а м, Кимок. Отпустить тебя одного, чтобы ты вслепую пробирался по этой земле, значит, обречь тебя на верную гибель. Мы будем добираться по воде.

И мы поплыли — сначала вниз по реке, а потом свернули в какой-то приток и направились на юг против течения. Залитые солнцем берега, казалось, дышали безмятежным покоем, но я внимательно следил за Орсией — не подаст ли она знак об опасности. Один раз нам пришлось затаиться под водой на неглубокой отмели в тростниковых зарослях, и я дышал через стебель тростника, пока в двух шагах от нас, ворча, лакали воду несколько серых.

Я не мог непрерывно находиться по водой, как Орсия, и в пути ей приходилось всё время ко мне принаравливаться. Одна она наверняка двигалась бы раза в три быстрее. На ночь мы укрылись в чьей-то заброшенной норе, вырытой в береговом склоне.

Орсия рассказала мне о себе. Оказалось, она дочь старшей сестры Ориаса, и по законам кроганов приходится ему более близкой родственницей, чем его собственные дети. Она всегда была любознательнее и смелее, чем большинство её сверстников, и часто ускользала из дома, исследуя такие места, куда не отваживались отправиться и мужчины-кроганы. Немало удивительного обнаружила она в горах. Теперь Орсия очень жалела, что из-за начавшейся войны ей пришлось отказаться от своих путешествий. Вспомнив о войне, она замолчала и через некоторое время, свернувшись калачиком, уснула.

Утром мы продолжили путь, но речка становилась всё мельче, и вскоре оказалось, что плыть дальше невозможно. Орсия махнула рукой в сторону видневшихся впереди скал:

— Вон та вершина послужит тебе ориентиром, Кимок. Если ты поторопишься и будешь осторожен, то доберёшься до своей Долины к заходу солнца. Мне нельзя долго без воды, нам придётся расстаться здесь.

Я хотел поблагодарить её за спасение, но от избытка чувств не мог найти нужных слов. Орсия опять улыбнулась, помахав мне, и, нырнув, исчезла под водой, а я так и не успел ей толком ничего сказать.

Повернувшись, я зашагал в сторону скал.

Глава 6

Крылатые дозорные Долины заметили меня задолго до того, как я увидел их: откуда ни возьмись ко мне спикировал фланнан и улетел, хлопая крыльями. Я вошёл в Долину не по известной мне дороге, а через узкий проход между двух камней. Наверное, это был какой-то заброшенный вход во владения зелёных, так как и здесь на камнях были высечены магические знаки. Один из ящеров, нёсших дозор в скалах, вглядывался в меня сверху изумрудными глазами.

— Кимок!

Ко мне бежал Кайлан. Он обнял меня, наши мысли и взгляды встретились, мы опять были едины.

Меня повели к зелёным домам, на ходу засыпая вопросами. Моё возвращение восприняли как великий праздник, но, слушая мой рассказ о враждебности кроганов, люди мрачнели.

— Плохие вести! — Дагона, наполнявшая чашу гостеприимства, опустила сосуд с вином на стол, словно увидев нечто зловещее. — Если кроганы встанут на сторону врага... С водной стихией тягаться тяжело... Но кто те Великие, которых Ориас так боится, что пытается любой ценой купить их расположение? Ведь кроганы не из робких, и раньше они были с нами в хороших отношениях... Что, если попробовать выяснить это с помощью сил?..

Эфтур отрицательно покачал головой:

— Пока не надо — только если убедимся, что иначе не узнать. Не забывай, тот, кто ищет, сам может быть обнаружен, и сила на другой стороне может оказаться не меньшей, если не большей.

Оглядевшись, я не увидел Каттеи. Где сестра? Я вопросительно посмотрел на Кайлана. Неужели она избегает меня?

Но Кайлан, уловив мою тревогу, успокоил:

— Ещё вчера мы думали, что тебя нет в живых, и она отправилась на восток; там на окраине Долины есть место, где можно войти в соприкосновение с некими силами, и Каттея хотела с помощью своих колдовских познаний узнать твою судьбу. Сестра была уверена, что ты жив; она так и сказала: — «Если бы Кимок погиб, мы с тобой знали бы об этом».

Опустив голову, я закрыл лицо руками, вдруг почувствовав, что мне необходимо мысленное общение с сестрой,

и стал вызывать её, зная, что здесь, в защищённой Долине, это не опасно. Мысль Кайлана соединилась с моей, удвоив энергию призыва.

Я всё усиливал мысленный поток, чувствуя, как одновременно нарастает поток Кайлана... Никакого ответа. Даже если сестра была занята колдовством, это не мешало бы ей услышать нас, и она бы отозвалась. Но мы оба вообще не ощутили присутствия Каттеи, словно вокруг неё снова сомкнулись стены Обитатели Мудрейших.

Тогда я стал рассылать стрелы мыслей во всех направлениях, но ни одна из них не достигла цели, ибо повсюду была зловещая пустота. Отняв дрожащие ладони от лица, я взглянул на Кайлана и, увидев, как он побледнел, понял, что он тоже охвачен страхом.

— Исчезла! — прошептал брат, и все услышали его в наступившей тревожной тишине.

— Но куда? — это было главным для меня. Когда я вызывал Каттею на озере кроганов, её ответ был слабым и невнятным — между нами лежало огромное пространство, принадлежавшее врагу — и всё-таки мы слышали друг друга. А тут, в защищённой Долине, где нет никаких препятствий, я не мог отыскать её.

Я повернулся к Дагоне:

— Где то место, куда она поехала?

— На восточной окраине Долины, в горах.

В горах!.. Динзиль! Ответ был ясен, словно написан в воздухе огненными рунами. Дагона сразу поняла мою мысль.

— Но зачем? — она не спорила со мной, а искала причину.

— Ну да, зачем? — повторил Кайлан. — Конечно, Каттея не скрывала своего расположения к нему. Но она не отправилась бы к нему вот так, не предупредив меня, и ведь она сказала, что едет узнать твою судьбу.

— Она отправилась к нему не по своей воле, — ответил я, стиснув зубы.

Дагона покачала головой:

— Наверяд ли, Кимок. С её способностями никто не выманил бы её из Долины, ведь все ворота защищены.

— Не могла она согласиться...

— Откуда ты знаешь? Мало ли, как её убедили! — сказал Кайлан.

Я повернулся к нему, моё отчаяние перешло в гнев и обрушилось на первого, кто попался под руку:

— Почему ты не поддерживал с ней мысленную связь, почему не узнал, что с ней происходит?

Кайлан вспыхнул от обиды, но сдержался:

— Она этого не хотела; сказала, что должна беречь энергию для колдовства; что хотя она многому обучена, но не давала клятву и не получила Колдовской Камень, поэтому иногда не уверена в себе и должна собрать все силы...

Это было похоже на Каттею; я знал, что брат говорит правду, и всё же... Ведь он мог уберечь её и не уберёг — эта мысль жгла меня огнём.

— Может ли Шил отвезти меня туда? — обратился я к Дагоне.

— Не знаю. Но даже если и отвезёт, что это тебе даст? Ведь ты не защищён от сил, которые там обитают!

— Посмотрим! Я должен попробовать...

Но не успел я договорить, как на плечо Дагоне, пронзительно крича, села птица, извещавшая о какой-то беде. Все вскочили из-за стола и бросились к выходу.

— Круганка сказала правду! Они идут на Долину, Кимок! — крикнула Дагона.

Так началась осада. Это было тяжёлое время. Хотя все входы в Долину были надёжно защищены магическими знаками, но на милях вокруг тянулись скалы, и вот теперь на них лезли, летели и карабкались всевозможные чудовища. Над скалистой грядой, где мы держали оборону, нависли грозовые тучи, ветер швырял в лицо потоки дождя. Атаковавшего врага скрывал сумрак, вспышки хлопавших боевых кнутов были подчас неотличимы от молний.

Мы отбивали атаку за атакой. Иногда наступала недолгая передышка — ведь и самые жестокие ураганы сопровождаются кратковременными затишьями. А потом неприятель снова обрушивался на нас с удвоенной силой, и всякий раз невозможно было предугадать, когда начнётся следующий штурм.

Расти не могли взбираться по отвесным скалам; серые, используя свой получеловеческий облик, искали лазейки. Гораздо опаснее для нас, эсткарпцев, был клубящийся бесплотный туман, который невозможно было ни изрубить мечом, ни поразить копьём. Огромные броненосные чудовища возились по ту сторону скалистой стены, с мрачной свирепостью подкапывая её мощными когтис-

тыми лапами. В воздухе прямо над головой фланнаны и вранги сражались с какими-то летучими тварями. Эта битва была мрачным кошмаром, ужаснувшим даже тех воинов Эсткарпа, кто прошёл через схватки с пугающей демонической силой колдеров.

Сколько времени длилась эта осада, не знаю: днём было почти так же темно, как и ночью. Утром на вершинах скал вспыхивали факелы; их свет, казалось, сдерживал врага.

Дагона вовсю использовала магию: зелёные собирали и бросали в бой подвластные им одним силы. Она опасалась удара с тыла, с озёр и рек Долины — ведь кrogаны были против нас. Ящеры-дозорные патрулировали берега, но ничего подозрительного не обнаружили.

Эфутур считал, что нас осаждают пока только второстепенные прислужники зла, и никто из Великих ещё не вступил в борьбу. В этом ему виделся дурной знак, если только Великие действительно не ушли так далеко в свои другие миры, что их трудно было вызвать снова.

Мы несли потери. Пал Годгар, взяв с собой сразу несколько врагов. Появились бреши в рядах зелёных и их четвероногих и крылатых союзников. Потери никто не считал: некогда было оглядеться, все силы поглощало упорное сопротивление. Хотя Кайлан сражался далеко от меня, я знал, что он цел и невредим. Но мне не давала покоя мысль о Каттее, я был уверен, что сестры в Долине нет.

Среди нас сражались и горцы, но Динзиля нигде не было видно, и это усиливало моё беспокойство, что бы ни говорили по поводу его отсутствия другие.

Может быть, нам помогли силы, призванные Дагоной, или враг, бросивший на нас все свои клыки и когти, вдруг обессилел — как бы то ни было, но, наконец, в тучах появился просвет, засияло солнце, и под его великолепными лучами воинство Тьмы отступило. Враги забрали с собой убитых, и мы не смогли определить, насколько велики их потери. Но в том, что на этот раз мы одержали победу, сомнения быть не могло.

Собрав совет, мы подсчитали свои потери и пришли к выводу, что ещё одна-две такие осады, и нам не выдержать. Поэтому во время представившейся нам передышки решено было соорудить укрепления, произвести разведку и, по возможности, нанести ответный удар.

Но у меня была своя задача, и я объявил об этом совету.

Тогда встал Кайлан и объявил, что идёт со мной: мы трое едины, и когда между нами рвётся связь, каждый теряет частицу себя.

Я обратился к нему одному, сказав, что однажды мы уже были разлучены, когда он как воин исполнял свой долг, я был покалечен, а Каттею заперли в Обители. Теперь настало время каждому снова исполнить свой долг. Он воин, и здесь он нужнее. А Каттея со мной связана более тесно, и идти за ней — моё предназначение.

Думаю, Дагона и Эфутур поняли меня, но эсткарпцы — нет. Для них, привыкших на границе к суровым испытаниям, жизнь одной женщины ничего не значила, тем более — колдуньи: колдуний они не любили и боялись.

Отправляясь на восток, я не рассчитывал на чью-либо поддержку. Со мной был мой меч, небольшой запас еды и толика надежды. Шил предложил мне свою помощь, но я сказал, что поеду на нём лишь до границы Долины, я мог рисковать только собственной жизнью.

Кайлан неохотно отпускал меня одного. Наверное, его задела мои слова о более тесных узах между мной и Каттеей, хотя он знал, что это так и что к тому же его воинское умение необходимо здесь.

В Долине царили мир и покой, недавняя кровавая битва казалась страшным сном. Шил ровным галопом нёс меня вдоль реки. Здесь не было ловушек, и мы двигались вперёд быстро и беспрепятственно. Изредка вдалеке появлялись ящеры-дозорные, продолжавшие нести наблюдение на случай угрозы со стороны кроганов.

Я думал об Орсии, о том, что сделали бы с ней её соплеменники, если бы узнали, что она спасла меня.

Обширные луга и тенистые рощи Долины сменились каменистым ландшафтом, обрамлённым стенами отвесных скал, постепенно сходящихся друг с другом: где-то впереди они должны были сомкнуться. Там, по словам Дагоны, начиналась заброшенная дорога, ведущая в горы, куда отправилась Каттея, намереваясь обратиться к силам воздуха.

И в самом деле, колдуньи Эсткарпа умели управлять ветром, дождём и бурями. Должно быть, сестра собиралась прибегнуть к их знанию, но если это и так, то ей это не удалось.

Шил замедлил шаг и осторожно вошёл в узкую рассе-

лину в скалах, где царил полумрак, хотя до захода солнца оставалось ещё несколько часов.

Наконец рента́н остановился:

— Дальше не могу, — уловил я его мысль.

Впереди лежала тропинка, но я тоже отчётливо ощутил, как что-то предостерегает меня от дальнейшего продвижения. Спешившись, я перекинул через плечо мешок с провизией:

— Благодарю тебя, быстроногий Шил. Передай, что ты доставил меня целым и невредимым.

Задрав голову, Шил осматривал возвышавшиеся над нами отвесные скалы, на поверхности которых негде было укрыться врагу, да и навряд ли в таком месте могло обитать воинство, которому мы дали отпор в Долине. Шил раздувая ноздри, бил копытом:

— Я всем нутром чую здесь присутствие Силы.

— Но это не злая Сила? — спросил я.

Его золотистые глаза встретились с моими:

— Есть силы, которые лежат за пределами наших представлений о плохом и хорошем. Тебе придётся идти наугад.

— У меня нет выбора...

Шил снова, раздувая ноздри, вскинул голову:

— Будь осторожен, смотри под ноги, по сторонам и вверх. Напряги зрение и слух...

Ему не хотелось оставлять меня одного, но он не мог преодолеть преграду, не пускавшую его дальше. Может быть, и на моём пути встанет такой же барьер. Я зашагал вперёд, ожидая, что через шаг-другой наткнусь на невидимую стену, вроде той, которая преградила нам с Кайланом путь, когда мы пришли за Каттеей в Обитель Мудрейших. Но ничего такого не произошло.

Оглянувшись, я увидел, что Шил всё ещё стоит на том же месте и смотрит мне вслед. Я махнул ему рукой, он кивнул в ответ, и, повернувшись, я пошёл, не оглядываясь больше, вперёд, запретив себе думать обо всём, что осталось позади.

Тропинка полого поднималась вверх, и сначала идти было легко. Вскоре расселина сузилась настолько, что, расставив руки, я мог касаться стен. Впереди начиналась вырубленная в скалах лестница. На ступенях виднелись глубоко вырезанные в камне знаки. Некоторые напоминали те, что оберегали Долину, другие я видел впервые.

Мне не хотелось ступать на эти знаки, но надо было подниматься, и я пошёл. Семь ступеней — площадка шириной в три ступени — ещё три ступени — следующая площадка — девять ступеней. Никакой естественной необходимости в таком расположении ступеней не было, и я подумал, что в нём может заключаться какой-то тайный смысл.

От площадки к площадке лестница постепенно сужалась. Последний ряд ступеней был так узок, что на одной едва помещались вплотную обе ноги. В этом последнем узком ряду было тринадцать ступенек — на ходу я шёпотом считал.

Здесь уже все знаки были мне незнакомы, и я обнаружил, что на них неприятно задерживать взгляд, хотя в них и не заключалось угрозы — я достаточно хорошо чувствовал проявления зла в Эскоре, чтобы это определить, — просто они не предназначались для человеческих глаз и ума.

Я испытывал непривычную усталость; в руках и ногах появилась какая-то тяжесть и приходилось переводить дух на каждой ступеньке. Нет, моя рана, полностью зажившая, не давала о себе знать, и всё-таки я ощущал странную тяжесть во всём теле и необъяснимую подавленность.

Наконец лестница осталась позади, и я оказался на вершине скалистой гряды, окружавшей Долину. По каменной поверхности была проложена тропа. Если лестница сужалась, то эта тропа — наоборот, начинаясь от последней ступеньки, постепенно расширялась, уходя в лес каменных столбов.

Пока я поднимался сюда, стемнело; и, несмотря на то, что мне не терпелось идти вперёд, усталость была так велика, что, пройдя всего несколько шагов, я повалился на каменную тропу и, завернувшись в плащ, уснул. Это не было обычное погружение в сон: я мгновенно провалился в небытие, и ничто не заставило бы меня очнуться.

Проснулся я тоже мгновенно, с трудом сел и стал разминать онемевшие руки и ноги. Брезжил рассвет. Я немного поел и сделал несколько глотков из фляги. Собирая в дорогу съестные припасы, Дагона предупредила меня, что расходовать их надо очень бережливо: в тех местах, куда проникла Тьма, нельзя прикасаться ни к какой — даже самой соблазнительной — пище, что бы не попасть под воздействие злых сил.

Я отправился по расширявшейся дороге в каменный лес. Столбы стояли беспорядочно, я не заметил на них никаких следов обработки. Они походили на стволы окаменевших деревьев с обломанными верхушками и ветвями. Ощущение, что я в каменном лесу, было настолько сильно, что я огляделся по сторонам, ища у основания стволов упавшие ветки. Но на каменной поверхности ничего не было. Поднялся ветер, и послышался явственный шум листвы. Я зажмурился, мне почудилось, что я в зелёной роще, но, открыв глаза, увидел вокруг всё тот же камень. Шум невидимой листвы всё нарастал, хотя ветер ничуть не усилился. Раздались вопли и стоны, словно скорбящие всех времён оплакивали своих мертвецов. Потом всё стихло и послышались другие звуки — что-то вроде слов на неведомом языке. Но я не ответил, в отличие от Того, кто ответил мне в низине. Эти слова, казалось, были произнесены в мире, смежном с тем, в котором пребывал я.

Чьё-то зловещее присутствие ощущалось столь определённо, что я упал — или, вернее, был повержен на колени, боясь и подумать о том, с чьих уст могли слетать эти слова.

Затем всё умолкло — так внезапно, словно захлопнули дверь: ни шума ветра, ни воплей — полная тишина. Поднявшись с колен, я продолжил путь. Вскоре дорога оборвалась. Я остановился, оглядываясь вокруг.

Камни; ничего кроме камней... Но вдруг неподалеку мелькнуло яркое пятно. Я подошёл: передо мной лежал, словно только что оброненный, голубовато-зелёный шарф. Я поднял его — тонкий, шелковистый, он цеплялся за мои шершавые, покрытые рубцами пальцы. Такие шарфы носили по вечерам, набросив на плечи, женщины Долины. Такой шарф был и на Каттее в тот вечер, когда она смеялась с Динзилом на пиру.

— Каттея! — даже сознавая, что кричать здесь нельзя, я решил позвать сестру мысленно. — Каттея! Где ты? — я стоял, теребя лёгкую полоску шелковистой ткани.

Тишина... та мёртвая зловещая тишина, что воцарилась после того, как захлопнулась дверь. Я продолжал звать, но не почувствовал и намёка на ответ.

Свернув шарф, я сунул его за пазуху, почему-то будучи уверен, что это шарф сестры. С его помощью я надеялся

установить с нею связь — он мог стать точкой притяжения для своей владелицы.

Но куда же она отправилась отсюда? Конечно, не обратно в Долину... Дорога, преведшая меня в это подозрительное место, здесь заканчивалась. Значит, Каття пошла дальше между этих каменных столбов, и я отправлюсь следом.

Я двинулся вперёд, но, двигаясь без дороги, вскоре обнаружил, что попал в лабиринт. Я перестал ориентироваться, и, в какую бы сторону ни пошёл, снова выходил туда, где нашёл шарф.

Я сел и задумался. Что это место заколдованное, я уже не сомневался — всё здесь было странно и обманчиво. Я закрыл глаза, чтобы не видеть эту сбивающую с толку путаницу каменных стволов, и сосредоточился на мысли о днях, проведённых в Лормте. Считалось, что ни один мужчина не способен воспользоваться колдовской Силой, и поэтому древние рукописи не охранялись. Действительно, они настолько изобиловали иносказаниями и ссылками на неизвестные предметы, что были недоступны пониманию непосвященных. Я копался в них с единственной целью: узнать, где можно найти прибежище, и почти не обращал внимание на тайные сведения.

Однако кое-что из случайно попавшегося мне на глаза засело в памяти. Я запомнил слова, которые вызвали о т в е т, но снова использовать их не собирался. Что же ещё могли подсказать мне лормтские манускрипты?

Я вызвал из глубины памяти картину: пергаментная страница, испещрённая неразборчивыми архаическими письменами. Несколько строк мне удалось тогда прочитать. Может быть, попробовать? Сколько во мне Силы? Не унаследовал ли я от отца его способности? Что, если в отличие от других мужчин древней расы, я тоже наделён особым даром?

Я вынул из-за пазухи шарф, осторожно скатал тонкую податливую ткань в жгут, затем связал вместе два конца и получившееся кольцо положил перед собой, — оно резко выделялось на сером камне.

Устремив взгляд на это яркое кольцо, я призвал на помощь всю свою волю. В моём распоряжении была только память о нескольких строчках на пергаменте и неодолимое стремление к цели.

Каття... Я мысленно представил себе сестру — может быть, не такой, как в жизни, но такой, как она виделась

мне. Я полностью сосредоточился на этом, стараясь увидеть Каттею стоящей в зелёном кольце. Через миг мне предстояло узнать, что я могу.

Медленно проведя руками над кольцом и произнеся вслух три слова, я, затаив дыхание, ждал. Голубовато-зелёное кольцо дрогнуло... один его край приподнялся и теперь передо мной балансировал небольшой обруч. Он медленно покатился прочь, в глубь каменного леса, и я пошёл следом: у меня появился проводник.

Глава 7

Зелёный обруч сновал между каменными стволами, и мне то и дело казалось, что он водит меня по кругу. И всё-таки он был моей единственной надеждой попытаться пройти через заколдованное место. Иногда я шёл навстречу слепившему солнцу, и мне припомнилось старинное поверье: когда тень за спиной, сзади могут подкрасться злые силы. Однако этот невиданный лес казался не обитаемым злом, а препятствием, воздвигнутым, чтобы отпугнуть или запугать чужаков. Наконец, лес кончился, и вслед за обручем я вышел на открытое пространство. Обруч, продолжая катиться, стал немного покачиваться, словно энергия его иссякала. Под ногами у меня была неровная каменная поверхность, обточенная временем и непогодой.

Впереди зияла пропасть. Докатившись до края и покружившись на месте, обруч остановился и упал, снова став обычным шёлковым жгутом. Раз силы, которые я вызвал, сработали, значит, Каттея здесь проходила. Но зачем? И как она переправилась через пропасть?

Я поднял шарф, сложив, снова спрятал его за пазуху и прошёл вдоль края пропасти, глядя вниз. Нет, спуститься здесь было невозможно.

Убедившись в этом, я вернулся назад и стал осматривать место, где упал обруч. При свете заходившего солнца на каменной поверхности виднелись какие-то выбоины, как будто раньше здесь стояло что-то тяжёлое. Я взглянул на противоположный край — там виднелась ровная площадка. Очевидно, над пропастью был мост. Но он исчез. Я потёр бедро — от раны осталось одно воспоминание — и попытался прикинуть расстояние, разделявшее края пропасти.

Только самый отчаянный человек мог отважиться на

такой прыжок. Но сейчас, угнетённый тревогой за сестру, я и был отчаянным человеком. Я снял с пояса меч, привязал к мешку с припасами и, с силой раскрутив мешок за лямку, запустил его на ту сторону. Послышался лязг меча о камень; котомка, перелетев через пропасть, упала примерно в футе от противоположного края.

Я снял сапоги, стянул их ремнем и бросил вслед за мешком. Босыми ногами я ощущал тепло нагретого солнцем камня. Я отошёл назад, к окраине каменного леса, потом, собрав воедино всю силу и решимость, разбежался и, оттолкнувшись от края скалы, прыгнул, не веря, что долечу...

Перелетев на ту сторону, я упал ничком и так сильно ударился, что едва не переломал себе кости. Задохнувшись от боли, я долго лежал без движения, пока с ликованием не осознал, что я действительно на противоположной стороне. Я сел, преодолевая боль во всём теле, огляделся, затем кое-как встал, дохромал до сапог, обулся и закинул мешок за спину.

Отметины, которые я обнаружил на другом краю, здесь были отчетливее и тянулись к высокому каменному выступу, словно туда что-то тащили по скале. Я прошёл по этим следам и обнаружил за выступом мост — три бревна, связанные вместе ремнями. Судя по тому, что мост был спрятан, кто-то собирался им воспользоваться снова. Я задумался: может быть, лучше, в интересах тех, кто остался в Долине, сразу уничтожить его? Но как? Оттащить мост назад и спихнуть в пропасть у меня не хватило бы сил. Поджечь? Но тогда дым выдаст моё присутствие. Вдобавок, те, кто нам угрожал, вряд ли смогли бы пройти через каменный лес.

Спрятавшие мост оставили и другие следы, которые я сразу приметил наметанным глазом разведчика. На земле — а здесь был не только голый камень — виднелись отпечатки копыт рентана. На колючем кусте висел длинный клочок шерсти. Тут была кое-какая растительность, хотя и карликовая из-за ветров и слишком тонкого слоя почвы.

Я отправился по следу и, спускаясь по крутому склону, вошёл в лес, состоявший из причудливо искривлённых деревьев. Поначалу они были высотой с меня, но по мере спуска становились всё выше, и вскоре я оказался в сум-

рачной чащобе. С кривых ветвей свисал густой мох, и, хотя листва на деревьях была совсем редкой, солнечный свет в этот лес не проникал. Местами мох ниспадал длинными покачивающимися полосами, словно меж деревьев висели дряхлыми лохмотьями пологи. Те, вслед за кем я шёл, на ходу стягивали цепляющийся упругий мох с ветвей, и он ворохами лежал под ногами, издавая пряный аромат.

На земле тоже рос мох, мягко пружинивший под ногами; из него поднимались на тонких стеблях и колыхались при каждом моём приближении бледные мерцающие цветы. Тут и там под деревьями виднелись ещё какие-то огни, и чем дальше я забирался в глушь, тем ярче было их фосфорическое свечение. Эти огни имели форму шестиконечной звезды; когда я склонялся над ними, они тускнели, гасли, и на их месте оставалось только что-то вроде серой паутины.

Приближалась ночь, в темноте я не мог различить тропу, но надолго останавливаться в таком месте мне совсем не хотелось. Хотя до сих пор я не заметил в лесу признаков чьего-либо присутствия, я понимал, что здесь меня могут подстеречь любые неожиданности.

И всё-таки надо было подыскать место для ночлега — не возвращаться же назад! Чем дальше я спускался по склону, тем гуще становился поросший мхом лес. То и дело я напряжённо прислушивался. Ветер раскачивал свисавший с деревьев мох, он зловеще шуршал, и звуки напоминали невнятный шёпот, бессвязную речь, словно за мной следили и крались, переговариваясь, какие-то существа.

Я дошёл до огромного, увешанного мхом дерева, и решил, что это подходящее место для привала. Мне необходимо было поесть, утолить жажду и отдохнуть. Ушибленное тело ныло, ноги подкашивались от усталости, и кроме того, двигаясь ощупью в темноте, я мог угодить в какую-нибудь ловушку.

Дерево давало ощущение безопасности — я сел под ним, прислонившись спиной к толстому стволу. В сгустившемся мраке бледные цветы и звёзды во мху стали заметнее. Ветер доносил едва уловимое благоухание.

Я немного поел и попил. Походный паёк у зелёных был необычайно питательным, и на день мне хватало совсем

немного пищи. Однако желудок требовал большего, по привычке хотелось ещё жевать и глотать, а после еды оставалась смутная неудовлетворённость, хотя умом я понимал, что уже сыт.

Сидя под деревом, я вскоре почувствовал, как меня одолевает странная необоримая усталость, подобная той, что охватила меня прошлой ночью после восхождения по лестнице. Заснуть в этом лесу было сущим безумием... безумием... Что-то во мне противилось этому, но волны сна уже накатывали на меня, и я погрузился в них.

Вокруг вода, она поднимается всё выше и выше, смыкается надо мной! Я потерял Орсию, я тону в реке...

Задыхаясь, я проснулся. Нет, воды не было. Я погрузился в скопление, в волны мха, я был в нём до подбородка, а свисавший с дерева мох покрывал лицо. В ужасе я рванулся, пытаюсь сбросить с себя жуткое одеяло, но не смог пошевелиться ни рукой, ни ногой, словно меня связали. Мох, окружавший меня, не давал оторваться от ствола дерева. Неужели я действительно сгину в этом потоке? Я снова резко рванулся и, повернув голову, обнаружил, что мох над лицом раскачивается, не затрудняя дыхания, а пути вокруг тела не дают и не нарушают кровообращения. Я был пленником, но моей жизни пока ничто не угрожало.

Однако это было слабым утешением. Прекратив борьбу, я прижался затылком к стволу. В темноте под деревьями сияли звёзды. До сих пор я не присматривался к ним, но теперь вдруг заметил, что они расположены в два ряда, уходившие влево от меня — словно нарочно выстроились, чтобы указывать путь! Вот только кому и куда?

Подул ветер, мох, свисавший с деревьев, зашуршал. Кроме этого шороха ничто не нарушало тишину — ни стрёкот цикад, ни крик ночного хищника.

Я перевёл взгляд на опутавший меня мох — густые пряди тянулись не из земли, а с ветвей. При свете лесных звёзд, я увидел, что петли мха ослабили захват на ветвях, готовые упасть на меня. Мне сразу припомнились рассказы салкарских моряков о неизвестных растениях в далёких южных странах, которые питаются человеческой плотью и кровью, захватывая жертву, как хищные звери. Пошевелившись, я заметил, что пути вокруг ушибленной ноги чуть ослабли, и я могу изменить её положение —

словно то, что держало меня, прочитало в моих мыслях жажду облегчения и отозвалось на неё.

Прочитало в моих мыслях? Но это невероятно, дико! Как могло растение прочитать мои мысли? Или это не растение? Нет, конечно, деревья с листьями и мох вокруг меня — растительность... А может быть, эта масса, не отпускавшая меня, — орудие в чьих-то руках?

— Кто ты? — я осторожно направил мысль во мрак. — Кто ты? Что ты собираешься со мной сделать?

Я не надеялся на ответ. И хотя ответа как такового не последовало, я всё-таки уловил н е ч т о! Совсем, как в пещере, когда Орсия разговаривала с асптом — словно я на мгновение коснулся какого-то иного мыслительного уровня. Не такого, как у зелёных и у кроганов, а менее «человеческого». Может быть, животное? Нет, что-то подсказывало мне, что это не так. Теперь я полностью сосредоточился не на борьбе со мхом, а на мысленных призывах:

— Кто ты?

И снова это неуловимое касание, настолько мимолётное, что я даже не успел определить, был ли это верхний уровень — вроде того, который использовала Орсия, — или нижний, который никогда не встречался мне раньше.

Свет... стало гораздо светлее... Наступает утро? Нет, от лесных звёзд, указывавших путь, шли лучи перламутрового сияния. Они словно что-то обещали.

— Кто ты? — теперь я попробовал нащупать мысленный контакт на нижнем уровне.

На этот раз я не только уловил, но и удержал соприкосновение с другим разумом, хотя оно было недостаточно долгим, чтобы мы успели обменяться мыслями. Однако я ощутил реакцию на мой вопрос — волнение, сменившееся недоумением, а затем — страхом.

Хуже всего был страх — он мог толкнуть кого-то невидимого на безрассудные действия.

— Кто ты? — я снова стал искать на нижнем уровне, но больше не уловил ничего.

Свет лесных звёзд напоминал теперь пламя свечей, но это не были зловещие бледные огни, предвестники беды, — они не вызывали тревоги. Их свечение рассеяло мрак, и казалось, будто в лесу наступил пасмурный день.

По тропинке ко мне приближалась фигура — малень-

кая и сгорбленная, но при виде её у меня не возникло ощущения, какое внушали мне суетливые обитатели мрака — фасы. Некто приближался очень медленно, то и дело останавливаясь и наблюдая за мной. Страх...

Фигура остановилась между двух ближайших «свечей», и я смог разглядеть её. Это было существо с длинными волосами, едва отличимыми от свисающего с деревьев мха, и такое же серое. Подняв корявые руки, оно раздвинуло волосы, чтобы лучше меня видеть, и моему взгляду открылось маленькое сморщенное лицо с плоским носом и большими глазами, которые были окаймлены густыми кустистыми ресницами. Потом существо откинуло назад ниспадающие космы, и я увидел, что это женщина. Обвислые груди и толстый живот прикрывало что-то вроде сетки из мха, в которую тут и там были впутаны бледные благоухающие цветы — жалкое подобие украшения.

В памяти всплыло слышанное в детстве: «В глухих чащах обитают моховухи; они выходят на человечесьи тропы, чтобы найти себе мужа среди людей». Моховуха, по преданиям, стремилась родить ребёнка от человека, и если кто-то заключал с нею сделку, она служила ему, открывая тайны зарытых в землю сокровищ. Это были добрые робкие существа, никому не делавшие зла и страдавшие от того, что их необычная внешность отпугивает людей, которым они хотят помочь. Возможно, сейчас мне предстояло узнать, насколько верны эти легенды.

Моховуха неуверенно приблизилась ещё на шаг. Она казалась немолодой, но было ли это так на самом деле, трудно сказать.

Она всё ещё разглядывала меня, и я снова попробовал прибегнуть к мысленному общению — безрезультатно. Если это с ней я нащупал контакт, значит, теперь она отгородилась от меня барьером. И всё-таки от неё исходило какое-то робкое доброжелательство и неуверенность, словно она, не имея злых намерений, сама опасалась меня.

Тогда, отказавшись от попыток мысленного общения, я заговорил вслух, стараясь голосом и мимикой показать своё расположение, убедить её, что бояться нечего, и что я сам надеюсь на её помощь. Бывая в разных концах Эско-ра, я обнаружил, что язык этой страны — хотя и отличающийся по выговору и сохранивший некоторые архаичес-

кие обороты — это всё-таки язык древней расы, и меня везде понимали.

— Перед тобой друг... — произнёс я мягко. — Друг, понимаешь? Я пришёл сюда с добром.

Она пристально вглядывалась в меня — и я выдержал этот взгляд — затем пошевелила сморщенными губами, словно обдумывая то, что собиралась произнести вслух.

— Друг, — прошелестела она, подобно шороху ветра в свисающем мхе.

Она ещё какое-то время вглядывалась в меня, а потом — словно открылась дверь — ко мне хлынула её мысль:

— Кто ты, идущий по следу через мхи?

— Я Кимок Трегарт, пришёл из-за гор, — начал было я, но заметил, что в отличие от других эскорцев, ей это ничего не говорит. — Я из Зелёной Долины, — на сей раз мои слова возымели действие.

Она что-то произнесла, и тёплый поток умиротворения докатился до меня: в её невнятном шёпоте я различил древнее магическое слово, оберегавшее от дурных сил:

— Ютаян.

Я тотчас во весь голос повторил это слово в доказательство того, что могу произнести его и меня не поразит гром.

Она отняла руки от волос и поводила в воздухе ладонями, повторяя движения колеблемого ветром свисающего мха. По мановению её рук мои пути шевельнулись и распались, освобождая меня, и я оказался сидящим в гнезде из мха.

— Пойдём! — она поманила меня, и я поднялся на ноги, а она при этом слегка отпрянула, словно её испугал мой рост. Потом, закутавшись в волосы, как в плащ, она повернулась и пошла между двумя рядами «свечей».

Перекинув через плечо мешок, я двинулся за ней. «Свечи» освещали нам путь, но вокруг снова царил густой мрак, и я решил, что до рассвета ещё далеко. Вскоре лесные светильники начали расступаться всё дальше в стороны и тускнеть, и я прибавил шагу, чтобы не отстать от своей спутницы. Приземистая и коротконогая, шла она, однако, очень быстро.

Пологи мха меж деревьев становились всё гуще и длиннее; кое-где они были почти сплошными и такими тяжёлыми, что ветер уже не волновал их. Мне подумалось, что

они похожи на стены, и что, может быть, я иду среди чьих-то жилищ. И действительно, протянув руку, моховуха раздвинула один из таких пологов и знаком велела мне войти.

Я оказался под огромным деревом в шатре из мха. Посредине возвышался очищенный от коры ствол, под ногами лежал ковёр из мха. Ствол, от земли до нижних ветвей, был усеян горящими звёздами, и от них падал свет, как от костра.

На ковре из мха сидели... радушные хозяйки? мои судьи? враги? Этого я не знал, понял только, что передо мной моховухи — они были очень похожи на мою спутницу, и я решил, что все они сёстры. Та, что находилась ближе всех к усеянному звёздами стволу, знаком велела мне сесть. Я снял с плеча мешок и опустился на мох, скрестив под собой ноги.

Снова меня долго рассматривали. Затем та, что, по-видимому, была главной, назвала себя и остальных с церемонностью, свойственной жителям окраинных земель Эскора:

— Фуузо, Форув, Фроно, Фингри, Фубби.

Сюда меня привела Фубби.

— Кимок Трегарт, — ответил я, и добавил по обычаю Эсткарпа: — Мир твоему дому, Фуузо, и твоим сёстрам, и всему роду, и пажитям, и стадам.

Если даже они поняли не всё, то суть моего доброго пожелания была ясна. Фуузо сделала другой знак — сидевшая справа от неё Форув взяла деревянную чашу и наполнила её тёмной жидкостью из каменного сосуда. Коснувшись губами края чаши, она протянула её мне.

Хотя Дагона и предупредила меня, как опасно пить и есть что-либо в незнакомом месте, я не посмел отказаться от чаши гостеприимства и с опаской сделал глоток; жидкость оказалась горьковато-кислой. К счастью, мне не пришлось пить ещё. Как принято, я наполнил чашу и пролил через край несколько капель на пол, желая процветания этому дому и этой земле.

Поставив чашу, я вежливо ждал, что ещё скажет Фуузо.

— Зачем ты пришел в страну мхов, Кимок... Трегарт? — она слегка запнулась на моём имени. — Куда ты держишь путь?

— Я ищу ту, кого отняли у меня, и след ведёт сюда.

— Здесь были те, что появились и ушли.

— Куда ушли? — меня охватило волнение.

Фуузо медленно покачала головой:

— Этого мы не знаем. Позади себя они оставили колдовскую завесу. Никто не сможет идти за ними.

Колдовская завеса? Я понятия не имел, что это такое. Но может быть, Фуузо ещё что-то знает?

— А девушки с ними не было? — спросил я.

Фуузо кивнула на Фубби:

— Пусть она ответит, она видела их.

— Там была девушка и ещё один из Великих...

«Один из великих», — мысленно повторил я. Неужели я ошибся? Не Динзиль, а кто-то из врагов?..

— Я сразу поняла, что она принадлежит к светлым, но её окружали тёмные, — продолжала Фубби. — Они поехали быстро-быстро, и за ними опустилась колдовская завеса...

— Ты можешь показать мне, в какую сторону они поехали? — не совсем учтиво прервал я её. Динзиль, конечно, опасен, но что если Каттею захватили враги? Время... теперь само время становилось моим врагом.

— Я могу показать, но ты не сможешь пойти за ними.

Я не поверил ей — наверное, из-за чрезмерной самонадеянности, ведь до сих пор мне всё удавалось. Слова «колдовская завеса» мне ничего не говорили.

— Покажи ему, — велела Фуузо. — Пусть убедится сам.

Я попрощался с Фуузо и её приближёнными и поспешно вышел из шатра. Пути, озарённого свечами, больше не было, но Фубби в темноте взяла меня за руку. Ладонь у неё была сухая и шероховатая, как кора дерева. Фубби крепко схватила мою руку и повела меня за собой.

Без неё я заблудился бы в этой поросшей мхом чаще. Наконец забрезжил рассвет, да и лес начал редеть. Пошёл дождь, но мох быстро впитывал влагу. На свободных от мха клочках земли я заметил вмятины от копыт рентана и понял, что снова иду по следу.

Лес кончился, и мы продолжали путь среди кустов. Уже совсем рассвело, когда я увидел впереди отвесную чёрную скалу, очень странную, пересечённую широкой красной жилой. След вёл прямо к скале, вернее — в скалу, однако никакого входа не было — сплошная каменная стена. Подойдя, я ощупал её, но не нашёл даже щели, она не

поддавалась под моим нажимом, но следы, размытые дождём, вели именно сюда. Я не верил своим глазам.

Фубби стояла, завернувшись в волосы; с них капало, но они, очевидно, защищали её от потоков дождя. Фубби взглянула на меня, и я заметил искру веселья в её глазах.

— Они проехали сквозь скалу? — произнёс я в надежде, что моховуха мне возразит, но вместо этого она повторила эхом:

— Проехали сквозь скалу...

— И где же они теперь?

— Кто знает. Это — колдовская завеса. Спроси у Лоскиты — может, она тебе что-нибудь подскажет...

— Лоскита? Кто это?

Фубби повернулась и, выпростав корявую руку из-под плаща из волос, показала на восток:

— Лоскита из Каменного Сада, Читающая-Судьбу-По-Песку. Может, она прочтёт, и тогда ты узнаешь...

Сказав это, Фубби снова завернулась в волосы, проворно засемила прочь, и не успел я остановить её, как она скрылась в кустах.

Глава 8

Дождь быстро смывал следы проехавших сквозь каменную стену. Ежась под его струями, я оглянулся на лес, однако всё во мне противилось возвращению назад. Так значит, на восток? Туда, где в своём Каменном Саду обитает эта Лоскита? Ни в одной из знакомых мне легенд о ней не упоминалось.

Уже сильно промокший, я пошёл вдоль чёрно-красной скалы и свернул за её выступ. Здесь не было ни деревьев, ни кустов, ни травы: только странные низкие растения с мясистыми жёлтыми листьями, собранными в пучок на конце толстой ножки. Эти растения были очень колючими, что я обнаружил, поскользнувшись на размытой дождём грязи и больно оцарапавшись об одно из них. На некоторых из середины поднимались стебли, увенчанные гроздьями мелких, плотно закрытых цветов. Под листьями копошились какие-то отвратительные мертвенно-бледные насекомые.

Чтобы не задевать эти листья, мне приходилось петлять — растения торчали из земли всё чаще и становились всё выше и вскоре достигли человеческого роста.

Крылатое существо с шеей змеи и телом ящерицы, покрытым тускло-коричневыми перьями, спустилось с неба и, повиснув вниз головой на одном из стеблей, стало поедать насекомых, хватая их молниеносными бросками узкой головы. На мгновение оно замерло, с любопытством глядя на меня чёрными бусинками глаз.

Вид этого существа понравился мне не больше, чем окружающие заросли. Всё здесь было чуждо человеческому глазу, во всём ощущалось какое-то предостережение, как и в каменном лесу. И всё же я чувствовал, что это место не заколдованное, а просто неблагоприятное для человека.

Вокруг бежали мутные дождевые потоки, и я заметил, как от растений к ним тянутся тонкие усики; окунаясь в воду, они набухали и, насосавшись, снова поднимались вверх. Мне показалось, что листья при этом становились ещё толще, словно накапливая влагу.

Очень хотелось есть, но я не собирался здесь останавливаться, и ускорил шаг, в надежде побыстрее пройти это место. Неожиданно передо мной возникло открытое пространство. Казалось, я стоял перед невидимой стеной: по эту сторону — растительность, по ту — ровный голый песок. Это впечатление было настолько сильным, что я протянул руку, ожидая нащупать стену, но моя ладонь не встретила преграды. В земле дождевые ручьи прорыли русла, а там на песке не было даже следа ни единой капли.

Я обвёл взглядом раскинувшийся передо мной ландшафт. Слева возвышалась отвесная чёрно-красная скала, впереди справа тянулась сложенная из камней стена, а посередине лежало ровное песчаное пространство, насколько не тронутое дождём.

Я не решался ступить на песок. Я знал, что вокруг Торowych Топей, например, есть обманчивые пески — на вид обыкновенная прибрежная полоса — но попробуй встать на такой песок, и он поглотит тебя.

Оглядевшись, я подобрал камень величиной с кулак и бросил его перед собой. Камень остался лежать на песке. А если потяжелее? Я бросил вперёд меч в ножнах, и он остался лежать, где упал. Но удивительно: ни под камнем, ни под мечом не было никаких вмятин, словно поверхность, казавшаяся мелким песком, на самом деле была твёрдой. Я опустил на колени и осторожно потрогал

песок — на ощупь он был такой же мягкий, каким и казался, — почти пыль, но сколько я ни надавливал, на нём не оставалось ни малейшего следа.

Значит, по крайней мере, идти по песку было можно. А зачем воздвигнута эта каменная стена? Может быть, здесь и начинаются владения Лоскиты?

Я рискнул ступить на песок, и тут же дождь остался позади, — вокруг была полная сушь.

Я опоясался мечом. Чёрная скала и каменная стена параллельно поворачивали на север. Стена была сооружена из неотёсанных камней разных размеров — от огромных валунов в основании до совсем маленьких камешков наверху. При этом они были так точно и плотно подогнаны друг к другу, что между ними не удалось бы просунуть и острие ножа.

За поворотом мне открылась круглая песчаная впадина, огибая которую, стена смыкалась с чёрной скалой. Я дошёл до края впадины и посмотрел вниз: песок на дне казался голубоватым, по нему беспорядочно были разбросаны камни неправильной формы, между ними и вокруг них по песку тянулись волнообразные борозды.

Пока я смотрел вниз, у меня возникло непередаваемое ощущение: там, подо мной, были не камни на песке — нет, я парил высоко над океаном, омывающим острова, или, как дух облаков, взирал сверху на горные вершины, высившиеся над туманной бездной...

Целый мир лежал у моих ног, я ликовал от своего могущества. Я, исполин, мог, ступая с острова на остров, в несколько шагов перейти океан. Горы были для меня камнями, брошенными через ручей... Я был выше, сильнее целого мира...

— Чувствуешь ли ты своё величие, человек? Посмотри и ответь.

Услышал я этот вопрос или мне только почудилось?

Я окинул взглядом острова в океане и горы над бездной. Да! Да! Я мог, нагнувшись, выхватить из океана кусок суши и перебросить на другое место. Я мог пинком опрокинуть гору.

— Разрушить ты можешь, человек. Ответь, что ты можешь создать?

Я перевёл взгляд с гор и островов на свои руки. Левая сжималась и разжималась свободно. Но правая, покалеченная...

Я не Великий, чтобы переделывать мир по своей прихоти. Я всего лишь человек, какой-то Кимок Трегарт. Помрачение прошло. Я снова увидел камни и песок, усилием воли отогнав безумие.

— Так значит, ты не всемогущ? — насмешливо спросил голос ниоткуда.

— Нет! Не всемогущ.

Я был уязвлен.

— Так запомни это, человек. А теперь отвечай, зачем ты потревожил меня?

Я огляделся: вокруг не было ни души, и всё же я знал, что я здесь не один.

— Ты... ты Лоскита? — спросил я в пустоту.

— Есть у меня и такое имя. Со временем приобретаешь немало имён от друзей и недругов. Раз ты назвал меня так, значит, обо мне тебе сказали моховухи. Зачем ты пришёл сюда?

— Фубби сказала, ты можешь мне помочь.

— Помочь тебе, человек? Но зачем? Какое мне дело до тебя? Разве ты мне родня? А скажи-ка, кто твои отец и мать?

— Мой отец — Симон Трегарт, Хранитель Границы Эсткарпа, моя мать — госпожа Джелит, колдунья.

— Сын воина и колдуньи. Ты не моего рода! Почему же ты рассчитываешь на мою помощь? Может быть, ты связан со мной договором, человек из Эсткарпа?

— Нет.

Я по-прежнему озибался в поисках говорящей невидимки. Во мне росло раздражение: почему я должен стоять и отвечать на вопросы какого-то голоса.

— Значит, нас ничто не связывает — ни родство, ни договор. А может быть, ты торговец? Какое сокровище ты принёс, чтобы просить с меня плату?

Только упрямство помогало мне терпеливо выдерживать этот допрос.

— Я не торговец.

— Нет, ты просто возомнил себя титаном, властителем миров, — насмешливо продолжал голос. — Постой-ка, что-то давно уже никто не приходил ко мне за советом. Уж не совет ли тебе нужен, человек? Совет я могу дать, спускайся вниз, только не вздумай ступить на поверхность моря, а не то, как бы оно не оказалось больше, чем кажется, а ты — меньше, чем себя воображаешь.

Я прошёл вдоль края впадины и в крутом склоне увидел

ступени, по которым можно было спуститься на дно. Внизу, вдоль подножия каменной стены шла тропинка из жёлтого песка, по которой можно было пройти, не ступая на голубое.

Итак, я спустился и пошёл по тропинке. Она привела меня к пещере, входом в которую служила трещина в скале. Заглянув внутрь, я понял, что это не совсем пещера — сводов не было, высоко над головой светилось небо. И тут я увидел говорившую со мной.

Наверное, у Лоскиты были общие предки с моховухами — она оказалась такой же маленькой и сморщенной, правда, не куталась в плащ из волос. Редкие пряди были на макушке собраны в пучок, стянутый кольцом из полированного зелёного камня. Браслеты из такого же камня болтались на костлявых запястьях и лодыжках. На ней было одеяние без рукавов, словно обсыпанное голубым песком.

Лоскита казалась очень старой и хилой, но стоило встретиться с ней взглядом, и это впечатление тут же пропадало. Глаза, зелёные, как и её каменные украшения, были очень живыми и сверкали, как у ястреба; они наверняка видели гораздо дальше и лучше самых зорких человеческих глаз.

— Здравствуй, человек.

Она сидела на камне перед небольшой выемкой, на дне которой песок тоже был голубой, как и во внешней впадине.

— Меня зовут Кимок Трегарт, — сказал я: обращение «человек» звучало заведомо уничижительно в её устах.

Она безвучно расхохоталась, сотрясаясь всем своим маленьким сморщенным телом.

— Кимок Трегарт, — повторила она и, к моему удивлению, вскинула руку к голове, подражая приветственному жесту воинов Эсткарпа. — Кимок Трегарт, идущий навстречу опасности, как и подобает настоящему герою. Только, похоже, Кимок Трегарт, не в добрый час отправился ты в путь.

— Почему? — спросил я прямо.

— Почему? Да потому, что скоро ты встанешь перед выбором, и если ошибёшься — всё, чего ты хочешь, чем ты был и чем мог стать, превратится в ничто.

— Твоё пророчество слишком тёмно, госпожа... — начал я.

Она выпрямилась, пронзив меня своим ястребиным взглядом.

— Госпожа, — передразнила она. — Я Лоскита, раз уж ты назвал меня этим именем. И ни в каких титулах не нуждаюсь. Не забывай, с кем говоришь, сын воина и колдуньи.

— Я совсем не хотел тебя оскорбить.

— Что ж, можно извинить твоё невежество, — ответила она с надменностью, не меньшей, чем та, что была присуща колдуньям Эсткарпа в обращении с мужчинами. — Да, я могу пророчествовать. И что же ты, хочешь узнать свое будущее? Стоило ради этого совершать такой путь! У всех людей один конец...

— Я ищу сестру, — прервал я её. — Я дошёл до чёрной скалы. Фубби сказала, что сестра вошла в скалу и за ней опустилась колдовская завеса.

Лоскита сощурилась и, скрестив кисти рук и взявшись за браслеты на запястьях, принялась вращать эти зелёные каменные кольца.

— Колдовская завеса? Кто же из Великих или их приспешников сунулся в границы владений Лоскиты? Сейчас посмотрим.

Отпустив браслеты, она протянула руки над выемкой с голубым песком и стала быстро водить ими вверх-вниз, обмахивая ладонями дно. Голубые песчинки, крутясь, фонтаном поднимались в воздух и снова оседали вниз. Но теперь песок ложился неровно, бороздами, и на его поверхности появилось изображение башни. Она была похожа на сторожевые башни, стоявшие на границе Эсткарпа — только без бойниц.

— Ага... — Лоскита рассматривала изображение. — Чёрная Башня. Время не стоит на месте, а маленький человек надел слишком большие сапоги.

Лоскита резко подалась вперёд, словно её внезапно что-то поразило. Меня охватила смутная тревога. И опять Лоскита протянула руки перед собой — фонтан песка снова взметнулся в воздух и опал. На этот раз появилась не башня, а что-то похожее на один из гербов древней расы. Но присмотревшись, я понял, что это не герб, а магический знак.

Лоскита, не открываясь, смотрела на него и водила пальцем в воздухе, повторяя замысловатые переплетения линий. Не глядя на меня, она спросила коротко:

— Твоя сестра колдунья?

— Она обучалась колдовству в Эсткарпе, но не давала клятву и не получила колдовской камень. Она обладает некоторой Силой...

— И большей, чем ты думаешь. Слушай внимательно, Кимок Трегарт. В давние времена на этой земле жили те, кто жаждал власти и притязал на управление силами, дотоле лежавшими под спудом. Иные рождаются с этой жаждой, она снедает их, как лихорадка, и они готовы бросать на её алтарь, точно дрова в огонь, всё, что, как им кажется, может приблизить их к желанной цели. В те дни некоторым удалось возвыситься с помощью знания; они раздирали эту землю на куски и перенесли свою борьбу в такие места, о которых и помыслить трудно. Великие ушли, но желание походить на них вселяется в людей. Они знают мало, владеют лишь жалкими обрывками древнего знания, разрозненными и случайными, и пытаются собрать эти обрывки воедино, чтобы осуществить свои намерения. Здесь в горах есть человек, который немало преуспел в этом...

— Динзиль! — воскликнул я.

— Если ты знаешь, зачем тогда спрашиваешь?

— Я не знал. Я только чувствовал, что он...

— Отторгся от человеческого рода? — подсказала она. — Значит, ты почувствовал то, что в нём таится. Но ты не колдун, Кимок Трегарт. Кем бы ты ни был или мог бы стать со временем, ты — не твоя сестра. Динзиль видит в ней средство продвинуться дальше на пути к своей вождельной цели. Она обучена, но не давала клятву, а значит — уязвима для его влияния. Через неё он добьётся...

— Но она не согласится! — горячо возразил я, не допуская даже мысли о союзе между Каттеей и тем, кто играет с тёмными силами, неосторожно спущенными с привязи.

— Её согласие и не потребуется. Динзиль уверен, что если она откажется помогать ему добровольно, он всё равно сможет использовать её как ключ. Твоя сестра в Чёрной Башне, в самом центре его тайного мира.

— Я пойду туда...

— Ты видел действие колдовской завесы. Как же ты пойдёшь? — спросила она.

— Фубби сказала...

— Фубби! — она вскинула руки. — Я Доскита и делаю только то, что умею. А умею я читать будущее, я предлагаю его на выбор.

— На выбор?..

— Да. В каждой жизни много всяких «если». Пойдёшь по одной дороге — и встретишь нищего, бросишь ему монету, а он украдкой пустится за тобой и воткнёт тебе нож в спину, чтобы забрать все деньги. Но пойдёшь по другой дороге — и твоя жизнь продлится ещё много лет. Да, мы сами выбираем своё будущее, но вслепую, не ведая подчас, почему сделали именно такой шаг и чего он нам будет стоить.

— Если ты можешь увидеть будущее, покажи мне Чёрную Башню и дорогу к ней.

Я сомневался в её возможностях.

— Откуда я знаю, есть ли в твоём будущем Чёрная Башня. Но могу тебя предостеречь, хотя и не моё это дело — если будущее откроется тебе, решимости в тебе поубавится.

Я не поверил ей и, встряхнув головой, сказал твердо:

— Я пойду за Каттеей, чего бы мне это ни стоило.

— Что ж, пеняй на себя.

Она быстрым движением схватила меня за руки и, дёрнув к себе, заставила встать на колени перед выемкой с голубым песком. Крепко держа меня за запястья, она стала быстро водить моими руками вверх-вниз. Голубой песок взметнулся фонтаном, а когда он осел, я увидел изображение — но не плоское, двумерное, как прежде. Теперь я смотрел сверху на какую-то реальную местность, лежащую далеко внизу, и маленькую, как Каменный Сад.

Я обнаружил там, внизу, и себя; передо мной высилась Чёрная Башня без единого окошка. Когда я приблизился к ней, стена вытянулась и поглотила меня. Потом я увидел Каттею, подошёл к ней и хотел увести, но оглянувшись, увидел перед собой — нет, не Динзиля, а какую-то зловещую тень. Каттея вырвалась от меня, и я прочитал ужас на своём лице. Потом... потом я увидел, как убиваю Каттею, чтобы она не соединилась с этой тенью!

Мой собственный крик ужаса ещё звучал у меня в ушах, когда песок снова взметнулся фонтаном. Теперь я ехал верхом рядом с Кайланом и другими воинами по Долине. Навстречу нам несло сонмище каких-то призрачных всадников, а не тех чудовищ, что осаждали наши скалы недавно. Среди них была и Каттея: глаза её сверкали, руки были воздеты и посылали на нас зловещие красные молнии, сеявшие среди нас смерть.

Затем я увидел, что несусь вперёд, размахивая мечом,

и бросаю его в Каттею, как копьё. Тот, достигая сестры, рассекает ей череп. Каттея падает, и те, кто скакал рядом с ней, затаптывают её.

И снова песок поднялся фонтаном и осел. Я стоял перед Чёрной Башней, оттуда ко мне бежала Каттея, и на этот раз я знал, что она не заодно с врагами, а убегает от них. Но вокруг меня сгустился мрак. Я вслепую размахивал мечом, словно сражаясь с кем-то невидимым, и когда Каттея подбежала ко мне, ища защиты, я опять убил её. Мрак рассеялся, и я остался один на один с содеянным.

Лоскита отпустила мои руки.

— Три выбора, а конец один. Теперь тебе известен исход, но не решения, которые к нему привели. Каждое будущее происходит из многих событий.

Я очнулся:

— Ты хочешь сказать, что на самом деле судьба Каттеи была решена не в тот момент, когда я нанёс удар мечом, а раньше — когда я совершил или не совершил какие-то действия, которые предрешили развязку? И что если эти действия будут или не будут совершены, то Каттея не... не...

— Не погибнет от твоей руки? Да.

Теперь уже я схватил её за запястья, но гладкие каменные браслеты сами собой повернулись и выскользнули у меня из рук.

— Скажи! Скажи, что мне делать!

— Это не в моих силах. Что могла, я тебе показала.

— Но может быть, есть и другое будущее — в котором всё хорошо?

— У тебя будет выбор. Если ты не ошибёшься, принимая решения, и судьба окажется к тебе благосклонной — тогда, кто знает. Я многим читала по песку, но только один или два человека смогли избежать исхода, который я им показала.

— А... если я совсем ничего не буду делать? — спросил я.

— Ты можешь убить сам себя этим мечом, который угрожает твоей сестре. Но пока это не единственный выход. Каждый раз ты неизбежно будешь принимать решения, и теперь сможешь судить, какое правильное, а какое — нет.

— Вот что я сделаю. Я буду держаться подальше от Долины и Чёрной Башни. Я останусь в этих пустынных местах и...

— Решение... Это будет твоё решение, — сказала Лоски-

та. — Каждое решение даёт своё будущее. Кто знает, чем оно обернётся и не приведёт ли к концу, которого ты боишься. Однако я утомилась, Кимок Трегарт. Мне больше нечего тебе показать, так что...

Она хлопнула в ладоши, и этот резкий звук долго звенел у меня в ушах раскатистым эхом. Я съёжился от внезапного порыва холодного ветра. Я стоял на склоне горы, внизу была чёрно-красная скала. Шёл дождь, ветер усиливался, близилась ночь. Взволнованный, голодный, промокший и продрогший, побрёл я вперёд. Потом оказался возле какого-то углубления, похожего на пещеру, и подойдя, я не то спрыгнул, не то свалился туда.

Была ли вообще Лоскита? И что означало показанное ею? Решения... Каждое из них вплетает свою нить в узор судьбы. Если Лоскита показала мне правду — как победить судьбу и создать четвёртое будущее?

Порывшись в мешке с провизией, я достал сухую крошачущуюся лепёшку и съел её, чтобы заполнить сосущую пустоту в желудке. Я принял решение поесть, принял решение укрыться в этой пещере. Не приближает ли меня каждое из них на шаг к тому исходу, который трижды показала мне Лоскита?

Дважды он был связан с Чёрной Башней, один раз — с Долиной. Можно ли надеяться, что если я буду держаться подальше от Башни и от Долины, то смогу отсрочить или изменить будущее? Но я даже не знал, где находится Чёрная Башня. Что если я неожиданно набреду на неё в горах? Единственное решение, в котором я не сомневался, было не возвращаться в Долину. Но любая мелочь может на многое повлиять.

Я обхватил руками колени и уткнулся в них лицом. Верно ли то, что предсказала Лоскита? Неужели я смогу спасти Каттею, только обратив свой меч против себя?

В двух показанных мне картинах будущего Каттея была на стороне сил зла: в Долине она убивала наших друзей, в Чёрной Башне — отрекалась от меня. В третьем случае Каттея бежала ко мне, а я был заколдован. В двух случаях из трёх Каттея не была мне больше сестрой, поскольку принадлежала к тёмным. Может быть, пытаясь спасти её жизнь, я предавал самое дорогое для меня в Каттее?

Решения! Лоскита сказала, что кому-то удалось преодолеть предначертанное судьбой. Но если не знаешь, какое решение...

Уткнувшись лицом в колени, я раскачивался из стороны в сторону.

Тягостные мысли не давали покоя. А что если Лоскита — ещё одна защита Динзиля, прикрывающая его отход? Я видел наваждения, которые насылали колдуньи Эсткарпа, и был обманут ими. Может быть, Лоскита — такое же наваждение, и то, что она показала, тоже обман. Откуда мне было знать?

Я прислонился спиной к стене пещеры. Голова болела, у входа мрачным пологом висели дождь и мрак. Спать... хорошо бы уснуть... Ещё одно решение — к чему оно приведёт? И всё-таки — спать.

Глава 9

Это был тяжёлый сон с жуткими сновидениями, и я очнулся в холодном поту. Уснув опять, я оказался во власти ещё более чудовищных кошмаров. Я не знал, порождены ли они моим собственным воображением или колдовством, витавшим над этими местами. Проснувшись серым утром с больной головой, я всё ещё не принял главного решения. Остаться здесь в добровольном заточении до тех пор, пока жизнь не покинет меня? Идти дальше с верой в правоту своего дела и попробовать преодолеть судьбу, предсказанную Лоскитой? Что выбрать?

«Если в Эскоре повсюду злые силы, то должны же быть и хорошие, — вяло размышлял я. — Но как их вызвать?»

Эсткарпцы иногда, взывая о помощи, с мольбой произносили какие-то древние имена, но для большинства они давно уже утратили смысл, и люди чаще всего надеялись на самих себя и на поддержку колдуний.

Со мной по-прежнему был меч, я хорошо им владел, у меня был опыт войны на границе, но теперь мне представлялось, что всё это ничего не значит. Силу, с которой я собирался вступить в единоборство, невозможно было одолеть мечом. Так что же у меня оставалось? Случайные крупницы древней мудрости, собранные в Лормте, слишком истёртые временем, чтобы я мог на них полагаться.

Перед глазами неотступно стояли три картины, показанные Лоскитой.

Дождя не было, но и солнце не выглянуло, не расцветило пятнами горы — тяжёлые низкие тучи застилали небо.

Местность, открывшаяся моему взору из пещеры, казалась застывшей и безжизненной. Всюду лишь скудная растительность, искривлённая, уродливая, блёклая; да торчащие из земли каменные глыбы отталкивающего вида: на их поверхности проступали где злобное лицо, где — грозящая когтистая лапа или зияющая клыкастая пасть. Видения эти то появлялись, то таяли, то снова возникали чуть поодаль. Я отводил от них взгляд, закрывал глаза, чтобы не видеть этих мрачных серых камней, и пытался думать. Смутные мысли беспорядочно мелькали в мозгу, словно я метался по клетке, повсюду натываясь на прутья решётки.

Послышалось завывание — такое, как в каменном лесу, где я нашёл шарф Каттеи... Шарф... я сунул руку за пазуху и нащупал тонкий шёлк.

Каттея... Каттея, трижды погибающая, и всякий раз — от моей руки. Можно ли верить тому, что показала Лоскита? Или, как подсказывало мне едва уловимое, словно покусывающее подозрение, это всего лишь уловка врага, заматающего след?

Я поел и сделал глоток из фляги. Воды осталось совсем немного. Без еды можно прожить дольше, чем без питья, и я не знал, хватит ли у меня духу оставаться здесь, пока меня не найдёт смерть.

Да и не в моей натуре выбирать путь бездействия, даже если в этом состоит высшая мудрость. Слишком много во мне было от отца и матери — оба они всегда шли навстречу опасности, не дожидаясь её прихода.

Наконец, я всё-таки выбрался из своей норы и осмотрелся. Я помнил — во всяком случае, считал, что помню, — как выглядела местность вокруг Чёрной Башни, увиденная мной на песке у Лоскиты. Здесь не было ничего похожего. Где-то поблизости плескалась вода.

В питье и пище — опасность, предостерегала Дагона. Но, может быть, если смешать эту воду с оставшейся у меня во фляге, риск уменьшится? Решение...

Я старался не смотреть на каменные глыбы: зловещие видения, то появлявшиеся, то таявшие, стали отчётливее. Я был уверен, что это наваждение, и не хотел, чтобы оно сбивало меня с толку.

Завывание ветра действовало угнетающе: я мог бы поклясться на мече, что слышал стоны и вопли величайшего ужаса, будто кто-то взывал о помощи. Некоторые

голоса казались мне знакомыми. Но я убеждал себя, что это всего лишь ветер завывает в скалах.

Я стал припоминать известные мне поверья. Салкары утверждали, что воин не падёт в бою, пока не услышит в шуме битвы своё имя. Я поймал себя на том, что прислушиваюсь, не различу ли в завывании ветра протяжного «Кии-моок».

Некоторые, например, Айдан с окраины Эсткарпа, где упорнее следовали старинным обычаям, — носили талисман. Айдан однажды показал мне камень с круглым отверстием — считалось, будто такой талисман, полученный от любящей женщины, надёжно защищает от беды. Айдан... Много лет я не вспоминал о нём. Где-то он теперь? Уцелел ли в пограничной войне, вернулся ли к той, что дала ему этот камень?

Впадина, по которой я шёл, сворачивала и дальше вела вниз, в узкую долину. Там растительность была обильнее, и текла мелкая речка, плеск которой я слышал до того, как ветер поднял свой скорбный плач. Я оглядел берега реки... и привычно среагировал на опасность, тотчас метнувшись за валун.

Даже вой ветра не смог заглушить внезапно раздавшиеся крики и звон металла. У самой воды шла жестокая схватка, в воздухе сверкали брызги. Трое кроганов — двое мужчин и женщина оказались в ловушке на мелководье. Какие-то мохнатые существа помогали им отбиваться. Атаковали же их воины с мечами, одетые в кольчуги и чёрные плащи. Выше по течению несколько фасов скатывали в воду камни и швыряли комья земли, спеша отгородить ту часть русла, где были кроганы, чтобы отрезать им путь к отступлению.

У одного из кроганов выбили из рук пику, он упал и над ним блеснул меч. Надежды на спасение у защищающихся не было: из зарослей с другого берега к врагу шло подкрепление — существа в балахонах с капюшонами, вооружённые посохами, на концах которых сверкали вспышки вроде тех, что высекали своими боевыми кнутами зелёные.

Один из чёрных меченосцев прошёл по воде, пиная лежащие тела. Схватив за волосы, он приподнял из воды тело женщины, и я увидел её лицо.

Орсия!

Враг за волосы протащил по гальке её безвольное тело и выволоч на берег. Существа, вооружённые посохами,

остановились поодаль, словно выжидая что-то, потом обменялись жестами с чёрными меченосцами и снова исчезли в кустах.

С неистовыми гортанными криками от запруды прибежали фасы и набросились на неподвижные тела в воде. Такой жестокости мне видеть ещё не доводилось. Это было настолько ужасно, что я боялся взглянуть в сторону Орсии.

Не знаю, были ли мертвы поверженные кроганы, но фасы позаботились, чтобы ни они, ни их мохнатые спутники больше уже не поднялись. Утолив свсю ярость, они направились к Орсии, которую обступили меченосцы. Один из фасов, наверное, главарь, приблизившись, уже протянул к ней свои отвратительные лапы, чтобы оттащить её за одежду и отдать на растерзание своей гнусной шайке.

Но воин в чёрном замахнулся на него мечом, и фас, отдёргнув лапы, злобно и обиженно заскулил. Ещё один взмах меча у него перед носом — и фас отскочил, скуля ещё громче, зафыркал и заскрежетал зубами, молотя по воздуху лапами и брызгая слюной себе на грудь и на торчащий бочонком живот.

По знаку своего предводителя двое чёрных меченосцев с угрожающим, надменно-презрительным видом двинулись на фасов. Помедлив мгновение-другое, те бросились врассыпную, забегали, подхватили то, что лежало в окрашенной кровью воде, и со своей страшной ношей затрусили по берегу вверх по течению. Их главарь на ходу оборачивался и, стуча себе в грудь, пронзительно вопил.

Моя рука легла на рукоять меча: я увидел, как один из чёрных воинов поднял лёгкое тело Орсии и перекинул его через плечо. Наверное, она была жива.

Я приподнялся, опираясь на валун. Их пятеро... Дать фасам удалиться... пойти за меченосцами вниз по течению... дожждаться подходящего момента и...

Вдруг я обнаружил, что не могу двинуться с места!

Я мог встать на ноги, взяться за рукоять меча, повернуть голову, провожая взглядом тех, кто уносил Орсию. Они шли, не таясь и не оглядываясь по сторонам, как идут по своей территории.

Но я словно прирос к месту! Либо это проклятье наслала на меня Лоскита, либо я сам навлёк его на себя. Ведь я

принял действительно важное решение — не то что там, выйти из пещеры на поиски воды или пройти мимо глыб-призраков. Решиться на такое — значило бы бросать камни удачи в стену судьбы. Последовав за чёрными меченосцами, чтобы освободить Орсию, я мог оказаться на пути, ведущем туда, где мой меч неотвратимо обогрится кровью Каттеи.

Орсии я обязан жизнью. Чем я обязан Каттее — не выразить словами. Я внутренне разрывался на части и по-прежнему не мог двинуться с места. А чёрные, унося Орсию, уходили всё дальше. Обессиленный, словно получив смертельный удар, опираясь на валун, я смотрел им вслед. Они исчезли из виду, а я всё смотрел на опустевший берег.

Затем с меня словно упали оковы, и я пошёл к месту схватки. На мелководье ещё лежало тело одного из животных, изрубленное и искромсанное, вокруг виднелись и другие следы разыгравшихся здесь кровавых событий. Я нагнулся и зачем-то поднял обломок пики крогана. Вода стекала по древку и по пальцам моей изуродованной правой руки, а я тупо смотрел, как капли падают вниз.

Лоскита сказала, никто не знает, какое незначительное решение может привести к другому, более весомому и роковому. Как она была права! Я принял одно решение — выйти из пещеры, другое — найти воду. И вот теперь должен принять третье, гораздо более серьёзное — то, которого я пытался избежать — принять его или считать себя презренным трусом. На мне проклятье, а проклятый человек двигается во мраке.

Обломок пики выскользнул из моих негнущихся пальцев и стукнулся о камень.

Они забрали Орсию с собой, значит, она жива, в этом я был уверен. Её не оставили фасам, но и не пощадят — в этом я тоже не сомневался. Я хожу, дышу, прикасаюсь к чему-то, вижу и слышу лишь потому, что Орсия однажды приняла решение. Вряд ли ей было это легко — ведь она пошла против воли своих соплеменников.

— Но Каттея? — вслух произнёс я, сам не зная, к кому обращён мой вопрос.

Где-то впереди Чёрная Башня, по-видимому, надо смириться с этой мыслью. Мне отведена какая-то роль, и я должен её сыграть.

Кому-то ведь удалось переломить судьбу...

Я смотрел на текущую мимо воду, мутную от того, что она размывала запруду, насыпанную фасами, и от крови, смываемой с камней. Затем, словно ломая стену, чтобы вырваться на свободу, я стряхнул с себя чары — если только это были чары, — действовавшие на меня после встречи с Лоскитой. Дышать, ходить, жить — это тоже решения, их принимаешь неизбежно. Но я способен принимать и те решения, которых требуют от меня сердце и ум, и делать это должен со всей дарованной мне мудростью. Только надо отвергнуть страх и действовать так, как я действовал бы до встречи с Лоскитой.

Я обязан Орсии жизнью! Не пора ли отплатить ей тем же? Пусть впереди Чёрная Башня; когда настанет час, у меня хватит мужества предстать перед этим гнездом Тьмы.

И я поспешил прочь от речной косы: больше во мне не было прежней раздвоенности, и я уже не чувствовал себя загнанным в угол.

Я вернулся на покрытый валунами склон и, прячась, перебегая от одного камня к другому, пустился за чёрными меченосцами. Я опасался, что у них где-нибудь стоят наготове лошади, и тогда мне их не догнать.

И ещё одна мысль подстёгивала меня. Хотя фасы ушли, они были раздражены, и если бы повернули назад за победителями, то сказались бы у меня в тылу. Поэтому, прячась за валунами, я осматривал окрестность не только впереди, но и позади себя.

Вскоре я увидел вдалеке чёрные фигуры. Теперь их было четверо; впереди шёл тот, что нёс Орсию. Его ноша по-прежнему казалась безвольным безжизненным телом. Но я понимал, раз они продолжают тащить её, значит, Орсия жива.

Я вспомнил о виденных недавно огненных посохах. Против такого оружия я со своим мечом был бессилен и пожалел, что при мне нет самострела. Хотя с таким же успехом я мог бы пожалеть о том, что со мной нет вооружённого самострелами отряда!

Лошадей нигде не было видно. Но может быть, пятый меченосец ушёл за ними вперёд?

Достигнув длинного каменного выступа, я что было духа пробежал до его конца и, выглянув, увидел, что оказался на одной линии с чёрными фигурами внизу. Они

остановились. Главный с жестоким равнодушием сбросил Орсию на землю. Она лежала без всяких признаков жизни; меченосцы расположились поодаль и чего-то ждали.

День был серый, сумрачный. Я мог бы укрыться в зарослях на противоположном берегу, но чтобы добраться до них незамеченным, мне пришлось бы вернуться немного назад и перейти через речку выше по течению. Я колебался, боясь потерять меченосцев из виду: пятый мог в любой момент привести лошадей.

Четверо... Вооружённый мечом, я мог сразиться с ними только в рукопашной схватке, но численный перевес врага был слишком велик, и в случае моего поражения мало было бы пользы и для Орсии, и для Каттеи.

И всё-таки река притягивала меня. Я заметил, что глубина здесь больше. Если бы Орсия пришла в себя, она могла бы уйти под воду и спастись. В отличие от врага для неё вода — родная стихия, и в реке Орсия имела бы преимущество.

Надо было срочно что-то предпринять. Один из меченосцев раскрыл походный мешок и раздал остальным паёк. Я снял с плеча свой мешок. Сверху лежал плащ — изумрудно-зелёный, какие носят в Долине, он резко выделялся на фоне серо-бурых камней. Я вытащил его и посмотрел вверх на усеянный каменными глыбами склон. Может ли человек быть одновременно в двух местах?

Я свернул плащ, засунул за пазуху и полез вверх, собираясь пристроить его между двух глыб. Дул ветер, но сейчас это было мне на руку. Мечом я нарубил с куста веток и, застегнув плащ, туго набил его; издалека это вполне могло сойти за человеческую фигуру. Я быстро сплёл из травы подобие верёвки и одним концом обвязал получившееся чучело. Толкая и подтягивая его, я прополз вверх по склону и высунул чучело между двух камней. Только выдержит ли верёвка?

Сползая вниз, я тянул за собой верёвку и боялся, что в любой момент она может порваться, но, к счастью, этого не произошло. Я оценил на глаз расстояние до Орсии. Будь у меня верёвка попрочнее и окажись под рукой ещё что-нибудь, мои шансы, наверное, значительно возросли бы. Однако приходилось довольствоваться малым.

Вдохнув побольше воздуха, я издал особый гортанный

крик — с тех пор, как я получил увечье, у меня ни разу не было случая поупражняться в этом умении — звук раздался не из того места, где я находился, а со стороны набитого ветками чучела. Получилось! Я не разучился перебрасывать голос! Я снова издал тот же крик, и результат оказался даже лучше, чем я ожидал: эхо усилило звук, вторя ему с разных сторон, словно кричал не один, а несколько человек. Я дёрнул за травяную верёвку, она порвалась, и освободившийся конец перелетел по воздуху ко мне. Всё же этого рывка оказалось достаточно; чучело наклонилось, опрокинулось и исчезло между камней. Я посмотрел вниз.

Чёрные воины вскочили, выхватив мечи и вглядываясь в то место, где исчезло чучело. Потом главный и ещё один бросились вверх по склону. Двое оставшихся внизу подошли друг к другу, не открывая взгляда от скал.

Я быстро прополз вниз до следующего камня и снова прикинул расстояние до своей цели. Если бы мне удалось на мгновение чем-то отвлечь внимание оставшихся внизу, я бы подхватил Орсию, и, может быть, мы успели бы скрыться в кустах. Настал решающий момент...

Я снова издал крик, на этот раз — подобие команды, невнятно прозвучавшей со склона, — и, выскочив из своего укрытия, кинулся к Орсии — бесшумно, так как под ногами был дёрн. Но те двое повернулись и увидели меня. Один что-то крикнул, и они двинулись ко мне, держа наготове мечи. Я крутнул над головой мешок и запустил его в того, что был дальше, а ближний бросился на меня, и я вступил с ним в поединок, ожидая, что вот-вот подоспеет второй воин. К счастью, второй не появлялся, и я сосредоточился на одном противнике.

Он хорошо владел мечом и был в кольчуге, что давало ему явное преимущество. Но у него не было такого учителя, как салкар Откелл, не имевший себе равных в боевой выучке, потому что владеть оружием салкарские моряки учатся на вздымающейся палубе корабля, где требуется особое мастерство.

Потому я вскоре вонзил меч в горло моему противнику — у него не было кольчужного шарфа, какие мы носили в Эсткарпе. Кроме того, его явно смутило то, что я сражался левой рукой.

Я оглянулся на второго меченосца и увидел, что он

лежит ничком без движения. Трудно было поверить, что мой мешок мог так сильно оглушить его, но я не собирался это выяснять. Подхватив Орсию, я бросился через кусты к реке. Позади слышались крики — двое, поднимавшиеся по склону, бежали назад — вниз.

Добравшись до реки, я убедился, что глубина здесь действительно гораздо больше; из воды нигде не высывались полубокохшие камни, и дна не было видно. Я набрал в лёгкие побольше воздуха и нырнул, увлекая за собой Орсию, надеясь, что в воде она сразу придёт в чувство.

С сильным всплеском мы ушли под воду, и я потащил Орсию туда, где вдали, упёршись в противоположный берег, покачивалось на воде упавшее дерево — под ним можно было укрыться. Держа Орсию, я почувствовал, как бьется её сердце у меня под рукой. Чтобы сделать вдох, мне пришлось на мгновение высунуться из воды, и я заметил щель между разбухшими от воды корнями.

Подплыв под них, я нашёл положение, в котором мог, припав лицом к щели, дышать. Орсию я держал обеими руками, чтобы её не унесло течением; ствол дерева сверху скрывал нас от глаз врага.

Я не видел, что происходит на берегу, и не знал, пустились ли те двое за нами в погоню, но понимал, что они могут обнаружить нас, если мне не хватит воздуха.

В таком положении я был слепым и глухим, и поэтому решился на то, что в этих местах было отнюдь небезопасно — мысленно позвал:

— Орсия!

Ответа не последовало.

Я усилил мысленный поток, хотя хорошо понимал, что враг может нас обнаружить:

— Орсия!

Мой мозг уловил какое-то трепетание, совсем слабое, но у меня появилась надежда, и я попробовал в третий раз:

— Орсия!

Страх... страх и ненависть выплеснулись в ответ на мой зов. Орсия начала вырываться, и я едва удержал её.

— Орсия!

Я уже не просто звал, а требовал, чтобы она узнала меня. Наконец она перестала вырываться...

— Кто... кто это?..

— Не двигайся! — я вложил в этот приказ всю власть, на какую был способен. — Мы прячемся в реке. Наверху нас ищут.

Я почувствовал, как ошупью двигается её мысль — слабо, замедленно:

— Ты... Кимок?..

— Да.

— Они выследили меня... хотели вернуть... Они узнали...

— Что ты спасла меня? Зачем они хотел вернуть тебя? Чтобы судить?

— Нет... уже судили, пока меня не было... Наверное... решили отдать меня вместо тебя.

— Твои сородичи?!

Мысль её постепенно окрепла и теперь лилась почти непрерывным потоком:

— Страх властвует их умом, Кимок. Не знаю, чем их запугал враг. Они теперь на всё способны.

— Если кроганы собирались отдать тебя, тогда почему...

— Почему напали на Орфонса и Оббо? Не знаю. Может быть, сарны и те, с кем вёл переговоры Ориас, не в ладах между собой. Это обычное дело, Кимок: союзы между тёмными силами держатся недолго, сегодня — союзник, завтра — враг.

— А кто такие сарны?

— Вооружённые отряды, которые объезжают эти предгорья. Говорят, они служат кому-то из Великих, который не совсем ушёл из этого мира, и неизвестно, из чьих уст получают указания их командиры. Постой-ка...

Теперь распоряжалась она, а мне оставалось только ждать. Я дышал через маленькую щель в корнях и по-прежнему ничего не видел, но почувствовал, как напряглось тело Орсии.

Глава 10

Ждать приближения врага вслепую — всё равно, что со связанными руками готовиться к бою. Орсия прервала общение со мной, и я решил, что она направила свою мысленную энергию на обнаружение опасности, но не был в этом уверен.

Вода заплескалась, качнула меня и, обдав лицо, попала в нос. Я поперхнулся, ловя ртом воздух. Это не было естественное волнение реки. В любой момент нас могли пронзить мечи врага.

Орсия с силой сжала моё плечо, предостерегая от ма-

лейшего движения и не прибегая к мысленному контакту. Минуты казались часами, наконец вода успокоилась.

— Ушли пока, — осторожно сообщила Орсия. — Но поиски они не прекратят.

— Путь свободен?

Я не знал, как она определила, что враги ушли, но понимал, что она в этом уверена.

— Ты не можешь всё время плыть под водой, — ответила Орсия.

— Зато ты можешь! Плыви. При мне меч, меня не так-то просто взять, — я старался говорить так же уверенно, как она.

— Глубокие места расположены ниже по течению. Им это известно, и они будут ждать нас там.

— А выше по реке фасы наполовину перегородили русло. Там совсем мелко, — добавил я. — Может быть, всё-таки лучше плыть по течению?

— Ты забываешь, что мои соплеменники тоже охотятся за мной. Безопасно только там, где они не бывают; я как раз направлялась в такие места, да по пути меня поймали.

— ??

— Там, где на нас напали сарны и фасы, река мелкая, но выше по течению она сужается и снова становится глубже, а затем частично течёт по подземному руслу. Кроганы туда не заглядывают, сарны вряд ли пойдут вверх по течению, а фасы, хоть и обитают под землёй, но есть места, которых и они боятся. — Она помедлила. — Я нашла один заброшенный туннель, прорытый в незапамятные времена. На нём лежит заклятье, но оно ослабело от времени, и тот, у кого сильная воля, преодолеет его. Зато фасы с визгом ринутся прочь, потому что это заклятье наложено человеком и запечатлено огнём и воздухом. И сарны тоже не сунутся туда, даже если найдут вход, потому что он защищён магическим словом. Не знаю, что ждёт нас внутри, но доступ туда для нас открыт.

— Но ведь придётся двигаться вверх по течению через мелководье, — напомнил я.

— Да, по направлению к Чёрной Башне.

Простой смысл её ответа не сразу дошёл до меня. Я вздрогнул.

— Тебя это пугает? — недоумение Орсии было так же очевидно для меня, как для неё — мой испуг.

Тогда я рассказал ей о Лоските, Читающей-Судьбу-По-Песку, и о трёх уделах, которые она мне предрекла.

— И всё-таки я уверена, другого пути у тебя нет, — ответила Орсия. — Похоже, Чёрная Башня притягивает тебя с колдовской силой. Знать, не в твоей власти повернуться спиной к той, кого ты ищешь, даже если ты считаешь, что бегство от неё спасёт вас обоих. Слишком тесно вы связаны друг с другом. Ты увидишь Чёрную Башню, но твоя судьба после этого совсем не обязательно совпадёт с предсказанием Лоскиты. До меня доходили слухи о Каменном Саде Лоскиты и об её магии. Но на этой земле нынче нет ничего неизменного и определённого, ибо в незапамятные времена здесь было нарушено равновесие. Мы живём одним днём и не заглядываем в будущее: то, что впереди, может не раз измениться, прежде чем мы достигнем его.

— Но Лоскита сказала... решения... самые пустяковые решения...

— Каждый должен сделать выбор и твёрдо его держать. Насколько я знаю, все дороги к Чёрной Башне охраняются не только видимыми, но и невидимыми стражами. Я могу подсказать тебе один путь, наверняка неизвестный Динзилю и его людям.

В её словах была логика. Если Башня — ядро владений Динзиля, все подступы к ней, конечно, должны быть надёжно защищены. Самое лучшее было послушаться Орсию и отправиться вверх по реке, хотя на этом пути нас и ждали всевозможные опасности — только гляди в оба, да держи ухо востро.

Мы выбрались из своего укрытия и поплыли. Сарны могли подстергать нас только ниже по течению. Орсия плыла впереди, прячась за каждым выступом берега, за каждым торчащим из воды валуном или полузатопленным бревном и высматривая оттуда возможных преследователей. Ещё издалека мы заметили вилорогих коз, пришедших на водопой, что было хорошим признаком: эти робкие и чуткие животные не вышли бы к воде, если бы поблизости кто-то прятался.

Наконец, мы оказались на мелководье, где нам пришлось уже не плыть, а идти. Вскоре мы дошли до места недавнего кровавого сражения, где убили соплеменников Орсии. Смеркалось, и я надеялся, что она не увидит пятен крови на камнях и труп мохнатого животного.

Было уже совсем темно, а Орсия всё шла и шла, и я

поражался её выносливости — после всего, что выпало сегодня на её долю, она, казалось, не испытывала ни слабости, ни усталости.

Мы давно миновали остатки запруды, сделанной фаса-ми. Я шёл, напрягая слух, потому что вокруг царил непроницаемый мрак. Чтобы не потерять друг друга, мы держались за руки. То и дело из темноты доносились какие-то странные пугающие звуки; останавливаясь, мы прислушивались, но они не приближались, и мы двигались дальше.

Потом, как и говорила Орсия, русло реки стало сужаться, и мы шли по пояс в воде. Тут и там со дна, крутясь, поднимались вереницы фосфоресцирующих пузырьков воздуха.

В отличие от Орсии меня начала одолевать усталость. Мне не хотелось признаваться в своей слабости, но я понимал, что количество шагов, которые я ещё в состоянии сделать, весьма невелико. Наверное, Орсия прочтала мои мысли, а может быть, решила признаться, что и она не из стали, как человекоподобные слуги колдеров, а из плоти и крови, и тоже устала.

Она потянула меня за руку куда-то вниз, и мы на четвереньках вползли в нору вроде той, где укрывались по пути в Долину. Должно быть, здесь давно никто не жил — я не почувствовал запаха, свидетельствующего о пребывании животного. Нора была достаточно велика, чтобы мы вдвоём поместились в ней, тесно прижавшись друг к другу.

— Отдыхай, — сказала Орсия, — нам ещё придётся плыть, а в темноте трудно ориентироваться.

Я думал, что не усну, но усталость взяла своё. В отличие от предшествующей ночи, меня не преследовали кошмары, и, пробудившись, я не мог припомнить, снилось ли мне что-нибудь вообще. А разбудили меня голод и жажда. Съестные припасы остались в мешке, который я использовал для самообороны; с того времени прошёл целый день, мы всё время были в пути, и я забыл о еде. Теперь, хочешь не хочешь, предстояло пренебречь советом Дагоны.

В норе было так тесно, что я не мог вылезти, не разбудив свою соседку. Но сосущий голод гнал меня наружу. Орсия заворчалась:

— Что случилось? — уловил я её мысль.

— Пока вроде бы всё спокойно. Только надо как-то раздобыть пищу.

— Конечно, — она вылезла следом за мной и вошла в воду.

Солнце ещё не появилось из-за скал, но небо было светлое, и я подумал, что день будет ясным.

Орсия шла вдоль берега по пояс в воде. Вдруг словно кто-то схватил её за ноги, она в мгновение ока скрылась под водой. Не зная, что и думать, я нырнул вслед за ней и, обшарив дно руками, убедился, что она исчезла.

Когда я вынырнул, слышался тихий смех. Я обернулся. Орсия стояла у меня за спиной, отламывая длинные коричневые стебли от какого-то корня. Освободив корень, она с силой потёрла его между ладонями, тонкая кожица легко сошла с него, и Орсия протянула мне свою добычу.

— Ешь, — это было не приглашение, а приказ.

— Дагона говорила... — я в нерешительности держал светлый продолговатый корень, глядя на него голодными глазами.

— Отличная еда, — перебила меня Орсия. — Да, верно, в тех местах где обитает Тьма, лучше ничего не пробовать на вкус — пища и вода либо смертельно опасны, либо могут лишить воли, памяти, даже рассудка. Но здесь чистое место, не заколдованная ловушка. Можешь есть без опаски, как в Долине.

Я надкусил корень; он оказался хрустящим и сладковатым. Я принялся есть и убедился, что он не только вкусный, но и сочный и утоляет жажду.

Орсия снова нырнула и, достав следующий корень, очистила его и протянула мне, потом достала ещё два для себя. Берега здесь были уже, выше и круче, а русло — глубже. Поев, мы поплыли дальше.

Я сразу отстал от Орсии и даже не пытался догнать её, чтобы не тратить силы зря, довольствуясь тем, что вижу её неподалёку. К счастью, она то и дело останавливалась, и подплывала к берегу в поисках своих отметок, которые она оставляла, бывая здесь раньше.

Один раз Орсия, махнув мне рукой, устремилась назад и, схватив меня за плечо, с силой увлекла под воду.

— На скале наблюдатель рузов, — мысленно сообщила она. — Они очень зоркие, но вода искажает всё, что в ней находится. Если он не спустится ниже, нам нечего бояться.

Через мгновение Орсия отпустила меня, и я вынырнул на поверхность. Мы держались правого берега, казавше-

гося таким же диким и необитаемым, как и местность вблизи владений Лоскиты.

С крутых берегов свешивались стебли каких-то похожих на лианы растений: одни — тонкие, другие — толщиной с мою руку. Орсии не пришлось предупреждать меня, чтобы я держался от них подальше, настолько отталкивающий был у них вид. Мертвенно-бледные, гладкие, они походили на трупы каких-то омерзительных существ. От них исходил такой смрад, что казалось, если подплыть ближе, можно задохнуться. Я заметил, что хотя растения свисали вниз, словно тянулись к воде, те из них, которые достигли её, высохли, превратившись в корявые остовы. Как видно, влага, благотворная для всего живого, была для них губительна.

В зарослях этих растений обитали какие-то существа, хотя ни одного из них я так и не разглядел. Они копошились в листве, раскачивая её, но ни разу не показались, да мне и не хотелось их увидеть.

— Ага, теперь уже недалеко, — с облегчением сообщила мне Орсия.

Впереди берег сильно вдавался в реку. Доплыв туда, Орсия остановилась. Заросли здесь были не так густы, и из их отвратительных сплетений выглядывала неровная каменная глыба. Вначале я принял её за выступ скалы, но, поравнявшись с Орсией и приглядевшись, понял, что это не так.

Нет, здесь поработала чья-то рука. На берегу стояла не просто глыба, а огромная каменная голова — не то человека, не то животного, не то какого-то чудовища или духа. Она была наклонена вниз; казалось, через глубокие глазницы кто-то сверху смотрит на нас, и от этого взгляда хотелось спрятаться.

— Наблюдатель. Он остался от прошлых времён, теперь его можно не бояться, для чего бы он не был поставлен здесь когда-то. А теперь нам нужно... — Орсия проплыла ещё немного и снова повернулась ко мне. — Кроганам это ничего не стоит, Кимок, но для тебя... — Она явно колебалась. — Здесь придётся плыть под водой и довольно долго. Не знаю, выдержишь ли ты.

Я вспыхнул при мысли, что в её глазах я беспомощен, как ребёнок, нуждающийся в опеке. И хотя здравый смысл подсказывал, что под водой всё именно так и обстоит, я чувствовал себя уязвлённым.

— Приготовься!

Я сделал несколько выдохов и вдохов, сначала выталкивая из лёгких весь воздух, а потом вновь наполняя их. Орсия нырнула, чтобы найти потайной вход и проверить, открыт ли он; затем снова появилась передо мной.

— Ты готов?

— Да.

Я сделал последний глубокий вдох и нырнул. Орсия держала меня за плечо, направляя вперёд в темноту. Я поплыл под водой со всей скоростью, на какую был способен; я плыл и плыл — казалось, лёгкие мои вот-вот разорвутся, жажда воздуха заполнила всё моё существо. Я больше не мог терпеть эту пытку и, подняв голову, затылком и плечами ударился о каменную поверхность. Я стал биться, рванулся вперёд, больно ободрал руку и... моя голова вынырнула из воды, я снова мог дышать.

Вокруг стоял непроглядный мрак, и едва я почувствовал облегчение от того, что могу дышать, как сердце снова тревожно сжалось: тут не было ничего, кроме воды и темноты, давящей и душной, несмотря на холод.

— Кимок!

— Я здесь.

Оклика Орсии хватило, чтобы рассеять охватившее меня чувство одиночества и потерянности. К моему локтю прикоснулись пальцы Орсии — она была рядом. Её голос как будто раздвинул мрак, и я ощутил себя снова в реальном — пусть и чуждом мне — мире.

— Это туннель. Нащупай стену и плыви вдоль неё, — велела Орсия. — Других подземных рек здесь нет — во всяком случае не было, когда я впервые попала сюда.

Я долго плескался во мраке, пока не коснулся вытянутой рукой каменной стены.

— Откуда тебе известен этот вход?

— Ты же знаешь, мы общаемся с другими подводными обитателями. Об этом туннеле я узнала от одного мерфея, он же показал мне и вход под водой. Он приплывает сюда, чтобы полакомиться: здесь на камнях обитает большая колония квасти. Течением сюда заносит водоросли, которыми они питаются, и квасти со своими раковинами тут вырастают до необыкновенных размеров. Я люблю бывать в незнакомых местах, и оказалось, я не первая, кто побывал здесь, кроме мерфеев и квасти.

— Почему ты так решила?

— Увидишь.

— Разве здесь можно что-то у в и д е т ь? Или под землёй не везде так темно?

Я снова услышал её тихий смех:

— Бывают светильники, Кимок, которые могут гореть даже в таких местах.

Но пока мы плыли вслепую. Наконец я заметил, что мрак постепенно начинает рассеиваться, и впереди брезжит бледный свет — не такой, как от факела или фонаря, а скорее похожий на предрассветный.

Затем туннель вывел нас на широкое пространство, настолько тускло освещённое, что о размерах его можно было только догадываться. Наверное, это была огромная пещера в горе. Из-под воды пятнами исходил свет, достигавший небольшого островка.

Я подплыл к нему, радуясь неожиданной возможности ступить на твёрдую землю, и выбрался из воды. Оглянувшись, я увидел, что свет льётся из приоткрытых раковин, большая колония которых облепила камни под водой.

— Это квасти, — показала на них Орсия. — Лакомство не только для мерфеев; на глубине они вкуснее.

И она нырнула под воду. Я стоял мокрый на покрытом галькой островке и разглядывал пещеру. Нигде не было видно признаков того, что здесь побывали разумные существа.

Орсия вышла из воды — с волос текло, одежда облепила тело. В руках она несла сетку — это напоминало мне наше бегство в Долину — в сетке светились раковины. Они постепенно тускнели и, когда Орсия подошла ко мне, почти погасли.

Взяв у меня нож, она стала ловко открывать раковины, быстро пронзая остриём лежавших внутри моллюсков, и протянула мне одну створку вместе с содержимым.

Я давно убедился, что неразумно проявлять излишнюю привередливость в подобных обстоятельствах: когда голоден, приходится есть всё, что посчастливится найти. Жизнь воина на границе не баловала нас ни изысканной пищей, ни тёплой мягкой постелью, ни спокойным сном.

Я стал есть. Мясо квасти оказалось жёстким, и жевать его пришлось долго. Странное и непривычное на вкус, оно было вполне съедобно, хотя и понравилось мне меньше, чем корни. Главное, оно не вызывало отвращения, и, глядя на обилие квасти вокруг, я решил, что голод нам не угрожает.

Пустые раковины Орсия не выбросила, а сложила об-

ратно в сетку, аккуратно разместив их внутренней стороной наружу и переложив камушками, чтобы они не перевернулись. Покончив с этим, она встала:

— Ты готов?

— Куда нам теперь?

— Туда, — махнула она рукой, а я уже не мог определить, какое это направление — север или юг, запад или восток.

Тщательно прикрепив сетку к поясу, Орсия вошла в воду. Я последовал за ней и заметил, что как только сетка погрузилась в воду, из неё полился призрачный свет, — в воде раковины словно зажглись.

Мы поплыли дальше. Впереди было меньше скоплений квасти и больше тёмных участков. Через некоторое время я ногами нащупал дно, оно отлого поднималось, и вскоре мы уже шли по пояс в воде. В полумраке с двух сторон показались стены пещеры, и я понял, что это подземная расщелина, ведущая дальше в глубь горы.

Вода была уже по колено. Орсия сняла сетку с пояса и потащила её за собой по воде, чтобы раковины продолжали освещать нам путь. Расщелина стала расширяться, в воде опять появились сияющие скопления живых квасти. Но... я остановился, как вкопанный.

Здесь квасти держались не на камнях, но по краям постаментов, на которых возвышались высеченные из камня фигуры, стоявшие в два ряда, образуя галерею, в конце которой смутно виднелась какая-то тёмная масса.

Вода плескалась у ног статуй, по пояс облепленных рядами раковин — должно быть, раньше фигуры были наполовину погружены в воду.

Тела у них были человеческие, у иных — закутанные в длинные балахоны, скрадывавшие их очертания. Да, тела были человеческие... но лиц не было! Головы — едва обработанные круглые глыбы с глубокими глазницами — такие же, как на скале снаружи.

— Пойдём! — волоча за собой сетку с раковинами, Орсия двинулась по галерее. Она шла, не глядя на фигуры, направляясь прямо к маячившей впереди тёмной массе.

Я не отставал от Орсии, и у меня было такое ощущение, что через эти глазницы за нами наблюдают — безучастно, но неотступно.

Я споткнулся и понял, что передо мной лестница; она вела на широкую площадку, посреди которой возвыша-

лось какое-то строение: в сумраке трудно было определить его размеры. В стенах неясно виднелись темные бреши, судя по всему — окна и двери, но выяснить это без света было невозможно. Я сказал Орсии, что, похоже, её светильник действует только в воде.

— Ты прав, — согласилась она, — но жди и смотри.

Мы вместе поднялись по лестнице и... Я ахнул от изумления. Стоило нам ступить на площадку, как от неё полился слабый свет, не ярче мерцания раковин, но его было достаточно, чтобы осветить нам путь.

— Здесь какая-то магия, — объяснила Орсия. — Нагнись, приложи ладони к камню.

Я сделал, как она велела, и она сама сделала тоже самое. Там, где мои ладони касались каменной поверхности (да и был ли это камень?.. на ощупь, во всяком случае, — нет), свет становился ярче.

— Попробуй босиком! — Орсия прыгала на одной ноге, стаскивая гибкие чехольчики, служившие ей обувью. — Так ещё ярче.

Я стоял в нерешительности, но Орсия уверенно пошла вперёд и вопросительно оглянулась на меня. Я стащил свои лёгкие башмаки и взял их в руку. Орсия была права: когда мы пошли по площадке босиком, свечение усилилось, и мы смогли разглядеть сооружение, темневшее перед нами.

Стоя перед пустыми окнами и зияющим проёмом дверей, я пожалел, что при мне нет меча, который остался на берегу реки. У меня был нож с восьмидюймовым хорошо отточенным лезвием, но в таких местах воображение сразу рисует опасности, встречать которые нужно с более серьёзным оружием.

Вокруг пустых проёмов не было ни резьбы, ни какой-то другой отделки — ничто не нарушало сурового вида голых стен. Когда же мы отважились войти внутрь, свет у нас под ногами вспыхнул вдвое ярче. Мы очутились в пустом помещении. В длинной противоположной стене было десять дверей, все они казались плотно запертыми, но никаких запоров я не заметил. Орсия подёргала одну из них, но дверь не поддавалась.

— Раньше я не заходила сюда, — сказала Орсия. — Тогда на этих стенах лежало древнее заклетье, а сейчас оно исчезло.

— Но ведь мы безоружны! — меня возмутило, что она чуть не привела нас в ловушку.

— Это было очень старое заветное, — отозвалась Орсия, — и оно отвечало не на наши, а на их защитные слова.

И тут мне пришла в голову мысль. Окинув взглядом ряд запертых дверей, я произнёс два слова из тех, что узнал в Лормте.

Глава 11

Это были не те Великие Слова, на которые я однажды получил ответ, но они служили для испытания и оберегали от зла.

Они эхом прокатились по длинному помещению, и свет у нас под ногами засиял так ярко, что Орсия негромко вскрикнула. Вслед за эхом раздался оглушительный треск и отдалённые раскаты грома. При ослепительном свете я увидел, как дверь, которую до этого дёргала Орсия, раскалывается и распадается на куски. Орсия отскочила в сторону, и обломки, рухнув на пол, рассыпались в прах.

Это произошло только с одной дверью, словно прикосновение Орсии послужило каналом для магической энергии. Мне даже показалось, что дверь раскололась как раз в том месте, которого коснулись пальцы Орсии.

Затем последовал ответ — что-то вроде пения; оно быстро оборвалось, и я не разобрал ни слова.

— Что это?

— Не знаю, — Орсия покачала головой, — но это такая древность! Некоторые звуки... — Она снова покачала головой. — Нет, не знаю. Тут была какая-то защита, теперь она снята. Мы можем идти, бояться нечего.

Я не разделял её уверенности. Орсия сделала шаг к дверному проёму, я не успел удержать её, и она решительно прошла вперёд. Мне ничего не оставалось, как идти следом.

Нас окутало облако золотого сияния, пронизанное яркими отблесками. Мы оказались в квадратном помещении, в центре которого на возвышении в две ступени стоял трон с высокой спинкой и широкими подлокотниками; на троне кто-то сидел. В памяти всплыла история о том, как мой отец, Корис и уцелевшие при кораблекрушении гвардейцы обнаружили в горах Карстена пещеру легендарного Вольта, который вот так же сидел на троне, держа на коленях свой огромный топор. Кориса охватило желание обладать топором, и когда он взял его, останки Вольта рассыпались в прах, словно он только и ждал прихода

отважного сильного воина, способного владеть оружием, выкованным не для обычного человека, но для того, кто почитался полубогом.

Сидящего перед нами мы не могли разглядеть — его окутывал столб голубого света, за которым лишь угадывалась неподвижная, словно окаменевшая фигура. И я понял: это склеп, такой же, как пещера Вольта.

Я не почувствовал ни страха, ни отвращения, наоборот, меня так и тянуло подойти поближе... Осознав свои ощущения, я был поражён.

— Кто это? — вглядываясь в столб голубоватой дымки, Орсия сделала вперёд шаг, другой, третий; она была уже совсем рядом с возвышением.

— Тот, кто не причинит вам вреда, — донеслись до моего сознания слова из ниоткуда.

Вокруг помоста стояли ветхие полуистлевшие ларцы, в них сверкали несметные сокровища, но мой взгляд сразу скользнул на верхнюю ступень — туда, где отдельно лежал ярко освещённый меч.

Я почувствовал, как нетерпеливо шевельнулись пальцы и рука сама потянулась к нему. Металл не отливал голубизной, как хорошая сталь, а казался золотистым — возможно, на нём просто лежали отсветы золотого сияния, наполнявшего помещение. Рукоять была словно высечена из цельного куска жёлтого кварца, на ней вспыхивали, как в дымке, красные, золотые и голубые искры. Меч казался немного длиннее обычного и совсем не был тронут временем.

Меня охватило непреодолимое желание владеть им, никогда, ничего в жизни мне так не хотелось; это желание было сильнее голода, сильнее жажды.

Не такие ли ощущения испытывал Корис, глядя на топор Вольта? Если да, то не удивительно, что он решился взять топор. Но Вольт не помешал ему. Осмелюсь ли я сделать здесь то же самое?

Ободрать мёртвого — это ужасно! Но ведь Корис просил у Вольта топор и, взяв его, совершил с тех пор немало подвигов.

Взять у мертвеца оружие означало попытку сравняться по силе с прежним обладателем этого оружия. Салкары верили, что в пылу сражения воин, взявший меч у мёртвого, может быть одержим его призраком и либо совершит такие подвиги, на которые никогда не отважился бы сам,

либо встретит в бою смерть, если призрак будет мстить или завидовать ему. Известно, однако, что салкары похищали из гробниц славные, легендарные мечи — не в Эсткарпе, а на северном побережье, где у них когда-то были свои гавани, пока они не заключили союз с колдуньями Эсткарпа. О подвигах воинов, владевших такими мечами, ходили легенды.

Я старался преодолеть всепоглощающее желание взяться за эту золотистую рукоять. Но иные желания сильнее рассудка — даже у тех, кто, как я, стремится, чтобы действие опережала мысль. И я не смог победить искушение.

Я скользнул мимо Орсии и, встав на колени, протянул руку к мечу — не левую, а правую, покалеченную; это вышло само собой, и пальцы, те, что ещё могли сгибаться, сомкнулись на рукояти. Однако в последний момент благоразумие всё же одержало верх, я заставил себя оторвать взгляд от меча и посмотреть в голубую дымку.

Там в глубине виднелась какая-то фигура: это было единственное, в чём я не сомневался. Да, Корис взял Топор Вольта, но в качестве дара, а не как грабитель. И я не знал, как поступить.

Разжав пальцы — с усилием, словно они против моей воли старались удержать меч, — я убрал руку и, стоя на коленях, заговорил с тем, кого скрывала дымка:

— Я Кимок Трегарт из Эсткарпа. Я ишу то, что отнято у меня обманом; свой меч я утратил в честном бою. Если я пойду дальше безоружный, я — проиграл. Я не гонюсь за славой. Я могу произнести слова...

И я повторил с л о в а из Лормта, открывшие нам дверь — но на этот раз не с вызовом и не как боевой клич, а как свидетельство того, что я не связан с Тьмой.

Я не знал, что последует за этим. Могло случиться всё, что угодно. Тот, кто сидел в голубой дымке, мог подняться и либо радушно встретить меня, либо сразить своим мечом. Но ничего не произошло, не последовало ни вспышки, ни раскатов грома.

Я замер, озадаченный, но тут же решительно вскинул правую руку, по-военному приветствуя сидящего, затем взял меч. Он был словно только что выкован — остро отточенный и блестящий. Я легко сжал его в покалеченной руке, как будто пальцы никогда и не отказывались мне служить.

Я поднялся на ноги, пошарив за пазухой, достал мок-

рый шарф и сделал из него перевязь для меча, который никак не входил в ножны, висевшие у меня на поясе.

— Ты поступил правильно, — в первый раз за всё это время ко мне долетели мысли Орсии. — Нам не дано видеть вытканых Великими узоров — только отдельные нити их иногда становятся доступны нашему взгляду. Ты взял на себя больше, чем меч; пусть же эта ноша окажется тебе по силам.

Я не знал, разделяют ли кроганы отношение салкаров к оружию мертвеца. Но меч не показался мне тяжёлым. Взяв его в руки, я ощутил необычайное нетерпение, желание спешить вперёд и поскорее выполнить задачу, которую сам себе поставил.

Я было направился к двери, но Орсия замешкалась у возвышения, и, остановившись, я в недоумении оглянулся. Она медленно обходила вокруг трона и фигуры в дымке, рассматривая полуистлевшие ларцы с сокровищами. Может, ей придало храбрости то, что я присвоил меч, и она решила тоже что-нибудь взять себе? Я хотел уже остановить её, но передумал — пусть поступает так, как сочтёт нужным, я не вправе ни о чём спрашивать.

Позади трона Орсия задержалась и вышла оттуда, держа в руке короткий жезл конической формы, покрытый спиральной резьбой. Жезл был цвета слоновой кости, Орсия несла его остриём вверх и когда пошевелила рукой, мне показалось, что я увидел искру белого огня, заплывшую на его конце.

Жезл не походил на оружие, но и не был украшен драгоценными камнями. Орсия несла его так бережно, словно для неё это была такая же ценность, как для меня — меч. Остановившись перед фигурой в дымке, Орсия опустилась на колени, как до этого опускался я, и заговорила вслух с присущей кроганам странной монотонностью:

— Я Орсия, из кроганов, хотя они больше не признают меня за свою. Я способна владеть тем, что взяла из ларца. У меня есть силы, хотя и небольшие, и оружие, хотя и не выкованное в огне из металла. Я беру это, и знаю, что это такое и для чего оно предназначено, ибо я та, кто я есть, и иду туда, куда иду.

Она вытянула руку с жезлом перед собой, и на его конце промелькнула уже не искра, а полоса белого огня. Потом Орсия повернулась ко мне, и мы молча поспешили назад.

Выйдя наружу, мы остановились на площадке перед галереей безликих, безглазых статуй. Я хотел вернуться

тем же путём, но Орсия остановила меня движением руки. Она повела головой из стороны в сторону, раздувая ноздри, словно принюхиваясь. Но я не уловил ничего, кроме запаха стоячей воды, а Орсия явно была чем-то встревожена.

— Что там? — спросил я полушёпотом.

— Фасы, — ответила она так же тихо, — и кто-то ещё.

Я снял с перевязи меч. Под землёй фасы в своей стихии, и здесь мы с Орсией могли оказаться в таком же невыгодном положении, как я — под водой. Я тщетно пытался уловить в воздухе какой-нибудь новый запах — у меня было не такое острое обоняние, как у Орсии.

— Они приближаются... — Орсия показала жезлом на галерею. — Пойдём туда... — она махнула рукой направо вдоль передней стены склепа.

Я не понимал, что мы выигрываем таким образом, но решил, что Орсии виднее, раз она уже бывала здесь.

Мы обулись, чтобы свет не выдал наше присутствие, и поспешили мимо пустых оконных проёмов.

Склеп занимал переднюю часть площадки, ухотившей назад, в глубь, туда, где глухой тенью маячила стена пещеры. Орсия снова подняла голову, принюхиваясь.

— Ты чувствуешь? — спросила она вслух. — Оттуда идёт воздух...

Да, я тоже почувствовал — из глубины площадки шёл отчётливо ощутимый поток воздуха.

— Вода... там течёт вода.

Она побежала, и я ускорил шаг, чтобы не отстать от неё. По мере нашего удаления от склепа вокруг становилось всё темнее. Раковины в сетке у Орсии без воды были бесполезны, и мрак вскоре сгустился почти до черноты того туннеля, по которому мы приплыли. Я прислушался, нет ли преследования. А что впереди? Фасы наверняка сейчас роют ходы. Что если они выйдут нам навстречу?

— Впереди фасов нет, — ответила Орсия на мою мысль. — Вряд ли они бывали здесь раньше. Везде, где они прокладывают ходы, они оставляют своё мерзкое зловоние. Но... хотела бы я знать, откуда этот запах — совсем незнакомый.

Орсию сопровождал едва уловимый свет: она скинула чехольчик с одной ноги, чтобы хоть что-то было видно. Мы дошли до конца площадки. Перед нами в темноте виднелась стена пещеры, над головами нависал её свод. Между краем площадки и стеной мерцала вода: стреми-

тельный поток бежал из туннеля справа, тёк мимо нас и терялся во мраке. Орсия надела чехольчик, и снова стало темно.

— Этот шарф... на котором ты подвешиваешь меч... возьми его за один конец, другой дай мне, и спускайся в воду.

Я подчинился и, почувствовав, как шарф натянулся, двинулся за Орсией. Я боялся, что меня скроет с головой, но мне оказалось всего по пояс. В воде ракушечный светильник Орсии опять зажёгся.

Она повела меня против течения в туннель. Раковины в сетке постепенно тускнели, и я боялся, что они вот-вот погаснут совсем. Орсия подтвердила мои опасения: пустые раковины квати недолго сохраняют способность светиться, и скоро нас опять окутает мрак.

— Ты знаешь этот путь? — спросил я на всякий случай.

Орсия прижала жезл вместе с концом шарфа к груди, свободной рукой зачерпнула воды и попробовала её:

— Нет, но эта вода текла под открытым небом, под солнцем — и совсем недавно. Поток выведет нас наружу.

В сгущающемся сумраке я двигался с трудом. Я всегда чувствовал себя неуютно в подземных ходах, и теперь мне приходилось преодолевать ощущение, будто стены сходятся всё ближе и вот-вот раздавят меня. Орсия же, напротив, шла очень уверенно — должно быть, благодаря воде — и я не хотел, чтобы она догадалась о моём состоянии.

Вскоре, почувствовав резкий рывок за шарф, я остановился и настороженно прислушался. Рука Орсии, перебирая шарф, добралась до моей и сжала её, предупреждая об опасности.

Теперь я тоже услышал впереди всплески. Раковины, едва мерцавшие, наконец совсем погасли, и мы оказались в полной темноте. Я провёл над головой мечом, описав короткую дугу вправо. Меч остриём царапнул стену, и я направился туда, увлекая за собой Орсию, чувствуя себя возле стены увереннее. Всплески приближались. Какие чудовища могли обходить эти тёмные пути?

Орсия стояла совсем рядом, и я почувствовал на своей щеке её дыхание, когда она прошептала:

— Я не знаю, кто это, не могу дозваться. Может быть, не из подводного мира.

— Фасы?

— Нет! Фасов за версту учуешь, — в её словах сквозили отвращение и ненависть.

Я прислушался. Мы успели бы ещё уйти назад, но, вернувшись в пещеру со склепом, могли встретить там фасов. Как бы в этот момент пригодилась мне способность Кайлана воздействовать на животных, подчиняя их своей воле! Он-то смог бы остановить это неизвестное существо и отослать прочь от нас — если только, конечно, это животное, а не какое-нибудь мерзостное порождение Тьмы.

Вдруг Орсия сильнее сжала мою руку. Впереди во мраке над самой поверхностью воды светились два бледных круга, отбрасывавшие тусклые лучи света. Круги были расположены на одном уровне.

Глаза! Но какие! Светящиеся, величиной с мою ладонь, и так широко расставленные, что о размерах головы было страшно подумать!

Я заслонил Орсию, толкнув её к стене. Меч я держал в покалеченной руке и теперь попробовал переложить его в левую, но с ужасом обнаружил, что она слушается меня меньше, чем правая.

Неожиданно глаза резко переместились от поверхности воды вверх, и послышалось громкое шипение. Я не сомневался, что чудовище уже заметило нас, хотя лучи света, отбрасываемые его глазами, не достигали того места, где стояли мы.

Не видя ничего, кроме этих бледных кругов, я решил, что их и буду атаковать. Шипение стало громче: в лицо ударил зловонный поток воздуха, должно быть, выдохнутого чудовищем. Я поднял меч, и хотя это было движение, привычное с детства, почувствовал, что никогда раньше не держал оружие, которое было бы словно продолжением моей собственной руки.

Огромные глаза качнулись вниз, они снова оказались на уровне воды, но уже гораздо ближе. Снова струя зловонного дыхания.

— Кимок! — уловил я мысленный крик Орсии. — Глаза... не смотри в них... А-а-а!.. не пускай меня... помоги...

Я почувствовал, что Орсия вся напряглась, силясь преодолеть давление моего тела, и вот-вот вырвется у меня из-за спины.

— Глаза... они притягивают меня к себе... не пускай меня! — Теперь Орсия, охваченная ужасом, кричала во весь голос.

Дольше ждать было нельзя. Я толкнул её плечом, Орсия отлетела в сторону и раздался всплеск — должно быть, она упала в воду. Но как бы не действовали эти глаза на Орсию, надо мной они власти не имели.

Ни пробежать, ни прыгнуть вперёд было невозможно — не пускало сильное течение; я словно увязал в глубоком песке и боялся потерять равновесие. Глаза на уровне моего пояса... значит, челюсти должны быть под водой.

— Ситри!

Это незнакомое слово вырвалось у меня, как боевой клич. Теперь я был уже не Кимок Трегарт, а кто-то другой, кто знал, как вести такой бой, и чувствовал себя в темноте вполне уверенно один на один с невидимым врагом. Мне казалось, что я с благоговейным трепетом наблюдаю со стороны за собственными действиями. Я почувствовал, что моя искалеченная рука повинуется мне лучше, чем до ранения, и, бросившись вперёд, взмахнул мечом...

Я попал прямо в один из бледных кругов. Из воды с душераздирающим рёвом взметнулась громадная масса. Что-то отбросило меня одним сокрушительным ударом — должно быть, огромная лапа, — но я не выпустил из рук оружие и снова поднялся на ноги, встав спиной к стене прямо перед единственным светящимся кругом.

Чудовище устремилось на меня, и я ударил мечом, почти ни на что не надеясь. Остриё попало во что-то твёрдое, скользнуло вниз и вонзилось точно во второй круг. Меня отбросило назад и огромной тяжестью придавило к стене. Если бы я оказался под водой, то неминуемо бы погиб, потому что слишком сильно ударился и потерял сознание. Придя в себя, я почувствовал, что по пояс придавлен гигантской неподвижной тушей.

Левой рукой я осторожно пошарил перед собой: чешуйчатая шкура — судя по всему, огромная конечность. Всё тело у меня онемело, и я попробовал освободиться, однако это оказалось не так-то просто. Наконец я выбрался и, шатаясь, поднялся на ноги, по-прежнему держа меч, как будто ничто не могло заставить меня выпустить его.

— Орсия! Орсия! — позвал я сначала вслух, а потом мысленно.

Может быть, во время схватки чудовище навалилось на неё, и она лежит теперь, раздавленная его весом?

— Орсия!

— Иду... — мысленно ответила она откуда-то издалека.

Прислонившись к стене, я ощупал себя: весь бок болел, но рёбра, кажется, остались целы. Куртка была разодрана на плече.

Да, мне повезло — слишком повезло, чтобы назвать это просто счастливой случайностью. Может быть, салкары правы, и, после того, как я взял меч, в бою в моё тело вселился дух его прежнего владельца? И что означало то неизвестное слово, которое я атакуя, бросил в лицо врагу (если только у чудовища могло быть лицо)? Надо запомнить это слово.

— Кимок!

— Я здесь.

Орсия шла ко мне. Вытянув перед собой руки, я наткнулся на неё, и её пальцы горячо сжали моё запястье.

— Я упала в воду и, наверное, потеряла сознание. Меня унесло назад течением. Что... что здесь было?

— Чудовище мертво.

— Ты убил его!

— Его убил меч, я просто держал его в руке. Но похоже, мы выбрали опасную дорогу. Впереди могут быть и другие неожиданности.

— Сзади идут фасы... а с ними то, другое...

— Что другое?

— Не знаю. Знаю только, что оно послано Тьмой. Оно даже отдалённо не похоже на человека, и фасы сами боятся его, хотя им и приходится сейчас иметь с ним дело.

Итак, нам оставалось двигаться только вперёд. Мы перебрались через мёртвую тушу, почти перегородившую поток, и отправились дальше. Раньше воды в туннеле было по пояс, а теперь её уровень из-за трупов чудовищ, ставшего своеобразной запрудой, поднялся, и вода продолжала прибывать. Мы заторопились, опасаясь, что туннель затопит доверху.

— Глаза... ты сказала, что глаза притягивали тебя, — вспомнил я.

— А разве ты сам не почувствовал, — удивилась Орсия, — что ничего не можешь с собой поделаться и сам идёшь к нему в пасть? Но нет, ты, конечно, этого не чувствовал, иначе бы ты с ним не сразился! Значит, у тебя есть своя собственная защита, чужеземец!

Насколько Орсия могла объяснить, чудовище взглядом притягивало её к себе, как будто парализуя её волю. Может быть, так оно охотилось в этих тёмных туннелях, без труда захватывая жертву. Однако моя невосприимчи-

вость к его магнетизму поразила нас обоих. Это могло быть связано с мечом. Какой бы невероятной ни показалась моя мысль, я не сомневался, что когда-то этот меч уже использовали против именно такого чудовища, и я вступил в схватку и победил лишь под воздействием памяти о том прошлом сражении.

К счастью, вода поднялась нам только по грудь, и я подумал, что будут делать фасы с этой перегородившей туннель громадой, когда наткнутся на неё.

Поток, по которому мы шли, вывел нас к подземному озерку. Здесь слышался плеск падающей с высоты воды. Свет, дневной свет, хотя и слабый, тусклый, падал сверху на пенившийся водопад, низвергавшийся из расщелины под сводами пещеры.

Глава 12

В воздухе висела водяная пыль, но всё было видно. Я помог Орсии вылезти из воды, и мы встали спинами к стене напротив водопада — отсюда были хорошо видны расщелины вверх, пропускавшие свет (их было всего три).

Я понял, что вскарабкаться по отвесной стене возле самого водопада невозможно — слишком плотной была там завеса водяной пыли. Ещё одна расщелина тоже была недоступна — она виднелась почти у нас над головой, и достичь её мы могли, только имея крылья. Я стал разглядывать третью расщелину — узкую и длинную — справа от водопада; можно было попробовать подняться к ней по скале.

Но даже если бы нам удалось выбраться наружу, мы не знали, где окажемся и что нас там ждёт. Я поделился этой мыслью с Орсией, она покачала головой:

— Мы в горах. У тебя впереди по-прежнему — Чёрная Башня.

Меня удивила её уверенность, но я не хотел спорить.

— Ты сможешь влезть на скалу? — спросил я.

Её перепончатые ступни наверняка были мало приспособлены для такого восхождения.

— Не знаю, надо попробовать, — ответила она.

Скала блестела от воды, но была достаточно неровной, чтобы, цепляясь руками, лезть по ней босиком. Спешить тут было нельзя.

Я полез первым, ощупывая перед собой каждый выс-

туп, то и дело оглядываясь на карабкавшуюся за мной Орсию. Подъём давался ей нелегко, и всё же она медленно продвигалась вперёд. Преодолев две трети пути, я встретил небольшой уступ, на котором мы смогли сделать передышку — силы у нас были на исходе.

Выбравшись на уступ, я лёг и протянул руку Орсии, помогая ей влезть на узкое пространство рядом с собой. Она растянулась вплотную ко мне; потом, раздувая ноздри, повернула голову к трещине в скале позади нас.

— Фасы!

— Здесь?

Уступ был совсем неподходящим местом для того, чтобы принять бой. Но лезть дальше и подвергаться нападению снизу мне тоже не хотелось.

— Сейчас их здесь нет, — сообщила Орсия через мгновение. — Но эта трещина ведёт в их нору. Надо скорее уходить.

Да, вход в нору фасов был неподходящим местом для отдыха, учитывая, что малейшего толчка в бок было достаточно, чтобы скинуть нас вниз. Я осторожно поднялся на ноги. Не обращать внимания на усталость, на боль в плечах и руках. Большая часть подъёма уже пройдена. Думать только о нескольких дюймах впереди... о следующем выступе, за который можно ухватиться... а потом — о следующем...

Эта последняя часть пути была медленным мучительным восхождением. Моя покалеченная рука совсем онемела; я видел, как она хватается за камень, но не чувствовал его поверхности под непослушными пальцами. Вот-вот они разожмутся, и...

Но, наконец, рука моя просунулась в отверстие, ведущее наружу. Свет, лившийся из него, был неярким, и я решил, что наверху пасмурный день. Я вылез и оказался на дне ущелья, откуда бежал поток, низвергавшийся водопадом в пещеру. Кроме него вокруг были только отвесные скалы и песок. Повернувшись, я втащил за собой Орсию.

Вид у нас был истерзанный, одежда превратилась в лохмотья, перепачканные руки и ноги — в ссадинах и кровоподтёках. Но выбравшись из этих тёмных переходов, я почувствовал такое облегчение, что у меня закружилась голова; впрочем, это могло случиться и от голода.

Орсия подошла к потоку и опустилась возле него на колени, пристально вглядываясь в воду, как Лоскита в свой голубой песок. Затем она молниеносно сунула руку в

воду и вытащила что-то отчаянно извивающееся, длинное и тонкое, похожее скорее на змею, чем на рыбу. Ударив свою добычу о камень, Орсия бросила её на песок, потом снова сунула руку в поток. Как ни был я голоден, эти змееподобные твари не вызывали у меня аппетита. Вытряхнув из сетки раковины, Орсия бережно собрала в неё свой улов.

Мы пошли по ущелью — я по песку, Орсия по воде. В пути она дважды останавливалась посреди потока, образующего вокруг её ног водовороты, вылавливала рыбу и клала её в сетку.

Ущелье постепенно расширялось, стала появляться какая-то растительность. Сгущались сумерки. Мы свернули в сторону от воды и нашли укромный уголок между огромным валуном и выступом скалы, где и решили заночевать. Орсия взяла у меня нож и принялась чистить рыбу, а я начал таскать камни и выкладывать из них переднюю стену нашего убежища.

Я думал о сырой рыбе без удовольствия, но когда Орсия протянула мне кусок, я не отказался от него, стараясь, правда, не думать о том, что ем. Вкус был не такой уж неприятный, как я ожидал. И хотя мне не хотелось бы есть такую пищу всю жизнь, я прожевал и проглотил свою порцию.

Уже стемнело, когда Орсия взяла обёрнутый в шарф Каттеи конический жезл и, развернув, осторожно установила его перед собой остриём вверх. Нагнувшись, она подула на остриё, потом начертала над ним руками какие-то знаки — некоторые из них я видел раньше, наблюдая за Каттей. Я понимал, что в это время Орсию нельзя отвлекать, и подумал: — «Кто же она такая? Может быть, у кроганов тоже есть свои колдуньи?»

Наконец Орсия выпрямилась, потирая руки, как будто они замёрзли или что-то прилипло к ладоням.

— Ложись спать, ты можешь быть спокоен — на нас никто не нападёт среди ночи, — пришла ко мне её мысль. — У нас есть страж, какого не знали ни мои предки, ни предки моих предков.

Мне очень хотелось спросить, в чём состояло её колдовство, но я знал правило: ничего не спрашивать у колдуний, если они не объясняют тебе сами. Орсия молчала, и мне осталось только строить догадки; при этом я не сомневался, что ночью нам нечего бояться, и это было очень кстати — вряд ли у меня хватило бы сил бороться со сном

и сторожить наше убежище. Я валился с ног от усталости.

Когда я проснулся, Орсия уже не спала: она сидела, держа ладони над остриём жезла в позе человека, греющего руки над огнём. Услышав, что я пошевелился, она вышла из глубокой задумчивости и посмотрела на меня.

Волосы, теперь совсем сухие, лёгкой пеленой серебрились вокруг головы и плеч. Сейчас она почему-то меньше походила на человека и казалась более странной, чем когда я впервые увидел её на острове у кроганов.

— Я занимаюсь проницанием... Ешь. — Она кивнула на оставленный для меня кусок рыбы. — И слушай!

Я почувствовал в ней ту же властность, что была в колдуньях Эсткарпа, и бессознательно подчинился. Проницание... Это слово было мне незнакомо. Я решил, что она имеет в виду прорицание — вроде того, что делала Лоски-та, а я ничего такого больше не хотел.

Орсия, прочитав мои мысли, помотала головой.

— Нет, я не предсказываю будущее, а раскрываю опасности, которые могут поджидать нас на этой земле. Их здесь много повсюду...

Я огляделся, но ничего не увидел, кроме редких кустов и потока.

— Глазам здесь доверять нельзя, — снова ответила Орсия на мою мысль. — Что бы ты ни увидел, посмотри во второй, в третий раз, но и тогда не верь глазам.

— Наваждения? — догадался я.

Орсия кивнула:

— Да. Тёмные силы ловко нас морочат. Смотри.

Уперев ладонь в остриё жезла, Орсия дотянулась до меня и положила другую ладонь мне на лоб, и я заморгал от изумления. Скала невдалеке вдруг стала бородавчатым серым чудовищем, которое озиралось вокруг и шевелило огромными когтистыми лапами.

— Теперь посмотри на свой меч, — мысленно велела Орсия.

Увидев скалу-чудовище, я, должно быть, невольно схватился за рукоять меча. На блестящем металле рдели руны, словно написанные свежей кровью, на неизвестном мне языке.

— Наваждение? Или действительно чудовище? Тогда почему же оно на нас не нападает?

— Потому что нас тоже скрывает наваждение.

Орсия отняла ладонь от жезла, и я снова увидел скалу.

— Пока мы вместе, ты защищён... — она помедлила. —

Но я могу идти с тобой только там, где есть река или хотя бы ручей. Мне нельзя долго без воды. Так что последнюю часть пути ты сделаешь один.

— Тебе незачем идти со мной, — сразу ответил я. — У тебя есть средство обезопасить себя. Оставайся здесь... — я хотел сказать «оставайся здесь, пока я не вернусь», но вспомнил, что на возвращение особенно рассчитывать не приходится. Мои поиски касались только меня, и я не хотел ничем связывать Орсию.

Казалось, она не слышала моих слов, рассматривая свой жезл.

— Меч будет предупреждать тебя об опасности. Не в моей власти прочитать его историю: моя магия связана с водой и немного с землёй, по которой она течёт. Но от народа к народу кочуют легенды. Ты видел, при приближении зла на этом мече выступает кровь. Когда мы расстанемся, он послужит тебе как пробный камень: с его помощью ты узнаешь правду о том, что увидишь. Прекрасное может оказаться отвратительным и опасным. То, что кажется отвратительным, может быть безобидным. Не полагайся на зрение. А теперь идём — уже утро.

— Там... эта тварь... — я поднялся на ноги с мечом в руке, готовый к тому, что скала вот-вот превратится в чудовище.

— Это, наверное, страж. — Орсия снова обмотала жезл шарфом Каттеи. — Дай мне руку и потихоньку иди за мной в воду. Он может почуять нас, но не увидит.

Я не сводил глаз со скалы, опасаясь, что пока вижу неподвижное наваждение-скалу, то, что скрывается за ним, может подкрасться к нам.

— Не думай об этом, — велела Орсия. — И не будем больше пользоваться мысленным контактом; хотя эти твари нас и не поймут, они чутко на него реагируют.

Держась за руки, мы вошли в поток. Как в туннеле, мы шли против сильного течения, по колено в воде. Я держал перед собой обнажённый меч, следя за его поверхностью. Пока мы проходили скалу, руны рдели, а потом стали бледнеть и исчезли.

Во второй раз они появились не скоро. Теперь опасность была видимой: на уступе скалы сновали маленькие суетливые фигурки — фасы! Они, притаскивая в корзинах землю и камни, высыпали их и бежали назад. Орсия сжа-

ла мои пальцы, и я почувствовал, что её захлестнула волна отвращения.

За выступом мы снова увидели занятых работой фасов. Они строили дорогу, ведя её над обрывом. Среди них виднелись какие-то люди в шафраново-жёлтых плащах, державшие в руках не мечи, а палки. Они, очевидно, руководили работой, направляя фасов туда-сюда и заглядывая в какие-то свитки — наверное, карты и чертежи. Для чего нужна была эта дорога, оставалось для меня загадкой, я понял только, что это строительство имело для врага большое значение.

Отпустив на мгновение мою руку, Орсия поднесла палец к губам, и я понял, что её предупреждение о необходимости молчать относится и к мысленному контакту. Она тут же снова сжала мою ладонь, словно оказаться порознь даже на мгновение было слишком опасно.

В отдалении множество фасов работало на берегу, некоторые громоздили посреди потока опору из камней, входя в воду с откровенной неохотой; их подгоняли двое в шафрановых плащах. Пройти мимо них по воде было, как мне казалось, невозможно.

Я указал остриём меча налево. Окинув взглядом левый берег, Орсия кивнула. Мне казалось, что идя по воде, мы плеском неминуемо привлечём к себе внимание. Но мы достигли противоположного берега незамеченными.

Я понял, что Орсия каким-то образом сделала нас невидимыми для работающих, но вздохнул с облегчением, только когда открытое пространство кончилось. Пробираясь среди кустов и огромных камней — такой способ прятаться был для меня более привычен — мы благополучно миновали суетившихся на другом берегу фасов. Я не мог понять, что они замышляют, ясно было только, что всё это не сулит нам ничего хорошего.

— Послушай, я слазаю наверх... посмотрю, что впереди.

— Будь осторожен. Когда мы порознь, ты становишься видимым.

— Мне не в первой, — самонадеянно ответил я.

Орсия спряталась среди камней, а я привязал меч к поясу и стал карабкаться на утёс, отколовшийся от скалы, по расщелине, отделявшей его от стены ущелья. Я почти достиг уступа, на который собирался вылезти, как вдруг

сверху раздался зловещий угрожающий крик. Если бы нападавший не выразил так ясно свои намерения, я стал бы для него лёгкой добычей. Но услышав крик, я, упираясь ногами, оттолкнулся от утёса, привалился спиной к скальной стене — эта часть расщелины была достаточно узкой — и сорвал с пояса меч.

Летучая смерть с шумом пронеслась надо мной, подняв крыльями такой ветер, что я чуть не потерял равновесие. Затем она описала круг, вернулась и, сев надо мной на вершину, нацелилась на меня своим смертоносным клювом. Маленькая голова на длинной гибкой шее словно состояла из одного клюва да глаз, направляющих удар.

Я поднял меч, на нём пламенели руны. В расщелине невозможно было развернуться, чтобы свободно нанести удар. Казалось, это конец. Клюв метнулся ко мне. Короткий взмах меча в тесном промежутке — руны ослепительно сверкнули — и... по чистой случайности я попал. Раздался пронзительный крик, змеиная шея судорожно вскинулась, и я увидел, что клюв отрублен до основания. Крылатая тварь взлетела и стала бешено метаться по воздуху взад-вперёд, потом ударилась о скалу и, корчась, кувырок с шумом рухнула вниз.

Я в изумлении смотрел на меч. Как и в схватке с чудовищем в туннеле он действовал самостоятельно, словно ожил и исполнял какое-то своё предназначение. Я и не рассчитывал на такой удар, я всего лишь пытался отмахнуться. Что же за неведомую силу извлёк я из таинственного склепа?

Мои мысли вернулись в настоящее. Крики крылатой твари наверняка привлекли внимание работающих у реки фасов. Надо скорее уходить. Я подтянулся к вершине и окинул взглядом то, что открывалось впереди.

Ущелье выходило на холмистую местность, усеянную каменными глыбами. Повсюду ощущалось какое-то движение, скрытое лёгкой дымкой. Вдали виднелась светлая полоска — вероятно, дорога. Но сколько я не вглядывался, никакой башни не заметил. Чтобы двигаться дальше, нам предстояло пересечь эту дорогу.

Я спустился вниз, у подножья меня ждала Орсия.

— Скорее! — она протянула мне руку. — Они придут на крик руза и, когда найдут его, поймут, что здесь чужие. Не уверена, спасёт ли нас тогда наша защита.

— Ты знаешь, где Чёрная Башня? — идти дальше наугад не имело смысла.

— Знаю только, что она где-то близко. Но у тебя есть проводник получше меня.

— О чём ты?

— О той, кого ты ищешь. Если узы между вами так прочны, открой свой ум и сердце, и они приведут тебя к ней.

— Но ведь нас могут обнаружить, — я вспомнил, что Каттея предупреждала меня об этом.

— Если ты прибегнешь к сверхъестественному — возможно. А ты используй жажду своего сердца, Кимок. Ты говорил, что вы трое — порой как единое целое, чем-то отдалённое от других. Думай о сестре, призывая на помощь не знание и умение, а только своё собственное чувство.

— Но как это сделать?

Я мог думать о Катте, беспокоиться за неё, стремиться её увидеть — но это ли имела в виду Орсия?

— Отбрось свои страхи, в этих краях много такого, что, питаясь страхами, обращает их против тебя. Думай лучше о том времени, когда вы были неразлучны и счастливы. Вспоминай, какой она была в те дни. И вот ещё что: остерегайся наваждений. Прекрасное может казаться отвратительным, отвратительное — прекрасным.

— Ты это уже говорила.

— И могу повторять сколько угодно. Дикий зверь и меч опасны, но ещё большая опасность может гнездиться у тебя в голове.

Мы шли рядом. Орсия говорила с уверенностью, а я всё не решался попробовать. Что такое мысленный контакт, я знал, но способ поиска, о котором говорила она, был мне незнаком — если только он не был похож на тот, что провёл меня по лабиринту каменного леса. Магическая энергия шарфа уже иссякла, но он тогда сослужил мне хорошую службу. Может быть, попытаться снова?

Я рассказал об этом Орсии. Выслушав меня, она в раздумье, прищурившись, посмотрела на шарф, обёрнутый вокруг её жезла.

— Прибегнуть в этих местах к магии — всё равно, что зажечь огонь маяка, он привлечёт всю округу. Но шарф долгое время соприкасался с жезлом и приобрел силу... Хотя ты можешь оказаться не в состоянии управлять этой силой...

Она в раздумье перевела взгляд на меня. В следующий момент Орсия задала мне неожиданный вопрос, не имевший, казалось бы, никакого отношения к происходящему:

— Скажи, Кимок, был ли ты близок с женщиной?

— Да, — в недоумении ответил я.

Это было давно, во время затишья на границе, и я тогда был другим человеком.

— Значит, у тебя ничего не получится, но у меня... Какие слова ты произнёс в каменном лесу?

Я шёпотом медленно повторил эти слова. Орсия беззвучно двигала вслед за мной губами. Потом она кивнула.

— Мне нельзя уходить далеко от воды. Надо найти место, где я смогу укрыться и ждать тебя, а ты пойдёшь дальше. Я произнесу слова, и шарф поведёт тебя, но ты должен всё время представлять себе образ Каттеи. Ведь я никогда не видела её, и между нами нет никаких уз. Запомни: твоё сердце, а не ум будут направлять шарф. Вот это, — она прижала к груди жезл, — имеет силу только в руках девственницы. Это рог единорога, от прикосновения чужой руки он теряет часть силы.

Я в изумлении смотрел на видневшийся из шарфа конец жезла. Передо мной был редчайший предмет, о магической силе которого ходили легенды. Даже года у нас назывались именами древних животных: год Грифона, год Змеи, год Единорога.

Прячась за камнями, мы добрались до дороги. Орсия жестом остановила меня: на мече опять выступили красные руны. Переходить дорогу было нельзя, и мы отправились вдоль неё, пока не дошли до пересекавшей её речки. Моста не было, дорога обрывалась на одном берегу и продолжалась на другом. Орсия улыбнулась:

— Ага.. с водой они пока не справились.

— Что-что?

— Видишь эту речку? Силы зла не могут преодолеть её без помощи какого-нибудь сильнодействующего, сокрушительного колдовства. Они сделали дорогу и здесь, и на другом берегу, но пока им не удалось построить мост через поток. Вот тут-то мы и пройдем.

Она с удовольствием бултыхнулась в воду, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней. Мы поплыли по середине, подальше от берегов, но когда поравнялись с дорогой, руны запылали так ярко, что казалось, по лезвию вот-вот покатятся кровавые капли.

Когда мы миновали дорогу, я хотел было снова выйти на берег — на открытой поверхности реки нас легко могли заметить — но Орсия сказала, что мы по-прежнему невидимы для врага. Мы всё ещё спорили по этому поводу, когда она вдруг вскрикнула и указала назад, вниз по течению. Я оглянулся.

Кто-то невидимый плыл против течения, рассекая воду. Я посмотрел на меч, который держал наготове — его поверхность отливала холодновато-серым блеском, кровавых рун не было. Тем временем кто-то продолжал приближаться к нам.

Глава 13

Орсия сделала шаг, потом другой ему навстречу. Меч показывал, что опасности нет, но неизвестное и невидимое всегда внушает страх — такова уж природа человека.

— Кофи! — позвала Орсия.

Клин рассекаемой воды повернул к ней. Потом, судя по плеску, невидимка пошёл по мелководью.

— Что это? — спросил я.

— Мерфей, — ответила Орсия.

Она издала тихое щебетанье, не похожее ни на какой знакомый мне язык. Слово «мерфей» ничего мне не говорило. Невидимка, обдав нас брызгами, поплыл дальше, а Орсия взяла меня за руку:

— Идём! Сегодня нам везёт. Кофи выведет нас в безопасное место.

— Ты видишь его? — спросил я.

Глаза Орсии расширились от удивления:

— А ты разве нет?

— Я вижу только след на воде.

— Да вон же он... его отлично видно...

Но я ничего не мог разглядеть, как ни старался.

Орсия тряхнула головой:

— У них есть что-то общее с нами, но они гораздо меньше ростом и внешне это, скорее, животные. Они селятся в основном поодиночке и редко общаются с себе подобными. Но мы с Кофи родственные души — он любит отдалённые места, где не бывают его сородичи. Раньше мы много странствовали вместе. У него необычайный ум — никакие наваждения его не обманут. Он обследовал здесь все водные пути и наблюдал при этом, что делали враги. Они готовятся к великому походу на запад...

— В Долину?!

— Может быть. Однако их час ещё не пробил. Они ждут какого-то сигнала или приказа.

Я подумал о Динзиле и о том, что, по словам Лоскиты, он мог сделать теперь, когда Каттея у него в руках. Желание во что бы то ни стало отыскать Чёрную Башню вскипело во мне с удесятёрённой силой. Я пошёл быстрее, за руку увлекая за собой Орсию. Наш невидимый проводник плыл, не сбавляя скорости.

Растительности на берегах становилось всё больше и больше. Орсия по пути находила в воде съедобные корни, очищала их и складывала в свою сетку. Мы немного перекусили на ходу. Мерфей плыл впереди. Он на почтительном расстоянии обогнул лежащую в воде каменную глыбу, Орсия последовала его примеру и знаком велела мне сделать тоже самое.

Проходя мимо этой глыбы, я увидел, что она обтёсана и раньше могла служить опорой какому-нибудь сооружению. Другие такие же лежали в беспорядке на берегу, словно разметанные каким-то титаническим ударом. Они были не голубые, как те, что могли послужить нам прибежищем, а желтовато-серые, неприятные на вид.

— Древнее обиталище Силы, — пояснила Орсия. — Горе тому, кто потревожит её.

Проходя мимо, я почувствовал неприятный озноб, а может быть, мне это только показалось...

На смену кустам пришли деревья со странными причудливыми листьями, вроде тех, что были в проклятом лесу, который встретился нам, когда мы перебирались в Эскор через искорёженные горы, где колдовская сила воздвигла барьер между Эсткарпом и враждебной страной на востоке. Эти сетчатые листья, хоть и живые, насквозь просвечивали и напоминали высохшие останки от листьев. Высокая трава, обоюдоострая, как меч, грозила исполосовать в кровь каждого, кто по неосторожности её заденет. Попадались и какие-то другие растения отталкивающего вида, до которых я ни за что не решился бы дотронуться.

В этих малопривлекательных зарослях виднелись проходы среди обычных деревьев и травы. Незримый Кофи свернул налево в боковой проток с берегами, образующими один из таких проходов.

В этой местности за горами почему-то невозможно

было определить, где север, где юг. Но я решил, что мы, наверное, опять двигаемся на восток, всё дальше в неведомое.

Впереди слышались всплески — поток становился всё мельче, и Кофи, судя по всему, теперь не плыл, а шёл, как и мы. Мои лёгкие башмаки почти совсем развалились, и я стал думать, чем бы их подправить. Может быть, отрезать полоску кожи от куртки, чтобы подвязать башмаки?

Над головами у нас смыкались густые ветви деревьев, образуя полог, непроницаемый для солнечных лучей. Под ним в сумраке клочьями плавал туман.

— Ну вот, здесь можно и остановиться! — впервые после того, как мы вошли в проток, нарушила наше молчание Орсия. — Спасибо, Кофи.

Перед нами посреди потока возвышался какой-то поросший кустарником холм, слишком правильной формы, чтобы принять его за естественный островок.

— Жилище аспта, и очень большое, — объяснила Орсия. — Вход должен быть со стороны берега. Похоже, поток сильно обмелел с тех пор, как здесь жили.

У кромки воды при полном безветрии качалась ветка. Орсия засмеялась:

— Видим, видим, Кофи. Ещё раз благодарю тебя, — и она снова издала странное щебетанье.

Мы подошли ко входу в холме, я вытащил оттуда клубок спутанных корней и несколько камней, и мы вползли внутрь, оказавшись в тёмной пещере, вроде той, где Орсия лечила мою рану. Кровля кое-где провалилась, сквозь отверстия проникал слабый свет, так что я передвигался не вслепую. Кофи оказался хорошим проводником — более укромное место для ночлега нам трудно было бы найти.

У противоположной стены послышался глухой стук. Может быть, это Кофи расположился с нами по соседству?

— Ну конечно, — ответила на мои мысли Орсия. — А что, если... Давай-ка попробуем!

Она протиснулась позади меня и, наклонившись, положила ладони мне на лоб.

— Смотри внимательно, — велела она. — Видишь что-нибудь?

Я прищурился и заморгал. Клок тумана в сумраке? Нет,

это был не проникший внутрь туман, а какое-то существо. Ну да — Кофи, я отчётливо увидел его.

Он был маленький, примерно до середины моего бедра, и, в отличие от асптов, походил на человека: у него были руки и ноги, хотя и чешуйчатые, как у ящеров Долины, и перепончатые, как у Орсии. Круглая голова, казалось, росла прямо из плеч. Спереди и сзади тело покрывал сужавшийся книзу панцирь. Едва я стал приглядываться к мерфею, как голова его мгновенно ушла в плечевую часть панциря, и остались видны только глаза.

Орсия отняла ладони, и Кофи пропал. Я протянул правую руку вперёд ладонью кверху, показывая, что в ней ничего нет, — это был общепринятый знак мирных намерений — и произнёс приветствие воинов Эсткарпа:

— Кимок Трегарт приветствует тебя, Кофи. Мир тебе.

Послышался шорох, я почувствовал лёгкое прикосновение к рубцам на руке, словно перепончатые пальцы Кофи легли на них, и я понял, что он признал во мне друга.

Орсия раскрыла свою сеть и вынула собранные в речке корни, отложив полдюжины в сторону. Мы принялись есть, но кофи к нам не присоединился. Я спросил, почему.

— Он ушёл на охоту и принесёт нам новости о том, что происходит вокруг этого чистого места.

Собрав оставшиеся корни, Орсия сказала:

— Положи это в поясную сумку, Кимок. Это тебе на дорогу. Не нарушай запрет Дагоны, не прикасайся даже к той пище, которая покажется тебе хорошо знакомой. А теперь надо отдохнуть. Кто знает, что предстоит нам завтра.

Я не знал, вернулся ли к нам Кофи. Но в ту ночь я спал плохо, меня не оставляла смутная тревога — будто поблизости таилось нечто, существующее за порогом моих ощущений. Ведало ли оно о моём присутствии и только ждало удобного момента, чтобы напасть? Думаю, мне было бы даже спокойнее, если бы я знал наверняка, что это так.

Орсия тоже почти не спала. Я слышал, как она ворочается, потом увидел слабую бледную вспышку и понял, что Орсия снова устанавливает с помощью жезла магическую защиту. Когда в наше убежище заглянул серый рассвет, мы уже встали и были готовы отправиться в путь. Орсия снова обмотала рог шарфом Каттеи.

— А где Кофи? — спросил я.

— Ждёт нас снаружи.

Выйдя, мы оказались в густом тумане. В зарослях тростника послышался всплеск, и Орсия ответила щебетаньем. Потом помолчала, прислушалась и повернулась ко мне:

— Башня впереди. Кофи говорит, путь к ней лежит вдали от воды. Башня заколдована, раньше в ней стоял гарнизон, но теперь он распущен, и Башня охраняется по-другому. Мы с Кофи можем проводить тебя до начала подъёма в гору, но дальше... — Она покачала головой. — Вода для мерфеев ещё важнее, чем для нас, а я на суше — всего лишь обуза. Но всё, что могу, я для тебя сделаю.

Впереди снова плеснул невидимый мерфей. Мы шли в таком густом тумане, что Орсия казалась лишь неясной тенью. До сих пор нас вёл проводник, но что если мне и потом, одному, придётся идти в таком тумане? Как я найду Башню?

— Разве я не говорила, что тебя поведёт твоё сердце и вот это? — Орсия подняла конец шарфа. — Подожди отчаиваться, посмотрим, что будет дальше.

Лоскита предрекала беду и смерть, связанные с Башней... Даже если мне удастся избежать третьего будущего, ждущего меня в Долине, то ведь оставались ещё два...

— Нет! — Эта мысль, вырвавшись у Орсии, столкнулась с моей. — Верь, что твоё будущее не предопределено, что ты можешь управлять судьбой. Послушай, если ты окажешься в безвыходном положении и поймёшь, что тебе не уклониться от будущего, которое ты увидел на песке у Лоскиты, тогда произнеси те слова, которые вызвали о т в е т. Худшее зло ты всё равно не навлечёшь, но кто знает, может быть, переломишь судьбу, если противопоставишь силе — силу. Это опасно, но бывают обстоятельства, когда приходится решаться на крайние средства.

В тумане я утратил ощущение времени. Судя по свету, был день, но давно ли мы покинули нору, я не мог сказать. Речка постепенно мельчала, из воды всё чаще выступали камни.

Орсия споткнулась об один из них.

— Здесь мы расстанемся, Кимок. Вот...

Она медленно развернула обмотанный вокруг жезла шарф и, выйдя из воды, села на камень. Её мысли внезап-

но закрылись для меня — наверное, она была поглощена колдовством, стараясь усилить магическую связь между шарфом и той, что прежде носила его. Шарф лежал у Орсии на коленях, поверх обтрёпанного зелёного шёлка покоились её руки, державшие рог, как горящую свечу. Орсия беззвучно шевелила губами, словно про себя произносила что-то нараспев.

Затем, наклонив рог, она подцепила острым концом шарф и протянула его мне.

— Я сделала, что могла. Думай о Каттее и запомни — о той Каттее, с которой ты был крепко-накрепко связан, пусть даже она и живёт теперь только в прошлом.

Я взял эту полоску шёлка — уже совсем не такого ярко-го, каким я нашёл его в каменном лесу, — собрал его в кулак и, сжав, попробовал сделать, как велела Орсия.

Где в прошлом была та Каттея, с которой Кайлан и я составляли неразрывное единство? Нет, не в Долине и не во время нашего бегства в Эскор, и не тогда, когда она была у колдуний, а мы с Кайланом воевали на границе. Так, год за годом, я мысленным взором скользил в глубь прошлого, пока не достиг тех дней, когда мы, ещё совсем дети, жили в Эстфорде, и мать приехала с убитым видом: Симон Трегарт, наш отец, пропал, и никто не знал куда — разве что его взяло море.

Да, в те дни мы трое были едины, как никогда. Я извлёк из колодца памяти образ Каттеи, ещё не побывавшей в Обители Мудрейших, стремившихся воспитать её по своему образу и подобию.

Я не знал, насколько верно моё воспоминание, но в том, что такой она мне тогда казалась, я не сомневался. Я мысленно восстановил её образ со всей отчётливостью, на какую был способен. Та Каттея составляла третью часть неделимого целого, в единстве своём неизмеримо большего, чем любой из нас в отдельности. С ней я был связан неразрывными узами.

Шелковистая ткань, которую я сжимал в руке, казалось, начала сопротивляться давлению моих пальцев. Я разжал их, и она свилась жгутом; один его конец свесился вниз, жгут соскользнул на каменистый берег и пополз, как змейка, прочь.

Забыв обо всём, я бросился за ним и только позднее сообразил, что не попрощался с Орсией, а ведь я даже не

был уверен, смогу ли снова найти тот каменный выступ в протоке, возле которого оставил её. Но я твёрдо знал, что если позволю другим мыслям отвлечь меня от вызванного в памяти образа Каттеи, то лишусь своего проводника.

Не отрывая глаз от зелёного жгута, я карабкался по крутому берегу. Наверху туман начал рассеиваться. Я шёл через заросли обычных кустов и деревьев, обрамлявших проток. Но вскоре растительность стала редеть, а дальше пошла какая-то странная трава отталкивающего вида.

Я отрезал от куртки снизу две полосы, чтобы подвязать башмаки, и теперь полуобнажённое тело пробирала осенняя промозглость.

Шарф, извиваясь, полз вверх по склону; я старался не отставать. Пока подъём не затруднял дыхание. Я держал в руке меч, и время от времени поглядывал на него, проверяя, не появятся ли на нём угрожающие руны.

Рядом с Орсией я был невидимым, но теперь остался один, и чары, скрывавшие меня, рассеялись. Окружающая местность казалась совершенно пустынной, хотя в этом и было что-то неестественное и зловещее, словно мне позволили беспрепятственно войти в западню, чтобы потом захлопнуть её позади меня.

Я понимался всё выше, становилось всё холоднее, меня колотила дрожь. Каттея... Потеряв сестру, я как будто лишился руки, — словно часть меня отсеки, и я стал калекой.

Неожиданно меч вспыхнул алыми рунами. Сквозь последние обрывки тумана я увидел женскую фигуру. Та, кого я ищу! Она бежала мне навстречу! Но на мече руны...

— Брат! — она простёрла ко мне руки.

Однажды я уже видел другую Каттею — наваждение, которое чуть не обмануло меня в саду у колдуний.

Но может быть, это будущее, которое предвидела Лоскита? Не пролью ли я кровь сестры, если подниму меч на эту улыбающуюся девушку?

Доверься мечу, сказала Орсия. О т в р а т и т е л ь н о е п р е к р а с н о... так, кажется?

— Кимок, — она тянула ко мне руки... потом зелёный жгут переполз через камень... и она издала дикий квакающий вопль, какой никогда не вырвался бы из человеческого горла — словно перед ней была ядовитая змея. И, взмахнув мечом, я нанёс удар.

Хлынувшая кровь обогрела меч и тёмными каплями оросила мою руку. Там, где упали эти капли, кожу обожгло, как огнём. На земле корчилося отвратительное чудовище. Испуская дух, оно пыталось дотянуться до меня когтистыми лапами.

Может быть, хозяин Чёрной Башни узнал о моём приближении? Или облик, который принял один из стражей, сам собой возник у меня в мозгу? Ведь Каттея, бежавшая мне навстречу, была той, совсем юной Каттеей, которую я вызвал в памяти. Я несколько раз воткнул меч в песок, чтобы очистить его от дымившейся крови. Капли, которые я стёр с руки, оставили на коже набухающие волдыри. Я бросился догонять зелёный жгут, который так и не оставился.

Вскоре он вывел меня к песчаной дороге, изборождённой колеями — кто-то явно проезжал по ней совсем недавно. Жгут устремился по колее, и мне ничего не оставалось, как идти следом, даже если эта дорога вела прямо к стражам, которых выставил Динзиль. С двух сторон возвышались скалы, и, как это было по пути от Лоскиты, казалось, будто в камне проступают, шевелятся какие-то гигантские твари, которые следят за мной, очертившись, и тут же исчезают, если посмотреть на них в упор.

Послышались рыдания, похожие на отдалённое завывание ветра, они становились всё громче. Дорога поднималась вверх, потом спускалась во впадину и снова поднималась с противоположной стороны. Во впадине я увидел привязанную к скале женщину в изорванном одеянии обитательницы Зелёной Долины. Её тело, всё в кровоподтёках, неестественно выгнулось. Она выла и бормотала что-то бессвязное, словно обезумев от боли и ужаса.

Меч запылал рунами...

Он действовал безотказно и разоблачал вот уже вторую ловушку Динзиля. Можно было бы пройти мимо этой очередной подделки, но я решил, что лучше не оставлять врага в тылу. Наваждение было настолько правдоподобно, что мне пришлось преодолевать себя, чтобы поднять на него меч.

Я рубанул, и в потоке крови передо мной была уже не женщина. На её месте в предсмертной агонии бился мужчина. Человек? У него было тело и лицо человека, но то, что я увидел в обращённых на меня, полных ненависти

глазах, и вопль, который он издал, умирая — в этом не было ничего человеческого.

Мёртвое чудовище, а теперь этот мёртвый мужчина... Знает ли Динзиль, что они убиты? Выдал ли я своё присутствие?

Я поднялся по противоположному склону впадины и, наконец, увидел её.

Это была та самая Чёрная Башня, которую показывала мне Лоскита. Я остановился в нерешительности, вспомнив будущее, в котором мне предстояло сразить Каттею на некотором расстоянии от Башни. Я приготовился к любым неожиданностям...

Зелёная полоска шёлка струилась дальше — туда, где с вызовом указывал в небо этот гигантский чёрный палец.

Да, Башня действительно оказалась чёрной — стены её были сложены из чёрного камня. От неё веяло такой же невероятной древностью, какая ощущалась в той части города Эса, где вершили колдовство Владычицы Эсткарпа. Башня как будто подверглась не только воздействию веков, которыми люди исчисляют время, но и иному, непостижимому для нас старению.

В стенах Башни не было ни единого проёма, никакого входа. Она стояла на кургане, поросшем странной серой травой, густой и короткой. Дорога, по которой я пришёл, обрывалась у подножия этого кургана, и свежая колея тоже обрывалась, точно те, кто её проложил, с этого места совершили гигантский прыжок — на траве не было никаких следов.

Я медленно двинулся вперёд, готовый отреагировать на любой признак того, что предсказание Лоскиты может сбыться. Дойдя до кургана, я вздохнул свободнее. Два из трёх жребиев мне уже не грозили — те, что могли произойти в Долине и на подступах к Башне.

Зелёный жгут остановился у подножия кургана. Один его конец приподнялся и стал раскачиваться в воздухе, словно шарф никак не решался коснуться травы, чтобы поползти по склону. Я направил меч на курган, и тотчас вспыхнули руны.

Я дотронулся мечом до шарфа, и, к моему изумлению, зелёный жгут тут же обвился вокруг меча, поднялся по нему и обернулся вокруг моей руки до самого плеча. От шарфа исходило тепло, распространяясь от руки по всему телу.

Но как проникнуть в Башню? Теперь мысль о Катте

отодвинулась на задний план, и я стал обдумывать задачу, непосредственно стоящую передо мной. Здесь действовало колдовство, к которому у меня не было ключа.

Или был? Что если попробовать ключ, который подсказывала древняя легенда? Конечно, в таком месте это было чрезвычайно опасно: по преданию, этот ключ, отпирая двери Тьмы, отчасти снимал защиту с того, кто им пользовался, делая его лёгкой добычей тёмных сил.

Насколько можно доверять легендам? Оказавшись в Эскоре, мы не раз убеждались, что в древних сказаниях больше правды, чем вымысла. Что если рискнуть и проверить легенду ещё раз?

Мешкать было нельзя, надеяться на какую-то случайную возможность не приходилось. Другого ключа у меня не было, и я решил повернуть этот.

Сжимая рукоять меча, я пошёл навстречу солнцу вокруг кургана. Три, семь, девять — магические числа, вдруг какое-то из них поможет мне? Я трижды обошёл курган, и ничего не произошло.

Я сделал ещё четыре круга, всё время ощущая тепло шарфа. Меч показывал опасность лишь тогда, когда я наводил его на склон.

Три и семь не подействовали, я продолжал обход. Когда я дошёл до конца в девятый раз, последовал ответ. Трава вдруг незаметно пропала, и появился вход, но не в Башню, а внутрь кургана. Дверь отомкнулась, никаких стражей не было — но что ждало меня внутри?..

Держа меч перед собой, следя, не вспыхнет ли он огненными рунами, я медленно двинулся вперёд. Но руны не появились. Передо мной лежал подземный коридор, стены которого озарял тусклый холодный свет.

Я шёл, переводя взгляд со стен на меч и снова на стены, в поисках двери или лестницы — какого-нибудь входа в Башню. Хотя в камне этих стен не было такого движения, как на глыбах вблизи владений Лоскиты, но при очень пристальном взгляде в них возникало какое-то необъяснимое тревожащее воображение искривление поверхности, от которого кружилась голова.

Сколько же тянулся этот подземный коридор? Мне казалось, я преодолел много миль, всё тело уже ныло от усталости, но я не решался замедлить шаг или остановиться. Наконец я прошёл под арку и оказался в круглом

помещении, которое, судя по всему, находилось в основании Башни. По кругу шли двери, и если за ними были коридоры, значит они расходились от центра, как спицы колеса. Но лестницы вверх не было.

Я прошёл по кругу, пробуя открыть каждую дверь. На них не было ни ручек, ни запоров, и ни одна дверь ничуть не подалась, когда я изо всех сил толкал её плечом. Выйти отсюда я мог только тем же путём, каким пришёл.

Я стоял посередине. Можно было вернуться назад, ничего не сделав. Третье будущее, показанное Лоскитой, пока не наступало. Не было никаких признаков появления Каттеи или тени, во власть которой она могла меня отдать.

Каттея! Положив левую ладонь на шарф, обвивавший мою правую руку, я вызвал в памяти образ сестры. От моего прикосновения шарф шевельнулся и начал разматываться. Продолжая вспоминать, я опустил руку. Шарф пополз вниз и, обвиваясь вокруг меча, скользнул на пол.

Глава 14

Я ожидал, что он устремится к одной из дверей, однако вместо этого он свернулся кольцом у моих ног и одним концом указал вверх, на потолок. Я посмотрел туда, но не увидел никакого отверстия.

Наваждение? Да, скорее всего так. Что же делать? Неожиданно в памяти всплыли обрывки фраз из лормтской рукописи. Прибегнуть здесь к заклинанию, означало ещё больше ослабить свою защиту, но выбора у меня не было. В мече заключалась магическая сила — насколько она велика, я не знал, но надеялся, что меч даст необходимую искру. Я закрыл глаза и, подняв меч, прижал его к лицу так, что почувствовал на веках холодок металла.

Я не произнёс эти древние слова вслух, а стал думать о них, представляя себе их на истёртом пожелтевшем от времени пергаменте. Их было три, потом — ещё три. За ними следовало изображение какого-то знака. Я опустил меч и открыл глаза.

Передо мной была каменная лестница. Шарф устремился по ней. Итак... магическое заклинание подействовало: путь в Чёрную Башню был открыт. Я стал подниматься по лестнице, следя, не запылают ли на мече руны.

Но, как и в подземном коридоре и в помещении внизу, руны не появлялись.

Всё выше и выше поднимался я по крутой лестнице. Стоя внизу, я видел над головой потолок, оказалось, что это тоже было наваждение: наверху не было этажей — только лестница, уходящая ввысь.

Взбираясь по ней, я видел вперёд на несколько ступеней, дальше всё зыбилось и расплывалось, и я не решался посмотреть туда, боясь, что на крутом подъёме закружится голова.

Шарф, не останавливаясь, полз вверх. Лестница рассекала пустоту, по обе стороны от меня было открытое пространство; чтобы не упасть, я не смотрел по сторонам. Тяжело дыша, я шёпотом повторял заклинание. У меня возникло ощущение, что я вот-вот потеряю равновесие и кувырком полечу с высоты, это ощущение всё нарастало, пока не превратилось в сухую пытку.

Но вот лестница кончилась, я выбрался через отверстие в потолке и оказался в круглом помещении, наподобие того, где лестница начиналась, только поменьше. Шарф лежал, свернувшись змейкой, подняв один конец вверх и покачивая им из стороны в сторону.

Здесь тоже были дверные проёмы, но открытые, без дверей, и каждый из них вёл в бездну! Не в туман, не в дымку, а в абсолютную пустоту. Глянув вниз, я отпрянул и сел на пол, держа меч на коленях, не в силах пошевелиться, охваченный паникой, которая находит на нас при мысли о падении с высоты: эти проёмы неумолимо притягивали, манили к себе, и меня охватил страх, какого я ещё никогда не испытывал.

Я не знал, куда попал, но что это входы в пределы, куда человеку путь заказан, — в этом не было сомнений. Но ведь шарф привёл меня сюда...

Каттея! Закрыв глаза, я вызвал в сознании образ сестры, сконцентрировав на этом всю свою волю, всё стремление к цели. Потом снова открыл глаза. Шарф развернулся и пополз к одному из проёмов, ведущих в никуда.

Я решил, что это наваждение, что шарф обманывает меня, и, чтобы рассеять чары, снова поднял меч к глазам и повторил заклинание.

Когда я открыл глаза, всё оставалось по-прежнему: шарф лежал, свернувшись, напротив открытого проёма и

покачивал поднятым концом, как у подножия кургана, когда не решался коснуться серой травы.

Я не мог встать на ноги — боялся потерять равновесие — и пополз на четвереньках, толкая перед собой меч. Я остановился перед своим проводником, чувствуя, что не могу преодолеть себя и приблизиться к краю. Рука потянулась к шарфу и легла на него, он снова обвинил моё запястье и пополз вверх по руке. В отчаянии я позвал:

— Каттея!

Теперь я сосредоточил всю свою волю на мысленном контакте; никогда в жизни не вкладывал я в него столько энергии. От напряжения я так обессилел, что лёг, задыхаясь, словно в полном боевом снаряжении бегом поднялся на вершину холма и выдержал неравную схватку с врагом.

Я лежал ничком на полу, чувствуя лбом прохладную поверхность меча. Наверное, мне помогла его магическая сила — слабый, едва уловимый, пришёл ответ:

— К и м о к? — не громче вдоха.

И всё-таки это был настоящий ответ, а не наваждение, я не мог обмануться.

Значит... она жива, хотя, наверное, её держат в заточении. Чтобы пробраться к ней, я должен — д о л ж е н — пройти через проём. Но смогу ли я пересилить себя?

На что я мог рассчитывать? У меня был шарф, который Орсия наделила магической силой; меч, неведомо кем выкованный, и несколько слов, которые могли либо помочь, либо погубить меня.... Я, как слепец, брёл наугад.

Я пополз дальше, встать и идти было выше моих сил. Я полз, а внутри у меня зарождался пронзительный крик, всё моё существо отчаянно сопротивлялось этому безумию, этому добровольному самоуничтожению. В мозгу стучало: нельзя, ведь у меня нет необходимой защиты, это верная смерть, и не только телесная.

Я подполз к самому краю и, заглянув вниз, зажмурился; мысли смешались, я почувствовал, что теряю рассудок.

Последним невероятным усилием воли я заставил себя перевалиться через край...

Я провалился в никуда; как в кошмарном сне, я падал, падал, падал...

Нечеловеческая боль пронзила всё моё тело, я корчился в агонии, но сознание не оставляло меня, я падал и чувствовал нарастающую страшную боль. Я был уже не

человек, а только существо, которое кричало, выло, визжало от невыносимых мучений.

Цветовое пятно, вспышка ярчайшего цвета... Что такое цвет? Я полз... по какой-то ровной поверхности. Прямо передо мной поднимались гигантские сполохи чистого, яркого, режущего глаза цвета. Слышалось какое-то монотонное гудение... ползти...

Глаза, полные слёз, жгло огнём, этот огонь прожигал мне мозг.

М н е? Кому м н е? Что значит м н е?

Ползти... не останавливаться. Закрывать глаза, чтобы не ослепила следующая мощная вспышка пламенеющего цвета. Ползти дальше... Зачем?

Трудно сказать, кому «мне» принадлежало это тело. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем снова начало осознавать себя личностью то существо, которое ползло, плакало и вздрагивало при каждой вспышке, поднимавшейся от земли до неба. Сначала в мозгу зашевелились неясные вопросы, потом — отрывочные ответы.

Наконец я остановился и взглянул сквозь пелену слёз на то, что стало с моим телом. Я больше не был человеком!

Зеленовато-серая бородавчатая шкура, вместо рук и ног толстые перепончатые лапы. Я попытался разогнуть спину, но не смог и обнаружил, что голова у меня торчит между высоко поднятыми сгорбленными плечами. Вокруг правой лапы обвивалась полоска зелёного пламени. Пламени? Я медленно поднял левую лапу и прикоснулся к полоске — она оказалась бесплотной дымкой и лапа погрузилась в неё.

Но это прикосновение и вид полоски вызвали во мне всплеск памяти. Шарф... Но ведь было что-то ещё... Меч! Это слово, проскользнув в моём вялом сознании, действовало как ключ, отпирающий сундук, из которого хлынула ожившая память.

Меч! Я в отчаянии огляделся. Неужели я потерял его?!

Меча не было, но передо мной на каменной поверхности в отблесках опаляющего цвета мерцал золотой луч. Вид его, как и зелёной дымки вокруг лапы, действовал успокаивающе на воспалённые глаза. Я потянулся к лучу, лапа погрузилась в полосу золотого света, и меня охватил страх, — я не мог взять меч!

Но я должен! Я медленно разжал и снова сжал лапу. Короткие перепончатые пальцы прошли сквозь луч, ниче-

го не ухватив. В страхе и ярости я заколотил лапами по каменному полу. Потом я почувствовал боль, из ссадин на лапах сочилась густая зеленоватая жидкость. Я прижал лапы к выпуклой безобразной груди, раскачиваясь из стороны в сторону со стонами, вырывавшимися, как я догадался, не из человеческих уст.

Откуда здесь этот золотой луч? Когда ко мне начал возвращаться разум, я полз без меча, и, однако, вот он передо мной. Значит, он попал сюда сам собой?

Я вытер тыльной стороной лапы липкие слёзы и содрогнулся от прикосновения к бородавчатой шкуре. Имелся только один способ узнать, как попал сюда этот луч — начать двигаться вперёд и посмотреть, что произойдёт. Но не ползти, нет! Это отвратительное тело не моё, хотя я и обитаю в нём. Я человек, я встану на ноги и пойду навстречу неизвестности во весь рост — ко мне вернулась прежняя решимость.

Но подняться на задние лапы и удержать равновесие оказалось не так-то просто; из-за сгорбленной спины туловище перевешивалось вперёд. Я едва мог приподнять голову и видел только на несколько шагов перед собой. С трудом ворочая шеей, я попытался получше рассмотреть это тело. Горбатая спина, массивные плечи, слишком узкая поясница и бёдра. Я медленно поднял лапу и с замиранием сердца потрогал лицо. Рот оказался широкой, почти безгубой щелью с торчащими наружу острыми клыками. Носа не было вообще, на его месте зиял разрез, служивший ноздрей. На безволосой голове, от уха до уха колыхался зазубренный мясистый гребень. Уши были огромные, без мочек. Я был таким чудовищем, что мой вид поверг бы любого в смертельный ужас.

Балансируя широко расставленными передними лапами, я сделал один нетвёрдый шаг, потом — другой, словно шёл по узкому мосту над пропастью. Полоса золотого света двигалась впереди меня на одном и том же расстоянии. Ободрённый этим, уверенный, что меч и в таком виде — лучший талисман, я продолжал двигаться вперёд.

Вперёд, но куда?

Я пришёл в это жуткое место, чтобы отыскать сестру. Каттея! Глядя на своё отвратительное тело, я содрогнулся при мысли, что нечто подобное могло произойти и с ней. Где я? Несомненно в каком-то запредельном мире, противном человеческому естеству.

Может быть, Чёрная Башня охраняет Врата? Но вряд

ли Динзиль сделал так, что Катtee никогда не вернуться в прежний мир. Если верить Лоските, он видит в Катtee средство добиться власти над неизвестными ему силами. Он не станет добровольно терять такой ключ.

Е с л и только он не предпринял непоправимых шагов...

Остановившись, с трудом приподняв свою уродливую голову, я огляделся. Впереди не было ничего, кроме непрерывных вспышек цвета над ровной поверхностью, по которой я с таким трудом продвигался.

Эти цвета... наверное, я начал к ним привыкать: глаза болели уже меньше и не так слезились. Я стал считать вспышки и обнаружил, что они объединяются в группы по три, по семь и по девять. В таком же порядке чередовались и сами цвета. Всё, что происходило здесь, подчинялось некой магической закономерности.

Но куда мне идти?

— Катtea!

И как однажды передо мной предстали начертанными в воздухе с л о в а, так и теперь тоже самое произошло с именем сестры. Ярко-зелёное, как кольцо света, в которое превратился шарф, оно устремилось по воздуху вправо.

С трудом переставляя ноги, я двинулся следом. Имя сестры скрылось во вспышке багрового огня.

— Катtea!

И снова мысленно произнесённое имя полетело вперёд. Золотой луч меча у моих ног двигался вместе со мной. Я дотронулся до зелёной полоски на лапе.

— Катtea!

Летучие, зримые мысли уносились вперёд и вели меня! Но Катtea не отвечала, и мне оставалось только надеяться, что я иду к ней, а не в ловушку. Вдруг впереди, после ярко-синего сполоха, немного левее того направления, в котором летели мысли, я увидел какую-то неясную массу — тускло-красную, не затронутую постоянной игрой разноцветных отблесков. Сначала мне показалось, что это обломок скалы, потом я решил, что это какое-то грубо вытесанное древнее изваяние.

Оно сидело на четвереньках, передние лапы, зажатые между торчащими вверх коленями, упирались в камень. Голова была повёрнута в сторону пролетавших мимо мыслей. Это отвратительное существо было женского пола. Над коленями свисали огромные груди. Лицо было едва намечено: ни рта, ни носа — только глазные впадины.

Что-то тёмно-красное, похожее на кровь, сочилося из них, капая и стекая на грудь и колени. Туловище было в два-три раза больше моего. От этого существа веяло такой подавленностью и отчаянием, что я совсем пал духом.

Кем бы ни было это существо когда-то, теперь оно пребывало в заточении, и тень его страданий витала вокруг нас, тяжким грузом ложась мне на сердце. В ужасе я медленно пошёл прочь, но дважды оглянувшись: при всём своём чудовищном виде это существо всколыхнуло во мне жалость.

Обернувшись в последний раз, я с трудом поднял лапу и хотел произнести старинное пожелание покоя, которое мы на границе обращали к павшим братьям по оружию. Но из щели, служившей мне ртом, не вырвалось ни слова. Тогда я произнёс эти слова мысленно:

— Земля, прими своё; вода — своё; а то, что освободилось ныне — да будет свободно и да поднимется ввысь по воле Ситри...

Последние слова появились неизвестно откуда, они не имели отношения к верованиям моего народа. Но едва возникнув в моём сознании, эти слова пронеслись по воздуху — на этот раз не зелёные, а золотистые, как меч. Они устремились к существу, плакавшему кровью, и исчезли, словно вошли в него — в лишённую лица голову и в тело.

За этим не последовало ни звука — только прокатилась мощная волна чувства, повалившая меня навзничь, словно штормовой вал. Я лежал, захлестнутый ею, изо всех сил стараясь внутренне преодолеть её напор и остаться самим собой. Потом эта волна схлынула, и я с трудом поднялся на четвереньки. Плакавшее существо распалось на части, оседая и оползая, как необожжённая глина под действием воды. Наконец оно рассыпалось окончательно, и на его месте оказалась только грудка красной пыли.

Весь дрожа, я неуклюже поднялся на ноги. Рядом со мной что-то лежало. Изумлённый, я увидел, что луч, двигавшийся вместе со мной, принял очертания меча. Но когда я, тяжело опустившись на колено, хотел поднять меч, выяснилось, что я могу только немного подвинуть его.

Я снова поднялся во весь рост и ощутил ещё одну перемену — какую-то тревогу, разлитую вокруг. Я подумал, не навлёк ли я на себя, разжалобившись, какую-нибудь страшную опасность.

— Каттея!

Я двинулся дальше, стараясь переставлять лапы побыстрее и гадая, отчего изменился луч.

По воле Ситри — откуда взялись в сознании эти слова? А раньше, когда я сразил чудовище в тёмном туннеле, — к кому я взывал? К Ситри! Значит, это слово или имя наделено магической силой? Надо было проверить мою догадку. Я остановился, глядя на бесплотный золотистый меч.

«Именем Ситри! — подумал я. — Стань снова оружием в моей руке!» — На этот раз сокрушительной волны чувства не последовало, но по всему моему телу прошла сильная дрожь, словно что-то невидимое тряхнуло меня. Яркая вспышка света неистово заплесала по призрачному мечу, и он, засияв, больно ослепил меня. Я зажмурился и издал какой-то звериный вопль. Но когда заставил себя снова открыть глаза...

Передо мной был меч, реальный, а не луч света — тот самый меч, который я взял в склепе. Я стоял на коленях там, где застал меня приступ странной дрожи. В третий раз я потянулся к мечу — и, хоть и с трудом, сжал его в непослушной лапе. При этом мне показалось, что какая-то новая сила влилась в моё тело.

Кто такой (или что такое) Ситри? Он, определённо, имеет здесь власть. Может быть, он вернёт мой прежний облик, чтобы я мог, если потребуется, защищаться мечом?

Я решил попробовать:

— Именем Ситри, да буду я человеком, как прежде...

Я ждал нового сотрясения, какого-то действия магической силы, но ничего не произошло, и человеческий облик ко мне не вернулся. Я тяжело поднялся с колен. Меч был связан с Ситри, я — нет; зря только надеялся, ничего и не могло произойти.

— Каттея!

Посланная мысль снова устремилась вперёд, и я продолжил свой нескончаемый путь по этому чуждому пространству, не связанному с никакими известными мне измерениями. Едва переставляя неуклюжие лапы, я всё-таки продвигался вперёд. Через некоторое время что-то замаячило в цветовых вспышках. На этот раз — не громкая сгорбленная фигура, а стена, отливающая ровным

постоянным светом. Она состояла словно из гигантских гранёных драгоценных камней, сужавшимися концами уходивших в горизонтальную поверхность. В чередовании этих камней была та же система чисел: три жёлтых камня, семь фиолетовых, девять красных. Я приблизился, стена была выше моего роста.

Мои мысли устремились через неё — к той, которая, как я надеялся, была за стеной. Я медленно прошёл вдоль стены сначала в одну, потом в другую сторону. В обоих направлениях она тянулась насколько хватало глаз. Перелезть через неё нечего было и пробовать — камни слишком гладкие, а я — слишком неповоротлив.

Я опустился на четвереньки перед одним из красных камней, всё тело ныло от усталости. Казалось, моим странствиям пришёл конец. В раздумье я водил лапой по мечу. На нём не было и следа рун. Прикосновение к прохладному металлу действовало успокаивающе. Я опять посмотрел на разноцветные камни.

Насколько прочно основание стены? Камни неподвижно вставлены в поверхность? Я на четвереньках подполз ближе. Да, стена не составляла с горизонтальной поверхностью единого целого, между ними виднелась едва заметная щель. Это было единственное уязвимое место.

У меня не было другого орудия, кроме меча, но я боялся подвергать его такому испытанию — с чем я останусь, если он сломается? С другой стороны, какая мне польза от меча, если здесь действительно конец моих поисков?

Неуклюже орудуя мечом, я начал долбить основание красного камня. Меч скользил и срывался. Я покопался в памяти: может быть, помогут какие-то сведения из Лормта? Но мысли о лормтских рукописях тоже требовали напряжения, и я тут же сбился с удара.

Значит, Лормт — не подмога. А Ситри?

В первый раз меч ударил точно туда, куда я метил!

— Именем Ситри, властью Ситри!

Я помедлил и продолжил попытку. Я мысленно повторил это имя и слова благодарности три раза, затем — семь и, наконец, — девять раз.

Меч вывернулся из моей непослушной лапы и, нацелившись, стал сам долбить в нужном месте. По стене прошёл гул, он всё нарастал, в голове у меня тоже загудело, и я зажал уши лапами, пытаясь избавиться от этого звука. Меч продолжал долбить.

Красные осколки, сверкая, летели в разные стороны. Некоторые порезали мою бородавчатую кожу, но я не заслонялся от них, боясь отнять лапы от ушей. Мелькание меча слилось теперь в сплошное пятно яркого света. Глаза у меня стали слезиться, и сквозь пелену я видел уже не меч, а молнию, ударявшую в подножие стены.

Камень дрогнул и закачался. Меч взвился в воздух и, развернувшись, метнулся в середину камня. От этого удара камень с треском раскололся и рассыпался на красные осколки. Вслед за этим треснули и обрушились дождём осколков два соседних камня, и трещины расползлись по всей стене.

Я не стал ждать, что будет со стеной дальше. Поднявшись во весь рост, я протянул вперёд правую лапу, меч повернул назад и прочно приладился к ней рукоятью. Вздрагивая от боли, я по острым осколкам прошёл в прошлом и оказался в другом мире.

Если царство цветowych вспышек было для меня совершенно чуждым, то этот мир имел сходство со знакомыми мне местами. Я даже подумал, что опять оказался в Эскоре. Передо мной лежала дорога среди скал, по которой я вслед за зелёным жгутом пришёл к Чёрной Башне. Но ступив на эту изрезанную колеями дорогу, я понял, что сходство было чисто внешним.

Здесь ни в чём не было постоянства. Скалы таяли, уходя в землю, и снова вырастали в другом месте. Дорога зыбылась и текла, и я пробирался по ней, словно по колёно в воде. То, что раньше лишь мерещилось мне в поверхности скал, теперь было отчётливо видно, и я не смотрел на скалы, боясь сойти с ума.

Только одно оставалось неизменным — мой меч. И когда я задерживал на нём взгляд, а после этого смотрел на дорогу, она тоже обретала некоторую стабильность, хотя и ненадолго.

Я дошёл до впадины, в которой убил одного из стражей, — она была до краёв наполнена пузырящейся зловонной жижей. Дорога продолжалась на другой стороне.

Глава 15

Пузыри, поднимавшиеся на поверхность отвратительной жидкой грязи, лопались, испуская зловонный газ. Плыть? Способно ли на это моё неповоротливое тело? Я огляделся слезящимися глазами, ища обходной путь, но

вокруг впадины лежала только беспрестанная изменчивость, помрачающая сознание, и я сразу отвёл взгляд.

Мой путь лежал через эту впадину. Я дотронулся до шарфа, обвивавшего мою бородавчатую лапу, крепче сжал рукоять меча и вошёл в эту гниющую жижу. Она оказалась слишком густой, и я не поплыл, а стал медленно погружаться всё глубже, хотя барахтался из последних сил.

Я боялся, что меня скроет с головой, но мне удалось удержаться на плаву, и благодаря невероятным усилиям, я стал немного продвигаться вперёд. От тошнотворных испарений я едва не терял сознание, глаза отчаянно слезились. Вскоре я заметил, что вокруг меча жижа сама собой расступается, и стал рубить её, прокладывая себе путь.

Наконец я добрался до уступа скалы и попробовал выкарабкаться на него, но зловонная грязь не отпускала, жадно засасывая тело. Повернувшись, я, выбиваясь из сил, рубанул позади себя мечом, выполз и в изнеможении растянулся на краю, задыхаясь и ловя ртом воздух, насыщенный зловонными испарениями. — «Скорее наверх, — подгонял меня внутренний голос, — наверх и прочь отсюда». — Я пополз, оставляя за собой липкий след. — «Скорее», — стучало в мозг.

Позади раздались чавкающие звуки, заглушившие бульканье пузырей. Такие же звуки сопровождали меня, когда я плыл. Лапы мои ещё больше напряглись, борясь с тяжестью тела. Я полз, держа меч в зубах, и при каждом неосторожном движении ранил губы, но не решался ни на мгновение выпустить оружие.

Чавканье позади нарастало, приближаясь, но я не мог оглянуться. Подгоняемый страхом, я прополз ещё немного и, с трудом встав на колени, развернулся всем туловищем назад.

Они плыли по этой мерзости со скоростью, на которую я не был способен. Их было двое и...

Обессиленный, я не смог без опоры подняться на задние лапы и пополз к большому камню. Цепляясь за него, я каким-то образом умудрился встать и прислонился к нему спиной, лицом к зловонной впадине.

У них была серая бородавчатая шкура, сильные лапы, широкие плечи и жабы морды; в прорези рта виднелись острые клыки. Поперёк черепа от одного огромного уха до

другого тянулся зазубренный мясистый гребень. В этих тварях было сходство с моим нынешним обликом!

Разевая длинные щели ртов, они перекрикивались на неведомом мне языке. Каждый держал топор — огромный, как Топор Волта, который я видел у Кориса, правда, рукояти были гораздо короче. Я догадался, что эти твари гонятся за мной.

Бежать было некуда, да я и не смог бы, даже если бы заставил своё измождённое тело сделать величайшее усилие. Похожие топоры были на вооружении у салкаров и применялись не только в ближнем бою, но и для метания издалека — страшное оружие в руках опытных воинов. Были ли таковыми эти жабообразные твари, я не знал, но противника всегда лучше переоценить, чем недооценить.

У меня был только меч, и чтобы пустить его в ход, я вынужден был дожидаться, пока враги приблизятся. Вряд ли им удастся метнуть топоры, пока они барахтаются в жиже, лихорадочно соображал я. Надо вернуться к краю уступа и не дать им выбраться, тогда у меня будет преимущество.

Но я был слишком неповоротлив и совсем выдохся, пробираясь через эту зловонную яму, и не мог даже оторваться от камня, к которому привалился. Я попробовал взмахнуть мечом, но лапа плохо повиновалась мне, и на миг показалось, что исход боя уже предreshён в пользу врага.

— Ситри! — я поднял меч и, держа рукоять на уровне губ, направил его остриём вверх — туда, где могло быть в этом пространстве небо. — Твоим именем я буду сражаться... Не лишай меня покровительства... Помоги выстоять против Тьмы! Ибо я должен выполнить то, что начал. — Я бормотал наугад первое, что приходило в голову, не надеясь быть услышанным.

Если бы я сделал только несколько шагов к краю, я мог бы пронзить этих тварей мечом, пока они вылезали на уступ. Но я чувствовал, что не в силах идти, а если бы пополз, то оказался бы лежащим перед ними, подставляя шею под топор.

Они, наверное, считали меня лёгкой добычей или просто были слишком несообразительны, чтобы, выбравшись, сразу метнуть топоры. С боевыми кличами ринулись они ко мне, держа оружие наготове, и я попробовал взмахнуть мечом, как если бы у меня было обычное человеческое тело.

Меч вырвался из моих лап и метнулся по воздуху. Это опять был уже не меч, а проблеск золотого света, мелькнувший так стремительно, что я не успел за ним уследить и не понял, что произошло дальше. Я увидел только, как сначала один, потом другой враг падают с зияющими на горле ранами, и оба они, выронив топоры, зазвеневшие о камень, сползают по наклонному уступу, обливаясь кровью. Я стоял, прижавшись спиной к камню и раскрыв рот от изумления.

Тут раздался другой звон, более громкий, похожий на колокольный, — передо мной лежал меч. Я оттолкнулся от своей опоры, шатаясь, сделал шаг к нему, но, наклонившись, потерял равновесие и рухнул ничком. Я лежал, чувствуя под собой стальную поверхность меча, от неё через мою отвратительную шкуру в тело начало вливаться тепло, а потом — свежие силы. Я приподнялся, опираясь на передние лапы.

Там, где упали тела жабообразных, курилась и оседала на каменный уступ чёрная копоть, как от разворошённого потухшего костра. Вместо жабьих тел я увидел останки двух крайне истощённых людей — почти скелеты.

Ощущая в себе силы, которые влил в меня меч, я поднялся на задние лапы и подошёл сквозь чёрную копоть к ближайшему из мертвецов. Глядя на его неестественно заострившиеся черты, я подумал, что когда-то он, наверное, принадлежал к древней расе или был близок ей по крови. Смерть рассеяла чары и вернула ему его истинный облик. Смерть... Я взглянул на свои бородавчатые лапы. Неужели е д и н с т в е н н ы й путь к возврату — смерть?

Останки на глазах расплывались, распадаясь и рассыпаясь в прах, как плакавшее существо по ту сторону стены из драгоценных камней. Я отвернулся от них и увидел, как и ожидал, возвышавшуюся на кургане Башню, ждущую меня, как до этого — её двойник.

Эта Башня казалась ещё чернее, ещё отчетливее были её очертания, превосходившие резкостью всё виденное мною в этом жутком мире. Курган тоже был чёрным.

И снова я пошёл по дороге, в которой мои лапы утопали, как в воде. Когда я достиг подножия кургана, мне не пришлось прибегать к заклинаниям, чтобы попасть внутрь — чёрный проем уже зиял, поджидая меня.

— Каттея! — мысленно позвал я и увидел, как имя пролетело передо мной и быстро исчезло во мраке проёма.

Я сжал обеими лапами рукоять меча и, тяжело ступая,

осторожно вошёл в курган. Внутри мрак был не таким густым, как казался снаружи, разбавленный тусклым желтовато-серым светом, исходившим, судя по всему, от моего собственного тела. При этом освещении я разглядел пол и стены, сложенные из чёрных каменных плит, плотно прилежавших друг к другу. Пройдя по коридору, я вновь попал в круглое помещение; на этот раз дверей не было, в центре поднималась лестница, но в ней не заключалось ничего сверхъестественного.

Мои лапы не были приспособлены к восхождению по лестнице. Мне снова пришлось зажать меч в зубах и медленно передвигаться на четвереньках. Стоило мне пошатнуться, и я сорвался бы вниз на каменные плиты.

Наконец голова моя высунулась в отверстие, появившееся словно ниоткуда, и я попал в призрачную комнату. Там были призраки не живых существ, а предметов, составляющих обстановку, — бесплотные туманные тени.

Стулья, стол, уставленный склянками и колбами с коленчатыми трубками непонятного назначения, сундуки и шкафы — всё это полупрозрачное, как дымка над рекой, и, однако, явственно видимое на фоне каменных стен. Я хотел положить лапу на стол, но она, не встретив преграды, прошла насквозь.

Из этой комнаты вела следующая каменная лестница, расположенная не в центре, а вдоль стены, и осязаемая — в отличие от иллюзорных предметов обстановки. Я стал подниматься по ней, она была не такая крутая, как предыдущая, и я преодолевал ступеньку за ступенькой на задних лапах, опираясь о стену, чтобы не покачнуться в сторону внешнего края.

Вокруг царило безмолвие. Я старался двигаться 열심히, но мне это плохо удавалось. Даже дышал я так тяжело и с таким шумом, что уже одним этим мог выдать себя.

Выше была ещё одна комната, обставленная призрачной мебелью. Здесь я увидел стол с двумя придвинутыми к нему стульями, накрытый к ужину. Против каждого стула стояли призрачный кубок и тарелка.

Я сглотнул слюну. С тех пор, как мы целую вечность назад расстались с Орсией, у меня маковой росинки во рту не было. Но лишь увидев этот стол, я вспомнил о еде и сразу ощутил мучительный голод. Где взять пищу? Что нужно этому жабьему телу? Я невольно подумал о тех

истощённых мертвецах. Может быть, они голодали в том облиции до самой гибели?

Столовая была обставлена с претензией на роскошь. На стенах висели призрачные гобелены, настолько тонкие, что я не мог различить рисунка. Бесплотные сундуки вдоль стен все были резные, как в богатом замке.

И ещё одна лестница звала меня наверх. Я медленно поднимался по ней, пока мне не преградила путь крышка люка. Зажав меч в зубах я упёрся в стену и изо всех сил надавил на крышку.

Она подалась и откинулась назад с ужасающим грохотом, вдвойне оглушительным в окружающей тишине. Я поспешно протиснулся в открывшийся проём, опасаясь, что теперь уже точно выдал себя.

— Добро пожаловать, доблестный герой!

Я с трудом повернул голову.

Динзиль! Да, это был он.

Но не в образе жабообразной твари, а такой же высокий, статный и красивый, каким я видел его в Долине. От него исходили волны мощной энергии, словно внутри у него полыхал огонь — не пожирающий тело, а дающий неведомую, нечеловеческую силу. При взгляде на него слепило глаза, слёзы градом покатились по моему чудовищному лицу, но я не отвёл взгляда. Ненависть придаёт стойкости, а вся ненависть, испытанная мною прежде, была ничто в сравнении с той, что захлестнула меня теперь.

Он стоял, подбоченясь, и беззвучно хохотал — как кнутом, хлеща меня презрением.

— Приветствую тебя, Кимок Трегарт из неразлучной троицы. Ты, кажется, что-то потерял? Да, но зато ведь и приобрёл нечто, хотя и способное смутить твой дух и взоры тех, кто смотрел на тебя с любовью? Хочешь знать, что бы они увидели теперь? Смотри!

Он щёлкнул пальцами, и тут же передо мной появилась какая-то блестящая поверхность, и я увидел то, что было теперь моим отражением. Но я не испытал того потрясения, на которое рассчитывал Динзиль — я уже знал, какие перемены произошли в моём облике.

Наверное, моё самообладание произвело на Динзиля некоторое впечатление, если его вообще могли трогать человеческие чувства.

— Говорят, — снова осклабился он, — есть такие места, где видимой в человеке становится не внешность, а его

внутренняя сущность — то, что он сам создал в себе за годы своими порочными страстями и тайными желаниями — тем злом, которое он хотел бы, но не отважился совершить. Теперь ты узнаёшь себя настоящего, Кимок Трегарт, перебежчик из-за гор?

Я не удостоил его ответом.

— Каттея! — мысленно позвал я.

И увидел уже не ярко-зелёное слово, а птицу — раненую, бьющую крыльями, тщетно стремящуюся к цели, не в силах преодолеть какую-то незримую преграду.

Динзиль, повернув голову, следил за ней, в его взгляде промелькнуло удивление. Он угрожающе взмахнул рукой, и птица-мысль исчезла. Динзиль снова посмотрел на меня, он больше не улыбался.

— Похоже, я недооценил тебя, мой безобразный герой. Признаться, я думал, ты оплошаешь и сгниёшь на пути сюда. Значит, ты всё ещё надеешься найти Каттею? — Он задумался, а потом громко хлопнул в ладони и снова расхохотался. — Превосходно. Герои — моя слабость. Твоё упорство и преданность должны быть вознаграждены. Да и забавно будет проверить, насколько сильны ваши узы, выдержат ли они, если ты увидишь Каттею.

Он произнёс какое-то слово, воздел руки над головой и резко опустил их вниз. Всё закружилось, я начал падать, не за что было ухватиться...

Мы стояли в круглой столовой, на полу лежала откиннутая крышка люка. Комната была такой, как прежде, только вся её призрачная обстановка стала более реальной. Поблекшие от времени гобелены мерцали драгоценными камнями и золотыми и серебряными нитями. На старинных сундуках и стульях отчётливо вырисовывалась резьба. Передо мной по-прежнему стоял Динзиль, он отвесил мне издевательский поклон:

— Рад, рад дорогому гостю. Я бы поднёс тебе кубок, мой бедный герой, да боюсь, не повредило бы тебе моё вино — а вдруг ты умрёшь? Нет, я этого не хочу — пока. Но что-то мы заболтались. Ты ведь пришёл не просто так, ты кого-то искал?

Он повернул голову, и я, проследив за его взглядом, увидел у стены небольшой столик, по обе стороны от которого на высоких консолях стояли два канделябра с горящими свечами. Над столиком висело зеркало, перед кото-

рым медленно двигался вверх-вниз усыпанный бриллиантами гребень, словно там сидел кто-то невидимый, расчёсывая длинные распущенные волосы.

Я проковылял к зеркалу.

— Каттея! — вырвался у меня пронзительный мысленный зов.

Действительно ли она сидела там, невидимая для меня? Или этот двигавшийся гребень был просто уловкой Динзиля, желавшего меня помучить?

В зеркале появилось отражение, но это был мой собственный жабий облик, а не прекрасное лицо Каттеи.

Гребень упал на пол, из пустоты раздался крик ужаса. Динзиль, бросившись вперёд, обхватил руками что-то невидимое.

Хотя всё это могло быть ловким трюком...

— Каттея! — снова мысленно позвал я.

— Зло! — это был не ответ, а взрыв отвращения, я ощутил его как мощный порыв ветра, а следом за этим — с л о в а, некоторые из них я узнал: она колдовала. Динзиль не разыгрывал меня, это могла быть только Каттея.

— Ну, конечно, зло, дорогая, — заговорил он тоном, каким успокаивают ребёнка. — Это чудовище выдаёт себя за Кимока, который будто бы пришёл за тобой. Успокойся, не трать даром свою Силу, она тут не поможет.

— Каттея! — к мысленному зову я прибавил два с л о в а. Если в ней осталось что-то от прежней Каттеи, она поймёт: стоящий перед ней принадлежит не к тёмным, а к светлым силам.

— Зло! — снова порыв ветра, на этот раз — ещё сильнее. Но с л о в за этим не последовало. — Убери его прочь, Динзиль! — раздался из пустоты крик, и это был голос сестры. — Убери его. Я не могу на него смотреть!

— Хорошо, дорогая! — он отпустил невидимое тело и, снова вздев руки, произнёс какое-то с л о в о. Всё закружилось и мы очутились в комнате с призрачной обстановкой.

— Она сделала выбор, не так ли, герой? Теперь я тебе кое-что покажу.

И снова откуда-то возникло то же зеркало. Но теперь в нём отражались не я и не комната. Я увидел в нём существо женского пола — похожее на плакавшее чудовище — но на сгорбленных плечах отвратительного туловища была голова моей сестры; по этим плечам и обвисшим

грудям струились её волосы. Передние лапы оканчивались белеющими кистями нежных женских рук.

— Вот такой теперь стала Каттея.

Меня захлестнула ярость. Динзиль, конечно, ожидал этого: он сделал движение рукой, и я прирос к месту, словно мои лапы пустили корни в каменном полу.

— Я тот, кому здесь подвластно всё. Я — Динзиль, и таковым пребуду. Каттея постепенно постигает мою науку. Когда она совсем уподобится мне, тогда к ней окончательно вернётся её прежний облик. Она хорошо и быстро всё усваивает, ведь уродство ужасает всех женщин. Я дал Каттее посмотреть на её нынешнее тело — со стороны, конечно, и не сказал, что она видит самое себя; я объяснил лишь, что такое может случиться и с ней, если она не будет пользоваться защитой, которой я её обучаю. С тех пор она стала очень понятливой. Да, я недооценил тебя, Кимок Трегарт. Я считал, что основная сила — у твоей сестры. Не стоит отказываться ни от какого оружия — всё может со временем пригодиться. Так вот, ты побудешь пока в надёжном месте, а потом посмотрим, что с тобой делать.

Он опять поднял руки, и всё закружилось. Я оказался в каменной темнице, где не было другого света, кроме желтоватой ауры, исходящей от моего тела. Каждая стена была цельной каменной плитой. Я опустился на пол посреди этого тесного холодного колодца и задумался.

Герой... Называя меня так, Динзиль насмеялся надо мной и был прав. Чтобы защитить себя и найти Каттею, я не сделал ничего, кроме того, что навязал мне враг. Это была не борьба, а жалкое беспомощное трепыхание. Неожиданная встреча с Динзилом прошла именно так, как хотел он.

Но что толку сокрушаться о случившемся? Надо решать, как быть дальше. Что Динзиль владеет колдовской силой, я знал с самого начала этой — пока безуспешной — попытки спасти сестру. Однако я добрался до Башни — чего он никак не ожидал, — и при мне по-прежнему был мой меч. Ха! Он лежал у меня на коленях. Почему Динзиль не отнял его у меня? Не считал для себя опасным или просто не видел его?

Я задумался. Что если меч для Динзиля так же невидим, как для меня — Каттея? Отчего это может быть? И

почему я не применил меч против него? Я словно был в каких-то оковах, не в силах поднять на Динзиля руку.

Башня — его оплот. В ней наверняка есть множество защитных средств — не из камня и стали, а неосязаемых. Наверное, они воздействовали на меня с того момента, как я вошёл в курган.

Мне ни разу не пришло в голову пустить в ход меч, пока Динзиль не упрятал меня в каменный мешок. Меч разрушил стену из драгоценных камней. Не одолеет ли он и камни моей нынешней тюрьмы?

Но если я и выйду из неё, что мне это даст? Ведь я по-прежнему останусь в Башне. Каттея отшатнулась от меня, ища защиты у Динзиля. Она не признала меня. И она слишком изменилась под влиянием Динзиля. То существо, которое он показал мне... — лучше бы уж оно целиком было чудовищем, учитывая то, что означало возвращение прежнего облика Каттеи.

Каттея обладала познаниями колдуньи, но большую часть из них могла применить только девственница. Колдуньи Эсткарпа косо смотрели на мою мать за то, что ей удалось сохранить Силу даже после брака с моим отцом. Динзиль не мог полностью подчинить себе Каттею, не лишив её способности пользоваться Даром Силы.

«Дорогая»... Вот так он назвал её... Задыхаясь от ярости, я стиснул рукоять меча и коснулся обёрнутой вокруг лапы полоски света — шарфа Каттеи, куда Орсия влила свою магию.

Это тоже была женская магия. Она помогла мне, но до конца ли я её использовал? И щ и с е р д ц е м, говорила Орсия...

Сердцем... Шарф вёл меня, потому что я вспоминал Каттею, которая ещё не пользовалась никакой Силой, кроме той, что была для нас троих врождённой — которой мы пользовались так же естественно, как дышали, спали, ходили, разговаривали.

Держа одну лапу на полоске света, а другую — на рукояти меча, я призвал на помощь эту нашу силу, неизвестную ни Динзилю, ни кому-либо в Эскоре, ибо это была магия нашего прошлого. Я мысленно устремился далеко-далеко назад, к первым воспоминаниям из нашей жизни — моей, Кайлана и Каттеи. Мы сидели на медвежьей шкуре перед очагом, от огня взлетали искры.

Ангарт, наша кормилица, пряла, и нить плавно струилась из-под её неустойчивых искусных пальцев.

— Вон волшебный лес, а вон волшебные птицы на деревьях... — долетела до меня мысль Каттеи.

Я посмотрел в огонь и увидел то, о чём она говорила.

— Вон едет верхом наш отец со своим отрядом, — мысленно продолжил Кайлан.

И действительно, языки пламени были точь-в-точь как всадники.

— А вдали горы, — добавил я, не ведая, как изменится наша жизнь за этими горами.

Нет, не думать о том, что было позднее. Ничто не должно заслонять и затемнять воспоминания!

Ангарт сверху вниз взглянула на нас — какой большой она казалась нам тогда...

— Сидите спокойно и слушайте: я расскажу вам про снежного духа и про то, как его обхитрил Самсау...

Но мы продолжали мысленно переговариваться друг с другом. Уже тогда мы знали, что это умение не доступно окружающим, и у нас была своя тайна.

Я извлекал из памяти воспоминание за воспоминанием, стараясь не упустить ни малейшей подробности, чтобы картина была живой и яркой. Однажды мы поехали верхом в весенние луга. Кайлан сломал цветущую благоухающую ветку розовой жимолости, я нарвал луговых цветов и травы и сплёл венок. Мы возложили его, как корону, на голову Каттеи и вручили ей ветку, как скипетр. Мы объявили ей, что она прекрасней всех на свете, и даже цветы зарделись от смущения, потому что не могут с ней сравниться.

— Я п о м н ю...

Это вплелось в поток моих мыслей так незаметно, что я не сразу сообразил, в чём дело. Усилием воли сдержав волнение, я продолжал вспоминать. Та, чей облик был теперь так страшно искажён, присоединилась ко мне, и мы принялись вместе ткать гобелен нашего прошлого. Я не решался приблизиться к ней по тонкой нити, тянущейся из прошлого, и только всё крепче привязывал её к себе этой нитью общих воспоминаний.

— Ты... ты Кимок?

Она первая преодолела преграду этим неуверенным тревожным вопросом.

— Да, — ответил я осторожно.

Глава 16

— Если ты Кимок, — её внутреннее напряжение нарастало, — тогда тебе лучше уйти! Здесь тебя подстерегает зло. Ты не знаешь, что случается с теми, у кого нет защиты. Я видела отвратительных чудовищ!

Конечно, она видела то, что позаботился показать ей Динзиль.

— Динзиль! — восторженно воскликнула Каттея. — Он защитит тебя...

Она так доверяла Динзилю, что когда нуждалась в помощи, тотчас обращалась к нему.

— Я пришёл за тобой, Каттея, — сообщил я ей прямо. Если она ещё не успела слишком далеко зайти по тому пути, который ей уготовил Динзиль, тогда, может быть, я достучусь до неё, ведь пробудились же в ней воспоминания.

— Но зачем? — спросила она простодушно. Я не узнавал сестру. Прежняя Каттея была слишком независимой и самостоятельной, чтобы поддаваться чужому влиянию. Её словно подменили.

Я старался выражать свои мысли как можно проще, чтобы она не потеряла связавшую нас сейчас тонкую нить.

— Неужели ты думала, что нам безразлично, куда ты пропала?

— Но ведь вы же знали! — сразу возразила она. — Знали, что я ушла на поиски средоточия колдовской силы и хочу научиться тому, что защитит нас от Тьмы. Здесь, Кимок, я постигаю мудрость, о которой Владычицы могли только мечтать. Теперь я понимаю, как мало они знают и могут. Они только заглядывают за дверь, но не решаются войти. Странно, что мы испытывали перед ними такой благоговейный трепет.

— Знания знаниям рознь, ты сама это говорила, Каттея. Одни входят в человека и расцветают, другие недоступны ему, пока он не перестанет быть самим собой.

— Человек — да! — подхватила она. — Но я не принадлежу к колдуньям Эсткарпа. То, что недоступно человеку, доступно нам. И когда я приобрету знания, за которыми пришла сюда, я вернусь, и вы скажете мне спасибо.

Третье будущее, показанное Лоскитой, внезапно возникло в моём сознании; я увидел его так же явственно, как тогда в выемке с голубым песком. Я увидел скачущих

всадников Тьмы и среди них — Каттею, метавшую огненные молнии в нас, её родных братьев.

— Нет! — резко оборвала меня Каттея. — Это лживое предсказание — козни злых духов. Тебя обманули! И ты поверил, что я — ваша сестра — способна на это? Динзиль говорит...

Она помедлила, и я спросил:

— Так что же говорит Динзиль?

Её слова обдали меня холодом, как это было в Долине:

— Тебе не нравится, что у меня есть настоящие друзья, ты хочешь держать меня при себе. Кайлан великодушнее, он понимает, что мы по-прежнему остаёмся едины, даже если пойдём дальше порознь. Но ты не можешь этого допустить, почему-то считаешь себя вправе всё решать за меня.

— Это тебе сказал Динзиль?

Ничего другого я от него и не ждал. Но такой довод трудно было опровергнуть. Мои попытки освободить Каттею могли в её глазах только подтвердить правоту Динзиля. Что я мог на это возразить?

— Ты невзлюбил Динзиля. У него много недругов, я знаю. И ты, и ещё кое-кто в Долине не доверяете ему. Но теперь он старается собрать непобедимую силу. Неужели вы думаете, что с помощью меча и каких-то жалких заклинаний сможете противостоять Великим, которых разревожил бунт в Эскоре? Тут нужны силы могущественнее всех, известных людям.

— И Динзиль может собрать такие силы и управлять ими?

— Да! С моей помощью! — в этом была удесятерённая самоуверенность прежней Каттеи.

— Возвращайся, Кимок. Ты же любишь меня, я знаю, хотя эта любовь для меня как оковы. Ты пришёл с любовью, и я хочу тебе добра. Динзиль позаботится, чтобы ты вернулся в тот мир, который тебе подходит. Скажи всем в Долине, что когда мы придём, с нами будут такие силы, что Тьма отступит ещё до того, как мы нанесём первый удар.

Я закрыл от неё свой ум — от этой Каттеи — чудовища, которого показал мне Динзиль, — и, собрав всю свою волю, снова стал вспоминать ту Каттею, которую знал и любил, которая была частью меня самого...

— Кимок! — её высокомерие как рукой сняло, это был крик страдания. — Кимок, что ты делаешь? Не надо, пере-

стань! Ты снова налагаешь на меня свои оковы, их так трудно разорвать. А я должна беречь силы, чтобы выполнить своё предназначение.

Я продолжал вспоминать. Каттея, юная, чистая душой, весёлая танцует на зелёном лугу, и на её пение к ней с неба слетаются птицы. Смеющаяся Каттея, протянув руку, отламывает с карниза сосульку и подносит к губам, а вокруг заснеженный морозный сад, переливающийся бриллиантами под зимним солнцем. Каттея роняет сосульку и тихим свистом подзывает снегиря... Каттея ныряет в речную прохладу и плывет с нами наперегонки, но, увидев запутавшегося в тростнике детёныша выдры, останавливается, забыв обо всём, и заботливо вызволяет малыша из плена... Каттея сидит между нами при свете очага, слушая сказки Ангарт...

— Не надо! — мольба стала слабее и глуше. Я вспоминал и вспоминал, не отнимая лап от шарфа и меча — моих талисманов, на которые я только и мог рассчитывать во владениях Динзиля.

Каттея бежит с нами по золотому жнивью, вместе с поселянами мы вяжем снопы. Каттею, по старинному обычаю, выбирают встречать с праздничной чашей приезжающих. Она идёт собирать дань и возвращается довольная удачей, смеющаяся — звенит наполненная чаша: мимо проехал целый отряд всадников, и каждый бросил монету.

Вот какую Каттею я вспоминал, но только не Каттею-колдунью, идущую к нынешней, здешней Каттее, которую я не знал, которую боялся.

— Кимок... Кимок, где ты?

Сначала я подумал, что это голос Каттеи из моих воспоминаний — совсем юный, неуверенный, почти растерянный.

Я открыл глаза и огляделся. Где я? В каком-то «надёжном месте», как сказал Динзиль. Но теперь я чувствовал себя увереннее. Хотя вряд ли у меня для этого были основания. Но в безнадёжной ситуации человек способен на самое стойкое сопротивление и, случается, побеждает — просто потому, что уже нечего терять.

— Кимок... где же ты?

— Я здесь и скоро приду к тебе, — ответил я, хотя совсем не был в этом убеждён.

Я с трудом поднялся во весь рост, сжимая рукоять меча.

— Каттея! — снова выслал я вперед летучее имя. Оно

исчезло, достигнув каменной поверхности, и я подошёл к стене.

На ощупь она была сплошная, но моя решимость не убывала. Я направил меч остриём в стену, снова произнес слово «Ситри» и — на удачу — ещё несколько слов из Лормта.

Рукоять обожгла мне лапу, но я не дрогнул. Остриё меча скользнуло по стене и остановилось в углу на стыке двух плит. Я повторил заклинание, и каменная поверхность сама расступилась перед мечом — он проложил мне дорогу сквозь камень, как до этого — сквозь зловонную жижу. Я вышел из темницы и снова оказался в подземном круглом помещении, откуда вела лестница в Чёрную Башню.

Я снова стал подниматься по ступенькам и попал в первую комнату. Но теперь обстановка в ней была более реальной, предметы меньше походили на собственные призраки. Я протянул лапу к шкафу, чтобы потрогать его — и чуть не выронил меч. Что это у меня — лапа или человеческая рука? Я увидел пальцы! Они скрылись в чудовищной шкуре — и снова появились.

Я был потрясён. У существа, которое показал мне Динзиль, назвав его Каттеей, голова и руки женщины сочетались с телом чудовища. Голова и руки нужны были ей, чтобы колдовать. Динзиль сказал... к ней вернётся человеческий облик... когда она будет полностью подчинена его воле. И вот... я протянул перед собой другую лапу: да, и эта лапа переходила в руку. Но лапа была реальной, а рука только призраком.

Отчего произошла эта перемена? Не связал ли я себя с миром Тьмы, прибегнув здесь к заклинаниям? Но разве был у меня другой выход? Я поднялся по лестнице в столовую. И здесь тоже очертания предметов стали рельефнее, цвета — ярче. Каттея... Неужели она так и останется невидимой для меня, а я — чудовищем, вызывающим в ней только ужас?

Последняя лестница. В конце виднелся открытый проём люка. Если Динзиль снова поджидал меня наверху, то он обладал явным преимуществом. Я держал перед собой меч. Ни разу в этом мире на нём не загорались руны, но теперь я полностью зависел от меча и полагался на него, как военачальник перед битвой полагается на испытанных разведчиков.

Я добрался до конца лестницы. Пока всё было тихо. Я с

трудом протиснулся в люк и увидел столик с зеркалом, но двигавшегося гребня не было — комната казалась совершенно безжизненной.

— Каттея! — мысленно позвал я. Зримое имя пронеслось в тёмную противоположную часть комнаты, где на стене висел гобелен. Навстречу мне из мрака двинулось существо, которое показывал мне Динзиль, только голова была прозрачная и сквозь неё проступал овал, лишённый черт, похожий на голову плакавшего чудовища. Это существо передвигалось с таким же трудом, как и я, и смотрело на меня с ужасом, словно увидело оживший кошмар.

— Нет! — пронзительно крикнула, почти взвизгнула она.

Пусть даже я теперь потерял бы её, до неё оставался всего один шаг.

— Я же Кимок!

— Но Динзиль говорил... в тебе нет зла, ты не можешь быть таким отвратительным. Я же знаю тебя... твои мысли, твою душу...

Я вспомнил, как Динзиль злорадно объяснил мне, что здесь человек выворачивается наизнанку и взгляду открывается его душа. Но я знал, что он лжёт. Если тоже самое он сказал Каттее, и она поверила, то надо было как можно скорее переубедить её, иначе мы бы оба пропали.

— Думай самостоятельно, не считай мысли Динзиля своими!

Не слишком ли я был резок, не решит ли она снова, под воздействием его колдовства, что мной движет ревность?

Я протянул к ней лапу, в которой проступала рука. Каттея смотрела на неё, не отрываясь, широко раскрытыми глазами. Я хотел дотронуться до её волос. Каттея отпрянула, но я крепко схватил её за руку и потащил к зеркалу. Я не знал, увидит ли она то же, что и я, но изо всех сил сжимал рукоять меча, горячо желая, чтобы она увидела.

— Нет! Нет! — она вырвалась и отшатнулась от зеркала. — Я пропала... пропала... — она повернула голову, которая теперь становилась то гладким овалом без лица, то снова её собственной головой, и посмотрела на меня. — Это из-за тебя... ты всё испортил... Динзиль предупреждал... Я пропала! — в отчаянии она ломала руки; никогда в жизни я не видел сестру такой несчастной и потерянной. — Динзиль! — она оглядывалась по сторонам. — Прости! Спаси меня! Спаси меня! — со страстной мольбой твердила она.

Мне было мучительно больно видеть её сломленной. Та Каттея, которую я знал прежде, могла глубоко страдать, но всегда боролась до конца и ни перед кем не унижалась.

— Каттея, — я снова протянул к ней лапу, но она отступала всё дальше, глядя на меня безумными глазами, заслоняясь руками. — Каттея, опомнись!

Что мне было делать? Прибегнуть к заклинанию, означало сильнее связать себя с этим миром, но другого выхода у меня не было, иначе я окончательно потерял бы сестру.

Я протянул между нами меч и произнёс слово. Опять вспыхнул огонь, обжигая меня, но я крепко держал этот стержень золотого пламени.

— Каттея, разве в тебе гнездится зло? Колдуньи часто проверяют своё душевное состояние, свои побуждения — они знают, сколько ловушек подстерегает тех, кто протягивает руки к колдовству. Ты долго жила среди колдуний, и твоё нежелание остаться с ними происходило не от зла в тебе, а от того, что у тебя были другие, более прочные узы. А с тех пор, как ты покинула Эсткарп и оказалась в Эскоре, разве ты совершила или помышляла совершить какое-то зло?

Да слушала ли она меня? Она стояла, прикрыв лицо руками, но не прикасаясь к нему, словно боясь, что это уже не человеческая плоть.

— Нет, Каттея, в тебе нет зла, я никогда в это не поверю! А если так, то разве ты увидела сейчас свою внутреннюю сущность? Это только наваждение — те, кто обитают здесь, пользуются им на каждом шагу. Тебя заколдовали, как и меня.

— Но Динзиль... — мысленно начала она.

— Он в своей стихии, он стал с нею един. Он сказал мне, что ты перестанешь быть чудовищем, когда станешь частью этого мира и орудием в его руках. Ты этого хочешь, Каттея?

Она дрожала всем своим приземистым отвратительным телом. Лицо её постепенно исчезло, теряя черты, и я увидел безобразную голову с пустыми глазницами, принадлежавшую чудовищной плакальщице.

— Я чудовище... я погибла...

— Ты обитаешь в оболочке, которую тебе здесь навязали. Есть силы, способные сделать прекрасное отвратительным, а отвратительное прекрасным.

Теперь она, кажется, слушала. Медленно потянулась ко мне её мысль:

— Чего ты хочешь от меня? Зачем ты пришёл мучать меня воспоминаниями?

— Пойдём со мной!

— Куда?

И правда, куда? Можно было снова пересечь пространство, населённое световыми вспышками, пройти через пролом в стене из драгоценных камней, миновать плакавшее чудовище. А куда потом? Смогу ли я найти выход из Башни? Я не был в этом уверен, и Каттея, почувствовала мою неуверенность, ухватила за неё.

— Пойти с тобой? Когда я спрашиваю, куда, — тебе нечего ответить. Что же мы, по-твоему, будем делать, брат? Бродить здесь, где повсюду таятся опасности, которых ты и вообразить себе не можешь? Не сомневайся, Динзиль начнёт нас искать.

— Где он сейчас?

— Где он сейчас? — взвизгнула она, передразнивая меня. — Ты боишься, что он явится сюда?

Потом она вдруг смягчилась, и между нами снова прошёл прежний поток тепла.

— Кимок!

— Да?

— Кимок, что случилось с нами, со мной? — она говорила совсем как ребёнок, сбитый с толку тем, что он видит и чувствует.

— Здешний мир чужд нам, Каттея, и стремится переделать нас по своему образу и подобию. Должен же быть какой-то выход отсюда... Ты не знаешь, где выход?

Голова, на которой почти исчезли черты её лица, медленно повернулась, словно Каттея впервые огляделась вокруг:

— Я попала сюда...

— Как?

Я понимал, что нельзя слишком давить на неё, но если ей известна дверь Динзиля между мирами, и это не та дверь, через которую проник я, тогда у нас была надежда спастись.

— По-моему, — рука, которая ещё была человеческой, неуверенно поднялась к голове. Каттея неуклюже повернулась к стене, завешанной гобеленом. — Вот здесь...

Она проковыляла к стене, взялась за край гобелена и приподняла его. В каменной поверхности горел пурпур-

но-красным светом какой-то знак. Я видел его впервые, хотя однажды встречал отдалённо похожий, и теперь понял, что передо мной знак такой силы, какую я не осмелился бы вызвать.

Я почувствовал, что мысли моей сестры сжались в какое-то слово. Я не успел остановить её, знак в камне стал извиваться, словно отвратительная змея, ползущая по кругу. Я отвернулся, содрогаясь от омерзения, подавленный тем, что Каттея знает это слово. Затем каменные плиты расступились, и только горящие, извивающиеся линии бежали и бежали, расплескивая на пол огонь лужей цвета тусклого расплавленного металла.

Я оттащил Каттею от лужи. Впереди зияла разверзшаяся бездна — такая же, как в той, первой Башне, через которую я попал сюда.

— Дверь открыта, — к Катее вернулась её холодная самоуверенность. — Иди, Кимок! Ради всего, что когда-то нас связывало, — иди!

Я стоял, обхватив Каттею за плечи лапой, на которой был заколдованный Орсией шарф, другой лапой сжимая рукоять меча. Каттея не успела вырваться — увлекая её за собой всем своим весом, я бросился вперёд. Я не знал, действительно ли это дверь Динзиля, но это был единственный выход для нас обоих.

Мы падали... падали... Я отпустил Каттею. Мысль о том, что она со мной, я нёс с собой в никуда.

Я очнулся оглушённый, чувствуя боль во всём теле. Я лежал ничком на холодном каменном полу. Приподняв голову, я огляделся. Здесь не было цветовых сполохов, я увидел мрачные каменные стены и подумал, что Динзиль каким-то образом снова заключил меня в темницу. Меч... где меч? меч?

Слабый свет исходил от моей лапы... Лапы! Значит, мне не удалось выбраться из того мира. На меня навалилось безграничное отчаяние.

Но... Я с трудом приподнял голову повыше: лапой заканчивалась человеческая рука! На руке возле локтя виднелся небольшой шрам, и я вспомнил бой, в котором его получил.

Я поднялся на колени и окинул взглядом своё тело. Это было моё собственное человеческое тело, прикрытое остатками одежды. Но лапы... Я не сразу решился дотро-

нуться ими до лица, боясь, что на него перейдёт их скверна, хотя всё ещё не мог поверить, что больше не ношу на плечах жабью голову.

Позади меня во мраке что-то зашевелилось. Волоча за собой меч, я на четвереньках подполз туда и увидел женское тело в костюме для верховой езды жительницы Долины. Тонкие нежные руки заканчивались бурыми лапами, ещё более уродливыми, чем мои. Бурая голова, голая, гладкая — ни волос, ни лица, только глазные впадины. При моём приближении это жуткое подобие головы покачнулось, и глазницы уставились на меня.

— Каттея! — я потянулся к ней, но она отстранилась от меня. Только выставила вперёд свои лапы, словно хотела подчеркнуть их чудовищный вид, а потом заслонились ими.

Не знаю, что меня толкнуло, но я потянул за конец шарфа, обвязанного вокруг моей руки — он уже больше не был полосой света — и, сняв, протянул его Каттее.

Глазницы уставились на шарф. Потом Каттея выхватила его у меня и обмотала им голову, оставив лишь узкую щель для глазниц.

Я снова огляделся. Мы были или в Башне или в её двойнике и сидели на полу возле спускавшейся вниз крутой лестницы. Дверные проёмы, ведущие в другие миры, были закрыты, но я решил, что надо поскорее уходить, и повернулся к сестре.

— Пойдём...

— Куда? — мысленно спросила она. — Куда я такая пойду, как я покажусь людям?

Я со страхом подумал: а что если мы действительно теперь навсегда останемся такими?

— Пойдём...

Я помог ей встать, мы друг за другом спустились по этой опасной лестнице и оказались у начала подземного коридора в основании кургана. Снова на мече выступили красные руны. Но я устремился вперёд, увлекая за собой Каттею. Она шла молча, двигаясь как сомнамбула, не заботясь, куда она идёт и зачем.

Мы вышли наружу в серый дождливый день. Перед нами лежала избородённая колеями дорога.

Ум Каттеи не открывался мне, как ни старался я заинтересовать её в нашем побеге. Между нами возник непро-

нищаемый барьер. Я следил за мечом, но руны, погасшие, когда мы вышли из кургана, больше не вспыхивали. Мы спустились во впадину и поднялись по противоположному склону. Я окинул взглядом открывшуюся впереди местность, ища знакомые ориентиры. Точно, вон там я сразил чудовище — одного из стражей Чёрной Башни.

Голод, который я едва осознавал в том, другом мире, мучительно напомнил о себе, я вынул из поясной сумки корни, которые собрала мне Орсия, и протянул один Каттее.

— Ешь, они вкусные... и хорошо сохранились, — сказал я.

Неожиданно она выбила корень у меня из рук, он покатился и исчез в трещине между камней. Нас по-прежнему разделяла стена отчуждённости. Я так ненавидел Динзиля, что если бы он теперь стоял передо мной, я бросился бы на него, как дикий зверь, и разорвал на куски.

Каттея шла, спотыкаясь, я хотел поддержать её, но она с силой оттолкнула меня. Я упал, а она, шатаясь, пошла назад к Башне...

Я догнал её и повернул обратно, на этот раз у неё не хватило сил сопротивляться — я крепко держал её, готовый к любой новой выходке.

Мы спускались по неровному склону. Местность была пустынная, нам не попадалось ни одного живого существа, и руны на мече не загорались. Мне показалось, я узнал кусты впереди, хотя теперь они не были окутаны туманом. Наконец мы достигли протока и подводного уступа, возле которого я расстался с Орсией. Я надеялся увидеть её на том же месте, ждущей меня и, когда её не оказалось, ощутил волну разочарования.

— Зря ты понадеялся на водяную девчонку, мой глупый брат, — вонзилась мне в мозг жестокая мысль этой новой Катте. — Но ей повезло.

— Что ты хочешь этим сказать?

В мозгу у меня раздался её смех. Я был поражён: так смеялся только Динзиль.

— Просто, бесценный мой братец, я могла кое о чём попросить тебя — вряд ли ты смог бы мне отказать, — и вот тогда бы ей не повезло.

— Что ты хочешь сказать? — повторил я, но опять наткнулся на барьер. Только этот жуткий смех звучал у меня в голове. Я понял, что потерял Каттею, хотя она и шла рядом со мной.

Наш путь лежал по протоку, а дальше — по реке. Теперь я знал дорогу и мог идти без Орсии, но я беспокоился за неё. Хорошо, если она просто предусмотрительно ушла в безопасное место, а не стала жертвой какой-нибудь злой силы, бродящей в этих местах.

Близилась ночь. Мы дошли до заброшенного жилища аспта, и я уговорил Каттею залезть внутрь. Она устроилась во мраке у противоположной стены, как можно дальше от меня.

— Каттея, пойми, живущие в Долине знают намного больше нашего. Они помогут тебе — они придумают, что делать.

— Кимок, я и сама знаю, что делать! Но для этого мне нужна твоя водяная девчонка. А если не она, так другая. Но и она подойдёт. Приведи её ко мне или меня к ней, и мы славно поколдуем — ты удивишься, Кимок, ведь ты думаешь, что постиг тайную мудрость, а сам только долбишь заученное — жалкие обрывки, которыми гнушаются те, кто истинно велик.

Я почти потерял терпение:

— Такие, как Динзиль, наверное?

Она долго не отвечала, затем в голове у меня снова зазвучал тот смех:

— Динзиль? Да, он хочет взобраться по тучам на небо. Он многого хочет, но получится ли у него хоть что-нибудь, это другой вопрос, и с этим он должен считаться. Знаешь, Кимок, я возненавидела тебя за то, что ты вырвал меня из того мира. Но теперь я вижу, что, пожалуй, всё к лучшему. Там я зависела от Динзиля — ты не зря боялся этого. Твои услуги, дражайший брат, будут вознаграждены, — голова, обмотанная зелёным шарфом, кивнула.

Я похолодел при мысли о том, что за существо поселилось в Каттее. Может ли оно быть изгнано? Я вспомнил о двух жребиях Лоскиты, в которых сестра действовала заодно с врагом, и подумал, что лучше бы она умерла.

Но человеку свойственно цепляться за надежду: «Если бы только привести её в Долину, — размышлял я, — там уж наверняка сумеют не только вернуть ей прежний облик, но и изгнать вселившееся в неё чудовище.»

— Спи, Кимок. Клянусь тебе, я не убегу. Теперь мне ничего другого не надо, кроме как идти туда, куда идёшь и ты.

Я чувствовал, что она не лжёт, но это не успокаивало

меня. Я не знал, уснула ли Каттея, но она лежала не двигаясь, положив повязанную голову на руку. Наконец усталость взяла своё, и я провалился в сон.

Глава 17

С рассветом мы выползли из своего убежища. Я снова предложил Каттее корней, но она отказалась, объяснив, что не ест такое, и снова установила непроницаемый барьер, однако пошла дальше без принуждения.

Над протоком клубился туман, я был рад этому: проток служил нам дорогой, а туман скрывал нас от посторонних глаз. Я прислушивался и всматривался вперёд — не послала ли Орсия нам навстречу Кофи. Правда, она могла и не верить в моё возвращение, считая поход в Чёрную Башню безнадёжной затеей...

Листва деревьев, местами смутно проступавшая сквозь туман, поредела, тронутая дыханием осени. Было холодно, и я подумал, что не за горами зима. Я дрожал, и теперь мне очень пригодился бы плащ, из которого я сделал чучело.

То и дело я поглядывал на меч — не проступят ли на нём руны. Туман странным образом скрадывал звуки, и только меч мог предупредить нас об опасности.

Мы могли бы добираться по воде до самых гор, но возвращаться по подземным туннелям — нет, это было бы безрассудством.

Продолжать путь по суше тоже было слишком рискованно, но я знал, что этого не избежать.

Опять послышался тихий, издевательский смех. Быстро повернув голову, я посмотрел на Каттею.

— Боишься, что мы не попадём в Долину, мой дорогой брат? Ты наделён немалым даром предвидения. Но не забывай, ты идёшь со мной, и я могу показать тебе чудеса, о которых ни твоя водяная девчонка, ни колдуньи Эсткарпа никогда слыхом не слыхивали. Не волнуйся, мы вернёмся в Долину; раз мы оба этого хотим, значит, так оно и будет.

Снова то же высокомерие, самонадеянность и насмешливый тон. При этом я почувствовал, что она действительно знает, о чём говорит. Однако я не хотел никакой помощи от неё, тогда как помощь Орсии принял бы с радостью.

— Что это? — отвернув от меня свою обмотанную шар-

фом голову, Каттея, не отрываясь, смотрела на воду, туда, где сквозь туман виднелось какое-то странное волнение.

— Кофи! — воскликнул я, и мысленно позвал: — Орсия! Никто не откликнулся.

Послышались всплески, мерфей шёл по мелководью нам навстречу.

— Что это? — снова спросила Каттея. — Мысленно я ничего не улавливаю, но там что-то живое.

— Это мерфей. Он был нашим проводником.

— Друг твоей водяной девчонки? — Каттея остановилась, словно не хотела к нему приближаться.

То, как она называла Орсию, раздражало меня.

— Её зовут Орсия, и она тоже обладает Силой. Орсия помогла мне найти тебя, — сказал я резко.

— Орсия, — повторила Каттея, — что ж, извини, брат. Пусть будет Орсия. Значит, она помогла тебе отыскать меня? Это я тоже запомню. Её магия в шарфе... Ну, а этот Кофи? Что от него толку — ведь мы же не видим его и нам не установить с ним мысленный контакт. Может быть, он хочет нам что-то сообщить?

— Думаю, что да.

Я опустил на мелководье на колено и протянул вперёд руку — то есть лапу — как делал это, когда Орсия помогла мне увидеть Кофи. Всплески приблизились, но никакого прикосновения я не почувствовал, наверное, Кофи не решился дотронуться до того, что теперь служило мне рукой. Я не мог винить его за это, но надеялся, что он воспримет мой жест, как приветствие.

Невидимый Кофи стал удаляться вниз по течению. Я не знал, то ли он не хочет больше иметь с нами дело, то ли снова собирается вести нас за собой, однако, я надеялся на второе.

Наверное, так оно и было — Кофи не удалялся, а приноравливаясь к нам, поджидал нас, хотя и на почтительном расстоянии. Один раз на мече проступили руны, и я жестом остановил Каттею, прислушиваясь и всматриваясь в густую завесу тумана. Послышалось приглушённое карканье и какие-то крики. Затем всё стихло. Мы стояли, не шелохнувшись; руны постепенно пропали.

— Это он, — уловил я мысль Каттеи.

Для меня теперь был только один «он»:

— Динзиль? Он преследует нас?

Она опять расхохоталась:

— Неужели ты думаешь, что он так просто отпустил

меня? После всего, что он сделал, чтобы добиться от меня помощи? Я думаю, теперь Динзиль нуждается во мне больше, чем я в нём. Значит, мы сможем с ним договориться!

— Договориться?

— Я не хочу оставаться таким чудовищем ни в этом, ни в каком другом мире, Кимок! — не самоуверенность, а отчаяние и гнев уловил я на этот раз.

— Но что же ты можешь поделать? — спросил я, понимая, что причиняю ей боль, и всё-таки желая выведать, что, по её мнению, может предпринять Динзиль и чего ждать от неё самой. Я больше не доверял Катте — э т о й Катте.

— Я знаю, что делать. Но Динзиль способен на всё. Обратной дороги мне не будет. И кроме того... — она оборвала свою мысль, и между нами снова возник барьер.

Холод пронизывал моё полуголое тело, меня била дрожь. Катте повернулась ко мне узкой щелью шарфа, через которую смотрела, и показала на росший рядом тростник.

— Принеси-ка мне вот это.

Я нарвал непослушными лапами большую охапку и протянул ей. Держа тростник на вытянутых руках, она наклонила голову и подышала на него. Хотя между нами и был барьер, я ощутил, как от её колдовства распространяется волна какого-то смутного беспокойства. Стебли тростника вытянулись, стали расплываться и слились друг с другом. Катте протянула мне толстую куртку на вате, какие мы носили в Эсткарпе осенью. Надев её, я почувствовал, что она не только защищает от холода и сырости, но и излучает тепло — меня словно согрело весеннее солнце.

— Видишь, без колдовства не обойтись даже в мелочах, а не только в главном, — долетела до меня мысль Катте.

Я потрогал куртку — обычная, самая настоящая куртка. Мне оставалось лишь надеяться, что чары продлятся подольше. Катте ответила на мою мысль:

— Куртка послужит, сколько потребуется, тебе будет в ней удобно и уютно.

Мы добрались до реки, туман рассеивался. Я настороженно следил за мечом, но Катте уверенно шла по мелководью, как человек, которому нечего бояться. Впереди, рассекая воду, плыл незримый Кофи.

Тишину снова нарушили какие-то отдалённые звуки, и я прислушался: на этот раз не карканье, а лай — так лаяли, преследуя жертву, гончие, которыми ализонцы травили людей.

— Сарны... — встрепенулась Каттея.

Я не мог увидеть выражения её лица, но почувствовал, что она взволнована — не так, как если бы ей угрожала опасность, а как сторонний наблюдатель. Похоже, она была уверена, что Динзиль слишком дорожит ею, и ей незачем опасаться встречи с этой сворой.

— Динзиль знает, чего хочет. — Она снова ответила на мои мысли. — Он не пойдёт на приступ небес, пока хорошенько не подготовится. Для достижения своих целей он использовал разные средства, но с Силой из Эсткарпа имеет дело впервые. Тут ему не избежать неожиданностей.

Лай всё приближался. Я увидел, как треугольник рассекаемой мерфеем воды устремился к противоположному берегу. Зашевелилась трава — Кофи прятался. Я огляделся: нам укрыться было негде. Мы могли уйти на глубину и попробовать отсидеться под водой, но Каттея решительно воспротивилась.

— Это твоя Орсия любит хорониться в илистых ямах и ползать по дну. Но я не Орсия, у меня не жабры, а лёгкие. Да и у тебя тоже, дорогой брат. А что это у тебя за меч?.. — она протянула к нему лапу и тут же, вскрикнув, отдернула, прижав её к груди и поглаживая. — Что это?

— Оружие и талисман.

У меня почему-то не было желания рассказывать ей, откуда у меня меч и чем я ему обязан.

На нём проступили руны, разгораясь на золотистом фоне всё ярче и ярче. Не в первый раз я пожалел, что не могу их прочесть и узнать, насколько на самом деле велики возможности меча, чтобы при случае использовать его в полную силу, а не действовать наугад.

У подножия скал на противоположном берегу появилось какое-то движение. Я попытался столкнуть Каттею на глубину, но она увернулась и встала в стороне, спокойно поджидая тех, кто издалека направлялся к нам. Мне волей-неволей пришлось остаться с ней. Я сжимал рукоять меча; руны словно налились кровью, которая, казалось, вот-вот закапает в воду.

Они приближались: впереди трусили трое серых — это

их лай мы слышали. За ними скакали всадники — такие же, как меченосцы, захватившие Орсию, а следом — ещё двое, вроде тех, что метали молнии, помогая расправе с кроганами.

Снова в мозгу у меня раздался жуткий смех Каттеи:

— Жалкая кучка, и они ещё думают с нами тягаться! Динзиль слишком забылся — так оскорбить меня!

Она повернулась к приближавшимся и принялась медленно разматывать шарф, закрывавший её ужасную голову. Рукоять моего меча сильно нагрелась.

Из клыкастых разинутых пастей серых сочилась слюна, глаза злоежась вспыхивали красным. Всадники позади осадили скакунов и поехали шагом. Животные, на которых они сидели, были похожи не на рентавов, а скорее, на лошадей Эсткарпа, только крупнее и мощнее. Вороны, без сбруи, они заставили меня вспомнить кеплиана — демонического жеребца, который чуть не погубил Кайлана.

Они подъехали к реке и, остановившись, смотрели на нас. Серые сели у кромки воды, остальные выстроились в ряд позади них. Меченосцы, как и Динзиль, походили на представителей древней расы — во всяком случае, ничем не выделились бы среди них. Но двое с огненными посохами отличались от остальных всадников сложением, а лица их скрывали капюшоны. Я заметил у них лапы — такие, как теперь были у меня, и подумал, что если сдёрнуть капюшоны, то под ними наверняка окажутся жабы головы. Должно быть, Динзиль вызвал своих приспешников из того жуткого мира, входом в который служила Чёрная Башня.

Шарф спал с головы Каттеи. Её чудовищное «лицо» безжалостно открылось взгляду при свете дня. Впервые я увидел его так отчётливо и невольно отшатнулся, хотя тотчас преодолел себя.

Ни рта, ни носа — только пустые глазницы на гладкой бурой голове. Я вспомнил прекрасное лицо сестры и понял, что такое несчастье вполне могло повлиять на её рассудок, и что пытаясь вернуть себе прежний облик, она в самом деле пойдёт на всё.

Серые не решались войти в воду, и я вспомнил, что, по словам Орсии, проточная вода отпугивает некоторые злые силы. Но я видел, как оружие этих тварей в капюшонах

плевало огнём через реку, и напряжённо ждал, что оно вот-вот будет направлено в нашу сторону.

Каттея протянула перед собой руки и стала медленно водить ими, словно подавала знаки стоявшим на противоположном берегу. При этом она мысленно что-то проносила. Мой мозг пронзила нечеловеческая боль, мне захотелось бежать прочь, но от меча по руке начало подниматься тепло, оно дошло до мозга и установило там защитный барьер, непроницаемый для сил, которые призывала Каттея, и я перестал чувствовать их воздействие.

Серые, запрокинув головы, дико, отчаянно взвыли, начали биться и стенать, как проклятые и обречённые, потом заметались по берегу и, наконец, бросились прочь от реки и исчезли среди скал.

Кеплианы заржали, встали на дыбы и помчались вслед за серыми. Некоторые сбросили своих седоков, и те лежали на земле ничком, не шевелясь, словно сражённые насмерть. Только двое в капюшонах, соскользнув со своих несчастных скакунов, умчавшихся прочь, стояли рядом, наблюдая за Каттеей. Но они не двигались и не наводили на нас своё оружие.

Руки сестры упали вниз. Я различил поток её мыслей:

— Передайте вашему властелину: там, где летает орёл, ястреб не охотится. Пусть больше не посылает за мной свой жалкий сброд. Если он хочет мне что-то сказать, пусть говорит, как раньше, — сам, стоя передо мной и глядя мне в лицо. — Она расхохоталась. — Расскажите ему, что вы видели. Пусть задумается, ведь мы можем договориться.

Они никак не прореагировали на это — просто повернулись и пошли прочь, не оборачиваясь, явно не опасаясь удара сзади. Каттея снова обмотала голову шарфом.

— Ты бросила Динзилю вызов, — сказал я вслух.

— Да, — отозвалась Каттея. — Вряд ли он ещё раз пошлёт в погоню за нами своих ничтожных прихвостней. Славно побежали его рабы! Он явится сам, в полной силе, которой, как ему кажется, он обладает.

— Но...

— Но этого-то ты и боишься, брат? Напрасно. Динзиль думает, что сделал меня своим орудием, чем-то вроде щипцов, которыми вынимают из огня горячие угли. На время, — она засунула концы шарфа за пазуху, чтобы они

не свисали, — ему, может быть, это отчасти и удалось. Но знаешь, он раскрыл передо мной все свои знания. А поскольку я прошла хорошую школу у колдуний, мне удалось влить эти знания в другой сосуд, неизвестный ему. Пусть увидит, как я сильна, и ему ещё больше захочется иметь с нами дело. Ну что, пошли? — Повернув обмотанную шарфом голову, она огляделась вокруг. — Я не хочу идти по воде. Думаю, нас уже больше не побеспокоят. Долина там, — она кивнула налево.

— Откуда ты знаешь?

Её самонадеянность и высокомерие раздражали меня. Она поигрывала своими мыслями, как охотник хлыстом. Да, это была уже совсем не та Каттея, которую я знал всю жизнь.

— Долина — обиталище силы, ведь правда? А потому от неё исходит сигнал ко всем, кто способен его воспринять. Попробуй сам, брат, с помощью твоего таинственного меча.

Поддавшись её влиянию, я поднял меч, держа его свободно, чтобы проверить, может ли он служить указателем. Могу поклясться, я не наклонял его, но он действительно указал в том же направлении, что и Каттея.

И мы пошли прочь от реки — я не хотел этого, но рано или поздно нам всё равно пришлось бы это сделать, чтобы не идти через подземные туннели.

Мы быстро миновали полосу прибрежных зарослей и вышли на холмистое пространство, покрытое каменными глыбами. Каттея шла вперёд уверенно, без всякой опаски, но я держал меч наготове и, когда загорались руны, заставлял её обходить подозрительные места. Вскоре я заметил, что справа и слева за нами по пятам крадутся какие-то призрачные существа. В некоторых я сразу узнал прислужников зла, других видел впервые. Многие из них выглядели отвратительно. Возможно, это было наваждение, но сколько я ни старался, преодолеть его не мог.

Никто из них не мешал нам идти вперёд, но в любой момент они могли наброситься на нас по приказу своего повелителя, и я ждал, что вот-вот появится сам Динзиль, принявший вызов Каттеи.

Я был плохо снаряжён для схватки с ним. У меня было только одно оружие — на крайний случай, как сказала Орсия, — те с л о в а из Лормта, на которые последовал

ответ. Я мог снова воззвать к той силе, которая ответила тогда. Но это был риск, на который можно пойти только от безысходности.

В этих безжизненных местах нам попадались участки плодородной почвы — в основном возле родника или ручейка, или озерца, словно вода сдерживала зло, сотворившее здесь такие разрушения. Идти было трудно: как мне удалось некогда разглядеть сквозь дымку с выступа скалы, местность была разбитой и изломанной, гребни каменных глыб перемежались с узкими впадинами, и мы постоянно куда-то карабкались, то спускались вниз, то снова поднимались вверх. Каттея явно не сомневалась в правильности выбранного направления, и всё время забирала влево. Наконец, в подтверждение её правоты, я увидел горы.

Мы остановились возле небольшого озерца. Я съел один из оставшихся корней, которые дала мне Орсия, хотя был так голоден, что мог бы съесть их все. Каттея, как и прежде, отказалась от пищи. Она сидела, прислонившись спиной к каменной глыбе, и смотрела на воду.

Меня не покидало ощущение, что за нами со всех сторон наблюдают.

— Надо найти место для ночёвки, — попытался я нащупать обыденную тему для разговора с этой чужачкой, которая, как ни трудно мне было в это поверить, доводилась мне сестрой.

— Да, конечно, и... — её мысль прервалась. — Если всё пойдёт хорошо, мы найдём по дороге то, что нам так необходимо. Но нельзя терять времени.

Каттея встала и пошла мимо озерца по выемке среди глыб. Я двинулся вслед за ней и вдруг увидел на влажной земле клинообразные отпечатки ног с едва намеченными вмятинами от пальцев. Я сразу узнал эти следы: они принадлежали кому-то из кроганов! Следы вели прочь от воды, что было очень странно.

Орсия? Но разве мог я быть в этом уверен? Если кроганы вступили в союз с Тьмой, что вполне могло произойти за это время, то кто-то из них мог быть среди тех, кто теперь следил за нами. Только почему же следы вели не к озерцу, а в противоположную сторону? Ведь кроганы так боятся отрываться от воды. Поблизости не было больше ничьих следов, и, следовательно, я не мог предположить,

что крогана увели насильно или преследованием вынудили удалиться от озера.

Те же следы, хотя и менее отчётливые, виднелись среди камней на сухой земле. Кто-то из кроганов, неизвестно почему, против своей природы и привычки, проделывал тот же путь, что и мы сейчас. Дважды опускался я на колени, чтобы получше рассмотреть следы, думая, что ошибся, и один раз коснулся отпечатка остриём меча, проверяя, не появятся ли руны — следы могли быть наваждением. Но руны не вспыхнули.

Сгущались сумерки. Мы достигли поднимавшегося в гору узкого прохода в нагромождении каменных глыб, и Каттея без колебаний вошла в него. Те же следы виднелись и здесь, но по ним было заметно, что оставивший их шёл уже с трудом. Была ли впереди вода? Если так, я надеялся, что неизвестному бедняге удалось до неё добраться.

Вдруг вдаль во мраке я увидел проблеск белого огня. Это мог быть только жезл Орсии, защищающий её от злых сил. Орсия вдаль от воды — но почему?

— Потому что она нам нужна, брат! — впервые за долгое время достигла меня мысль Каттеи. — В моём шарфе её магическая сила, а значит, это дорога в обе стороны. Я знала: если в шарф обернуть что-то, принадлежащее мне, я смогу отыскать девчонку — и теперь она ждёт нас.

— Но здесь же нет воды! Она кроганка, ей нельзя без воды!

— Не беспокойся, теперь вода ей уже не понадобится.

Я валился с ног от усталости, но, забыв обо всем, спотыкаясь, бросился вперёд. Я подбежал туда, где в песке стоял, слабо мерцаая, рог единорога. Возле него лежала Орсия. Она слабо пошевелилась, когда я опустился рядом с ней на колени. Воды! Но у меня не было ни капли этой драгоценной жидкости. Нести Орсию обратно во тьме, по бесконечным подъёмам и спускам к озерцу, где я впервые заметил её следы? Это была бы почти безнадежная попытка, но в отчаянии я готов был на всё.

— В этом нет необходимости, — Каттея стояла над нами обоими, пристально глядя на нас сверху вниз. — Всё, что надо, можно сделать здесь, сейчас же.

— Здесь нет воды, без воды она умрёт!

Каттея медленно разматывала шарф. Орсия повернула к ней голову, лежавшую у меня на руке. Я почувствовал

желание закрыть ей глаза, чтобы она не смотрела на чудовище, в которое превратилась моя сестра.

— Да, чудовище...

Мне стало стыдно, что сестра прочла эту мысль.

— Но теперь у нас есть средство... Ты должен сделать это для меня, Кимок. Я знаю, ты сделаешь... сделаешь... сделаешь... — она словно вколачивала в мой мозг это слово, и я почувствовал, что не смогу противиться её воле.

— Возьми свой добрый меч, Кимок, и дай мне крови... крови, чтобы смыть злые чары, чтобы снова стать Каттей.

— Крови?! — я в ужасе вышел из оцепенения.

— Крови! — она наклонилась ближе, протягивая к Орсии лапы. — Убей водяную девчонку, мне нужна её кровь! Или ты хочешь, чтобы я осталась чудовищем до конца своих дней?

Неотразимо властным тоном Каттея говорила ещё что-то, и я поднял меч. На нём полыхали руны, рукоять обжигала мне лапу. Я посмотрел на Орсию: она вглядывалась в моё лицо, но не молила о пощаде, и в её больших глазах был не страх, а только терпеливое ожидание неизбежного.

Я вскрикнул и воткнул меч в землю — он встал, дрожа, между нами и Каттей. Она издала жуткий стон, от которого я содрогнулся — для неё я был предателем, отнявшим у неё единственную надежду. Эта её боль помогла мне почувствовать в ней прежнюю Каттею. Сжавшись, заслонившись руками, она отвернулась от нас.

Я опустил Орсию на землю и взялся за рукоять меча.

— Если тебе нужна кровь... — начал я, направляя остриё меча себе в грудь.

Но Каттея не слушала меня. Она вдруг расхохоталась своим зловещим смехом и бросилась прочь в темноту.

— Хорошо же! Пусть так! Я сделаю по-другому, но ты ещё пожалеешь об этом, Кимок Трегарт! — донеслась до меня её мысль.

Глава 18

Я хотел броситься вслед за ней, но Орсия схватила меня за ногу, и я упал. Я повернулся, пытаясь освободиться, но она из последних сил держала меня:

— Не надо!.. Не ходи, Кимок! Она уже не та... не твоя сестра... Она привела бы тебя... прямо к ним!.. Посмотри на меч!

Пытаясь разжать её руку, я посмотрел на лежавший рядом меч, остриём указывавший во мрак, куда скрылась Каттея. Никогда ещё руны не горели так ярко.

— Но там же Каттея! — наконец я разжал её пальцы. — Нас преследовали силы Тьмы.

— Это уже не та Каттея... — слабо повторила Орсия. Глаза её закрылись, и она с трудом приоткрыла их вновь. — Подумай, Кимок... Разве та, к кому ты был... так привязан, могла бы... потребовать от тебя такого?

— Но почему, почему она это сделала? — я сжимал рукоять меча, однако уже не порывался бежать за Каттеей, ко мне вернулась способность рассуждать.

— Потому что... кровь — это жизнь, Кимок. Есть нечисть, которая... пьёт кровь лучших из своих жертв... чтобы обладать их жизненной силой... и смелостью. А разве воины... не смешивают кровь друг друга... чтобы стать братьями?

— Да, у салкаров есть такой обычай.

— Твоя сестра... меченая; на ней лежит... печать другого мира... Каттея не обретёт целиком свой... прежний облик, пока кровь... не вернёт её полностью в этот мир... Кимок! Что у тебя... с руками?!

Она, не отрываясь, смотрела на мои лапы. Я поднёс их поближе к свету, лившемуся от рога, чтобы она могла получше их рассмотреть.

— На мне тоже печать. Но Каттея страдает неизмеримо больше. Быть прекрасной девушкой, а потом однажды вдруг взглянуть на себя в зеркало и... увидеть такое! От этого можно лишиться рассудка!

— Да, правда... — прошептала Орсия. — Скажи... ведь это она... колдовством завлекла меня сюда?

— Да.

Я оторвал взгляд от своих лап и, посмотрев на кроганку, вышел из задумчивости. Воды... Орсия умрёт без воды. Если бы я пошёл за Каттеей, Орсия погибла бы в этой каменной пустыне так же неминуемо, как если бы я выполнил требование сестры. Если я не смог убить Орсию ударом меча, то тем более не мог оставить её умирать мучительной медленной смертью.

— Воды! — В отчаянии я огляделся вокруг, словно ожидая, что по моему слову из какой-нибудь глыбы забьёт фонтан или водопад. — Скорее назад, к озерцу, — сказал

я, хотя и понимал, что это невыполнимо. Даже если бы я нашёл в темноте путь назад, Орсия наверняка умерла бы у меня на руках прежде, чем мы добрались бы до цели. К тому же на обратном пути нас могла поджидать та разношёрстная шайка, что следила за нами с Каттеей.

— Через перевал... — раздался у меня в голове мысленный шёпот Орсии.

Я посмотрел вперёд: проход среди каменных глыб круто поднимался вверх. Такое восхождение в темноте...

Орсия с усилием потянулась к рогу. Я хотел было взять его, чтобы подать ей, но она встрепенулась:

— Нет... если ты прикоснёшься к нему... Сила уйдёт. Помоги мне... взять его.

Я поддержал Орсию, и её ослабевшие пальцы сомкнулись на роге. Я повесил меч на пояс и, встав, поднял Орсию на руки. Рог лежал у неё на груди, и от него исходило уже не тусклое мерцание свечи, а сияние, раздвигавшее мрак на несколько шагов вперёд.

Это была ночь страха, отчаяния, борьбы и упорства. Орсия каким-то образом всё ещё держалась за жизнь, и я, спотыкаясь и едва не падая, из последних сил продолжал восхождение. На мече то и дело загорались руны, но я на свой страх и риск шёл, не останавливаясь, — каждая потерянная минута могла стоить Орсии жизни.

Небо уже бледнело, начинало светать, когда я, шатаясь, достиг перевала и окинул взглядом уходившее под уклон пустынное, заваленное каменными глыбами плато. Где-то внизу лежала Долина. Но сейчас нам требовалось только одно — вода.

— Вода... — вырвалось у Орсии, но не как стон отчаяния, а как радостный вздох облегчения. — Теперь налево...

Едва переставляя ноги, я двинулся налево вниз по склону, продираясь сквозь кусты. Я совсем обессилел и если бы упал, вряд ли смог бы снова подняться. Но когда я споткнулся и почти рухнул вперёд вместе со своей ношей, то увидел рядом небольшое озерцо с чистой родниковой водой.

Опустив Орсию на землю, я начал плескать драгоценную влагу ей в лицо и чуть не вскрикнул от радости, когда она пошевелилась. Я подтащил её к самому краю озерца, она окунула в него голову и плечи и лежала без движения, впитывая в кожу живительную силу воды.

Затем она подняла голову и села, опустив в озерцо ноги. Я наблюдал в эти минуты самое большое чудо, которое мне когда-либо доводилось видеть: тело — ослабевшее и иссохшее, ставшее почти невесомым, — на моих глазах наливалось силой, снова становилось упругим и молодым. Я растянулся неподалёку, зная, что теперь Орсия спасена, и, наконец, перестав противиться усталости, почувствовал, как проваливаюсь в сон, и ничто, даже появление Динзиля, не заставило бы меня пошевелиться.

Меня разбудило какое-то пение, слов я разобрать не мог. Звучание тихого голоса успокаивало и отгоняло страхи, выползавшие из мрака в населённой призраками пустыне. Снова была ночь, неподалёку сидела Орсия — такая же, как прежде, когда мы вместе шли к Чёрной Башне.

Перед Орсией стоял мерцающий рог, и она протягивала руки к его свету, словно греясь у костра.

Едва я подумал о Чёрной Башне, как вспомнилось и всё остальное. Я резко сел и огляделся: перед нами было озерцо, позади в темноте — перевал через горы, где всё ещё, наверное, блуждала Каттея.

— Назад пути нет! — Орсия подошла ко мне.

Она опустилась на колени позади меня и прижала ладони к моим вискам, как делала это, показывая мне Кофи, и я «увидел», что позади нас всё кишит приспешниками Тьмы, и они объединяются, готовясь к сокрушительному удару. И я знал, что удар этот будет нанесён по Долине. Сердце моё разрывалось на части между стремлением спасти Каттею и необходимостью предупредить об опасности тех, кто остался в Долине.

— Ещё не настал тот час, когда ты сможешь выйти победителем в борьбе за Каттею. Если вернёшься назад, в этот бурлящий котел тёмных сил, то лишь напрасно истощишь свои силы и Дар. Но может случиться и худшее: разве Динзиль не намекал, что он не прочь сделать своим орудием и тебя? Он может пойти на это, раз Каттея вышла у него из повиновения. Ты для него находка.

— Откуда ты знаешь, что говорил мне Динзиль? — прервал я её.

— Пока ты спал, тебе снились сны, и за это время я многое узнала, — ответила она просто. — Пойми, Кимок, твоя сестра преступила пределы, за которыми ты мог бы её дозваться.

Мне не хотелось в это верить:

— Но ведь должны же быть какие-то силы... и с их помощью...

— Это не в твоей власти. Твоих познаний не хватит, чтобы противостоять Динзилю, ты можешь слишком много потерять. Ты должен сделать выбор: бросить всё и вернуться назад или идти в Долину и предупредить.

Я понимал, что она права, но от этого мне было не легче. Я потерпел поражение и теперь должен жить с этим. Всё складывалось так, что вряд ли эта жизнь будет долгой, и уж лучше до последнего сопротивляться Тьме...

От озера бежал ручеёк, и мы пошли по нему, хотя это значительно удлиняло путь. Как ни просила Орсия, я не оставил её одну, слишком хорошо зная, что грозило ей в таком случае. Я был сам виноват в том, что потерял Каттею — я мог дать ей свою кровь, — и теперь не хотел по собственной вине потерять ещё и Орсию.

Она шла, держа перед собой рог, который по-прежнему освещал нам путь. Орсия сказала, что, кроме того, он сможет защитить нас в случае необходимости. Но мне не хотелось, чтобы нам пришлось пустить его в ход: Сила вызывает ответную Силу.

На рассвете мы сделали привал между двумя огромными валунами. Ручеёк, по которому мы пришли, вливался здесь в более многоводный поток, и Орсия сначала долго лежала в воде, восстанавливая силы. Мы уснули, но вскоре нас разбудил топот копыт. Я подполз к щели и увидел внизу всадников, они скакали не на кеплианах, а на рентанах. Передовой отряд из Долины, подумал я, но, прочитав девиз на их стяге, понял, что это люди Динзиля.

В Долине они будут приняты как свои и откроют двери остальным... Надо скорее предупредить, рванул я. Рука Орсии легла на мою лапу.

— Они скачут не в Долину, а из Долины... Но времени у нас действительно мало.

Мы двинулись по потоку дальше. Дважды нам пришлось прятаться: один раз мимо прошли какие-то призрачные светившиеся существа, оставлявшие за собой невыносимый смрад, а в другой — пронеслись огромными прыжками трое серых.

В пути Орсия изредка наклонялась и, пошарив руками

по дну, вынимала что-то из воды, протягивала мне и ела сама. Я решительно жевал и глотал, стараясь не думать о том, что я ем.

Наша водяная дорога, к счастью, шла в нужном направлении. Когда солнце уже клонилось к закату, Орсия показала мне расходившиеся треугольником волны.

— Кофи?

— Нет, но кто-то из его сородичей. Может быть, у него для нас какая-то новость.

Она вывела тихую трель и защебетала, как раньше — с Кофи; затем, нахмурившись, повернулась ко мне.

— Между нами и Долиной повсюду расползлись силы Тьмы. Они ждут приказа наступать.

— Как же мы пройдем в Долину?

— Не знаю. Надо бы искать глубокие места, но ведь ты не можешь долго плыть под водой.

— Если надо, я готов. Веди меня, — решительно ответил я.

Она явно колебалась. Но после дальнейших переговоров с мерфеем кивнула:

— Ну что ж, придётся.

Однако не успели мы добраться до «глубоких мест», как, откуда ни возмись, нас с разных сторон окружила, судя по волнам, целая стая мерфеев. Поверхность воды вокруг Орсии, можно сказать, закипела. Я различил тонкие, едва уловимые крики, должно быть, издаваемые с большой силой, если они достигали моего слуха.

— Что случилось?

— Они говорят, что приближаются мои сородичи...

— Значит, кроганы присоединились к тёмным силам?

— Нет, они всё ещё надеются, что смогут остаться в стороне, если откупятся жертвой от тех, кого так боятся. И эта жертва — мы с тобой. Они знают, что мы идём по этому потоку.

— Ты можешь спрятаться. Мерфеи, конечно, покажут тебе надёжное место. А я пойду дальше по суше, — я сгорал от нетерпения поскорее попасть в Долину.

Орсия, казалось, не слышала меня. Она снова повернулась к мерфеям и что-то прошептала.

— Пойдём, — она двинулась вниз по течению в окружении невидимых мерфеев, которые, судя по следам на воде, выстроились по обеим сторонам от неё в качестве эскорта.

— Но как же? Ведь ты сказала...

— Тут неподалёку есть обходной путь, частично он идёт под землёй...

— Через пещеру со склепом?

— Нет, это внешняя часть той системы переходов. Она тоже неизвестна моим сородичам.

Вскоре мерфеи поплыли быстрее и оставили нас далеко позади. Орсия остановилась и взяла меня за лапу:

— Они постараются отвлечь от нас внимание. Мои сородичи не знают этих мест и послушают мерфеев. Теперь — сюда!

Она отпустила мою лапу и раздвинула свисавшие в воду ветви кустов. За ними открылся мелкий ручей, текущий в расщелине, обильно поросшей вверх кустами. Мы на четвереньках поползли по нему, ветки хлестали по лицу. Ручей впадал в озерцо, Орсия остановилась:

— Вход под водой, надо нырять.

— Сколько придётся плыть под водой?

— Для тебя — долго, но другого пути нет.

Я крепче привязал меч к поясу, снял тёплую куртку, которую дала мне Каттея, свернул её и запрятал под корни кустов — она тут же рассыпалась ворохом желтоватого тростника. Я вдохнул полные лёгкие воздуха и нырнул.

И снова этот кошмар, и вся надежда — на спасительную руку Орсии, направляющую меня за плечо. Наступил момент, когда я почувствовал, — лёгкие вот-вот лопнут, и тут голова моя вынырнула из воды, и я жадно задышал. Вокруг царил непроглядный мрак, но из него пришёл мысленный голос Орсии.

— Ну вот, всё в порядке, — она подтолкнула меня вперёд, и я медленно поплыл — тяжёлый меч тянул меня вниз. В темноте трудно оценивать расстояние — не знаю, сколько мы проплыли, но это был долгий и утомительный путь. Наконец мы словно через дверной проём выплыли в сумрачную пещеру и увидели в стене, совсем невысоко над нашими головами, расщелины, через которые проникал свет.

До них было нетрудно добраться, и мы вылезли наружу. Вокруг громоздились скалы; внизу, в слабых отсветах заката, простиралась равнина, на которой выстраивалось войско: обходной путь вывел нас прямо к врагу.

Я не узнавал открывшиеся перед нами места и не мог определить, Долина перед нами или нет.

— Вряд ли они уже вступили в Долину, — отозвалась Орсия. — Смотри...

Справа, совсем недалеко от нас был уступ, на нём стояли какие-то люди. Я разглядел обмотанную зелёным голову.

— Каттея!

— И Динзиль, — указала Орсия на фигуру в плаще, возвышавшуюся рядом с сестрой. — А вон и предводитель сарнов, да и другие — тоже важные птицы. И... ты чувствуешь, Кимок? Они колдуют.

И верно, в воздухе чувствовалось какое-то дрожание, напряжение, он словно был насыщен некой энергией, которая всё нагнеталась. Однажды мне уже довелось испытать что-то подобное в ночь, когда колдуньи Эсткарпа готовились нанести решающий удар по армии Карстена, надвигавшейся из-за гор с юга. При этом казалось, будто нечто неуловимое высасывает из тебя жизненные силы, всё нарастая и нарастая.

— Они хотят нанести мощный удар и потом гнать наше войско в глубь Долины.

Но объяснения Орсии были излишни, я и сам всё понял. Хуже того, я уловил, что, колдуя, Каттея мысленно призывает — не меня, а Кайлана! Теперь она безраздельно принадлежала Тьме и направила наш врождённый дар на то, чтобы использовать брата, как ключ к Долине.

Теперь я понял настоящий смысл предсказаний Лоскиты: поистине, лучше Каттее умереть, и мне назначено судьбой убить её.

— Оставайся здесь! — велел я Орсии и пополз по скале, чтобы незаметно подкрасться к уступу сверху. На это не потребовалось много времени. Распластавшись на вершине скалы, я заглянул вниз. Они были настолько поглощены своим занятием, что, наверное, не заметили бы меня, даже если бы я открыто спустился к ним.

Я встал во весь рост, снял с пояса меч и направил его на сестру. Всю тайную мудрость, известную мне, я сосредоточил в призыве, который послал вперёд ударом молнии.

Каттея покачнулась, схватившись руками за обмотанную голову. Потом повернулась, побежала по уступу и стала карабкаться ко мне. Остальные всё ещё были так поглощены сведением в одну точку своих сил и волевых устремлений, что не сразу опомнились и не успели её

остановить. Потом Динзиль бросился за ней, я понял, что она не успеет добежать до меня, и сделал то, что видел на песке у Лоскиты: метнул в Каттею меч, желая её смерти.

Меч повернулся в воздухе, рукоять ударила ей между глаз. Каттея упала и полетела бы в пропасть, если бы не зацепилась за большой камень. Рядом воткнулся в землю меч.

Динзиль остановился. Он посмотрел вверх на меня и расхохотался; это был смех, который я слышал от Каттеи, только ещё более издевательский и зловещий. Динзиль приветственно поднял руку, словно поздравляя меня с отличной работой.

Я подбежал к Каттее и опустился возле неё на колени, потом взял меч и, подняв Каттею, перенес её к выступу скалы.

— Увы, герой! — крикнул мне Динзиль. — Ты опоздал!

Он провёл рукой по воздуху, и меч выскользнул из моей лапы — сколько я ни старался, я не мог снова поднять его.

— Вот так-то лучше! — снова расхохотался Динзиль.

Он стоял и хохотал вместе с остальными, которые собрались позади него и наблюдали за мной. Конечно, это были не Великие, но те, кто стремился сравняться с ними, и даже колдуньи Эсткарпа предпочли бы не связываться с такой силой.

— Да, ты нашёл талисман, — Динзиль бросил взгляд на меч. — Но если бы ты ещё и знал, как им пользоваться, тогда тебе повезло бы больше. А теперь...

Не знаю, какую он уготовил мне участь... Но тут позади меня послышался шум осыпавшейся земли и камней — ко мне спускалась Орсия. В правой руке, прижатой к груди, она держала рог единорога.

Может быть, с помощью какой-то своей магии ей удалось ненадолго ввести Динзиля в оцепенение — не знаю. Но Орсия была уже рядом со мной, а он всё ещё стоял на месте. Она вонзила остриё рога себе в ладонь, и из раны хлынула кровь. Орсия схватила мою онемевшую лапу и вымазала её алой кровью; я почувствовал в ладони покалывание возвращающейся жизни и увидел, что отвратительная жабья плоть сходит, и из неё появляются человеческие пальцы. Я схватился за меч.

Враг надвигался на нас во всеоружии тайного знания.

Словно кузнечный молот против муравья, он обратил против нас с Орсией все силы, которые собирался бросить на Долину. Это был поистине роковой момент. И тогда я решил прибегнуть к крайнему средству.

Вскочив на ноги, заслоняя собой Орсию и тело сестры, я поднял над головой меч, словно приветствуя некоего верховного владыку, и произнёс т е с л о в а...

Когда мы заметили врагов, солнце только что село. Сгущавшиеся сумерки словно были частью нагнетаемой злой силы. Теперь же внезапной, ослепительно яркой вспышкой засиял день. Я почувствовал, как энергия этого света ударила в меч, прошла по нему сквозь моё тело и снова вырвалась наружу. Я оглох, ослеп. И всё-таки услышал о т в е т — и увидел...

Нет, мне не описать, что я увидел. Это были все тёмные силы, выпущенные в Эскоре во время древних битв. Как Динзиль всеми средствами стремился найти один из ключей, так я, случайно и от отчаяния, нашёл другой.

Я превратился в канал для энергии, ответившей на мой призыв, и она прошла через меня. Я стал не человеком, а дверью, открывшей ей путь в наше пространство и время.

Что произошло, я не видел. Но ушла эта энергия так же внезапно, как и явилась. Я лежал, беспомощный, на земле, а в небесах бушевала неслыханной мощи гроза, и только вспышки молний разрывали кромешный мрак. Я не мог двинуть ни рукой, ни ногой, словно все жизненные силы во мне истощились. Я дышал, видел молнии, чувствовал, как по мне хлещет ледяной дождь — и всё.

Время от времени я проваливался в небытие, потом снова приходил в себя. В голове слабо шевелились мысли, а тело было неподвижно. Казалось, прошла целая вечность. Наконец я позвал:

— Орсия!

Она не откликалась, и я продолжал звать — это было единственное, что связывало меня с внешним миром. Я чувствовал, что если перестану звать, то провалюсь в пустоту и уже навсегда останусь там.

— Орсия!

— Кимок... — уловил я мысленный ответ.

Это подействовало на меня, как вода на умирающего от жажды. Я попробовал приподняться и обнаружил, что теперь могу шевелиться, хотя и лежу засыпанный землёй

и мелкими камнями. Онемевшее тело начинало чувствовать боль.

— Орсия, где ты?

— Здесь...

Я пополз — едва приподнимаясь, но пополз. Затем, пошарив перед собой, нащупал тело, и мою руку сжали перепончатые пальцы. Мы с Орсией придвинулись друг к другу, дождь стихал, молнии ударили в дальние гряды скал. Гроза уходила. Мы лежали рядом молча, радуясь, что оба уцелели.

Наступило утро. Мы лежали на уступе, где Динзиль пытался с помощью тайной силы перевернуть мир. Из-за оползня мы едва не оказались в ловушке. Но врагов нигде не было видно.

— Каттея! — ко мне вернулась память.

— Она там... — Орсия уже ползла к телу, наполовину засыпанному землёй. Голова сестры всё ещё была обмотана зелёным шарфом. Я потянулся к нему и, посмотрев на руки, которые вернула мне Орсия, принялся неистово откапывать тело Каттеи.

Я перетащил его на ровное место и, опустив на спину, сложил ей лапы на груди. Теперь никто не узнает, какой она стала и почему, подумал я, и вдруг под рукой у себя почувствовал слабое биение сердца — сестра была жива!

— Орсия, — я повернулся к кроганке, — ты... ты вернула мне руки. Могу ли я вернуть Каттее её руки и лицо?

Орсия, ползая на коленях, оглядывалась вокруг, искала что-то среди обломков.

— Рог... — слезы навернулись ей на глаза и побежали по щекам. — Он пропал.

Вдруг неподалёку что-то блеснуло, я подполз и стал копать, ломая ногти. Пальцы мои снова сомкнулись на рукояти. Я потянул за неё и вытащил из земли короткий обломок меча — не блестящий, а тусклый, почерневший. Я попробовал его большим пальцем: он был острый.

Я вернулся к Каттее и сорвал с её чудовищной головы выцветший шарф. Затем обломком меча я нанёс себе рану и оросил своей кровью сначала голову, а потом лапы Каттеи. И на моих глазах произошла перемена: бурая шкура исчезла, лицо сестры и её нежные руки освободились от своей жуткой оболочки. Обняв Каттею, я заплакал. Она шевельнулась и медленно раскрыла глаза: в них стояли

недоумение и растерянность. Я попробовал позвать её мысленно и встретил сначала изумление, а потом — страх. Она стала вырываться от меня, словно я был каким-то кошмарным чудовищем.

Орсия схватила её за руки и, держа их крепко, но осторожно, повторяла:

— Всё хорошо, сестра. Не бойся. Всё хорошо.

Каттея, прильнув к ней, с опаской смотрела на меня.

Я отошёл и окинул взглядом разрушения, произведённые бурей. Среди каменных обломков виднелись чьи-то тела, но ничто не двигалось под великолепными лучами восходящего солнца.

— Как она? — спросил я у подошедшей Орсии.

— Хорошо... она чувствует себя хорошо... Но... Кимок... она забыла, кто она... И утратила Силу.

— Навсегда? — я не мог представить себе Каттею лишённой Дара.

— Этого я не знаю, — ответила Орсия. — Теперь она такая, какой была бы и раньше, если бы не родилась колдуньей — милая, добрая девушка, и она очень нуждается теперь в твоей помощи. Но не пытайся напоминать ей о прошлом.

Итак, когда мы вернулись в Долину, сестра уже не была прежней. И никто, в том числе и ни одна колдунья, не мог бы сказать, станет ли она когда-нибудь снова той же Каттеей, какой мы знали её. Но силы Тьмы потерпели второе поражение, и в Эскоре воцарилось спокойствие, хотя мрак рассеялся ещё не до конца, и повесть о нас троих была ещё далека от своего завершения.

ВОЛШЕБНИЦА КОЛДОВСКОГО МИРА

Глава 1

Морозное дыхание Ледяного Дракона на высотах было сильным и жестоким, поскольку стояла середина зимы. Да, как раз во время Ледяного Дракона я серьёзно задумалась о будущем. Сожалея и печалась о прошлом, я знала, что должна что-то сделать, чтобы те, кого я ценила дороже собственной жизни, освободились от тени, грозившей добраться до них через меня. Я — Каттея, из дома Трегартов, когда-то обучалась как волшебница, хотя и не приняла их клятвы и не владела магическим камнем. Но знания, которые я приобрела, были выбраны не мною.

Я была одной из трёх, и эти трое могли при необходимости становиться одним: Кайлан — воин, Кимок — мудрец и Каттея — волшебница. Так нарекла нас мать, когда родились мы — близнецы. Такими мы и стали. Мать была волшебницей Эсткарпа и была отвергнута Владычицами из-за своего брака с Симоном Трегартом. Он не был обыкновенным человеком, будучи чужеземцем, пришедшим через Врата из другого мира. Сведущий в военном искусстве, которое высоко ценилось в Эсткарпе, потому что эта раздробленная и изношенная временем страна осаждалась тогда соседними Карстеном и Ализоном, он обладал и собственной Силой, которую Владычицы так не хотели признать в мужчине.

После замужества Джелит не только не лишилась своего волшебного Дара, как это должно было произойти, но и нашла новые пути, и это привело в ярость Владычиц, отвернувшихся от неё после такого выбора.

Однако при большой необходимости они были вынуждены просить её поддержки, хотя так открыто и не признали, что она доказала ошибочность традиционного мнения.

Мои родители вместе выступили против Колдеров, иноземных дьяволов, которые так долго угрожали Эсткарпу. Им удалось найти источник, откуда просачивалось это зло, и закрыть его. Колдеры, как и мой отец, происходили не из нашего времени и пространства, они сотворили Врата и через них вбрасывали свой яд в Эсткарп.

После этого великого дела Владычицы уже не смели открыто выступать против Дома Трегартов, однако не забыли и не простили поступка моей матери. Дело даже не

в том, что она вышла замуж — это они могли бы принять, хотя и презирали бы ту, что позволила эмоциям свести себя с их сурового пути; главное, что она осталась с Силой, и этого они не могли простить.

Как я уже говорила, мы были близнецами, мои братья и я. Я родилась последней. После родов моя мать долго болела, и нас поручили Ангарт, женщине из фальконеров. У неё была тяжелая судьба, но она дарила нам любовь и заботу, которую не могла дать нам наша мать. А отец был так поглощён страданиями нашей матери, что едва ли знал в эти долгие месяцы, живы мы или умерли. Мне кажется, что он и потом не испытывал к нам никакого сердечного тепла из-за страданий, которые мы принесли ей своим появлением на свет.

Детьми мы мало видели своих родителей, так как их обязанности в продолжавшейся войне держали их в Южной Башне. Отец инспектировал пограничные земли как Хранитель Границы, а мать — как его связная с Советом Владычиц.

Мы жили в тихом замке, где леди Лойз, боевая подруга моих родителей, хранила небольшой островок мира.

Мы рано осознали, что в нас есть нечто, отличающее от других: мы могли объединять наши мысли и становиться одним существом, если было нужно. Поначалу мы пользовались этим по мелочам, но с каждым разом наш Дар усиливался. Мы также инстинктивно понимали, что такую способность следует хранить в секрете. Разрыв моей матери с Советом избавил меня от тестов, которые проходили все девочки для отбора в ученицы колдуний. Наши родители — догадывались ли, нет ли о том, что мы унаследовали, — охраняли нас, как могли, от следования обычаям Эсткарпа.

А потом мой отец исчез. Во время затишья в военных действиях он отбыл на корабле салкаров — ближайших союзников и боевых друзей Эсткарпа, — чтобы обследовать некоторые острова, где, как говорили, наблюдалась подозрительная активность, и с тех пор о нём и о корабле не было ни слуху, ни духу.

Мать впервые приехала в наше убежище и собрала нас для испытания наших сил. Объединив наш Дар со своей Силой, она послала мысль на поиск и увидела нашего отца живым. Получив этот слабый ключ, она уехала снова, искать мужа, а мы остались.

Вскоре Кайлан и Кимок ушли в Пограничники, а я осталась, и Владычицы принялись действовать, как давно собирались. Они похитили меня и поместили в свою Обитель, и я на несколько лет была отрезана от знакомого мира и от братьев. Но мне были показаны другие миры, и я мечтала, чтобы врождённое Знание нашего рода росло и заполняло меня. Однако все эти годы я боролась с искушением беззаботной жизни и утоления жажды знания, чтобы какая-то часть меня осталась свободной.

Я преуспела настолько, что смогла мысленно добратся до Кимока, и, прежде чем меня заставили принять обет, Кимок и Кайлан приехали и освободили меня оттуда.

Нам не удалось бы нарушить узы Совета, если бы не то обстоятельство, что вся их Сила была собрана воедино для нанесения одного единственного удара Карстену и уничтожения большей части вражеской силы. Совет послал всю свою мощь в горную страну и своей объединённой волей сбил вершины гор, искрошил землю.

Поэтому Владычицы не могли тратить свою Силу на нас, и мы бежали в восточном направлении. Кимок открыл, что Древняя Раса Эсткарпа в отдалённые времена получила мысленный запрет, и восточного направления для неё как бы не существовало. Сделано это было тогда, когда они пришли в Эсткарп как раз с востока.

Так что мы отправились через горы в Эсмор.

Там нам пришлось изучать то, что мы должны были знать. Я воспользовалась некими чарами, чуть не погубившими всю страну. Дело в том, что в этой стране в прошлом существовали мощные силы, выпущенные древними магами народа нашей матери, и, стремясь овладеть этими силами, посвящённые погубили страну. В конце концов те, кто ушли основывать Эсткарп, перевалив через горы, оставили за собой тот легендарный барьер.

Но когда я приносила свои заклинания, мало сравнимые с теми, что творились в Эсморе в прошлом, Силы пробудились, лёгкое равновесие нарушилось, и снова возобновилась борьба между добром и злом.

Мы прибыли в Зелёную Долину, которая управлялась народом, по происхождению даже старше, чем Древняя Раса, но всё-таки обладавшим частично и нашей кровью. Они не подчинялись Тьме, мы встали там дружественной армией и разослали Меч Союза, чтобы созвать добро-

вольцев для сражения с Тьмой, и на призыв откликнулся тот, кого в Долине считали своим.

Он происходил из Древней Расы, лорд гор, бывший ученик одного из последних магов, который остался в Эскоре и не вмешивался в борьбу. Динзиль был честолоубив. Когда он только начинал заниматься поисками мудрости, он ещё не был так испорчен жадной властью. Он давно знал Зелёный Народ, они встретили его с почётом и были ему рады. Этот человек умел нравиться, да, больше чем нравиться, как я сама убедилась.

Для меня, знавшей только своих братьев да ещё стражников, которых мой отец приставлял к нам, этот человек стал новым другом, и что-то шевельнулось во мне, когда я впервые увидела его тёмное лицо.

Он начал ухаживать за мной, и весьма умело.

Кайлан нашёл себе Дагону, Владычицу Зелёного Безмолвия, сердце Кимока же пока оставалось нетронутым. Кайлан не хватался за меч, когда я улыбалась Динзилю, но Кимок хмурился, и я считала, что он просто ревнует из боязни, что наш союз распадётся.

Однажды Кимоку пришлось уехать, и я поддалась на уговоры Динзиля помочь ему в решении некоторых задач. Тут сыграли роль и мои сердечные желания. Мы тайно отправились в путь.

Так я попала в Чёрную Башню.

Теперь я не могу вспомнить, как ни стараюсь, что там произошло. Будто кто-то начисто стёр память о тех днях, когда я помогала Динзилю в магии. Если же я перенапрягаю память — во мне только разливается боль.

Кимок вместе с дочерью кроганов Орсией пришёл за мной и приложил поистине сверхчеловеческие настойчивость и силу, чтобы вырвать меня из этого места, что превратилось в царство Тьмы. Но я в то время так была заражена тем, во что втянули меня Динзиль и моя собственная глупость, что готова была вместе с Динзилем нанести вред самым любимым и близким людям. Кимок, предпочитавший скорее увидеть меня мёртвой, нежели павшей так низко, отвёл от меня силы Тьмы, применив древнее заклинание. Но с этого часа я стала как новорождённая, потому что этот удар выбил меня из колеи и уничтожил все мои знания.

Сначала я была как ребёнок, делала всё, как приказыва-

ли, не имея ни воли, ни желания, и всем была довольна.

Потом начались сновидения. Проснувшись, я не могла вспомнить их полностью, и это было благом, потому что здоровый мозг не смог бы их вынести. Даже слабые, отрывистые воспоминания бросали меня в дрожь, так что я лежала в постели в доме Дагоны, не могла есть и боялась спать. Вся защита от подобного зла, какую я изучала, живя среди Владычиц Эсткарпа, теперь стёрлась в памяти, так что я чувствовала себя раздетой на зимнем ветру, и даже хуже, потому что этот ветер был мутным, пыльным ветром Тьмы.

Дагона делала всё, что могла, а ведь она была целительницей. Но она лечила мозг и тело, а тут дело было в духе. Кайлан и Кимок следили за мной и оберегали от Тьмы. Все знания жителей Долины были собраны для моего спасения. Но в те моменты, когда я сознавала, что они делают, я понимала, что для них это — зло, потому что Долина нуждалась в защите не только осязаемым оружием, но также в защите мысленной и духовной, на которую у них уже не оставалось сил. Сражаясь за меня, они ослабляли собственную защиту.

Пора было отбросить детскую тягу к предоставленным мне безопасности и комфорту. Я повзрослела и не была больше бездумным ребёнком.

Я поняла, что сны — это только начало, предвестие ужаса, который может проникнуть в меня, а через меня напасть и на других. Мои собственные познания исчезли, и в освободившееся место легко могло войти нечто чуждое.

Таким образом, хотя я больше и не помышляла о том, я всё-таки оставалась врагом тех, кого любила, и могла стать вратами для Зла, которое сломает защиту моих близких.

Я дождалась случая, когда Кайлан и Кимок ушли на военный совет, и вызвала Дагону и Орсию. Я откровенно сказала им, что нужно сделать для блага всех, в том числе, возможно, и для меня.

— Здесь для меня не наступит покоя, — сказала я им. И прочла в их глазах согласие. — Я могу стать дверью для того, кто только и ждёт, чтобы войти. Я худший враг, чем какое-нибудь чудовище, проникнувшее через вашу охра-

ну. Ты сильна в древней магии, Дагона, Владычица Зелёной Долины, всё, что растёт, должно подчиняться тебе, все животные и птицы. И ты, Орсия, тоже имеешь свою магию, и я могу засвидетельствовать, что она не так уж и проста. Но клянусь вам, что то, что хочет теперь войти через меня, гораздо сильнее, чем ваша объединённая сила. Я опустошена теперь, но могу наполниться. А чем — ни вы, ни я не можем себе представить.

Дагона медленно кивнула. Меня пронизала острая боль, потому что, хоть я и сказала правду, у меня оставалась слабая надежда, что я ошибаюсь, и Дагона, превосходящая в магии всех, кого я знала, скажет мне об этом. Но она согласилась со мной.

— Что ты хочешь сделать? — спросила меня Орсия. Она только что купалась в ручье, и сохнувшие волосы серебряным облаком сияли в воздухе, а на перламутровой коже всё ещё оставались капельки воды. Она их не стряхивала, потому что вода для кроганов — сама жизнь.

— Я должна покинуть вас.

Дагона отрицательно покачала головой.

— За линией нашей охраны скоро появится то, чего ты боишься. И Кайлан и Кимок... они не позволят.

— Нет, я должна уехать, — возразила я. — Есть ещё одна причина. Я могу вернуться туда, откуда пришла, и найти там помощь. Вы слышали, что катастрофа в горах разрушила и власть Совета. Многие погибли, потому что не смогли перенести мощь выпущенной Силы, которую собирали все вместе. Правление Владычиц в Эсткарге кончилось. Наш добрый друг, Корис из Горма, видел, как всё это произошло. И даже если живы всего две-три колдуньи, они помогут избавиться мне от этого, Корис прикажет им сделать это. Позвольте мне вернуться в Эсткарг, и я вылежусь, а вы будете здесь воевать, повинувшись своему долгу.

Дагона ответила не сразу. Часть её магии состояла в том, что она никогда не выглядела одинаковой, а всё время менялась. Иногда она казалась принадлежащей Древней Расе, белокожая и темноволосая, в иной раз у неё были рыжие волосы и золотистая кожа. По своей воле она так менялась или нет — я не знала. В тот момент она казалась из моей расы — рассеянно поглаживавшая чёрные волосы, прикусившая нижнюю губу. Наконец она кивнула.

— Я смогу установить охранные чары, если ты поедешь быстро, так что тебе не придётся бояться вторжения. Но ты должна помочь мне всей силой своей воли.

— Ты же знаешь, что я постараюсь, — заверила я. — Но вы обе должны помочь мне ещё в одном: встать на мою сторону, когда я буду говорить об этом с братьями. Они знают, что мне не будет грозить опасность, как только я доберусь до Кориса. Мы узнали от тех, кто прибыл присоединиться к вам, что Корис искал нас. Но всё равно, братья могут попытаться задержать меня здесь. Нашей связи столько же лет, сколько нам самим, поэтому мы с вами должны держаться этого решения и сказать даже, что я вернусь, когда приобрету новый внутренний мир и защиту.

— И это правда? — спросила Орсия.

Не знаю, как она ко мне относилась. Когда я находилась под чарами Динзиля, то я была её врагом, даже хотела отнять у неё жизнь руками брата, так что она имела причины не желать мне добра. Но если она, как я подозревала, составляла одно целое с Кимоком, она ради него могла оказать мне услугу.

— Не думаю. Меня могут подвергнуть очищению. Но я хотела бы вернуться, — сказала я откровенно.

— Ты считаешь, что сможешь совершить это путешествие?

— Должна.

— Хорошо, — сказала Орсия. — Я встану на твою сторону.

— Я тоже, — пообещала Дагона. — Но если они захотят поехать с тобой?

— Наложите на них свои чары. Отпустите их со мной до границ Эскора. От этого мы вряд ли сможем их удержать. Но потом пусть возвращаются. Им нечего делать в Эсткарпе, они теперь отдали свои сердца Эскору.

— Я думаю, мы сумеем это сделать, — сказала Дагона. — Когда ты поедешь?

— Как можно скорее. Если внутренняя борьба усилится, я вымотаюсь и погибну раньше, чем покину Эскор.

— Но сейчас месяц Ледяного Дракона, горы труднопроходимы, — заметила Дагона. Она не запрещала, а искала пути для преодоления трудностей.

— Сейчас здесь Валмонд, а он много ездил по тем доро-

гам. Можно также воззвать к острым глазам Форлонга, и его вранги слетают перед тобой в разведку, чтобы тебе избежать возможных засад. Но это жестокий и холодный путь, сестра, можешь быть уверена.

— Не сомневаюсь, — уверила я её, — но чем скорее я покину Эскор, тем скорее мы уберём то, что нам дорого!

Итак, мы договорились и твёрдо стояли на этом. Братья выдвигали свои аргументы, но мы доказали логичность нашего решения, и в конце концов они нехотя согласились. Я поклялась, что вернусь, как только излечусь, с первой же партией, которая пойдёт через горы. Время от времени сюда приходили отряды из Эсткарпа, и об их приходе нас всегда своевременно оповещали часовые Зелёного Народа, стоящие в проходах. Наблюдение несли и разведчики из Долины, и несколько пограничников, которые пришли служить под знамёна моих братьев, и крылатые фланнаны — изумрудные птицы Дагоны, чьи сообщения могла понять только она, а иной раз прилетал и вранг Форлонг — ширококрылый охотник с горных вершин.

Как раз один такой разведчик и разрушил наш план, сообщив, что прямой путь через проход, которым мы пришли в Эскор, теперь закрыт. Какие-то посланцы или подданные Тьмы так перекрыли этот проход, что его легче было обойти, чем штурмовать, тем более имея меня среди членов отряда. Я думаю, Кайлан и Кимок порадовались, услышав это, и решили, что теперь-то мы выбросим наш план из головы.

Но я всё чаще обливалась потом и кричала во сне, и они, как видно, поняли, что я не смогу долго сопротивляться желавшему вползти в меня Злу. Здесь моим уделом будет лишь смерть. И я убедила их в этом.

Форлонг сам явился из Долины на зов. Он сел на скалу, всю в следах от его когтей. Его красная голова ящерицы на гибкой шее медленно поворачивалась, когда его глаза поочерёдно оглядывали нас в то время, как Дагона вела с ним мысленный разговор.

Поначалу он не оставил нам никакой надежды, но потом, непрерывно напирая, Дагона вырвала у него признание, что на северо-востоке, может быть, удастся отыскать ещё один проход. Мы знали, что это очень высокий и очень трудный путь. Форлонг обещал послать с нами сво-

его крылатого разведчика. От Зелёного Народа добровольно вызвался их лучший скалолаз Валмонд.

В Зелёной Долине Ледяной Дракон только пугал: погода была не холоднее, чем поздней осенью в Эсткарпе. Но когда мы проехали мимо символов Сил, защищавших это небольшое убежище, нас встретил полный заряд зимних ветров.

Пятеро из нас ехали на уверенно ступавших рентанах — четвероногих существах, не животных, а боевых товарищах, как они неоднократно уже доказали. Они равны нам по разуму и, вероятно, превосходят по мужеству и физическим возможностям. Кайлан ехал впереди, Кимок — справа от меня, и Валмонд — слева, на расстоянии, а позади — Рокнар из Эсткарпа, который хотел идти со мной до конца, потому что надеялся отыскать своих бывших вассалов и привести их в Эскор. Он был много старше всех нас, и мои братья всецело доверяли ему.

За пределами Долины, когда рентаны уже приминали снег своими копытами, в небе что-то появилось. Это был вранг, посланный нам Форлонгом.

Мы двигались только засветло, поскольку враги наши обычно бодрствовали по ночам. Возможно, суровая погода загнала их в логовища, потому что, хотя мы и слышали однажды охотничьи кличи серых волколюдей, мы так и не встретили их, как и других созданий Тьмы. Мы ехали извилистыми путями, обходя места, которые Валмонд и вранг считали опасными. Некоторые из этих мест были просто гробницами или группами стоячих камней. Но однажды мы увидели строение, совсем, казалось бы, не тронутое временем. В его стенах не было ни одного окна, так что здание казалось гигантским блоком, выпавшим на землю из гигантской руки. Вокруг него не намело снега, хотя везде вокруг он лежал сугробами, сверкавшими под зимним солнцем. Создавалось впечатление, что земля здесь была нагрета — тот четырёхугольник, на котором стояло это зловещее сооружение.

Ночь мы провели возле голубых менгиров, которые иногда встречаются, как островки безопасности в окружающем мире, полном Зла. В сплошной темноте от них исходило слабое сияние. Но оно не освещало нас, а наоборот, растекалось кругом и скрывало наш отряд.

Я старалась не спать, чтобы кошмарные сны не принес-

ли несчастья, но не смогла победить усталость и в конце концов уснула. Может быть, эти голубые камни послужили более сильным лекарством, чем власть Дагоны, так как я не увидела никаких снов и проснулась освежённая, чего не было со мной уже очень давно.

Я с аппетитом позавтракала и исполнилась уверенности, что моё решение было правильным, и наше путешествие, возможно, пройдёт без инцидентов.

На вторую ночь нам не так повезло с лагерем. Обладай я прежними знаниями, я могла бы прикрыть нас защитными чарами, но сейчас я была беспомощна.

Вранг и Валмонд привели нас к холмам у подножия гор, через которые мы должны были перейти, но мы продолжали идти на север и на восток чуть дальше, чем было надо.

Мы остановились на ночлег среди густых зарослей, образовавших плотный навес из переплетённых ветвей. Рентаны улеглись, позволив нам прислониться к ним и отдохнуть, пока мы жевали дорожные лепёшки и пили из седельных фляг. В них было вино Зелёной Долины, смешанное с водой тамошних источников, которая издавна славилась, как восстанавливающая силы.

Вранг улетел на выбранную им скалу, а люди остались отдыхать. Я снова боялась заснуть, уверенная, что меня застигнет одна из Теней, посланных за нами. Я не думала о том, как мы переберёмся через горы. Всё моё воображение было занято тем, что может случиться до того, как я снова увижу свою родину, хотя я и знала, что, думая о зле, я приношу себе вред.

Слева от меня сидел Валмонд в своём зелёном плаще. Даже в темноте — мы побоялись развести костёр — я видела, как его голова поворачивается и смотрит на горы, хотя перед ним была сейчас такая завеса из кустарников и ветвей деревьев, что он не мог ничего увидеть. Его поза выражала такую настороженность, что я шёпотом спросила:

— Впереди опасность?

Он повернулся ко мне.

— В это время в горах всегда тревожно.

— Охотники? Но кто? — Я удивилась. В низинах хватало всяких страшных сюрпризов. Но какие чудовища могут выслеживать нас на высотах?

— Нет, сама земля. — Он не скрывал от меня своего страха, и я была ему благодарна за это, потому что всё, о чём он мог сказать, тревожило меня меньше, чем то, что происходило во сне. — Сейчас много лавин, и они очень опасны.

Лавины... Я и не думала о них.

— Значит, это опасный путь, опаснее чем тот, другой? — спросила я.

— Не знаю. Я не знаком с этими местами. Удвоим осторожность.

Я спокойно спала в эту ночь, мои предчувствия снова не оправдались. Я спала в незащищённом месте, но снов не было.

Утром, когда свет разбудил нас, прилетел вранг. Он на рассвете облетел окрестные высоты, но ничего хорошего не сообщил. Проход, ведущий на запад, имеется, но идти туда придётся пешком, и потребуетея искусство скалолазов.

Большим кривым когтём вранг нарисовал на снегу карту и указал каждое место, где опасность могла поджидать нас. Затем он снова улетел и обследовал путь на гораздо большем расстоянии, чем мы могли бы пройти за день. Мы начали путешествие по горам.

Глава 2

Поначалу наш путь был не хуже всякого другого горного пути, но к тому времени, как поднялось бледное солнце, мы достигли места, где, как и предсказывал вранг, нам пришлось распрощаться с рентами и идти дальше на своих двоих. То, что было тропой, хотя и требовавшей осторожности, теперь превратилось в подобие грубой лестницы, годной только для двух ног, но никак не для четырёх.

Мужчины уложили наши скудные запасы и достали верёвки и посохи со стальными наконечниками. Валмонд, умевший обращаться с ними лучше нас, пошёл впереди, и мы двинулись в путь, ставший испытанием нашей выносливости.

Я была почти уверена, что лестница, по которой мы тянулись, была создана не ветром и погодой, а каким-то разумом. Создававшие её вряд ли были похожими на нас, так как ступени были слишком высокими и узкими, иной

раз на них можно было стоять только на цыпочках, и очень редко попадались такие, где умещалась вся ступня.

Но иных указаний, что это когда-то была дорога, не было. От ходьбы по высоким ступеням болели ноги и поясница. Хорошо ещё, что ветер сдул с них снег и лёд, и мы шли по голым камням, не боясь ненароком поскользнуться.

Лестница казалась бесконечной, она шла не прямо по склону, а почти сразу повернула влево вдоль скалы, и это укрепило мои предположения насчёт того, что этот путь был не естественным, а кем-то созданным. Наконец мы выбрались на плато.

Солнечный свет, провожавший нас, пока мы взбирались, исчез, низко нависли тёмные тучи. Валмонд встал лицом к ветру, раздувая ноздри, словно пытался учуять, не таят ли эти тучи какого-либо зла. Затем он снял опоясывавшую его верёвку и расправил её, на ней стали видны блестящие крючки.

— Обвяжемся верёвкой, — приказал он, — и если шторм застанет нас здесь... — Он повернулся и поглядел вдаль. Я подумала, что он ищет место, где бы нам укрыться от бури.

Я вздрогнула. Несмотря на одежду, которая делала меня неуклюжей, ветер всё-таки находил лазейки, чтобы уколоть меня ледяными пальцами.

Мы поторопились, повинувшись приказу Валмонда, и зацепили крючки верёвки за наши пояса. Он повёл цепочку. За ним шёл Кайлан, потом я, Кимок и последним Рокнар.

Я была самой неловкой. Во время пограничной войны Рокнар и мои братья воевали в горах и, не обладая, правда, столь долгой практикой, как у Валмонда, они были достаточно опытны и не казались неуклюжими.

Валмонд шёл, опираясь на посох, и мы следовали за ним, стараясь не натягивать верёвку. Тучи быстро сгущались, снег ещё не шёл, а другого конца плато уже почти не было видно. И вранг не возвращался, чтобы сообщить, что ждёт нас впереди.

Валмонд простукивал посохом дорогу перед собой, как бы опасаясь ловушки, скрытой под невинной с виду опорой для ног, и шёл гораздо медленнее, чем мне хотелось бы, а ветер становился всё холоднее.

Как подъём по ступеням казался бесконечным, так и эта прогулка, казалось, тянулась часами и днями. Время уже не имело значения. Если бы снег не шёл без передышки, то ветер уже размёл бы старые сугробы и окружил нас сбивающей с пути вьюгой. Я боялась, как бы Валмонд не оказался ослеплён пургой, и мы не наткнулись на какой-нибудь утёс вместо безопасной тропы.

Наконец мы отыскивали место, где нависшая скала укрыла нас от ветра и снега. Тут мои спутники держали совет — идти или переждать бурю, которой так боялся Валмонд. Я прислонилась к каменной стене, тяжело дыша. Холод, который я втягивала в лёгкие, обжигал. Всё моё тело дрожало, и я боялась, что, если Валмонд даст сигнал идти, я не смогу сделать ни одного шага.

Я была так занята своей усталостью, что не заметила возвращения вранга, пока его хриплый каркающий голос не отвлёк меня от мыслей. Вранг вперевалку вошёл под навес. Он сильно встряхнулся, раскидывая во все стороны мокрый снег, а затем устроился перед Валмондом в позе, показывающей, что он сел не на одну секунду. Я поняла, что наше путешествие на сегодня закончено, и спокойно уселась, прислонившись к скале.

Костра мы не могли развести, потому что вокруг не было топлива, и я, коченея, думала, что мы тут замёрзнем под ударами ветра, который временами задувал и в наше убежище.

Но Валмонд был готов и к этому. Он достал из своего мешка кусок материи не шире своей ладони. Но когда он начал разворачивать эту ткань, она становилась всё шире, всё пушистее и, наконец, превратилась в большое одеяло, под которым мы все улеглись. Мое окоченевшее тело оттаяло под его теплом, мои спутники тоже обогрелись. Даже вранг залез под один его конец и сгорбился там.

Одеяло было мягким, как пух; оно касалось моей щеки подобно нежным перьям, но по виду больше походило на мох. Я рискнула спросить Валмонда, и он объяснил, что одеяло действительно сделано из растительных нитей, но с помощью насекомого. Небольшой червь, живущий в Долине, питается мхом, а затем прядёт нить, чтобы сделать из неё кокон от непогоды. Зелёный Народ давно одомашил этих червей и кормит их, а из нитей делает такие

одеяла. К сожалению, для одного одеяла нужны сотни червей и многолетняя работа, поэтому одеял этих всего несколько штук, и они являются настоящими сокровищами Долины.

Я слышала, как разговаривали мои товарищи, но их слова проходили мимо моих ушей, сливаясь в успокаивающий монотонный гул, и я задремала, потому что уставшее натруженное тело не могло больше бороться со сном. Все мои страхи как бы улетучились, и я не была больше Каттеей, постоянно опасавшейся стать жертвой врага, а была просто бездумным телом, нуждавшемся в отдыхе.

Я видела сон; и не тот сон-кошмар, от которого просыпалась с криком ужаса, но столь же живой, если не больше. Я видела, как лежу со своими спутниками под этим одеялом и с каким-то ленивым удовлетворением слушаю грохот бури, чувствуя себя в полной безопасности в окружении защитников.

И во сне я увидела наш путь — в завихрениях бури появился серебряный светящийся луч, и завис прямо над нашими скучившимися телами. Во сне я знала, что именно этот путь искал мой разум. Однако я не считала его продиктованным злом — просто мой мозг слишком долго находился под чужой властью. Конец этого серебряного луча или нити раскачивался, пока не застыл надо мной.

Тут я в первый раз почувствовала какую-то опасность. И когда я призвала всю свою небольшую защиту, которую имела, луч исчез, и я проснулась. Вокруг всё было точно так же, как и во сне — все мы лежали под одеялом, а над нами бушевала буря.

Я ничего не рассказала своим братьям, потому что мой сон не принёс бы пользы, он только мешал бы им в опасных горах. Я решила, что если почувствую прикосновение настоящего Зла, то отвяжусь от спасательной верёвки и, бросившись в пропасть, положу конец всем проблемам, лишь бы не потянуть за собой других.

Мы провели в этом месте остаток дня и ночь. На следующее утро туч уже не было. Вранг высоко взлетел и, вернувшись, сообщил, что буря кончилась, и всё спокойно. И мы пошли.

Теперь уже не было ступеней. Мы ползком взбирались по утёсам, шли по гребням. Валмонд всё время так внимательно следил за вершинами над нами, что это угнетающе

действовало на нас, по крайней мере на меня, хотя я и не была уверена, что он боится чего-то ещё, кроме лавины.

В середине дня мы нашли более широкий выступ, чем тот, по которому шли раньше, и присели на нём перекусить. Валмонд сообщил, что мы теперь уже недалеко от прохода, и, возможно, часа через два всё худшее останется позади. Спустившись со склона, мы повернём на восток. Так что мы с некоторым облегчением жевали лепёшки и потягивали из фляжек напитков Долины.

Мы прошли через перевал за время, указанное Валмондом, и вышли на ведущую вниз тропу, показавшуюся нам несравненно более лёгкой, чем тот путь, который мы проделали. Здесь проводник объявил остановку. Он проверил верёвки и сказал, что их надо подтянуть. Мы ожидали, пока он рылся в мешке. Вот тогда-то и произошло то, чего он боялся.

Я услышала только рёв и инстинктивно откинулась назад, а потом покатилась, засыпанная снегом, и больше уже ничего не помню.

Было темно и холодно, и на мне лежал тяжкий груз. Когда я полубессознательно попыталась освободиться от этой тяжести, оказалось, что я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Были свободны только голова, шея и одно плечо, а лежала я лицом кверху. Кругом была тьма. Что же случилось? Мы только что стояли у склона горы, чуть ниже перевала, и вдруг я замурована! Мой затуманенный разум не мог связать всё это вместе.

Я снова попыталась высвободить руку, плечо которой было свободно. С большим трудом мне это удалось. Теперь я смогла ощупать пространство над головой. Мои полуонемевшие пальцы больно ударились обо что-то твёрдое и скользкое. Я ничего не видела в непроглядном мраке, а осязание мало что прояснило — только то, что сама я захоронена в снегу, а рука, плечо и голова находятся в небольшой пещерке — углублении скалы. Только это и спасло меня, и я не задохнулась под снегом, огромный пласт которого навалился на всё остальное моё тело.

Я не могла смириться с этим пленом и в панике начала раскапывать снег освободившейся рукой. Я отбрасывала его горстью, а он снова падал мне на лицо. Наконец я поняла, что готовлю себе ту судьбу, от которой меня спас

скальный карман. И начала работать более методично, стараясь сталкивать снег вниз, но убедилась, что погребена очень надёжно. Мои старания не оказывали на снежную ловушку никакого воздействия.

Наконец, измученная и вспотевшая, я затихла, тяжело дыша, и постаралась обуздать страх, который подтолкнул меня на эту бесполезную работу. Наверное, всё-таки, это была лавина. Она смахнула нас со склона, а меня засыпала. Другие, может, уже копают снег в поисках меня. А может быть, они все... Нет, я решительно отогнала подобную мысль. Я не смела подумать, что такая удача, как скальный карман, спасла меня одну. Я должна думать, что и все остальные живы. Вот когда я горько пожалела о своём утраченном даре общения с братьями и о своей магии, которая тоже была потеряна мною. Но может быть...

Я закрыла глаза и попыталась настроить свой мозг, как это бывало раньше, чтобы найти Кайлана и Кимока, стать с ними одним существом.

Но появилось такое ощущение, будто я смотрела на манускрипт, на ясно написанные слова незнакомого языка и не могла их прочесть, даже зная, что от этого зависит моя жизнь.

Жизнь или смерть...

Допустим, братья и все остальные остались живы. Допустим, что для них будет лучше, если они не найдут меня. Да только в каждом из нас есть некая упрямая искра жизни. Она не позволит мне покорно отказаться от борьбы за жизнь. Я считала, что могла сама столкнуть себя в ничто, если бы это потребовалось для братьев, и вот теперь задумалась, не сделать ли это.

Я вновь попыталась сосредоточиться только на своих братьях, на необходимости поговорить с ними мысленно. Если бы я могла сузить этот луч до одного человека, я выбрала бы Кимока, потому что он всегда был мне ближе. Я мысленно рисовала себе его милое лицо, направляла каждую каплю энергии, чтобы коснуться его мозга. Всё бесполезно.

По моему телу пробежал холод — и не от снега, навалившегося на меня. Кимок... Могло ли так быть, что я пыталась коснуться уже ушедшего из жизни? Тогда Кайлан. Я начала вырисовывать лицо моего другого брата. Я искала его мозг, но тоже напрасно.

— Всё дело в упадке моей Силы, — говорила я себе, — а не в том, что их нет в живых. Я сейчас докажу это. — Я стала думать о Валмонде, затем о Рокнаре. Ничего.

Вранг! Ну конечно, вранга не коснулось наше бедствие! Во мне впервые вспыхнула надежда, искра надежды. Почему бы не попробовать добраться до мозга вранга? Правда, у этого существа мозг устроен совершенно иначе — удастся ли мне контакт, если он не удался с людьми? Я начала искать вранга.

В моём воображении появилось изображение красной головы, поворачивающейся на теле с серо-голубым оперением. Я коснулась его! Я нашла полосу мысли, не принадлежавшей человеку! Конечно, это вранг! Я закричала вслух, и в этом маленьком кармане звук моего голоса показался оглушительным.

— Вранг!

Но я не смогла удержать эту полосу достаточно долго, чтобы передать точное сообщение. Полоса шла волнами, и я только временами касалась её. Но прикосновение становилась сильнее, в этом я была уверена. Вранг, видимо, искал нас где-то поблизости. Я удвоила свои усилия, чтобы послать разумное сообщение. Но вдруг контакт прервался, и я ощутила невнятную тревогу. Когда я коснулась этого существа, оно, конечно же, должно было постараться ответить мне, но этого не было. Может быть, одна лишь я ощутила, что прикоснулась к его мозгу, и это не могло привести вранга ко мне?

Долго ли я смогу удерживать это слабое чувство контакта? Я задыхалась и только теперь заметила, как трудно стало дышать. Не накидала ли я на себя ещё больше снега во время беспорядочных попыток к освобождению? Или в этом скальном углублении был слишком малый запас воздуха, и теперь он кончался?

Вранг! Изображение в моём мозгу исчезло и заменилось другим, и я была так ошеломлена увиденным, что даже забыла о потерянном контакте.

Не птица-ящерица, нет, это было мохнатое, длинно-мордое существо со стоячими ушами, белое или серое, вроде снега вокруг меня, с узкими, как щёлки, янтарными глазами. Это серый, человек-волк! Я навлекла на себя нечто более худшее, чем смерть от удушья под снегом, и теперь он меня найдёт!

Я старалась усыпить свой мозг, пустила всю силу воли на то, чтобы погрузить сознание в глубокую дрему, не думать, не звать, скрыться от смерти. И мне так хорошо удалось это — а может, воздух стал очень скверным, — что я впала в забытие.

Но я не умерла. Я почувствовала, как свежий воздух ударил мне в лицо, и моё тело механически отозвалось, но глаз я не рискнула открыть. Если они и откопали меня, то, может, сочтут мёртвой и оставят в покое. Кроме этого маленького шанса у меня не осталось ничего. Я не имела ни своего Дара, ни оружия.

Затем я услышала совсем рядом лай. Собственно, это был не настоящий лай, а нечто среднее между лаем и воем. Меня обнюхивали: я почувствовала порыв сильного дыхания на своём лице. Моё тело дёрнулось, но не по воле моих мышц, а потому что меня схватили за куртку у самого горла и потащили. Я заставила себя быть вялой, как мёртвая, безвольно подчиняясь чужой силе.

Тащить перестали, меня снова энергично обнюхали. Могло ли это существо понять, что я не мёртвая? Я боялась этого. Мне показалось, что я слышу удалявшиеся движения. Может, мне всё-таки удастся бежать?

Я подняла тяжёлые веки, и на мгновение свет больно резанул глаза, поскольку я слишком долго была в темноте. Стоял солнечный яркий день. Некоторое время глаза привыкали к свету, затем в поле моего зрения появилась фигура.

Я была так уверена, что меня выкопал один из серых, что не сразу поверила своим глазам: передо мной сидел не человек-волк. Он действительно походил на волка, но на волка настоящего, на зверя от ушей до кончика хвоста. Шкура его была не серая, как у стаи Тьмы, а скорее кремово-белая, а торчащие уши, длинная полоса хребта, включавшая хвост, и четыре крепкие лапы были коричневого цвета.

Но самое поразительное, на звере был ошейник, широкая полоса его сверкала разноцветными искрами, как будто ошейник был украшен драгоценными камнями. Глаза мои полностью раскрылись от изумления: животное сидело, слегка отвернув от меня голову, словно ждало кого-то. Зубастая пасть приоткрылась, из неё свисал ярко-красный язык.

Это было настоящее животное, а не полузверь. Оно повиновалось человеку, иначе не носило бы ошейника. Так что мой осмотр удовлетворил меня. Но в Эскоре никогда не принимали необычное за безвредное: здесь надо быть осторожной, если хочешь сохранить жизнь, или больше чем жизнь. Я не шевелилась, а только очень медленно повернула голову, чтобы осмотреть всё вокруг.

Кругом лежали огромные сугробы снега, не только от лавины, но и от усилий животного, откапывавшего меня. Был день, но тот ли, в который мы переходили через перевал, или следующий — я не могла сказать, хотя мне и казалось, что не тот. Солнце было очень ярким, резало глаза, и я невольно снова прикрыла их.

Не было никаких признаков, что выкопали ещё кого-нибудь из нашего отряда. Я решила снова оглядеться и тут услышала ещё раз лай животного. Я была уверена, что оно зовёт своего хозяина или собрата.

На этот раз ему ответил резкий отрывистый свист, и собака — если это была собака, — разразилась громким требовательным лаем. Она отвернулась от меня, и я из последних сил приподнялась. У меня было ощущение, что я должна встретить того, кто свистел, на ногах — если смогу.

Собака не обращала внимания на мои усилия. Она вскочила и побежала, раскидывая снег. Я с трудом поднялась на колени, а затем встала в полный рост и стояла, покачиваясь и не решаясь сделать даже шаг, чтобы не упасть снова, а собака бежала, не оглядываясь.

Я осторожно и медленно повернулась, пытаюсь найти хоть какое-нибудь доказательство, что я не одна выжила, и увидела... Я покачнулась, упала на колени и принялась разгребать руками снег с мешка, который Валмонд сбросил за минуту до катастрофы.

Кажется, я заплакала и так и осталась на коленях, не в силах встать. Я держалась за мешок, как за якорь, единственный оставшийся от ушедшего мира.

Такой и нашли меня собака и её хозяин. Зверь зарычал, но у меня уже не оставалось никаких сил. Затуманенными от слёз глазами я смотрела на человека, пробиравшегося ко мне, утопая по колено в снегу.

Это был человек. По крайней мере он не походил на

кошмарные создания, бродившие в тёмных местах Эско-ра. Но он был и не из Древней Расы. На нём была меховая одежда, какой я ни разу не встречала, широкий, усыпанный камнями пояс стягивал свободную пушистую тунику. Капюшон с полосой зеленоватых волос, похожих на бахрому, был сдвинут назад, так что были видны его настоящие волосы, рыжие, хотя брови и ресницы были чёрными, и тёмнокоричневое лицо. Эти рыжие волосы так не подходили ему, что выглядели париком.

Лицо было широкое, с плоским носом, с большими ноздрями и толстыми губами. Он неразборчиво заговорил, и лишь немногие его слова слегка напоминали язык Долины, который, в свою очередь, довольно отличался от языка Эсткарпа.

— Другие... — Я наклонилась вперёд, опираясь на мешок. — Помоги найти других.

Я употребляла простые слова, разделяя их, надеясь, что он поймёт. Но он стоял, протянув руку к собаке, как бы удерживая животное. Рядом с человеком было особенно заметно, как крупна собака.

— Другие! — Я так старалась, чтобы он понял. Если я осталась жива после этого падения, другие тоже могли выжить. Затем я вспомнила верёвку, связывавшую нас всех, и стала искать её на себе. Ведь Кимок был передо мной, значит, его можно найти.

Но верёвки не было, а на месте крючка на куртке зияла дыра.

— Другие... — Мой голос поднялся до визга. Я поползла по снегу, раскидывая его то тут, то там, рыла где попало, в надежде, что если этот человек не понимает моих слов, то поймёт действия.

Первым ответом был быстрый толчок, от которого я упала на спину. Собака запустила зубы в куртку на моём плече и потащила меня к хозяину. Животное было так сильно, что я не могла сопротивляться.

Человек не подошёл, не помог собаке и ничего не говорил, просто стоял и смотрел, словно его вмешательство и не требовалось.

Собака, глухо рыча, тащила меня. Последний рывок — и я растянулась на боку, соскальзывая вниз от того места, где пыталась рыться в остатках лавины.

Снова послышался резкий свист, и ему ответил далё-

кий лай. Первая же собака, стоя надо мной, всё ещё рычала. Человек подошёл ко мне, но не дотронулся до меня, а только ждал.

То, чего он ждал, появилось: сани в виде рамы, запряжённые двумя собаками. Нашедшая меня собака перестала рычать и подошла, увязая в снегу, к саням. Там она остановилась перед своими собратями, как бы ожидая, что её тоже запрягут. Её хозяин наклонился, крепко взял меня за плечо и с удивительной лёгкостью поднял. Я попыталась вырваться.

— Нет! Тут... другие! — кричала я в его невыразительное лицо. — Найти...

Он поднял руку. Что-то вспыхнуло в моей голове. Момент пронзительной боли — и пустота, ничего.

Глава 3

Ноющая боль разливалась по всему телу. Время от времени меня встряхивало, и тогда тяжёлая, постоянная боль становилась совершенно невыносимой. Я лежала на чём-то, что качалось, вздрагивало, но не останавливалось. Я открыла глаза. Передо мной бежали три собаки. Ремни, пристёгнутые к их ошейникам, крепились к саням, на которых я лежала, и тут я всё вспомнила. Я хотела сесть, но обнаружила, что руки и ноги туго связаны, и лежу я под меховой полостью, прикреплённой с двух сторон к саням. Возможно, что эта полость предназначалась для тепла и для безопасности, но в данный момент я рассматривала её как ещё один барьер между мной и свободой.

Сани, какие я знала в Эсткарпе, всегда были громоздкими, и в них запрягали лошадей, а эти, влекомые большими собаками, обладали, как мне казалось, фантастической скоростью, и ехали мы гораздо бесшумнее. Не раздавался звон бубенчиков, которые обычно вешались и на сбруи, и на передок саней. В этом молчаливом полёте было что-то пугающее.

Мысли медленно прояснялись. Боль сконцентрировалась в голове, и она, да ещё шок от падения в лавине делали построение каких-либо планов почти непосильной задачей. Моя борьба с оковами шла больше от инстинкта, чем от разума.

Я перестала бороться, закрыла глаза от яркого солнеч-

ного света, усугублявшего мои страдания, и поставила перед собой задачу собрать воедино картину случившегося. Теперь я могла разумно обдумать удар, нанесённый мне этим человеком.

Похоже, что я была не спасённой, а пленницей, и он вёз меня в своё жилище или лагерь. То малое, что я знала об Эскоре — Зелёный Народ не отходил далеко от своей укреплённой Долины — большей частью шло от слухов и легенд. Однако я никогда не слышала о таких людях и таких собаках.

Я не видела своего захватчика, но полагала, что его место позади саней. А может быть, он послал меня одну со своими четвероногими слугами, а сам вернулся искать других выживших?

Другие выжившие! Я глубоко вздохнула, что тоже было чрезвычайной болезненно.

Кайлан, Кимок... Только за них я цеплялась, как лезущий в гору цепляется за спасительную верёвку, когда нога его соскальзывает с ненадёжного углубления. Мы были так крепко спаяны все трое, что я твёрдо знала: если один из нас уйдёт из жизни, другие тут же узнают об этом. Хотя я и потеряла свой Дар, наша связь оставалась, и я не могла поверить, что мои братья погибли. А если они живы...

Я ещё раз попыталась разорвать оковы, державшие меня, но только ударилась головой о раму саней и чуть не потеряла сознание вновь. Нет, я должна преодолеть страх, привести мозг в холодное и настороженное состояние.

У колдуний я научилась такой дисциплине, какой, возможно, нет даже у воинов, и я призвала то, что у меня ещё оставалось, быть моей бронёй и поддержкой. Я не могла помочь тем, кто был мне дорог, если они нуждались в помощи, пока я не освобожусь сама. Я должна была, как всякий пленник, ждать малейшей возможности для освобождения.

Я слишком мало знала о своём захватчике и о том, какую роль я должна сыграть, чтобы обмануть его. Лучше всего, наверное, показаться той, за кого он меня принимал: запутанной женщиной, побитой им и покорной ему. Конечно, это весьма трудно для женщины древней расы, особенно из Эсткарпа, где женщины считались по положению выше мужчин, их главенство было врождённым и

принималось без спора. А теперь я должна была казаться беспомощной, слабой и безропотной.

Итак, я лежала, не двигаясь, следила за бежавшими собаками и старалась овладеть своими мыслями. Если бы я была способна воспользоваться Силой, как прежде, я была бы свободна с той самой минуты, как встала на ноги. Я не сомневалась, что могла бы повлиять и на собак, и на их хозяина. А теперь я напоминала человека, привыкшего надеяться на свои ноги, но вдруг оставшегося калекой как раз тогда, когда ему предстоит долгий и опасный путь.

Дважды собаки останавливались и садились, тяжело дыша, на снег. Их длинные языки вываливались из пастей. Во второй раз их хозяин подошёл и взглянул на меня, наверное, чтобы проверить не пришла ли я в себя. Но меня предупредил скрип его шагов, я закрыла глаза, и, кажется, изобразила вполне убедительную картину обморока. Я не открывала глаз до тех пор, пока собаки не побежали вновь.

Осторожно выглянув, я увидела, что впереди уже не лежит нетронутый снег. Его поверхность была испещрена следами других саней. Видимо, мы приближались к цели. Теперь я должна была быть особенно внимательной, разыгрывая роль сломленной пленницы. Чем дольше я смогу притворяться, что нахожусь в беспамятстве, тем больше узнаю об этом народе, потому что, судя по следам полозьев, мой захватчик живёт не один, просто его товарищи ехали впереди.

Собаки сбежали по склону в долину, где деревья казались тёмными растопыренными пальцами на крепком и чистом снегу, хотя солнце уже село, оставив в небе лишь несколько светлых полос. Из долины донёсся дружный лай, и собаки, которые везли меня, отвечали в полный голос.

Присмотревшись, я поняла, что это был лагерь, а не место постоянного жительства, как, например, у Зелёного Народа. Хотя уже и стемнело, я разглядела между деревьями палатки, хитроумно поставленные таким образом, что деревья составляли часть их самих. Я вспомнила рассказ Кимока о том, как он останавливался у моховух, жилища которых огораживались мхом, свисавшим с ветвей старых деревьев. Но здесь стены были не из мха, а из шкур, разрезанных на полосы и сплетённых в полотнища,

гибкие и удобные в обращении. Они висели, создавая неправильной формы комнаты, каждая вокруг своего дерева. Костёр горел перед входом снаружи, а не внутри.

Возле каждой палатки стояли, яростно лая, по три-четыре собаки. Несколько мужчин вышли, чтобы выяснить причину собачьего шума. Насколько я могла судить при слабом свете, все они имели тот же цвет кожи и те же черты, что и мой захватчик, так что трудно было сказать, племя это или семейный клан. Когда сани остановились на опушке леса, люди подошли ближе, и я сочла за благо прикинуться, что всё ещё не пришла в себя.

С меня сдёрнули покрывавшие меня меха, подняли и отнесли куда-то, где запах кухни смешивался с запахом шкур, собак и давно не мытых тел. Там меня бросили на кучу чего-то, что подалось достаточно мягко для моего избитого тела, но не избавило от добавочной болезненной встряски. Я услышала разговор, почувствовала тепло и даже увидела свет через закрытые веки: видимо, кто-то поднёс к моему лицу факел. Во время путешествия я каким-то образом потеряла шапку, так что мои волосы...

Чьи-то пальцы откинули их, повернули мою голову, и я услышала возбуждённые восклицания, как будто моя внешность показалась удивительной.

В конце концов меня оставили в покое, и я лежала, боясь пошевелиться, и внимательно прислушивалась, чтобы узнать, есть ли кто-нибудь здесь рядом. Если нет, мне очень бы хотелось осмотреться.

Я начала медленный отсчёт до пятидесяти, а затем до ста — не рискуя открыть глаза раньше, не шевелясь и не поворачивая головы. Может быть, даже такой ограниченный обзор поможет мне оценить ситуацию.

Я досчитала до сотни, потом из осторожности ещё до сотни и только затем решила. К счастью, люди племени при осмотре повернули мою голову ко входу палатки, так что я могла кое-что увидеть.

Я лежала на куче мохнатых шкур, накиданных на свежесрезанные ветки, ещё достаточно гибкие, чтобы создать некоторый комфорт. Справа стояли несколько ящиков, тоже покрытые шкурами, только уже выделанными и разрисованными узорами, теперь уже потускневшими и осыпавшимися. Я не нашла среди них ни одного знакомого мне символа.

По другую сторону двери висела рама с зарубками, в которую были с наклоном вставлены узкие полки. Они были завалены мешками, деревянными ящиками и посудой, хорошо сделанной, но без декоративных узоров. Там же висело два охотничьих копья.

Освещение, при котором я всё это увидела, привело меня в изумление. От центрального шеста ко всем сторонам палатки тянулись шнуры, на них висели полосы тонкой материи, похожей на самый лучший шёлк, какой иногда привозили из-за моря салкары. В этой тончайшей ткани запутались мириады крошечных насекомых, причём не мёртвых, как в тенётах паука, а живых. Каждое насекомое мерцало искоркой света, так что все вместе они освещали палатку — не так ярко, как я привыкла, но достаточно, чтобы можно было всё увидеть.

Я с удивлением смотрела на это. И в это время вошёл чужак и увидел мои открытые глаза. Досадую на свою глупость, я состроила испуганное лицо и попятилась от него, как бы желая убежать, но не имея к этому возможности.

Он встал на колени возле моего ложа, критически и оценивающе оглядел меня, и вдруг грубо просунул руку под мою куртку, так что я не могла ошибиться в его намерениях. Теперь мне не надо было разыгрывать страх; я и в самом деле испугалась.

Играть роль покорной самки я больше не могла и не собиралась без борьбы позволить ему сделать то, что он хотел. Я тщетно изгибалась, пытаясь вцепиться зубами в его руки, которые теперь рвали мою куртку и тунику под ней. Я отбивалась изо всех сил, отталкивая его коленями и стараясь ударить его.

Похоже, он рассматривал это как игру, и она ему нравилась. Он присел на пятки, и его ухмылка не сулила мне ничего хорошего. Вероятно, ему хотелось продлить моё унижение, потому что он не продолжал своих действий, а сидел и смотрел на меня, как бы обдумывая следующий шаг и предвкушая заранее то, что он сделает.

Но он так и не успел воспользоваться случаем. Послышался резкий оклик, и из-за дверного полотнища показалась голова и плечи женщины племени.

У неё было такое же широкое и плоское лицо, как и у

мужчины, но волосы были уложены в замысловатую башню. В шпильки в волосах были вставлены драгоценные камни, игравшие на свету. Её свободное меховое пальто было распахнуто, и под ним, несмотря на холодную погоду, ничего не было выше талии, кроме множества ожерелий из драгоценных камней. Соски тяжёлых грудей были выкрашены в жёлтый цвет, и от них, имитируя цветков, во все стороны расходились лепестки той же окраски.

Разговаривая о чём-то с моим пленителем, она рассматривала меня с какой-то надменной веселостью, и вид у неё был властный, как у колдуний Эсткарпа низшего ранга. Я и не предполагала встретить здесь нечто подобное. Впрочем, с чего я взяла, что в этом обществе главенствуют мужчины? Только из-за манеры, с какой этот чужак обращался со мной?

Они говорили со странным акцентом и весьма быстро. Я кое-что улавливала, но общего смысла не понимала. Я снова пожалела о моей утраченной Силе, даже о самой малой части её. Только тот, кто обладал ею, мог бы понять мои чувства. Эта великая потеря больше чем наполовину опустошила меня.

Хотя я и не понимала их слов, но мне стало ясно, что их недовольство усилилось, и что женщина приказывала мужчине сделать что-то, чему тот противился. Один раз она повернулась к двери и сделала жест, который я расценила как намёк, что она призывает кого-то поддержать её требования.

Злобная усмешка исчезла с толстогубого лица мужчины. Оно стало таким угрюмо-мрачным, что я бы на месте этой женщины испугалась. Но её презрение и нетерпеливость росли, и она опять повернулась, как будто подмога, которую она хотела позвать, стояла за дверью. Но прежде, чем она позвала — если и собиралась, — её прервал низкий медный гул, входивший в уши протяжным многократным эхом.

Услышав его, я на секунду забыла, где я, и какие ещё испытания мне предстоят. Этот гудящий звук пробудил во мне то, что я считала навеки утерянным — не только крохи памяти, но и немедленный ответ, который оказался для меня столь поразительным и ошеломляющим, что я чуть не вскрикнула.

Мой Дар был утерян, но память — нет. Я помнила ис-

кусство чар, господство воли и мысли, которому меня обучали, хотя и не могла ими воспользоваться. Память подсказала мне, что в этом варварском лагере прозвучал колдовской гонг. Кто мог воспользоваться этим орудием в таком месте?

Женщина явно торжествовала, мой мучитель беспомощно хмурился. Наконец он вытащил из-за широкого пояса длинный нож, встал надо мной и разрезал верёвку, связывавшую мне ноги. Когда он грубо поднял меня, его руки скользнули по моему телу, обещая причинить в будущем немало неприятностей, раз уж не удалось это сделать сейчас.

Поставив как куклу, он резко подтолкнул меня вперёд, и я беспомощно врезалась бы в стену, если бы женщина не перехватила меня за плечо. Её ногти жёстко вцепились в мою руку, и она повернула меня лицом к выходу. Мы вышли в ночь, освещённую кострами.

Люди у костров не смотрели на нас, когда мы проходили мимо, и мне показалось, что по каким-то причинам они умышленно отводили от нас взгляды. В воздухе всё ещё чувствовалась вибрация, порождённая гонгом, хотя сам звук уже оборвался.

Я ковыляла, поддерживаемая и подгоняемая женщиной, мимо костров и палаток всё глубже в лес, извилистым путём между деревьями. Когда костры остались позади, стало очень темно, а тропа — совершенно неразличима. Но моя стражница-гид шла спокойно, как будто видела в темноте гораздо лучше меня или ходила здесь так часто, что ноги сами вели её куда надо.

Замигал другой костёр — низкий, с голубым пламенем. От него исходил запах ароматических смол. Его я тоже знала издавна, только обычно он вился из жаровни, а не от палочек, поставленных открыто. Неужели меня привели к настоящей колдунье? Возможно, к беженке из Эсткарпа, перешедшей, как и мы, через горы в поисках древней родины.

Палатка, перед которой пылал огонь, была больше других. Она занимала почти всю поляну, на которой стояла. В дверях стояла фигура в плаще с капюшоном, время от времени протягивая руку, чтобы подбросить в огонь приятно пахнущие травы. Учув этот запах и хорошо зная,

зачем он здесь, я обрадовалась: он не от сил Зла. Эта пища не для Тьмы, а для Света.

Магия бывает двух родов. Колдунья рождается со своим искусством, её сила от земли, от всего растущего, от природы. Если же она заключает договор с Тьмой, она оборачивает во зло всё, что живёт на земле, и растения могут навредить так же, как и излечить.

Волшебница может родиться со стремлением подниматься всё выше в своём искусстве, а может оказаться и без дарования, и тогда ей очень трудно учиться пользоваться Силой. Но и той, и той приходится рано или поздно выбирать между Светом и Тьмой.

Наши колдуньи в Эсткарпе рождаются со своим искусством, и я была одной из них, хотя и не приносила их обета и не имела на груди драгоценный камень, как их сестра. Вероятно, я когда-нибудь стала бы считаться волшебницей, поскольку моё обучение простиралось гораздо дальше простого колдовства, и работала я без усилий и приготовлений.

«С кем я здесь встречусь?» — размышляла я, пока проводница вела меня к палатке. С рождённой колдуньей или обученной волшебницей? Наверное, с последней, судя по тону гонга.

В то время, как палатка моего спасителя-похитителя освещалась пойманными насекомыми, в этой палатке было гораздо светлее. В ней тоже висели полосы ткани с пленёнными существами, но на низком столе, высота которого показывала, что перед ним либо располагались на коленях, либо сидели, скрестив ноги, горел ещё хрустальный шар. Войдя, я увидела, что этот свет, который, казалось, плавно кружился в шаре, сиял с яркостью маленького солнца.

— Добро пожаловать, дочь!

Речь её была архаичной по меркам Эсткарпа, но слова не сливались в невнятное бормотание, какое я слышала до сих пор в этом лагере. Я опустилась на колени перед шаром, не понуждаемая проводницей, а просто затем, чтобы лучше рассмотреть говорившую.

У людей древней расы не заметны признаки старости, хотя век их и долог. Я видела всего одну или двух колдуний, выглядевших откровенно старыми. И я подумала,

что ссохшаяся, согбенная женщина, которая стояла по другую сторону стола, наверняка очень близка к смерти.

Волосы её были совсем белыми и редкими, их даже не пытались скручивать и зашпиливать в стиле женщин этого племени, они были заплетены в косы, и я узнала их, потому что это была обычная причёска колдуний. Только на ней не было длинной мантии, какие носят волшебницы. На плечах старухи висел меховой плащ, распахнутый так, что виднелось ожерелье с подвеской из одного большого камня, висевшего между обнажёнными грудями, которые теперь стали просто лоскутами жёсткой кожи. Лицо её не было широким и толстогубым, как у других из племени, а узким, с чисто вырезанными чертами, какие я видела всю жизнь, но только изборождённым морщинами и с глубоко запавшими глазами.

— Добро пожаловать, дочь, — повторила она и протянула руки. Я должна была завершить это древнее приветствие — положить свои ладони на её, но не смогла, так как мои руки всё ещё были связаны. Она повернулась к моей проводнице и резко что-то сказала. Та поспешно наклонилась и разрешила ножом верёвки на моих руках.

Я неуклюже расправила затёкшие руки и коснулась горячих и сухих ладоней. На некоторое время мы замерли в этом положении, и я не пыталась увильнуть от мозга, который прощупывал моё сознание и читал мои воспоминания, моё прошлое, как будто это всё было записано в свитке.

— Вот оно что! — произнесла она в моём мозгу. Я восприняла эту мысль так ясно, как не удавалось даже с Кайланом и Кимоком.

— Ты должна была прийти сюда, — продолжала она. — Я почувствовала твоё присутствие, дочь моя, когда ты была ещё далеко. И я внушила Сокфору — не открыто, а как будто он сам это надумал, — отправиться в твоём направлении.

— А мои братья? — резко перебила я. Может быть, она сможет сказать мне живы ли они?

— Они же мужчины, что мне до них! — ответила она с хорошо знакомой мне надменностью. — Впрочем, если ты умеешь читать в кристалле...

— У меня нет больше Силы, — сказала я ей. Она, конечно, и так уже знала об этом.

— Спать — не значит умереть, — уклончиво ответила она. — То, что спит, может проснуться.

Её слова прозвучали как эхо слабой надежды, с которой я выехала в Эсткарп. Я не только боялась, что моя опустошённая душа может наполниться Злом, но и жаждала вернуть себе хоть часть того, что было утеряно.

— Ты можешь это сделать? — спросила я её, не особенно надеясь, что ответ будет положительным.

Я почувствовала промелькнувшие в ней радость, гордость и ещё какие-то эмоции, но так глубоко спрятанные и такие мимолётные, что я не смогла их отчётливо уловить. Однако явно преобладала гордость, и она же просквозила в её ответе:

— Не знаю. Нужно время, но оно быстро утекает, подобно бусинкам чётков. — Она шевельнула рукой и покачала передо мной браслетом из бус, которые были нанизаны на некотором расстоянии одна от другой. Бусины были гладкие, холодные, но успокаивали, если их перебирать. Колдуньи пользовались ими, чтобы управлять эмоциями или для контроля памяти. — Я стара, дочь моя, и часы проходят для меня слишком быстро. Но всё, что у меня есть — твоё.

Я была вне себя от радости, получив такое откровенное предложение помощи, даже не подумав, что, возможно, попала под её чары. Я расслабилась и чуть не плакала от счастья и доверия, потому что она обещала мне то, чего я больше всего желала. Наверное, какой-то налёт чар Динзиля остался во мне, и поэтому я слишком легко поверила тому, во что хотелось верить, и забыла об осторожности.

Итак, я осталась у Утты, сделавшись членом её дома, воспитанницей и «дочерью». Это был дом, вернее палатка женщины, способной владеть Силой. Я ничего не знала о прошлом Утты, кроме того, разумеется, что это не настоящеё её имя. У волшебницы не одно имя, потому что, зная её настоящеё имя, можно получить над ней власть более сильную, чем её собственная. Я так и не узнала, каким образом она попала в эту группу бродячих охотников. Я знала только, что она живёт с ними несколько поколений и стала их богиней и легендой.

Время от времени она выбирала «дочерей» служить ей, но в этом племени ни у кого не было врождённого Дара, который можно было бы развить, и ей так и не удалось

найти кого-либо, кто мог хотя бы частично взять на себя её обязанности или понять её нужду в товарище. Она была очень одинока.

Я рассказала всё о себе. Не вслух, просто она прочла мои мысли. Но её ничто не интересовало в остальном мире. Она давно сузила свой мир до границ этого племени и теперь не могла и не хотела снимать с себя оковы, надетые ей самой. Я надеялась, что она поможет мне восстановить утраченное, а она крепко ухватилась за мысль сделать из меня нечто подобное тому, чем я была прежде.

Глава 4

Вапсалы — так эти скитальцы называли себя — сохраняли очень смутные легенды о своей истории. Из того, что я услышала за время пребывания у них, ничего не намекало, что они когда-либо были осёдлыми, даже во времена, когда Эскор был спокойной страной. Они обладали природной склонностью к ремеслу, и Утта в ответ на мои вопросы говорила, что они, вероятно, были бродячими ремесленниками, скотоводами или чем-то в этом роде до того, как свернули на варварскую тропу охотников.

Обычные места их кочевий лежали далеко на западе. Сюда же они пришли в результате налётов более сильного народа, который разбил их народ на кочевые кланы. Я также узнала от Утты и её прислужниц, что на востоке на расстоянии многодневного перехода — по стандартам племени — находится море или просто широкое водяное пространство, откуда и приходят их враги, которые, как и салкары, живут на кораблях.

Я пыталась получить более точную информацию, рисуя карту, но то ли они и в самом деле не имели таких сведений, то ли из-за какой-то природной осторожности сознательно путали, так что подробностей узнать не удалось.

Им было тревожно на западе, неудобно, они не могли осесть здесь и только бесцельно бродили у подножия гор, оставаясь на одном месте не больше дней, чем пальцев на руке. Они были столь примитивны, что считали только на пальцах. Но, с другой стороны, они были удивительными работниками по металлу. Их украшения и оружие были не

менее изящными и красивыми, чем те, что я видела в Эсткарпе, разве что рисунки — более варварские.

Мастерство кузнеца пользовалось у них большим уважением, а сам кузнец играл роль жреца в тех племенах, где не было прорицательницы — такой, как Утта. Я вывела заключение, что очень немногие из этих жрецов были прорицателями и ясновидящими.

Хотя Утта и могла управлять их чувствами и страхами, она не стала вождём клана. У них был вождь, Айфинг, человек средних лет, обладавший всеми качествами хорошего вождя. Он был храбр, но не безрассуден, обладал охотничьим чутьём и способностью ясно мыслить. Он не был бессмысленно жесток и, как мне показалось, слегка завидовал Утте, но не решался бросить вызов её авторитету.

Меня нашёл с помощью собаки сын его старшей сестры. Рано утром после того, как Утта забрала меня к себе, вождь пришёл вместе с ним в её палатку, чтобы предъявить права племянника на мою особу, согласно давнему обычаю племени.

Племянник стоял чуть позади, очень довольный доводами вождя в его пользу, а я сидела, скрестив ноги, за спиной своей новой хозяйки, пока старшие спорили. Молодой охотник так жадно смотрел на меня, что я возблагодарила судьбу, пославшую сюда Утту на мою защиту.

Айфинг изложил дело, которое обычаи делали ясным и неоспоримым. Я не могла следить за его речью, но прекрасно поняла её смысл по частым взглядам в мою сторону и по жестам, указывавшим то на меня, то на горы.

Утта выслушала его и одной резкой фразой разбила в куски все его аргументы. В то же время в моём мозгу прозвучал приказ:

— Девочка, воспользуйся нашей Силой. Видишь вон ту чашу? Подними её и поднеси Айфингу одной лишь силой воли.

Это было бы нетрудно сделать в прежние дни, но не теперь. Однако её приказ прозвучал с такой силой, что я послушно подняла руку и указала пальцем на серебряную чашу, сконцентрировав всю свою волю на задаче, выполнении которой потребовала от меня Утта.

Я и теперь думаю, что тут через меня подействовала её

воля. Чаша поднялась, пролетела по воздуху и остановилась подле правой руки Айфинга. Он вскрикнул и отдернул руку, как будто чаша была раскалена. Затем вождь повернулся к племяннику и, повысив голос, прокричал что-то, что явно было руганью, затем снова повернулся к Утте, коснулся рукой лба в знак прощания и вышел, приказав молодому человеку следовать за собой.

— Это сделала не я, — медленно произнесла я, когда они вышли.

— Успокойся, — прозвучало в моей голове. — Ты сможешь сделать куда больше, если будешь терпелива. Или ты желаешь улечься под Сокфора, к его удовлетворению? — Она улыбнулась, и всё её лицо избороздила сеть мелких морщинок, когда она уловила мой ужас и отвращение. — То-то же. Я уже очень долго служу племени, и ни Айфинг, ни Сокфор и никто другой не перешагнут через меня. Запомни это, девочка. Будем вместе делать нашу работу. Я единственная твоя защита от них, пока ты не вернёшь себе свою собственную Силу и не сможешь постоять за себя сама.

Эти доводы послужили дополнительным основанием для погружения в тренировки, которые она задумала, и первая из которых началась немедленно.

В её палатке обитали ещё две женщины: одна была почти так же стара по виду, как и Утта, хотя годами много моложе её, потому что она происходила из клана. Однако она была гораздо сильнее, чем казалась, и её тощие руки со сведёнными пальцами выполняли большую часть работы в палатке. Это она в плаще с капюшоном бросала травы в костёр, когда я впервые появилась в лагере. Звали её Аторфи, и я редко слышала её голос. Она была безгранично предана Утте, и я думаю, что мы, остальные, были в её глазах лишь тенями её госпожи.

Женщина, которая привела меня к Утте, также была вапсалкой, хотя и не из этого клана. Она была, как я узнала, вдовой вождя другого клана вапсалов, погибшего в одной из жестоких междоусобных войн, после которой их кланы объединились в один. Айфинг потребовал её как законную военную добычу, но в его палатке уже было две жены, причём одна из них была очень ревнива. После двух-трёх дней бурных домашних скандалов он торжественно преподнёс эту военную добычу Утте в качестве слу-

жанки. В жилище ясновидящей Висма нашла место более подходящее ей, чем в палатке Айфинга, даже если бы она была первой и единственной женой. Она была властной от природы, и её нынешнее положение связной между Уттой, которая сама редко выходила из палатки, если не считать походов, когда она ехала на санях, укутанная в меха, с остальными членами клана, предоставило Висме именно то положение, какого она хотела. Как страж и наблюдатель, она была незаменима.

Я думаю, она сначала негодовала по поводу моего вторжения, но, увидев, что я не вторгаюсь в сферу её влияния, успокоилась и приняла меня. В конце концов именно она распространяла слухи о моей растущей силе, чтобы подчеркнуть своё положение в племени.

В этом кочевом обществе сложилась странная двойственная власть. С одной стороны, Утта и её домочадцы проводили известный образ жизни — общество женщин, пользующихся Силой для поддержки своего правления. Остальные же члены племени под руководством Айфинга следовали противоположному образу — у них главенствовали мужчины.

Я скоро увидела, что Утта была права: мне следовало поторопиться изучить всё, что можно, потому что её смерть была не за горами. Скитальческая жизнь клана не шла ей на пользу в этом холоде, хотя Аторфи и все мы старались создать ей максимум комфорта.

Наконец Висма отправилась прямо к Айфингу и твёрдо заявила, что он должен скорее определить постоянное место для лагеря и обосноваться там на какое-то время, пока Утта жива. Этот намёк так напугал Айфинга, что он тут же разослал своих разведчиков подыскать такое место. Услуги Утты в течение нескольких поколений приносили его клану удачу, значительно большую, чем имели другие их соплеменники.

Спустя десять дней после моего появления клан отправился на восток. Я не могу сказать, сколько лиг мы оставили между собой и горами, которые всё ещё виднелись позади. Я много раз просила Утту посмотреть в её шар и узнать что-нибудь о моих братьях, но она постоянно отвечала, что у неё уже нет сил для такого поиска. До тех пор, пока я не научусь помогать ей, это было бы бесполезной тратой её сил и могло привести её к смерти. Так что, если

я сама хотела воспользоваться шаром, в моих же интересах было оберегать Утту от лишнего напряжения и вбирать в себя то, что она могла мне дать. Но я с неудовольствием заметила, что когда она следовала собственным желаниям, она была гораздо сильнее и могла сделать много больше, чем то, о чём я просила её.

Я знала, что должна всячески ублажать её, если хочу получить назад утраченное, и иметь её в качестве буфера между мною и мужчинами клана, особенно Сокфором, который преследовал меня взглядами, что было действительно опасно. Если бы я вернула себе хоть частицу своего Дара, я освободилась бы от этой опасности: настоящую колдунью нельзя взять против её воли. Моя мать однажды доказала это в крепости Верлейн, когда один из надменных дворян Карстена хотел сделать её своей наложницей.

Так что я склонила свою волю перед волей Утты. Она была не просто довольна, она торжествовала и почти лихорадочно работала со мной долгие часы, стараясь сделать меня равной себе, насколько могла. Я думаю, это было потому, что она уже много лет искала и не могла найти ученицу, и теперь все её надежды сосредоточились на мне.

Хотя она и располагала приёмами колдуний, её таланты в основном были сродни шаманскому искусству, а не волшебному, которое мне, возможно, было бы легче освоить. Но скоро меня начало раздражать, что её мозг постоянно скачет от одной области знаний к другой, вовсе не связанной с предыдущей, и то, что я, стараясь изо всех сил, в конце концов приобрела, представляло собой мешанину обрывков знаний, которые я, казалось, так и не смогу привести в порядок. Я уже начала бояться, что так и останусь её помощницей, без достаточно прочных знаний в какой-либо области, чтобы они могли послужить мне самой. Вполне возможно, что именно этого она сама и хотела.

После первых дней путешествия мы два раза устраивали длительные стоянки — один раз на десять дней — во время которых охотники пополняли наши запасы. Перед каждой охотой Утта творила заклинания, привлекая и меня в свои колдовские действия.

Результатом её колдовства были детальные описания, вложенные в память охотников, не только мест, где води-

лась дичь, но и мест, находящихся под влиянием Тьмы, этих мест следовало тщательно избегать.

Подобные занятия сильно истощали её, после них мы не занимались по крайней мере день. Но теперь я поняла ценность её дарования для этого народа, и какие опасности и промахи подстерегали кланы, не имевшие такого стража.

На тридцатый день наши сани свернули в узкую долину между двумя грядами утесов, изборозждённую замёрзшими ручьями. Мы спустились дальше в узкий конец воронкообразного пространства, и там зима уже кончалась. Снег здесь стал рыхлым, так что те, кто ехал на санях, не считая Утты, пошли пешком, чтобы облегчить собакам работу.

Наконец снег вообще исчез. К нам подбежали двое молодых охотников, чтобы тянуть сани Утты. На тёмной земле кое-где появились признаки зелени — сначала мох, а затем трава и кустики. Мы как бы перешли из одного сезона в другой всего за несколько шагов.

Было уже настолько тепло, что мы сначала откинули капюшоны и распахнули плащи, а вскоре сняли и их. Мужчины и женщины племени оголились до пояса, а на мне осталась только нижняя туника, неприятно прилипавшая к телу от пота.

Мы двигались вдоль реки. Над нами клубился пар. Я хотела напиться, так как моё горло совсем пересохло, но вода оказалась горячей. Наверное, дыхание этого источника и обеспечивало этой долине почти лето.

Наш ход слишком замедлился, причём не из-за недостатка снега для хода саней, а потому что мы время от времени останавливались, и Айфинг консультировался с Уттой. Здесь было место, куда клан желал бы прийти, но там могли быть опасности. Наконец Утта дала сигнал, что можно идти без страха, и мы прибыли в место, явно облюбованное если и не этим кланом, то каким-то другим. Повсюду виднелись следы старых костров, торчали длинные белые палки, служившие шестью для палаток. Нагромождение гладких скал тоже могло послужить дополнительной защитой. Вапсалы быстро разбили постоянный лагерь.

Кожаные стены палаток были укреплены снаружи каменными стенками, так что в конце концов шкуры оста-

лись на виду только на крыше. Впрочем, благодаря горячим испарениям в этой долине, здесь требовалось меньшая защита от холода, чем в тех снегах, откуда мы пришли.

Горячие источники снабжали нас водой, не требовавшей подогрева, и мы, наконец, в нашей палатке тщательно вымылись, что доставило мне истинное наслаждение. Висма достала чистую одежду из разрисованных сундуков и теперь я была одета, как и все женщины племени, в расписанные узорами брюки, широкий, украшенный камнями пояс и множество ожерелий. Она хотела разрисовать мне грудь, когда возобновляла рисунки на своей, но я отказалась. Позднее я узнала от Утты, что поступила совершенно правильно, потому что девушка украшает себя подобным образом только тогда, когда выберет себе воина, и я невольно могла бы вызвать предложение какого-нибудь гордого члена племени, принимать которого не собиралась.

Однако у меня не было времени углубляться в формальности повседневной жизни, потому что Утта сразу загрузила меня занятиями, и мне едва оставалось время на еду и сон, я похудела и устала. Не столкнусь я раньше с дисциплиной Владычиц Эсткарпа, то могла бы сломаться, в то же время мне казалось, что Утта не утомляется как я.

Но она учила меня только тому, что использовалось для блага клана. Не один раз она заставляла меня отвечать на кой-какие нужды тех, кто приходил к ней. Она сидела и наблюдала, а я должна была заменять её. К моему удивлению, люди клана не обижались на это. Может быть, присутствие Утты внушало им большее доверие ко мне.

Я научилась исцеляющим чарам, заклинаниям для охотников, но дару ясновидения, которым она пользовалась, если это требовалось Айфингу, она меня так пока и не обучила, и я начала подозревать, что она поступает так намеренно, не желая дать мне возможности обрести контакт с кем-то вне лагеря, что я обязательно бы сделала, поскольку методы такого ясновидения и мысленного поиска, в сущности, одно и то же.

Словом, мои попытки получить знания в области личных интересов, похоже всё время встречали препятствия.

Зато туман, покрывавший мои последние дни с Динзилем, приподнялся, я узнала, что значит злоупотреблять Силой, и что, вероятно, я никогда не верну её. Я вспомнила дрожь и жаркое чувство вины, когда Кимок рассказал мне, что я, полностью находясь в когтях Тьмы, пользовалась Даром, чтобы принудить Кайлана изменить Зелёной Долине. Не удивительно, что теперь Дар отнят у меня. Такова природа Силы. Если пользоваться ею неправильно или только в личных целях, она может уйти.

Все мои просьбы к Утте позволить узнать мне, живы ли мои братья, оставались без ответа, если не считать нескольких загадочных утверждений, которые можно было толковать по-разному. Я могла уповать только на нашу крепкую природную связь: я бы узнала, если бы их не было в живых.

Мой счёт дней, который я вела булавкой к внутренней стороне куртки, достиг сорока, и я прикинула, что сделала за это время. Исключая ясновидение и мысленный поиск, я имела теперь к своим услугам столько же, сколько имела на втором году обучения у Владычиц Эсткарпа, хотя в том, что я теперь изучала, было больше шаманского искусства, чем волшебства. Но и тут ещё были пробелы, которые Утта то ли не могла, то ли не хотела заполнить.

Несмотря на то, что вапсалам жить здесь было гораздо легче, чем во время беспрестанных скитаний, народ не сидел без дела. Теперь они занялись ремёслами. Выделывались меха, дубились шкуры, из них шили прекрасную одежду, кузнецы стали набирать учеников, передавая им тайны своего мастерства.

Охотничьи отряды часто уходили в долину горячих источников, и Утта всегда уверяла, что им нечего опасаться. Я сделала вывод, что, хотя осенью и бывает много налётов морских бродяг, зимой можно не опасаться их рейдов и спокойно охотиться. Не опасаясь вторжения других кланов, которые были либо истреблены, либо также подались на запад, вапсалы, наконец, ненадолго обрели покой.

В этом тёплом краю ничто не напоминало Эскор. Здесь не встречались руины, поблизости не было мест, помеченных Тьмой. Люди племени тоже ничем не напоминали Древнюю Расу или союзников Долины, о которых я часто задумывалась — были ли они уроженцами этого

мира или пришли через Врата, открытые магами для прохода из одного мира в другой.

Однажды мы занимались лечением мальчика, которого принесла мать: он упал со скалы и получил множество повреждений. Пользуясь внутренним зрением, я определила все повреждения и смогла их устранить, погрузив сначала мальчика в глубокий целительный сон, чтобы его движения не мешали моим действиям. Утта ничем не помогала мне, оставив всё на меня.

Когда мать унесла ребенка, ясновидящая откинулась на мягкую подушку, служившую ей для поддержки дряхлого тела.

— Хорошо. Ты достойна называться «дочерью».

Эта похвала означала для меня многое, потому что я уважала знания Утты. Мы не были друзьями, мы скорее походили на две щепки, срубленные с одного дерева и брошенные в воду. Её преклонный возраст, опыт и знания разделяли нас и внушали мне почтение, а связывал договор.

— Я стара, — продолжала она. — Если я посмотрю в это... — она указала на шар, стоявший рядом с ней, — я не увижу ничего, кроме финального занавеса.

Она замолчала, но меня удерживало возле неё ощущение, что она хочет сказать что-то очень важное для меня. Она приподняла руку и указала на вход нашей палатки. Даже слабое движение, видимо, утомило её.

— Посмотри... под циновкой...

У входа лежала тёмная циновка, сплетённая не из полосок кожи и меха, как другие, а из какого-то растительного материала. Циновка была очень старая. Когда я по приказу Утты подняла её, я увидела на обратной стороне то, чего никогда раньше не видела.

— Руку... над... этим...

Мысленные слова Утты прозвучали еле слышным шёпотом.

Я перевернула циновку и провела рукой над её поверхностью, и сразу же линии и руны на циновке засветились, а в ладони я почувствовала лёгкое жжение. Теперь я поняла, что за оковы Утта наложила на меня, они не зависели от моей воли и были сотворены только по её желанию. Они насильственно связали меня с ней и с её образом жизни. Во мне поднялась волна негодования.

Утта приподнялась. Руки её упали. — Мой народ нуждается...

Было ли это оправдание, начало просьбы? Но ведь вапсалы не мой народ, и сами они не принимали меня. Я не пыталась бежать раньше, потому что Утта предложила вернуть мне утраченные знания. Но когда за ней и в самом деле опустится последний занавес, то я сразу же уйду!

Она легко читала мои мысли. При наших отношениях я не могла закрыться от неё. Она медленно покачала головой.

— Нет, — она отвергла мой план. — Ты нужна им.

— Я не их ясновидящая, — быстро возразила я.

— Будешь...

Я не могла с ней спорить. Она как-то сразу осунулась, усохла, словно это слабое столкновение её и моей воли истощило её чуть ли не до смерти. Я встревожилась и позвала Аторфи. Мы дали Утте укрепляющего, но, видимо, настало время, когда и оно не могло больше поддерживать дух в изношенной оболочке плоти. Она ещё жила, но держалась одним разумом, который нетерпеливо рвал эти ненужные связи с миром, желая вырваться на свободу и исчезнуть.

Она лежала, не приходя в себя, и этот, и следующий день. Тщетно Аторфи и Висма делали всё, что могли, чтобы поднять её. Но она всё ещё имела слабую связь с землей и с нами. Когда же я выглянула из палатки, то увидела, что весь клан молча сидит, не сводя глаз с нашей двери.

К полуночи на неё внезапно нахлынула волна жизни. Я почувствовала её призыв, когда глаза её открылись и она взглянула на нас сознательно и требовательно.

— Айфинг!

Я подошла к двери и сделал знак вождю, сидевшему между двумя кострами, которые вапсалы развели как защиту от того, что могло наползти из темноты. Айфинг подошёл без охоты, но и без промедления.

Висма и Аторфи приподняли Утту повыше на подушки, так что она почти сидела. Она сделала правой рукой жест, подзывая меня. Висма посторонилась, пропуская меня. Я встала на колени и взяла холодную руку Утты. Её пальцы крепко, до боли, сцепились с моими, но её мозг больше не касался меня. Она держала меня, но смотрела

на Айфинга. Он опустился на колени на почтительном расстоянии от Утты. Она заговорила вслух, и голос её был крепким, каким был, вероятно, в дни её молодости.

— Айфинг, сын Трина, сына Кейна, сына Джейпа, сына Эверета, сына Столла, сына Кжола, чей отец Апсон был моим первым спутником, настало время, когда я опущу за собой последний занавес и уйду от вас.

Он тихо вскрикнул, но она подняла руку, держа меня другой своей рукой, а затем протянула к нему обе руки, подтягивая мою. Он тоже протянул к ней обе руки, и я увидела в его лице не личную печаль, а страх, который испытывает ребенок, оставленный взрослым, чьё присутствие означало защиту от ужасов тьмы и неизвестности.

Утта вложила мою руку в его ладони, и он сжал её так резко, что я вскрикнула, поскольку не ожидала такой силы.

— Я сделала для вас всё, что могла, — сказала она. Этот гортанный язык прозвучал так же резко для моих ушей, как сильна была хватка моей руки Айфингом.

— Я воспитала преемницу, чтобы она служила вам, как служила я.

Она сделала усилие, чтобы выпрямиться, и слабо покачнулась.

— Всё!

Последнее слово она выкрикнула с торжеством, как военный клич, брошенный в лицо смерти. Затем она упала назад, и последняя ниточка, связывавшая её с нами, оборвалась навсегда.

Глава 5

Похороны Утты для вапсалов означали устройство торжественной церемонии. Я никогда не видела ничего подобного и была ошеломлена их приготовлениями. Такой ритуал не вязался с бродячим варварством, он больше напоминал веками установленный образец похорон у очень древней цивилизации. Возможно, это был всего лишь отголосок древнего акта, принесённого ими из времён, скрытых в таком туманном прошлом, что они его уже и не помнили.

Аторфи и Висма одели её во всё самое лучшее, что только нашлось в её дорожных сундуках, а затем несколько раз обернули полосами смоченной кожи, которые,

высохнув, стянулись и упаковали её усохшую плоть и тонкие кости на вечные времена. Тем временем мужчины племени ушли на юг почти на день пути и там вырыли яму такой же ширины, как и палатка, в которой Утта провела свои последние дни, затем перевезли палатку и сани, нагруженные камнями, и установили в яме.

Я искала возможности убежать во время всего этого, но магия Утты держала меня, и мне не доставало сил, чтобы разбить руны, на которые я по незнанию наступила, когда шла к её палатке. Когда я попыталась отойти одна за пределы лагеря, я почувствовала призыв вернуться, с которым не смогла бороться. При всей моей воле и стремлении бегство было невозможным.

В течение четырёхдневных приготовлений я оставалась одна в своей новой палатке, поставленной чуть в стороне. Видимо, племя рассчитывало получить от меня какое-нибудь наставление, благоприятствующее их делу, во всяком случае от меня не требовали помощи в похоронах Утты, и я была благодарна им за это.

На второй день после её смерти женщины принесли два дорожных сундука и оставили их в моей палатке. Я открыла их. В одном были узлы и мешочки с травами, большую часть которых я узнала. Они употреблялись для лечения или для вызова сна и видений. В другом был хрустальный шар Утты, её жаровня, жезл из полированной кости и два свитка, вложенные в металлические трубочки, попорченные временем.

Я жадно схватила футляры, но не сразу смогла их открыть. На них были выгравированы символы, некоторые из которых я знала, хотя они слегка отличались от тех, что я видела раньше. На концах трубок был глубоко вырезан один знак. Гравировка, казалось, была менее тронута временем, чем сами трубки. Это была тонкая вязь буквенной руны — только я не могла её прочесть — обвинявшейся вокруг маленького, но чёткого рисунка Меча, перекрёщённого жезлом власти. Я ещё ни разу не видела эти два символа в такой комбинации, потому что у колдуний жезл был знаком волшебницы, а меч — знаком воина, а такой контакт знаков женского и мужского считался бы неприемлемым и неприличным.

При более внимательном изучении я наконец нашла

чуть заметную трещинку и с большим трудом раздвинула тугие захваты. К своему великому удивлению, я увидела, что хоть свитки и целы, я не могу их прочесть. Эти руны были, видимо, личной записью какого-нибудь мага, который сам придумал код, чтобы лучше сберечь свои секреты.

В начале и в конце каждого свитка перекрещённые меч и жезл были отчётливо выделены цветом: меч — красный, жезл — зелёный, тронутый золотом. Это убедило меня, что свитки не принадлежат Тьме, потому что зелёный и золотой — цвета света, а не мрака.

Рисунок удивил меня ещё и потому, что здесь, в противоположность изображению на трубке, меч лежал поверх жезла, как намёк, что главным для рисовавшего было действие, и Сила не вела, но следовала позади. Под символом широким пером были выведены буквы, которые были понятны — по крайней мере, они складывались в читаемое имя, только я не знала, чьё — народа, места или человека. Я несколько раз повторила его вслух, надеясь, что его звучание пробудит что-нибудь в моей памяти:

— Хилэриэн.

Нет, оно ничего не значило для меня, и я ни разу не слышала этого слова от Утты. Правда, она ведь очень мало рассказывала о своём прошлом, так как была сосредоточена на том, чему учила меня. Расстроенная, я снова свернула свитки и уложила их в трубки.

Не вставая с места, я прижала руки к кристаллу в слабой надежде, что почувствую под ладонями тепло и его зеркало покажет мне то, что я хочу знать. Но этого не произошло, и я убрала шар в сундук вместе с жезлом, который было бы лучше не трогать, потому что такой жезл власти послушен только той, кто приспособила его для службы.

На пятый день в мою палатку вошли две женщины. Они вошли уверенно, не ожидая моего разрешения. Они принесли тяжёлый кувшин с горячей водой и купальный таз. За ними вошла третья женщина с перекинутой через руку одеждой. Она держала поднос с несколькими флаконами и коробочками.

Первые женщины были простыми членами племени, а третья, принёсшая поднос с косметикой, — молодая жена Айфинга, Айлия.

Она была ещё очень молода, совсем девочка, но держалась надменно, выставляя вперёд маленькие груди, покрытые толстым слоем краски. Рисунок на них изображал ярко-красные цветы, а соски в центре цветка блестели, как будто в краску были добавлены крошечные чешуйки драгоценного камня. Это была вульгарная вывеска, более варварская, чем у других.

Её взгляд был резким, более недружелюбным, чем я встречала с тех пор, как Утта взяла меня в ученицы и компаньонки. Губы Айлии вытянулись вперёд, пока она глядела на меня долгим, оценивающим и явно враждебным взглядом.

— Пора.

Она первая прервала молчание, и я подумала, что ей очень не хочется делать то, что она должна была сделать, хотя я не спрашивала, что именно.

— Мы несём старуху в предназначенный ей дом. Мы оказываем ей честь...

Поскольку я не знала их обычаев, я сочла за благо идти, куда ведут. Я позволила им вымыть меня горячей водой с пригоршней мха, который растягивался от влаги и использовался вместо губки. От него исходил слабый запах, странный, но не противный.

Впервые я не одела кожаных меховых брюк, какие обычно носили все. Меня облачили в одежду, которую принесла Айлия — длинную и широкую юбку из очень старой, как мне показалось, ткани, сохранившейся благодаря металлическим нитям в вытканном узор кружевных листьев. Нити поблёкли, так что узор был очень слабо заметен, да и то при очень тщательном рассмотрении. Юбка была тёмно-синего цвета, по низу шла кайма шириной в ладонь из таких же металлических нитей.

По приказу Айлии женщины разрисовали мне грудь, но не цветами, а лучами блестящего пигмента. Они не добавили к моему наряду ни одного ожерелья, какие носили сами, а накрыли меня с головой вуалью, сплетённой из потускневшей металлической нити. Когда я была одета, Айлия махнула рукой к выходу и заняла своё место позади меня.

Всё племя шло процессией за санями. Сани несли на плечах, а четырёх собак, которые служили Утте, члены племени вели на поводках. В санях лежало тело пророчи-

цы, покрытое отборными мехами. Непосредственно за людьми, нёсшими сани, оставалось свободное пространство, и Айфинг жестом приказал мне занять там место. Я повиновалась. Висма и Аторфи встали рядом со мной, справа и слева. Обе были одеты в новое и раскрашены, но когда я поглядела на них, собираясь сказать что-то — не слова утешения, потому что кто может утешить их в этой потере, а просто что-нибудь дружеское — они не ответили на мой взгляд, поскольку не спускали глаз с саней. Каждая прижимала к груди обеими руками каменную чашу, каких я ещё не видела. В чашах плескалась и пузырилась тёмная жидкость, как бы подогреваемая диким пламенем.

За нами шли Айфинг и самые достойные охотники и воины, затем женщины и дети, так что мы шли к могиле всем племенем, вытянутые в линию. Здесь, вдали от горячих источников, было холодно, и под ногами лежал снег. Я дрожала в своей древней мантии, а те, кто шёл рядом со мной, полуголые, как в своей палатке, похоже, не испытывали никаких признаков неудобства.

Наконец мы пришли к могиле. Люди, несшие сани, спустились по земляному скату в яме, установили палатку и вышли оттуда с пустыми руками. После чего Висма и Аторфи подняли свои чаши и жадно выпили всю булькающую жидкость. Продолжая держать в руках пустые чаши, они взялись за руки, спустились в палатку, и больше мы их не видели.

Я осознала значение их поступка только тогда, когда увидела, что люди, державшие собак, достали ножи и убили животных — быстро и безболезненно. Затем они, мохнатые слуги Утты, тоже были отнесены вниз. Я шагнула вперёд — может быть, ещё не поздно... Висма, Аторфи, неужели...

Айфинг крепко взял меня за плечо и удерживал, пока воины укладывали мёртвых собак перед палаткой и крепко привязали их поводки к шестам, как будто собаки просто спали, ведь их шкуры не были обгарены кровью. Как мне ни хотелось броситься в яму и вывести двух женщин Утты, я понимала, что не стоит и пытаться. Они уже последовали за своей хозяйкой за последний занавес, откуда не было возврата.

Я больше не вырывалась от Айфинга, а спокойно стоя-

ла, время от времени вздрагивая от холода на этом открытом месте. Я видела, как всё племя — мужчины, женщины и дети — подходили к могиле и бросали какой-нибудь подарок. Даже грудным детям с разрисованной грудью матери вкладывали что-нибудь в руку и заставляли бросить. Мужчины бросали в яму оружие, женщины — золото, коробочки с душистым маслом, сухие лакомства. Видимо, каждый отдавал самое дорогое из своего личного имущества. Тогда я впервые поняла всю полноту их уважения к Утте. Им, наверное, казалось, что с ней ушёл целый мир, потому что она жила среди них при многих поколениях и сама была уже живой легендой.

Затем мужчины с лопатами из твёрдой коры и с верёвками для подтаскивания камней встали с одной стороны и принялись засыпать могилу, а женщины собрались вокруг меня и повели обратно в лагерь. Они не оставили меня одну в палатке — со мной пришли Айлия и несколько пожилых женщин, правда, среди них не было первой жены вождя, Аусу. Едва я опустилась на подушку, обтянутую кожей и набитую мягкой шерстью, Айлия дерзко взяла себе такую же. Я заметила, что остальные женщины недовольно нахмурились. Я не знала, что меня ждёт в будущем, но подумала, что теперь мне придётся самой защищать свои права. Утта назвала меня ясновидящей перед Айфингом, хотя я и не намеревалась связать своё будущее с вапсалами, как это сделала она. Как только мне удастся разорвать связывающие меня руны, я уйду отсюда. Но чтобы добиться этого, я должна спокойно разобраться с той частицей Силы, которой я достигла, а в этом мне, похоже, собираются отказать.

Во всяком случае, для прорицательницы было бы серьёзной ошибкой принять Айлию, как равную себе, пусть она и жена вождя. Я должна что-то сделать с самого начала, чтобы она меня боялась, иначе я лишусь и того малого преимущества, которое имею сейчас.

Я быстро повернулась, посмотрела на Айлию в упор и резко спросила:

— Что с тобой, девочка?

Я подражала тону, который слышала в таких случаях от Утты, а также от Владычиц в Обители, когда ученица позволяла себе лишнее.

— Мы в одинаковом положении, — ответила Айлия. Но

затем она отвела взгляд, явно чувствуя себя неловко, хотя ответ её и был нахальным и вызывающим. — Вот я и села рядом с тобой.

Если бы я больше знала о её положении в клане, я бы подготовилась, но теперь я могла полагаться только на инстинкт, и чувствовала, что должна укрепить своё превосходство перед любым членом племени.

— Как ты разговариваешь с Той, Которая Смотрит Вперёд, девочка? — холодно спросила я.

Я сознательно не называла её по имени, как будто такая мелочь, как её имя, меня не касалась, я унижала её в глазах остальных. Может быть, я и совершила ошибку, наживая себе врага, но она и так была настроена недружелюбно, что я почувствовала с первого же её взгляда, и от попытки к примирению я бы потеряла ещё больше.

— Я говорю с той, которой придётся сидеть рядом со мной, — начала было она, но тут в шатёр кто-то вошёл.

Это была пожилая женщина, она шла с трудом, опираясь на руку молодой девушки с нераскрашенной грудью и плоским лицом, обезображенным ярко-красным рубцом. У старухи были высоко зачёсанные ярко-рыжие волосы, заметно тронутые сединой, широкое лицо разбухло, неуклюжее тело разжирело, большие груди лежали как подушки. Это не было естественной полнотой. У неё были и другие признаки болезни сердца, и я удивилась, почему она не обращалась за помощью к Утте за то время, пока я жила здесь.

Две женщины у двери поспешно встали, выдвинули подушки, на которых сидели, и положили их одна на другую, соорудив для прибывшей более высокое сидение, так как ей явно трудно было бы подогнуть ноги.

Она уселась с помощью своей провожатой и долгое время не могла отдышаться, прижимая руки к груди. По её знаку Айлия встала и отошла к стене, и её угрюмость стала ещё более заметна, но слабая тревога, с которой она смотрела на меня, теперь сменилась страхом.

Служанка старухи встала на колени рядом с хозяйкой, чтобы видеть и её, и меня.

— Это Аусу из шатра Вождя. — Её голос был едва слышен из-за шумного дыхания хозяйки.

Я подняла руки и сделала жест бросающий и сеющий, которому научилась у Утты, и подтвердила его словами:

— Аусу, мать мужчин, правительница шатра Вождя, будь благословенна и всё доброе да снизойдёт к тебе!

Её болезненное дыхание несколько успокоилось. Я вспомнила, что она одна из всего племени не провожала Утту в её место успокоения. Теперь это стало понятно: её громадный объём и тяжёлое состояние здоровья делали такое усилие невозможным. Она раскрыла распухшие губы и заговорила.

— Утта говорила с Айфингом. Она оставила тебя охранять наши пути.

Она сделала паузу, как бы дожидаясь от меня ответа или подтверждения, и я не смогла отрицать этого:

— Так сказала Утта.

Это было правдой, но это не означало, что я согласна с повелением пророчицы насчёт своего будущего.

— Как и Утта, ты вступаешь в распоряжение Айфинга, — продолжала Аусу. Голос её временами так хрипел, что трудно было разобрать слова. Каждое из них, видимо, давалось с ощутимым трудом.

— Я пришла помочь тебе. Ты, как ясновидящая, будешь теперь главой в шатре Айфинга.

Её голова повернулась на громоздких плечах — чуть-чуть, но достаточно, чтобы увидеть Айлию и одарить её таким холодным и угрожающим взглядом, что я вздрогнула. Айлия встретила её взгляд, не опуская глаз.

Но сейчас не время было обращать внимание на немые сцены между этими двумя женщинами, жёнами вождя, потому что, если я правильно поняла их, я буду женой Айфинга. Но разве они не знают, что я, как колдунья, могу утратить свою Силу, в которой они так нуждаются, если приду под руку мужчины? А утрачу ли? Моя мать не утратила. Может быть, это всего лишь суеверие, распускаемое и питаемое колдуньями для охраны их самих и их правления. В Эскоре не знали этого, Дагона не потеряла своей Силы, когда отдала сердце моему брату и вошла в его дом, и сама Утта говорила, что её супругом был давний предшественник Айфинга.

Но был ли такой союз угрозой для частично обрётённой Силы или не был — он был страшен для меня самой. Правда, теперь у меня под рукой имелись такие средства, которые могут позволить мне умереть в его постели раньше, чем произойдет худшее. Но, кроме этой последней

крайности, были и другие пути, и один из них теперь пришёл мне в голову. Никто из этих женщин не мог прочесть моих мыслей, так что я могла приготовить — если у меня будет время — такой ответ, который удовлетворит всех.

Так что я оказалась права, не выдав своего изумления. Если бы я хоть чуточку пошевелила мозгами, я могла бы угадать это заранее. Я снова сделала приветственный жест Аусу и произнесла:

— Мать многих оказала мне честь встретить меня как сестру.

Я сделала выбор, чего, честно говоря, не желала сделать по отношению к Айлии.

— Хотя мы и не разделяли одну чашу, как дети одной матери, но между нами не будет ни старшей, ни младшей.

Женщины вдруг зашептались, услышав этот отказ от предложенного мне главенства в шатре Айфинга, и я поняла, что они приняли мои слова, как справедливые.

Аусу не спускала с меня глаз, почти закрытых веками. Затем она вздохнула, и её напряженные плечи слегка обмякли. Я оценила её железную волю, приведшую её ко мне, её решимость сделать то, что она считала правильным.

И я поспешила увериться, что мне предоставят то, в чём я больше всего нуждалась — уединение.

— Я ведь не Аусу, — сказала я ей, затем наклонилась вперёд и взяла её пухлую руку в свои. — Я, как и Утта, говорю с духами, и я должна иметь свой шатёр, чтобы предложить им кров, когда они посетят меня.

— Так, — согласилась она. — Но и жена приходит к своему господину. И Утта проводила ночи с Айфингом, когда это было нужно.

— Таков обычай, — согласилась я в свою очередь. — Однако я должна жить отдельно. И, сестра, не могу ли я что-нибудь сделать для тебя? Твоё тело нездорово. Может быть, духи найдут исцеление...

Складки на её лице зашевелились.

— Этот недуг с севера. Ты слишком недавно у нас, сестра, ты не знаешь. Это моя расплата за то, что я когда-то делала глупости. Ах!

Она вырвала свои руки из моих и прижала их к груди, вскрикнув от внезапной боли. Служанка поспешила дос-

тать плотно закрытую чашу из рога, открыла её и дала Аусу отпить. Немного бесцветной жидкости вытекло из её губ на тяжёлый подбородок, оставляя липкие следы.

— Расплата, — повторила Аусу шёпотом. — И я понесу это до могилы.

Я слышала о подобных проклятиях — болезнь духа нападает на тех, кто вольно или невольно вторгается в какое-нибудь место древнего Зла, и отражается в теле человека болезнью. Но среди вапсалов я впервые встретила какой-то знак соприкосновения с древним Злом Эскора.

Снаружи неожиданно донёсся громкий металлический звон. Я вздрогнула. Женщины монотонно запели. Айфинг? Неужели жених уже идёт за мной? Я же не успела подготовиться. Что я буду делать? Я растеряла последние остатки своей уверенности.

— Айфинг идёт! — Айлия придвинулась ближе, но я заметила, что она не приближается чересчур близко к главенствующей в доме. — Он идёт за своей невестой.

— Пусть войдёт, — сказала Аусу с достоинством, которое было ей присуще, несмотря на гротескное тело.

Женщины отступили к стенам, служанка Аусу тоже. Но когда Айлия не последовала их примеру, Аусу ещё раз бросила на неё такой свирепый взгляд, что Айлия тут же повиновалась.

После чего старшая жена громко окликнула Айфинга. Полотнище палатки поднялось, и Айфинг, наклонив под ним голову, подошёл прямо к Аусу. Её толстая рука поднялась, и он вытянул свою тёмную грубую руку, чтобы её могла взять Аусу, но смотрели они не друг на друга, а только на меня.

Я не увидела в его взгляде того, что читала раньше у его племянника, что обещало бы мне позор. Айфинг выглядел бесстрастно, как человек, на которого возложили решение задачи, являвшейся частью обязанностей вождя. Но за его плечом я увидела лицо Айлии с бесспорным выражением яростной ревности.

Айфинг преклонил колено перед громадным телом своей первой жены. Она протянула руку ко мне, я вложила в неё свою, и она прижала мою ладонь к ладони Айфинга, как раньше это сделала Утта. Сквозь её свистящее ды-

хание пробились слова, смысла которых я не поняла, вероятно, какая-нибудь архаичная ритуальная фраза. Затем её руки упали, оставив наши соединёнными. Айфинг наклонился и отдернул металлическое покрывало, которое я обернула вокруг плеч, чтобы хоть немного защититься от холода. Затем его пальцы опустились к моей груди и начали стирать с неё краску, словно снимая с меня одежду. В этот момент женщины у стены издали звенящий крик, вроде того, который издала, умирая, Утта, прозвучавший победным кличем.

Меня чрезвычайно беспокоило, как далеко зайдёт сейчас Айфинг. У меня не было времени приготовить то, что я задумала, но похоже, церемонии пришёл конец. Понимая, что я плохо знаю их обычаи, Аусу подсказала мне следующий шаг, который я должна была сделать, чтобы выполнить то, что задумала.

— Теперь вы разделите блюдо и чашу, сестра. И будь благословен этот шатёр...

Служанка и женщины подошли и поставили её на ноги. Я тоже встала, чтобы оказать ей почтение, и проводила её за дверь палатки. Айлия уже успела скрыться. Видимо, её так бесила моя предстоящая связь с её господином, что она не могла больше смотреть на меня.

Когда я вернулась в шатёр, Айфинг сидел на подушке. Я прошла к сундуку Утты, где хранились травы, и достала несколько сухих листьев, которые превращали обычный напиток вапсалов во вкусное, ароматное вино. Я добавила их в чаши, принесённые на подносе, и опустила полотнище двери, в знак того, что никто не должен мешать нам.

Когда Айфинг увидел, как я достала листья, глаза его блеснули, потому что травы Утты были очень хороши, и он с явным нетерпением ждал, пока я добавляла в его чашу несколько листьев и размешивала их палочкой.

Заклинания не обязательно произносить вслух, самое главное — воля, направленная на нужный результат, а моя воля была тверда в эту ночь. Айфинг видел, что я ничего не добавляла, кроме тех трав, которые он хорошо знал, но то, что я произнесла при этом мысленно, было первым шагом в моём плане спасения.

По крайней мере, хоть в этом Утта не связала меня, как связала рунами на циновке. Айфинг выпил и поел с подноса, который мы с ним разделили, а затем покачнулся и

уснул. Я достала из сундука Утты ярко-красную колючку, обмотала вокруг неё два волоса, вырванных из моей головы, и плюнула на неё, произнеся несколько слов, от которых уши Айфинга были теперь надёжно закрыты.

Прodelав это, я глубоко воткнула колючку в кожаную подушку под головой Айфинга и начала «ткать» его сон. Нелегко было вообразить то, чего никогда сама не испытывала, но я не смела позволить себе сомневаться в успехе. И когда Айфинг повернулся и забормотал во сне, он видел как раз то, что я вложила в его мозг: что он и вправду взял жену и овладел ею.

Не проделывала ли такое и Утта? Я думала об этом, когда опустилась в изнеможении, следя за сном Айфинга при слабом свете пленённых насекомых. Не таким ли образом она была женой вождей, оставаясь колдуньей? Всё выяснится, когда он проснётся; тогда и будет проверена надёжность сотканного мной сновидения.

Глава 6

Ночь тянулась долго, и у меня было достаточно времени для размышлений и предвидения некоторых опасностей, могущих ожидать меня. Утта многому научила меня, это я знала, но то ли намеренно, то ли потому, что мы происходили не из одного ордена колдуний, она оставила в моих знаниях значительные пробелы, и я походила на раненого воина, который, прижимаясь к стене, защищается только одной рукой, да и то левой, в то время, как он привык действовать правой. Она не вернула мне моё ясновидение, а изо всех навыков, которые вапсалы могли от меня потребовать, именно этот был самым важным. Я всё больше удивлялась этому упущению со стороны Утты. Может быть, она боялась, что я воспользуюсь передачей мысли — что было частью ясновидения — и вызову из Зелёной Долины помощь? Как бы то ни было, она не подготовила пророчицы для своего народа и лишила их этого дара, который был им нужен больше всего.

Айфинг спал. Я тихонько прошла по шатру и перевернула циновку с рунами, чтобы снова прочитать строки, связывавшие меня с этим народом. В то же время я рылась в памяти, отыскивая всё, что относилось к подобным чарам, как они наводятся и как разрушаются.

Колдуньи имеют много способов, чтобы связать человека, особенно если он обладает меньшим могуществом, чем у неё, или он вообще ничего не понимает в этих делах. Вы дарите, например, жертве что-то ценное, и если жертва примет подарок — она ваша, пока вы сами её не отпустите. Но для новичка это опасно. Если жертва откажется от подарка — чары падут на дарителя. Плетя сновидения, можно ошибиться в выборе заклинаний и извлечь собственный дух из тела, получив двух рабов чар: в одном измерении — бездушное тело, в другом — бестелесный дух.

Но в основном всё это были дела Тьмы, а я знала, что Утта, заботившаяся о благе своего приёмного народа, не подчинялась ни Свету, ни Мраку. Если мне удастся разбить чары этих рун, то это будет означать, что они были какой-то собственной магией Утты.

Только я сомневалась, что смогу сделать это с моими заново пробуждёнными способностями. Во всяком ремесле нужна практика. Я повернулась к Айфингу, прислушалась к его дыханию. Он больше не видел сновидений, которые я послала ему, он просто крепко спал, и этот сон продлится ещё некоторое время. Я осторожно отошла, сняла свадебное платье и аккуратно сложила его. Когда на моём озябшем теле не осталось ничего, что было изготовлено в племени, я соскоблила остатки краски с груди, чтобы меня ничто больше не связывало с этим народом. Я собиралась опробовать часть магии, которая, как я опасалась, была слишком могущественна для моих слабых сил, но она была единственной возможностью хоть на чуть-чуть заглянуть в будущее.

Мне нужен был хоть какой-нибудь предмет, которым пользовалась Утта и считала его своей собственностью. Хотя большая часть её личных вещей ушла с ней в могилу, в моём распоряжении осталось то, что лежало в двух сундуках и имело отношение к её магии.

Содрогаясь от холода, я опустилась на колени перед сундуком, где нашла манускрипты с непонятными рунами. Вытащив из сундука всё, я убедилась, что из вещей, оставленных тут Уттой, эти свитки содержали наибольшую концентрацию Силы.

Я села, держа их по одному в каждой руке, и постаралась освободить свой мозг ото всего, представить его как

зеркало, ожидающее возможности отразить то, что исходит от этих вещей.

Медленно, неохотно возникло слабое движение, прошло слишком много времени между этим днём и тем, от которого осталась лишь тень воспоминания, несмотря на все усилия яснее сфокусироваться на нём.

Я больше не была зеркалом, а скорее сама смотрела в затянутое туманом зеркало. Но в нём что-то передвигалось. Тусклые, туманные фигуры приходили и уходили, а я была не в силах сделать их ясно различимыми.

Внезапно контейнеры потяжелели, оттягивая руки. Я вздрогнула, когда их ледяной холод коснулся моего нагого тела.

А что если попытаться поработать со свитком? Я отложила один футляр в сторону, а другой открыла и развернула свиток. Взяв его в обе руки, я наклонила голову, чтобы касаться лбом поверхности свитка, на ощупь казавшегося высушенным древесным листом.

И вот...

Я едва не вскрикнула от радости, когда в моём мозгу появилось резкое изображение, меня удержала лишь долгая тренировка. Изображение было достаточно чётким, но сцены мелькали и кружились с такой быстротой, что я не могла уловить их смысл. Строчки формул, колонки рун появлялись и исчезали, прежде чем я успевала понять их значение. В их чередовании не было ни смысла, ни логики, ни последовательности, будто кто-то высыпал массу неудачно связанного материала в пустое ведро и сильно встряхнул его.

Я вернула свиток обратно в контейнер и приложила руки к голове, где кружились неудачные и несвоевременные концы и начала познаний, вызывавшие боль, сильную боль. В эти минуты я не могла ни продолжать свой опыт, ни разгадывать секреты Утты. Внезапно я почувствовала такую усталость, что глаза у меня сами закрылись. Я даже подумала с лёгким беспокойством, что это похоже на то, как если бы я выпила такую же чашу, какую подала Айфингу, и теперь готова последовать за ним в мир сновидений.

Я наконец взяла себя в руки и надела одежду, которую до этого отложила в сторону, когда меня наряжали в сва-

дебное платье. Двигаясь с трудом, я завернулась в плащ с капюшоном, и затем скорее упала, чем легла, и мгновенно уснула. И я была права: я увидела сон.

Я увидела замок, башню, такую же большую, как цитадель в центре Эса. Я никогда не видела такого величественного творения человеческих рук. Одни части здания были крепки, как камни Эса, но другие мерцали, то появляясь, то исчезая, словно существовали в двух мирах одновременно. Я каким-то образом знала это, но не понимала, зачем и как это сделано.

В замке пребывал тот, кто всё это сотворил, да так, что замок оказался одновременно творением человеческих рук и колдовской Силы. И этим хозяином здесь была не колдунья, а Маг — гораздо более могущественный, чем простой волшебник или колдун. И замок его служил лишь внешней оправой для чего-то другого — непонятного, странного и беспредельно могучего, хотя и заключённого в стены.

Сначала я видела его лишь как тень, но внезапно его лик проявился ясно и отчётливо, словно он вышел из-за вуали, созданной вокруг него его чарами. Он принадлежал древней расе, но что-то неуловимое в его облике несло следы иных миров и времён.

Он творил с помощью Силы, и я видела, как он собирает воедино силовые нити, сплетает их и формирует узор, подчиняющийся его желаниям. Он держался уверенно, как человек, знающий, что он должен делать, и не опасющийся, что его работа вдруг пойдёт не так. Я следила за ним и горько завидовала. Я тоже испытывала когда-то такую уверенность, а теперь ползаю там, где должна была бы бежать.

Под его ногами яркими огненными линиями вспыхивали руны, сам воздух вокруг него содрогался от произносимых им заклинаний или от мощи его мысленных посланий. Передо мной разворачивалось великое действие, более могущественное, чем я когда-либо видела, а ведь мне раз или два доводилось видеть в работе самых сильных колдуний, пользовавшихся всей своей Силой.

Потом я увидела, что всё, что он сотворил, сконцентрировалось в середине зала, где он работал: вспыхивающие линии рун, движения воздуха — всё, что он сплетал и выстраивал, собралось в одном месте. В конце концов

перед магом воздвиглась арка из света. И я не сомневалась, что этот сон показал мне создание Ворот в другой мир, и мне почему-то следовало отыскать именно их в этой древней колдовской земле. Хорошо известно, что такие Ворота существуют, но что их создали маги, мы узнали только в Эскоре. И вот теперь я была свидетельницей открытия таких Ворот.

Маг стоял, слегка расставив ноги, руки его взлетели вверх в совершенно человеческом торжествующем жесте. Выражение спокойной сосредоточенности на лице сменилась ликованием. Но он не спешил пройти в Ворота, а наоборот, отступил от них на шаг, хотя и не было заметно, чтобы его уверенность поколебалась. Я подумала, что он почувствовал какую-то тревогу, которая и удерживала его от броска в неведомое. Он сел в кресло и, глядя на Ворота, сложив ладони и касаясь пальцами острого подбородка, казалось, глубоко погрузился в свои мысли.

Пока он сидел так и смотрел на своё создание, я рассматривала его, словно мой сон касался самого человека, а не его колдовства. Как я уже говорила, он был древней расы или, по крайней мере, находился в близком родстве с кем-нибудь из неё. Молод он или стар? Годы не коснулись его. У него было тело воина, хотя он и не носил меча. Серая мантия туго стягивалась на узкой талии алым кушаком с золотыми и серебряными строчками. Если на них долго смотреть, то они, казалось, принимали форму рун, но быстро вспыхивали и гасли, так что рассмотреть их не удавалось.

Видимо, он пришёл наконец к какому-то решению, потому что вдруг решительно встал и слегка развёл руки, а затем резко хлопнул в ладоши, и губы его зашевелились. Ворота исчезли, и он остался в темноте зала, но я понимала, что его торжество не прошло: то, что сделано один раз, можно сотворить снова.

А затем мой сон показал мне не только мага в этом зале. Я вдруг оказалась снаружи, и шла по коридорам, а потом между большими башнями через ворота, над которыми сидели кошмарные существа. Они поворачивали головы и сонно провожали меня взглядами, и я опять почему-то знала, что они не смеют причинить мне вред, хотя и поставлены для защиты замка от непрошенных гостей.

Это путешествие привиделось мне так детально, что, окажись я в этом месте наяву, я без труда нашла бы дорогу в зал, словно зная её с детства.

Не могу сказать, что послужило причиной моего сна, но, вообще-то, подобные сновидения всегда посылаются с какой-либо целью. Проснувшись, я лишь предположила, что сон явился результатом моих попыток прочесть свиток. Голова болела, утренний свет резал глаза, но я быстро вскочила и взглянула на спящего Айфинга. Он зашевелился, и я быстро подскочила и вытащила из подушки колючку, которую затем спрятала в шов моего плаща, а потом уже села обратно.

Айфинг открыл глаза, поморгал и улыбнулся застенчивой улыбкой, какую странно было увидеть у такого человека.

— Доброе утро.

— Доброе утро, повелитель, — ответила я, как полагалось.

Он сел на подушках и огляделся, словно не был уверен, где он провёл ночь. Я насторожилась, не зная, хорошо ли я навела для него сон, и не знает ли он, что всё ему только приснилось. Но бояться, похоже, было нечего, потому что он склонил голову в моём направлении и проговорил:

— Сила увеличивает Силу, дальновидящая. Я принял твой дар, и мы будем сильными всегда, как это было под рукой Утты.

Он скрестил пальцы, как было принято у вапсалов, когда говорят о мёртвых. Затем он ушёл, как человек вполне удовлетворённый выполненным долгом.

Однако, если сон удовлетворил Айфинга и людей племени, которым он должен был дать отчёт об этой ночи, то этот же сон дал мне врага, и я в этом скоро убедилась. По обычаю, с утра меня посетили старшие женщины племени, и все с подарками. Аусу не пришла, потому что я ясно дала ей понять, что мы с ней на равных в семье Айфинга, а вот Айлия пришла самой последней.

Она пришла одна, когда у меня никого не было, словно нарочно выжидала, чтобы у нашей встречи не было свидетелей. Когда она вошла, её враждебность как бы вилась вокруг неё тёмным облаком. Мой Дар к этому времени настолько усилился, что я могла разглядеть опасность, когда встречалась с таковой.

Айлия — единственная из всего племени — не боялась моего волшебства. Можно было подумать, что она сама была способна заглянуть в мои мысли и увидеть, как мало я в сущности могу. Она не села и не приветствовала меня, как полагалось, а просто бросила к моим ногам изящно отделанную и красиво украшенную шкатулку, так что та раскрылась. Из неё выпало ожерелье замечательной работы.

— Подарок новобрачной, повелительница. — Она скривила губы, словно произносимые слова жгли ей рот. — И наилучшие пожелания от Аусу...

Я не могла спустить ей такую наглую выходку.

— А от тебя, младшая сестра? — холодно спросила я.

— Нет! — со злостью проговорила она, правда, из осторожности понизив голос. Она просто кипела от страшной злобы, но всё ещё сдерживала себя и не хотела, чтобы кто-нибудь ещё узнал об её неприязни.

— Ты меня ненавидишь? — Я приступила непосредственно к делу. — А за что?

Она опустила на колени, так что лицо её оказалось на одном уровне с моим, и наклонилась вперёд. Лицо её было искажено яростью, капельки слюны пенились в уголках широкого рта.

— Аусу стара. Она правит в шатре Айфинга очень немногим. Она больна и больше не интересуется любовью. — Слова вылетали вместе со слюной. Она ударила себя кулаком в грудь. — Я главная в глазах Айфинга или была главной, пока твоё колдовство не похитило его разум. Ну что ж, ведающая чарами, прокляни меня, обрати в червя, которого можно раздавить сапогами, в собаку, чтобы я возила сани, в камень. Это будет лучше для меня, чем оставаться теперь в шатре Айфинга.

Я видела, что она говорит искренне. В своей ревливой злобе она готова была к любой каре, которую я, по её мнению, могла навести, только бы не оставаться на своём месте и не видеть моего торжества над ней. Храбрость, отчаяние и зависть, сжигавшие её, заставили её бросить мне вызов — мне, старшей, какой я была в её глазах.

— Я не хочу Айфинга, — равнодушно ответила я. Раньше я просто овладела бы её мозгом, заставила бы её поверить моим словам, теперь же я старалась внушить ей правду, но, кажется, с небольшим успехом.

Она замолчала, видимо, обдумывая мой ответ, и я поспешила воспользоваться тем маленьким преимуществом, которого достигла.

— Я ведаю чарами, как ты сказала. Я не завишу от воли мужчин, будь то вождь или простой воин. Это внутри меня. Ты поняла, девочка?

Я подняла руки к груди, приняв надменную позу колдуний, которые принимали её с такой же легкостью, как надевали свои мантии или драгоценный камень.

— Ты была с Айфингом этой ночью, — утрюмо проговорила она. Глаза её были опущены вниз, на открытый ящичек и ожерелье, лежавшее между нами.

— Для блага племени. Ведь таков обычай.

Конечно, я могла бы полностью обезоружить её, рассказав истинную правду об этой ночи, но я решила, что этого делать не стоит. Умение хранить тайны — первая заповедь любого искателя знаний.

— Но он придёт опять! Он мужчина. Вкусив однажды, он будет голоден, пока не получит тебя снова! — вскричала она.

— Нет, больше он не придёт, — сказала я в надежде, что говорю правду. — Для тех, кто идёт тропой Силы, это необходимо. Мы не можем быть с женщиной и пользоваться нашими знаниями. Один раз — чтобы наша сила в какой-то мере перешла к вождю, но не более.

Она подняла на меня глаза. Злоба её притупилась, но оставалось упрямство, не позволявшее смириться просто так.

— Разве могут слова утолить голод мужчины. Они звучат в ушах, но не наполняют его. У тебя одни желания, а у Айфинга совсем другие. Он сейчас как во сне...

Я напряглась. Неужели она случайно угадала правду? Если так, то она может что-то сделать.

Айлия наклонилась ещё ниже.

— Скажи, каким колдовством пользуетесь вы, Мудрые, чтобы захватить мужчину, который всегда мыслил ясно, и которого ничто не смущало.

— Я этого не делала.

Но так ли это? Я действовала быстро и, может быть, не слишком ясно мыслила, когда наводила чары на Айфинга. Если что-то случилось, у меня теперь был ответ. Я сжала край плаща, в котором была спрятана колючка.

— Будь спокойна, Айлия. Если он случайно попал под чары, я быстро сниму их.

— Я поверю тебе, когда у Айфинга снова станут ясные глаза, и он взойдёт на моё ложе с тем же пылом, как и две ночи назад, — сказала она откровенно. Видимо, она всё-таки поверила. Затем она встала. — Докажи мне, колдунья, что ты не враг мне... и всем нам!

Она повернулась и вышла. Когда я удостоверилась, что она ушла, я опустила полотнище у входа и привязала его к внутреннему шесту. При опущенном полотнище никто не мог войти к колдунье без зова.

У меня не было служанок, как у Утты, не было и учениц, но я всё-таки действовала осторожно, опасаясь, что кто-нибудь может подсмотреть.

Я раздула угли в жаровне, положила туда несколько кусочков сухого дерева без коры и немного трав. Когда за клубился ароматный дым, я погрузила колючку в самый центр огня — с сожалением, потому что у меня не было другой, если понадобится. Но Айлия была права: если мыслями и сердцем Айфинга так завладел мой образ, надо побыстрее разрушить узы, навеянные сном.

Похоже, это сработало: вождь не приближался ко мне, и никакие другие посетители меня не беспокоили. Но кажется, в их мозгах зашевелилось что-то другое. Я считала, что они обосновались тут, в тепле, хотя бы до конца зимы, но тепло — не главное для вапсалов. Встал вопрос о дичи, которая всё реже встречалась поблизости. К тому же этому народу была свойственна непоседливость, им быстро надоедало любое место, даже обещавшее лёгкую жизнь.

Предоставленная самой себе — если не считать того, что каждое утро к моей двери приносили пищу и дрова, — я проводила целые дни одна, пытаюсь с помощью вещей Утты вспомнить хоть что-то о том, что могло помочь мне. Рано или поздно — скорей всего рано — Айфинг и его воины придут и потребуют моего предвидения. Конечно, я могла притвориться провидицей, но ведь это настоящий обман! Это предательство по отношению к Силе — претендовать на то, чего нет! Я не посмела бы этого сделать, слишком велик был риск потерять и то малое, чего мне удалось достигнуть.

Все мои попытки заняться предвидением оставались

тщетными, усилия с мысленным поисковым лучом тоже ни к чему не привели. Может, мне мог бы помочь кто-нибудь другой, наделённый Силой, но для этого необходим был непосредственный контакт? Наконец я случайно наткнулась на что-то, аккуратно завернутое и лежавшее на дне сундука Утты, как нечто давно забытое. Я достала эти вещи и принялась внимательно их рассматривать.

Среди них нашлась вещь, которой пользуются ученицы в Обители, детская игрушка по сравнению с более сложными и могущественными приспособлениями, но теперь я снова стала ребенком в колдовстве и порадовалась находке. Всё же лучше, чем ничего. Придётся смириться и пользоваться тем, что есть.

Это была деревянная доска с тремя вертикально вырезанными рядами рун. В первом ряду виднелись следы красной краски, теперь едва заметной, золотые слегка поблекшие линии — во втором, а третий ряд был очень тёмным, можно было лишь догадаться, что когда-то он был окрашен в чёрный цвет.

Если я смогу справиться с этим предметом, пусть даже в малой степени, то я смогу ответить на вопросы Айфинга, не прибегая к обману. Оставалось попробовать. Мне захотелось начать с моего собственного вопроса, на который я так жаждала получить ответ. Но с чего начать?

Кайлан, Кимок! Я закрыла глаза, представила их себе — самых близких моему сердцу, моих вторых «я», — и чуть слышно запела слова, такие древние, что первоначальное значение их давно утратилось, но звучание помогало собрать нужную энергию.

Положив доску на колени и придерживая её правой рукой, я коснулась гравированной поверхности пальцами левой руки и повела их сверху вниз сначала по красному ряду, потом по золотистому, а затем — из последних сил — по чёрному. Я три раза повторила эту процедуру.

И ответ пришёл. Пальцы неожиданно остановились на неровной поверхности, словно погрузившись в неё, и тоже одеревенели. Я открыла глаза, чтобы прочесть сообщение.

Золото! Если можно верить гаданию, золото — это жизнь, и не просто жизнь, а вполне благополучная для тех, кого я так старалась достичь. Как только я в это поверила, хватка доски сразу же ослабла, и я смогла убрать пальцы.

Тяжёлый груз, с которым я жила всё это время, спал с меня. Я не могла не поверить, что всё прочла правильно!

Ну, теперь можно подумать и насчёт моего собственного будущего. Бегство... Как? Когда?

С этим было сложнее. Я не могла представить чёткую картину побега в своих мыслях, как делала это относительно братьев. Я могла только сильно пожелать очутиться где-то в другом месте и дожидаться ответа.

Вновь мои пальцы вросли в доску, но на этот раз почти у самого низа красной колонки. Значит, бегство возможно, но оно сопряжено с опасностью, и произойдёт не очень скоро.

В полотнище моего входа кто-то поцарапался.

— Ясновидящая, мы ждём, — сказал голос Айфинга. Неужели моя противомagia потерпела неудачу? Но нет, если бы он пришёл как муж, он не назвал бы меня так и не стал бы ждать снаружи.

— Тот, кто ждёт, может войти, — ответила я формулой Утты и быстро сдёрнула полотнище с кола.

Айфинг был не один: за ним вошли три воина, главные члены племени, входившие в своего рода совещательный совет. В ответ на мой приветственный жест они опустились на колени и сели на пятки передо мной. Говорил со мной один лишь Айфинг.

— Мы должны уйти отсюда. Здесь больше нет добычи...

— Так, — согласилась я. И снова применила формулу Утты. — Куда хочет направиться народ?

— Мы пришли спросить об этом тебя, ясновидящая. Мы хотим снова идти на восток, вниз, к берегу моря, где был наш дом до того, как по воде пришли убийцы. Не принесёт ли это нам зло?

Так и есть, просьба о предвидении, а у меня только доска и пальцы. Придётся сделать всё, что можно, и понадеяться на лучшее.

Я взяла доску. Они уставились на неё с удивлением, как на что-то новое.

— Разве ты не смотришь в Шар Света? — спросил Айфинг. — Утта всегда...

— А разве у тебя то же самое копьё, тот же самый меч, что и у Туана, сидящего рядом с тобой? — спросила я. — Я не Утта, и не пользуюсь тем же оружием, каким пользовалась она.

Видимо, это показалось ему логичным, потому что он только всплеснул руками, но вопросов больше не задавал. Я закрыла глаза и постаралась представить себе путешествие как можно яснее. Но тут тоже сложно было нарисовать мысленный образ. В конце концов я решила, что сделать для лучшего результата. Надо зафиксировать внимание на себе. Вот в этом и заключалась моя великая ошибка!

Я пробежала пальцами по доске, и они довольно быстро остановились. Я открыла глаза. Пальцы находились на середине правой колонки.

— Мы отправимся в путь, — сказала я. — Некоторая опасность есть, но не очень большая. Предупреждение не сильное.

Айфинг удовлетворённо кивнул.

— Пусть будет так. Вся жизнь состоит из опасностей того или иного рода. Но у нас есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, и есть разведчики, которые отлично пользуются и тем и другим. Значит, на восток, ясновидящая. Мы двинемся через два дня на заре.

Глава 7

По правде говоря мне вовсе не хотелось ехать на восток, всё дальше от той части Эскора, которая так много значила для меня. Даже если бы я могла теперь разбить цепи рун и убежать, то между мной и Долиной лягут многие лиги неведомой земли, полной ловушек, хитрых и умных. Но магия Утты лишила меня выбора, и когда вапсалы выступили в путь, пошла и я. Я старалась только запомнить дорогу будущего возвращения.

Пока мы жили возле горячих источников, мы, или вернее я, забыли о зиме. Уходя от них, мы вернулись из начала лета в середину зимы.

Сани и собаки Утты оказались вместе с нею в могиле, но Айфинг, согласно обычаю, обеспечил меня и новыми санями, и двумя хорошо выдрессированными собаками и прислал ко мне служанку своей старшей жены, чтобы она помогла мне собраться. У меня ещё не было служанки из племени, да я и не просила о ней, потому что не хотела, чтобы чьи-то глаза видели мои тщетные попытки овладеть своими былыми способностями. Но теперь я увиде-

ла, как много работы во время переходов Висма и Аторфи брали на себя. А поскольку хлопоты с шатром были для меня внове, мне пришлось просить кого-то в помощь.

Как ни мало было племя, в нём, однако, существовали касты, установленные очень давно. Некоторые семьи главенствовали, такие, как семьи Айфинга и других лидеров, другие же семьи повиновались. Самые низшие члены племени, такие, например, как Висма, были пленными или их потомками.

В пути я наблюдала за этими семьями с особым вниманием, так как приглядывала женщину, которую могла бы взять в свою палатку. Мой выбор колебался между двумя женщинами. Одна была вдова, жившая в палатке сына. У неё было тупое, невыразительное лицо, и двигалась она почти также, как рабы колдеров, по рассказам моей матери. Я не думала, что любопытство всё ещё живет в ней, и решила, что она, по всей вероятности, будет честна со мной, если я возьму её из палатки, где она смиренно несла всю тяжелую работу.

Вторая была молодой девушкой, казавшейся довольно послушной. У неё была искалечена нога, что, по-видимому, не мешало ей в работе, но лишало надежды на замужество, разве что её взяли бы второй или третьей женой, то есть скорее служанкой, чем супругой. Но, возможно, она могла оказаться чересчур сообразительной и любопытной.

Я уже научилась управлять собаками голосовыми командами, к которым их приучали со щенячьего возраста, и как только всё было уложено на сани, я заняла своё место в цепочке сразу же за санями домочадцев Айфинга.

Мужчины выстроились с флангов, охраняя тяжело груженные сани, а иной раз и применяя силу, чтобы подтолкнуть или вытолкнуть их. Но мы недолго шли по песку, жаре и камням, и вскоре поднялись по склону на лёд и снег иного мира. Когда собакам стало легче тянуть сани, наш эскорт растянулся вдоль основной массы путешественников, создав защитный барьер для нас на случай нападения.

Мы снова ехали по совершенно пустынной стране, без малейших признаков прежних поселений, какие легко замечались в западной части Эскора. Я снова удивлялась этому. Ведь эта земля даже под заносами зимних штор-

мов казалась очень плодородной, пригодной для земледелия и могла дать кров и пищу для множества людей. Однако нигде не встречалось ни следов полей, ни развалин, свидетельствовавших, что когда-то здесь были замки и земли древних.

На второй день путешествия мы вышли к реке. На ней лежала корка льда, и только в самой середине тянулась широкая тёмная полоса. Здесь я впервые увидела, что всё-таки это не совсем дикая местность: через реку когда-то был перекинут мост, его опоры всё ещё стояли, за исключением нескольких в середине реки. С каждой стороны у моста стояло по две защитные башни, достаточно большие, чтобы разместить в них гарнизон. Одна из башен была не тронута временем, а три остальные сильно пострадали, покосились, и у них отсутствовали часть стен и крыши.

На нашем берегу между двумя башнями стояла огромная каменная арка с глубоко вырезанным на ней узором, так что его можно было ещё разобрать. Этот символ я уже видела в рунных свитках Утты — перекрёщённые меч и жезл.

По другую сторону моста снег лежал ровно и гладко, что указывало на наличие мостовой или хорошей дороги. Но племя сочло ненужным воспользоваться этим преимуществом. Хотя я и не обнаружила среди руин ничего от Тьмы, мы сделали широкий обход, чтобы не приближаться к этим покосившимся стенам. Видимо, вапсалы давно усвоили, что такие места могут оказаться ловушкой для неосторожного, и принципиально избегали всевозможных остатков прошлого. А я смотрела на мост и на этот намёк на дорогу и гадала, куда она ведёт или вела когда-то, и что означают эти символы на воротах. Я считала, что этот символ имел не рунное значение, а был когда-то геральдическим девизом народа или семьи. В Эсткарпе давно уже не употребляли таких опознавательных знаков, но некоторые из древней расы, бежавшие от колдеровской резни в Карстене в пограничные районы, пользовались ими.

Реку мы не переходили, и на этой стороне, похоже, не было и следа дороги. Мы шли вдоль реки, которая текла сначала на восток, а затем повернула к северу от тёплой

долины. Я подумала, что эта река впадает в восточное море, которое искали мои спутники.

В конце концов я выбрала себе помощницу в палатку и во время нашей второй остановки на ночлег спросила Айфинга, могу ли я взять к себе вдову по имени Вахаи. Он тут же дал согласие. Вероятно, первая жена сына Вахаи была не слишком довольна, потому что Вахаи, несмотря на внешнее тупоумие, была прекрасной работницей. Как только она занялась моей палаткой, всё пришло в тот же порядок, каким окружали нас женщины Утты. И она не выказала никакого интереса к моим занятиям магией. Едва наступала ночь, она завертывалась в свои покрывала и храпела до утра. Я научилась не обращать на неё внимания, занимаясь поисками ключей от своей тюрьмы.

Я продолжала вести поиск всё настойчивее, так как в последние дни почти физически ощущала грядущую опасность. И всякий раз, когда это чувство-предупреждение поднималось во мне, я брала в руки деревянную доску, и она всегда успокаивала меня. Но дело в том, что я снова и снова делала большую ошибку, спрашивая только о себе. Ошибку, о которой до сих пор жалею.

Наш путь вдоль реки вывел нас к морю. Под зимним небом простиралось голое и неприятное пространство. Ветер пробирался ледяными пальцами в каждое отверстие плаща или туники. Но племя искало именно это место, и теперь люди ходили даже под этим пронизывающим ветром с таким видом, словно изгнанники, вернувшиеся домой.

Невдалеке по берегу виднелись руины, которые мы миновали во время пути. Основное укрепление находилось на мысе, глубоко врезавшемся в угрюмое металлически-серое море. Что это было — обычный укрепленный замок, городок, окруженный стенами, или башня, наподобие тех, что салкары строили на побережье Эсткарпа — с такого расстояния нельзя было определить.

А вапсалы держались в сороне от руин. Лагерь их находился в середине бухты, в которую впадала река, а развалины были на северном мысе, за внутренним изгибом в нескольких лигах, и иной раз скрывались в тумане.

В первый раз я увидела, чтобы вапсалы воспользовались остатками каких-то построек: здесь сохранились хорошие каменные стены высотой по пояс, видимо, ос-

татки доков, где когда-то ремонтировали корабли люди древней расы. Наши шатры надстроили эти стены и жилища получились довольно удобными и более тёплыми, что я особенно приветствовала. Я отметила, что племя хорошо знало этот участок и, вероятно, много раз тут бывало, потому что каждые сани подъезжали к определённом ограждению, как к своему дому. Вахаи, не ожидая моих приказаний, отвела наших собак к одному из отгороженных мест, последнему в ряду уцелевших, и расположенному к северу от остальных. Наверное, это было место Утты, когда клан бывал здесь. Я согласилась с выбором Вахаи: это место отвечало моим намерениям, так как находилось в стороне от остальных.

Я пыталась помочь Вахаи, правда, довольно неуклюже, установить шатёр над каменными стенками. Затем она соорудила веник из веток, вымела песок и всякие обломки, и у нас под ногами оказался чистый и гладкий пол из квадратных плит. Убравшись, Вахаи принесла откуда-то огромную охапку душистых веток и разложила их по всему помещению, так что аромат листьев перебил запах каменной кладки.

В одном углу жилища был устроен очаг, который мы немедленно разожгли. Закончив обустраиваться, я нашла, что, наконец, поселилась в самом удобном и уютном жилище, с тех пор, как покинула Зелёную Долину. Я грела руки у огня, пока Вахаи готовила ужин, и размышляла о людях, строивших этот дом, остаток которого укрывает нас теперь, и давно ли строители оставили деревню во власти песка, ветра, дождя, снега, да редких визитов кочевников, вроде нас.

Не было никакой возможности подсчитать время с тех пор, как Эскор впал в хаос, а остатки Древней Расы бежали на запад, в Эсткарп. Однажды я с помощью братьев породила духа и послала его в прошлое узнать, что же случилось с прекрасной страной, попавшей в западню Тьмы. Мы сумели глазами этого порождения моего разума увидеть историю того, что произошло; каким образом спокойная жизнь благодатного края была исковеркана и разорена жадными, безрассудными людьми, искавшими запретного знания. Годы мы не смогли подсчитать, но, конечно, не меньше нескольких веков лежало между нашим сегодняшним огнём в очаге и первым, загоревшимся на этом месте.

— Это очень старое место, Вахаи, — сказала я. Она встала на колени рядом со мной и поставила на огонь котелок с длинной ручкой, которым мы пользовались на лагерных кострах. — Ты бывала здесь?..

Она медленно повернула голову и слегка нахмурилась, словно стараясь что-то вспомнить или подсчитать, хотя система счета у её народа была крайне примитивной.

— Я помню, когда я была маленькой, — начала она тихим голосом с паузами, будто говорила так редко, что ей приходилось искать слова, — и моя мать помнила тоже. Мы бывали здесь очень давно. Это хорошее место. Здесь много мяса, а рыба в море жирная и вкусная. И ещё есть ягоды, которые можно сушить. Мы собирали их после первых морозов. Это очень хорошее место, на нас здесь никто не нападёт.

— А там, где много камней, — я указала на север. — Ты была там?

Она судорожно вздохнула и внезапно переключила всё своё внимание на котелок. Но несмотря на её явное нежелание отвечать, я продолжала расспросы. Что-то было в этом мысе, открытом со всех сторон ветру и воде, что я должна была непременно понять.

— Так что там за место, Вахаи?

Она чуть заметно дёрнула плечом и испуганно отвернула голову.

— Вахаи! — Я и сама не знала, почему настаиваю на ответе, чувствовала только, что во что бы то ни стало должна получить его.

— Это... странное место. — Она запинаясь то ли от страха, то ли просто её тупой мозг не мог подобрать слов. — Утта однажды ходила туда, когда я была ещё девочкой. Она вернулась и сказала, что это место Силы, но не той, что обладают колдуньи.

— Место Силы, — повторила я задумчиво. Но какой Силы? В некоторых местах этой несчастной страны были омуты Зла, оставленные жившими там или проходившими мимо слугами Тьмы, но были и убежища, в которых такие как я, могли найти поддержку и помощь. А если развалины на этом далёком от центра страны берегу похожи на убежища голубых камней, может ли посещение их укрепить то, чего я достигла?

Но руины слишком далеко, а мне рунные чары вряд ли

позволят дойти туда. Время от времени я повторяла подобные попытки, чтобы узнать, как далеко я могу отойти от племени, и расстояние это всякий раз оказывалось небольшим.

Допустим, я уговорю кого-нибудь сопровождать меня хотя бы только до границы того места, раз уж они боятся подойти близко. Удлинится ли мой невидимый поводок настолько, чтобы я смогла исследовать то место?

Однако, если там обитает Тьма, мне нечего и думать идти туда, пока я так слабо защищена. Как жаль, что Утта не оставила никаких записей о своём пребывании в племени. Но если бы даже она и вела такой отчёт, за такое количество лет всё было бы похоронено. Проживая среди людей, которые лишь отмечают немногие события, она, без сомнения, утратила всякую меру времени.

Я вновь подумала о двух загадочных свитках в сундуке Утты. Может, они как раз и взяты из этой цитадели на мысе? А что если эти руины и есть те самые, что я видела во сне?

Свитков было два, но в ту ночь, когда я увидела мага, открывавшего Врата, я держала в руках лишь один из них. Не может ли в таком случае второй свиток содержать какой-нибудь секрет, который даст мне то, чего я хочу больше всего сейчас — свободу? Меня охватило нетерпеливое желание произвести этот опыт снова — постараться увидеть сон и найти в нём нужные сведения. Но я призвала в помощь крепко вколотенную в меня дисциплину. Хотя я и была почти уверена, что Вахаи нелюбопытна и тупоумна, но подобный сон может извлечь дух человека из его тела в иное пространство, а я не хотела иметь тому свидетелей.

И тогда я использовала тот же приём, что и с Айфингом — приготовила с помощью трав Утты приятный напиток. Вахаи удивилась, что я угощаю её такой роскошью, и я упрекнула себя, что не делала этого раньше. Давно надо было сделать что-нибудь для неё, к тому же сейчас был самый подходящий момент для этого.

Когда она уснула, я соткала для неё такие сонные чары, которые принесут ей радость, какую она пожелает, и оставят эту радость в её памяти. Затем я наложила чары на нашу дверь, чтобы никто не вошёл, разделась, прижала

второй свиток к груди и, касаясь лбом его верхнего конца, открыла свой разум магии манускрипта.

И снова в моё сознание хлынула волна, непонятная, слишком запутанная для меня информация. Если бы я имела время разобраться в ней, я, вероятно, получила бы очень многое, но я была в положении человека, перед которым высыпали груды драгоценных камней и велели за короткое время выбрать камни одного вида, так что мне торопливо пришлось выбирать все изумруды, беспорядочно отодвигая в сторону рубины, сапфиры и жемчуг, такие прекрасные, что я всей душой жаждала иметь их.

Мои «изумруды» я выхватывала то здесь, то там. И эти кусочки и частички сведений оказались для меня, когда я проснулась, неизмеримо дороже любых драгоценностей. Я убрала свиток в его футляр и оглянулась на Вахаи. Она лежала на спине и улыбалась. Я ни разу не видела такой счастливой улыбки на её тупом лице.

Когда я накинула плащ на свое дрожащее тело и дотянулась до очага, чтобы подкинуть в него дров, я снова подумала о том, что можно сделать для моей компаньонки. Незначительное заклинание — и она будет видеть хорошие и счастливые сны каждую ночь до конца жизни. Для того, кто хочет от жизни большего, чем одни лишь сны, такой подарок стал бы проклятьем, для Вахаи же это, по-моему, будет благом. Поэтому я укрепила свои заклинания, а только потом вернулась к тому, что должна была сделать этой ночью.

Мои «изумруды» оказались истинным сокровищем. Как я знала с самого начала, магия Утты была ближе к природе, чем к учению Эсткарпа, теперь же я узнала ещё, что связывающие меня руны держатся на крови. Но при некоторых обстоятельствах кровь можно переломить кровью же. Это очень болезненно и, возможно, опасно для меня, но я решила испытать этот путь.

Я развернула циновку с рунами и провела рукой по тусклой поверхности. Руны вспыхнули. Затем я взяла длинный нож и воткнула его остриё в вену у сгиба локтя. Из руки ударила сильная струя. Я взяла жезл, который обнаружила при первом осмотре сундука Утты, обмакнула его кончик в кровь и принялась аккуратно прорисовывать каждую руну. От прикосновения окровавленного жезла они переставали блестеть и темнели. Несколько раз

мне приходилось погружать нож глубже в рану, чтобы кровь текла сильнее.

Закончив, я наложила на рану целебную мазь и вернулась к остальным чарам. Я не знала точно, какие именно силы Утта призвала для укрепления связывающих меня цепей, но знала, что противопоставили бы им колдуньи. Я называла имена одно за другим, следя за свёртыванием крови. Руны скрывались под кровавой коркой. Когда я решила, что всё готово, я скомкала циновку и бросила её в огонь.

Это было серьёзное испытание. Если я сделала что-то неправильно, то я должна была поплатиться жизнью за свои действия. Но в любом случае будет очень нелегко.

Пока пламя лизало и пожирало циновку, мое тело корчилось от мучительной боли, и я вонзила зубы в губу, сдерживая крик. Я в кровь искусала губы, но выдержала и не вскрикнула, потому что это могло разбудить Вахаи. Я терпеливо наблюдала за циновкой, пока она полностью не сгорела, а затем подползла к сундуку Утты, достала небольшой котелок с жиром и дрожащими руками, задыхаясь от боли, смазала им всё тело. Моё больное тело всё покраснело, словно не циновка, а я сама лежала в огне очага и корчилась на углях.

Так были разбиты чары, но сама я после этого испытания была в таком скверном состоянии, что не смогла уйти ни в тот день, ни в следующий. К тому же надо было принять некоторые меры предосторожности, чтобы ни одна собака в лагере не обнаружила мой след и не пустилась в погоню, когда меня хватятся.

Вахаи проснулась на рассвете довольная и с обычной сноровкой принялась за свои обязанности, почти не обращая на меня внимания, кроме тех случаев, когда подавала мне еду. Нашему одиночеству способствовал также буран, нагнавший над нашими шатрами полчища тяжёлых туч, так что все вапсалы сидели по своим жилищам.

К вечеру мне стало лучше, и я уже могла двигаться, хотя и с трудом. Я занялась подготовкой к бегству. Мысль о крепости на мысе крепко засела в моем мозгу. Утта была там, сказала, что это место Силы, и предупредила племя не ходить туда, но она не сказала, что это тёмная Сила. Если я спрячусь там, то избежу преследования, а они припишут моё исчезновение действию магии и побоятся

искать меня с собаками и следопытами. Я как-нибудь там укроюсь и буду ждать хорошей погоды, чтобы снова пуститься в путь на запад.

Пока я разбиралась в имуществе Утты, я размышляла о том, что всё сложилось к лучшему, и что я вышла благополучно из этого приключения. Конечно, я не получила обратно всего того, что потеряла из-за сотрудничества с Динзилом, но всё-таки я узнала достаточно, чтобы не представлять угрозы для своих близких, и теперь могла спокойно вернуться в Зелёную Долину.

Я приготовила небольшой пакет целебных трав и всего того, что мне может понадобиться для сотворения чар, которые могут потребоваться в пути, а когда Вахаи легла спать, я собрала запас пищи, отбирая самые питательные продукты и то, что долго не портится при наименьшем объёме.

Я могла отправиться открыто, на глазах всего клана, осматривать руины, и взять сани на часть пути, но потом всё равно придётся нести пожитки в заплечном мешке. Как бы то ни было, прежде всего я должна полностью излечиться от травм, полученных при уничтожении циновки с рунами.

С севера пришёл шторм и бушевал три дня. Завывания ветра напоминали зовущие голоса, так что мы с Вахаи тревожно переглядывались, держась поближе к огню, в котором горели последние запасы топлива и немного трав.

К концу второго дня ветер утих. Вскоре послышалось царапанье в дверное полотнище. На мой оклик появился Айфинг. Он принёс охапку топлива, вынесенного морем на берег и рыбу с серебристой чешуёй, при виде которой Вахаи радостно засопела.

Освободившись от приношений и стряхнув снег со своих тяжёлых мехов, Айфинг посмотрел на меня.

— Ясновидящая... — начал он и запнулся, не зная, как выразить свою просьбу. — Взгляни, что ждёт нас. Такой шторм некогда приносил врагов...

Я достала доску, и он присел на корточки в ожидании. Я спросила его, как выглядят корабли, которых он опасается, и его неуверенное описание напомнило мне салкарские корабли, какие я видела в детстве. Я ещё подумала, что здешние морские волки, возможно, той же крови, что и салкары.

Удерживая в уме это изображение, я закрыла глаза и повела пальцами по доске. Пальцы быстро дошли до конца красной линии, спустились по золотой, а на третьей, зловеще-чёрной, остановились, как будто застряли в ямках. Я взглянула. Они закрепились так близко от верха линии, что я испуганно закричала:

— Опасность! Великая опасность... и очень скоро!

Он вскочил и выбежал из шатра, не закрыв за собой дверное полотнище. Я отбросила доску и бросилась к двери. В начинавшихся сумерках я видела, как он бежит между стенами развалин, время от времени останавливается у некоторых опущенных полотнищ и выкрикивает предупреждение. Скоро всё пришло в движение.

Но слишком поздно! Айфинг неожиданно покачнулся и упал навзничь, успев, правда, выхватить меч, которым уже никогда не сможет воспользоваться. Топор ударил его между шеей и спиной и оборвал его жизнь. Метательный топор — это тоже салкарская штучка.

Айфинг ещё падал, когда между низкими стенами появилось множество бесшумно двигавшихся теней. С другой стороны лагеря донеслись крики: видимо, рейдеры ворвались в некоторые палатки.

Я повернулась к Вахаи, хватая приготовленный мною накануне мешок.

— Беги! Рейдеры!

Она стояла и таращилась на меня с самым тупым видом. Я набросила на неё плащ, повернула к двери и вытолкнула перед собой. Упряжные собаки были выпущены из их общей конуры в центре лагеря и сражались теперь вместе с хозяевами. Я толкала и подгоняла Вахаи, понуждая её идти за мной к северу. Некоторое время она шла, но потом вдруг резко закричала, как бы проснувшись, и, оттолкнув меня, прежде чем я успела снова схватить её, уже бежала обратно, к центру свалки.

Я оглянулась. Будь я такой, как Утта, с её природными силами, я, наверное, смогла бы помочь племени, но от меня им в ту минуту не было никакого толку.

Я повернулась и решительно пошла на север, пытаясь укрываться за редкими укрытиями, оставляя жестокую драку всё дальше за спиной. И тут снова повалил снегопад.

Глава 8

Метель скрыла всё, что происходило в лагере, а поднявшийся ветер заглушил крики. Временами я даже думала, что выбрала худшее из двух зол, когда убежала, потому что я полностью сбилась с пути. Я шла наугад, пока не наткнулась на едва заметный куст, и в испуге отпрянула. Это подсказало мне, что я, наконец, выбралась из лагеря и нахожусь теперь в зарослях кустарника, закрывавших мою далёкую цель.

Этот кустарник был достаточно густым и высоким, чтобы скрыть меня. Пробираясь через него, я чуть не упала в проход, который, видимо, был звериной тропой. Она была такой узкой, и так изгибалась и крутилась, что явно не была прорублена топором, поскольку человеческий род при строительстве дорог предпочитает идти напролом, а не смиряться с вывертами природы.

Высокие стволы сдерживали ярость стихии и я, хотя и спотыкаясь, могла идти довольно быстро. Я была уверена, что чувство направления не окончательно покинуло меня и в конце концов приведёт к таинственному мысу.

Наверное, лучше было бы идти на запад, прочь от моря, но не в такую бурю, да ещё с риском встретить рейдеров. Я считала, что цитадель на берегу послужит для меня отличным убежищем.

Я была так занята своим бегством и размышлениями о ближайшем будущем, что почти не думала о судьбе племени. Вообще-то они привыкли жить в постоянном кругу кровавых междоусобиц и нападений, однако морские разбойники были худшими из врагов. Мужчины захваченного племени встречали смерть, женщины, если они были достаточно миловидными, могли стать младшими жёнами победителей, а некрасивые — рабынями. Это была тяжёлая жизнь, но они в ней родились и другой жизни не знали.

Я и сама прожила свою короткую жизнь в постоянной войне: родилась во время смертельной борьбы с Карстеном, мои родители служили на границе, откуда исходила величайшая угроза, мои братья отправились сражаться ещё до того, как на их подбородках пробился слабый первый пушок. Я вынуждена была привыкать к борьбе в самых разных проявлениях. С тех пор, как мы бежали в

Эскор, вызвав этим ярость колдуний, борьба вообще стала для нас привычным делом, а руки словно срослись с оружием. Мы с детства носили щиты, и снимать их никогда не разрешалось.

Поэтому набег не стал для меня такой уж неожиданностью. Будь у меня прежняя Сила, я обвела бы племя защитным кругом, прежде чем убежать. Я взяла бы с собой Вахаи, если бы она согласилась, и я с сожалением вспоминала об Аусу. Но среди других членов племени не было никого, кому я была бы обязана, кого я должна была бы защитить.

Извивавшаяся тропа неожиданно вывела меня к более широкой дороге, пересекавшей мою под углом. Я подумала, что под снегом лежит дорога, ведущая к мысу, и свернула на неё. Вапсалы, в случае победы в сражении, могут искать меня с собаками. Поскольку я оказалась плохой пророчицей, меня могли бы преследовать из мести, но никак не для того, чтобы вернуть меня к себе. Но даже если собаки приведут их сюда, осмелятся ли они последовать за мной в сторону запретных руин.

Буря усилилась. Ветер не давал идти, пелена снега закрывала всё вокруг. Нужно было скорее отыскать какой-нибудь кров, иначе я упаду и буду занесена снегом. Скверный конец!

По обе стороны дороги тянулся кустарник с какими-то тёмными пятнами между ними. Подойдя поближе, я обнаружила, что это кучи камней — остатки каких-то построек. В одной из таких куч нашлась впадина, и я вползла в неё. Она оказалась чем-то вроде пещеры, образованной несколькими упавшими стенами. Здесь я почувствовала себя в относительной безопасности, и снежный занавес скрыл меня там.

Время и ветер нанесли в пещеру множество сухих листьев. Я вырыла себе в них гнездо и набросала на себя для тепла листьев сверху. Затем я развязала свёрток с травами Утты, сжевала горсть сухих листьев и заставила сознание уснуть.

Это не был настоящий сон, я не решилась бы на него в таких обстоятельствах, но всё же он был сродни ему. В таком состоянии я почти не ощущала холода, что было само по себе достижением, поскольку такой холод мог вызвать сон без пробуждения.

Я сознавала, что лежу в тёмноте, но это не имело значения, я будто бы вся собралась в крошечную частицу, предоставив телу спокойно дожидаться конца урагана.

Сна не было, но не было и размышлений, так как я хотела, чтобы разум мой отдохнул, к тому же активность мыслей могла бы разбить чары, поставленные мной, как барьер от Зла. Это было длительное и терпеливое ожидание; тот, кто долго прожил в Обители, знает, как стойко нужно держаться в подобном состоянии.

К утру ветер ослабел. Ко входу моей норы нанесло целый сугроб снега, так что снаружи почти ничего не было видно, но всё-таки было ясно, что буря прекратилась.

Я вылезла из своего гнезда и достала немного сушёного мяса, растолчённого и спрессованного с ягодами. Набив рот этой плотной массой, я надела заплочный мешок и вышла.

Линию старой дороги отмечали только верхушки кустарника, торчавшие из снега. Пробираться к дороге по сугробам было крайне утомительно. Я запыхалась и устала, но, к счастью, вскоре мне удалось всё-таки выбраться на дорогу. Несмотря на усталость, я хорошо представляла себе в какую сторону я должна идти, и я пошла, если можно назвать ходьбой то, что я проделывала — я скользила, спотыкалась и падала, еле продвигаясь вперёд.

И тут я чуть не погибла. Хорошо ещё, что лёд и снег, измучившие меня, помешали и моему врагу. Айлия, намеревавшаяся вонзить мне охотничий нож в спину, поскользнулась, и мы обе скатились в сугроб. Я выбралась из него как раз вовремя, чтобы встретить её нападение и суметь выбить нож из её руки, а в следующий миг — и вообще сбить её с ног. Нож пропал в глубоком снегу, но Айлия бросилась на меня с голыми руками, царапаясь и кусаясь, и я защищалась как могла.

Хороший удар по голове снова уложил её, и на этот раз я упала на неё коленями и держала, а она плевалась, визжала и скалила зубы, словно бешеный дикий зверь.

Я собрала остатки своей воли и все познания и направила их на неё, и она в конце концов успокоилась и лежала тихо, но в глазах её горела неукротимая ненависть.

— Он умер! — сказала она, и слова её прозвучали обвинением. — Ты убила его!

Неужели Айфинг так много для неё значил? Я была

даже удивлена. Видимо, я всю жизнь полагалась на мысленную речь и не научилась судить о людях по другим признакам, как судят те, кто не имеет способностей к мысленному общению. Я-то думала, что Айлии нравится её место второй жены, даже можно сказать — почти первой, а не сам вождь. Значит, я ошибалась в Айлии, и настоящая скорбь погнала её выследить ту, которая, по её мнению, была виновата в смерти её мужа в большей степени, чем воин, метнувший в него топор.

Ненависть глуха ко всему, и если Айлия перешла границу, где её разума могла достичь моя логика, то я оказывалась в весьма затруднительном положении. Я не могла ни убить девушку, ни оставить её здесь. Возвращаться в племя я тоже не собиралась. Оставалось единственное, очень неприятное решение — идти дальше с нежелательной пленницей...

— Я не убивала Айфинга, — сказала я, стараясь подействовать на её сознание.

— Ты виновата. Утта была щитом, она правильно предсказывала. Он думал, что и ты будешь делать так же. Он надеялся на тебя.

— Я никогда не говорила, что у меня власть Утты, — сказала я. — Мне не оставили выбора...

— Ну да! — воскликнула она. — Ты хотела уйти от нас, вот ты и вызвала рейдеров, чтобы скрыться самой, пока они пускают в ход мечи! Ты — чёрное существо Тьмы!

Её слова резали меня, словно острый кинжал. Я всего лишь хотела убежать из племени. Неужели я бессознательно предала их? Ведь я действительно советовалась с рунами только про себя одну, и пренебрегла интересами племени? Динзиль служил Тьме, и, наверное, под его влиянием я слишком близко подошла к таким поступкам, из-за которых могла бы стать проклятой навечно. Неужто на мне осталось пятно, и оно подтолкнуло меня к такому решению, в каком обвиняет меня Айлия? Я была так счастлива, обретая вновь свою Силу — для собственной выгоды, как я теперь выяснила. А в этих делах существует равновесие. Дар, употреблённый во зло, становится злом сам и растёт как снежный ком, так что в конце концов нельзя уже призвать добро — приходит только нечто, искажённое Тьмой. Неужели я до сих так искалечена, что все мои поступки всегда будут вредить другим?

Но ведь имеющий Силу вынужден пользоваться ею. Это естественно, как дыхание. Когда я была лишена Дара, я была призраком, оболочкой, идущей по жизни, не чувствуя и не касаясь её. Чтобы жить, я должна была стать собой, должна была иметь то, что дано мне от рождения. Но что, если это делает меня чудовищем, несущим с собой осколки Тьмы?

— Я хотела быть свободной, — сказала я ей. Я как бы искала ответ и для себя, и для Айлии. — И я могу поклясться Тремя Именами, что не замышляла вреда ни себе, ни твоему народу. Утта держала меня в плену даже после своей смерти, благодаря своим заклинаниям, и только недавно я сумела разбить её чары. Ты сама подумай: если бы тебя захватили рейдеры и держали в лагере как рабыню, разве ты не воспользовалась бы случаем, попавшим тебе в руки? Я не призывала на вас врагов и никогда не имела ясного предвидения, как Утта. Она не научила меня этому. Перед самым нападением я спрашивала руны и предупредила его.

— Слишком поздно! — выкрикнула Айлия.

— Да, но это не моя вина, я не вашей крови, и я не клялась служить вам. Я нуждалась только в свободе.

Поняла она меня или нет — не знаю, только в эту минуту до нас донёсся неприятный металлический звук. Айлия напряглась под моими руками, её голова дёрнулась на снегу, утоптанному нашей дракой, она пыталась оглянуться на дорогу.

— Что это? — спросила я.

— Морские собаки! — Она знаком призвала к молчанию, и мы прислушались. Справа, с запада, пришёл пронзительный ответ. Значит, здесь было два отряда, и нас могли взять в кольцо. Я встала и поглядела вперёд. Было уже достаточно светло, хотя день и был пасмурный, невдалеке виднелся мыс с развалинами, где, по моим представлениям, можно было укрыться. Чтобы найти нас там, понадобится целая армия. Я схватила Айлию за руку и поставила её рядом с собой.

— Пошли!

Она вроде бы согласилась, но, сделав несколько шагов, поняла, что мы идём к тем строениям, против которых предупреждала их Утта. Вероятно, она убежала бы, если бы звук рога с запада не прозвучал ещё раз и гораздо

ближе. А путь на восток преграждал колючий кустарник, через который проложить для нас тропу мог бы только огонь.

— Ты хочешь убить нас...

Она попыталась вырвать руку, но ей это не удалось, несмотря на её варварское происхождение и привычку жить в постоянных войнах. Я удержала её и потянула вперёд. Звук рога раздался ещё ближе.

Погоня за человеком порождает в нём страх. Как только мы начали своё отступление, страх возрос и поглотил все остальные мелкие страхи. Айлия больше не протестовала, не вырывалась, а наоборот торопилась, потому что тёмные развалины обещали укрытие.

По дороге я постаралась разъяснить ей, что такие развалины обыскивать нелегко, так что преследователи в конце концов оставят нас в покое. И я добавила, что хотя моя Сила много меньше Дара Утты, она всё-таки достаточно сильна, чтобы уберечь нас от каких-нибудь проявлений Тьмы.

Я, правда, сама опасалась, хотя и не сказала этого Айлии, как бы это место действительно не оказалось во власти Тьмы, но ведь Утта ходила туда и вернулась, а колдунья никогда не рискнёт своим Даром, отправившись в обитель древнего Зла.

Дорога привела нас к двум башням-воротам. Они увенчивались фигурами кошмарного, устрашающего вида. Когда мы ступили между двумя столбами, на которых они скорчились, послышался оглушающий вой. Айлия вскрикнула и хотела было убежать, но я сумела удержать её и резко встряхнула, чтобы хоть часть её страха ушла, и она смогла бы выслушать меня. С таким устройством ворот я была знакома давно. Одни из ворот Эса были снабжены таким же. Звук производился ветром, проходившим через определённым образом вырезанные отверстия.

Не знаю, поверила ли она мне, но то обстоятельство, что я была невредима, а страшные создания всего лишь ревели, но явно не собирались спускаться и нападать на нас, успокоило её, и я снова потянула её за собой.

Как только мы прошли через ворота, бежать нам больше не требовалось, и я пошла медленно, хотя и не останавливаясь и не выпуская руки Айлии. В отличие от посёлка, здесь не было развалин, но, как и в Эсе, веяло глубокой

древностью, будто прошедшие столетия легли на массивные камни тяжким грузом и вдавили их глубоко в землю. Сами камни не разрушились, они лишь покрылись паутиной вечного и неизменного существования.

Стены цитадели были очень толстые и, похоже, имели внутри помещения для прохода, закрытые с двух сторон решётками. Возможно, когда-то здесь жили стражники-нелюди, так как уж очень эти комнаты походили на клетки.

Затем мы вышли на мощёную дорогу, поднимавшуюся к высоким башням в центре этого города, окружённым дополнительным кольцом стен. Скорее всего это всё-таки был город, а не крепость, потому что между наружными воротами и замком в центре теснилось множество строений. Теперь они таращили на нас мёртвые глаза окон, разинутые рты дверей. То тут, то там между плитами мостовой пробивались высохшие стебли травы. Снежные сугробы дополняли мрачную картину запустения.

Все строения были одинаково серые, но более светлые, чем в Эсе. И над каждой дверью стоял знак, несказанно обрадовавший меня — он был ярко-голубого цвета, как те камни в Эскоре, поставленные для защиты от окружающего Зла. Поскольку здесь присутствовала такая охрана, значит, когда-то она защищала тех, кто, как я думала, жил здесь, следовательно, мы могли войти без страха.

Внезапно я поняла ещё одно: эта улица, которая полого поднималась ко вторым воротам, была мне почему-то знакома, как будто я давно ходила по ней, а теперь почти позабыла. Но как только мы дошли до вторых ворот, и я увидела вырезанный в голубом камне знак — перекрещённые меч и жезл — я вспомнила. Именно этой дорогой я шла во сне, когда видела, как маг открыл Врата в другой мир.

Теперь я не могла ни свернуть в сторону, ни остановиться, потому что нас потянуло вперёд. Я услышала, как Айлия испуганно вскрикнула. Тогда я обернулась и увидела, что её глаза застыли, и она идёт, как будто под принуждением. На меня оно тоже действовало; но, видимо, не так сильно, как на неё. Я приняла это за притяжение Сил — моей и чужой. По-видимому, тот маг, который когда-то работал здесь, оставил заряд энергии, которому невозможно было сопротивляться.

Мы убыстряли шаг, входили в двери, шли по коридорам, проходили через комнаты и холлы всё быстрее и быстрее. Мы почти уже бежали. Айлия не издавала ни звука.

Наконец мы вошли в высокий зал. Он казался живым, а не мрачным и мёртвым. Здесь не чувствовался груз бесконечных лет, и здесь ощущалось дыхание мудрости и энергии, такой сильной, что, казалось, весь воздух напоен ею.

На стенах ещё сохранились украшения, висели гобелены, хоть и потускневшие, но вытканые с необычайным искусством, местами на нас глядели то лицо человека, то морда чудовища, выглядевшие совсем живыми. Можно было подумать, что это не изображения, а зеркальные отражения, и в этих зеркалах отражаются создания, невидимо здесь присутствовавшие и вечно глядящие на своё отражение на поверхности ткани.

Вдоль стен стояли сундуки с резными крышками. Я узнала символы на них — именно они были записаны на свитках Утты. Кто знает, может быть, Утта как раз отсюда и взяла те два свитка. У меня появилось большое искушение подойти к ближайшему сундуку, открыть крышку и полюбоваться на сокровища, хранившиеся там, но я крепко сжала руку Айлии и повела её в медленный обход вдоль стен этого огромного зала, не рискуя выйти в светлую и пустую середину. У стен тоже было достаточно светло, чтобы разглядеть рисунки, сделанные на цветных камнях или на металлических полосах, которые покрывали большую часть стен.

В пол были глубоко врезаны инкрустированные пентаграммы, магические круги, большие или меньшие отпечатки сильнейших магических фигур. Они лежали чуть в стороне от нашего пути вдоль стен. Но за этими символами — ключами к великому знанию — виднелись и какие-то неопределенные расплывающиеся линии, как будто тот, кто продвигался к центру зала, продвигался и в своих познаниях и не нуждался более в конкретных символах в качестве проводящих. Одни из этих знаков я совсем не знала, другие лишь немногим отличались от тех, которые я видела раньше.

Здесь было что-то вроде школы для адептов Силы, вроде Обители Владычиц. Но здесь всё было настолько

больше, в неопределённых линиях ближе к центру читались такие намёки, что работавший здесь, наверное, смотрел бы на колдуний, как на детей, делающих свои первые неуверенные шаги.

Ничего удивительного, что здесь ощущалась неувядаемая жизнь. Камни стен за гобеленами и камни под нашими ногами столетия за столетиями впитывали в себя излучения Силы и теперь испускали то, что так долго копилось в них.

Мы уже довольно далеко отошли от входных дверей, когда я заметила кресла, или, скорее, троны, потому что они стояли на возвышении с тремя ступенями и были вырезаны из голубого камня, с высокими подлокотниками и высокими спинками, на которых были нанесены глубокие тускло светящиеся руны. На среднем кресле лежал жезл мага, будто ненадолго оставленный хозяином, пока он куда-то ненадолго вышел.

На спинке этого трона был вырезан тот же символ, что и на воротах цитадели — жезл и меч. Это явно был трон правителя здешних земель — человека или более чем человека, при котором крепость обрела господство над всем этим краем.

Увидев трон, я вновь вспомнила детали своего сна. Маг сидел именно здесь, когда смотрел на появившиеся Врата. Что же случилось потом? Может быть, как гласят легенды, он прошёл через них, чтобы познать иные миры?

Сон вспомнился так отчётливо, что я попыталась заглянуть за трон, ища след Ворот, но там были лишь голые плиты, на них не было видно никаких символов, даже намёка на них. Может, хозяин этого зала действительно дошёл до такого совершенства, что не нуждался ни в чём для создания энергии? Я подумала о колдуньях и о Динзиле, достигавших высот такого искусства. Если мне доведётся когда-нибудь встретиться с хозяином этого среднего трона, я буду смотреться рядом с ним, как Айлия или Вахаи, наивной и беззащитной. Кроме того мне внезапно показалось, что я, кажется, могу вспомнить и понять, почему я лишилась своего Дара. И, вспоминая все свои познания и навыки, я осознала, что всё, чем я владела, было лишь первой страницей самых простейших рун для Мастера Ворот.

Поняв это, я вдруг почувствовала себя маленькой, уста-

лой и испуганной, хотя зал и был по-прежнему пуст, а тот, перед кем я благоговела, давно исчез. Я глянула на Айлию — она, по крайней мере, была человеком, как и я сама. Она стояла, опустив руки, там где я её оставила. Её лицо выглядело странно пустым, и во мне вспыхнуло беспокойство: разве не я привела её сюда, в эту резиденцию Силы, которая всё ещё чувствуется и может повредить ей, ведь она не защищена, как я? Неужели я опять в своём упрямом эгоизме вновь сотворила Зло?

Я обняла её за плечи, заглянула в глаза и коснулась её мозга. Нет, это вовсе не гибель, чего я так опасалась, а нечто вроде сна. Я подумала, что этот сон — её защита, и что он, вероятно, будет продолжаться, пока мы остаёмся здесь, но вообще-то нам пора было уходить, пока эта накопившаяся здесь старая Сила не обратила нас в рабов.

Но оказалось, что уйти отсюда — всё равно, что пробиться против течения, которое толкало нас в противоположном направлении. К своему ужасу я обнаружила, что этот невидимый поток превращается в вихрь, медленно кружившийся вокруг третьего трона, и эпицентром его было то место, где некогда во сне я видела Ворота.

Айлия с готовностью поддалась этому течению, прежде чем я сообразила, что нам грозит реальная опасность. Я вцепилась в Айлию, оттаскивая её назад, но она вырывалась, и её невидящие глаза слепо смотрели в пустой центр зала. Вдруг её свободная рука взметнулась, пальцы как будто нащупывали невидимую опору, чтобы ухватиться за неё и вырваться из моих рук.

Я воздвигла себе мысленную охрану. У меня не хватало сил, чтобы защитить нас обеих, но если я смогу удержаться, я, конечно, удержу Айлию, и нам удастся выбраться из зала. Я надеялась, что за его пределами мы окажемся в безопасности.

Но пока что я могла только сопротивляться потоку, а Айлия рвалась всё сильнее, пока поток не снёс нас к третьему трону так близко, что я могла положить руку на его высокую спинку. На сиденье лежал жезл. Не взять ли его, когда мы пройдем мимо? И что это мне даст? Такие колдовские жезлы были грозным оружием, они управляли силами при сотворении заклинаний, но, помимо всего, они могут служить только одному. Чего я достигну, если попытаюсь воспользоваться им? Однако, этот жезл так

влёк меня к себе, что я поняла: он мне ещё обязательно понадобится, если и не сразу, так потом.

Наконец мы оказались перед сидением третьего трона. Я должна была взять жезл сейчас, пока меня не оттащила Айлия, вновь начавшая вырываться, и мне приходилось держать её обеими руками. Я поколебалась секунду — и рискнула. Резким движением я подтащила Айлию к трону, вскочила на первую ступеньку помоста и левой рукой схватила конец жезла.

Глава 9

Коснувшись жезла, я чуть было не выронила его: он был таким холодным, что обжигал руку, как промёрзший металл. Но я всё-таки его не выпустила — и даже не смогла бы этого сделать, потому что жезл как будто сам держал меня крепче, чем я его.

И в эту минуту Айлия вырвалась из моей руки и бросилась вперёд. Едва ступив на испещрённый рунами пол, она покачнулась, отклонилась назад, затем вдруг споткнулась и упала на колени. Видимо её тело при падении на камни пола каким-то образом послужило ключом к освобождению источника энергии в этом месте, потому что вверху сверкнула яркая вспышка, и, как в моём сне, перед нами появились Ворота из огненных световых линий.

— Айлия! Нет! — закричала я. Но мой крик ничего не значил для её околдованного сознания. Она торопливо поползла на коленях через этот жуткий портал.

Я могла видеть зал за тронем, и Айлия исчезла, как только проползла под аркой Ворот. Сжимая рукой жезл, я бросилась за ней, решив, что мои невнимательность и эгоизм больше не послужат причиной ничьей гибели.

Я ощутила, как моё тело рвет на части, но это была даже не боль, а, скорее, отвратительное чувство дезориентации, потому что я прошла через какое-то пространство, через которое человеческое тело проникать никогда не должно было. Затем я покатила по твёрдой поверхности и застонала от боли, которую получила в этот короткий промежуток времени словно за всё плохое, что я совершила в этой жизни.

Я села, испытывая сильное головокружение. Я продолжала слышать стон — уже не свой — и с трудом огляде-

лась. Рядом с каким-то тёмным высоким предметом лежал кто-то скорчившийся и стонал. Я подползла к Айлии и приподняла её голову. Глаза её были закрыты, тело судорожно подрагивало, а голова безостановочно вертелась из стороны в сторону, как у больного в сильном жару. И она всё время вскрикивала.

Прижав её к себе, я оглянулась на Ворота и... ничего не увидела.

Я не раз слышала, как мой отец пришёл в Эсткарп через подобные Ворота, и, оказавшись неподалёку от Торových Топей, он обнаружил два столба, отмечавшие место его вхождения. Когда он и моя мать выступили против сил Колдера, они проходили через Ворота, также имевшие отметку в обоих мирах. Но тут, похоже, вход и выход существовали раздельно, где-то в разных местах, потому что я ничего не видела, кроме открытого пространства.

Здесь стоял день, правда, пасмурный и мрачный. В то время, как Эскор был одет в снег и лёд, по эту сторону исчезнувшей двери было так жарко и душно, что я закашлялась, и из глаз моих полились слёзы. Воздух, казалось, был наполнен удушливыми невидимыми испарениями.

Растительности не было, земля и небо выглядели одинаково серыми. В песках, казалось, никогда не обитало ничего живого. В некоторых местах виднелись наносы пыли, похожей на золу. Возможно, здесь когда-то пронёсся большой пожар. Я посмотрела на столб, возле которого лежала Айлия.

Он был выше человеческого роста. И он не был ни обыкновенным древесным стволом, ни каменной колонной, а, скорее, служил когда-то металлической опорой, покрытой оспинами и чешуёй, как будто что-то в этом едком воздухе постепенно разрушало поверхность, слой за слоем. Может быть, именно этот столб отмечал Ворота с этой стороны? Но нет, он стоял слишком далеко от того места, где мы вошли.

Я уложила Айлию на землю, подложив ей под голову свой заплечный мешок, затем, шатаясь, встала и увидела невдалеке что-то блестящее. Это лежал жезл. Он выглядел таким белым на унылом сером песке, что походил на луч света. Я с трудом наклонилась и подняла его. Его ледяной холод исчез, он теперь был похож на любой другой жезл. Я бережно уложила его в складки своего пояса и затем ещё

раз медленно обернулась в робкой надежде всё-таки увидеть Ворота.

Песок вокруг поднимался пепельными дюнами, и все они были настолько одинаковыми, что заблудиться здесь было проще простого, и никаких ориентиров кругом — кроме облупленного столба. Но когда я встала рядом с ним и внимательно огляделась, на некотором расстоянии я заметила другой такой же столб, почти на одной линии с первым.

Айлия зашевелилась и приподнялась. Я поспешила к ней на помощь. Глаза её по-прежнему были пустыми. Она затерялась в какой-то внутренней пустыне. Она неуверенно поднялась на ноги, придерживаясь за столб, и повернулась в направлении второго, то слегка наклоняя голову, то поворачивая её из стороны в сторону, как будто принимаясь к знакомому запаху, а затем уверенно пошла в сторону второго столба. Я схватила её за плечо. Она, по-видимому, не узнала меня, рванулась с удивительной силой, повернулась, и вдруг так резко толкнула меня, что я от неожиданности покатила на песок.

Когда я вскочила на ноги, она уже бежала. Я бросилась за ней, хотя очень не хотела уходить отсюда, не осмотрев это место как следует. Я боялась даже подумать, что Ворота окончательно пропали, и у нас не осталось надежды вернуться.

За вторым столбом оказался третий, и Айлия направилась к нему, но мне всё казалось, что её ведут не столбы, а какое-то невидимое принуждение, управляющее её разумом и телом.

Мы миновали шесть столбов, изъеденных, как и первый, и вышли из песчаных дюн в совершенно иное место. Здесь повсюду желтела пожухлая трава. Линия столбов продолжалась, только теперь они стали выше и не так изъедены временем. Я заметила, что два из них как бы оплавилась, и покрылись застывшими капельками металла. Вокруг них росла та же трава и впервые нам попались какие-то неприятного вида кусты с пурпурными стеблями и тёмно-красными волокнами, болтавшимися на кончиках листьев: они выглядели какими-то плотоядными, и у меня не возникло желания подходить к ним поближе.

За оплавленными столбами шла дорога. В противоположность столбам, она казалась проложенной совсем недавно, её тусклая чёрная поверхность поражала гладкостью. Айлия шагнула к ней и остановилась, покачиваясь, но смотрела она не на дорогу, а вперёд.

Наконец я её догнала и схватила за плечи. На этот раз она мне не сопротивлялась. Мне не нравилась эта дорога, и я не хотела идти по ней. Пока я стояла в нерешительности, раздался странный звук, он быстро приближался, как будто что-то приближалось к нам на огромной скорости. Я навалилась на Айлию и упала вместе с ней на твёрдую землю, надеясь, что наша тёмная одежда сольётся с серо-коричневой почвой.

Что-то промчалось по дороге с такой скоростью, что нельзя было толком понять, что же это такое. Конечно, это было не животное. У меня отложился в памяти образ цилиндра, вероятно, металлического, который даже не касался поверхности дороги, а проскользил на высоте, равной длине моей руки. Он пролетел и исчез вдаль, взвихрив придорожную пыль.

Интересно, заметили нас или нет? Во всяком случае, те, кто управлял этой машиной, не побеспокоились остановиться. Впрочем, вряд ли они смогли бы сделать это на такой скорости.

Но как эта штука могла мчаться, не касаясь земли, хотя она явно следовала по дороге? Колдеры делали подобные машины. Может, мы попали в мир колдеров? Если так, то мы теперь в большой опасности, потому что колдеры превращали своих рабов в живых мертвецов, о которых человек в здравом уме не может даже подумать без содрогания.

В моём мешке было очень мало еды и совсем не было воды, потому что я предполагала путешествовать по горам, где есть снег или хотя бы реки. А здесь едкая атмосфера и сухое дыхание ветра вызывали жажду, и рот у меня запёкся, будто я наглотались золы.

Чтобы сохранить жизнь, нам нужны были пища и вода. Судя по виду местности, мы здесь не найдём ничего такого, и, значит, нам придётся рискнуть и пойти по дороге в том направлении, куда унеслась эта штука.

Я протянула руку Айлии, но она уже сама повернулась

в ту сторону и пошла по обочине дороги. Я двинулась следом.

Мы увидели это издалека. Глядя на башни Эса или на неизвестную цитадель на восточном мысе, я поражалась великим творениям человеческих рук. Теперь же перед нами высились сооружения, хоть и похожие местами на крепости людей, но нельзя было даже предположить, что увиденное нами сделано человеком. Башни — если это были башни — поднимались к облакам, а внизу вокруг них теснились низенькие каменные строения. От башни к башне тянулись кружевные пути, будто строители проводили свои дороги высоко в небе. Всё это было такого же серо-коричневого цвета, как и земля. Башни как бы выросли из земли сами, благодаря какой-то фантастической культивации. Однако, у них был металлический отблеск.

Дорога привела нас прямо к подножию одной из башен. Отсюда мы увидели другие такие же дороги, петляющие среди соседних башен. Мне вспомнилась паутина пауков с её плотной серединой и множеством радиальных нитей для прикрепления, и я подумала, что если бы можно было взглянуть с высоты на этот город, то он, наверное, напоминал бы именно паутину — мысль явно неприятная, потому что таких охотников, как пауки в своей паутине, следовало бы избегать.

Я облизала сухие потрескавшиеся губы. Айлия была не в лучшем состоянии. Она снова застонала, как тогда, когда мы только что прошли Ворота. Жажда становилась нестерпимой. Похоже, что нам придётся войти в эту металлическую паутину, чтобы отыскать воду.

Опять раздался уже знакомый предупреждающий звук. Я снова притянула свою спутницу к земле. Мимо пронёсся механизм, но не над дорогой, по которой мы шли, а чуть в стороне. Я поднялась и увидела ещё что-то. Это было тёмное пятно в небе, увеличивавшееся с каждым ударом моего испуганного сердца.

Это не могло быть птицей. Но ведь отец рассказывал, что в его мире люди строили машины, как и колдеры, и летали на них по воздуху. Не попала ли я в его мир, в мир моего отца? Но он никогда не рассказывал о таком вот городе или стране, засыпанной пеплом и песком.

Пятно в небе всё увеличивалось, и вскоре аппарат завис между двумя башнями. Я увидела плоскую платформу,

более ровную, чем кружевные пути-дороги, которые обеспечивали проход между вершинами башен. Небесная машина осторожно опустилась на платформу. С такого расстояния я не могла рассмотреть, выходили ли из неё люди, чтобы войти в одну из четырёх башен по углам открытого пространства, но всё это было так странно, что я порядком встревожилась.

Знания колдеров, их машины и люди, которых они своей волей обращали в машины — всё это так давно отождествлялось со Злом, что мы в Эсткарпе привыкли относиться с отвращением ко всему, что было связано с ними. И в этом месте пахло Злом, но оно не походило на Зло Эскора, которое я понимала. Это здешнее Зло происходило от преступно спланированного пути жизни, полностью чуждого всему, что я знала.

Однако мы должны были найти еду и питьё или же умереть. Но никто добровольно не выбирает смерть, если имеется хоть какой-то шанс остаться в живых. Мы стояли и смотрели на этот фантастический город — вернее, смотрела я, потому что Айлия по-прежнему вроде бы ничего не видела перед собой.

Единственный вход в башню на уровне земли служил, по-видимому, туннелем для продолжения дороги. В стенах башни не было больше никаких отверстий, а сама она была выше самых высоких шпилей Эса, окон в ней тоже не было. Волей-неволей пришлось пойти по дороге, хотя у меня долго не хватало духу поставить ногу на эту гладкую поверхность. Надолго ли хватит наших сил без припасов? Всякое промедление только истощало нас.

Стемнело. Может быть, темнота будет нашим другом? Я посмотрела в тёмное небо и внезапно увидела вспышки искрящихся сияний вдоль линий межбашенных путей, как блеск капелек росы на паутине.

Туннель, куда вела дорога, также тускло освещался. Свет был нам весьма некстати, но выбора не было, и я взяла Айлию за руку. Её тело больше не служило нам проводником, но и не вырывалось, когда я потащила её вперёд ко входу.

Когда мы подошли ближе, я с облегчением поняла, что отверстие шире, чем полотно дороги, так что оставался узкий проход сбоку, и нам не обязательно было ступать на поверхность дороги. Но хватит ли ширины этого прохода,

чтобы спасти нас от тех машин, которые могут залететь в туннель, пока мы будем там? Удары ветра от их полёта уже дважды доказывали нам их силу. В ограниченном пространстве туннеля встреча с ними может стать роковой для нас.

Я в последний раз остановилась у входа и прислушалась, предупреждения об их появлении не было слышно, и мы рискнули пойти дальше, в надежде побыстрее разыскать какой-нибудь боковой проход.

Под нашими ногами было что-то вроде металла, покрытого эластичным губчатым материалом, пружинившим при каждом нашем шаге. Я тянула Айлию по этому узкому краю, надеясь, что хоть когда-нибудь в стене обнаружится дверь или какое угодно отверстие. И мы нашли проход, тоже освещённый слабым тусклым светом, а на стене рядом был изображён незнакомый символ. За отверстием виднелся узкий коридор. Только там я вздохнула свободнее, избавившись от необходимости прислушиваться, не загрохочет ли позади мчащийся разрушитель.

Воздух здесь был не таким тяжёлым, как снаружи, но всё-таки неприятным, и к нему примешивался непонятный запах, вызывающий кашель, и я расчихалась.

Освещение по стенам было размещено с большими интервалами и светильники были столь тусклыми, что промежутки тонули во мраке. Мы были уже довольно далеко от туннеля, когда я поняла, что мы вовремя свернули в эту нору: раздался мощный рёв, от которого задрожали стены и пол. Видимо, одна из машин вошла в туннель. Клубы дыма проникли и сюда, и мы, задыхаясь от него, рванулись вперёд. Когда мы дошли до следующего освещённого места, я прислонилась к стене, чтобы отдышаться и протереть глаза, и увидела под ногами наносы чего-то мягкого, как зола, но только чёрного. Там, где мы прошли, остались заметные следы, но впереди нас налёт был не тронут. Это указывало, что какое-то время — может и годы — здесь никто не проходил.

Это успокаивало, хотя и не приближало к тому, в чём мы особенно нуждались.

Узкий коридор вывел нас в круглое помещение, похожее на дно колодца. Я запрокинула голову, чтобы взглянуть наверх, и мне показалось, что колодец поднимается до самой верхушки башни. В стенах колодца имелись

отверстия, вроде входов на разные этажи. Одни были тёмными, другие ярко освещены, и, к моему разочарованию, не было даже намёка на лестницу, чтобы добраться хотя бы до первого по высоте отверстия. Я уже решила вернуться в опасный туннель и идти по нему дальше в надежде на какой-нибудь другой боковой проход, но Айлия, оттолкнув меня, резко шагнула вперёд. Я прижалась рукой к стене, чтобы сохранить равновесие. На это незапланированное действие последовал немедленный ответ: мы уже не стояли на дне, а поднимались вверх, как на крыльях. Я, кажется, вскрикнула и потянулась рукой к жезлу на поясе. Затем я попыталась ухватиться за гладкую стену, мимо которой мы поднимались. Ногти мои царапали её, ломались, но замедлить наш подъём ничуть не удалось.

Мы поравнялись с первым отверстием, видимо, второго этажа. В тусклом свете я увидела, что проход от двери расширился и расходился в обе стороны. Я попробовала перебирать ногами и обнаружила, что могу перемещаться к стене. Значит, надо сделать усилие и нырнуть в следующий уровень. Я напрягла все силы, и мы в конце концов сумели выбраться из колодца в один из боковых проходов на противоположной стороне от того места, через которое вошли.

Он был лучше освещён, и в нём слышались странные звуки или какая-то вибрация, которая исходила не от пола, а скорее от стен. Пол тоже имел губчатое покрытие, но налёта золы здесь не было. Видимо, мы попали в секцию, которой кто-то пользовался, и нам следовало быть осторожными.

Я заметила, что взгляд Айлии вновь стал осмысленным, и она смотрит на меня, на стены и опять на меня. Её прежний пустой взгляд исчез. Она вздрогнула и закрыла лицо руками.

— Тропа Валиманта, — прошептала она со стоном.

— Ну уж нет! — Я протянула руку, чтобы она почувствовала человеческое прикосновение. — Мы живём, мы не мёртвые! — Валимант, по их верованиям, был злым духом, ожидавшим за последним занавесом тех членов племени, над кем не был совершён погребальный ритуал.

— Я знаю... — Она всё ещё не отнимала рук от лица. — Это, конечно же, страна Валиманта, и мы идём в его дом. Больше нигде не может быть такого места.

Я готова была согласиться с ней, но у меня был аргумент, который должен был убедить её, что она не присоединилась к мёртвым.

— Скажи, ты хочешь есть? Хочешь пить? А разве мёртвые едят?

Она, наконец, опустила руки. Лицо её выражало утрумую безнадежность.

— Кто знает? Никто не возвращался оттуда, чтобы рассказать о том, что позади занавеса. Если это не дом Валиманта, то где мы, колдунья?

— В другом мире, это точно, но не у смерти. Мы нашли магические Ворота, и нас вынесло в другой мир...

Она покачала головой.

— Я ничего не знаю о твоей магии, колдунья, знаю только, что она принесла вред мне и моему народу и, похоже, продолжает приносить зло. Но я и в самом деле голодна и хочу пить. И если здесь можно найти пищу и воду, я хотела бы отыскать их.

— Я тоже. Но мы должны идти осторожно. Я не знаю, кто или что живёт здесь, знаю только, что здесь много странного, и мы должны вести себя так, как разведчики в стане врагов.

Я открыла мешок и достала остатки еды. Мы поели всухомятку, жажду пока ничем утолить не смогли. Но даже это небольшое количество мяса придало нам сил.

Когда мы пошли дальше, то обнаружили, что коридор прочерчен по стенам контурами, которые, по-видимому, обозначали двери, но как они открывались — неизвестно. Я толкнула одну-две, но они не поддались. Так мы дошли до конца коридора, который выходил на балкон башни. Оттуда тянулся один из воздушных путей, соединяющих эту башню с другой где-то в центре города. Я посмотрела на эту пешеходную дорогу, казавшуюся такой хрупкой, и поняла, что пройти по ней не смогу. Айлия зажмурилась и подалась назад в коридор.

— Я не могу! — вскричала она.

— И я не могу...

Но что нам ещё оставалось? Снова понадеяться на колодец и довериться его подъёмнику, который вознесёт нас ещё выше, в другой коридор, где нам, возможно, повезёт больше?

Я спросила Айлию, что она помнит о нашем путешеств-

вии. Она ответила, что помнит большую часть его, но она была тогда словно во сне — зрительницей, а не участницей, за исключением того времени, когда её что-то заставляло двигаться, но и это принуждение оставило её, когда мы пошли вдоль чёрной дороги.

Мы направились обратно к колодцу без особой надежды. Но не дойдя до конца коридора, мы услышали слабый щелчок и буквально вросли в стену и застыли.

Одна из дверей, только что плотно закрытых, открылась, и оттуда вышла фигура. Вышла? Нет, она катилась, скорее даже над полом, как машина на дороге, и сама фигура...

Я видела всяких мутантов и чудовищ. В Эскоре было полно созданий, явившихся конечным результатом многолетних экспериментов магов. Такими были кроганы — водяные люди, фланнаны — крылатые, Серые — мерзкая помесь зверя и человека, и ещё много других. Но это... Хуже этого я ничего не видела и даже не слышала.

Это было что-то вроде помеси человека с машиной, металл и плоть сросшиеся воедино. Нижняя половина тела представляла собой металлическое яйцо. Ног не было, но к яйцу были прижаты отростки, заканчивающиеся когтями.

Такие же члены были и у более узкой верхней части. Голова же была человеческая или похожая на человеческую, без волос, с остроконечной металлической верхушкой, вроде шлема. Позади этой фигуры шла другая. Она шла на двух ногах и имела человеческие руки, но всё остальное тело было металлическим, и голова тоже оканчивалась металлическим шлемом.

Даже не взглянув в нашу сторону, эти создания направились к колодцу, причём один из них шагал по полу, а второй парил в воздухе, просто шагнули в пустоту, взмыли вверх, и мы потеряли их из виду.

Глава 10

— Ох! — прошептала Айлия. Её глаза снова опустели и она неподвижно застыла.

Я тем временем размышляла, нельзя ли повернуть магическую силу колодца и заставить его опустить нас вниз. После того, как я увидела невозможных обитателей

этого города башен, я уже не имела ни малейшего желания исследовать его дальше. Мои надежды найти здесь пищу исчезли. Эта немыслимая смесь плоти и металла наверняка не пила и не ела, а значит, запаса провизии нам в этих лабиринтах не найти.

Теперь я пыталась вспомнить, как начался наш подъём. Я упёрлась рукой в стену и, как теперь подсказывала память, вроде бы видела на ней пластины другого цвета. Я провела рукой вниз, а мы поднялись вверх! Может ли быть единый сигнал? А если так, то смогу ли я и здесь найти такую же пластину, чтобы она опустила нас вниз? Надо попробовать. Остаться здесь, значило быть обнуруженными, а меня трясло при одной мысли о каком-либо контакте с этими полулюдьми-полумашинами. Нам просто повезло, что они не увидели нас.

— Пошли. — Я потянула Айлию за руку.

— Нет! — Она попыталась вырваться.

— Ну и оставайся здесь, — резко сказала я, — а они вернуться и найдут тебя здесь...

— Там найдут тоже! — Она указала на шахту.

— Не найдут. — И хоть я и не была в этом уверена, я поспешно объяснила, что думала насчёт возможности спуститься.

— А если мы не сможем?

— Тогда попытаем счастья на этом подвесном мосту. — Но я испытывала к нему такое же отвращение, как и ко встрече с теми чудовищами. К тому же мост приведёт нас внутрь города, а не из него.

Я думаю, что Айлии это нравилось не больше, чем мне, потому что она пошла к шахте без дальнейшего принуждения. Мы шли медленно, прислушиваясь к каждой отмеченной двери и ощупывая её, прежде чем двинуться дальше, потому что боялись, как бы её вдруг не открыл какой-нибудь здешний обитатель. Когда мы дошли до последней двери, откуда вышли те двое, снова раздался щелчок.

Под моими пальцами дверь чуть-чуть поддалась. Гудение стен усилилось, и в узкую щель, которую я не решилась расширить, я увидела непонятные металлические предметы и механизмы. Я только мельком взглянула на них и не стала задерживаться.

Мы дошли до шахты, и я огляделась. Найти контрольную пластинку оказалось нелегко, но всё-таки я нашла её.

В ней были два углубления — одно над другим. В тот раз я провела рукой сверху вниз, значит, теперь надо сделать наоборот. Я так и сделала и некоторое время ждала, не решаясь проверить свою догадку экспериментально.

Если мы шагнём туда, и нас унесёт наверх следом за той гротескной парой, может вполне случиться, что мы попадём прямо в лапы тем, кто там живёт. Затем я вспомнила о мешке: вот с ним я и произведу опыт. Хотя там все остатки наших продуктов...

Я сняла мешок с плеч и бросила. Он начал спускаться. Значит, я была права.

— Давай! — приказала я Айлии и шагнула в пустоту, хотя сама очень боялась упасть.

Айлия приглушённо вскрикнула, но всё же последовала за мной. Спуск происходил быстрее, чем подъём, хотя, конечно, ничем не напоминал падение. Я помнила, что один тускло освещённый уровень мы миновали при подъёме, и приготовилась скользнуть туда, как только мы поравняемся с отверстием. Я подумала, что недостаток света в том проходе может означать, что там пусто или почти пусто, но всё-таки решила обследовать и его и сказала об этом Айлии. Я думала, что она откажется, но она не собиралась оставаться одна. И вот мы шагнули в отверстие и остановились в узком проходе, а мой мешок улетел вниз. Впрочем, теперь я о нём не жалела.

Осмотревшись, я обнаружила, что мы оказались не таком коридоре, как наверху, а скорее в галерее, выдолбленной в стене, и проходящей невысоко над полом другого коридора. Там на полу стояло множество предметов, все на некотором расстоянии друг от друга. В конце концов я решила, что здесь отдыхают те самые машины, которые мы видели на дороге.

Это были цилиндры, примерно в два человеческих роста, сужавшиеся к концу на конус. По бокам были видны контуры дверей, и у ближайшего к нам цилиндра дверь была открыта.

Но не просто открыта: на металле виднелись пятна ржавчины, проломы, дверь была выломана или прожжена. Приглядевшись, я увидела подобный же взлом и в другом цилиндре. Зачем обитателям города понадобилось крушить собственные машины, было совершенно непонятно.

Что в них держали? Может их использовали для перевозки продуктов в город, как во время уборки урожая в Эсткарпе в Эс отовсюду ползли телеги? Тогда в них может быть пища. Я сказала об этом Айлии.

— А вода? — хрипло спросила она. — Вода?

Я не думала, чтобы мог здесь храниться какой-либо запас воды, но решила произвести обыск. Мы должны найти воду как можно скорее, иначе у нас не хватит сил выйти из города.

Балкон, на котором мы стояли, не имел ступеней вниз. Пришлось прыгнуть. Айлия не пошла за мной, сказав, что останется на месте, а у меня, поскольку я уже была внизу, не было причин возвращаться, не осмотрев транспорт.

Я очень пожалела, что у меня не было факела: освещение было очень слабым. Но даже и при нём я заметила что-то, свисавшее из дыры в боку цилиндра. Это была цепочка, очень прочная, несмотря на малые размеры звеньев. Вдоль неё были сделаны петли, по которым можно было влезть. Правда петли были очень малы. Видимо тот, кто их делал, имел ноги гораздо меньше моих или подтягивался на руках. Но всё же кончики сапог туда можно было протиснуть.

Добравшись до пролома, я заглянула внутрь и чуть не потеряла равновесие. Ухватившись рукой за внутреннюю стенку, я словно включила в цилиндре свет.

Там было свалено множество ящиков с содранными или просто проломленными крышками. Но содержимое меня весьма разочаровало: в основном в них были металлические бруски и плитки. А там, где упал широкий контейнер, растеклась гнусно пахнущая лужа. Запах был так силён, хотя сама лужа почти высохла, что я побоялась оставаться дольше у отверстия. Видимо, тут была какая-то отравка, потому что моя голова уже кружилась, и появился кашель.

Как только я снова взялась за цепь, из глубины коридора вырвался такой яркий свет, что я чуть не ослепла и кое-как спустилась, отчаянно кашляя. Ещё одна вспышка. Теперь свет горел ровно, и я подумала, что грабители, видимо, ещё работают, прожигая себе путь в другой цилиндр. Такая настойчивость поисков показывала, что ищут они что-то очень важное для себя.

А что если это люди, которые тоже нуждаются в пище и воде? В конце концов Ворота в цитадели за много лет могли захватить не только нас с Айлией. Я так поддавалась этой жалкой надежде, что решила проследить за теми, кто пользовался огнём. Для этого надо было пройти вглубь помещения, оставив Айлию, но возвращаться к ней и объяснять — только потеря драгоценного времени.

Видимо, на мой мозг подействовали испарения, потому что все мои решения казались мне логичными и правильными. Я не вернулась к Айлии, а обогнула цилиндр, который перед тем осматривала, и стала пробираться к тому далёкому свету.

У меня, по крайней мере, хватило здравого смысла двигаться с осторожностью. Я старалась укрываться со всей ловкостью, какой научилась в Эскоре. Мне помогали слабое освещение и тени рядов транспортных машин.

Кашель мой прекратился, но жажда усилилась до крайности, и мне казалось, что я обязательно найду воду, как только доберусь до тех, кто вскрывал очередной цилиндр. Это была уже какая-то мания.

Наконец я подобралась к ним. Двое работавших висели на паутине лямок с каждой стороны цилиндра и следили за усилиями двух других на полу, которые направляли режущие лучи на металл, постепенно разрушая его. Одного взгляда на работавших было достаточно: это не те полумашины, какие я видела наверху. У них были обычные тела с руками и ногами.

Я осторожно смотрела, прикрывая глаза пальцами, и недоумевала, что это за огонь или свет, которым они пользуются, как орудием? Огонь я могла призвать силой своей воли, потому что он был частью природы и должен был прийти на зов колдуньи. Но тут было совсем другое — луч выходил из трубки, которую рабочий держал в руках, а трубка соединялась гибким рукавом с ящиком на полу.

Огонь погас. Люди на лямках придвинулись ближе и начали колотить брусьями по раскаленной двери, но металл только прогибался.

Но я за ними уже не следила. Один из тех, кто держал трубку, положил это странное орудие и подошёл к груде мешков. Там он взял маленький контейнер и поднёс его к губам. Он пил! Вода!

В этот момент я прошла бы мимо любого богатства знания, лишь бы взять то, что держал незнакомец. И я возьму это!

Он поставил контейнер и пошёл обратно к трубке. Когда он взял её и снова приготовился пустить луч, я побежала вдоль цилиндров. Работавшие были заняты своим делом и работали открыто, как будто вовсе не боялись враждебно настроенных наблюдателей, так что я не считала себя в опасности. Мой мир, моё будущее сузилось до этого контейнера. Я пробиралась прямо к нему, время от времени поглядывая на рабочих, но всё их внимание сосредоточилось на упрямом металле. Я схватила контейнер и поднесла его к губам.

Это была не чистая вода. Впрочем, может быть, в этом мире вода вообще имела кислый вкус, но она так освежила мой потрескавшийся рот и иссохшее горло, что я с трудом остановилась, сделав несколько глотков.

Со стороны работавших раздались крики, и я в ужасе обернулась, уверенная, что они увидели меня. Но нет: оказывается дверь в цилиндре поддалась, и висевшие на лямках люди отламывали её.

Я осторожно ощупывала мешки, которые они свалили здесь. Там было несколько свёртков — наверное, с едой — и я взяла два из них. Больше я не могла унести, потому что взяла ещё три контейнера с водой, судя по весу, почти полных. Два контейнера я повесила на лямке через плечо, а третий вместе со свёртками прижала к себе и двинулась обратно, к Айлии. Я была в выгодном положении относительно работавших, так что мы заметим, когда они уйдут. Если они нашей породы, более ранние жертвы Ворот, мы обязательно встретим их. Теперь, достав воду, я снова стала осторожной и не собиралась сдаваться любому рыскавшему по этому миру, пока не удостоверюсь, что это не враг.

Но когда я добралась до нашего входа, я не нашла там Айлии. Я не рискнула окликнуть её. Мой голос мог привлечь внимание работавшей группы. И я не была уверена, что смогу подняться на балкон со своим грузом.

Поэтому мне пришлось вернуться к лесенке из цепи, подняться и спуститься на покатый вонючий пол. Айлия не показывалась, а я торопилась, чтобы те люди не заметили пропажу воды и не выследили меня. На конце лест-

ницы был крючок. Я раскрутила цепь над головой и бросила так, чтобы крючок зацепился за балкон. Таким образом я смогла подняться туда и втащить за собой контейнеры, прикреплённые мной к нижнему концу лестницы.

Нагруженная припасами, я поспешно направилась в сторону шахты и быстро спустилась на её дно. Айлии не было и следа, но я была уверена, что она ушла этим путем.

Я огляделась вокруг, отыскивая свой мешок, но не нашла его. Пыльный пол был изборождён множеством следов, большим, чем могли бы оставить мы. Может, отряд взломщиков тоже пришёл отсюда? Но когда мы появились здесь, ничьих следов не было и впомине. И я пошла по проходу, по которому мы проникли сюда, назад, к дороге.

Здесь не жужжали стены и пол, как на верхних уровнях, так что я хорошо услышала звук впереди — не предупреждающий рёв транспорта, а крик, похожий на человеческий. Я едва удержалась, чтобы не окликнуть Айлию, но я подозревала, что она в опасности и лучше не делать опрометчивых поступков.

Я шла по пыльному проходу. Мне показалось, что впереди что-то движется. Я остановилась и прислушалась. Если кто-то идёт в мою сторону, мне придётся отступить, в противном же случае я пойду следом.

Затем в маленьком островке света я увидела Айлию. Её тащили две фигуры ниже её ростом, но я не смогла их разглядеть. Одно из этих созданий резко ударило Айлию по спине, так что она покачнулась, а они сразу встали вплотную к ней. Она шла на своих ногах, но как бы в бессознательном состоянии, полностью покорная, не сопротивляясь.

Это было почти у самого выхода, и через несколько секунд они уже вошли в туннель. Я побежала следом. Тяжёлые сосуды с водой били меня по рёбрам.

Выбежав в туннель, я остановилась в нерешительности. В какую сторону повели Айлию? Я прислушивалась и вглядывалась, но ничего не могла определить, и в конце концов решила, что они пошли в сторону, откуда мы пришли, то есть к началу туннеля. Те, кто живёт здесь, должны знать опасности дороги. Я пошла обратно, хотя очень боялась, как бы мои логические заключения не подвели меня.

Когда я наконец вышла из туннеля в ночь, я убедилась в разумности моего выбора. Я задела ногой какой-то предмет, и он выкатился в полосу лунного света. Это был свёрток, который я сразу узнала, поскольку делала его своими руками; в маленьком мешочке было завернуто немного лечебных трав Утты. Он не мог просто выпасть из мешка, когда мы здесь проходили, поскольку мешок был хорошо завязан, значит, кто-то открыл его здесь и выронил свёрток.

Я встала на колени и стала ощупывать землю кругом, но больше ничего не нашла. Во всяком случае, было ясно, что те, кто захватили Айлию, взяли и мешок и здесь его осматривали.

Мне показалось, что тёмные фигуры, которые вели Айлию, были похожи на рабочих в погребе. У них были явно человеческие тела, хотя и небольшие. Теперь, когда я имела время вспомнить и оценить увиденное, у меня сложилось впечатление, что у них были очень тонкие руки и ноги. Такими в Эскоре были фасы — с раздутыми телами и паучьими конечностями. Они так далеко отошли от человека, что ненавидели нас, тех, кто жил в другом мире над их туннелями и норами.

Может быть, фасы нашли путь через Ворота? Нет, эти употребляли огонь, как оружие, а фасы огня боялись.

Но куда же шли те, кого я выслеживаю? Свёрток лежал как раз за краем дороги, поворачивающей налево, как будто эти люди прошли между этой дорогой и следующей башней.

Земля была твёрдой, но на ней имелись наносы пепельного песка, и я тщательно искала хоть какой-нибудь намёк на след. И я нашла даже больше, чем надеялась. Здесь была другая дорога, более грубая, чем та, которая шла под башнями. Видимо, по ней проходил тяжёлый транспорт и оставил колеи, и на краях их я нашла отпечатки ног — отчётливые следы сапог Айлии и более мелкие и узкие, с остроконечными носками. Все следы указывали вперёд, и я пошла за ними.

Колея дошла до следующей дороги и пошла параллельно ей, в ту же сторону, откуда мы пришли к башням. Но эта часть местности была более неровной. Колея шла по холмам, а кое-где огибала их. Увидеть что-то вдали было

невозможно, оставалось только слушать, не раздастся ли какой-нибудь звук, указывающий, что я подхожу ближе.

Холмы стали выше, на них выступали скалы, но когда мне послышался шум, и я укрылась за утёсом, то почувствовала под руками шов. Приглядевшись, я поняла, что это не природные камни, а остатки построек, наполовину занесённых песком, похожим на золу.

Но думать об этом мне не пришлось, так как шум мне не померещился: это было шипение и мягкий хруст. Внизу проползала какая-то новая странная машина. По сравнению с быстроходными цилиндрами, это была неуклюжая, плохо сконструированная вещь, будто её выдумал совершенно другой тип разума.

У неё не было колёс, как у повозок в моём мире, а только громадные ободы-ленты, шедшие кругом. Их звенья крутились на прутьях, выходивших из корпуса-ящика. Если машина и везла водителя или пассажира, то они, видимо, могли находиться только в этом корпусе, где были прорезаны узкие вертикальные щели.

Машина шла тяжело, медленно, равномерно и проходила, как движущаяся крепость. Она шла к башням. Может, её послали взять тех, кто грабил склад транспорта?

Я прижалась к углу полузасыпанной песком стены и смотрела вслед машине, пока та не скрылась из виду.

Глава 11

Можно ли сказать, что такое «запах» Силы? Я знаю, что можно учуять запах зла Тьмы, хотя никогда и не могла определить, какими чувствами оно ощущается — физическими или духовными. Но это правда, в Эскоре я чувствовала места Тьмы, которых следовало избегать. Однако в этом мире нас всегда окружала едкая вонь, которая смогла полностью притупить мой, хотя и очень слабый, вновь приобретённый Дар. Как будто я, пройдя через Ворота, утратила право пользоваться тем, что могло быть моим щитом.

Теперь я могла рассчитывать только на свои человечес-

кие пять чувств, и для меня это было похоже на утрату половины зрения. Однако я всё ещё пыталась узнать, не могу ли я хоть на немного воспользоваться своими способностями. Поскольку Айлия тоже из моего мира, у меня оставалась слабая надежда на возможность мысленной связи между нами. В этом случае я могла бы узнать от неё, куда же её ведут, какие опасности разделяют нас, и даже, при очень хорошем мысленном контакте, взглянуть её глазами.

Это была почти безнадёжная затея, но я прижалась спиной к полуразрушенной стене и сосредоточилась на Айлии, мысленно рисуя её образ и добиваясь от неё ответа. Но...

Вот!

Изумлённая, я вскочила. Это же не мозг вапсалки, нет! Я коснулась, только слегка коснулась, края разума такой мощи, что даже столь мимолётный контакт буквально опустошил меня. Меня просто смахнули с дороги, потому что передача мысли шла в другом направлении.

Конечно, это не Айлия. Но можно ли быть уверенной, что тот мозг, кого я коснулась, был из моего мира и тоже облечён Силой? Правильно ли я предполагала, что через Ворота могли пройти и другие? Но...

Одна моя часть страстно желала возобновления контакта со своим, из своего мира, а другая предупреждала об осторожности. Я знала историю Эскора. Там немного говорилось о том, что Воротами часто пользовались Тёмные. А общение с Тёмной Силой для меня означало гибель, я легко могла стать её проводником.

Я не могла поверить, что те полулюди из города башен или те, которые ехали в движущейся крепости, были из Эскора. Мы никогда не делали машин. Мы ненавидели в колдерах то, что они были в какой-то степени полулюдьми, частью машин, которых они обслуживали. Колдуньи считали наш выбор правильным, потому что в последнем великом сражении в Горме сила мозга победила и уничтожила всех тех, кто объединился с металлом.

Но всё-таки здесь, где-то близко, был человек из моего мира. Я жаждала найти его, но не решалась, понимая, что необходимо разузнать о нём побольше.

Колея, оставленная той странной повозкой, была ясно

видна в лунном свете, но звуки уже растворились вдали. По этой дороге увезли Айлию, и я должна следовать за ней. Я выпила немного воды, спустилась вниз и пошла по колее.

Всё чаще попадались остатки строений. Стало ясно, что когда-то здесь был город, совсем другой, не похожий на башенный, но столь же большой и значительный.

Колея прошла между высокими стенами и вдруг вышла на открытое пространство вроде громадного кратера или котлована, уходящего глубоко в землю. Здесь уже не было никаких остатков зданий, зато встречались места, покрытые каким-то стеклянистым материалом, и колея огибала их, как будто звенья не могли пройти по такой гладкой поверхности. Колея вела к центру кратера, где зияло чёрное отверстие, вроде входа в шахту, какую мы наши в башне города, но шириной с основание башни.

Спрятаться здесь было решительно негде. Если я пойду к шахте при лунном свете, меня заметят с тем же успехом, как если бы я протрубила в рог у ворот замка. Но ведь Айлия наверняка ушла в эту чёрную дыру. На мне лежала тяжкая ответственность за Айлию, ведь именно я была виновна в какой-то мере во всех её несчастьях, и я должна теперь освободить её, если только смогу.

Я снова отступила в тень к последней разрушенной стене, прикрыла глаза ладонью левой руки, а правой коснулась жезла на своём поясе. У меня не было другого предмета, обладавшего Силой. Может, жезл добавит хоть что-то к моим ограниченным силам?

Я вновь представила себе Айлию и мой разум устремился на её поиски.

Я встретила пустоту. Но я теперь узнала эту пустоту и опять была поражена — кто-то, несравненно более могущественный, чем я, опередил меня. Мозг Айлии был блокирован. Я попыталась очень осторожно, как бы лёгким прикосновением пальцев, найти блокирующий её мозг источник, но нащупала совершенно не то, на что рассчитывала — что-то абсолютно чуждое всему, что я знала.

Машина, обладающая Силой? Этого не может быть! Сила несовместима и всегда противостояла машинам. Колдунья может при необходимости воспользоваться обычными стальными орудиями и оружием, как это иной

раз делала моя мать, но в основном они пользуются Силой. Ведь даже такое оружие, как арбалет, и то требует тщательной подготовки мысленного рисунка. Мы не имеем дел с машинами.

Однако моё прикосновение сообщило мне, что мозг Айлии заблокирован с помощью машины. Неужели знания Эскора смешались тут с местными и произвели такой чудовищный гибрид?

Было бы полным безумием войти в эту дыру впереди, не зная с чем придётся встретиться, но и бросить Айлию я тоже не могла, и теперь не знала, что же делать. Такое состояние было настолько чуждым моей природе, что я стала лёгкой жертвой того, что последовало дальше, ведь эти колебания так разбредили мой разум, что я оказалась неподготовленной и беззащитной.

Присутствие чуждой Силы было столь мощным, что я не смогла спрятаться от неё. У меня создалось впечатление удара от встречной ищущей мысли. И после небольшого затишья раздался призыв такой великий, что меня буквально вытянуло из углубления, в котором я пряталась, на открытое место и потащило к зияющему жерлу шахты. Меня нёс поток, подобный тому, что мы испытали в зале крепости, правда, на этот раз гораздо сильнее.

Преодолев замешательство, я начала сопротивляться изо всех сил, хотя и безрезультатно. И тут, к своему великому ужасу, я почувствовала, что то, что тащило меня, обладает некими эмоциями, выказывая явные торжество и нетерпение захватить меня до конца, а я уже полностью утратила собственную волю и не могла больше противиться этой Силе.

Так я подошла к отверстию и увидела чуть ниже края какую-то платформу. Возможно, она ожидала возвращения повозки с грузом, чтобы спустить её в бездну. Внизу я ничего не разглядела, и мне показалось, что этот колодец, глубиной в перевёрнутую башню, идёт до самого центра земли.

За ожидавшей платформой виднелось начало лестницы, укреплённой на стене шахты. Я всё ещё пыталась бороться с принуждением, тащившим меня к лестнице, но не было никакой возможности освободиться, и я начала спускаться в бездну.

Я быстро обнаружила, что ни в коем случае нельзя

смотреть вниз, а только на стену, чтобы избежать головокружения.

Время исчезло, мне казалось, что я спускаюсь целые часы, если не дни. Стена была то гладкой, то каменистой, хотя и ровной. Свет луны не доходил сюда, и я спускалась медленно, ногой ощупывая каждую ступеньку, но то, что тянуло меня, не ослабевало.

Наконец я почувствовала под ногами твёрдую почву. Дрожа от усталости, я прислонилась к стене, не решаясь отойти от неё, потому что она давала мне чувство относительной безопасности, если только в таком месте могла быть какая-либо безопасность. Но выбора не было — давление на меня не прекращалось, а воля по-прежнему была парализована.

Я пошла вдоль стены, держась за неё рукой и осторожно переставляя ноги. Через какое-то время моя рука провалилась в пустоту. Поток тащил меня именно в это отверстие. Там я тоже первым делом отчаянно вцепилась в стену и пошла вдоль неё, волоча ноги по полу, опасаясь попасть в ловушку. И действительно, коридор внезапно оборвался колодцем.

После первого удара чуждой Силы, захватившей меня, я не могла отделаться от ощущения стремительного потока, тащившего меня куда-то и полностью игнорировавшего мою волю. Мне так хотелось выяснить наконец, что за личность стоит за этим, и кто подстроил мне эту ловушку, в которую я каким-то чудом не попала. Но я боялась открытого контакта. Мы знаем, что маг может сделать с более слабой колдуньей, и такая зависимость хуже всего, хуже всякого рабства тела. Я бежала из Эскора от такой зависимости, а попасть в неё здесь — это значит пропасть навеки.

Впереди раздался слабый свист, а затем появилась полоса света. Я подошла к открывшейся двери и вошла. Как только я вступила в свет, принуждение исчезло, и я освободилась, но у меня не было времени воспользоваться передышкой, потому что, как только я захотела отступить, дверные створки сошлись, оставив меня в узкой щели, в которой я едва могла пошевелиться. И я стояла, страстно мечтая хоть о каком-нибудь оружии.

Я оказалась на балконе сбоку довольно большого помещения. Передо мной развернулась сцена, которую я не

сразу поняла. Там был экран, и на нём то вспыхивали, то гасли огоньки света, пробегая по неразличимому узору. Слышалось какое-то звяканье.

Экран разделял пространство внизу на две части, и был ещё проход с низкой стеной, шедшей от какой-то точки непосредственно под балконом, на котором я стояла, к узкой арке под экраном. С каждой стороны этой стены имелись отделения вроде отсеков с перегородками на высоте плеча. Некоторые из них были заняты. Взглянув на этих обитателей, я в панике отпрянула к двери. Мне казалось, что у фигур на складе и у тех, которые вели Айлию, были несколько необычные очертания, но вполне человеческие, теперь же я увидела их при полном освещении и поняла, что это пародия на человека, что они гораздо хуже чудовищ Эскора. Исчезла моя последняя надежда, что я найду здесь своих, тоже захваченных Воротами.

Они были малорослы, с отталкивающей мертвенно-бледной серой кожей. У полулюдей в башнях головы оканчивались металлом шлемов, а у этих слегка покрывались желтовато-белесыми прядями волос, между которыми проходили грязно-красные пятна, похожие на струпья. Их одежда так туго прилегала к телам, что выглядела почти второй кожей. Она тоже была серой, хотя и темнее тела. Тонкие скелетообразные руки, высовывавшиеся из рукавов, казались бледными клешнями с ногтями.

Я заставила себя снова шагнуть вперёд и ещё раз посмотреть на них. Лица у монстров были до удивления одинаковы, как копии с одной модели, и различались только морщинистыми рубцами или грубыми оспинами.

Двигались они медленно и неуклюже, если вообще двигались. Большая часть их лежала на узких койках в своих индивидуальных каморках, некоторые сидели, тупо уставившись на низкие стены, и словно ждали приказа, которого их тупой разум не мог понять, но который следовало выполнить. Двое ели, доставая пальцами из мисок что-то зеленоватое. По общим очертаниям это были люди, но стоявшие ниже животных моего мира.

Внезапно на экране вспыхнул некий символ, одновременно с которым раздался сигнал. Лежавшие на койках поднялись и встали возле своих дверей. Едоки уронили миски и тоже подошли к дверям.

Но лишь немногие вышли из своих комнатушек, выст-

роились в проходе и прошли под тем местом, где стояла я. Остальные остались на месте, не выражая никакого нетерпения или недовольства, что их оторвали от еды или отдыха.

Символ на экране снова растаял в бегущем свете, и я задумалась над своим непосредственным будущим. Было совершенно ясно, что мне не пробиться через дверь позади, теперь плотно закрытую.

Ни в одной из камер внизу Айлии не было. Оставалась часть зала за светящимся экраном. Я не знала, что там, и что за выходом под моим балконом, куда ушли серые люди. Увидит ли кто из оставшихся, если я спущусь вниз? Я не решалась сделать это и в то же время боялась коснуться мозга Айлии.

Но мне не дали времени на размышление. Если меня привело сюда что-то вроде приуждения в разуме, то теперь были приняты другие меры воздействия со стороны правителя этой подземной страны. Без всяких предупреждений я была скована чем-то, что никак не поддавалось моим попыткам освободиться. Я могла только моргать глазами, а всё тело обратилось в камень, как в детских сказках.

Пленённая этой неизвестной мне силой, я могла лишь смотреть, как четверо ожидавших приказа внизу повернулись и прошли опять-таки под балкон, но не исчезли там, а поднялись ко мне на платформе. Один прицелился в меня из какого-то орудия наподобие арбалета. Цепи, сдерживавшие мои ноги, исчезли, и я смогла двигаться. Они провели меня на платформу и спустили вниз, напротив экрана.

Зрелище этого экрана отсюда, а не сверху, внушало страх. Он был полностью чужд мне, однако вокруг него витало что-то знакомое — Сила, подобная Силе колдуньи, но она направлялась не на меня и не участвовала в моей доставке сюда.

В сопровождении стражей я прошла через арку экрана. Тут не было камер, а только помост с четырьмя ступенями. Вокруг помоста стояли небольшие экраны, из которых только два светились. Перед каждым экраном была установлена наклонная панель со множеством кнопок и маленьких рычажков. Я с растущей тревогой вспоминала рассказы о силах колдеров.

Перед каждой панелью было сиденье. Люди в сером сидели перед освещёнными экранами, положив руки на панели, готовые в любой момент нажать кнопки, если понадобится.

А на самом помосте стояло нечто, сразу же привлекавшее моё внимание: высокий, колоннообразный прозрачный кристалл, и в самой его середине стоял человек из Эскора. Я его сразу узнала! Это был не просто представитель древней расы, он был тем магом, которого я видела во сне, который открыл Врата.

Он был похоронен, но не мёртв! Из вершины кристалла тянулись вверх серебряные нити, всё время трепетавшие и кружившиеся. В глазах человека я увидела жестокий блеск, страшное по интенсивности требование, сила этих глаз завораживала меня. В эти несколько секунд он попытался сломить меня, подчинить своей воле. Я поняла, что представляю для него ключ к освобождению, и что он привёл меня сюда только ради этого.

Возможно, он и добился бы своего, если бы я сразу уступила его требованию, но моим ответом было почти автоматическое сопротивление. Никто из моего рода не подчинялся силе, любое насилие вызывало одно лишь противодействие. Если бы он просил, вместо того, чтобы применять силу... Но его нужда была слишком велика, и он не мог просить, когда всё живое вне его хрустальных стен, по его мнению, объединилось с врагом.

Серебряные нити дико метались, когда он пытался сделать из меня рабыню, вещь. Тут я услышала изумлённый вскрик. От одной из панелей поднялся человек и наклонился вперёд, вглядываясь в пленника в кристалле, а затем взглянул на меня. Изумление в его лице быстро перешло в возбуждение, а потом в удовлетворение.

Он в той же степени отличался от серых людей, как и я, но он был не из древней расы, и не обладал Силой. Это я увидела с первого взгляда. Хотя в лице его читались жизнь и разум, вместе с этим в нём чувствовалась такая отчуждённость, что не оставалось сомнений, что он не был человеком, а только казался им.

Он был на голову выше своих слуг, тощий, но не скелетоподобный, как они. Ни лицо, ни руки его не были серыми, но на нём была такая же серая, плотно прилегаю-

щая одежда, как и у слуг, отличавшаяся лишь замысловатым гербом на груди, выполненном в жёлтом, красном и зелёном цветах. Волосы были блестяще-жёлтыми, густыми и довольно длинными. Они были зачесаны назад за уши и достигали плеч. Это были волосы салкара, но по его лицу я видела, что это не морской разбойник, прошедший через Ворота: его черты были резкими, угловатыми, а широкий, торчавший вперёд нос придавал ему сходство с птичьей маской, какие носили в сражениях фальконеры.

— Женщина!..

Он коснулся кнопки на панели, подошёл ко мне и, упреив руки в бёдра, стал разглядывать меня сверху донизу с таким наглым высокомерием, что я разозлилась.

— Женщина! — повторил он, затем глянул на пленника и опять на меня, но уже не удивлённо, а задумчиво. — Не такая, как та...

Он махнул рукой в сторону другого края помоста. Я не могла повернуть голову, так что заметила только край плаща. Это был плащ Айлии. Она не шевелилась, и я подумала, что её удерживает та же сила, что и меня.

— Итак? — обратился он к пленнику. — Ты, значит, хотел воспользоваться ею? Однако ты не пытался сделать это с другой. Какая же разница между ними?

Человек в кристалле даже не взглянул на него, но я почувствовала глубокую ненависть, волной хлынувшую из его тюрьмы. Ненависть эта замораживала, а не жгла. Такую ненависть я иногда чувствовала у своих братьев, но она не была всё же такой неистовой.

Его захватчик обошёл вокруг меня. Я не могла даже повернуть голову, чтобы видеть его: но хорошо знала, что он не может сразу обнаружить Силу, как обнаружил её пленник, поскольку сам он был лишён этого дара. Эта мысль пробудила во мне искру надежды, хотя, видя пленника, я мало на что могла надеяться. Как он признал во мне колдунью, так и я признала в нём больше чем колдуна-мага, каких больше не существовало в Эскоре и никогда не было в Эскарпе, где колдуньи тщательно контролировали все знания, оставшиеся как раз от таких безрассудных искателей запретного.

— Женщина, — повторил чужак в третий раз, — и ты на неё рассчитывал. Похоже, она нечто большее, чем кажется.

ся, хотя по виду и не скажешь. Если она окажется хоть чуточку равной тебе, мой недруг, то сегодня поистине ночь удачи, и счастье улыбнулось мне!

Он кивнул стражникам, и те окружили меня, хотя и не подошли вплотную. Видимо, существовал какой-то барьер.

— А теперь мы поместим тебя в безопасное место, де-вушка, пока не настанет время заняться решением твоей загадки.

Стражники оттеснили меня по ступеням, пока я не оказалась в противоположном от входа конце комнаты, позади пленника в кристалле, так что мы больше не видели друг друга. Затем стражники остановились, и из пола поднялись четыре хрустальных бруса, каждый толщиной в моё запястье. Они поднялись выше моей головы и запылали. Сила, удерживавшая меня, исчезла, но, протянув руку, я убедилась, что между брусьями существует невидимая преграда — прозрачная стена, и я заперта внутри этой клетки.

Это было как комната, где можно было сесть. Что я и сделала, немедленно принявшись оглядываться, стараясь выяснить всё, что можно, об этом месте, хотя пока и не знала, зачем мне это.

Теперь я могла видеть Айлию. Она лежала — спала или без сознания — на второй ступеньке помоста. Голова её была повернута в другую сторону, но я видела, как поднимается и опускается её грудь. Значит, жива.

Мне тоже очень хотелось спать. Как только я села, всё напряжение и усталость долгих часов, проведённых в этом мире, навалилось на меня, как мягкое покрывало, и оставалось только расслабить мозг и тело. Но сначала я сосредоточилась и выставила некую стражу, которая предупредит меня при новых попытках того, кто стоял в столбе, подавить моё волю. Сделав это, я опустила голову на колени.

В ладонях я незаметно держала жезл, взятый в Эскоре. Если жезл принадлежал человеку в кристалле, он мог почувствовать его, когда я пришла, и пожелать его отобрать. Но как он доберётся до жезла через прозрачные стены? Этот человек представлял для нашего захватчика явную ценность. Вполне возможно, что и я тоже. Эту

мысль я поспешила отогнать, потому что сейчас мне надо было поспать, чтобы утром быть бодрой, решительной и иметь ясный ум.

Глава 12

Я спала и видела сон. Это не было сновидение, вторгающееся помимо воли, не грубый приказ к повиновению: словно рука скользнула в мою руку и повела меня в укромное место, где можно было спокойно повести мысленную беседу, не опасаясь быть подслушанными. Это место было не в нашем мире, и я стояла лицом к лицу с пленником кристалла. Он каким-то образом оказался моложе, более уязвимым, но он был полностью погружён в свою ненависть и решимость сжечь свои оковы и вернуться в мир, дабы удовлетворить жажду мести. Он не был таким, каким я видела его раньше.

Я уже знала, что он маг, причём настолько же выше колдуний Эсткарпа, насколько я была выше Айлии в своей Силе. Теперь я узнала его имя — разумеется, не настоящее, которое древний закон запрещает называть, — Хилэриэн. Когда-то он сотворил Ворота, потому что его дух познания толкал его к новым знаниям, и, открыв их, он прошёл посмотреть, что находится за ними. Он прошёл, самоуверенный, гордый своей силой — слишком самоуверенный, поскольку за долгие годы своего превосходства в своей сфере он отвык от осторожности.

Таким образом он был захвачен в паутину, сотканную не его наукой — та не задержала бы его ни на одну секунду — а рождённую машиной или каким-то другим видом Силы, которого он не понимал. Власть эта была сильна и сделала его частью себя, как те полулюди в городе башен были сплавом машины и плоти.

Между башнями и подземельем шла давняя война. Похоже, теперешние обитатели башен не совершали открытых нападений на подземелье, но серые люди, по приказу своего хозяина, предпринимали набеги в города и приносили оттуда нужные припасы. Эта жизнь набегов и сражений длилась несчётные годы, задолго до захвата Хилэриэна, а он попал в эту ловушку уже очень давно. Это я хорошо понимала, потому что дни магов Эскора давно прошли, может быть, тысячу лет назад.

Машины здесь были установлены тысячелетие назад в связи с великой войной и продолжали функционировать, хотя мир на поверхности был полностью уничтожен, остались только башни. Когда сюда попал Хилэриэн, эти механизмы с его пленением обрели новую жизнь благодаря его Силе, так как он в какой-то мере управлял ими, хотя в свою очередь сам был под контролем Зандора, бывшего здешним хозяином по сведениям обитателей этого мира всегда. Услышав это, я усомнилась, что человек может жить так долго.

— Но ведь он не настоящий человек, — возразил Хилэриэн.— Возможно, когда-то он и был им. Он научился выращивать новые тела и переселяться в них, когда старое тело изнашивалось. А машины сплели вокруг него такую защиту, что я не мог добраться до него никаким импульсом. Теперь он скоро узнает, что ты одной природы со мной и запрет и тебя тоже, чтобы добавить силы его машинам.

— Нет!

— Я тоже говорил «нет», однако не смог устоять против его «да». Но вместе с тобой мы сможем. Мне нужно только освободиться из кристалла, который нейтрализует всё, что я посылаю против Зандора, и тогда посмотрим, кто сильнее, — человек или машина. Теперь я знаю эти машины, все их проблемы и изношенность, знаю, как их атаковать. Освободи меня, колдунья, дай мне свою силу, и мы оба добьёмся свободы. Если же ты откажешь мне в помощи, ты будешь заключена, как и я, на вечные времена.

— Но я уже заключена, — осторожно заметила я. Аргументы Хилэриэна были хорошо обоснованы, но я не забыла, что он сначала захотел сделать из меня не союзника, а только орудие.

Он моментально прочел мои мысли и ответил:

— Подобное положение делает человека нетерпеливым, и если этот человек видит перед собой ключ от своей тюрьмы и вроде бы легко может взять его, разве он не протянет руку, чтобы схватить этот ключ? Ты принесла сюда мою вещь. В моих руках он будет ценнее любого меча.

— Жезл?

— Да. Это мой жезл, и я уже не надеялся увидеть его

снова. Тебе он ни к чему, а мне он даст Силу, отнятую в этом мире.

— А как ты его возьмёшь? Не думаю, что твой кристалл легко сломать.

— Он выглядит крепким, но это видимое силовое поле. Поднеси к нему жезл...

— Значит, я также могу освободиться?

— Нет! Ты же знаешь природу подобных жезлов. Они повинуются только тому, кто их создал, а в руках другого они ничто. Это не твой ключ, а мой!

Он говорил правду, но я теперь была пленницей, и его жезл был так же далёк от него, как если бы он тоже был заключён в кристалл.

— Но... — Не знаю, что он хотел сказать, но внезапно он исчез из моего сна, и я осталась одна. Спала ли я дальше или нет — не знаю — но когда я открыла глаза, всё оставалось по-прежнему. Я видела сияющий столб и спину Хилэриэна. Но кое-что изменилось, серебряные нити, выходившие из вершины столба, ритмично покачивались, и я заметила световые вспышки на тех экранах, которые ранее были тёмными, когда я засыпала. Теперь перед всеми ними сидели серые люди, а вокруг помоста, останавливаясь перед экранами, словно он читал вспышки как руны, вышагивал Зандор. Серые люди работали автоматически, не отвлекаясь ни на что.

Раздался глухой щелчок. Зандор повернул голову к большому экрану, отгораживавшему эту часть помещения от камер серых людей. По поверхности экрана пробежала рябь света. Искры вспыхивали, гасли и снова вспыхивали.

Зандор изучил рисунок вспышек, а затем подбежал к свободному сидению у одного из маленьких экранов. Его пальцы быстро пробежали по кнопкам, и я тут же почувствовала такой удар, словно меня хлестнули по голому телу бичом. Это уже был не сон. Это был приказ или дисциплинарное взыскание, данное Хилэриэну, и я также почувствовала его, только в меньшей степени.

Вот, значит, каким образом Зандор заставил своего пленника исполнять свои желания! Но об этом Хилэриэн мне не сказал. Я удивилась силе духа этого человека, так долго выдержавшего в таких условиях.

Конечно, есть средства, с помощью которых мозг мо-

жет отвести боль и телесные нужды. Мы рано начали их изучать, потому что, если человек хочет пользоваться Силой, он должен иметь жёсткий самоконтроль. Хилэриэн мог призвать эти средства для своей защиты, если только машина, полностью чуждая нашей природе, не имела возможности уничтожить их. Я думаю, частично так оно и было.

Я должна, как могу, помочь Хилэриэну, и не только из жалости, хотя она и проснулась во мне, но и потому, что меня тоже станут подвергать тем же приказам и пыткам. Я повертела в руках жезл. Хилэриэн предупредил, что мне жезл не поможет, но пока у меня не было даже слабого шанса передать жезл ему. Я была уверена, что когда Зандор поймёт, кто я такая, он, конечно, позаботится ограничить мою свободу.

Оставалась Айлия. Я бросила взгляд на неё. Может ли Зандор уловить посланную ей мысль? Я с почтением относилась к здешним машинам, в основном потому, что ничего в них не понимала. Есть ли среди них такие, что могут перехватить мысленное послание и предупредить об этом хозяина? Посыл мысли был частью моего Дара, полученного обратно не в полной мере, так что я вынуждена была полагаться лишь на его жалкие остатки.

Если только Айлия не заключена в такую же невидимую камеру, она, наверное, будет способна воспринять мои приказы. Именно то, что она без сознания, может сыграть в мою пользу. Галлюцинации и сны всегда были для колдуний главными путями влияния на других людей. Вопрос в том — смогу ли я работать с Айлией, и не перехватят ли мой мысленный посыл?

Насколько я могла видеть, Зандор полностью погрузился в происходящее на экранах. Девушка-вапсалка всё ещё лежала на том же месте, только теперь она повернулась ко мне. Положив голову на руку, она спала естественным сном.

Я начала медленно осматривать вокруг себя комнату, часть за частью. Это был традиционный метод контроля мысли, и я пошла по этому пути, как шла по тёмному коридору, проверяя свои знания, как проверяют ногой рытвины. Такое упражнение мне было известно с давних пор, но я никогда ещё не выполняла его с такой неуверенностью. Результаты зависят от восприимчивости того, кто

находится под твоим влиянием. И в Эсткарпе не было таких условий, какие окружали меня здесь. Я не могла даже коснуться кристалла, в который был заключён Хилэриэн, потому что это тотчас станет известно Зандору.

Я прикрыла глаза, глядя, как меня учили — не на всё, а только на тело Айлии. Мысленный образ не требовался, она сама была передо мной. Я начала искать подходы к её мозгу. За ней, похоже, никто не следил, но это могла быть и просто хитрость. Напряжение было очень велико, и я собрала всю свою искалеченную Силу!

— Айлия! — посылала я мысленный оклик.

Я много раз видела терпеливых рыболовов, забрасывающих удочку, вытаскивающих её, снова бросающих — и всё без результата. Теперь так было со мной. Я жестоко боролась с подступающим отчаянием, ощущением, что во мне больше нет силы для того, что было когда-то пустяковым упражнением.

— Айлия! — Нет, я не могла коснуться её. То ли не хватало силы, то ли что-то препятствовало моим поискам.

Но если так, то каким же образом Хилэриэну удалось послать мне сон? Или это было галлюцинацией, навеянной Зандором?

Не все маги могут ходить в страну Тьмы, но многие. Но можно ли считать Зандора принадлежащим к Тёмным Силам? Я колебалась, я терялась и сознавала горечь своего провала.

Я отступила и вновь принялась размышлять. Пленённый маг использовался Зандором как часть этих машин. Для такой работы необходим мысленный контакт, поскольку тело его было заключено в кристалл. Серые люди нажимали кнопки не размышляя, не понимая смысла своей работы. Следовательно, где-то здесь была энергия, родственная нашей Силе и могущая связывать Хилэриэна с машинами. Так может быть, я смогу частично объединить свою Силу со здешней и получить поддержку для передачи моего мысленного посыла?

Правда, это грозило опасностью. Такое прикосновение может притянуть меня, как сталь к магниту. Пожалуй, придётся попросить Хилэриэна помочь мне Силой. Интересно, нуждается ли Зандор во сне, или его синтетичес-

кое тело не знает усталости? Наступает ли время, когда его энергия истощается? Если да, то скоро ли это будет? Ведь Зандор может вспомнить о своей второй пленнице и заняться мною!

Я оглянулась и увидела, что за то время, что я сосредотачивалась на Айлии, в помещении опять произошли перемены. Дополнительные экраны потемнели, сидения перед ними опустели.

Зандор стоял перед Хилэриэном и смотрел на него с удовлетворённой улыбкой. Он заговорил, и его низкий голос донёсся до меня.

— Неплохо получилось, мой недруг. Пусть и не своей волей, но ты добавил кое-что к нашим достижениям. Не думаю, что люди в башнях захотят попробовать снова. Они не любят потерь. — Он медленно покачал головой. — Мы работаем лучше, чем предполагали сначала, когда обосновались здесь. Тогда у нас были машины только для развития наших рук, глаз и мозга. Теперь у нас есть большее. Но те люди всё ещё правят!

Лицо его исказилось, как будто его терзала внутренняя боль.

— И так будет продолжаться, пока стоят башни! Они сработали хуже, чем предполагали, эти строители башен, когда сделали себя машинами. А мы теперь умеем управлять машинами! — Он ударил кулаком по ладони другой руки. — Человек существует, человек останется!

«Человек, — подумала я, — он говорит о себе, а Хилэриэн сказал, что Зандор не человек в том смысле, в каком мы это понимаем. Может, он имеет в виду серых людей, действующих по его приказу и не имеющих ни собственной воли, ни мозга? Он говорит, как человек, сражающийся за правое дело, как говорили мы в Эскоре о Тьме, как говорили в Эсткарпе при упоминании Карстена или Алисона.»

Во всех войнах имеется западня, которой лишь немногие могут избежать. Стоит лишь объявить, что пришло время, когда для бойцов все средства хороши. Так было, когда колдуньи вспенили горы и положили конец вторжению Карстена, но и заплатили за это дорогой ценой — отдали свои жизни. Они ступили на слишком узкую тропу и не смогли перешагнуть. Они призвали Силу для этого взрыва, но не смогли договориться со Тьмой.

Здесь могло случиться иначе. Возможно, вначале Зандор был таким же как мой отец и братья, но затем вступил на путь Динзиля, оболочённый мыслью о победе, в которой он так нуждался, или запахом Власти, который становился всё привлекательней по мере того, как Зандор пользовался ею. Вероятно, он всё ещё обманывал себя тем, что действует ради высокой цели, и эти действия становились всё более страшными.

— Человек останется, — повторил он. — Человек будет здесь! — Он вздернул голову и посмотрел на Хилэриэна.

Серебряные проволоочки теперь мягко обвисли, совершенно безжизненные, и если у Хилэриэна и был ответ, он не высказал его.

В первый раз мне пришла в голову новая мысль: каким образом я понимаю речь Зандора? Ведь это не язык древней расы, и даже не тот искажённый, как в Эскоре, и не язык салкаров. Как это получается? Здесь другой мир — разве что Зандор тоже прошёл через Ворота?

Видимо, это какая-то магия машин. Они улавливают слова и переводят их для нас. А что машины не могут делать? Теперь я вернулась к своему плану. Энергия машин связана с Хилэриэном. Мне она нужна.

Но время! Мне нужно время! Зандор подошёл ко мне. К счастью, я не изменила позы. Может я смогу обмануть его, притвориться спящей? Даже такой маленький обман может оказаться выгодным для меня. Если он ничего не скажет... Так и случилось.

Я закрыла глаза и слушала приближающиеся шаги. Кажется, он остановился и смотрел на меня. Я напряжённо ждала слова, которое положит конец той малой свободе, которая ещё оставалась у меня.

Но он не сказал ничего, и через некоторое время я услышала удалявшиеся шаги. Я сосчитала до пятидесяти, потом ещё до пятидесяти — для гарантии — и открыла глаза. Он ушёл. Только один серый человек стоял перед освещённым экраном. Все остальные экраны были тёмными, и, насколько я могла видеть, в комнате не было больше никого.

Хилэриэн? Нет, к Хилэриэну нельзя обращаться. Прикосновение к его мозгу может быть обнаружено, а я не вполне представляла, как вести мысленный поиск, кроме того, как тогда, когда связывалась с братьями.

Были полосы связи, отчётливо представляемые как светлые ленты, лежащие горизонтально от края до края. Коснуться их — это вроде поиска. Мой брат Кайлан всегда умел найти такие полосы у животных и пользовался ими, но я никогда не искала никаких других, кроме хорошо известных. Теперь я должна установить верхнюю и нижнюю границы, чтобы выиграть время, которого у меня, наверное, мало. Для точного отсчёта я выбрала старую, хорошо известную мне точку моих братьев.

Может быть, я вскрикнула, не знаю, но во всяком случае, серый человек не повернул головы: я на миг коснулась такого отчётливого и громкого зова, что вздрогнула и сбила прикосновение, как в тот раз, когда Хилэриэн коснулся моего мозга.

Кто это? Кайлан? Кимок? Однажды Кимок последовал за мной в ужасы неизвестного мира, куда более чуждого нам, чем этот. Неужели он потянулся за мной снова?

— Кимок! — окликнула я.

— Кто ты? — Вопрос был таким резким, что отозвался в моём мозгу, как будто прозвучал наяву.

— Каттея, — ответила я сразу, не думая. — Кимок, это ты?

С одной стороны я страстно желала ответа «да», а с другой — боялась этого. Добавить к своему грузу ещё тревогу за брата — это больше, чем я смогу вынести.

Ответ пришёл не словами, а изображением. Я увидела, как в окно, комнату с каменными стенами, мрачную и тёмную. На пьедестале стояла каменная чаша, в которой горела горсточка углей, чуть освещая часть комнаты вокруг чаши. В освещённом участке стояла женщина в одежде для верховой езды древней расы — тёмные брюки и куртка тёмного тускло-зелёного цвета, волосы были туго заплетены в косы. Я не сразу увидела её лицо: оно было повернуто к огню. Затем женщина повернулась ко мне. Глаза её широко раскрылись, и её изумление, наверное, превзошло моё.

— Джелит!

Моя мать! Но каким образом здесь?! С нашей последней встречи прошло уже так много лет, с тех пор как она уехала искать моего отца и пропала, но время не коснулось её. Она была такая же, как и тогда, хотя я стала уже

взрослой женщиной. Я увидела, что её не смущает перемена во мне, и что она узнала меня в ту же минуту, как увидела.

— Каттея! — Она шагнула ко мне, протягивая руки, словно мы могли коснуться друг друга пальцами через пространство. Затем её лицо стало серьёзным, и она быстро спросила: — Где ты?

— Не знаю. Я прошла через Ворота...

Она сделала жест поднятой рукой, словно отмахиваясь от несущественных деталей.

— Понятно. Опиши мне, где ты.

Я это сделала, рассказав всё как можно короче. Когда я закончила, она вздохнула как бы с облегчением.

— Это очень хорошо. По крайней мере, мы в одном мире. Теперь скажи: ты искала, думала о нас?

— Нет. Я не знала, что ты здесь. — Я быстро рассказала, что собиралась сделать.

— Значит, маг, создавший Ворота, в плену! — Она задумалась. — Похоже, дочка, тебе повезло наткнуться на возможность спасти нас всех. Твой план воспользоваться девушкой вполне разумен, но тебе понадобится помощь со стороны, это тоже ясно. Посмотрим, что можно сделать. — Она мысленно позвала: — Симон, иди скорее сюда!

Затем она снова обратила всё внимание на меня.

— Покажи мне эту девушку твоими глазами... и комнату тоже...

Я сделала для неё то, что она хотела: я отказалась от своей воли, чтобы разум моей матери соединился с моим, и она видела бы всё то, что вижу я. Помогая ей, я медленно поворачивала голову.

— Это колдеры? — спросила я.

— Нет, но похожи. Я думаю, что этот мир когда-то был близок к миру колдеров, и кое-что от их Власти перешло сюда. Но сейчас это несущественно. Я знаю вход в нору, где ты находишься. Мы придём по возможности быстро. До тех пор не связывайся со мной без большой необходимости. Но если этот Зандор займётся работой над тобой, как и над Хилэриэном, немедленно вызывай меня.

— А как насчёт Айлии?

— Ты совершенно права: она может стать для нас ключом свободы, но пока мы не можем ею заниматься. У нас нет времени. Самое главное — маг. Он знает Ворота, они

его творение и будут подчиняться ему. Нам необходимы эти Ворота, если мы хотим вернуться в Эскор.

Она неожиданно улыбнулась.

— Время, видно, бежало для тебя быстрее, дочка, чем для нас. Вижу, что я родила как раз такую, о какой мечтала: дочь моего разума, как и моего тела. Будь осторожна, Каттея, и внимательна, не упускай ни одного шанса, который может послужить спасением для нас всех. Сейчас я отключаюсь, но если понадобится, зови немедленно!

Окно в каменном помещении исчезло, а я стала размышлять, как мои родители оказались здесь. Она говорила с отцом, как будто он был на некотором расстоянии от неё, а не в другом мире. Может, он прошёл через другие Ворота в этот мир, а она последовала за ним? Если так, значит, те Ворота тоже захлопнулись за ними.

Это вернуло меня к Хилэриэну. Мать сказала, что сотворённые им Ворота должны подчиниться ему. Значит, мы должны освободить его, чтобы тоже вернуться в свой мир. Но время... Друг оно нам или враг? Я порылась в плаще и достала свёрток с едой, похищенной у серых людей. Это был какой-то тёмно-коричневый брусок, ломавшийся в пальцах. Я понюхала его: запах странный, но не противный. Во всяком случае это была моя единственная пища, а я была голодна, так что я стала жевать эту сухую и рассыпчатую массу. Я запила её водой из контейнера и кое-как проглотила.

Теперь оставалось только ждать, а ждать — самое трудное.

Глава 13

Но мне ничего не мешало вспоминать и рассуждать. Мать говорила, что в этом мире время течёт медленнее, чем у нас. Правда, если судить по мысленному изображению, она казалась не старше, чем была, когда отправилась на поиски отца, а мы тогда были детьми, ещё не вступившими на свой жизненный путь, а теперь я чувствовала себя безмерно старше своих лет.

Конечно, они хотят вернуться домой, поэтому мать так обрадовалась Хилэриэну, но если они рискнут прийти в эту шахту, не попадут ли они в ту же сеть? Я хотела было

дать ей предупреждение по мысленной связи, но вовремя вспомнила, что она, по её словам, знает это место. В таком случае, она знает и об его опасностях.

Столбы вокруг меня сверкали, а в кристалле серебряные нити опустились, скрыв тюрьму мага. Видимо, он спал.

Внезапно я заметила слабое движение там, где лежала Айлия. По-видимому, на ней не было невидимых пут. Она очнулась от бессознательного состояния, в котором пребывала так долго, медленно села и повернула голову. Глаза её были открыты. Приглядевшись, я подумала, что она ещё не вполне сознаёт окружающее, и всё ещё какая-то ошеломлённая, как во время нашего путешествия по городу башен.

Она не встала на ноги, а поползла вдоль ступеней, на которых лежала раньше. Я посмотрела на серого человека. Он спокойно сидел за своей панелью, как бы не видя ничего, кроме игры света на экране.

Айлия добралась до угла, обогнула его и медленно поползла к дальней стороне. Секунда-две — и она скроется из моих глаз, а может быть, и от возможности добраться до неё, когда она будет мне нужна. Я послала ей мысленный приказ остановиться, но ответа не было. Теперь она была на дальнем конце помоста, и я её уже не видела.

Тут я заметила, что один из серебряных усиков зашевелился, коснулся другого, тот третьего, и следующие впереди скрылись от моего наблюдения. Я не могла вспомнить, двигались ли усики до пробуждения Айлии, или они зашевелились только при её пробуждении. Может быть, Хилэриэну удалось то, чего не смогла достичь я — установить контакт с разумом вапсалки, и он решил с её помощью освободиться?

Продвижение Айлии по той стороне могло привлечь внимание серого человека. Он, конечно, увидит её, если она проползет мимо, прямо под ним. Я напряжённо следила, когда она появится в поле моего зрения, но она не появлялась. Арку большого экрана я видела. Если Айлия попытается пройти через неё, я увижу. И тогда я должна позвать Желит, несмотря на опасность потерять единственный шанс освободиться.

Но Айлия не поползла к двери. На экране затрещали

вспышки, затем послышался звук, по которому раньше поднялись серые люди в отсеках. Я увидела, что усики на стеклянном столбе зашевелились и стали медленно подниматься.

Через арку вошёл отряд серых людей, а позади меня появился Зандор. Это было так неожиданно, что я не успела притвориться спящей. Мне стало страшно, когда отряд серых подошёл прямо ко мне и окружил светившиеся брусья моей тюрьмы.

Зандор медленно подошёл и остановился напротив меня, внимательно разглядывая. Я инстинктивно встала, когда стражники подошли ближе, так что теперь твёрдо встретила его взгляд. Это не было дуэлью воли, какая могла быть с кем-нибудь из моей породы и какая была у меня с магом, потому что мы не призывали Силу. Но Зандор явно не считал меня лёгкой добычей, готовой служить ему, его целям. Я ждала и не посылая зова матери. Я сделаю это, когда не останется другого выхода.

Зандор, видимо, принял какое-то решение. Он щёлкнул пальцами, и один из серых пересёк помост и вернулся, толкая перед собой что-то вроде сундука, поставленного на торец. В нижней его части была узкая панель из непрозрачного материала, напоминавшая экран. Сундук поставили напротив меня. За него встал Зандор и пробежался пальцами по кнопкам пульта сначала нерешительно, потом нетерпеливо, словно надеялся на лёгкий ответ, но не получал его. Он ничего не говорил, а серые не выражали никакого интереса к действиям своего хозяина, они просто стояли вокруг, как изгородь.

Три раза Зандор коснулся панели. И только на четвёртый раз непрозрачная панель ожила. На ней не появилось мерцающего узора, как на экранах, а только слабая голубая вспышка. Такого же цвета были голубые скалы, означавшие безопасность в Эскоре. Увидеть этот цвет было почти успокоением. У меня было странное ощущение, что если бы я положила руку на экран, я стала бы куда более освежённой, чем от пищи, которую только что съела.

Но Зандор отдернул пальцы с резким восклицанием. Он как бы обжёгся там, где не рассчитывал на огонь, и поторопился нажать в другом месте. Голубой свет потемнел.

По-видимому, Зандор пытался определить у меня на-

личие Силы, потому что он твёрдо держал руку до тех пор, пока цвет не собрался в середине верхней части панели, и остался там, не темнея больше, но и не светлея. Зандор удовлетворённо кивнул и убрал пальцы. Свет немедленно исчез.

— Такая же... но не совсем, — сказал он, то ли обращаясь ко мне, то ли просто думая вслух.

В любом случае я не сочла нужным отвечать. Он махнул рукой, и один из серых увёз ящик.

— Что же ты такое?

Что такое? Похоже, он ставит меня наравне со своими машинами. Я, по его мнению, вещь, а не личность. Я почувствовала такую же ярость, какая переполняла Хилэриэна. Неужели Зандор признаёт только силу машин и поэтому рассматривает нас, имеющих Силу в себе, только как прислужников бездушных машин?

— Я — Каттея из рода Трегартов, — ответила я. Я считала, что эти слова лучше всего подчеркивают, что я более человек, чем он.

Он засмеялся так презрительно, что я ещё больше обозлилась, но я подавила негодование, вспомнив предупреждение матери: «не позволяй ему играть на твоих чувствах, потому что в этом кроется опасность». Я обратилась к дисциплине колдуний и приказала себе смотреть на Зандора объективно, как смотрели бы они. Мне помогло, возможно, и их древнее убеждение, что мужчина — существо низшее. Сама я в это не верила, потому что знала отца и братьев, всех тех, кто имел Силу, но когда такая идея внушается постоянно, не мудрено принять её за аксиому.

Это был просто мужчина — по крайней мере, когда-то был им. Врождённого Дара у него не было, он зависел от безжизненных машин, служивших ему, как наши дух и разум служат нам. Следовательно, при всей его хитрости он, в сущности, не мог быть на равных с колдуньей Эсткарпа.

Однако Хилэриэн, могучий маг, попал в сети Зандора. Да, но Хилэриэн пришёл сюда неподготовленным и был захвачен раньше, чем по-настоящему понял опасность, я же была настороже и готова постоять за себя.

— Каттея из рода Трегартов, — повторил он с насмешкой. — Я ничего не слыхал об этом Трегарте — страна это или клан? Но, впрочем, это неважно — у тебя есть то, что

может мне пригодиться, и мы продеваем с тобой то же, что и с ним. — Зандор указал на Хилэриэна.

— Для тебя будет лучше, Каттея из дома Трегартов, слушаться нас, потому что в противном случае тебя ждёт наказание столь ужасное, что смерть покажется тебе избавлением от мук, хотя ты наверняка упряма, если ты сродни тому, в столбе.

Я не ответила: лучше не вступать в спор. В таких случаях речь вянет, и наступает молчание. Я была уверена, что Зандор не может читать мои мысли без машин, в силы которых я не очень-то верила, так что я могла строить планы, не опасаясь быть подслушанной.

Серые люди, по-видимому, не нуждались в словесных приказах. Возможно, Зандор контролировал их подобно тому, как я хотела сделать с Айлией. Они разделились на две группы и ушли в тёмную часть комнаты куда-то за моей спиной. Я не поворачивалась и не смотрела на них, не желая выпускать из виду их хозяина.

А он сел перед маленьким экраном и развернул сиденье, чтобы видеть меня перед собой. В нём чувствовалась какая-то раскованность, непринуждённость, говорившая мне об опасности. Если он рассчитывает с лёгкостью взять меня под контроль, то я, кажется, имею более сильного врага, чем предполагала.

А что Айлия? Я не видела её за дальним углом помоста, но она и не проходила под аркой. Значит, она теперь рядом с Хилэриэном, а Зандор и единственный человек-слуга, всё ещё сидевший на своём месте, были одни в данный момент в комнате.

Я не стала закрывать глаза для лучшей сосредоточенности, но послала зов, так как прекрасно понимала, что лучшей минуты для атаки у меня уже не будет.

— Джелит! Симон!

Мгновенно пришёл ответ, полный, сильный, как будто плечи мои обняли защищающие руки и прикрыли меня щитом, преграждая путь острию меча. В одной старой легенде говорится, что если человек, обладающий Силой хочет навеки разделить двоих, причиняющих друг другу боль и слёзы, он встряхивает между ними плащ. Я почти поверила, что плащ передо мной. Я как будто видела, ощущала его. Но чувство безопасности, успокоившее меня, не затуманило моих намерений.

— Что ты хочешь? — быстро спросила мать.

— Выяснить отношения с Зандором — и сейчас!

— Получи! — И я вдруг восприняла столько силы, сколько не знала с тех дней, когда общалась с Динзилем. Всё то, что я вернула с помощью Утты и собственными стараниями, меркло, как бледный свет свечи перед полуденным солнцем. И всю эту силу я объединила в одном мысленном посыле:

— Айлия!

На этот раз осечки не было, моя команда и моя новая сила вошли в варварский мозг девушки. Я подчинила её себе, не смея даже вспомнить о том, что она — живой человек, потому что она сейчас была моим единственным оружием для нашего общего спасения.

Последовало несколько секунд странной дезориентации, когда я смотрела одновременно на помост, на Зандора и на место за кристаллом, словно я смотрела глазами Айлии, а затем я сосредоточилась на последнем.

Мне никогда ещё не приходилось так управлять человеком, если не считать тщательно контролируемых опытов в Обители, когда я училась. Это была такая страшная вещь, что разум мутило, будто находишься в таком месте, где человек не имеет права быть. Но я боролась с этим болезненным состоянием и не выпускала Айлию из-под контроля.

Поначалу её тело отвечало мне неуклюже и неловко, будто я была бродячим кукольником, пришедшим на рыночную площадь в праздник урожая, но плохо знающим своё ремесло, и дергала, как попало, за ниточки, привязанные к рукам и ногам куклы, и она всё ходила не туда, куда надо.

Но я и должна быть неловкой, если хочу добиться успеха. Так что я и не пыталась укрепиться на ногах, а повернулась и поползла, как ползла сама Айлия недавно, только в обратном направлении. Если я смогу добраться до той ступеньки, где она была, то я, наверное, успею сделать всё, что надо.

Я больше не вспоминала Джелит и Симона, а только ощущала поток Силы, которым они питали меня. Я спешила упрочить свой контроль над телом Айлии, хотя и не пыталась пока делать что-нибудь ещё, кроме как привести её назад, поближе к Зандору.

Я проползла к дальней стороне помоста и оттуда увидела Зандора в кресле, всё ещё глядевшего на четыре светящихся бруса, среди которых стояла — я.

Человеку не часто удается увидеть себя со стороны иначе, как в зеркале. У меня появилось ощущение головокругления, вращения в каком-то пространстве, я словно очутилась ни здесь, ни там, так что я быстро отвела глаза и стала смотреть только на Зандора.

Впереди меня полз страх. Я не понимала, почему хозяйин этой тюрьмы до сих пор не оглянулся и не обнаружил меня. Мне казалось, что огромная энергия, которая вела меня, должна была коснуться и его, ведь словно невидимая нить тянулась через открытое пространство и связывала «меня» в клетке со «мной», ползущей в теле Айлии.

Наконец я достигла того места, где Айлия находилась с самого начала. Здесь я остановилась и перевела дух. Если Зандор, повернувшись, сейчас увидит меня, я пока в безопасности. Но когда я перемещусь на точку позади него, а мне казалось, что это ужасно долгое путешествие, я могу быть замеченной и немедленно заподозренной.

Он встал, и я невольно съёжилась. Но он не повернул голову, а глядел в глубину комнаты за мою клетку. Там возникла какая-то суматоха — видимо, возвращались серые. Он подошёл и встал перед клеткой. Знает ли он, что я не в своём настоящем теле? Нет, что может увидеть маг, Зандор, конечно же, не видит.

Теперь я должна сделать последнее движение по ступеньке, встать и подбежать к точке непосредственно за Зандором и молиться, чтобы он не повернулся. Теперь всё зависело от правильного расчёта времени. Я сделала последнее внушение спящему мозгу Айлии — то, что она должна будет сделать, когда настанет время. Я ввела этот приказ так глубоко и крепко, как только позволила мне вся моя возобновлённая сила.

Затем я вернулась в своё тело. Жезл был под рукой, наготове. Серые уже подошли к тому месту, откуда я могла видеть их, не поворачивая головы. Они несли множество предметов. Зандор стал сортировать их, одни откладывая в сторону, а другие придвигая к моей клетке.

Инстинкт подсказал мне, что у меня будет всего несколько секунд, и я должна быть наготове. Я ждала и видела

Айлию, стоявшую на помосте. Её широко раскрытые глаза смотрели на меня, а прикосновение к её мозгу уверило меня, что она полна готовности повиноваться последней моей команде, которая прочно засела у неё в голове.

Зандор подошёл и снова встал передо мной.

— Ну, моя Каттея из дома Трегартов, — с издёвкой сказал он, — я вполне могу назвать тебя своей, потому что с этого часа ты будешь покорна моей и только моей воле. Но пусть эта судьба не огорчает тебя. Разве ты не хочешь жить вечно, чего раньше тебе не было дано? Ты станешь лучше думать обо мне, когда научишься воспринимать мою мудрость, Каттея из дома Трегарта.

Видимо, он отдал безмолвный приказ своим слугам, потому что они начали откатывать ящики и мешки и устанавливать на углу помоста сияющий круг, как основание.

Зандор с видимым удовольствием объяснял, что именно они делают. Во-первых, он желал показать, что мне не уйти от уготованной участи, а во-вторых, просто рад был иметь слушателя. Видимо, он давно жил в одиночестве, не имея никого, равного ему в развитии, потому что серые явно не могли быть его товарищами — просто добавочные руки к его услугам.

Они готовили вторую колонну, чтобы запереть меня, как Хилэриэна. Помещённая там, я буду выполнять указания Зандора и добавлять свой Дар к силе его машин для защиты и возобновления знаний Зандора. Похоже, он был уверен, что, как только он объяснит мне всю справедливость и необходимость своих действий, я покорно войду в клетку, гораздо более прочную и постоянную, чем та, в которой я была сейчас, потому что пойму и соглашусь с необходимостью.

Древняя война между башнями и подземельем велась так давно, что стала его жизнью, так что Зандор не мог и подумать о каком-либо другом её образе. Всё, что могло упрочить его положение, должно быть взято и пристроено в дело его защиты. И я буду вторым мечом в его руках.

Его слуги работали чётко, не тратя лишних движений и, видимо, не нуждаясь в указаниях. Они врезали круг в помост и поставили вокруг несколько маленьких машин.

Когда они сделали это и отступили, я приготовилась.

Теперь они должны убрать мою клетку и выпустить меня, чтобы затем втолкнуть в другую. У меня будут считанные секунды, и я напряглась, сжав жезл в правой руке и одновременно стараясь создать видимость покорности и лёгкой управляемости.

Видимо, Зандор решил, что лучший противовес всякой попытке бегства с моей стороны — неожиданность. Сверкающие брусья пропали сразу, без предупреждения, однако я была начеку.

Я не отскочила назад, как он, вероятно, рассчитывал, а только резко бросила жезл и с радостью увидела, что Айлия его поймала, без колебаний повернулась и прыгнула на верхнюю ступеньку помоста и ударила остриём в колонну, как ударила бы мечом человека-врага.

Видимо, Зандор не сразу понял, что произошло, а может быть, он был так уверен в себе и своей охране, что возможность сговора между мной и совершенно бесполезной, по его мнению, девушкой оказалась для него шоком, от которого он не успел оправиться. Я думаю, что абсолютная власть в течение столетий придала ему такую уверенность в способности править миром, что он просто не мог ни предвидеть, ни понять случившегося.

Остриё жезла пронзило колонну-тюрьму, и в ту же секунду всё оборудование комнаты разлетелось, как несённое штормом, и взорвалось над нашими непокрытыми головами.

Мощные вспышки света слепили глаза, грохот, похожий на тысячекратно усиленный гром, пригигбал к земле. Едкий дым стусился в вонючий туман.

Я бросилась к арке большого экрана. Я слышала крики Зандора, видела, как серые люди слепо тыкались туда и сюда, когда энергетические огненные лучи хлестали их. Некоторые вещи я видела только мельком и позднее удивлялась, вспоминая подробности. Огненные черви или змеи ползли по полу, падали из воздуха, корчась, как живые. Я перепрыгнула через такого червя и добежала до переднего края помоста.

— Айлия! — мысленно окликнула я. Она, спотыкаясь, подбежала ко мне. Звать мага не было надобности, он уже бежал к арке, свободный впервые за столетия. В его руке был жезл, и он пользовался им как копьём, направляя его

в огненных змей и отгоняя их назад. Напали они на Зандора и его людей или нет — я не видела, потому что жёлтый туман заливал глаза, но, во всяком случае, змеи эти выстроились за нами чудовищной стражей.

Хилэриэн взглянул на меня, и я прочла в его глазах торжество. Свободной рукой он показал нам на отверстие в большом экране. В этом жесте был призыв к осторожности. Я поняла, что мы ещё отнюдь не избавились от Зандора.

По другую сторону экрана нас встретили ряды серых людей. Они держали в руках трубки, какими пользовались те, кто резал транспортные машины в башне. С помощью моей всё ещё тройной силы я сотворила наваждение: оно было сделано поспешно и несовершенно, но сейчас годилось и это. Айлия рядом со мной получила внешность Зандора. Серые, увидев его с нами, опустили трубки и расступились, пропуская нас.

Мы подошли к платформе под балконом и по жесту Хилэриэна встали на неё. Она тут же поднялась, вознесла нас на верхний уровень и как раз вовремя: серые опомнились и послали лучи туда, где мы были секунду назад. Огненные полосы заматались под поднимавшейся площадкой. Я видела, как из-за экрана валит дым, и слышала грохот урагана, который разразился в результате освобождения Хилэриэна.

— Хорошо получилось, волшебница, — впервые заговорил Хилэриэн. — Но мы ещё не свободны. Не думай, что Зандором можно управлять так же легко, как этой девушкой, которой ты так ловко воспользовалась.

— Я никогда не недооцениваю врага, — ответила я, — но помощь идёт.

— Вот как? Значит, ты не одна пришла через Ворота, не только с ней?

— Я не одна, — ответила я. Больше я ничего не добавила. Хилэриэн был теперь ключом, как раньше была Айлия, а я не доверяла ему. Я спрошу его о чём-нибудь не раньше, чем когда со мной рядом встанут отец и мать, потому что один вопрос не давал мне покоя: некоторые маги возвращались в Эскор, призванные Тьмой. Может, Хилэриэн тоже запятнан, хотя и не похоже. Как знать? Я доверяла Динзилю, а потом оказалось, что он — враг,

значит, следовало соблюдать осторожность, вдруг на самом деле он выбрал путь Тьмы.

Общая опасность может временно объединить недругов. Так могло быть и здесь. Но что если Хилэриэн проведёт нас в построенные им Ворота, войдёт с нами в Эскор и там покажет, что он из тех, кого мы боялись? Нет, мы должны держаться настороже, пока не узнаем... А как мы узнаем?

Глава 14

Мы стояли теперь перед прочной монолитной стеной, и я вспомнила, как она разошлась, а потом сомкнулась за мной. Как мы выйдем, если дверь управляется машинами Зандора, а у нас нет даже огнёмётного оружия, каким пользовались его слуги? А ведь слуги не замедлят появиться здесь и возьмут нас в плен.

Но у Хилэриэна не было сомнений. Он подошёл к стене. Я заметила, что движется он скованно, как будто долгое пребывание в заточении сковало его тело. Но даже если мышцы медленно повиновались ему, он был полностью уверен в своей Власти. Он сделал выпад жезлом, как воин мечом, и ткнул остриём в ту часть стены, где была едва заметная линия раздела.

Я почувствовала поток энергии, исходивший от него в этот момент. Из острия выскочила голубая искра, задержалась на этой линии, растянулась по ней. Пол под нашими ногами вздрогнул, двери очень неохотно раздвинулись, предоставив нам для прохода лишь узкую щель. Я толкнула туда Айлию и прошла за ней, оставив Хилэриэна в арьбергарде.

Мы оказались в тёмном проходе, по которому я с такой осторожностью пробиралась вчера... или когда? В узкой полосе света из двери я увидела, что Хилэриэн снова направил на портал свой жезл. Снова голубая искра, и дверь так же нерешительно стала закрываться. Когда осталась щель не шире пальца, голубая вспышка пошла по полу поперёк двери, затем поднялась и прошла тем же маневром поверху.

— Не думаю, что они скоро справятся с этим, — с удовлетворением заметил Хилэриэн. Он говорил медленно, с паузами. Такие интервалы между словами и невнятность

речи бывают у людей, телом и духом дошедших до крайнего истощения.

— Каттея! — позвал он из темноты.

— Я здесь, — быстро ответила я. Мне показалось, что он окликнул меня то ли для уверенности, то ли для помощи, и это страшно изумило меня. Разве что сражение за свободу и в самом деле истощило все его силы.

— Мы должны выбраться на поверхность. — Запинки в его речи усилились, и я слышала его тяжёлое дыхание. Я протянула руку и коснулась голубой искры на конце его жезла. Он словно схватил мои пальцы — не сильно, а только чтобы удержать — и я сразу почувствовала, как моя сила переходит от меня к нему.

— Нет! — Я попыталась вырвать руку, но тщетно.

— Да! — В его голосе звучало теперь гораздо больше энергии. — Моя маленькая волшебница, мы ещё не вышли из этой шахты, и наша первая схватка может оказаться последней. Я должен иметь то, что ты можешь дать мне, поскольку ты не можешь вывести нас, даже если и захочешь. Ты не знаешь здешних ловушек, как знаю их я, ведь я сам невольно участвовал в их создании. Я слишком много лет провёл в этой тюрьме, чтобы теперь держаться на ногах и быть крепким, как меченосец. Ты дашь мне то, что мне необходимо, если хочешь выбраться от Зандора.

— Но машины... они в огне, — добавила я к своему упорному сопротивлению.

— Такое с ними бывало и раньше. Есть быстрые методы ремонта, и Зандор уже принялся за дело. Не забывай, что здесь война; такая война, какая тебе и не снилась, леди волшебница. Такой войны люди нашей крови никогда не видели. В этом месте множество защитных приспособлений, и большинство из них теперь обернутся против нас, как только Зандор сумеет пустить их в ход. Так что дай мне свою Силу и поторопимся.

Я вспомнила о своём долге спуске и подумала, сможем ли мы подняться. Айлия шла довольно охотно, но её, как и раньше, надо было вести. Я не пыталась снова контролировать её мозг.

— Дай ему то, в чём он нуждается, — пришла мысль моей матери. — Напитай его, а мы будем питать тебя. Он прав, теперь против нас всех выступает тяжело вооружённое войско!

Не сопротивляясь более, я оставила свою руку в его руке и чувствовала, как выходит из меня энергия, а он впитывает её, как губка воду. В то же время в меня входило то, что передавали мне Джелит и Симон, так что я не слабела. Я снова подумала, что без них Хилэриэн просто ограбил бы меня, и тогда что бы стало с Айлией и со мной? Мое недоверие к нему усилилось.

Мы дошли до подножия лестницы, но маг к ней не повернул, а указал жезлом на какую-то часть стены. Этот сегмент начал медленно опускаться, и я узнала платформу. Только двигалась она очень медленно, и Хилэриэн забеспокоился, хотя ничего и не говорил. Он повертел головой, как бы прислушиваясь, но шагов за нами не было слышно. Я горела желанием отступить, даже вернуться к лестнице, лишь бы не зависеть от превосходившего знаниями Хилэриэна, но поняла, что он выбирает самый лучший и легчайший путь, и осталась на месте.

Платформа в конце концов опустилась, мы втроём взобрались на неё, и она начала подниматься, причём значительно быстрее, чем опускалась. Как только мы поднимемся, мы сможем укрыться в развалинах постройки, если достаточно быстро пересечём кратер.

Но до поверхности мы не добрались. Платформа неожиданно остановилась, причём значительно не дойдя до края шахты. Сначала я подумала, что это временная остановка, но затем увидела, что Хилэриэн касается жезлом центра платформы. На этот раз голубая искра погасла, даже не коснувшись пола, и он, наконец, повернулся ко мне:

— У нас есть две возможности, — сказал он с бесстрастным выражением на лице. — Я выбрал одну — думаю, что и ты выберешь её же.

— А именно?

— Прыгнуть. — Он указал вниз. — Это лучше, чем быть взятыми живыми. Я говорил тебе, что здесь сильные защитные устройства. Мы теперь пойманы, к радости Зандора, так же надёжно, как если бы он поставил вокруг нас свои силовые поля. Прыгай, пока он и в самом деле этого не сделал!

Сказав это, Хилэриэн двинулся, чтобы привести свои слова в действие. Я ухватила за него, а он был так истощён, что покачнулся и чуть не упал.

— Нет! — воскликнула я.

— А я говорю «да». Я не желаю снова стать его вещью!

Но мой зов уже ушёл, и я получила ответ.

— Идёт поддержка, которую я обещала, — сказала я Хилэриэну и оттащила его к центру платформы. — Здесь те, кто несёт нам помощь.

Хотя в эту минуту я не знала, какого рода помощь придёт с моими родителями. Я только верила, что они её окажут.

— Это безумие! — Его голова склонилась на грудь, и он качнулся на меня, как будто последние силы ушли из него. Я опустилась на пол от тяжести его ослабевшего тела. Айлия упала рядом со мной, и я сидела, поддерживая Хилэриэна, и смотрела на край колодца, мучительно ожидая появления своих родителей.

Я не знала, какие ещё ловушки есть у Зандора, и начала бояться, не слишком ли их много. Вполне могло быть, что Хилэриэн предлагал правильное решение — пусть злое, но лучшее.

Время, как всегда бывает в минуты ожидания, ползло бесконечно медленно. Я также прислушивалась к звукам внизу и время от времени бросала быстрый взгляд на стену, не опускаемся ли мы по приказу Зандора. Если да — мы пропали.

Затем я заметила движение наверху и, похолодев от ужаса, ждала, что кто-то спрыгнет сюда, увидев нас. Свет стал менее тусклым. Может, мы пришли сюда на заре, и теперь наступает день? Наконец я увидела, что сверху что-то опускается, ударяясь о стену с таким металлическим звоном, что я встревожилась, как бы это не услышали там, внизу. Когда эта вещь опустилась пониже, я увидела, что это висячая лестница на цепи, какой я пользовалась на складе транспорта. Она коснулась платформы, и следом пришла мысль матери.

— Быстрее, вверх!

— Айлия! — Я снова послала ей приказ. Она встала и полезла по лестнице вверх.

— Хорошо! — одобрила мать. — Теперь помоги магу!

Я уже делала это. Сила тех, кто был наверху, входила в меня и выходила. Хилэриэн освободился от моих рук и медленно встал. Я подвела его к лестнице. Как только его

руки ухватились за неё, он снова ожил и стал подниматься, но не так быстро, как мне хотелось бы.

Когда он поднялся выше моей головы, я, в свою очередь, пустила в ход руки и ноги в надежде, что цепь выдержит троих, так как Айлия всё ещё была ниже края колодца.

— Держись! — пришла команда матери и я вцепилась крепче. Теперь лестница поднималась вместе с нами. Снизу послышался скрипящий звук. Я посмотрела вниз на тёмную платформу. Поднимается? Нет, она опускалась в глубину, где её наверняка ждали люди Зандора. Помощь пришла вовремя.

Мы поднимались всё выше, и я скоро поняла, что нужно смотреть не вверх, и тем более не вниз, следует только изо всех сил цепляться за эту качающуюся опору и надеяться. И вот наконец, мы по одному выбрались в серый пасмурный день.

Впервые за долгие годы я увидела тех, чей союз дал мне жизнь. Мать была такая же, как и в мысленном изображении, а отца я не видела так давно, что почти забыла его лицо. Он стоял рядом с ней, шлема на нём не было, но на теле была кольчуга. Он тоже выглядел едва достигшим середины жизни, но черты его лица носили вуаль усталости и страданий. У него были чёрные волосы, как и у представителей древней расы, но лицо не такое правильное, как у наших людей от узкородственных связей, а резкое, немного тяжеловесное, и необыкновенные глаза. Они пугали, когда он широко раскрывал их и внимательно смотрел на кого-нибудь. Сейчас он так смотрел на меня.

Это была сдержанная встреча. Хотя они и были моими родителями, в детстве я не была близка с ними. Поглощённые своими обязанностями охраны границ, они редко бывали с нами. К тому же мать после родов долго болела, и Кимок однажды говорил, что именно это вызвало нелюбовь отца к нам. Во всяком случае, когда она почти уже касалась последнего занавеса, и никто не знал, уйдёт она или останется, он вообще не мог смотреть на нас.

Настоящей матерью нам стала Ангарт из фальконеров, а не Желит Трегарт. И теперь я чувствовала себя чужой и далёкой им и не спешила открыть свои объятия и сердце. Но похоже, что и родителям не приходило в голову делать такие жесты, по крайней мере, мне так показалось тогда.

Отец поднял руку в приветствии, которое тут же перешло в жест, приглашающий всех нас к одной из медленно ползающих машин.

— Залезайте туда! — приказал он, а сам свернул лестницу и уложил её на плечо. Мы пошли. В боку экипажа была открыта дверь, и мы забрались внутрь. Там было очень тесно. Отец захлопнул дверцу, прошёл к своему месту впереди и сел за такой же пульт с рычагами, какие были в подземелье у экранов. Рядом с ним уселась мать и развернулась к нам лицом, пока мы втроём усаживались.

— Нам надо побыстрее уйти отсюда, — сказала она. — Каттея и Хилэриэн, держите связь со мной. Это может понадобиться для поддержки наваждения, которое мы оставим за собой, пока не придётся повернуться и сражаться.

В полутьме этой крошечной кабинки я увидела, как Хилэриэн кивнул. Он взял жезл за один конец, а другим коснулся спинки сидения Джелит. Левую руку он протянул ко мне через плечо Айлии, и я сжала её. Мать положила руку на локоть Симона, так что мы четверо оказались в одной цепи. Наши объединённые силы устремились к одной цели, хотя для нас с Хилэриэном это была просто отдача Силы, которая будет сформирована и использована Симоном и Джелит, когда и как они найдут это нужным. Не знаю, что там делалось снаружи нашего ползущего ящика, но атаки пока на нас не было. Наверное, они создали имитацию нашей машины и послали её в другом направлении.

Перед передним сидением находился экран. На нём появилось изображение кратера, от которого мы удалялись. Когда я проходила здесь следом за Айлией, я была в таком напряжении, что почти не обращала внимания на местность. Теперь же на экране я видела множество следов от машин, расходившихся от шахты кругом. Мы скоро отклонились от их курса и свернули на грунт, где не было следов. «Не оставим ли мы слишком явных следов, по которым нас легко выследить?» — подумала одна часть моего мозга, в то время как другая посылала энергию для поддержки иллюзии.

Мой отец был известен как хитрый и находчивый воин. Его предприятия, казавшиеся почти безнадежными,

обычно кончались успешно, как, например, его выступление против колдеров, принесшее им конец. Так что следовало теперь положиться на него, он знал, что делает, пусть даже со стороны его поступки казались безумной ошибкой.

Айлия вновь была погружена в тот же сон или беспомощность, в каком находилась в подземелье, и лежала без движения между мной и Хилэриэном. Маг прислонился к стенке кабины. Глаза его были закрыты, лицо искажено усталостью, как у моего отца, но руки, державшие жезл и мою руку, оставались крепкими.

Мы могли рассчитывать на его помощь, пока находились в этой проклятой стране, поскольку, если нас захватят, его ждёт ужасная судьба. Но что будет, когда мы вернёмся в Эскор? Не принесёт ли его возвращение страшную опасность моим братьям и Долине, против которой они не выстоят?

У меня не было хрустального шара для предвидения, не было и доски Утты для видения возможного будущего — никто ведь не может видеть будущее настолько точно, чтобы сказать, что то-то и то-то обязательно случится. Существует множество факторов, способных меняться, так что человек, видящий возможное будущее, может соответственно изменить его какими-либо своими действиями.

Я решила, что надо будет поговорить с матерью наедине и не мысленно, потому что мысленную речь Хилэриэн легко уловит. Я буду умолять её и отца помочь мне удостовериться, что мы не принесём новой опасности — конечно, предполагая, что Хилэриэн сможет найти и открыть Ворота. Я не была уверена, что найду то место, где мы прорвались в этот мир. Разве что удастся проследить мысленным поиском некую концентрацию энергии в этом месте. Такое нарушение структуры пространства-времени должно оставить «запах», который человек, обладающий Даром, обязательно уловит.

Ехать в этом железном ящике было нелегко. Как только мы выползли из кратера, начались толчки, скольжения, тошнотворная качка. Кроме того, нас оглушал грохот, сопровождавший жизнь машины, а едкий воздух этого мира становился всё хуже, скапливаясь в нашем тесном

помещении. Но все эти неудобства не имели значения. Мы сосредоточились только на накоплении энергии для прикрытия нашего бегства.

Экран показал остатки древних построек, окружающих кратер. В этой части они были более заметны, чем там, где я проходила. Видимо, когда-то здесь был большой город.

Мы ехали извилистым маршрутом со скоростью пешехода. Я подумала, что нам лучше было бы бежать на своих ногах, чем трястись в этом вонючем ящике, но неожиданно мы резко остановились, и я заметила то, что, как видно, встревожило отца: какое-то движение по верху обрушившейся стены. Это был не человек, а чёрная трубка, направлявшая на нас своё жерло. Отец остался сидеть, твёрдо упираясь ногами, но голова и плечи его исчезли в отверстии наверху. Что он там делал — не знаю, но по экрану пронёсся огонь, ударивший прямо по трубке. Под струями огня трубка стала сначала тускло-красной, а потом всё более светлой и яркой.

Затем наша крепость принялось быстро удаляться, раскачиваясь из стороны в сторону. Прошло несколько долгих минут, прежде чем отец вновь спустился вниз.

— Автоматическое оружие, — пояснил он. — Никакое наваждение на него не действует. Я думаю, оно должно было сжигать всё двигавшееся, что не отвечало определённым паролем.

В своём родном мире отец встречался с таким оружием и, по-видимому, умел вести такой древний вид войны и в этом кошмарном мире.

— Здесь есть ещё что-нибудь? — спросила мать.

Отец угрюмо засмеялся.

— Если бы здесь было ещё что-то, мы бы уже знали об этом. Но пока мы едем по окрестностям шахты, наверняка будет что-нибудь и ещё, в этом я не сомневаюсь.

Мы поползли дальше, и теперь я пристально следила за экраном, не появится ли ещё такой же металлический часовой. Мы обнаружили ещё двух таких же и уничтожили их тем же манером — вернее сказать, отец уничтожил. Наконец мы оставили позади этот забытый город и выехали в открытую местность, где покрытая пеплом земля кое-где прерывалась высохшей растительностью, то мёртвой, то полной какой-то отвратительной жизни.

Наше путешествие, казалось, будет продолжаться вечно. Затянутое облаками небо начало темнеть. Я проголодалась и хотела пить, а мои запасы остались в подземелье.

Наконец мы остановились: мать разделила на всех несколько глотков воды и дурно пахнувшее сушёное мясо. Надо было жевать и глотать в надежде, что оно утолит голод и придаст сил. Отец откинулся на спинку сидения, продолжая держать руки на приборной доске. Лицо его было серым от усталости, но он не сводил глаз с экрана.

— Мы ищем твои Ворота, — сказала мать, обращаясь к Хилэриэну. — Можно их найти?

Хилэриэн поднёс к губам контейнер с водой и медленно сделал глоток, как будто тянул время для принятия какого-то решения, а затем ответил вопросом:

— Ты — колдунья?

— Я была ею до того, как выбрала другой путь. — Она повернулась, чтобы лучше видеть Хилэриэна.

— Но ты не утратила того, что имела, — сказал он, уже не спрашивая, а утверждая.

— Я нашла даже больше! — В голосе матери слышалась гордость и что-то вроде торжества.

— Значит, ты понимаешь сущность Ворот, — продолжал маг.

— Да, и я знаю также, что эти Ворота создал ты. Мы ведь уже давно ищем тебя, и у нас были уже кое-какие сведения о том, где ты. Но ты с нами не совсем одной природы, так что мы не могли переговорить с тобой, пока Каттея не добралась до тебя и не открыла канал мыслепоиска между нами. Ты создал Ворота, и ты можешь ими управлять.

— Могу ли? Не знаю, но попробую. Раньше я сказал бы — да, но теперь я исковеркан чуждыми мне машинами. Может, это так скрутило меня, что я не смогу снова призвать истинную Силу и получить её ответ.

— Это всё лежит на одной чаше весов, — согласилась Желит, — но мы не знаем, что лежит на другой, пока не станем взвешивать. Ты был настоящим магом, иначе ты не мог бы создать Ворота. Ты был пленён для других целей — это наше несчастье, но оно не должно стать нашим концом. Ты проведёшь нас через свои Ворота?

Он опустил глаза и посмотрел на жезл, который вертел

в руках, как на что-то совершенно новое и незнакомое ему.

— Даже в этом я сейчас не уверен, — тихо сказал он. — Но я хорошо знаю, что не смогу быть проводником, если останусь в этой машине. Влияние чужого может слишком сильно исказить то, что я буду пытаться сделать.

— Если мы оставим машину, — в первый раз заговорил Симон, — мы станем абсолютно беззащитны. А в этой движущейся крепости мы достаточно защищены.

— Вы спросили, — нетерпеливо сказал Хилэриэн, — И я ответил правду. Если вы хотите получить ваши Ворота, нам нужно выйти из этого ящика, нам придётся выдерживать бурю.

— А ты не мог бы пройти немного вперёд, — начала я, — сделать всё, что нужно, для определения направления, а потом вернуться?

Мои родители продолжали смотреть на Хилэриэна. После долгой паузы он ответил:

— Можно попробовать... увидеть...

В его голосе звучала какая-то нерешительность и такая усталость, что я подумала: «Любое видение такого рода — непосильная задача для него». Но он тут же спросил, обращаясь к Симону:

— Считаешь ли ты эту местность в какой-то мере безопасной? Более удобного случая нам не представится. Мы не можем сидеть и ждать, пока Зандор пустит всю свою силу и мощь за нами. А у людей башен есть свои методы, когда речь идёт о чужих, что гуляют здесь. А поскольку вы едете в этой штуке, принадлежащей народу Зандора, воздушные разведчики башен пустят в ход молнии, как только засекут её.

И вот мы вышли из нашей железной крепости в тёмную ночь и стояли, с отчаянием глядя на окружавшее нас запустение.

Глава 15

В ту ночь, когда я входила в кратер, луна была яркой и полной, а теперь она шла на убыль, но давала ещё достаточно света, чтобы мы видели окружающее. Отец приказал нам жестом, чтобы мы остановились на месте, а сам упорхнул — не подберу другого слова, чтобы описать его быстрые движения, когда он обогнул машину и как бы

растворился в ночи. Я сообразила, что сейчас он использует свои навыки пограничного разведчика. Когда он исчез, мать сказала:

— Непосредственной опасности нет. В какую же нам сторону? — обратилась она к Хилэриэну.

Он поднял голову. Мне казалось, что он раздувает ноздри, как собака ищущая след. Потом он поднял жезл и коснулся его верхушкой своего лба между закрытыми глазами, словно собирался смотреть внутрь, а не снаружи. Жезл качнулся и указал направление. Хилэриэн открыл глаза. В них блеснула искра жизни.

— Туда! — сказал он уверенно. Мы ничуть не сомневались, что он знает, как провести нас по этой засыпанной пеплом дикой земле.

Когда вернулся отец, а это случилось быстро, возможно, по мысленному призыву матери вне моей полосы общения, он изучил направление, указанное жезлом мага, а затем проверил по приборной панели краулера. Но мы не пошли сразу, а сначала отдохнули, и один из нас оставался на страже.

Я спала без сновидений, а когда проснулась, луна уже исчезла, но было пасмурно. Мы поели и немного попили из наших скудных запасов. Отец сказал, что вряд ли мы встретим что-либо враждебное, тем более что и механические часовые краулера ничего не регистрировали.

Мы снова поехали, теперь уже по указанию Хилэриэна. Но через час отец снова резко повернул машину и на раскачивающемся ходу повёл её под скалистый выступ. От контрольной панели шло жужжание, пока отец не прекратил его, нажимая кнопки и рычаги. Кроме голой скалы, в трещине которой мы были зажаты, мы ничего не видели и сидели молча.

Отец даже не повернулся и не дал никаких пояснений, только смотрел на приборы. Я боялась, что нам угрожает опасность, которую он при всей своей ловкости не предусмотрел, и прислушивалась, сама не зная к чему.

Хилэриэн задвигался, как бы разминая своё длинное тело, стиснутое в крохотной кабине.

— Люди башен, — сказал он уверенно.

— Их самолёт, — согласился отец.

— Эта машина послушна тебе, — продолжал Хилэриэн.

Затем он кивнул в сторону матери. — Однако она из древней расы, а они не любят машин.

— Зато я не из Эсткарпа, — ответил отец. — Похоже, все миры связаны Воротами. В своём времени и стране я был воином и пользовался подобными машинами. Ну, может, не совсем такими. Эту мы нашли на берегу моря, как только пришли сюда через Ворота, которые закрылись и не пустили нас назад, и с тех пор это наша крепость.

— Только пока ты держишься подальше от башен, — прокомментировал Хилэриэн. — И давно вы странствуете так, разыскивая Ворота, чтобы вернуться?

Саймон пожал плечами:

— Поначалу мы считали дни, но время здесь, кажется, идёт не так, как в Эсткарпе.

— Неужели? — Хилэриэн удивился. Какие же потрясения ждут его, когда, вернувшись, он увидит сколько лет прошло в Эскоре.

— Я оставил маленькую дочь, — сказал отец, — а теперь вижу взрослую женщину, пришедшую собственным путём к той же цели. — Он повернулся ко мне с неуверенной, будто о чём-то просящей улыбкой.

Хилэриэн с ещё большим удивлением взглянул на меня. Желит кивнула, как бы отвечая на невысказанный вопрос мага.

— Каттея — наша дочь, но мы расстались с ней очень давно. И похоже, что за эти годы случилось многое. — Она обернулась ко мне.

«Мне надо очень тщательно подбирать слова, — подумала я. — Я могу рассказать им, что произошло в Эсткарпе и частично об Эскоре.»

Поскольку у меня по-прежнему не было доверия к Хилэриэну, и не имея возможности отвести мать для разговора в сторону, я должна была говорить очень осторожно.

Я рассказала, что случилось с нашей тройкой с тех пор, как Желит уехала, как меня взяли Владычицы и я много лет провела в Обители, о взрыве, который волшебницы Эсткарпа направили против Карстена, как Кайлан и Кимок освободили меня и увезли в Эскор. Я не изменила истине, а просто скрыла часть её. Я рассказала, что мы приехали в страну, над которой тоже нависли тучи войны,

что мы объединились с теми, кто был ближе нам по духу и разуму, но не упоминала ни имён, ни мест.

О своих личных несчастьях я, насколько могла, умолчала, сказав только, что была околдована человеком, обманувшим нас всех, и отправилась обратно в Эсткарп для лечения. Затем я рассказала о вапсалах и пиратах, а также о том, как я и Айлия очутились в крепости и прошли через Ворота.

Я не решалась мысленно сообщить матери, что это не всё, и что у нас должен состояться разговор наедине, но что-то в её глазах сказало мне, что она всё поняла, и при первом же удобном случае мы поговорим.

Я очень боялась, как бы Хилэриэн не засыпал меня вопросами о том, что случилось в Эскоре с тех пор, как он оказался здесь, но он, как ни странно, этого не сделал. Я решила, что это его молчание подозрительно, и готова была даже отказаться от возвращения, потому что с нами вернется и он.

Отец вздохнул.

— Похоже, что наш тщательный счёт дней и в самом деле ни к чему. Значит, Карстен теперь отгорожен, а колдуньи, выстроив ему преграду, сами себя погубили... Кто теперь там правит?

— Корис, по моим последним сведениям, хотя он страдает от раны, полученной в последние дни войны, и больше не носит Топор Вольта.

— Топор Вольта! — задумчиво повторил мой отец, как бы многое вспоминая. — Местопребывание Вольта и его Топор... Хорошие дни были! Таких, наверное, для нас уже не будет. Если Карстен подавлен, то как насчёт Ализона?

— Люди, которые присоединились к Кайлану, — ответила я, — говорят, что Ализон, увидев, что случилось с Карстеном, притих и ходит на цыпочках.

— Это ненадолго. Они вновь вообразят себя сильными и достанут мечи из ножен. Корис может править и пусть правит, но со старыми друзьями за спиной. Сейчас они ему особенно нужны, раз он уже не держит Топор Вольта.

Я знала о чём думает отец, как если бы читала его мысли. Хотя он и не происходил из древней расы, он стал одним из них. Между ним и Корисом из Горма была крепкая дружба, скованная потом и кровью во время войны с

колдерами. Ему более всего хотелось бы поехать сейчас прямо в Эс и помочь другу.

— Да, — согласилась мать. Она тоже, видимо, знала, о чём он думает. — Но прежде чем ехать в Эс, нам нужно вернуться в наш мир.

Она вернула нас к реальности. Отец потряс головой, отгоняя мысли, служившие сейчас только помехой. Затем он посмотрел на приборную доску и, казалось, просто читал то, что в моих глазах было сплошной путаницей.

— Как считаешь, далеко ещё до твоих Ворот? — спросил он Хилэриэна.

— Не очень, но надо пройти ещё некоторое расстояние. — Хилэриэн повертел в пальцах жезл. — А как с самолётом?

— Он улетел. Скоро двинемся.

В самом деле, довольно скоро машина выползла из щели, куда загнал её Симон, и снова покатилась по своему маршруту, а мы смотрели на неизменную мрачность этого мира.

Нам приходилось объезжать дюны и бугры, так что наша возможность видеть, что там впереди, сильно сократилась. Но в машине отца имелись и другие предупреждающие устройства, и мы положились на них.

Ночь тянулась бесконечно долго, и нас так трясло, что наши тела превратились в один сплошной синяк. Мы сделали остановку и отдохнули, после чего на место матери сел Хилэриэн, поскольку его жезл показал, что мы уже недалеко от цели, а Джелит села рядом с Айлией. Мы сумели влить в рот девушки немного воды, но она ничего не ела с тех пор, как мы с ней разделили наши запасы в коридоре башни, и я беспокоилась, долго ли она протянет без еды. Мать успокоила меня, сказав, что в таком бессознательном состоянии телу требуется намного меньше пищи.

Мы поднялись на гребень и начали спускаться. Отец вдруг издал короткое восклицание и быстро передвинул какие-то рычаги. Экран показал, что впереди лежит одна из тех чёрных гладких дорог, шедших к башням. Мы спустились прямо на неё, а отец старался приостановить наше стремительное движение.

Наконец ему удалось повернуть тупой нос машины резко влево, так что мы встали параллельно дороге. Отец

облегчённо вздохнул, когда мы остановились, не коснувшись дороги.

— Что же теперь? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Туда! — Хилэриэн повернулся на сидении, указывая жезлом через дорогу.

Отец резко хмыкнул.

— Легко сказать! Мы не можем пересечь этой дорогу ни здесь, ни дальше.

— Почему? — Нетерпение Хилэриэна усилилось. Видимо, он был близок к цели, а ему запрещали идти по прямой.

— Потому что это не обычная дорога, — ответил отец, — это проводник Силы, которая приводит в движение транспорт башен. Этот танк не предназначен для неё. Я не знаю, что произойдёт, если он выберется на эту дорогу, но не думаю, что мы останемся живы.

— Что же нам делать? Искать мост? — спросил Хилэриэн.

— Неизвестно, есть ли он, — мрачно ответил отец. — Если мы станем искать какой-то переход — надземный или подземный, мы рискуем удалиться от нашего пути на много лиг.

Он отвернулся от экрана и в упор взглянул на мага.

— Знаешь ли ты точно, насколько мы теперь близки к Воротам?

— Лига, может меньше.

— Разве вот что... — начал отец неуверенно. Он словно выбирал из двух зол меньшее. — Может быть удастся использовать этот танк в качестве моста. Но если он упадёт и выкинет нас посреди дороги... — Он чуть заметно покачал головой.

— Я думаю, Симон, — вмешалась Джелит, — что у нас, в сущности, нет выбора. Если мы станем искать обходной путь, то его может и не быть, и мы только напрасно потеряем время. Если этот твой план имеет хоть какой-нибудь шанс, давайте примем его.

Отец не сразу ответил, он смотрел на экран и, видимо, размышлял, а затем произнёс:

— Я поставлю на тебя не больше, чем если бы ты прыгнула с вершины Латора.

Мать засмеялась:

— Ах, но я же видела, Симон, как ты делал подобные вещи, выигрывая пари, и собирал монеты горстями! Жизнь постоянно бросает вызов, и человек не может уклониться даже от самого худшего. Мы это хорошо знаем.

— Ну что ж, ладно. Я не знаю природы этой силы, но думаю, что она идёт как поток. Проявим осторожность и будем надеяться на лучшее.

Мы занялись приготовлениями. По приказу отца мы вышли из машины, взяв с собой и Айлию, а в машину загрузили камни, собранные поблизости, чтобы превратить её в нечто вроде якоря для сопротивления потоку энергии. Отец достал цепь, которая помогла нам выбраться из колодца, и укрепил её на плоской крыше танка, чтобы мы могли за неё держаться. Все, кроме отца, залезли на крышу, взяв с собой остатки воды и пищи, а он сел в кабину, в тот маленький уголок, который был для него оставлен. Машина под нами обрела жизнь и снова повернулась носом к дороге.

Как только она поползла вниз, к чёрной поверхности, отец выскочил из кабины и взобрался к нам. Он оказался прав в своих предположениях. Как только тяжёлая машина коснулась поверхности дороги, мы почувствовали сильный толчок, как от мощного речного течения и наполовину свернули с курса.

А если бы машина полностью развернулась и потащила бы нас в качестве беспомощных пленников к башням? Или сила моего отца одержит победу? Я лежала, крепко вцепившись в цепь, её звенья больно вдавались в моё тело, когда машина под нами дрожала и боролась с потоком. Она шла под углом, но всё ещё не поворачивала полностью, что означало бы гибель для нас. Я не была уверена, что мы хоть сколько-нибудь продвигаемся к цели.

Мы были уже далеко от той точки, с которой начали свой путь. А что будет, если на нас налетит какая-нибудь из транспортных машин? Я так живо представила себе эту картину, что, пытаясь стереть её, пропустила перелом нашей битвы.

Внезапно я обнаружила, что отец уже не лежит рядом со мной, а стоит на коленях и отвязывает сумки с провиантом. Он быстро крикнул остальным, и я, подняв голову, увидела, что они смотрят на землю за дорогой, на ту сто-

рону, куда мы стремились. Затем отец крепко взял меня за плечо.

— Отпусти цепь! Когда я скажу — прыгай!

У меня не было никакой надежды на успех, но случается, когда один человек должен верить другому, и я, борясь со страхом, выпустила цепь, за которую так отчаянно цеплялась, и встала сначала на колени, а потом, с помощью отца, на ноги. Мать и Хилэриэн уже стояли, Айлия, вроде бы проснувшись, стояла между ними.

— Прыгай!

Я заставила своё безвольное тело сделать это усилие, не смея думать о том, что может случиться. К счастью, я упала на дюну, погрузилась в песок и встала невредимая, отплёвываясь и протирая глаза.

Отряхнувшись от пыли и пепла, я увидела другие покрытые пеплом фигуры, поднимавшиеся из таких же мягких холмов. С ними тоже ничего не случилось; незначительные ушибы, пепел в горле и в глазах — вот и всё.

Танк же теперь полностью развернулся по течению и быстро удалялся к башням.

Мы обшарили окрестные дюны, ища и выкапывая наши сумки. Затем Хилэриэн достал жезл, который для надёжности был спрятан под туникой, приложил его ко лбу и решительно указал вперёд.

— Туда. — Он смотрел куда-то в холмистую местность.

Айлия шла сама, хотя её нужно было держать за руку, и я знала, что мать поддерживает с ней мысленный контакт. Это было нелегко, и я сразу же стала помогать.

Идти по этому зыбучему песку-пеплу было очень тяжело. Иной раз мы вязли в нём по колено. Все дюны выглядели такими одинаковыми, что без жезла Хилэриэна мы потеряли бы направление, едва отойдя от дороги.

Но вскоре, увидев вдалеке что-то высокое, я узнала металлический столб, рядом с которыми мы оказались, когда прошли через Ворота. Страх немного отошёл от меня. Но найдёт ли Хилэриэн именно то место? Там ведь не было никаких ориентиров.

Наш проводник, по-видимому, не сомневался. Он вёл нас по извилистой, труднопроходимой тропе, но всё время возвращался на путь, указанный жезлом. Наконец он

остановился у одного из столбов. Местность кругом потрясала однообразием. Трудно было поверить, что мы действительно достигли нужной точки.

— Здесь, — уверенно сказал маг. Он смотрел на место, ничем не отличавшееся от всего остального, овеваемое пыльным воздухом, что всюду поднимал ветер.

— Никаких признаков, — начал отец. Мать, защищая руками глаза, пристально посмотрела вперёд, затем согласилась:

— Что-то есть... Волнение...

Хилэриэн, казалось, не слышал. Он, словно художник, быстро взмахивал жезлом, как бы рисуя в воздухе контуры портала.

И в пыли, поднятой ветром — кто знает, может быть, это и не пыль была — оставались слабые линии рисунка, сделанного жезлом. Они образовывали прямоугольник, перечёркнутый в середине двумя линиями, которые шли из верхних углов к нижним. В четырёх секциях прямоугольника верхушка жезла выписывала теперь символы. Два из них были мне знакомы — они изменили форму со временем, другие же были новыми для меня, последний пятый символ пересекал все остальные. Когда Хилэриэн опустил жезл, мы увидели, что маг измучен и слаб, но всё ещё твердо стоит на ногах, несмотря на ветер и кружившийся песок.

Затем он снова начал обводить все детали своего рождённого из воздуха рисунка. Теперь тонкие группы линий приобрели цвет: сначала зелёный, переходивший в ярко-голубой, так что я снова увидела «защищающий» цвет Эскора. Но цвет не удержался и скоро поблёк, словно выцвел.

Маг помрачнел и начал прорисовывать рисунок снова, в третий раз. Цвет вновь заполнил изображение, а затем, хоть и не выцвел, но всё равно побледнел.

Мать взяла за руки меня и отца. Связанные физической цепью, мы связали и наши разумы. Энергию, родившуюся в нашем единстве, мать послала Хилэриэну. Тот с изумлением оглянулся на неё, а затем поднял жезл и опять нарисовал узор линий и символов.

Я чувствовала напряжение, но держалась твёрдо и отдавала Силу по требованию матери. На этот раз нарисованные линии не погасли, зелёно-голубой цвет держался,

разгораясь всё ярче. Когда Хилэриэн опустил жезл, рисунок сверкал и пульсировал, повиснув в воздухе на фут от земли. Рядом с ним ветра не было, хотя в вокруг он поднимал густую пыльную завесу.

Некоторое время Хилэриэн критически осматривал своё творение, как бы желая убедиться, что в нём нет изъянов. Затем он сделал два шага вперёд и сказал нам, не оглядываясь:

— Пора идти!

Мы разорвали цепь. Мать и я взяли наши сумки; а отец поднял Айлию. Маг направил остриё жезла в центр перекрещивающихся линий, как вставляют ключ в замок, и Ворота открылись. Я видела, как маг исчез. Я последовала за ним, за мной мать и последним отец с Айлией. Пережив снова ужасную круговерть пространства-времени, я покатила по каменистой мостовой и остановилась, ослеплённая болью от удара о какой-то твёрдый предмет.

Я лежала на спине против кресла, возвышавшегося в центре зала замка. Пылавшие Ворота были единственным источником света в этом сумрачном помещении.

Рядом кто-то зашевелился. Я повернула голову. Там стоял Хилэриэн с жезлом в руке. Он не смотрел на Ворота, а с изумлением оглядывал зал. Не знаю, что он надеялся увидеть — может, стражников, слуг или домочадцев — но он не нашёл, чего искал. И эта пустота поразила его. Он поднёс руку ко лбу и пошатнулся, а потом пошёл вдоль стены зала, как бы желая скорее найти что-то, пока его не охватила настоящая паника.

Я почувствовала некоторое облегчение: он просто забыл о нас, поглощённый собственными горестями. Самое время для нас уйти.

Несмотря на головокружение, я кое-как поднялась, держась за поручень кресла, и огляделась. Отец уже встал. Айлия лежала перед ним. Он перешагнул через неё и обнял Джелит, помогая ей встать. Они были так крепко спаяны друг с другом, что, действительно, казались единым телом и духом.

Что-то в их манере, когда они стояли рядом, на момент замкнувшись в своём личном мире, заставило меня остановиться. Я вздрогнула, как от холодного ветра, и подумала, как же это, наверное, хорошо — иметь такое единение с

кем-то. Кайлан, вероятно, познал это с Дагоной, Кимок — с Орсией. И я бессознательно тянулась к тому же, когда пошла за Динзилем, но в конце концов поняла, что он хотел вовсе не меня, не Каттею-девушку, а Каттею-волшебницу, отдавшую ему свою Силу. Глядя на этих двоих и на мир, который они держали в себе, я поняла, что я не настоящая колдунья, которая ставит Силу превыше всего. Но пока мне остаётся в жизни только это.

Но сейчас не время для подобных размышлений: надо узнать обо всём здесь и сделать соответствующие приготовления. Я выпустила ручку кресла и, пошатываясь, подошла к родителям.

Глава 16

— Извините, — сказала я тихо, чувствуя себя довольно бестактной. И я боялась, как бы мои слова не вывели Хилэриэна из его озабоченности и не привели сюда слишком рано.

Мать повернула голову и посмотрела на меня. Что-то в моём лице насторожило её, потому что глаза её обеспокоились.

— Ты боишься? Кого, дочка?

— Хилэриэна, — ответила я. Теперь и отец внимательно смотрел на меня. Хотя его рука всё ещё обнимала плечо матери, другую руку он поднёс к поясу, как бы в поисках оружия.

— Слушайте, — заговорила я шёпотом. Я не желала вести мысленный разговор, поскольку в этом месте, пропитанном колдовством, мысленное прикосновение могло прозвучать как гром гонга.

— Я далеко не всё рассказала вам. Эскор трещит, давно уже разорванный колдовством. Большая часть тех, кто в этом повинен, поглощены тёмными силами, которые они же сами и вызвали. Другие ушли через Ворота в другие миры и время, но на них до сих пор лежит проклятие за то, что они сделали в далёком прошлом. Мы ничего не знаем о Хилэриэне. Я не думаю, что он принадлежит Тьме, иначе он не мог бы управлять Голубым Огнём. Но ведь были и такие, кто не следовал ни добру, ни злу, а только своему любопытству, и творили зло в поисках

знаний. Теперь мы сражаемся за жизнь Эскора, а я нечаянно способствовала возобновлению древней войны, когда неосторожно творила заклинания и нарушила древнее равновесие. И я ещё раз нанесла вред уже другой, совсем недавно, и не хочу взваливать на себя ещё и третий груз вины, приведя обратно одного из магов прошлого, который может испортить всё, за что боролись мои братья и наши боевые друзья. Хилэриэн знает слишком много, чтобы взять его в Долину. Надо узнать о нём побольше, прежде чем мы сможем поверить ему.

— У нас мудрая дочь, — сказала мать. — А теперь рассказывай побыстрее, о чём умолчала раньше.

И я рассказала, не упуская ничего, о своём участии в планах Динзиля и о том, что случилось дальше. Когда я замолчала, мать кивнула.

— Теперь понятно, почему ты подозреваешь Хилэриэна. Но... — Она как бы прислушалась, и я поняла, что она пытается установить контакт с Хилэриэном, разыскивая его среди лабиринтов замка.

— Так... — Её обращённый внутрь взгляд стал обычным, и она обратилась к нам. — Не думаю, что нам стоит бояться его отношения к нам. Время в том и в этом мире, видимо, очень различно. Даже больше, чем мы думали. Ах, как тяжело человеку видеть, что его мир пропал, хотя сам он ещё здесь, на родной земле. Я вот думаю... Скажи-ка, дочь, ты в самом деле считаешь, что Хилэриэн может угрожать тому, что нам дорого?

Я, вспомнив Динзиля, отбросила сомнения и сказала: — Да.

Мать, казалось, не была в этом убеждена. Она открыла нам свои мысли, и я могла прочитать, хотя бы частично, то, что она узнала от Хилэриэна. Там были такая боль, такое отчаяние, что я вздрогнула и телом, и мозгом и закричала, что не хочу больше ничего знать. Мать отпустила мой разум.

— Как видишь, — сказала она, — его занимают собственные мысли, и они таковы, что их нелегко нарушить. Если мы уйдём...

— Так давайте уйдём, — сказала я. Во мне поднялось горячее желание поскорее уйти из этого места, принадлежащего Хилэриэну, и выкинуть из головы все мысли о

маге — если мне удастся закрыть разум от этих мыслей. Мне хотелось повернуться и бежать со всех ног, словно за мной гнались серые, люди-волки.

Однако мы уходили спокойным шагом, потому что с нами была Айлия. Я стала думать о ней и о том, что нам с ней делать. Если вапсалы ещё остались в посёлке, мы можем разбудить её спящий мозг и оставить девушку неподалеку, сотворив, может быть, кое-какие чары, которые закроют для неё недавнее прошлое, и она забудет о нашем путешествии, как о быстроулетучившемся сне. Но если набег действительно положил конец племени, нам придётся взять её с собой в Долину, где Дагона и её народ примут её под защиту.

Отец оставил одну из сумок с пищей и водой на полу, а другую повесил на плечо. Мы с матерью повели Айлию. Когда мы вышли, я тоже заметила перемену времени: я вошла сюда в самый холодный месяц зимы, а выходила под теплое весеннее солнце месяца Хризалид. А ведь прошло, по моим расчётам, всего несколько дней.

Снег, лежавший на большой площади, уже исчез. Несколько раз мы вспугивали весёлых ящеров и других мелких животных. Одни замирали, глядя на нас круглыми настороженными глазами, другие поспешно исчезали.

Я с некоторой опаской шагала по лабиринту улочек и дорог, потому что плохо помнила, как мы шли через крепость. После того, как мы дважды оказались перед глухой стеной, я высказала свои опасения вслух.

— Нет дороги? — спросил отец. — Но сюда же ты прошла без затруднений, так?

— Да, но тогда меня притягивала Сила. — Я не помнила, как мы с Айлией шли. Казалось, дорога была очень лёгкой и простой от тех внешних ворот, где резные стражи подавали голос во время ветра, и я совершенно не помнила этих запутанных переходов и переулков.

— А что если это защита крепости? — спросила я вслух.

Мы остановились перед последней стеной, где проход, выглядевший так обещающе, оказался вдруг наглухо закрытым. Вокруг нас стояли дома с голубыми камнями над дверями и зиявшими окнами, и что-то вокруг них холодило сердце, как зимний ветер холодит тело.

— Наваждение? — Отец удивился.

Мать закрыла глаза. Я знала, что она осторожно пользуется мысленным поиском. Я рискнула последовать её примеру, всё время опасаясь коснуться нити, связывающей нас с Хилэриэном.

И мой разум узнал, что глаза действительно обманывают меня. Симон Трегарт был прав: на это место была наложена колдовская иллюзия, и стены вставали там, где их не было, открытые места на самом деле были заняты. Закрыв глаза, мы как бы увидели другой город, поставленный на тот, который был раньше. Причины этой иллюзии я не могла понять, потому что это были не новые чары, поставленные Хилэриэном, чтобы сбить нас с толку. Это колдовство было очень старым, обтрёпанным и износившимся почти до основы.

— Я вижу! — резко сказал отец. Он тоже переключился на другое зрение. — Так... Мы идём сюда.

Сильная рука схватила мою руку, в то время как я и мать держали под руки Айлию; связанные таким образом, мы стали разрушать чары города, потом мы закрыли глаза дневному свету и подчинились нашему внутреннему зрению.

Мы вышли на улицу, спускавшуюся к толстой внешней стене, и я узнала её. По ней мы шли, когда спасались от пиратов. Я дважды открывала глаза, чтобы проверить, действуют ли ещё чары наваждения, и каждый раз видела тупиковую улицу или стену дома или часть стены, так что спешила зажмуриться и продолжать наш путь.

Человек, не имеющий подобного дара, не смог бы победить этого колдовства. Мы в этом убедились, когда дошли наконец до ворот. На расстоянии вытянутой руки от входа на земле лежал воин, раскинув руки, будто хотел дотянуться до свободы, которой так и не увидели глаза. Это был рослый мужчина в кольчуге. Его грубые волосы были заплетены в косы. Богатый шлем валялся в стороне. Лица человека не было видно, и я была рада этому.

— Салкар! — Отец наклонился над телом, но не касался его.

— Не думаю. Во всяком случае, не из того племени, которое мы знаем, — возразила Джелит. — Наверное, это из твоих пиратов, Каттея.

В этом я не могла бы поклясться, поскольку видела их

только мельком в ту ночь, когда они напали на вапсалов, но подумала, что мать права.

— Он умер уже довольно давно. — Отец снова выпрямился. — Может, он погнался за тобой, Каттея, и для него ловушка сработала.

Но нам удалось избежать её. Мы прошли сквозь стену между бронзовыми зверями и здесь обнаружили признаки того, что люди действительно боялись этих мест; перед воротами лежала каменная плита, принесённая, наверное, из разорённого посёлка, и на ней лежала куча разных вещей. Сначала они, наверное, были разложены как следует, но потом птицы и звери сбили это всё в кучу. Там была меховая одежда, теперь засыпанная песком и расклёванная птицами, металлические блюда, на которых когда-то лежала пища, меч и топор, при виде которых отец с изумлением вскрикнул. Вообще-то он был посредственным меченосцем, потому что в его родном мире мечи не употреблялись. Тем не менее, для воина всякое оружие благо, когда ничего другого нет.

— Оружие мёртвого, — сказал он. — Говорят, если взять оружие убитого воина, значит взять и его боевые навыки.

Я вспомнила, что Кимок, придя за мной в Чёрную Башню Динзиля, нашёл меч в тайнике давно исчезнувшей расы и взял его для нашей защиты. Я думаю, поскольку уж рука мужчины инстинктивно хватается за сталь, пусть это оружие будет служить добру, а не злу.

Мать тоже взяла что-то с этого жертвенного стола и, держа это обеими руками, вглядывалась почти со страхом.

— Эти пираты прячут свою добычу в странных местах, — сказала она. — Я слышала о такой вещи, но никогда не видела. Видимо, они сочли её недостаточно ценной, раз предложили живущим здесь, по их мнению, демонам.

Это была каменная чаша, сделанная в виде двух сложенных ладоней, но руки были не вполне человеческими; пальцы очень длинные и тонкие, узкие остроконечные ногти прикрыты блестящим металлом. Чаша была красно-коричневая, гладкая и хорошо отполированная.

— Что это? — с любопытством спросила я.

— Зеркало видения. Им пользуются как хрустальным шаром, только сюда наливается вода. Не знаю, как эта

вещь попала сюда, но она не должна здесь оставаться. Дотронься до неё, Каттея.

Она протянула мне чашу. Я прикоснулась к ней и вскрикнула от неожиданности, камень был не холодным, как я ожидала, а горячим, почти обжигающим. Но Джелит держала чашу и, казалось, не чувствовала жара. А я ощущала не только жар, но и волну Силы и поняла, что это могучая сила, которая может послужить нам оружием, как и меч, так естественно оказавшийся в руках отца.

Мать взяла обрывок шёлка, тоже лежащего на жертвеннике, завернула в него чашу и спрятала её под тунику. Отец прицепил к поясу меч и сунул туда же боевой топор для равновесия.

Эта куча награбленного наводила на мысль, что в ту снежную ночь победителями стали пираты, а не вапсалы. Я была уверена, что всё это оставили здесь именно они. Я ни разу не видела, чтобы вапсалы оставляли где-нибудь свои сокровища, кроме как в гробнице Утты.

Теперь, прежде чем уйти отсюда, надо было удостовериться, что из народа Айлии никого не осталось. Я объяснила это родителям, и они согласились со мной. Сейчас была середина утра, солнце приятно пригревало. Снега уже не было, лениво жужжали насекомые, и мы слышали утреннюю переключку птиц.

Пока мы не покинули мыс, я всё время была в напряжении, ожидая контакта с Хилэриэном, его зова или вопроса: куда мы пошли и зачем. Но вот мы вошли в кустарник, где распускались почки, в нормальный для глаз мир, и моё напряжение чуточку спало. Но я всё ещё сомневалась и сознавала, что мы не освободились от своего спутника, которого я меньше всего на свете хотела видеть.

Когда мы обследовали посёлок, стало ясно, что он пуст, и не потому что племя отправилось в странствия. На ветру полоскались разорванные шкуры палаточных крыш.

Мы: осторожно прошли по развалинам. Я нашла хижину, из которой бежала — но когда? Для меня это было несколько дней назад. Морские разбойники побывали и здесь. Сундук Утты был опрокинут, свёртки с травами разорваны и содержимое из них высыпано и перемешано.

Мать поднимала то сухой листок, то щепотку травяной пыли, нюхала и бросала, покачивая головой. Я поискала

рунные свитки, приведшие меня в цитадель, но их не было. Видимо, пираты решили, что это ключ к какому-нибудь кладу. В дальнем углу мы нашли кувшин с дорожной пищей из вяленого мяса, спресованного с сухими ягодами. В то время для нас это было дороже любых сокровищ.

Айлия стояла за дверью, где её оставили, и, казалось, не видела ничего вокруг и не сознавала, что вернулась в свой посёлок. Отец прошёл по другим палаткам, но быстро вернулся.

— Место смерти, — угрюмо констатировал он. — Уйдём отсюда.

У меня не было друзей в племени. Я была пленницей, но я никогда не была им врагом, и их смерть всегда будет лежать на моей совести: они верили в мой дар, а я погубила их. Мать прочла мои мысли, обняла меня и сказала:

— Нет, потому что сознательно ты не обманывала их, и тебе ничего не оставалось, как предоставить их своей судьбе. Ты не Утта, и ты не могла держаться за выбор, который они заставили тебя сделать. Так что не бери на себя чужой груз. Это зло жизни, и в какой-то мере люди сами виноваты, когда это зло приходит как акт судьбы.

Слова, предназначенные для утешения и облегчения, сейчас, однако, были только словами, хотя и запали мне в душу, и позднее я вспомнила их.

У нас не было ни саней, ни сильных собак, не было настоящего проводника. Мы знали только, что нам нужно на запад. Сколько времени займёт путешествие в Зелёную Долину, и много ли опасностей подстерегает нас на пути — можно было только гадать.

Я думала, что вспомню дорогу по берегу реки, через страну от места горячих источников, но когда я сказала об этом отцу, он покачал головой и ответил, что если долина горячих источников так хорошо известна кочевникам, то лучше обойти её и направиться прямо на запад. Это была хорошая мысль, хотя мы и не могли быстро идти пешком, особенно с Айлией, которая хоть и шла под нашим контролем, но о ней надо было заботиться, как о неразумном ребенке.

Итак, мы повернулись спиной к морю и крепости на мысе. Продуктов у нас почти не было — скверное на вкус

мясо, принесённое из того мира, и кувшин из поселка. Но зато недостатка в воде не было, потому что здесь было множество ручьёв, оживших с приходом весны.

Отец поднял с земли два округлых камня и соорудил удивительное оружие, какого я никогда не видела. Он скрепил камни ремнём, затем раскрутил над головой и запустил для начала в кусты. От удара и веса камней ремень закрутился вокруг ветки и оборвал её, смятая почки. Отец довольно засмеялся и пошёл освобождать ремень.

— Похоже, я ещё не совсем разучился, — сказал он. Затем он снова бросил своё оружие, но уже не в куст, а в его неосторожного обитателя — подскочившую вверх птицу. Когда мы остановились на ночлег, у нас было уже четыре таких птицы. Мы зажарили их на костре и с аппетитом съели. Это было очень хорошо после долгого сидения на однообразном пресном рационе.

Ночью похолодало, но мы не остались у костра. Отец положил в него последнюю охапку листьев и прутьев, а нас отвёл на место, которое он наметил для ночного лагеря — довольно далеко от этого маяка, могущего привлечь внимание. Он выбрал маленькую рощицу, где зимние ветры повалили несколько деревьев, и те при падении захватили и другие, так что получилось нечто вроде шалаша из перепутавшихся веток и стволов. Мы заползли в него и загородились кустарником. Если бы у меня было немного травы из запаса Утты, можно было бы поставить защитные чары, но пираты так всё перемешали, что выбрать нужное мне не удалось.

Однако мать достала из поясного кармана кусочек голубоватого металла, осторожно провела по нему рукой и воткнула в землю. От него исходило бледное мерцание, которое должно было ярко вспыхивать, если вблизи появится кто-то из Тьмы. Правда, против разбойников, хищных животных или кочевников защиты у нас не было никакой, кроме наших глаз и ушей, поэтому мы установили дежурство. У меня была первая вахта, и я напряжённо всматривалась в темноту, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить остальных.

Мои глаза и уши были настороже, и я время от времени пыталась объединить их с мозгом, посылая короткий мыслепоиск, но с большими интервалами, так как в этой

стране его могут перехватить враги. В ночи слышались странные звуки и шорохи. Моя кровь бежала быстрее, и я настораживалась, но потом убеждалась, что эти звуки производят ночные животные или ветер.

И всё это время я отгоняла от себя желание подумать о Хилэриэне, о том, что он сейчас делает в пустой крепости, которая когда-то была центром его владений. Всё ещё вспоминает прошлое, которого больше не вернуть? Или он уже преодолел этот удар и собирается снова воспользоваться своим Даром? Зачем? Ворот он больше открывать не будет, в этом я была уверена. Хватит с него и этого долгого заключения у Зандора.

Зандор... Я с удовольствием отгородилась от своих опасных размышлений о Хилэриэне. Интересно, что произошло с Зандором? Может быть, наш побег из его подземелья сильнее сказался на его машинах, чем думал Хилэриэн? Может, это подорвало силу Зандора? Ведь мы ждали погоню, но этого не случилось. Возможно, Зандор так ослаб, что обитатели башен нанесли последний удар по его подземному убежищу, и кончилась эта бесконечная война, принёсшая тому миру пепел и смерть.

Но думать о Зандоре — значит, вспоминать и Хилэриэна, так что я прогнала от себя и эти мысли. Оставалось вспоминать о более далёком прошлом, о Зелёной Долине, о Кайлане, о Кимоке. Неужели там всё ещё идёт война? А что если те, кого я люблю, сейчас ведут смертельную схватку? Я послала мыслепоиск в ту сторону. Только дойдёт ли он?

Я пришла в такое возбуждение, что забыла, где я, какие обязанности возложены на меня. Я закрыла глаза и уши, склонила голову на руки. Кимок! Я мысленно рисовала его лицо, узкое, длинное, волевое. Он был недалеко! Пытаюсь удержать его, я всё дальше посылала зов, вкладывая в него всю свою силу.

— Кимок!

И пришёл ответ! Сначала неясный, затем усиливающийся. Он услышал! Он там! Я не ошиблась, смерть не стояла между нами!

— Где? Где вы? — бился в моём мозгу его вопрос, так что у меня тряслась голова, и я вынуждена была придерживать её рукой.

— Восток... — Больше я ничего не могла сказать: голова

моя качалась не от мысленного посыла, а от рук, трясших меня за плечи и разбивавших мысленный контакт. Я открыла глаза с гневным криком.

— Это безумие! — холодно прошептала мать. Я видела перед собой только тёмный силуэт, но её крепкие руки всё ещё держали меня. — Что ты ещё натворила, девчонка!?

— Кимок! Я говорила с Кимоком. — Я разозлилась, как и она.

— Твой разговор мог перехватить кто угодно, — ответила она. — Такой поиск может привести нас Тьму! Если мы до сих пор не обнаружили их следов, то это не значит, что вся страна чиста! Не ты ли сама говорила нам об этом?

Она была права, но и я была права тоже, потому что Кимок знает теперь, что я жива, и может прийти к нам. Если между нами и Зелёной Долиной стоит какое-то Зло, то нас предупредят те, кто желает нам добра. Когда я высказала все эти доводы, мать отпустила мои плечи.

— Может быть, — проговорила она вслух. — Но хватит... Когда захочешь сделать это ещё раз, скажи мне, вместе мы сильнее.

В этом она тоже была права. Но я не могла избавиться от возбуждения, какое принёс мне ответ Кимока. Ведь уже так давно, с тех пор, как я участвовала в делах Динзиля, я была отделена от того, что делало нас троих одним существом. Пока я мучительно старалась освоить заново своё искусство у Утты, это пришло само собой. Быть снова той, кем я была...

— А будешь ли когда-нибудь? — снова ударил меня шёпот матери. — Ты пошла другой дорогой, с которой уже не свернёшь. Я просила для вас троих то, что считала самым полезным для вас в этом мире: для Кайлана — меч, для Кимока — свиток, для тебя же дочь — Дар. Но ты пошла по другому пути, чего я не предвидела. Возможно, это очень плохо для тебя...

— Нет! — мгновенно возразила я.

— Посмотрим, что ты скажешь в будущем, — неопределённо заметила она. — Так вот, дочка, ты не тревожь нас больше посылами. Нам надо отдохнуть.

Вопреки своим нетерпеливым желаниям я дала ей обещание.

— Не буду... сегодня.

И я снова стала следить только за внешним миром до того часа, когда Джелит сменила меня, а я погрузилась в сон.

Перед восходом солнца отец разбудил нас всех. Рассвет был гораздо холоднее: на ветвях лежал иней.

Мой отец в основном воевал на границах, а мать нередко сопровождала его. Но они никогда не ходили пешком. Я тоже не ходила, так что теперь мы все трое находили такой способ преодоления пространства весьма утомительным, и он изматывал нас куда больше, чем мы предполагали сначала. Мы старались идти ровным шагом, но не слишком быстро из-за Айлии.

Девушка шла, куда её вели, если ей подносили пищу ко рту — ела, пила, когда давали, но оставалась как во сне. Она так давно отошла от реальности, что я сомневалась, придёт ли она в себя когда-нибудь полностью. Мы не могли бы оставить её в таком состоянии у её народа, даже если бы и нашли его. Всё равно её убили бы, потому что для кочевого народа она стала бы тяжёлым бременем. Утта оставалась с ними так долго только потому, что она имела Дар, а Аусу, жена вождя — потому что имела преданную служанку, заменявшую ей руки и ноги.

Глава 17

Симон Трегарт был ловок и хитёр, как и всякий, кто подолгу лежал в засадах или обходил ловушки врага в диких горах Карстена. Он шёл впереди, иногда приказывая нам всем остановиться и оставаться в укрытии, пока он не изучит обстановку и не подаст нам сигнал. Я не могла понять, что вызывало его подозрения, если это что-то не лежало прямо на дороге, но всецело доверяла отцу.

Мысленным разговором мы не пользовались, поскольку эта страна не была чистой. Дважды мать приказывала нам поспешно обойти стороной какие-то места, где её Дар обнаруживал скрытое Зло. Одним из таких мест был холм, на котором стоял каменный монолит, тёмно-красный в солнечном свете. Там не росло ни единой травинки вокруг, земля была на вид твёрдая и почерневшая, как после пожара. Сам камень, если приглядеться, мерцал по контуру и как бы менял очертания. Я быстро отвела глаза, зная,

что нельзя рассматривать то, природа чего тебе непонятна.

В другой раз мы чуть не погибли, попав в лес, где деревья стояли без листьев, но не потому, что для них ещё не настало время, а потому, что вместо листвы на ветках висели желтоватые шишки или наросты с красными серединами, отвратительные на вид. Они казались открытыми язвами, разъедавшими больную плоть растения. У нас появилось слабое ощущение, что дело не только в этих деформированных отвратительных деревьях, а в том, что в их тени как бы что-то ползает, крадётся, не смея выйти на солнечный свет и ожидает возможности прыгнуть и утолить свой неистовый голод.

Обходя это зло, мы подались на юг и увидели, что лес гораздо больше, чем мы думали. Его пальцы поражённых лиан и кустов тянулись в стороны и захватывали растительность. Они дотянулись до берега реки, где мы и остановились в нерешительности. Нам оставалось либо пробиться через них, либо идти по воде, если не удастся пройти по узкой полоске гравия под выступом берега, а с Айлией это будет весьма непросто.

Но вдруг над водой из-за реки пронеслись звуки, и мы упали на землю на краю берега за тонкой завесой кустарника между нами и водой внизу. Я задыхалась от ветра, дувшего со стороны зачумленного леса. Вонь была нестерпимая. Теперь у нас не было возможности уйти, так как с дальнего берега доносились голоса, только слов нельзя было разобрать.

На секунду я подумала, что это вапсалы, спасшиеся из разгромленного посёлка, потому что они выглядели весьма похоже, но когда они зашлепали по воде, наполняя водяные мешки, я не увидела ни одного знакомого лица. Я заметила, что, хотя одежда у них в основном была та же, что и у вапсалов, вместо плащей, какие носило племя Утты, у этих было перекинуто через плечо что-то вроде тканного одеяла, сложенного узкой полосой.

Они явно не торопились уходить: женщины и дети разводили костры и ставили котлы на треногах, а мужчины сняли обувь и шли по воде, растягивая рыболовную сеть и покряхтывая от холода.

И тут впервые Айлия зашевелилась по собственной

воле, и я быстро обернулась к ней. Лицо её утратило своё пустое выражение, глаза смотрели на эту сцену разумно и узнающе. Она подняла голову. Я испугалась, что она закричит и привлечёт внимание этих людей, хотя они и не вапсалы, и она никого из них не знала. Я хотела схватить её за руку, но она уклонилась и ударила меня по голове, что на минуту ошеломило меня. Затем она быстро поползла на коленях, но не к тому месту, а в противоположную сторону, как если бы видела в тех людях смертельных врагов. Если бы она просто отступила от края берега, всё было бы ладно. Но она в своей слепой поспешности поползла к западу, прямо к кошмарным растениям. Её было необходимо остановить. Мой отец бросился за ней, схватил её за лодыжку и дёрнул назад.

Она молча упала ничком — видимо, страх перед людьми чужого племени заставил её молчать — затем повернулась и бросилась на отца, пустив в ход зубы и ногти.

Но самым скверным было то, что во время этой борьбы уродливые лианы зашевелились, как змеи, готовые напасть. Мы с матерью объединились в мысленном послыле, предназначенном для подчинения Айлии, яростная борьба которой не только могла выдать нас тем людям, но и позволить лианам, поднявшимся теперь в воздух, схватить её и отца.

Айлия обмякла, но отец не смог встать сразу. Мерзкие наросты на лианах вдруг лопнули. Мать вскрикнула и побежала туда, я последовала за ней. Мы ухватились за отца и Айлию и оттащили их подальше. Это было сделано как раз вовремя, потому что один из лопнувших наростов выпустил в воздух струю пыльцы. К счастью, она не долетела до того места, куда мы успели отползти, а упала на землю под корчившимися стеблями.

Однако было похоже, что мы избежали одной серьёзной опасности только для того, чтобы попасть в другую. С другого берега реки вдруг донеслись крики, и я увидела там лихорадочное движение. Рыболовы бросили сеть и зашлёпали к нам по воде с оружием в руках.

— Быстрее! — раздалась в моём мозгу команда матери.
— Цепь для наваждения.

Не знаю, какого рода изображение она выбрала, чтобы укрыть нас: но того, что получилось от соединения наших сил, вполне хватило, чтобы мужчины племени резко оста-

новились среди потока, а их женщины и дети с визгом бросились наутёк. На моих глазах мои родители превратились в мерзких чудовищ, да и я, наверное, тоже выглядела устрашающе. Только Айлия, лежавшая как мёртвая, оставалась в человеческом образе.

Мать слегка замешкалась, но нерешительность её продолжалась лишь несколько секунд. Затем она выпрямилась на бесформенных когтистых лапах, угрожающе взмахнула передними лапами с громадными птичьими когтями, демоническая маска повернулась к реке, и из её горла вырвался рёв, способный пробить барабанные перепонки. Увидев и услышав её, мужчины племени с воплями повернули назад и бросились вслед за своими женщинами.

— Хватит. — Отец наклонился и поднял Айлию на своё чешуйчатое плечо. — Мы достигли цели... Теперь можно убраться...

Уничтожить наваждение? Мы пытались сделать это, как только люди племени побежали обратно, но прежний облик не возвращался. Чудовище, которое было Джелит, медленно повернулось и уставилось на мерзкий лес.

— Видимо, — проговорила она, — мы сотворили наши чары слишком близко от этого проклятого леса. Мы не стали невидимыми, как я того хотела, но зашли слишком далеко в другом направлении. Теперь я не знаю, как это уничтожить.

Я затряслась от страха. Однажды я уже носила знак Тьмы, и он вовлёк меня в такое, о чём не хотелось вспоминать. Кимок ценой собственной крови вернул меня к человеческому роду. Но я познала ужас и отвращение к себе. Неужели мы снова осуждены нести такое пятно?

— Плакать будем потом, — сказал отец, — а сейчас нам лучше уйти подальше от этой гнусности.

Мы пошли за ним в воду. Я подумала, что теперь нам нечего бояться возвращения племени. Кроме того, вокруг нас текла вода, и это в какой-то степени успокаивало, потому что текущая вода сама по себе является барьером для Зла. Я почти надеялась, что моя чудовищная внешность исчезнет, когда поток смоет мою чешуйчатую кожу. Но этого не случилось, и мы вышли из воды, какими вошли в неё, и оказались в наполовину устроенном лагере племени.

Увидев брошенные сумы, мы принялись разыскивать и складывать в свои мешки сушёную пищу и другие припасы. Мать прошла мимо меня, наклонив страшную рога-тую голову, как бы обнюхивая след. Наконец её когтистые лапы разорвали туго завязанную корзинку, вывалив сухие травы, и она долго сортировала их, пока не отделила гор-сточку сухих, ломких листочков.

Мы не вернулись к реке, а пошли прямо на запад. Те-перь отец уже не ходил вперёд на разведку, полагая, что наше ужасное обличье вполне может служить защитой. Он нёс Айлию, а мы шли по бокам. Следить за нами было некому, потому что даже большие собаки заразились общей паникой и бежали за хозяевами без оглядки.

— Когда мы окажемся в безопасности, — сказала Дже-лит, — у меня, кажется, есть кое-что, что вернёт нам преж-ний вид.

— Отлично, — отозвался Симон. — Но сначала уйдём как можно дальше отсюда.

На этой стороне реки расстилались луга. Вероятно, когда-то здесь были фермы, хотя там, где мы проходили, не было и намёка на строения. Но когда мы вышли к рядам деревьев, я убедилась, что раньше здесь жили люди, в мире и довольстве. Деревья ничем не напоминали зло того ужасного леса. На них распускались бутоны, это был фруктовый сад.

Некоторые деревья были мёртвыми, расщепленными бурей, погибшими от старости, но многие цвели, воспе-вая продолжавшуюся жизнь. Жизнь действительно про-должалась. Птицы гнездились здесь в изобилии. Видимо, они надеялись на ранние плоды для своего пропитания.

Как тот лес был отмечен клеймом Зла, так здесь чувст-вовалось благословение источника покоя. Я ощущала запахи трав, слабые, но безошибочные. Тот, кто сажал этот сад или ухаживал за ним, посадил также и растения, служившие для лечения и блага. Хотя здесь и не было голубых камней безопасности, всё равно кругом царили мир и полное спокойствие.

Здесь мы и остановились. Айлия спала. Мать достала чашу, изображавшую сложенные ладони. Держа её в ког-тях, она медленно поворачивала голову, как бы в поисках направления, а затем пошла к одному из деревьев и опус-

тилась на землю. Я пошла за ней, ведомая тем же слабым запахом.

В маленьком бассейне журчал источник. Над ним зеленели нежные стебельки, с мелкими жёлтыми цветочками. Мы в детстве называли их «глазастиками». Они были хрупкими и держались всего один день, но это были первые весенние цветы.

Мать встала на колени и до половины наполнила чашу водой из источника. Осторожно держа её обеими лапами, она вернулась к нашему временному лагерю под деревьями.

— Разведём костёр? — спросила она отца.

Его рогатая и клыкастая голова закачалась.

— А это необходимо?

— Да.

— Пусть так.

Я уже собирала под мёртвыми деревьями длинные и сухие стебли и ветви, выбирая те, которые дадут сильный, приятно пахнущий дым, и достаточно высохшие, чтобы горели быстро и ярко.

Отец тщательно сложил маленький костёр и зажёл его. По знаку матери я бросила в огонь щепотку трав, которые она собрала на стоянке племени.

Джелит наклонилась над огнем, держа чашу обеими лапами и пристально вглядываясь в неё. Я увидела, что вода в чаше затуманилась и в ней появилось ясное рельефное изображение. В глубине чаши стоял мой отец — не чудовище, следившее за костром, а человек. Я поняла, что надо делать, и присоединила свою волю к воле матери. Но даже вдвоём это было трудно. Изображение в чаше медленно изменялось. Оно становилось бесформенным, чудовищным, а мы следили и напрягали волю. В конце концов изображение полностью совпало с тем существом, которое вело нас через реку.

Тогда мать дунула в чашу. Изображение исчезло, осталась только вода, такая же чистая, какой была в начале. Когда мы подняли головы, стараясь выпрямить наши горбатые спины, мы увидели, что отец снова стал человеком.

Мать передала чашу отцу, а не мне. Она посмотрела на меня с некоторым сожалением, если такое выражение можно было заметить на её страшной морде, и заметила:

— Он самый близкий...

Я кивнула. Она была права. У него мысленное изображение выйдет наиболее отчётливым. Я послала свою силу отцу, пока мать отдыхала. Я тоже чувствовала нарастающую усталость и принуждала себя к борьбе. Мать в чаше медленно превращалась из высокой статной женщины в безобразное чудище, пока мы не решили, что сделано достаточно, и отец сдул отражённого в воде демона в ничто.

— Отдыхай, — приказала мне мать. — Остальное мы должны сделать сами, как в своё время дали тебе жизнь.

Я растянулась на земле, смотрела, как они наклонились над чашей, и знала, что они рисуют меня так, словно я стою у них перед глазами. Но мы были так долго с ними в разлуке, смогут ли они построить ту «меня», какую я видела в зеркале? Странная мысль, чуточку тревожная. Я перевела взгляд на цветущие ветви деревьев под которыми лежала. Во мне поднялось великое желание остаться здесь навсегда, сбросить с себя весь груз и лежать, лежать...

Что-то звякало вдоль моего тела, но я не обратила внимания на это. Глаза у меня закрылись, и я, кажется, уснула. Когда я проснулась, солнце припекало сильнее и клонилось к западу. Значит, большая часть дня уже прошла. Я удивилась, почему мы не уходим.

Приподняв голову, я оглядела себя и увидела, что вернулась в свой собственный облик. Мать сидела рядом, прислонившись к дереву, а отец лежал, положив голову ей на колени. Он, видимо, спал, а она ласково гладила его по волосам, но смотрела не на него, а куда-то вдаль, и на губах её играла улыбка, смягчавшая её обычно суровое лицо. Теперь оно было даже нежным, как будто она вспоминала о чём-то счастливом.

Меня опять охватило нелепое чувство одиночества, пустоты, которое появлялось у меня и раньше, когда я оказывалась свидетельницей их чувств друг к другу. Я как бы смотрела на уютную тёплую комнату из тёмной холодной ночи. Мне почти хотелось стереть эту радость с лица матери, сказав ей: «Ну, а что для меня? У Кайлана и у Кимока это есть, а я думала, что нужна Динзилю. Неужели правда, что, как я узнала от него, любой мужчина, пос-

мотрев на меня, увидит во мне только оружие для осуществления своих честолюбивых замыслов? Неужели я должна отогнать напрасные надежды и пойти узким, бесплодным путём колдуний?»

Я встала. Мать взглянула на меня. Я и в самом деле нарушила её мечтательную задумчивость, но не совсем по своей воле. Её улыбка стала шире, на этот раз она относилась ко мне, сияла нежностью и согрела меня.

— Такие чары — утомительная вещь. А место здесь хорошее. Обновляются тело и душа.

Отец зашевелился и встал, позёвывая.

— Это верно. Но нельзя спать весь день. Нам нужно пройти порядочное расстояние до темноты.

По-видимому, отец хорошо поспал. Наш отдых хорошо сказался и на Айлии, а может мать освободила от полного мозгового контроля и её. Она достаточно пришла в себя, чтобы идти после того, как мы поели из припасов племени.

И вот мы оставили этот оазис добра в старом саду. Когда я проходила мимо последнего цветущего дерева, я отломил веточку, понюхала цветок и воткнула себе в волосы, словно какую-нибудь драгоценность. Удивительно, что аромат не ослабел, когда цветок начал вянуть, а наоборот усиливался, так что я как бы омыла всё тело этим нежным запахом.

К ночи мы остановились на вершине небольшого холма, с которого можно было наблюдать во всех направлениях. Мы не стали разводить огонь, но когда темнота сгустилась, мы увидели вдали светившуюся точку — несомненно, костёр, как решил отец. Поскольку эта точка виднелась на юге, отец подумал, что там лагерь племени, удивившись, правда, что так далеко от реки. Вероятно, они не вернулись на берег даже для того, чтобы подобрать брошенные вещи.

Мы опять спали по очереди. На этот раз мне выпало дежурить в середине ночи. Когда мать меня разбудила, было очень холодно, и я поплотнее запахнулась в плащ. Айлия лежала чуть подальше. Вскоре после того, как мать пошла спать, я услышала, что Айлия зашевелилась. Она вертела головой и что-то бормотала. Бормотание сменилось более отчётливым шёпотом, и я наклонила голову

над ней, прислушиваясь. То, что я услышала, предупреждало об опасности.

— Запад... мимо злого леса... Через реку на юг... снова на запад... сад... затем на запад к холму мимо сухого дерева, более высокого, чем два других... На запад, в место, которое называют Зелёной Долиной.

Она три раза повторила это, затем замолчала. Я была уверена, что она не просто вспоминала нашу дорогу, а сообщала её кому-то. Кому и зачем? Её народ погиб или пленён морскими разбойниками, да я и не думаю, что кто-нибудь из них мог вызвать мозг Айлии. Днём она действовала под влиянием страха, когда увидела другое племя. Нет ли у них ясновидящей вроде Утты, которая следит за нами? Так могло быть, но это был не первый и не лучший ответ, который я нашла.

Хилэриэн! Он не стал бы контактировать со мной или с моими родителями, зная, что такой контакт, даже самый лёгкий, будет тут же замечен, так что ему придётся идти на попытку полного захвата. Но Айлия, по нашим стандартам, была слабой и лёгкой добычей для любого владевшего колдовством, поэтому он мог добраться до неё, работать с ней, через неё выслеживая нас. Все мои страхи насчёт него вернулись, но в то же время я чувствовала неуверенность, так как помнила, как мысленное прикосновение матери показало мне страшное одиночество Хилэриэна, узнавшего, что случилось с его миром, о возвращении в который он так долго мечтал, пребывая в плену.

Я никогда не верила в активное зло Хилэриэна. Я боялась только такого Зла, которое родилось бы от безрассудного интереса к исследованиям, любопытства и самоуверенности. Таким он был раньше, таким мог и остаться, и в таком случае он представлял собой угрозу всему, что мы сделали в Эскоре. Если он проследит за нами до Зелёной Долины...

Мы могли бы снова заблокировать мозг Айлии, но тогда придётся нести её на руках и постоянно о ней заботиться, а ведь нас наверняка ожидают многие опасности, и такая пленница может стать причиной нашей гибели. Бросить её тоже невыносимо. Окончательное решение принадлежало не мне одной, а всем трём.

Всё остальное время своего дежурства я прислушива-

лась, но от Айлии не исходило ни звука. Она спокойно спала.

Разбудив отца для последней вахты, я рассказала ему о том, что слышала, чтобы он был настороже, хотя вряд ли Айлия могла передать что-либо ещё.

Утром мы держали совет. Мать задумчиво разбирала мои предположения.

— Не думаю, что у пленницы есть ясновидение, — сказала она. — Твоя Утта всё-таки была исключением. А вот Хилэриэн — более разумный ответ. Возможно, мы совершили ошибку, оставив его.

— Но... — запротестовала я.

— Да, но... Много «если» и «но» встаёт перед нами всю жизнь, и мы выбираем то, что в данный момент считаем лучшим. У нас есть Сила, делающая нас выше некоторых, но мы никогда не должны думать, что мы выше человечества вообще. Я не думаю, что стоит блокировать мозг Айлии. Она станет для нас чересчур тяжёлым грузом. Я также не поставлю за нами защитные чары. Такой, как Хилэриэн, легко прочтёт их, как следы на влажной земле. Пусть лучше думает, что мы ни о чём не подозреваем, а когда наше путешествие закончится, мы придумаем защиту.

Отец кивнул:

— Ты, как всегда, рассудила замечательно, моя дорогая колдунья. Наша главная задача — пройти через эту местность туда, где мы найдём друзей. Пусть считают нас меньшими, чем мы есть. Это само по себе уже защита.

Это было весьма логично. Но когда мы на заре выступили в путь, я то и дело оглядывалась, и мне казалось, что за нами ползёт какая-то тень и немедленно прячется, когда я оглядываюсь, так что я так ни разу и не увидела её, а только ощущала её присутствие.

Глава 18

Мы не встретили больше такого солнечного и приятного уголка, как тот фруктовый сад, но зато не видели и таких гнусных мест, вроде того леса. Мы, можно сказать, шли по земле, где не ступала нога человека. Дикая местность, но не слишком труднопроходимая. Два дня мы шли

прямо на запад. Каждую ночь мы слышали, как Айлия рапортовала о проделанном за день пути. Можно было подумать, что она шла в полном сознании и смотрела вокруг глазами опытного разведчика.

На третий день далёкая голубая линия на северо-западе разбилась на отдельные горные пики, и я обрадовалась приближению к более или менее знакомой местности. Может, сегодня или завтра я наткнусь на отметки, которые приведут нас в места, патрулируемые людьми Долины.

К полудню мы поднялись на перевал и смотрели оттуда на луга. Трава была пожухлая, побитая зимними холодами, но сквозь неё уже пробивалась молодая свежая зелень. Людей не было, зато была очень старая каменистая изгородь, представлявшая собой теперь всего лишь линию упавших камней. От неё шла дорога, упиравшаяся в медленно текущую реку. В воде росло несколько деревьев, тянувших ветви над её поверхностью, а посередине реки лежал остров.

Увидев, что происходило на острове, мы в страхе застыли. Отец предупредил, свистнув, чтобы мы легли и не высовывались на фоне неба. Мы оказались свидетелями яростной битвы между вооружёнными отрядами.

На одной стороны реки скакали туда и сюда чёрные кеплианы — чудовища вроде лошадей, что служили сарнам-всадникам. Я думала, что все сарны погибли при поражении Динзиля, но оказывается их осталось в живых ещё достаточно, чтобы набрался целый отряд. Сарны внешне походили на людей и носили плащи с капюшонами. У одного края воды толпились серые, вытянув вверх полуволчьи морды, как бы выплёвывая свою ненависть и оглашая воздух злобным воем. Но, как и всегда, бегущая вода удерживала и тех, и других от атаки на остров. Однако в этом сборище Тьмы вода удерживала не всех; в воздухе пронзительно визжали рузы — птицы, предвестники зла. Они кружили, нацелив клювы и когти на отряд на острове.

Было и другое, чего не могла удержать бегущая вода. Над водой за клубился жёлтый туман. Он медленно, но верно тянулся к островку. Только резкие щелчки хлыстов Зелёных Всадников не допускали врагов близко. Но, возможно, что силы Тьмы держали только осаду, дожидаясь

подмоги, поскольку мы явно видели движение на другом берегу реки. Там тоже собрались сарны и серые, а за ними двигалось что-то настолько скрытое мерцанием воздуха, что мы не могли ничего разглядеть. Я была уверена, что это какое-то мощное Зло.

Однажды нас с Кимоком также окружили в Месте Камней. Кайлан и Зелёный народ пробились и освободили нас. Здесь же, похоже, окружили самих Зелёных Людей.

Кимок! Его имя было у меня на языке, но я не произносила его вслух, чтобы кто-то из Тьмы не подхватил его и не использовал как раз против того, кого я хотела защитить. Я видела, как кипит вода вокруг острова, и удивилась: неужели кроганы, бывшие нейтральными, всё-таки перешли теперь под знамёна Тёмных Сил?

Отец внимательно следил за сценой внизу. Затем он сказал:

— Разумно было бы предпринять какую-нибудь вылазку. Только это не колдеры и не люди...

Пальцы матери задвигались в понятных мне жестах. Она не пересчитывала врагов, но вроде бы проверяла их. Затем она ответила:

— Они не подозревают о нас. Некоторые из них имеют знания, но это не маги — просто рождённые в лучах Силы. Не знаю, удастся ли одолеть их чарами, но попробуем. Армия?

— Начнем с неё, — решил отец.

Мать достала щепотку трав, которыми снимала чары, когда мы выглядели чудовищами. Мы с отцом нацарапали земли с гребня и, смочив её слюной, скатали в шарики, а мать вдавливала в них травы. Закончив это, она выстроила шарики в линию перед нами.

— Называй их! — приказала она.

Отец так и сделал, долго и твёрдо глядя на каждый шарик. Некоторые из названных им имён я слышала раньше.

— Откилл, Бренден, Дермонт, Осберик.

Последнее было великим именем, Магнус Осберик удерживал Башню салкаров и взорвал её вместе с собой и напавшими колдерами, когда не осталось надежды на спасение.

— ...Финис, — продолжал отец называть имена погра-

ничников древней расы, салкаров и нескольких фальконе-ров. Все эти люди стояли когда-то рядом с ним, но теперь уже умерли, и наша магия не могла им повредить.

Когда он кончил, ещё не все шарики получили имена, и заговорила Джелит. Имена, которые она называла, как-то особенно щёлкали в воздухе. Она называла не воинов, а колдуний, ушедших за последний занавес.

Но вот замолчала и она. Один шарик остался неназванным. Что меня заставило? Ничья воля не входила в меня, не давила на разум, не направляла мою руку, однако я сделала то, о чём и не помышляла. Я указала на последний шарик и назвала имя — не мёртвого, а живого. Имя, которое я никогда бы не произнесла без принуждения, неизвестно как сорвалось с моего языка:

— Хилэриэн!

Мать бросила на меня быстрый оценивающий взгляд, но ничего не сказала, направив всю свою силу на призыв. Мы с отцом помогали ей. И вот из крошечных кучек земли, слюны и травы стали появляться фигуры, имевшие внешность названных людей. Были они настолько реальны, что можно было коснуться их и почувствовать их твёрдые тела. Они держали в руках оружие, готовые сражаться, и могли на самом деле убить.

И только последний шарик, который назвала я, не принёс плода. Я подумала: «Неужели только страх перед Хилэриэном и, может быть, желание думать о нём, как о мёртвом, отдалённом от нас, толкнуло меня на этот безрассудный поступок?»

Но сейчас не оставалось времени для праздных размышлений, потому что с гребня холма спускалась армия, вызванная нами. Впереди шли воины, за ними с полдюжины женщин в серых мантиях, у каждой из них на груди горел колдовской драгоценный камень, угрожавший врагу неизмеримо больше, чем сталь мечей воинов.

Так сильно было это наваждение, что если бы я не видела сама процесс создания чар, я приняла бы эту готовую к сражению силу за настоящую живую армию. Но один шарик остался. Я хотела разрушить его, но обнаружила, что не могу этого сделать, и оставила его лежать, а мы вчетвером пошли вслед за армией, спускавшейся по нашей воле к воде.

Не знаю, кто из осаждавших первым заметил нас, толь-

ко они все внезапно отхлынули от берега и кинулись на нас. Наши воины, размахивая мечами, врзались в самую гущу этой нечисти, хотя сначала я опасалась, что враг почувствует нереальность армии и отнесётся к ней, как к иллюзии.

Затем к нам повернулись сарны, и от них полетели огненные копья. Но никто из тех, в кого они целились, не закрутился в пламени и не пал мёртвым. И как только наши воины встретили серых, колдуньи из второй линии послали вперёд лучи из своих драгоценных камней. Лучи эти, коснувшись головы кеплиана или его всадника, видимо, вызывали безумие, потому что кеплианы с воплями бежали, но время от времени останавливались, дико лягаясь, скидывая и затаптывая своих всадников, которых не коснулись лучи.

Главным для нас было выиграть время. Я хорошо понимала это и старалась вместе с родителями крепко держать поток Силы, питавший эту иллюзию. Клубы тумана потянулись от острова к нам. Туман этот был практически нереален, его нельзя было разрубить мечом, и лучи, казалось, не вредили ему, хотя он и старался отклониться от всего, что целилось в его центр.

И вот, наконец, это загадочное и странное облако подползло к нашей стороне реки. Ни сарны, ни серые на том берегу не делали никаких попыток перебраться на этот берег и принять участие в сражении или хотя бы доплыть до острова. Они как бы ожидали, когда путь к отступлению для нас будет окончательно отрезан, оставив это странное существо вести битву.

Мать внезапно взмахнула рукой, и отец тут же оказался рядом и обнял её за плечи, поддерживая. Меня задело лишь боковой струёй этого хаотического завихрения тумана, косо ударившего в нас, но мать, видимо, получила полный удар. Стало совершенно ясно, что удар этот исходил из того мерцавшего невидимого Нечто. Но если оно предполагало небрежно смахнуть нас, то скоро поняло, что мы гораздо сильнее, чем оно думало.

Наши иллюзорные отряды не упали замертво и не ослабели. Они просто перестали существовать, потому что энергию, наполнявшую их жизнью, мы отвели для собственной защиты. Но наша армия успела расчистить дорогу

к берегу, и люди на острове быстро воспользовались передышкой. Я видела, как поднялись ренты, ранее лежавшие в глубине, на них садились люди и, размахивая энергетическими хлыстами, сметали остатки гадости. Затем громадными прыжками через воду они бросились к нам.

Впереди всех скакал Кимо, за его спиной сидела Орсия. Её волосы и перламутровая кожа поблескивали от воды. За ними мчались зелёные люди — четверо мужчин и две женщины.

— Садитесь! — крикнул брат. Отец почти швырнул Айлию к одному из зелёных и помог матери сесть позади второго. Я протянула руки к одной из женщин и взобралась на её рентана, а отец сел к одному из мужчин-всадников.

Кеплианы и серые, раскиданные нашим иллюзорным войском, так и не смогли собраться, и мы помчались к юго-востоку, держась берега реки. Мы ехали и знали, что сзади нас преследует мерцающая угроза, и что из всего, с чем мы встретились в этот день, она самая страшная.

Я оглянулась и увидела, что оно вышло из воды — видимо, бегущая вода не была ему помехой — и движется теперь по нашему берегу. От скорости его передвижения зависела теперь наша жизнь. Мы не могли остановиться и сотворить новую армию, даже если бы могли призвать силы и дать им жизнь.

Я никогда не знала, какую скорость могут развить ренты, но в тот день увидела и вторично испытать такое не хотела бы, разве что в случае крайней необходимости. Я вцепилась в женщину, которая сидела передо мной, и всё своё внимание сосредоточила на том, чтобы удержаться в седле. Окружающий мир проносился мимо меня с такой быстротой, будто ренты летели, не касаясь земли, и я закрыла глаза.

Затем мы поехали не по земле, а по воде, всё дальше на восток, удаляясь от цели. Каменистое дно под водой замедляло ход рентов, но всё равно они бежали куда быстрее самых лучших лошадей Эсткарпа. Я боялась оглянуться, потому что безымянное Нечто посылало нам уже не удары, имевшие целью сбить нас, а что-то вроде покушения. Для меня эти коварные прикосновения были хуже удара меча. Их упорство показывало, что если уж это

создание вышло на охоту, его ничто не заставит свернуть со следа.

Однако рентаны тоже могут устать, и я боялась представить себе, что будет, если они пойдут медленнее или вообще остановятся?

Наше путешествие по воде закончилось так же неожиданно, как и началось. Рентаны перешли поток под углом, вышли на противоположный берег и повернули на запад. Близился вечер, а ночь — время Тьмы. Безымянное Нечто может созвать помощников, не смевших выйти при дневном свете. Нам необходимо было найти хоть какую-то защиту на ночные часы, и я надеялась, что те, с кем мы едем, тоже понимают это и позаботятся обо всём.

Но когда рентаны наконец остановились, я была поражена и могла только предположить, что они и в самом деле выдохлись, если подвели нас в столь опасном месте, как и то, из которого бежали. Мы оказались в открытой низине, где сухая трава доходила рентанам едва до колен. Здесь не было никаких признаков светлых сил — ни голубых камней, ни даже того ощущения добра, которое было в саду. Мы были открыты и беззащитны против любой атаки врага.

Зелёные люди сошли со спин своих союзников и пригласили нас проделать то же. Затем я наблюдала встречу Кимока с родителями. Кимок был таким же высоким и прямым как отец, только более стройным. Он долго смотрел на отца, в его глаза, затем протянул ему руки, и отец сжал их в приветствии пограничников, они обнялись и прижались щеками друг к другу. Перед матерью Кимок опустил на одно колено, склонив голову, и она коснулась её. Затем он поднял взгляд на неё, и она, благословляя, провела рукой над его лбом.

— Славная встреча в столь дурное время, — прокомментировал отец. — Но похоже, что в этом месте у нас не будет защиты.

— Сегодня полнолуние, — ответил Кимок. — А в такую ночь нам необходим свет, как для наших преследователей — мрак.

Но нам служила не только луна. Зелёные с уверенностью, показывавшей, что это делается не впервые, огнём своих хлыстов аккуратно нарисовали на земле звезду,

достаточно большую, чтобы вместить весь наш отряд. На остриях звезды они зажгли костры из скрученной травы и положили в середину каждого костра кубик смолы величиной с мужской кулак. Кубик загорелся, но не сильным, быстро коптящим пламенем. Из него исходил высокий столб голубого света, которое защищало от Зла.

Оказавшись в безопасности, мы поели, а затем стали разговаривать. Нам было о чём поговорить. Я узнала, что Кимок с Кайланом были отнесены лавиной далеко в сторону. С ними был и Валмонд, к сожалению, сильно пострадавший. Позднее они нашли переломанное тело Рокнара, а меня разыскать не смогли. Их чуть не убила вторая лавина, засыпавшая место, которое они начали раскапывать. В конце концов они вернулись в Долину, надеясь, как и я, что наша связь сказала бы им, если бы я умерла.

Зима для Долины была трудной. Злые силы с наступлением холодов осмелели, и на границах той части страны, которая была очищена Зелёным Народом и его союзниками, что ни день происходили стычки. Похоже, Тени задумали измотать людей, держа их в постоянном состоянии тревоги. Мои братья давно были знакомы с жизнью пограничников, так что легко вернулись к ней.

С приходом весны осаждающие силы Зла ослабли, так что патрули Долины продвигались с военными действиями всё дальше и дальше. Кимок был как раз занят в таком разезде, когда моя мысль достигла его, и он тут же отправился искать меня. Теперь мы находились далеко от зоны влияния Долины, и нам следовало ехать очень быстро, чтобы оказаться под её покровом.

Мы рассказывали друг другу о своей жизни, и всё это заняло немало времени, хотя мы придерживались лишь голых фактов. Он вздрогнул, услышав о Хилэриэне, и сразу посмотрел на меня. Я знала, о чём он вспомнил в этот момент. Он думал, не придётся ли нам бороться с ещё одним Динзилем, только раз в десять более сильным. Я не могла сказать ни «да», ни «нет», потому что у меня не было доказательств, только страх.

Рядом с братом сидела Орсия и тоже смотрела на меня. Я избегала её взгляда, потому что отлично помнила, как под влиянием Динзиля желала ей зла. Могла ли я надеяться, что когда-нибудь она сможет на меня смотреть, не

вспоминая о прошлом, о той стене, которая стояла между нами?

Когда мы наконец легли спать, она пришла ко мне, держа в руке маленький флакончик, не больше мизинца. Она осторожно открыла его и поднесла ко мне, так что нежный аромат коснулся моих ноздрей.

— Спи спокойно, сестра, и будь уверена, что сны, которые будут приходить, не будут иметь ничего от мрака. — Она увлажнила кончик пальца содержимым флакончика и провела им по моему лбу, векам и губам. Я поняла, что она хочет защитить меня, и поблагодарила её.

Она улыбнулась той же улыбкой и тщательно закрыла флакон. Затем кроганка сделала жест в сторону Айлии, которая сидела и смотрела в пространство невидящими глазами.

— Ей нужно побыть некоторое время в безопасном месте, — сказала Орсия. — Она не нашей крови, и то, что она видела, лежит на ней тяжёлым грузом. Когда мы прибудем в Долину, Дагона сможет исцелить её.

Она подняла голову и повернула её навстречу ночному ветерку. В нём не было миазмов Зла, и хотя было холодно, чувствовалось возобновление жизни. Глубоко вдыхая этот воздух, я чувствовала, как благодаря сердечной помощи Орсии, с меня упал один из моих тяжких грузов — камень страха и недоверия.

Большая часть нашей группы уже отдыхала. Рентаны, подогнув под себя ноги, пережёвывали жвачку и думали свои думы, не похожие на наши, но столь же выразительные. Орсия всё ещё сидела между мной и Айлией. Она взяла меня за руку и испытующе взглянула на меня.

— Тебе лучше, сестра.

Если это означало вопрос, я ответила даже с большей твердостью, чем сама была убеждена.

— Да. Моя Сила вернулась почти полностью.

— Твоя Сила, — повторила она. — Если ты нашла то, что тебе дорого, береги это, Каттея.

Я не совсем поняла, что она, в сущности, имела в виду. Пожелав ей, в свою очередь, спокойной ночи, я завернулась в плащ и уснула.

Если в душистой жидкости Орсии и было какое-то волшебство, то оно, похоже, не сработало. Едва я закрыла

глаза, как оказалась на гребне горы, где мы создавали из земли наше маленькое войско. Я снова коснулась пальцами последнего шарика и назвала имя, которое не хотела произносить.

И на этот раз на земле остались лежать все остальные шарики, а тот, чьё имя я назвала, вырос передо мной, но не такой, каким я его видела в последний раз в его пустой, разрушенной цитадели, а такой, каким я его видела в моём первом сне, когда он сидел в кресле и смотрел на открытые им Ворота.

Он посмотрел на меня, и было что-то в его взгляде, от чего мне хотелось отвернуться, но я не могла.

— Ты вызвала меня на Битву Мёртвых, — произнёс он, не вслух, а мысленно. — Значит, ты боишься меня... или ненавидишь?

Я собрала всё своё мужество, чтобы ответить честно:

— Я боюсь тебя, вернее, боюсь того, что ты можешь сделать, будучи тем, кто ты есть. Твоё время в Эскоре ушло. Не поднимай здесь снова своего знамени.

И как если бы мои затаённые страхи обрели реальность, чего я боялась больше всего, я увидела позади него развёрнутое знамя, жёлтое, как солнечный свет на золотом песке, и на нем скрещённые жезл и меч.

— Не поднимать знамя, — повторил он задумчиво. — Значит, ты думаешь, Каттея-волшебница, что мои дни прошли? Я не сержусь на тебя, потому что между нами никогда не будет властителя и подчинённого. И как знать, может ты ещё пожелаешь встать под это знамя. Призови его, когда понадобится.

Я собралась с силами, чтобы он не мог повлиять на меня.

— Я хочу только, чтобы ты оставил нас в покое, Хилэриэн, и не приходил в нашу землю. Я не желаю тебе зла, потому что уверена, что ты никогда не шёл со Тьмою. Но только оставь нас в покое и дай нам уйти!

Он медленно покачал головой.

— У меня нет армии, нет ничего, кроме меня самого. А за тобой долг, потому что ты назвала моё имя среди мёртвых. Когда настанет время, равновесие должно быть восстановлено.

Больше я ничего не помню. Остаток ночи я крепко

спала и проснулась с неопределённым предчувствием, что наступивший день будет полон опасностей и злоключений, хотя в первые часы после того, как мы оставили лагерь, мне показалось, что я ошиблась.

Мы поехали прямо на запад. Рентаны не мчались, как накануне, но всё-таки бежали очень быстро и, казалось, не чувствовали веса всадников. Вскоре мы узнали, что если сарны и серые и потеряли наш след, то мерцающее облако тумана обнаружило его и по-прежнему преследует нас. Скорость у него была больше нашей, хотя оно вроде бы с трудом догоняло нас.

Я видела, как двое зелёных, которые скакали в арьергарде, то и дело оглядывались назад. Я сделала то же, и мне показалось, что я вижу вдалеке мерцание. Наше беспокойство насчёт облака не было напрасным. Оно посылало вперёд какое-то влияние, притуплявшее наши мысли, туманившее мозг. Оно действовало на тело, так как каждое движение давалось с трудом. Даже рентаны начали поддаваться ему.

Яркий солнечный свет побледнел. Между ним и нами протянулась тонкая дымка облаков, и мы дрожали от холода, словно Ледяной Дракон вылез из своей берлоги и дышал на нас.

Наш бег сменился рысью, а затем и шагом, но и он с трудом давался рентанам. В конце концов передовой, на котором ехал Кимок, громко закричал, и все остальные остановились. До нас дошла мысль передового рентана:

— Мы не можем, пока эти чары не спадут.

— Эти чары, — быстро откликнулась моя мать, — выше моих способностей. Нужны знания другого рода. Я не имела дел с чем-либо подобным.

Холод моего тела сравнился с холодом моего внутреннего страха. Я была уверена, что мать может бросить вызов любому Злу в этой измученной стране и бороться с ним.

— Мне доступна магия воды, — сказала Орсия, — но она слаба против того, что сейчас охотится за нами. А ты Кимок?

Брат покачал головой.

— Я призывал великие имена и получал ответ, но я не знаю, какое имя может помочь нам против этого...

В этот миг я поняла, что одна я знаю — кто может встать против нашего преследователя. Я назвала его среди мёртвых тогда, сама не понимая, почему. И я призову его сейчас, на смерть, потому что нас уже опаляло её дыхание, и тот, кто вступит в эту битву, должен иметь такую мощь, какой нет ни у кого. Даже колдуньи Эсткарпа были бы здесь со всеми своими великими чарами бессильны.

Я могу позвать его, и он ответит и, может быть, погибнет. Так говорил мне мой страх. Может ли женщина обречь человека на смерть, если знает об этом заранее? Но однажды я уже сделала это.

Но в ту минуту в опасности была не только моя жизнь, а и жизни тех, кто может спасти будущее для этой страны. Я соскользнула со спины рентана и отбежала назад, в сторону невидимого существа. На бегу я звала его на помощь, как зовут уже погибшего.

— Я призываю... твоё знамя...!!!

Почему именно так я сформулировала свою просьбу — не могу сказать. Но тотчас мне ответила золотая вспышка через всё небо. Она несла с собой тепло солнечных лучей, которые так странно ушли от нас. Под знаменем стоял Хилэриэн. Не глядя на меня, он стоял лицом к тому созданию, и в его руке был не обнаженный меч, но жезл мага.

Он взмахнул жезлом, как воин салютует своим мечом, прежде чем нанести первый удар. Салют был чётким, официальным, он содержал вызов тому, что преследовало нас.

Последующего боя я не видела. Сполохи и мерцание до того усилились, что мне пришлось закрыть глаза, чтобы не ослепнуть. Но одну вещь я могла сделать и сделала: то что Хилэриэн просил у меня, когда он был ещё пленником Зандора, теперь я отдала ему добровольно, без просьбы. Я послала ему всю свою силу, весь Дар, опустошая себя полностью, до дна, не жалея с таким трудом обретенного.

Кажется, я упала на колени, прижимая к груди руки, но точно не помню. Я чувствовала только невероятную слабость и опустошение. Сколько времени это продолжалось — тоже не знаю.

Затем наступил конец. Я была высушена и опустошена, и пустота эта была глубже чем та, которую оставила во мне рана, нанесённая Динзилем. Я слабо подумала, что

это смерть. Что ж, так и должно быть. Я не боялась смерти, я хотела только покоя.

Неожиданно я почувствовала на плечах тепло рук, и они подняли меня. Это прикосновение вернуло меня к жизни, в меня опять вливалась Сила, но я уже не хотела этого, осознавая, что я наделала своим зовом.

— Ничего подобного!

Я всё-таки заставила себя открыть глаза и увидела вокруг не хаос и разорение, как я предполагала. Я встретила взгляд того, кто стоял рядом. Я узнала, что он не из породы Динзиля и ему подобных, которые ничего не дают, а только берут, и что в самом деле между нами никогда не будет ни власти, ни подчинения. Мы наравне, мы вместе. В словах не было нужды, и в мыслях тоже — скользнуло лишь быстро исчезнувшее удивление — как я могла быть такой слепой и одурманенной бессмысленным страхом.

И мы вместе пошли к тем, кто смотрел и ждал в стороне. Так открыватель Ворот стал защитником жизни и света, и на этом я заканчиваю свою часть саги об Эскоре.

* * *

Теперь мы были вместе. С нашей объединённой Силой мы странствовали и сражались, очищая страну от Тьмы, отгоняя её всё дальше, а когда она уползла в свои норы, мы с помощью Силы запечатали их. И когда большая часть страны была уже освобождена, мои родители вернулись в Эсткарп, куда влекло их сердце. Но дороги между нами были теперь открыты, а наши мысли могли долететь туда и обратно быстрее любых посланцев.

Мои братья и зелёный народ ушли из Долины поднимать новые земли. А я теперь гляжу из-за стен высокой цитадели, стоящей на мысу и окружённой морем. И сквозь пыль веков приходит новое пробуждение, обещающее быть плодородным и счастливым.

Оглавление

Трое против колдовского мира 3

Волшебник колдовского мира 151

Волшебница колдовского мира 329

Издательство
«Зеленоградская
книга»

издает собрание

сочи-
нений
Андрэ
Нортон

Книги
Андрэ
Нортон

ЭТО ПРОСТО
ФАНТАСТИКА!

По вопросам реализации
обращайтесь по тел (095) 536-50-94

Андрэ Нортон
КОЛДОВСКОЙ МИР

литературно-художественное издание

Ответственный редактор
Голованев М. В.

Художественный редактор
Прилипко К. В.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 01.02.93г. Подписано в печать 01.04.93г.
Формат 84 × 108/32. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 25,36.
Физ. п. л. 16. Тираж 100.000 экз. Заказ № 1343. «С — 8».

Верстка АО «Музыка сфер»

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Министерства печати и информации
Российской Федерации. 170024,
г. Тверь, проспект Ленина, 5.

АМБЕР ЛТД.

ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА
ВОЛШЕБНИК КОЛДОВСКОГО МИРА
ВОЛШЕБНИЦА КОЛДОВСКОГО МИРА